Дмитрий Беркутов

Романтик

Публицистический роман
Повести
Рассказы

Дмитрий Беркутов

Романтик

Публицистический роман
Повести
Рассказы

ББК 84-44 (2Рос=Рус)бя44
УДК 82-3.161.1
Б48

Сердечно благодарю
Президента благотворительного фонда «СТМЭГИ»
Захарьяева Германа Рашбиловича
за финансовую помощь в издании этой книги!
Желаю ему во всем удачи!

Автор

Произведения печатаются в авторской редакции

Беркутов, Дмитрий
Б48 Романтик: Публицистический роман, повести, рассказы / Д. Беркутов. — М.: КДУ, 2006. — 508 с.

ISBN 5-98227-278-7

Герои произведений Дмитрия Беркутова — неуемные, беспокойные и творческие люди. Они не идеальны: это живые люди, дети своего времени, со своими слабостями, ошибками, просчетами, неудачами и успехами, со своей романтикой, своими мечтами и чаяниями, личными и общественными устремлениями и разочарованиями.

Во всех произведениях, собранных в этой книге, остро поднимается проблема антисемитизма в России, проблема воспитания школьников и студентов педвузов, проблема подготовки будущих учителей школ, проблема творческого отношения к труду и много других проблем.

ББК 84-44 (2Рос=Рус)бя44
УДК 82-3.161.1

ISBN 5-98227-278-7

От автора

В этой книге все имена и фамилии в основном вымышленные. Если читатели узнают в персонажах себя или своих знакомых, автор за такое случайное совпадение никакой ответственности не несет. Если все же произойдут относительные узнавания, то это лишний раз подчеркнет, что схожие факты, приведенные в романе, имели или имеют место в нашей действительности, то есть, типичны.

Романтик

Публицистический роман

Обстоятельства переменчивы,
а принципы никогда.
О. Бальзак

Новое душевное потрясе Рувин Нисуев перенес в своей жизни в 1986 году. А произошла эта встряска по, казалось бы, банальной причине.

Летом того года он с женой дожидался на платформе Ивана Петровича, у которого они хотели купить хату с участком в деревне. «Я с утра зайду на завод, возьму свою трудовую книжку и к одиннадцати часам буду на платформе», — пообещал Иван Петрович.

И они терпеливо ждали его. А когда тот к назначенному времени не появился, Рувин подумал про себя: «Мужик он вроде умный и честный и, хоть и запаздывает, но обязательно придет. Вот только бы не засел с кем-нибудь обмывать свой уход на пенсию».

«Вот так всю жизнь: жди и майся», — пронеслось у Рувина в голове не без раздражения. Ох, как он этого не любил. Дожил до солидного возраста и, казалось бы, жизнь должна была приучить его к терпимости. Но нет. Такая неприязнь к беспардонству прочно засела в его неуемном характере, и ничто уже ее изменить не могло. «Каким ты был, таким ты и остался», — пропел он про себя с невеселой ухмылкой слова из песни. Он, человек пунктуальный и обязательный, всю жизнь страдал из-за неряшливости других.

Завелся — и мысли нахлынули беспорядочно. Почему-то вспомнил, как однажды в школьные годы написал стихи и показал их своему однокласснику, которого по юношеской наивности считал другом. А тот возьми и высмей его при всем классе: «Наш Рувин — великий поэт, а вы и знать об этом не знали, ха-ха-ха», — хохотал «друг» с ос-

тальными вместе. Рувин ушам своим не верил. «Я ему по секрету, по-дружески, а он плюнул мне в душу», — чуть не плакал он тогда от досады. «Предатель, тупица!» — возмущался Рувин про себя.

Сколько ж раз он еще будет доверяться так называемым друзьям, которые затем не только высмеют его, поднимут на смех, но и нагадят ему в жизни. А он все равно вновь и вновь станет ругать себя последними словами, называя неисправимым идиотом, круглым дураком, которому пора бы уже сделать для себя выводы — не доверяться никому и никогда. Но каждый раз ловил себя на мысли, что, наверное, он просто-таки уродился таким доверчивым, бесхитростным. Всю свою жизнь он, Рувин, по простоте души будет продолжать делиться своими секретами, взглядами, мечтами с людьми, которых по ошибке посчитает порядочными. А потом... обо всем том узнают другие. Эта его слабость много еще попортит ему кровь, отравит жизнь. И из-за нее он не раз еще будет страдать душевно.

Разочаровавшись в одних, он искал себе других друзей, полагая, что хрен редьки слаще. И конечно же, часто по молодости лет ошибался.

Для своих сверстников Рувин считался юношей не из мира сего. Во-первых, он был романтиком, наивным мечтателем. Во-вторых, быстро и хорошо научился играть в шахматы, был начитанным, любил русскую литературу и знал её хорошо. И самое удивительное, почему его недолюбливали, — это любовь Рувина к одиночеству. Да, он любил иногда оставаться наедине с самим собой. Вот почему он частенько приходил на городской железнодорожный вокзал и подолгу прогуливался по перрону, встречая и провожая пассажирские поезда, товарняки. А ещё здесь крутили музыку. Его тянули сюда и паровозные гудки, которые манили его в голубые дали, туда, где, как ему казалось, люди живут интересной и содержательной жизнью, где вообще люди не такие, как в его родном городке. Как же он мечтал вырваться отсюда, не видеть и не слышать отдельных своих одноклассников, которых он просто не переваривал. Как можно было уважать таких, если они не имели никаких интересов, ничем не увлекались, если они надсмеивались над теми, кто умнее них. Особенно раздражало Рувина то, как они после пустяшной, плоской шутки хохотали, держась за животы. Этот животный смех выводил Рувина из себя, и тогда он думал про себя: «Посчитаю за счастье, если больше не увижу морды этих тупиц». Он всегда считал, что смех без причины — это признак дурачины.

Скукой веяло от городка. Все горожане жили но одному принципу: хорошо подзаработать, хорошо пожрать, хорошо поспать и детей рожать. И Рувин сильно страдал. Ему было душно здесь. Ему хотелось простора! Здесь все было покрыто плесенью.

Вспомнил Рувин, как в разные годы у молодёжи менялась мода на одежду, на обувь. Девушки носили то длинные, то слишком короткие платья, юбки. А юноши состязались в брючках «дудочки», в брюки клёш. И интересовались такими «новинками» именно те, у кого никаких других интересов и не было. Никогда Рувин никому не подражал. У него уже в те годы вырабатывались свои принципы. И их он придерживался всю свою жизнь. Помнит Рувин, как однажды с негодованием бросил своё возмущение одному из своих пустоголовых одноклассников: «Только тупые, неумные люди гонятся за модой и слепо подражают западным пижонам!»

А как он всякий раз после скандальной ситуации по дороге домой или просто на досуге, оставшись недовольным тем, что и как ответил сгоряча своим оппонентам, с горечью рассуждал: «И каждый раз в нужный момент из-за волнения не нахожу нужных, веских доводов, которые были бы более убедительными. Жаль, что не всё, что хотелось бы сказать, пришло вовремя на ум!» В таких случаях он страшно нервничал, досадовал на себя, на свою беспомощность. Этот недостаток будет ещё долго преследовать его в жизни: и во время игры в шахматы, когда недодумает до конца ходы, и при работе над статьями. Преодолеть этот недуг Рувину придётся очень долго и путём огромных усилий.

...В тот день Рувин с женой прогуливался по платформе в ожидании хозяина хаты с участком, а мысли, так нежданно нахлынувшие на него, опережая друг друга, перескакивали с одной на другую.

Вспомнил, как однажды, зайдя в продуктовый магазин, он увидел там за прилавком своего бывшего одноклассника, который работал тут продавцом. Поздоровались. Разговорились.

— Наивный ты, Рувин, человек. И будто совсем не на Кавказе родился.., — выговаривал тот Рувина. — Как будто не видишь, как все живут. Все берут взятки. Врачи берут, директора заводов, прежде чем взять человека на работу, берут. Ждут взяток чиновники за свои подписи на документах, милиция берёт, судьи берут...

— Ну, прямо все берут, — наивно возражал Рувин. — А потом, если и берут, то разве это нормально?

— Да пойми ты, дурья твоя голова, без этого у нас жить невозможно. Хочешь жить — умей вертеться. Вот, к примеру, я. Если я не буду на вас, покупателях, зарабатывать свои копейки, то не смогу прокормить свою семью. Я, как и другие продавцы, свою мизерную зарплату ежемесячно отдаю заведующему магазином. Тот в свою очередь часть денег передаёт директору торга, а тот — заведующему торготделом горисполкома, а тот — министру или его заместителю. Целая цепочка. И все довольны. И все живут хорошо. Круговерть, друг мой. Вот так. А ты витаешь в облаках, живёшь в своём каком-то романтическом мире, — поучал Рувнна этот недоучка, бросивший школу после шестого класса.

— А порядочно обманывать таких, как я, и жить за наш счёт? И ты этим хвастаешься? Недовешиваешь, сдачи не отдаешь... Тьфу, как это противно и мерзко! — возмущался Рувин.

— Кому на хрен нужна твоя философия? Ты лучше знаешь, как нас уважают: «Будь добр, дай то-то, оставь, пожалуйста, то-то». Я всем нужен. Я — тебе, а ты — мне. Рука руку моет. И никакого образования тут не надо. Считать, писать можешь — и этого достаточно. А ты — институт, аспирантура... И что будешь в итоге получать? Мою недельнюю зарплату, то бишь выручку — не больше. Ха-ха-ха, — продолжал издеваться над Рувином этот безграмотный торгаш.

Он сделал паузу: думал, что Рувин ему возразит.

— Я больше тебе скажу, — не без гордости, что знает все «тайны» городской жизни, шёпотом продолжил он. — В нашем городе, повторяю, все берут взятки, начиная с первого секретаря горкома партии и кончая такими, как я! На твоих глазах часть жителей города торгует спиртами, коньяками, винами. Откуда всё это? Как будто ты не знаешь. Все крадут с завода. Руководство ворует по-крупному на машинах, а мелкота выносит в грелках, перевязанных на животах. Вот за счет ворованного и живут более или менее сносно. А то какая у них там зарплата?

...Наконец, с большим опозданием появился Иван Петрович. Глаза у него были маслеными. От него тянуло винными парами. Он мило и немного глупо улыбался. Извиняясь за задержку, стал оправдываться.

— Взял трудовую книжку, иду по коридору и вдруг встречаю «выпивоху» из своего цеха. «Надо обмыть, надо обмыть...» Пришлось раскошелиться. Распили по бутылке портвейна. Вдруг спохватываюсь, что

опаздываю к вам. «Всё! Меня ждут», — говорю я дружку. И ушёл. Еле вырвался — он хотел ещё по бутылке. Так что извиняйте.

Подошла электричка. Иван Петрович уютно расположился у окна и сразу задремал. Но уже через несколько минут он открыл глаза, достал платок, вытер пот с шеи, со лба и с возмущением проворчал: «Никто не проявит инициативы и не откроет форточки. Ведь душатся, дышать нечем, а не шелохнутся. Пусть, мол, кто-нибудь другой сделает это».

Иван Петрович злился. Рувин понимал, что тому душно ещё и от выпитого вина. Он всё-таки встал, попытался открыть форточку, но она не подалась. «Ну и чёрт с вами!» — в сердцах бросил он громко и сел на место. Он смотрел в окно и, не глядя в сторону Рувина, зло продолжал.

— Вот так во всём: никому ни до чего дела нет. Это ж надо. Сплошное равнодушие и безразличие. Возьмите наш цех, в котором я всю жизнь проработал. Ты вкалываешь, а тебя ненавидят. Почему? А ещё тебя выскочкой называют. Видите ли, ты хорошо работаешь, а им из-за этого нормы повышают. «Тебе, сука, больше всех надо?» — кричали на меня. «Но я ведь по-другому не могу работать», — отвечаю. — Что ж мне делать?» И чтобы замаслить их, приходилось выпивать с ними. Так и выпивохой стал. Они ж, гады, из хорошего человека скота сделают.

Он закончил свою «речь» и заглянул Рувину в глаза, желая уяснить, как тот реагировал на его рассуждения. Почувствовав в его взгляде сочувствие, продолжил свою философию.

— Убьют, ограбят и никто не шелохнётся, — всё больше распалялся Иван Петрович, — Вот так во всей стране. Э-эх, гниём по швам, мать твою... Куда мы катимся? Что с нами завтра будет?

Он говорил, глядя в окно, будто беседовал с кем-то за окном, и ждал оттуда ответа. Затем резко повернулся лицом к Рувину и выпалил: «Новый Сталин нужен! Да, да! Вот так вот.»

У него слипались глаза. В такой вот полудреме продолжил своё возмущение:

— А что будет с нашими детьми? Никому это не интересно. Каждый там (он кивком головы показал наверх) думает о себе, о своём кармане. Народные радетели нашлись, мать твою. — Он сделал паузу, заглянул Рувину в глаза и продолжил. — Вот мой сын. Он у нас майор, военный. Их сокращают. Да пусть сокращают, но ведь сначала надо подумать, куда и как этих ребят обустроить.

Ему стало не по себе, и он вновь достал платок и вытер пот с шеи, со лба. И вдруг, не выдержав духоты, выкрикнул: «Ну, кто-нибудь откройте форточки!»

Медленно поднялась женщина и, протянув, «мужики-то сидят и в ус не дуют, а женщина открывай», открыла форточку.

Слегка повеяло ветерком. От Ивана Петровича резче стали исходить винные пары. Хотя он и был в полупьяном состоянии, но рассуждал довольно трезво. Рувин был согласен почти со всем тем, что тот говорил. Больше того, Рувин был солидарен с ним, потому что всю жизнь и его беспокоили подобные проблемы.

Когда Ивану Петровичу стало немного легче дышать, он, улыбаясь во весь рот, весело произнёс: «Во хорошо-то!»

— Что я говорю-то, — затем вновь пустился он в рассуждения. — Когда я немного задремал, сон приснился мне, будто меня за пьянство с работы выгнали. Вот почему ещё мне стало так дурно. Когда открыл глаза, то вспомнил, что сегодня я уволился в связи с уходом на пенсию, и успокоился, — его глаза глуповато улыбались.

Вдруг Иван Петрович резко встрепенулся, вспомнив о чём-то, затем полез во внутренний карман пиджака и, покопавшись там, достал новенькую трудовую книжку. Погладил её рукой, потом раскрыл и слегка заплетающимся языком залепетал:

— Загляните сюда. Нет-нет, загляните, — настойчиво повторял он, протягивая Рувину свою трудовую книжку, — Во, всего две записи, — он тыкал пальцем в книжку. — Принят такого-то, уволен в связи с уходом на пенсию такого-то.

Рувин понимал, что Иван Петрович хотел убедить его в том, каким добросовестным и безупречным был он на работе. Ну, конечно, ещё и решил похвастаться перед ним.

— Всего две записи, — продолжал он повторять и при этом держал книжку прямо перед носом Рувина. — Такое редко встретишь!

Рувин взял его трудовую книжку, прочитал записи.

— Во-во. В таком-то принят... — он вдруг замолк, опустил руку, закрыл глаза и сразу задремал. Он прислонился к окну, голова у него повисла и вскоре он вовсе заснул.

Между тем Рувин, задумавшись, вертел в руке его трудовую книжку. «А я, друг мой, всю жизнь менял места работы», — глубоко и тяжко вздохнув, произнёс он про себя. И сразу на душе стало печально. Грустные мысли стали одолевать его при воспоминании об этом. «Но как

о многом могли бы поведать записи в моих трудовых книжках! В них — целая человеческая жизнь!» — подумал Рувин, всё больше мрачнея.

Конечно, как и каждый человек, которому уже за шестьдесят, он тоже иногда, нет-нет, да и вспоминал отдельные эпизоды из своей биографии, анализировал свои и чужие поступки, давал им оценки. Радостного было очень мало.

Вот так банально началась у Рувнна новая душевная встряска. Теперь почти каждый день он мысленно возвращался к записям в своей трудовой книжке. В течение нескольких дней ходил Рувин под впечатлением от той поездки с Иваном Петровичем в деревню. И при этом на память назойливо приходило одно и то же высказывание, записанное в его юношеском дневнике: «Не вините обстоятельства в своих неудачах. Вините самого себя...» По молодости лет Рувин был полностью согласен с автором этих слов. Но по мере того, как порой гадко и мерзко складывалась его трудовая биография, он всё сильнее убеждался в том, что именно обстоятельства становились причиной многих его невзгод, неприятностей. А обстоятельства эти ведь создавали не кто-нибудь, а сами люди, которые в той или иной степени имели власть и от которых зависела и судьба Рувина. Себя же Рувин мог винить только в тех случаях, когда допускал явные просчёты, ошибки. Их тоже Рувин в своей жизни допускал немало.

Вдобавок ко всему, помнит он, как жена Ася пилила его, упрекая из года в год в одном и том же: «На кой чёрт ты пошёл учиться на учителя? Чтобы гроши зарабатывать? Ты сам во всём виноват. Поэтому ты такой бедный. Запомни: среди волков жить, надо по-волчьи выть. Надо приспосабливаться, приноравливаться, хитрить, лукавить, льстить, угождать! Сам видишь: в прошлом году сколько человек приняли на ваш факультет по блату? Деньги разделили, а тебя даже в приёмную комиссию не включили, хотя ты вроде и заместителем декана являешься. Боятся тебя, что выдашь. Кому нужна твоя принципиальность!»

Он не отвечал ей, не спорил с ней. И вовсе не потому, что был согласен с ней. Просто они были совершенно разных мнений и взглядов на жизнь. О, как она ещё долгие годы будет терзать его душу подобными «советами», упрёками! Особенно, когда у них будет уже трое детей. «Девочки хотят велосипеды, — стыдила она его, — а ты не имеешь денег на их приобретение. Благодари бога, что на заводе мне хорошие премиальные выплачивают. Что ж ты за мужчина?»

И он буквально на глазах седел, «зарабатывал» всякие болезни на нервной почве. И всё же, несмотря ни на что, был доволен своей неукротимостью, одним словом, тем, что оставался самим собой!

Все эти мысли проносились в голове Рувина беспорядочно, как бы «транзитом». Он старался упорядочить их, припомнить, как, по каким причинам он менял не только места работы, но и города. Теперь он «заболел» этими вопросами, и каждый день, каждый месяц, из года в год, нет-нет, да мысленно возвращался к ним.

...Рувин, будучи девятиклассником, руководил шахматным кружком в женской школе. Трёх его подопечных пригласили принять участие в женском чемпионате республики, и он отправился на железнодорожный вокзал, чтобы записать расписание поездов. Было это 5 марта 1953 года.

Он был уже на привокзальной площади, как вдруг громко заговорил станционный репродуктор: «Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза...» Рувин резко остановился: он понял, что стряслось что-то непоправимое. Голос Левитана твёрже обычного скорбно передавал: «Сегодня... умер Иосиф Виссарионович Сталин... Смерть наступила... Всё прогрессивное человечество понесло невосполнимую утрату...»

До сознания Рувина доходили только отдельные слова: «умер... Выступит Вячеслав Михайлович Молотов...» Железный голос Левитана сковывал, заставлял содрогаться, цепенеть.

Помнит он, как сухой ком застрял тогда у него в горле. Он стоял как вкопанный на том месте, где его и застала это страшное известие. И подумалось ему, что, наверное, сейчас в стране всё застыло неподвижно: заводы, фабрики, поезда, пароходы...

С именем Сталина для него, семнадцатилетнего юноши, да и для всех других, в первую очередь была связана победа в Великой Отечественной войне, в которой участвовали и его отец с младшим братом, оставшимся лежать на поле брани, и два брата его матери, младший из которых захоронен в украинской земле. С именем Сталина были связаны и восстановление разрушенного войной хозяйства, и первые послевоенные сталинские снижения цен... Для него, как и для всего его поколения, слова «великий Сталин», «великий вождь» были символами всего святого. Для них слова «жить и работать по-ленински» означали «жить и работать по-сталински». Их так воспитывали. И потому

никто сейчас не смеет укорять их за ту преданность делу партии, за ту любовь к Сталину.

Тот день 5 марта сыграл определённую роль в возмужании Рувина: он почувствовал себя повзрослевшим, серьёзным... Может быть, тогда и написал он свой диалог с жизнью. Эта запись сохранилась у него до сих пор. Он покопался в своём «архиве» и нашёл эту запись: «Жизнь! Сколько на земле сказано о тебе! Сколько инженеров человеческих душ посвятили тебе страницы своих прекрасных произведений! Казалось бы, все твои трудные вопросы разрешены или разрешаются, а ты всё же течёшь по избранному тобой пути. И никто не в силах остановить твой бег, твой быстрый ход! Ну что ж. Течёшь? Ну и протекай. Только порой дай возможность освежиться в твоих потоках. Дай напиться твоей влаги, которая способна оживить душу и тело. Даже если буду нетерпеливо пить и давиться своими глотками, то всё равно я согласен. Но запомни, жизнь, я всё же напьюсь. Да, да напьюсь досыта, как бы быстротечна ты ни была. У меня хватит сил остановить твой бег. Я смогу сделать это! И я это сделаю. Ты злишься, жизнь? Ну что ж, злись. Мы с тобой ещё посоревнуемся. Если даже я не добьюсь полной победы, то всё же я наслажусь этой борьбой. А по ходу борьбы я наберусь сил, много, много сил. Я наслажусь не только борьбой, но и тобой, жизнь! Ведь ты бываешь прекрасной? Бываешь! А я люблю всё прекрасное. Я люблю правду. Я люблю справедливость. Так что лучшие твои черты с годами перешли ко мне, и я стал вдесятеро сильнее тебя! Теперь ты поняла, жизнь, что я выиграю поединок с тобой! Вот почему, когда я переиграю тебя, то во весь голос, во всю силу крикну людям: «Я счастлив и с радостью шагаю по земле... и по жизни!!!»»

Как бы то ни было, жизнь для Рувина продолжалась. Он перешёл в десятый класс. Он ещё не знал, что через два года в его трудовой кннжке появится первая запись: «Общий стаж работы руководителем шахматного кружка восемь месяцев...»

Удивительная штука жизнь. Нежданно-негаданно в ней происходит такое, что диву даёшься. Как-то, не помнит сейчас Рувин, по какому поводу, к ним заглянула его троюродная сестра Рива. Она была года на три-четыре старше Рувина. Смуглая, с красивыми чертами лица, статная, кареглазая, с коротко остриженными волосами, которые очень мило выделяли её аккуратную головку — всё это соблазняло в городке молодых мужчин. Ей не было и двадцати, когда мать вы-

дала её замуж. Но так как она его не любила, то вскоре и развелась. Так в 22 года она превратилась в молодую «вдовушку», потому что в шутку говорила, что похоронила своего муженька.

В беседе с матерью Рувина Рива сообщила, что прописалась и живёт в Москве.

— Я на днях выезжаю туда. Отдохнула у матери — теперь возвращаюсь назад. Сейчас у Рувина каникулы, давайте я возьму его с собой. Пусть познакомится с Москвой. Остановится у двоюродного дедушки на Соколе. Или у дяди Юсуфа в Ногинске. А пожелает, то, пожалуйста, может жить у меня — я арендую комнатку, — и Рива выпалила всё это страстно, убедительно, мило улыбаясь.

Рувин своим аналитическим умом уловил «коварный» замысел Ривы. Он знал, что очень нравится ей и понимал, что она хочет затянуть его в свои любовные сети. «Она, наверное, хочет поступить так, — размышлял Рувин, — сначала затянет меня к себе в постель, затем, насладившись, скажет, что забеременела. Или постарается превратить его в своего постоянного любовника. Вот и вся игра.»

Как бы там ни рассуждал Рувин, у него при этом разговоре Рнвы с матерью заискрились глаза. Отодвинув все свои мысли в сторону, он зацепился за саму идею. И он стал вместе с Ривой уговаривать мать отпустить его с ней.

Вечером мать переговорила с отцом — и разрешение было получено.

Всё это произошло летом 1955 года. Сначала он пожил у двоюродного дедушки, затем перешёл к дяде Юсуфу. Однажды Рувин позвонил Риве домой и поехал к ней на 14-ю Парковую улицу. Она встретила его в нижнем белье и, как только он вошёл в комнату, весело пропела «ой-ой» и нырнула в постель. «Могла бы одеться заранее, ведь знала, что я еду к ней», — рассуждал Рувин. Но тут же поймал себя на мысли, что он всё же верно угадал коварный замысел Ривы. Поэтому, коротко рассказав ей о своих делах, Рувин вскоре покинул её, твёрдо решив больше не появляться у неё: уж очень нагловато, пошловато хотела затянуть она его в постель.

Рувин пешком обходил всю старую Москву, наблюдал за строительством первых высотных зданий, а по вечерам в парке Горького слушал музыку, танцевал с девушками на площадках, иногда захаживал к дяде Юсуфу в прокуратуру, где он работал первым заместителем прокурора района.

— Как тебе Москва? — спросил однажды дядя Юсуф, когда Рувин в очередной раз посетил его на работе.

— Чудесно! Красиво! — с восхищением отвечал Рувин. — Вот бы остаться здесь, — мечтательно намекнул Рувин, и при этом его глаза хитро заулыбались.

Дядя молчал, что-то обдумывая. Он, задумавшись, смотрел в улыбающиеся глаза племянника.

— Дядя, а что если я повторно поучусь в десятом классе в московской школе? — не дождавшись от него ответа, вновь заговорил Рувин. — Легче будет поступить в институт, — робко заключил он.

— Да, но тебе надо где-то жить, прописаться... — и дядя вновь задумался. А потом, ударив ладонью об стол, решительно заявил: «Хорошо. Ищи себе угол в этом районе и потом поговорим».

Рувин вышел от дяди окрылённый. Сразу бросился искать комнатку или угол в Мещанском районе, где работал дядя. К вечеру, усталый и разочарованный, он поехал к дедушке на Сокол. Переспав на кухонной кушетке, он рано утром вновь пустился в поиски жилья.

— Скажите, пожалуйста, у вас во дворе кто-нибудь из старых людей не взял бы меня к себе квартирантом? — обратился он к двум женщинам, стоящим у ворот одного дома.

— Знаете что, молодой человек, мы вам назовём одного старого мужчину, но вы не говорите ему, что мы направили вас к нему. Договорились?

Рувин поднялся на второй этаж трёхэтажного кирпичного дома и нажал на одну из кнопок. Через минуту-вторую в дверях появилась женщина с худым, измождённым лицом, но с доброй улыбкой.

— Слушаю вас, молодой человек, — с доброй ноткой в голосе обратилась она к Рувину.

— Я ищу угол. Мне подсказали, что у вас здесь живёт старик... — робко пролепетал Рувин.

— Старик-то есть, но возьмёт ли он квартиранта? — засомневалась она. — Вот его дверь. Только стучите сильнее, а то он глуховатый, — посоветовала женщина.

— Кто там? — послышался из комнаты слегка обеспокоенный голос.

Когда дверь открылась, Рувин увидел высокого слегка согбенного худощавого голубоглазого старика в очках.

— Чем могу служить? — с некоторой тревогой спросил старик, увидев чернявого молодого человека.

Понимая, что в дверях объясняться с глуховатым стариком будет тяжело, Рувин, мило улыбнувшись своими красивыми карими глазами, крикнул старику на ухо:

— Пригласите, пожалуйста, меня в комнату.

— Да, да, — засуетился старик, тоже мило улыбнувшись своими голубыми глазами.

Они познакомились. Звали старика Алексеем Кузьмичом. Было ему за 70 лет. Он плохо видел и очень плохо слышал.

— До Советской власти я служил главным бухгалтером на крупной табачной фабрике у еврея, — стал рассказывать он о себе. — Эти четыре комнаты были все мои. Советская власть «раскулачила» меня: отняла три и оставила мне одну эту большую комнату. Два сына женились и ушли. Дочь вышла замуж и тоже ушла, жена умерла. И вот я остался здесь один. В бывших моих комнатах живут... — и он, брезгливо сморщив лицо, добавил, — всякие там...

Старику Рувин понравился, и он согласился прописать его у себя. В тот же день Рувин доложил дяде Юсуфу о результате своего поиска. На второй день с письменным согласием Алексея Кузьмича они отправились в отделение милиции к начальнику паспортного стола.

— Есть, товарищ Данилов, — весело ответил на просьбу дяди Юсуфа начальник. — Сделаем.

И Рувин стал москвичом сроком на девять месяцев. Теперь легче было уговорить родителей, чтобы они дали согласие на его учёбу в Москве: как-никак они должны были оказывать ему материальную помощь. И эту миссию взял на себя дядя Юсуф.

— Если ты, брат, возьмёшь на себя заботу о нём, то я согласна, — ответила мать по телефону.

На другой день дядя весело известил Рувина: «Можешь учиться. Я побывал в одной из школ района. Поговорил с директором. Там тебя ждут. А пока съезди домой, забери свои пожитки, документы — и назад».

Два дня в пути до дому показались Рувину вечностью — очень уж хотелось быстрее вернуться в Москву. Поэтому пробыл дома всего день и собрался в обратную дорогу. Настроение было приподнятое. Ещё бы, он будет жить и учиться в столице! Но одно обстоятельство омрачало его радость — это предупреждения отца. Он посадил его рядом и сказал:

«Сын, запомни, к сожалению, у нас в стране многие не любят евреев. Тебе придётся скрывать свою национальность. Будь бдительным. В сомнительные компании не лезь. В паспорте у тебя записано, что ты тат. Ты — тат! Понятно? Если проболтаешься, что ты еврей, дядя Юсуф не одобрит этого и постарается вернуть тебя домой. Он ведь тоже тат. Не подводи его. Будь аккуратным во всем. Договорились?

Рувин поначалу хотел было возразить отцу, что, мол, такого антисемитизма быть не может, но смолчал. Он решил поговорить на эту тему непосредственно с дядей Юсуфом в Москве.

«Да не может такого быть, папа», — рассуждал Рувин про себя уже в поезде, который вёз его в Москву. «Не будь наивным, сыночек, ты потом сам поймёшь. А пока мой отцовский долг — предупредить тебя,» — вспомнил Рувин слова отца. И горько стало у него на душе. В его родном городке никогда национальный вопрос не стоял ни перед кем. Он, этот город, был многонациональным и дружным. Люди здесь жили одной семьей, душа в душу. По крайней мере ему так казалось. Все народности проявляли веротерпимость, и никто никогда не задумывался над тем, кто какой национальности. Все одинаково уважали и любили порядочных и умных, независимо от национальности. И все одинаково терпеть не могли дураков и подлых, какой бы национальности они ни были!

В правоту отцовских слов Рувин поверит лишь тогда, когда дядя Юсуф «прочитает» ему на эту тему целую лекцию. Затем его школьный приятель в новой школе Леонид Ратнер расскажет ему об открытом антисемитизме, царившем в Москве. Вот почему среди евреев-москвичей в середине пятидесятых годов по рукам ходили тексты стихов Ильи Эренбурга и Маргариты Алигер. В них один спрашивал: «Скажите, в чём мы виноваты?», а другой отвечал: «Мы виноваты в том, что мы евреи». Свежи были в памяти людей «Дело врачей», когда выдающихся учёных-врачей казнили на ложном основании, тем самым придав антисемитизму государственный статус.

Вскоре Рувин об этом временно позабудет: он увлечённо окунётся в школьную жизнь. В классе он окажется старше всех своих одноклассников: ему было 19, а им по 17–18 лет. Стройный, кареглазый, черноволосый, он сразу приглянулся девушкам! Они с самого начала учебного года стали его обхаживать. И юноши тянулись к Рувину. Они по-доброму завидовали ему как шахматисту первого разряда, прекрасно знающему литературу. Он нравился и учителям —

они его называли интеллигентом с периферии! А он не придавал всему этому особого значения, ему было не до этого. Он мечтал только об одном: поступить на филологический факультет знаменитой «Ленинки»! И серьёзно готовился к предстоящим вступительным экзаменам. Но не знал Рувин, что чуть позже по своему же собственному малодушию он потеряет возможность стать студентом этого популярного вуза.

Много времени занимали у Рувина занятия в шахматном клубе «Локомотив», что на площади трёх вокзалов. Приятно было Рувину, что их тренером был известный международный мастер Фёдор Иванович Дуз-Хотимирский! На всю жизнь запомнил Рувин, как однажды Фёдор Иванович, следивший за его партией, нагнулся к нему и с улыбкой шепнул: «У тебя есть творческая жилка, искра. Старайся не пропускать занятия. Ты можешь стать сильным мастером!»

Теперь его, Рувина, тешат лишь одни воспоминания. А тогда, когда чуть позже у него появятся всякого рода интересы, он постепенно забросит тренировки в «Локомотиве». «Впустую провёл время, а ведь мог стать неплохим шахматистом», — думал он много лет спустя. Сожалел он об этом и страдал оттого, что не хватило ему силы воли.

В те дни его хозяин Алексей Кузьмич «читал» ему свои лекции на женские темы.

— О-о, как в твои годы я давал жару, — с искрящимися голубыми глазами говорил он Рувину. — Надо, надо тебе попробовать женских прелестей, — убеждал Рувина старый волокита. — О-о, каким я пользовался успехом у женщин! И ты, мой друг, красавец! Так что — в бой!

Старик жил своими воспоминаниями. Они добавляли ему адреналина. Он нравился Рувину своим азартом, остроумием, любовью к жизни. Алексей Кузьмич оказался весёлым, жизнерадостным человеком, юмористом и, несмотря на свои годы, шустрым и подвижным. Когда Рувин входил в комнату, старик прикрывал очки ладонью, чтобы они не отсвечивали, прищуривался и спрашивал: «Рувин, это ты?» При этом он продолжал держать у самого уха маленький радиоприемник.

— Ты знаешь, Хрущёв выступает, хе-хе, — весело хихикал он в знак пренебрежения. — И что он несет — это ужас.

А потом, видя, что Рувину это не интересно, откладывал приемничек и с хитроватой улыбкой в своих тусклых голубых глазах спрашивал:

— Ну, нахватал двоек? Шучу, шучу. Все нормально? Ты ел? — и, поняв, что нет, выражал мимикой ужас и добавлял. — Погубишь свой желудок, попомни мои слова.

И лишь спустя несколько лет, поймёт Рувин, как старик был глубоко прав. И такая убеждённость придёт к нему, когда он успеет заработать всякие там гастриты.

Но если бы молодость знала...

Однажды старик сказал:

— Рувин, ты знаешь, мне скоро стукнет 75, и я решил отметить этот юбилей. Хочу пригласить сына Николая с женой, дочь Изабеллу с мужем, невестку Зину с дочкой Галей. Как ты думаешь, справимся?

— Конечно, — бодро ответил Рувин, заинтригованный предстоящим знакомством с его детьми.

— Заодно, честно говоря, хотел представить тебя им. По телефону я о тебе много рассказывал им. Очень уж ты мне родным стал. Хороший и порядочный ты парень, скажу я тебе. А поначалу, признаюсь, я боялся и думал, что ты какой-то там дикарь с Кавказа. Успокаивало то, что у тебя аристократическое лицо. И я не ошибся!

Алексей Кузьмич купил колбасы, селёдки, провансального салата, хлеба, конфет, выпивку — три чекушки водки и две бутылки Кагора. Когда Рувин вошёл с тортом в руке, стол был уже накрыт. Рувину осталось только расставить рюмки, бокалы, нарезать хлеба, разложить салфетки.

— Нормально, Рувин? — с беспокойством спросил старик, обводя взглядом «наряженный» стол.

— Нормально. Хорошо. Не волнуйтесь, — успокоил его Рувин.

— А теперь, Рувинчик, сядь поближе, и я расскажу тебе о своих. Так вот. Николай — младший сын. Он неплохой, но очень уж безмятежен. И деньги не может зарабатывать. Да и его жена, по-моему, гуляет от него. Так ему и надо. С детства слабохарактерным рос. Весь в покойную мать. А Изабелла — красавица у меня. И с характером. Та в меня! Вот ты увидишь ее! Мне кажется, что она могла бы лучшую партию себе найти. А то этот ни то, ни сё. В Мосфильме она работает. Не в массовках, а... как это, в эпизодах что ли выступает. За каждый час по 5 рублей получает. Погуливает. И правильно делает. Мужчины в покое не оставляют. Старший сын, Виктор, просто глупо погиб. Сворачивал с одной улицы на другую — и вдруг шальная пуля, предназначенная бандиту, попадает в него. Насмерть. Глупо. Ой, как

глупо. Хороший парень был, — Алексей Кузьмич достал платок, высморкался, затем протёр глаза, предварительно приподняв очки. — На армянке был женат, — продолжил он. — Зиной её зовут. И народила она ему трёх девочек. Виктор погиб, когда все ещё маленькими были. Старшая — красавица. Ох, красавица! Вот ты увидишь её сегодня. Вся в отца. Зина — так себе армяночка. Но, правда, хорошая, умная. Но, как бывает в жизни, как осталась без мужа, стала погуливать. Приводила домой всяких там и на глазах у девочек отдавалась за деньги или за угощения разным проходимцам. Трудно было ей прокормить трёх девочек. Время-то было военное. Но Галя, скажу тебе, красавица! Жадная до мужчин. Особенно до красивых. Я хочу, чтобы ты с ней занялся любовью. Муж у неё неплохой парень, но она его не любит. Он старший лейтенант, военный. Знаешь, как они познакомились? О-о, это целая история. Я уже говорил, что Зине было трудно с ними: ни накормить досыта, не тряпья купить не может. Когда Гале было уже лет 14, к ней стали приставать мужчины. По указанию матери она приводила их домой, а когда те напивались, вместо себя подставляла мать. А сама в это время карманы очищала. Вот что жизнь делает с людьми. Но так как так долго продолжаться не могло, она вошла в компанию соседских мальчишек-воришек. И стала карманным вором. Как она рассказывала, главарь банды, естественно, трахался с ней, когда желал. Она сделала два аборта и после этого ни разу уже не беременела. Всё. Годы уже были послевоенные: холод, голод, разруха. Люди жили по принципу «кто смел, тот и съел». Страшное было время. Так вот, когда ей исполнилось 18, полезла она в трамвае в карман молоденькому офицеру. А тот и схватил её за руку. Вывел он её на улицу и пригрозил, что отдаст в руки милиции. Она в плач. Посмотрел он на неё внимательно — перед ним стояла красавица! Пожалел он её. Разговорились. Галя рассказала о себе, матери, сестрах. И предложил он ей выйти за него замуж. И отправились они к Зине. «Познакомься, мама. Это мой муж,» — не сдержав смеха, сообщила она матери. И рассказала, как и при каких обстоятельствах познакомились. А Зина и говорит: «И смех, и грех!» Понимала Зина, что выйди Галя замуж за офицера, будут они материально обеспечены. И, главное, он оторвёт дочь от банды, от случайных интимных связей с мужчинами... И дала согласие. Вот с тех пор и живут они вместе. Живут-то живут, а детей-то нет. А однажды она призналась ему, что когда-то ей сделали неудачный аборт, И тогда решил Гена

(так его зовут), который в Гале души не чает, взять девочку с детского приёмника. О-о, такую куклу подобрали! Блондиночка, просто красавица. Ей сейчас два годика. Чудная девочка!

Живут они вроде бы согласно, но Галя по инерции погуливает иногда. Не всем бросается на шею, а только тем, кто очень уж понравится. Зина с Галей обещали сегодня быть. А Гена на дежурстве,

— А что с бандой воришек? — поинтересовался Рувин.

— Тут всё образовалось просто. Скажем, повезло Гале. Некоторые из её «дружков» попались. И главаря взяли. А к остальным Гена подошёл и предупредил: «Если вы Галю не оставите в покое, все будете там.» Так с тех пор и отстали. Гена худенький парень и, казалось бы, бандюги могли с ним запросто расправиться. Но уж больно напугала их его офицерская форма. Военных тогда ещё по инерции и уважали, и боялись. Вот такая вот история. Жизнь, как и искусство, требует жертв! Трудно будет Зине: на подходе две другие девочки. Ведь как в жизни? Как аукнется, так и откликнется. Теперь они дадут ей жару. Честно скажу, все девочки в Зину пошли: все слабы на передок. Вот у Зины была младшая сестра. Умерла она. Покойная без разбора ложилась под каждого. Бог меня простит. Конечно, таких понять можно и должно: вдова, муж погиб на фронте, на руках двое маленьких детей... Тяжело! Но без разбора? На глазах у детей? Понимаешь, Рувин, обвинять легко, но жизнь диктует свои законы, требует своё. Ну да ладно, скоро гости соберутся, — и он, как будто и не было тяжёлых воспоминаний, улыбнулся и озорно произнёс, потирая руки:

— Что мы ещё забыли на стол?

Гости стали собираться. Первыми заявились Николай с женой, затем появилась Изабелла с мужем. Да, действительно, эта женщина была очень хороша собой! Особенно украшали её лицо голубые отцовские глаза. Зина с Галей пришли с небольшим опозданием — укладывали спать девочку.

— Вот и моя красавица! Вот моя внучка пришла! — чмокнув Галю в губы, торжественно воскликнул Алексей Кузьмич, потирая от удовольствия руки.

Все расселись за столом. Рувина старик посадил рядом с собой, так что он оказался напротив Гали. Она так пожирала Рувина многообещающими взглядами, что ему, ни разу не бывавшему в жарких женских объятиях, стало не по себе, и он вскоре, извинившись, ушёл.

Когда поздно вечером Рувин пришёл домой, Алексей Кузьмич, всё ещё находясь в возбуждённом состоянии, живо забросал Рувина вопросами.

— Ты чего ушёл? Где гулял столько времени? Какова Галя?! Как тебе моя Изабелла? А ты им очень понравился! Интеллигентный, говорят, красивый парень. По секрету скажу: и Изабелла, как я понял, зуб на тебя положила. Так что она непрочь была бы переспать с тобой! Она у меня хорошо разбирается в людях. А что? А, Рувин? — говорил и говорил старик без умолку. И добавил: «Это благодаря тебе притащились все они. Я же по телефону все уши прожужжал им, расхваливая тебя. А так их годами не затащишь...»

Алексей Кузьмич был безмерно рад, что повидал всех своих разом и был доволен тем, что его квартирант понравился всем без исключения. Он вёл себя по-детски забавно, глаза его сверкали радостью. Он потирал руки от удовольствия.

— Но я тебе не всё сказал, — интригующе заявил он. — Зина с Галей в гости нас пригласили на воскресенье. Пойдём?

— Пойдём, — с улыбкой ответил Рувин, понимая, чего от него хочет эта Галя.

Когда в воскресенье они приехали к Зине, первое, что бросилось в глаза, — это теснота в коридорчике, где двоим нельзя было развернуться, затем сама комнатка, в которой стоял стол, комод, три кроватки.

Заметив его удивление, Зина объяснила:

— Это была большая комната. Все мы раньше жили в ней — и ничего было. Когда Галя вышла замуж, мы из неё сделали две. Галя покажет вам свою половинку.

Они выпили, поболтали и вдруг Галя предложила Рувину: «Теперь прошу ко мне», — и она рукой пригласила Рувина к себе.

В детской кроватке забавлялась маленькая блондиночка. Рувин угостил девочку конфеткой, поговорил с ней и спросил:

— Сколько ей?

— Скоро два годика будет. Правда чудесная? — нежно улыбаясь, спросила Галя.

В эту минуту Галя была обворожительна. Рувин зачарованно смотрел на неё. Он обвёл её фигуру долгим проникающим взглядом и вдруг заметил, что вместо платья на ней был накинут ситцевый коротенький халатик, который был небрежно застегнут на одну пуго-

вичку, так что при резком движении вырисовывались все её прелести — она была без трусиков. Рувин стал терять самообладание. Кровь ударила в голову, и он, как в бреду, бросился её целовать, прижимать к себе. Он не ведал, что творил. Он продолжал её страстно целовать в грудь, шею, губы, глаза. И она не оставалась в долгу: она так мастерски засасывала его язык, прижималась к нему, тёрлась об его прелести, охала, ахала, что при этом ни разу не открыла глаза. Она стонала, издавала дикие звуки, забыв обо всём и обо всех на свете. Халата на ней уже не было — он валялся на полу. Рувин стремился свалить её на халат, чтобы заняться с ней любовью, но она продолжала настраивать себя, входя в экстаз.

Рувин пришёл в себя лишь тогда, когда в дверях появилась Зина.

— Вы всё? — как ни в чём ни бывало, спросила она. — А-а, вы только начинали. Я извиняюсь... но старик уже уморился и хочет уехать домой.

— Ты ещё придёшь? — как-то дико, глухо спросила Галя, медленно поднимая халат с пола.

— Не знаю, — безразлично и обиженно буркнул Рувин.

Он злился на неё. Он решил, что никогда больше с этой развязной и капризной красавицей не встретится. — «Только для себя старается, эгоистка», — негодовал Рувин.

Как ни странно, но Рувин вскоре вообще позабыл и об этой красавице, и об этом эпизоде — будто и не было ни той встречи, ни тех поцелуев.

Но последующие события разворачивались как хорошо написанный сценарий. Все родственницы Алексея Кузьмича начали по очереди домогаться Рувина. Сначала Изабелла стала названивать, чтобы справиться о здоровье отца, хотя раньше за ней этого не наблюдалось. Зная, что отец всё равно ничего не слышит, она просто беседовала с ним, Рувином, о том, о сём. А как-то, позвонив в очередной раз, предложила ему приехать к ней домой, пообещав показать какие-то редкие антикварные книги. Но Рувин понимал, что на самом деле ей надо, и всячески отказывался от приглашения, ссылаясь на занятость в школе. Вскоре она перестала звонить. Потом раза два звонила Зина и приглашала в гости, соблазняя тем, что его очень хочет видеть Галя. А он отвечал, что подумает...

А однажды, когда Рувин пришёл со школы, то увидел старика, беседовавшего с двумя молодыми женщинами.

— Вот и Рувин, — будто они дожидались его, воскликнул Алексей Кузьмич. — А это племянница Зины, — указал старик на одну из женщин.

«Целую охоту устроили на меня, — мелькнуло у Рувина в голове. — Наверное, Зина перехвалила меня, наговорила всяких комплиментов, поэтому и заинтриговала свою племянницу. Надо ж, притащилась поглазеть на меня, как на редкий экземпляр», — размышлял Рувин с ухмылкой.

С угрюмым, безразличным видом Рувин протянул женщинам руку и сел на свою кровать.

— Были в ваших краях и решили Алексея Кузьмича проведать, — объяснилась худощавая черноволосая и очень бледноватая женщина.

«Как они сразу все стали хором заботиться о моём старике, — подумал Рувин. — Как, однако, все это выглядит цинично, пошло!»

Перекинувшись двумя-тремя ничего не значащими фразами, гостьи собрались уходить.

— Рувин, уже темно, может, ты того, проводишь их домой?— хитровато улыбаясь, попросил старик.

И Рувину пришлось выйти с ними. «Как же старик желает, чтобы я занялся с кем-нибудь любовью!» — удивлялся он настойчивости старика.

За разговором Рувин не заметил, как они пешком дошли до ВДНХ.

— Вот тут недалеко и живём мы, — весело заговорила всю дорогу молчавшая блондинка. — Пойдёмте к нам в гости. С мужем Ваней познакомлю.

— Я прошу вас уважить нас, идёмте, — стала умолять его племянница Зины.

— Ладно, идёмте, — пожалел Рувин эту худую черноволосую женщину.

Иван подпольно занимался ремонтом обуви. Женщины завели Рувина к нему в мастерскую, познакомили гостя с ним. Сразу на станке появились два пустых ящика, которые накрыли газетами, и вскоре на импровизированном столе появились селёдка, солёные огурцы, хлеб и бутылка водки. Рувин, не привыкший много пить, быстро захмелел. Он уже желал броситься в постель с любой из этих женщин. Чтобы до конца осмелеть, он достал свою последнюю пятёрку и попросил принести ещё пол-литра. Когда и она была распита, он уже совсем опьянел.

— Люба, уже поздно и Рувину далеко идти до дому, — мило попросила блондинка, —пригласи его ночевать к себе.

— Я что, возражаю что ли? — хитро улыбнувшись, пропела захмелевшая Люба.

Рувин, хоть и был пьян, но понял, что жила эта Люба на первом этаже двухэтажного деревянного барака. В её маленькой комнатке с одним окошком стояли одна кушетка, детская кроватка, в которой спал ребёнок, узенький стол. Люба набросала на пол старые потрёпанные шубы, пальто и, раздевшись догола, легла к стене, оставив для Рувина место с краю.

Всё это делалось в полумраке. Видимо, Люба не зажигала свет, потому что ребёнок спал. Но Рувин всё же заметил, что в постель Люба легла голой. Он тоже снял с себя всё и лёг рядом с ней. Так близко он ещё ни разу не лежал с женщинами. Так что Люба, с которой он переспит, и станет, как ни странно, первой для него женщиной. Как только он лёг, Люба стала гладить его прелести. Он сразу возбудился и полез на неё. И буквально через минуту-вторую обмяк. Слез с неё и, почувствовав облегчение, сразу заснул. Проснулся среди ночи — разбудил шумно открывший дверь брат Любы. Он пришёл с работы после второй смены.

— Еда на столе. Поешь, — бросила она, ничуть не смущаясь, что в её постели спит чужой мужчина.

— Не хочу. Я устал, — ответил брат и, раскрыв раскладушку, постелил, лёг и сразу засопел.

Рувин попросил Любу подать ему воды. Она, всё так же голая, перешагнула через него, набрала алюминиевым ковшом воды из ведра и подала ему. Он жадно отпил, вернул ковш и грохнулся вновь спать.

— Не хочешь? — гладя его, тихо спросила она.

— Хочу. Очень. Но не могу голову поднять — спать тянет, — пробормотал Рувин.

— Ну поспи немного. Потом займёмся.

Как только в одно-единственное окошко забрезжил рассвет, Рувин открыл глаза и безо всяких ласок и поцелуев вновь полез на свою соседку.

— Тебе хорошо? — тихо и ласково спрашивала Люба, гладя его по голове. — Тебе хорошо? — помогая ему, уже по инерции задавала она один и тот же вопрос, входя при этом в экстаз.

Только после этого второго раза Рувин по-настоящему почувствовал и понял все прелести женского тела. Он был удовлетворён. Ему

было хорошо. «Я уже не девственник, — с улыбкой подумал он. — И не я переспал с ней, а она переспала со мной.»

Вернувшись мысленно к этому периоду своей жизни в Москве, Рувин не мог не вспомнить и события, которые в той или иной степени оставили у него, если не след, то определённые чувства и ощущения.

Однажды по дороге в магазин Рувин встретил своего школьного приятеля из другого десятого класса Виктора Карпухина.

— Пойдём к нам в гости. С мамой познакомлю, — с широкой улыбкой на лице обратился Виктор к Рувину.

И он, схватив Рувина за локоть, потащил к себе домой.

Витя был очень красивый парень. Его любили почти все девочки в школе. И он об этом знал. Но немного Рувина смущала в нём его своеобразная разухабистость: он был неестественно живой, импульсивной натурой. Казалось, что из него брызжет жизнелюбие, удаль. Он был высоким, голубоглазым блондином, широкоплечим и вечно улыбающимся парнем.

— Мам, это мой друг Рувин, — громко и весело представил он Рувина матери.

— Странный ты парень, — не глядя на него и продолжая возиться на кухне, спокойно ответила мать. — Рувин уже однажды заходил с тобой ненадолго. Я его запомнила.

Зинаида Георгиевна была симпатичной женщиной. Дородная, неторопливая в движениях, рассудительная, она никогда не смеялась, а лишь слегка краешками губ улыбалась. Она часто попадала в больницу: была сердечницей. Дважды неудачно выходила замуж. От первого брака родился сын Володя. Он работал журналистом, Виктор же был плодом второго брака. Этот своей неуёмностью порой доводил её до сердечных приступов.

— Володя мне столько хлопот не доставлял, — жаловалась она Рувину, когда Виктор отправился в магазин за хлебом. — Этот же доведёт меня до могилы: музыкальную школу забросил, в школе учится посредственно, увлёкся девчонками, каждый день просит денег... — Она сделала паузу и вдруг схватилась за сердце. Подложила под язык таблетку и тихо продолжила. — Жадным до денег стал. Боюсь я за него, Рувин. Вы умный парень. Повлияйте, пожалуйста, на него. Приобшите его к шахматам. Они могут увлечь его и спасти.

— Да я старался научить его, но... — постарался объяснить Рувин, — неусидчивый он.

Вернулся Виктор. Зинаида Георгиевна усадила обоих поужинать.

— Без родителей живёшь. Наверное, полуголодный ходишь. Так и желудок испортить недолго, — поворчала Зинаида Георгиевна по-матерински.

Через неделю Рувин, направляясь в магазин, вновь встретил Виктора.

Поздоровались.

— Далеко? — поинтересовался Виктор.

— Провансального салата захотелось.

— Ты знаешь, старина, — начал Виктор издалека, — о чём я подумал? Ты живёшь за счёт родителей. Да и за проживание старику платишь. Неужели тебе хватает тех денежек, которые мать высылает?

— Нет конечно, не хватает, — согласился Рувин, не понимая, куда тот клонит.

— У меня есть идея. Но только между нами. Мне нужны для выполнения одного дельца два помощника, — и он хитро улыбнулся. — Но в любом случае ты — могила, Договорились?

— Договорились, — с настороженностью ответил Рувин, ничего не понимая.

— Под Москвой есть одна дача. Богатая. Это мои знакомые. Можно подзаработать. Разделим на троих.

— Я в такие игры, дружочек, не играю! — сразу отрезал Рувин. — И тебе не советую. В любом случае ты не обижайся на меня, лады?

— Лады. Другого я от тебя, честно говоря, и не ожидал. Но мне, старина, деньги как воздух нужны! Ну, бывай.

Вечером, как он часто делал, не зная, куда себя деть, Рувин заглянул в школьный спортзал.

Если бы знать, где споткнёшься! В тот вечер не думал — не гадал Рувин, что с ним стрясётся беда. Да такая, которая будет иметь драматические последствия.

— А теперь, — обратился учитель физкультуры к сидящим на лавочке баскетболистам, — составляем две команды. В одну войдут Ратнер, Ковалёв, Нисуев... — И он, перечислив всех участников игры, пригласил их на площадку. Дал свисток — и матч начался...

Спортзал зимой отапливался большими батареями, установленными по всему залу, которые ничем не были изолированны. Так вот, когда Рувин нагнулся, чтобы забрать мяч, вдруг Борис Зурлов бросился сзади ему под ноги, чтобы первым схватить мяч, и толкнул Рувина

на батарею. Рувин резко и быстро выставил вперёд правую руку, чтобы не удариться головой. А когда встал, то не смог двинуть рукой: произошёл подкожный разрыв кровеносных сосудов, и кровь сразу разошлась под кожей от ладони до локтя.

Рувин вышел из игры и сел на лавочку рядом с другими болельщиками. В один из игровых моментов, когда его друг Лёня Ратнер не попал мячом в «корзину», он от досады хлопнул больной рукой об колено и громко вскрикнул от невыносимой боли. Он посмотрел на руку — она была вся вспухнута. Ребята помогли ему дойти до травмпункта. Там ему наложили всякие мази, перевязали и потребовали, чтобы он руку держал на весу.

— Приходите через каждые три дня, — сказали ему и дали массу указаний.

Он не мог ни поднять руку, ни опустить. Но в школу, несмотря на «ранение», он всё-таки ходил — заканчивалась третья четверть. От занятий по физкультуре и военному делу его освободили. Но... В один из дней военрук, собираясь выставить четвертные оценки, приказал и ему выйти во двор с винтовкой и стать в строй.

— У меня же рука больная и на привязи. Как видите, она подвешена. Как мне быть?

— Ничего не знаю. Всё равно в строй! — не моргнув глазом, вскрикнул он.

Рувин частенько после уроков по военному делу играл с этим военруком в шахматы. Они во время игры иногда по-приятельски подшучивали друг над другом. Но сегодня Рувин не понимал, какая муха укусила этого солдафона.

— Я освобождён от занятий. Выйти не смогу, — сказал Рувин и сел за парту.

— Вста-ать! — издал военрук истошный крик.

— Не встану, я освобождён...

— Негодяй, что ты себе позволяешь? — уже орал он в истерике.

— Вы сами негодяй! — резко ответил Рувин.

— Ах, вот как! — и он выскочил из класса.

Одноклассники хранили гробовое молчание. Они не понимали, почему так взъелся военрук. Все в это время думали, что, видимо, тот был сегодня просто не в духе и решил своё паскудное настроение выместить на ком-нибудь.

Через несколько минут в класс вошла директор и вслед за ней и военрук. Рувин объяснил, что и как произошло и замолчал.

— В любом случае ты не должен был так отвечать преподавателю, — посетовала она и сразу ушла.

Пришла беда, отворяй ворота. Через день по требованию военрука было назначено заседание педагогического совета, на котором должен был рассматриваться вопрос об исключении Рувина из школы. К началу педсовета он не выдержал и поднялся на третий этаж, где шло заседание. И вдруг там встретил своего приятеля Виктора Карпухина.

— Ты-то чего здесь? — удивился Рувин.

— Влип. Помнишь мою идею? Вот и попались. Решают, — и он кивнул головой в сторону класса, где заседали. — Могут исключить, — и он глубоко вздохнул, схватившись при этом за грудь.

— И мой вопрос рассматривают, — проворчал Рувин.

— Да слыхал я. Ты правильно этого солдафона на место посадил! А как рука?

— Постепенно заживает.

— Что, этот придурок Зурлов не понимал что ли, что ты можешь головой стукнуться? Вот идиот, — и он, сделав паузу, добавил: — А ты молодец, старина, что не включился в мою затею.

Виктор коротко рассказал о том, как они попались. С двумя парнями он обчистил дачу знакомого «богача». Будучи неопытными воришками, они украденное сдали в комиссионный магазин. А милиция в первую очередь проверила все комиссионки и напала на их след. Вещи были возвращены хозяину, а Виктора с дружками отдали на растерзание школ.

— Легко отделались, — с улыбкой произнёс Рувин.

— Да-а. Но сколько усилий приложили и брат Володя, и мать, и родители этих ребят, чтобы не засудили... Пришлось оставить в милиции заявление, что мы больше никогда подобными делами не займёмся. Да всё бы ничего, но мать опять с сердцем в больницу попала — не выдержала позора!

— Нисуев, входите, — вдруг неожиданно резко пригласили Рувина в класс.

— Как вы могли, Рувин? — мило спросила его учительница математики Адель Марковна, которую Рувин очень уважал.

— Рувин, ты же интеллигентный парень, — для пущей важности сердито начала учительница химии, обаятельная Лия Исааковна. — Ну, извинись, пожалуйста, перед военруком.

— Пусть и он передо мной извиниться, — тихо потребовал Рувин, — ведь я ему повода не давал для оскорблений.

— Вот вам, коллеги, пример, когда чудесного школьника, интеллигента и интеллектуала, по сути, инвалида, гляньте, в каком состоянии его рука, можно вывести из равновесия, — страстно заговорила курносая розовощёкая высокая Валентина Васильевна, учительница литературы.

Рувин был её любимчиком. Она уважала его, влюбленного в литературу, прекрасно знающего её.

Директор школы Нина Фёдоровна, видя, что разговор приобретает дискуссионный характер и довольно неприятный оборот, негромко сказала:

— Хорошо, Нисуев, вы можете идти.

Рувин вышел. Достал платок, вытер пот с лица — он от напряжения слегка вспотел. А педсовет продолжал обсуждать его вопрос ещё пять-десять минут. Наконец вышла его классная руководительница Александра Семёновна и тихо, глубоко вздохнув, произнесла:

— Ну, слава богу! Фу, еле отстояли тебя. Он предлагал исключить тебя из школы. Но тут как стеной встали и Адель Марковна, и Валентина Васильевна, и Лия Исааковна, и учительница немецкого, и... Фу, еле отстояли. Но директор, скажу тебе, молодец. Оказывается, она тебя глубоко уважает. Она просто вынуждена была вести себя дипломатично. Но ты, Рувин, пойми сам: какой на хрен из военрука педагог?

Последние слова она произнесла Рувину на ухо, чтобы не услышал Виктор.

— Ну и какое решение-то приняли?

— Решили, что если подобное повторится, то тебя исключат из школы сразу. Так что, смотри, будь осторожен. Я-то знаю, что ты был прав, но что поделаешь? — и Александра Семёновна развела руками.

Рувин обнял свою наставницу и поцеловал её.

— Карпухин, тебя приглашают, — обратилась она к Виктору.

— Я тебя подожду, старина, — сказал Рувин.

Лишь через полчаса вышел оттуда Виктор, бледный и рассеянный. Он схватился за сердце и стал массировать грудь, у него был та-

кой страшный вид, что Рувин понял, как, наверное, здорово ему там досталось.

Уже на улице, когда Виктор немного пришёл в себя, Рувин решился спросить его, чем закончился разговор.

— Исключили из школы, но оставили за мной право экстерном сдать экзамены за десятый класс, — пробурчал он и махнул от досады рукой, а потом добавил: — Зайдём к нам. Ведь жизнь продолжается. Мы сегодня с тобой хорошенько понервничали, старина. Так что имеем право распить четвертинку.

— Пошли, — так же весело и бодро ответил Рувин.

Рувин считал Виктора хорошим, задушевным приятелем, но при этом он понимал, что тот допускал в своей жизни грубые просчёты. Порой просто непростительные — это были издержки воспитания, избалованности. Зинаида Георгиевна потакала ему во всём и тем самым эта умная женщина разбаловала своего второго сына. А в принципе, как считал Рувин, Виктор был умным и добрым парнем.

Виктор выложил на стол холодные котлеты, солёные помидоры, два куска хлеба.

— А где мать? — спросил Рувин.

— Я ж тебе сказал, что она в больнице, — грустно промямлил Виктор. — Опять с сердцем.

— А ты чего в школе схватился за сердце? — поинтересовался Рувин.

— Наследственное, старина, наследственное, — развёл руками Виктор. — И Володя сердечник — маманя одарила нас этой болезнью. Ну да ладно. Давай тяпнем, — и он весело и озорно хлопнул Рувина по плечу.

Выпили, закусили. Помолчали, закурили.

— Слушай, старина, — после долгого молчания с печалью в голосе заговорил Виктор, — у меня к тебе огромная просьба. Тут у меня ещё одна неувязочка вышла. Несколько недель назад я познакомился с одной мировой девчонкой. Натальей её зовут. Дочерью генерала оказалась. Но потом мы разминулись, у меня за это время, как ты знаешь, неприятности пошли одна за другой. Ты думаешь, чего мне деньги были нужны? Так вот. На каждую встречу мне нужны были финансы. У матери я каждый день просить не мог, а потому и пошёл на крайность. И натворил. И ребят подвёл. Но, слава богу, без суда обошлось. С экзаменами — бог с ними — слажу, но размол-

вка с Натальей — это уже хуже. Ты же знаешь мой дурацкий характер — есть во мне слабость бахвалиться, пошабашничать. Так что выручай, старина. Нужна твоя помощь. Ты парень умный, культурный, порядочный, мудро рассуждаешь, мыслишь аналитически, как говаривает моя матушка. Не зря же шахматист. Надо сходить к Наташке домой и поговорить с ней, с её матерью, я о тебе столько им нарассказал, что, думаю, примут нас, если скажу, что приду вместе с тобой. Честно скажу — у меня серьёзные виды на неё — хочу жениться. Она мне нравится.

— Не знаю, не знаю, — в задумчивости произнёс Рувин. — Не знаю, насколько моё вмешательство поможет, но попытаться можно будет, — успокоил он Виктора.

Алексей Кузьмич, который, естественно, был в курсе «дела» Рувина в школе, с нетерпением дожидался его. И когда Рувин вошёл в комнату, старик сразу отложил в сторону радиоприёмник и, увидев улыбающегося квартиранта, тоже заулыбался. Он сразу оживился, захихикал и произнёс:

— Вот дерьмо! Вот подонок! Вот солдафон! Так ему и надо! Негодяй и есть негодяй! Каков подлец — хотел парня исключить. Всё обошлось? — И, когда Рувин кивнул, весело продолжил. — А я на удачу чекушку приготовил. Селёдочку с лучком, маслицем и картошку в мундире, — и он от удовольствия потёр руки и добавил. — И твой любимый провансальный салатик ещё остался...

— Да я уже с Виктором Карпухиным... того. Помните его?

— Да чего ж не помнить? Ему я не прощаю. Мерзавец твой Виктор, скажу я тебе! Потому его мать тебя и уважает, что ты умница, — говорил Алексей Кузьмич с наслаждением, накладывая при этом на стол закусочку. — Вот и моя любимая ливерная колбасочка.

Когда они выпили по рюмке, Рувин поблагодарил старика и стал рассказывать ему о своём школьном «деле».

— Ну и слава богу, — сказал старик, убирая со стола продукты и чекушку с оставшейся водкой. — А это мы завтра с тобой допьем, — с улыбкой в голубых глазах пообещал старик.

В ту ночь Рувин спал безмятежным сном. А назавтра после уроков он отправился к дяде на работу и «доложил» ему о случившемся. До решения педсовета не хватило смелости рассказать ему о своей «схватке» с военруком — не хотел его расстраивать. К удивлению Рувина, дядя поддержал его: «И правильно ты поступил», — зло высказался

он. — Взрослый человек, оскорбляющий беззащитного школьника — это мерзавец. Самый настоящий. Да ещё знал, что ты тут живёшь один без родителей. Он просто негодяй порядочный!»

В воскресенье к Рувину зашёл Виктор Карпухин и сразу радостно сообщил ему, что договорился с Наташей о встрече.

— Старина, твоё имя магически воздействовало на неё. Сразу согласилась. Представляешь? Она ждёт нас через два часа, — щебетал Виктор, искоса поглядывая на Алексея Кузьмича, который игнорировал его. — Ты старику обо мне рассказывал? — спросил он тихо.

— Да.

— Зря. Никому не надо болтать о том, что со мной случилось, — хмуро попросил он.

— Да я только старику. Да, честно говоря, наши учителя после педсовета первыми и растрезвонят об этом.

— Да, ты прав, — согласился Виктор.

Через два часа они уже звонили в дверь Натальи. Открыла мать Глория Петровна. Симпатичная, стройная женщина со светлокарими глазами, которые искрились и подчёркивали, что их хозяйка очень рада появлению гостей.

— Да, да, входите, — кокетливо пригласила она Виктора и Рувина, при этом изучающе заглядывая Рувину в глаза. — Я сейчас позову Нату.

Квартира генерала была четырёхкомнатной, довольно просторной. Здесь дышалось легко и свободно. Обстановка была дружелюбной. Рувин не помнит уже, что и как в тот день говорилось. Он знает одно: перед его уходом Наталья поблагодарит его за внимание и заботу и попросит приходить к ним, когда пожелает. «Ты маме и брату Олегу очень понравился. Так что добро пожаловать к нам!» — мило улыбнувшись, скажет Наталья.

Эта худенькая, миловидная восемнадцатилетняя девушка была почему-то почти седая. Рувин так и не понял: то ли она красила волосы, то ли они у неё действительно были такими.

— Рувин, — нагнувшись к нему близко, шепнула Глория Петровна, — давайте оставим молодых и выйдем на лоджию, — и сама первой кокетливо прошагала туда.

Рувин послушно пошёл за ней. Выйдя к ней на лоджию, Рувин сразу обратил внимание на то, как эта женщина по виду бальзаковского возраста обаятельно и соблазнительно улыбается ему.

— Увидел бы вас с Натальей на улице, подумал бы, что вы подружки, — бесхитростно признался Рувин, улыбаясь.

— Ой, спасибо за комплимент, но мне, — и она, кокетливо подправляя волосы на голове, тяжко вздохнула,— уже 39. А муж старше меня на 15 лет, — добавила она, вплотную подойдя к Рувину.

При разговоре с ним она делала вид, что очень уж не хочет, чтобы их подслушивали, а потому подкрадывалась к Рувину так близко, что он чувствовал её прерывистое дыхание. «Какая она чувственная женщина!» — подумал Рувин и кровь ударила ему в голову.

Глория Петровна так открыто предлагала себя, что Рувину поначалу это даже не понравилось. «Неужели она так легко бросается каждому на шею? Или же она редко видит чужих мужчин, а потому, истосковавшись по ласкам, бросается на него, Рувина», — рассуждал Рувин в замешательстве.

— Вы посидите, а я сейчас, — стараясь улыбнуться, шёпотом произнесла Глория Петровна и выскочила с лоджии.

Через несколько минут она вернулась с подносом в руках.

— Ой, помогите, — весело и кокетливо попросила она, влетая на лоджию. — Надо выпить по рюмочке коньяку за знакомство, — всё с той же обворожительной улыбкой предложила она.

Глория Петровна намазала на ломтики хлеба чёрной икры со сливочным маслом и подала ему. Когда они выпили, Глория Петровна, заметив, что тёмнокарие глаза Рувина сразу заискрились, смело шепнула ему на ухо:

— Я ничего как женщина?! — расставив руки в стороны, улыбаясь, спросила она, подставив ему при этом для поцелуя щёчку.

— Да, — согласился Рувин и поцеловал подставленную щёчку.

И как только Рувин выполнил её просьбу, Глория Петровна смело обняла его и стала жадно и страстно целовать его в губы, щёки, глаза и при этом так крепко прижималась к нему телом, что говорило о том, что она готова хоть сейчас заняться с ним любовью. Она целовала его и приговаривала: «Ты, милый, приходи почаще. Я буду рада тебе. Я буду откармливать тебя. Я же знаю, что ты живёшь здесь без родителей... Ты обними меня крепко, ты целуй меня страстно».

Рувин обнял её и стал целовать...

— Глория Петровна, милая, я уже не могу сдержаться... Вы меня настроили, —говорил Рувин как бы в забытьи.

Рувина трясло от нетерпения. Он чувствовал её холёное, соблазнительное тело.

— Рувинчик, милый, только не сейчас, дети могут выйти к нам, — тряхнув головой, чтобы прийти в себя, заговорила Глория Петровна, взяв себя в руки. — Только не сейчас, умоляю, — говорила она, продолжая держать его в объятьях. — Но ты звони, приходи. Слышишь? Ты будешь звонить?

Он кивнул головой.

«Это она так настраивала меня, соблазняла, чтобы я загорелся ею и желал бы видеть её», — размышлял Рувин. И ему почему-то вдруг стало так противно на душе. Он вспомнил и красавицу Галю, внучку своего хозяина, и сравнил поведение обеих женщин — оно было одинаковое.

Дружба между Виктором и Натальей была, как говорится, восстановлена, и Рувин, оставив друга со своей избранницей, попрощался со всеми и отправился домой, твёрдо решив, что, конечно же, он никогда больше сюда не придёт, потому что роль любовника замужней женщины его вовсе не увлекала.

Лишь через 10–12 лет, когда Рувин приедет в Москву в командировку, узнает он, что Виктор женился-таки на Наталье, что у них родилась дочь и что вслед за матерью в возрасте тридцати лет от сердечного приступа умер и он. Так печально завершится жизненный путь этого совсем неплохого, но неуёмного парня.

Школьных приятелей у Рувина было много. К нему льнули ребята из всех десятых классов, которых в том году, на удивление, в школе было пять! В большей степени он дружил со своими одноклассниками Леонидом Ратнером и Женей Егоровым. Если Рувину испонилось уже 20, то этим ребятам было по 17 лет. Но они были здоровые, крепкие парни. В школе девочки в шутку называли их «тройкой». «Вот тройка пошла», — насмехались они над ними. Когда они втроём шли на прогулку, Рувин, старший из них,»приказывал»: «Тройка, стройсь!» Это означало, что в середину должен был стать Женя, а по краям они. У Жени рост составлял 195 см, а у Рувина и Лёни — по 174 см.

...Заканчивался учебный год, и каждый из них теперь был занят мыслями о том, куда податься на учёбу. Договорились встретиться на ВДНХ и там на лоне природы обсудить свои планы на будущее.

Рувин с Лёней на улице Гиляровского еле влезли в трамвай. Когда проходили в середину вагона, вдруг услышали: «Во, жидовские

морды пошли!» Рувин резко повернулся назад и, определив, кто это мог выкрикнуть, кинулся сквозь толпу пассажиров на двоих молодых мужчин.

— Не надо, Рувин, — успел схватить его за рукав Леня. — Если на всякую мразь кидаться, то можно и замараться.

Такое объяснение немного успокоило Рувина. У остановки «ВДНХ» они вышли из трамвая и сразу оказались в объятиях друга-великана.

— Что вы такие кислые? — с вечной своей доброй улыбкой на лице спросил Женя.

— Потом расскажем, —пообещал Лёня.

Они двинулись на территорию ВДНХ. Часа два провели друзья в этом чудесном зелёном уголке Москвы.

— Рыба, Женя, как я уже тебя учил, всегда гниёт с головы. Учил я тебя? — с ухмылкой пристал Лёня к доброму «великану».

— Ну, учил, учил, — отмахивался Женя. — Ты лучше приступай теперь к рассказу.

— Кто затеял «дело врачей»? — завёлся Лёня. — Правительство, партия. А это и развязало руки всякой мрази, которая считает, что если само правительство ненавидит этот народ, то почему же ей, этой мрази, любить его. Ты понял, Жень? — донимал парня Лёня.

— Всё это понятно, но что с вами-то случилось? — недоумевал Женя.

— Вот теперь каждый считает, что евреев можно и нужно безнаказанно оскорблять, — не успокаивался Лёня.

— Да в трамвае нам вслед бросили слова «жидовские морды», — решил Рувин, видя, как покраснел добродушный Женя, покончить с этой темой. — Давайте лучше о наших планах поговорим.

— Итак, куда ж мы поступаем? — переключился Лёня.

— Насколько я помню, Лёня, ты как-то заикался насчёт института химического машиностроения, — напомнил Женя.

— А ты, Рувин? — спросил Лёня.

— Я в пединститут, на филологический, — твёрдо заявил Рувин.

Если бы только знал Рувин тогда, что для осуществления своей мечты ему придётся проделать ещё долгий трёхлетний путь, то не было бы сейчас в его голосе той уверенности. К сожалению, жизнь не раз ещё подставит ему ножки. И он ещё не раз споткнётся из-за своего недомыслия.

— Но оттуда в армию возьмут тебя, — решил поколебать или переубедить Рувина Лёня.

— Давайте договоримся, что все трое идем в химмаш, — предложил Женя.

— Нет, ребята, я сначала уточню, что и как в пединституте, — вновь заговорил Рувин с некоторым беспокойством. — Я и на День открытых дверей туда ходил. Да потом, куда я без русского языка и литературы?!

— Ладно, подумай, — обиженным тоном произнёс Лёня. — Но, если оттуда всё-таки берут в армию, то ты двигаешь с нами в «химмаш». Добро?

— Добро.

Но так уж случилось, что Рувин то ли поленился, то ли забыл, но так до института и не дошёл. В итоге, испугавшись, что из «Ленинки» всё-таки могут призвать в армию, дал Лёне согласие, что подаст вместе с ними документы в «химмаш». Вся беда такой лени заключалась в том, что в одни годы студентов гуманитарных институтов призывали в армию, в другие — нет. Эта нестабильность и насторожила Рувина и вызвала у него опасения, неуверенность.

После последнего звонка в школе он с Лёней отправился в «химмаш».

— Кстати, а где Женя? — в некотором недоумении спросил Рувин у Лёни.

— А он в последний момент позвонил и сказал, что он по совету отца, полковника связи, решил податься в институт связи. Там он вне конкурса пройдёт — отец договорился!

— Да-а, — протянул Рувин. — А чего ж вы мне об этом не сообщили?

— Женя говорил, что неудобно, мол, перед Рувином. Посчитает, говорит, меня предателем, — буркнул Лёня.

Они сдали документы в приёмную комиссию и вернулись домой.

— Я не поступлю, Лёня. Пропал этот мой год, — упавшим голосом мрачно говорил Рувин по дороге домой. — Ты прекрасно знаешь, какие у меня отношения с химией. Глупо! В общем пошёл я у вас на поводу, — заключил он, и его охватила такая глухая тоска, что почему-то захотелось бросить всё и вернуться к себе на родину.

— Не бойся, Рувин, — подбадривал его Лёня. — Ты мне помоги по сочинению, а я тебе по химии подкину шпаргалку.

— Знаешь, Лёня, почему мне обидно? На минуту мне показалось, что мы, три друга, лежим в одной постели. Натянули на себя одно одеяло, но его на всех не хватает, я лежу с краю, а вы с Женей тянете это одеяло на себя. И в итоге я остался неукрытым. Сожалею, но это так. Век живи — век учись, а дураком останешься, — злой на себя заключил Рувин.

Как бы то ни было, Рувин всё же, раз уж подал документы, на экзамены с Лёней пошёл. Чем, думал он, чёрт не шутит, когда бог спит.

Первый экзамен—сочинение. Лёня расположился рядом с Рувином. Рувин выбрал самую трудную тему «Маяковский — сатирик». Он всегда любил испытывать себя на прочность. Всю жизнь он будет идти против течения. Он и темой кандидатской диссертации возьмёт самую «страшную» — «Мастерство писателя...». Покойный академик Зелинский Корнелий Люцианович постарается отсоветовать его, Рувина, не браться за такую тему, а он и уважаемого учёного не послушается, потому что всегда любил проверять себя на знания, на выдержку. Это станет его жизненным принципом.

В тот день он написал своё сочинение только наполовину, как вдруг Лёня подсунул ему свой черновик на проверку. Он отложил в сторону свою работу и вычитал черновик Лёни. Более двадцати ошибок исправил Рувин в «труде» друга. Хотел было завершить и своё сочинение, как вдруг экзаменатор объявил, что время вышло. И ему пришлось сдать незавершённую работу.

Через день они с Леонидом просмотрели вывешенные списки с оценками. И, о ужас! «Ратнер — отлично, Нисуев — удовлетворительно».

Так фактически дружок Леонид «завалил» его, Рувина. Но это было только начало. На экзамене по химии все точки над «и» и будут поставлены. Произошло такое, что позволило Рувину понять, кто есть кто!

Рувин взял билет и подсел к Лёне. Познакомился с вопросами и понял, что это начало конца.

— Лёня, посмотри на мои вопросы и найди мне шпаргалку, — прошептал Рувин.

Но Лёня, «работавший» в поте лица, в ответ проскрипел: «Если я буду тебе искать шпаргалку, то я не успею сам подготовиться».

Рувин написал всё, что мог и с совершенно безразличным видом сдал черновик.

На второй день, когда просмотрели списки, оказалось, что Ратнер получил «отлично», а Нисуев — «неудовлетворительно».

Лёня и Женя стали студентами, а он, огорчённый и разочарованный, забрав свои документы, решил немедленно направиться в пединститут, полагая, что успеет на второй поток. В какой же он пришел ужас, когда узнал, что в этом году из «Ленинки» в армию не берут!?

Обиженный на всех и на всё, он вернулся в родной городишко. С неделю приходил в себя: после Москвы и москвичей трудно было вживаться в старые условия, порядки, которые он успел позабыть.

Долго без дела оставаться он не мог: характер не такой. Выручил случай. Он узнал, что в Доме пионеров и школьников нет шахматного кружка. И сразу направился к директору.

— Здравствуйте, Олег Петрович. Узнаете? — приветствовал Рувин директора Дома пионеров. — Узнали? Да я и не сомневался. Я с просьбой к вам. В следующем году хочу поступить в педагогический институт и мне нужен будет педагогический стаж. Может, возьмёте руководителем шахматного кружка? — и робкая улыбка скользнула по лицу Рувина.

Олег Петрович некоторое время сидел в задумчивости. Он вспомнил, как девять лет назад этот парень, когда ему было одиннадцать лет, пришёл к нему с двумя-тремя приятелями и попросил открыть для них шахматный кружок. Переговорив тогда с ведущим шахматистом города и получив его согласие, он и открыл этот кружок по инициативе именно этого мальчика.

— Если не ошибаюсь, ты был лучшим учеником Петра Алексеевича, — произнёс Олег Петрович. — Насколько я помню, ты иногда даже замещал его, когда тот болел или уезжал в командировку.

— Да, несколько раз было, — продолжая улыбаться, подтвердил Рувин.

— Пиши заявление. С завтрашнего дня можешь приступать к работе.

Так в трудовой книжке Рувина появится вторая запись.

Уже через два месяца популярность кружка так выросла, что о нём говорили почти во всех школах города. Для Рувина началась интересная, содержательная жизнь. Он много читал, готовился к предстоящим вступительным экзаменам, организовывал городские соревнования шахматистов и сам принимал в них участие. Он был доволен всем тем, что делал. Но нет-нет, а одно обстоятельство будоражило его:

однажды в Москве, вкусив женских прелестей, он теперь иногда подумывал над тем, что неплохо было бы завести себе подругу. Жениться, обзаводиться семьёй было слишком рановато — ему было всего 20 лет. Встречаться со своими ровесницами — это значило, что завтра же весь городок заговорит об этом. Во-вторых, каждая из местных «королев», остановись он на одной из них, потребовала бы потом от него жениться на себе. Признаться, и любовницу завести — опять-таки завтра загудят об этом в городке на всех углах. Он понимал, что шила в мешке не утаишь. И всё же...

По молодости лет каких только ошибок не допустишь, в особенности, если тебя ещё и страсть подгоняет.

Заглянул как-то Рувин в горисполком к своему приятелю-шахматисту. Стояли в коридоре, курили и обсуждали свои шахматные проблемы. Вдруг мимо них пропорхнула милая, стройная женщина лет 40. Рувин посмотрел ей вслед. Он был приятно поражён её узкой талией, прекрасными бёдрами и отточенными красивыми ногами.

— Понравилась? — спросил Кайсын Ахматович. — Здесь на неё многие засматриваются. Хотел бы познакомиться? — хитровато спросил он.

— Могли бы познакомить? — улыбнулся Рувин, заглянув старшему товарищу в глаза.

— Она инспектор городского отдела народного образования, — объяснил Кайсын Ахматович. — Она сидит вот за этим окном... Увидев нас в коридоре, она и выпорхнула сюда, чтобы заинтриговать тебя своими прелестями. Поверь мне, ты ей понравился. Вот увидишь, она ещё раз пробежит мимо нас, — заверил он Рувина.

— Давно она в нашем городе? — спросил Рувин.

— Нет. По-моему полтора-два месяца.

— Откуда она?

— Говорят, из Краснодарского края и что вроде бы по семейным обстоятельствам не смогла своевременно закончить пединститут. Сейчас она на пятом курсе. Заочница, естественно.

— И её взяли в гороно инспектором? — удивился Рувин. — Не смогли подобрать на эту должность местную учительницу с высшим образованием? — поразился Рувин. — Чушь какая-то.

— Наивный ты человек, мой друг. Ты многого ещё не знаешь. Где расположен наш горисполком?

— Во дворе горкома партии, — пока ничего не понимая, не соображая, ответил Рувин.

— Вот, вот. Ты обратил внимание, какие в наших отделах дамочки работают?

— Да-а, есть хорошенькие женщины, — мысленно представив некоторых из них, пролепетал Рувин.

— Многие из них замужние. Только у всех у них мужья — рогоносцы. За некоторым исключением.

— Ах, вот оно что, — не сразу сообразил Рувин.

— Так вот и эту кралю взяли для услуг, — засмеялся Кайсын Ахматович. — Им, — и он кивнул головой наверх, — даже выгодно держать под боком приезжих, чтобы меньше шума было...

— Выходит, многие ваши особы не столько хорошие работники, сколько удобные подстилки? Как просто оказывается, а я дурак и не сразу догадался.

— А ещё шахматист, — разыгрывал его Кайсын Ахматович. — Сложные шахматные задачи решаешь, а тут...

— И каждую из них «закрепляют» за кем-то из начальников?

— Нет, они доступны каждому из них. В этом плане здесь демократия, ха-ха-ха, — весело захохотал Кайсын Ахматович. — Ты думаешь, только у нас такое творится? Ошибаешься. По-моему, так по всей стране, — подмигнул он.

Где же ему, двадцатилетнему парню, всё это было знать? Кайсын Ахматович был старше Рувина на 20 лет. Он, будучи неплохим шахматистом, помогал Рувину в организации и проведении шахматных турниров.

— Что я тебе говорил?! — вдруг резко заговорил он. — Вот она опять заявилась! — сиял довольный Кайсын Ахматович, что не обманулся. — Теперь она будет медленно проходить мимо нас — надо же во всём блеске и во всей красе себя показать. Как говорится, товар лицом! Может быть, даже постарается заговорить со мной, чтобы получить возможность познакомиться с тобой, — уверял Рувина Кайсын Ахматович.

И действительно, женщина эта вела себя довольно вызывающе, открыто предлагая себя тому, кто ей сильно приглянулся, что, с одной стороны, соблазняло Рувина, с другой, ему было противно, потому что не любил, когда женщины навязываются сами.

— А ты познакомься с ней, — предложил Кайсын Ахматович. — Между прочим, она впервые так ведёт себя. Из начальства никто ещё

не пользовался её услугами — или не успели, или некогда. Мы здесь всё и обо всех знаем! — убеждал он Рувина. — Так что — вперёд!

— Кайсын Ахматович, вы не скоро к себе в кабинет зайдёте? — подпорхнув к ним, тихо спросила она.

— Есть проблемы? — хитро улыбаясь, спросил Кайсын Ахматович.

— Есть, — ответила она с улыбкой, понимая, что Кайсын Ахматович догадался, какая у неё появилась проблема.

— Давайте решим вашу проблему прямо здесь. Да, кстати, познакомьтесь. Это мой друг Рувин Нисуев, один из сильнейших шахматистов города, — Кайсын Ахматович произнёс всё это залпом. Потом добавил. — Главное забыл сказать — Рувин руководитель шахматного кружка ДПШ.

— А-а-а, так он наш работник, — она косо улыбнулась, протягивая руку Рувину для пожатия. — Людмила Ивановна, — представилась она кокетливо.

— Рувин Нисуев, — также кокетливо в такт ей ответил Рувин.

Кайсын Ахматович с улыбкой наблюдал за уже начавшейся между ними любовной игрой и был приятно поражён тем, как его красавец-друг сразу обворожил эту даму.

«Между прочим, некоторые из работников горкома и горисполкома, — размышлял Кайсын Ахматович, — не смогли увлечь её. А тут она фактически сама бросилась на шею Рувину. Ну что ж, бывает».

Когда Кайсын Ахматович понял, что он уже лишний, незаметно ушёл.

— Как вы устроились в отдел исполкома? — заглядывая в косившие глаза Людмилы Ивановны, прямо, но и наивно спросил Рувин.

— Сказать правду? — так же бесхитростно спросила она. — Подробно расскажу как-нибудь, а коротко можно и сейчас. Но только не возмущайтесь шумно, — и она мило улыбнулась ему — уж очень по душе пришёлся ей этот обаятельный парень.

— Приехала я в ваш город, — начала она свой рассказ. — И прямо к заместителю председателя горисполкома. Рассказала ему о себе, о том, что развелась с мужем и что вынуждена была покинуть родной дом. О том, что там у меня остались двое детей и так далее... Он выслушал меня и говорит: «Я могу помочь вам, если мы полюбим друг друга». Я не возразила — что мне терять. И он попросил завгороно взять меня инспектором. Но полюбить друг друга, как говорится, мы ещё не успели, — весело заключила она. — Вот и всё.

Первые два месяца об их любовной связи никто в городе не знал, если не считать Кайсына Ахматовича. Но Рувин настолько увлёкся Людмилой Ивановной, что стал позволять себе прохаживаться с ней по городу. «Мало ли с кем и почему гуляют по улицам люди», — рассуждал Рувин, успокаивая себя.

Блажен, кто верует. Вот почему, когда он однажды пришёл в исполком встретить после работы Людмилу Ивановну, Кайсын Ахматович сказал ему:

— Ты, друг мой, уже в открытую играешь!? Вошёл в роль настоящего любовника? Не слишком увлекайся, а то в городе уже все твои косточки перемывают. Ей-то что: сегодня здесь, а завтра умотается. С неё, как с гуся вода, а тебе здесь жить, жениться. Думай о своей репутации. Ты же хорошо знаешь такую поговорку: «Береги платье снову, а честь смолоду». Надо уметь вовремя остановиться. Только ты не обижайся на меня за нравоучения — просто как старший друг даю тебе советы.

Вышла Людмила Ивановна с косой улыбкой на лице (у неё сильно косили глаза) и сразу бросила:

— Завидуют мне, потому и злятся. И угрожают, что выкинут меня. Ну и пусть проваливаются!

Чуть позже выяснилось, что заместитель председателя исполкома, узнав о любовной связи Людмилы Ивановны с молодым человеком, вызвал её к себе и грозно предупредил.

— Вы забыли о нашем уговоре. Вы позорите нас. Как же я смогу теперь вам помочь? Вы ведёте нечестную игру. А потом, вы ему в матери годитесь... Это ж аморально!

— А он не аморальный человек? — возмущалась Людмила Ивановна, рассказывая Рувину об этой «беседе». — То, что они целый отряд проституток держат у себя под боком — это, видите ли не аморально! Ишь ты, задели самолюбие их величества! Посмотрел бы на себя в зеркало! — зло заключила она.

Рувин понимал, что через месяц ей надо уехать на госэкзамены, потому и ведёт себя так смело.

— Рувин, милый, у меня есть предложение, — лёжа рядом с ним в постели, говорила она. — Давай поедем к нам в станицу. Пробудем там с неделю, а потом махнём вместе в Краснодар. Ты сдашь документы в наш пединститут, а я — свои госэкзамены. А дальше посмотрим, что и как. Договорились?

— Ладно, — согласился Рувин в задумчивости.

— У меня состоялся ещё один разговор — с заместителем заведующего отделом. Знаешь, что она мне сказала? — вернулась она к той же теме, когда встали утром. — Он, — и она показала головой куда-то вверх, — хотел тебе одну комнату выделить, а ты увязла в дерьме с этим молокососом.

Рувин мысленно представил себе, как Людмила могла отреагировать на то, как та отчитывала её.

— Я заявила ей, что ничто не сравниться с моей любовью к этому самому молокососу, что пусть лишусь всего, но зато всю жизнь буду помнить те сладостные минуты, проведённые с этим самым молокососом!

Итак, Рувин получил отпускные, а Людмила Ивановна рассчиталась на работе, и они уехали в Краснодарский край.

Об одном из эпизодов, связанных с пребыванием на родине Людмилы, Рувин до сих пор не может забыть. Однажды Людмила, взяв его под руку, повела на экскурсию по своей станице. Если бы Рувин не был черноволосым, темноглазым кавказцем, то их могли бы принять за мать и сына — настолько была у них разница в годах. У Дома культуры, куда они подошли, чтобы узнать, какие идут фильмы, стояла группа молоденьких девушек. Завидев Рувина и Людмилу, одна из них громко и несколько нагловато вскрикнула: «Какой молодой и красивый, а гуляет со старухой!» Рувин сразу густо покраснел, освободил свою руку и сделал вид, что идёт изучать афишу. Между тем, эта реплика током ударила его, и ему стало не по себе.

— Ты не обращай внимания на этих сикух, — видя, как страшно смутился Рувин, громко, чтобы услышали эти девочки, заявила Людмила. — Все они шалавки, грязные потаскушки, а потому по-чёрному завидуют другим. Я-то хорошо знаю своих местных распутниц.

...Побыв в гостях у её родителей, они отправились в Краснодар. Тот самый город, который совсем скоро станет эпицентром всех его невзгод и потрясений... А пока же Рувин сдал документы в институт и целыми днями готовился к экзаменам. Квартировали у старой женщины недалеко от городского Затона. Как-то, когда выпал особенно жаркий день, Людмила предложила ему пойти искупаться в этом самом Затоне. Рувин, хоть и вырос на берегу реки, к сожалению, так и не научился плавать. Так вот, скооперировавшись с соседями-заочниками, они отправились купаться. Рувин вошёл в воду, сделал не-

сколько шагов и вдруг оказался с головой под водой. Сделав несколько попыток вынырнуть, он понял, что это ему не удаётся. И тогда он хладнокровно решил ступать по дну в сторону предполагаемого берега. Но в воде он потерял ориентир и не знал, в какой теперь стороне этот самый берег. «Что будет, то и будет», — решил он и зашагал вперёд. Вдруг он нащупал под ногами дно и заторопился к берегу в страхе, что его вновь понесёт в воду. Ещё некоторое усилие — и голова вышла из воды. Ему сразу стало плохо — и от пережитого, и от радостного ощущения. Собравшись с силами, он сделал ещё два-три шага до берега — и грохнулся на прибрежный песок. К нему сразу подбежали Людмила и сосед-заочник. Подхватив его под руки, оттащили на то место, где лежали их вещи. Вот только тогда, бледный, как полотно, Рувин потерял сознание. Его немного откачали — успел-таки напиться воды.

— Я уже плыл с того берега назад, как заметил, что у тебя из воды торчат руки, — объяснял сосед. — Я следил за тобой, потому что знал по твоим словам, что ты не умеешь плавать. Сначала решил, что ты балуешься. Потом подумал, что для игры под водой это слишком долго, и поспешил к тебе. Но ты чуть раньше сумел сам выбраться, — заключил он, всё ещё волнуясь.

Этот неприятный факт оставил в душе Рувина своеобразный след на всю жизнь. Кроме всего прочего теперь он ясно представил себе состояние человека, попавшего в густой, тёмный лес и не находящего из него выхода. Подумал об этом Рувин и страшно стало ему, душно, аж голова похолодела. «Вот так тонут люди, — пронеслось у него в голове. — Бессилие — и тебя нет!»

В жизни Рувина возникнут такие тяжелые ситуации, из которых он также будет искать выхода. Да, будут такие случаи. И немало. Но всё это будет еще впереди. А пока, по истечении нескольких дней, когда Рувин слегка пришёл в себя, заявилась Людмила Ивановна и радостно сообщила, что наконец получила диплом учителя. Рувин облегчённо вздохнул. Он был рад и за неё, и за себя. «Слава богу, — произнёс он чуть ли не торжественно, — теперь мы разъедемся навсегда. Признаться, поднадоели друг другу. Пора и честь знать».

Позже, вспоминая о том, как он тонул, Рувин ещё не раз будет рассуждать: «Как я часто тонул и выкарабкивался из омута. Что это было? Наваждение? Проклятье?» И когда ему в жизни станет иногда совсем невмоготу, он, приободрившись, настраивая себя на успешную

волну, будет повторять в таких случаях свой постоянный девиз: «Сквозь трудности — вперёд!».

Начались вступительные экзамены в институте. Рувин по сочинению и литературе (устно) получит четвёрки, по истории «удовлетворительно», а по немецкому и вовсе «неуд». Возмущалась душа Рувина: и историю знал блестяще, и по немецкому никогда меньше «четвёрки» не получал. Результаты экзаменов он не мог даже подвергнуть анализу — настолько всё это обескуражило его. «Они просто срезали меня», — твёрдо решил он.

Не знал ещё Рувин того, что через год он станет всё-таки студентом этого самого пединститута. И что эти самые экзаменаторы будут его преподавателями. Но пока произошло то, что и произошло!

Он распрощался с Людмилой Ивановной и вернулся домой, не солоно хлебавши. Через день вышел на работу, где его с нетерпением ждали его кружковцы.

О Людмиле Ивановне он как-то быстро позабыл. Наверное потому, что она особого следа в его душе не оставила. Он считал связь с ней просто баловством и не более того. Единственное, что вынес он из своей «дружбы» с Людмилой Ивановной, — это то, что теперь его постоянно тянуло к женщинам, «Это уже признак распущенности, и это мне чести не сделает», — думал Рувин с некоторым беспокойством. — Этот фактор однажды и может меня в жизни подвести!»

Так оно и случится. «В жизни всё имеет последствия», — позже сделает вывод Рувин. Но как поздно он придёт к такому заключению!?

А пока в конце августа в комсомольскую организацию Дома пионеров вошли ещё два члена — две руководительницы кружка из станции юных натуралистов: все комосомольцы из внешкольных организаций входили в одну команду.

Обе девушки были выпускницы местного сельскохозяйственного техникума. Секретарь первичной организации Валерий Дзгоев представил девушек своим комосомольцам. Они были уроженками одной из станиц Краснодарского края. Одна из них — Аня — была просто великолепна: статная, высокая, зеленоглазая блондинка, с родинками у нижней губы. И Клава была по-своему хороша. Но на фоне обаятельной, обворожительной Ани её достоинства немного стушевывались.

Тогда по молодости лет никто из них поначалу не задумывался над вопросом, как и почему эти девушки после окончания технику-

ма получили направление на работу в их городскую станцию юных натуралистов, куда не так-то легко могли устроиться даже с высшим образованием местные специалисты. Лишь спустя несколько месяцев, и Рувин, и другие поймут, вернее, узнают истинную причину их «везения».

А пока... А пока все шло своим чередом. На том собрании секретарём вновь избрали Валерия Дзгоева, руководителя кружка юных краеведов. Среднего роста, всё время неестественно улыбающийся, большеголовый, у которого шеи почти не было видно, он плоско шутил, не к месту хихикал и был при всём том себе на уме.

На том собрании было решено в ближайшее воскресенье организовать в горах пикник. Идею эту несколько дней назад подал сын руководительницы кружка вышивания Руслан Чехоев, который был старшим лейтенантом городской милиции.

Если бы знать, где споткнёшься. Думал ли Рувин, что именно с этого пикника начнутся драматические, а затем и трагические события в его жизни? Гадал ли он, что именно этот пикник перевернёт кувырком всю его молодую жизнь?

...На пикнике было съедено много порций шашлыка, выпито много сухого вина. Потом стреляли по пустым баллонам из табельного пистолета Руслана Чехоева. Шутили, танцевали. Словом, веселились. Он, Рувин, полупьяный, жаждущий женских ласок, попросит эту красавицу Аню уединиться с ним.

— Я тебе, Рувин, не советую увлекаться ею, — заметив, как он головой указывает Ане в направление огромного тутовника, шепнул ему Дзгоев. — Можешь влипнуть... Я тебе пока не могу объяснить причину, но не делай этого, — предупредил он Рувина.

Он, Рувин, тогда спьяну не внял его советам. Да и не нравился тот Рувину. Подумал, что он завидует ему, что сам непрочь был бы завести с ней шашни... И поступил назло ему, как и задумал. Спьяну не понял Рувин, почему Аня перед тем, как «уединиться» с ним, сначала пошепталась с подругой Клавой.

Когда он увидел, что Аня незаметно ушла в сторону большого тутовника, он медленно направился туда.

Вокруг стоял шум, гам. Ребята громко шутили, перебивали друг друга — все обалдели от огромного количества выпитого вина. Они без стеснения рассказывали сальные анекдоты и при этом громко, бесшабашно хохотали.

Когда Рувин подошёл к условленному месту, Аня лежала с закрытыми глазами на спине, подложив под голову руки. Она была настолько привлекательна, настолько стройна, что Рувин, не выдержал и сразу накинулся на неё. Он стал её страстно и бешено целовать в губы, щёки, родинки, грудки, стараясь одновременно стянуть с неё трусики. Рувин стал гладить её тело. И вдруг почувствовал, как она вся напряглась. Она тихо, все ещё с закрытыми глазами, приговаривала: «Что ты со мной делаешь? Что ты со мной делаешь?» Казалось, она была в пьяном бреду. Она, как припев песни, всё повторяла и повторяла один и тот же вопрос: «Что ж ты со мной делаешь?»

Рувин понимал, что она уже в его власти: она елозила под ним, делала вид, что сопротивляется и старается столкнуть его с себя. Когда он понял, что она уже входит в экстаз, он собрался было войти в неё, как вдруг раздался окрик её подруги Клавы.

— Ань, где ты? Мы уже уходим.

Аня не двигалась и продолжала лежать, не открывая глаза, и молчала.

— Чёрт бы тебя побрал, — в сердцах чертыхнулся Рувин и, взяв Аню за руки, резко поднял с земли.

— Милый, мне с тобой было хорошо. Я тебе потом обязательно разрешу, — обняв его и поцеловав в губы, пообещала она. — Ты же знаешь, где мы живём с Клавой? Придёшь ко мне?

Он кивнул в знак согласия, и они отправились к основной группе. Лишь, когда совсем рядом ещё раз раздался грубоватый пьяный окрик Клавы «ты чего, оглохла чи що?», только тогда бросила Аня в ответ: «Чего тебе?», — явно недовольная тем, что ей помешали.

Через несколько дней, как ни странно, Рувин, увлёкшись подготовкой к городскому шахматному турниру и к поступлению в вуз, совершенно забыл и про пикник, и про Аню. К ней домой он и не думал идти: узнал, что туда домогаться её приходят всякие типы.

Вскоре Аня сама заявилась к ним в Дом пионеров. Рувин видел, как она разговаривала с Валерой Дзгоевым,

— Членские взносы принимаете? — кокетливо улыбаясь своими зеленоватыми глазами и краешком губ, весело и озорно обратилась она к Дзгоеву.

— С красавиц берём в двойном размере, — пошутил секретарь, заискивающе улыбнувшись ей, и захихикал.

Позже, когда Рувин всё же пойдёт к ней, и она окажется в его объятьях, она весело и с юмором скажет: «Всё же какой этот Дзгоев страшненький. Вислоухий, маленькие глазки, узколобый, голова как бы приплюснута к туловищу... Почему-то всё время хихикает, видимо, думает, что он говорит что-то смешное. И самое интересное, наивно полагает, что сможет меня заманить в свои объятья. Фу!»

Но в тот день, когда, она пришла платить членские взносы за себя, и за Клаву, она так «мастерски» заигрывала с Дзгоевым, так кокетничала с ним, что тот возомнил, что скоро ему удастся завладеть ею.

Но, будучи себе на уме, Дзгоев, конечно, понимал, догадывался, почему Аня так громко хохотала вместе с ним. Он был не настолько законченным дураком, чтобы не замечать, для кого строит глазки эта Аня. Он видел её жгучие взгляды в сторону стоящего Рувина и понимал, что она своими шутками, озорством вызывает ревность у того самого Рувина.

Рувин же в свою очередь демонстративно прошёл мимо них, слегка кивнув ей и делая вид, что она совершенно его не интересует.

— Так, где же вы живёте с Клавой? — нарочито громко, чтобы подеть Рувина, хихикнув, спросил Дзгоев.

— Я же указала свой адрес в анкете, товарищ секретарь, — хохотала Аня. — Может, ещё подробнее объяснить? — издевательски отвечала она. — Ну, тогда так. Улица... крыльцо с улицы, — и она так заливисто засмеялась, что другой на месте этого Дзгоева провалился бы сквозь землю от таких издевательств.

— Да не надо мне подробностей, — напыжившись, ответил Дзгоев. — К вам и так, как я слышал, ходят всякие, слава богу, — решив подколоть её, хихикнул Валерий.

Рувин, услышав эту информацию из уст Валерия, задумался. Он вспомнил, как некоторые его приятели тоже рассказывали о том, что к ним ходят смазливые ребята. «Ходить — одно, а что-то делать — другое», — размышлял Рувин. Поэтому Рувин не склонен был верить грязным слухам. Вернее, не хотел верить. Это-то неверие и приведет его, Рувина, со временем ко многим ошибкам и в конечном счёте к несчастьям.

По иронии судьбы на этой самой улице, совсем рядом с домом, где квартировали Аня и Клава, прошло детство и отрочество Рувина. И он тут всех знал. С сыном хозяина этого дома Казбеком они были приятелями. Рувин помнил, как много лет назад у Казбека во дворе он

учил того играть в шахматы. И Рувин решил поговорить с Казбеком и узнать поподробней об этих девушках.

— Комната, в которой я сплю, — рассказывал Казбек, — отгорожена дверью с их комнатой. Правда, она заделана кирпичами, но всё равно, нет-нет, но кое-что бывает слышно. Так вот. Муса, а ты его знаешь, шофёр, зять первого секретаря горкома комсомола, угрожая ножом Клаве, вынудил её отдаться ему. А теперь он делает с ней, что хочет. Что касается этой Ани, скажу одно: она разборчива и приводит только тех, кто особенно ей нравится.

Казбек сделал наузу, посмотрел на Рувина и тихо спросил:

— Ты с ней серьёзно или позабавиться?

— Не знаю, — рассеянно ответил Рувин. — Слишком хороша зараза!

— Да, это есть. Хотя ей всего 21 скоро будет, но не по годам хитра и коварна.

Рувин по дороге домой рассуждал, что же ему, кроме похоти, от неё нужно. Да, она обаятельна, проста, общительна, умна, жизнерадостна, шутница... Не нравиться она не могла. Ему, интеллектуалу, она нравилась по-настоящему, по-человечески, а не просто как самка.

Чем больше плохого он узнавал о ней, тем сильнее его тянуло к ней. Почему — не знал и не мог объяснить. Знакомые ребята рассказывали, что для того, чтобы остаться в городе, получить направление на работу, ей пришлось расплатиться за эти услуги своим телом. Такие сомнения появлялись и у него, Рувина. И всё же он решил во всём этом разобраться, только поговорив с ней. Но пока сам не напрашивался к ней в гости.

Спустя недели две после пикника вдруг на работе его позвали к телефону.

— Рувин Нисимович, вас к телефону, — попросила секретарь директора.

— Да, я слушаю, — глухо произнёс Рувин.

— Рувин? — послышался обворожительный, весёлый голос Ани.

— Да.

— Ты что? Обиделся на меня? — ласково и хитро спросила она.

— Нет, не обиделся, — несколько грубовато ответил он.

— Так в чём же дело? Я бы хотела тебя видеть. Ты знаешь, где я живу. Придёшь вечером ко мне? Я буду одна, — старалась она соблазнить Рувина.

— Да, — обрывисто бросил он.

Если бы он тогда сообразил, что Аня затеяла? Если бы молодость знала... О-о, сколько раз ещё в жизни будет повторять эту поговорку Рувин...

Вечером он был у неё. Как только она впустила его в комнату, он как изголодавшийся зверь накинулся на неё и стал жадно целовать её, а затем свалил на пол, сразу полез рукой под платье, стал стягивать с неё трусики — ему не терпелось добраться до её прелестей. И потому не ведал, что творил. Поначалу Аня от неожиданности не могла не только что-либо сказать, но и сопротивляться. Лишь когда Рувин раздвинул её ноги, у неё хватило духу выкрикнуть.

— Стой! Не надо. Не сейчас, — громко и властно приказала она.

Он оторопел. Разочаровавшись, что она остановила его, он, обидевшись, встал с неё и сразу собрался уйти.

— Значит ты только за этим приходил? Значит я животное — полез и пошёл!? А я была о тебе совсем другого мнения, думала, не как все. Э-эх, ты... Ладно, потом договорим как-нибудь. А пока иди, а то Клава уже должна заявиться.

В дверях он столкнулся с Клавой и её хахалем. Поздоровались и разошлись.

По дороге домой он зло рассуждал: «Добьюсь своего, а затем посмотрим».

Каким же наивным был он, Рувин, парнем. Он ещё не знал, как хитро Аня расставила для него сети, чтобы крепче завлечь его... Почему именно ему? Да потому, что он ей понравился больше других, с кем встречалась.

Рувин не знал и того, что Аня с Клавой действуют по заранее заготовленному сценарию. Они решили довести его ласками, соблазнительными манёврами и отказами до крайности, чтобы он в порыве страсти однажды высказал мысль о женитьбе. Обо всём этом Рувин тогда и догадаться, конечно, не мог.

Прошла ещё неделя, в течение которой они при встречах целовались-миловались. А когда ещё через неделю он вновь попытался завладеть ею, она как-то резко и решительно заявила:

— Я понимаю тебя — ты хочешь добиться меня, моего согласия. Получить своё и бросить меня. Нет, мой друг, пока ты не женишься на мне, ничего не получишь! — уверенно и серьёзно произнесла она, нежно при этом целуя его в глаза, губы, шею.

И он сдался. Он растаял под её ласками. Он жаждал её! Она нравилась ему.

— Давай женимся, — предложил Рувин как после дурмана.

Беда молодости и заключается в том, что сознательно лезешь в омут, не задумываясь над последствием. Ох, если бы тогда на ум пришла поговорка «не знаешь броду, не лезь в воду». Да какие к чёрту поговорки могут лезть в опьяненную голову молодого парня, да ещё жаждущего женского тела.

О своём решении он сообщил родителям. Мать — в плач. Отец же спокойно сказал:

— Сын, я уже тебя однажды до отъезда в Москву предупреждал, что к нам, иудеям, не все относятся одинаково. Я и на Кубани бывал, сынок, — убеждал он сына. — Казаки ещё хуже ненавидят евреев. Как же ты себя будешь чувствовать, если сидишь у них в гостях и знаешь, что они оскорбительно относятся к твоему народу. Я понимаю, что тебя уже ничто не остановит — ты упрямый! Но почему ты и дяде Юсуфу не веришь?

В душе он был согласен с отцом. Но страсть, желание обладать этим прекрасным телом не давали его воспалённому мозгу покоя.

— Пойми, сынок, — плача, говорила мать. — Она ни наших обычаев, ни наших традиций не знает. Давай тебя женим на любой нашей татке. Горе мне. Когда мы тебе предлагали жениться, ты сказал, что ещё рано. А теперь? Не поймёшь тебя...

— Не знает языка, обычаев, так узнает, — постарался он успокоить мать. — Узнает, мама. Она очень общительная и быстро освоится.

— Погуливать начнёт, изменять... Опозорит нас, сынок, — вмешивался отец. — Казачки — горячий народ! Поверь мне.

— Никуда она не денется, — самоуверенно отвечал Рувин.

Как ни убеждал он своих «стариков», всё же согласия они ему не дали. Об этом он «доложил» Ане при очередной встрече.

— Может, к нашим поедем? — неуверенно предложила Аня.

— Видимо, так и придётся поступить, — в раздумье произнёс Рувин.

Игра, как говорят в футболе, проходила в быстром темпе, набирая скорость. И Рувин, увлечённый этой игрой, подгонял события с необъяснимой силой.

Втайне от родителей они стали собираться в дорогу. Рассчитались на работе. Но никому ничего не объясняли — все держали в секрете.

Рувин купил билеты. Они уложили свой нехитрый скарб и приготовились к отъезду. Чтобы родители не помешали их плану и не устроили скандала, было решено, что когда те вечером пойдут на свадьбу, на которую они хотели и его Рувина, взять, он объяснит родителям, что подойдёт туда попозже. Но чтобы родителей не довести до сердечных приступов, он попросит своего приятеля занести им на свадьбу записку, в которой напишет: «Мои родные, может, я и совершаю ошибку, но не обижайтесь на меня. Я уезжаю с ней на Кубань. Ждите моего письма. Рувин».

— Ты хоть свою мать поставила в известность? — уже в вагоне поезда тихо спросил он её.

— Вот почитай, — и она протянула ему письмо. «Смотри, доченька, — писала её мать, — тебе виднее. Ты уже взрослая. Нравится — выходи. Если хотите приехать к нам, то временно пустим. Ты же знаешь, скоро Петя женится. Вера подрастает. У отца язва желудка. А хата небольшая. Устроитесь на работу. Наймёте комнату. Можно у тёти Маруси. И заживёте. Бог даст, и свою хату отстроите.»

— Ладно, — тихо и твёрдо сказал Рувим, вернув письмо. — Разберёмся.

Всю дорогу они были в напряжении: события задавили обоих. Они затеяли игру и азартно играли в неё, но каждый на свой лад.

— Тебя что-либо смущает? — спросил Рувин, заметив её подавленное состояние и печаль в глазах.

— Да нет, — еле слышно произнесла она.

— Так почему же ты такая кислая? Может, тебя что-то волнует, беспокоит? Ты скажи — легче будет.

— Тревожно на душе, — подтвердила она, не поняв его сомнений.

Рувин её душевное смятение отнёс за счёт произошедших событий — так неожиданно они свалились на них! Он целовал её, успокаивал, приговаривая, что всё будет хорошо, что всё образуется. А она при этом плакала горькими слезами. А он не особенно понимал причину её панического состояния. Это потом, спустя некоторое время, узнает Рувин о причине её слёз. Но будет поздно...

В Тихорецкой сошли с поезда: здесь они должны были пересаживаться на поезд «Тихорецк-Краснодар».

Мог ли тогда Рувин предвидеть, что через полгода они вновь окажутся на этой самой станции апрельским холодным вечером? Что именно здесь, на этой самой станции потом разыграется трагедия,

которая нанесет ему на всю жизнь душевную травму, кровоточащую и по сей день.

А пока же рано утром они из Тихорецкой приехали в станицу.

— До наших идти минут двадцать, так что наберись терпения, — хрипло сказала она и на её бледном лице появилась робкая улыбка.

Несмотря на раннее время, у некоторых хат на лавочках уже сидели старушки, которым, видимо, по ночам плохо спится.

— Во пара! — глядя им вслед, громко прошепелявила одна из них.

— И черноволосый красавец. И блондиночка хороша! — восторгалась другая.

— Начинается, — ухмыльнулась Аня. — Ты здесь ещё не то услышишь. О-о, как наши любят громко и беспардонно судачить. Они так кайфуют.

Всю остальную часть дороги они шли в глубокой задумчивости. Лишь когда они дошли до хаты, Аня открыла калитку и, толкнув её ногой, сделала Рувину реверанс и пропустила его вперёд.

— А наши, наверное, ещё дрыхнут, — нарочито громко, чтобы её услышали в хате, произнесла она. — Ставни закрыты.

— Вот как встречают своего зятя! — решил пошутить Рувин.

Они вошли во двор. Поставили чемоданы и присели на них. Посмотрели друг на друга — улыбнулись. Рувин вновь обратил внимание на то, что в её глазах сидит не то какая-то тревога, не то какой-то страх. Но смолчал. Аня не похожа была на прежнюю Аню — озорную, шуструю, жизнерадостную. Он обнял её. В следующее мгновение они сплелись в крепком жарком объятии.

— Это кто же под чужими окнами целуется? — услышали они весёлый голос матери.

Они вошли в хату. И только здесь мать обняла и поцеловала дочь, затем притянула к себе Рувина, заглянула ему в глаза и торжественно заметила:

— Что ж, нет слов — красавца-парня отхватила!

— Мать, мы уставшие и голодные. Слегка накорми нас и дай нам поспать.

— Ваша кровать ждёт вас. Мы с батей вчера легли вместе с ребятами. Так что дрыхните, сколько вздумается.

Они впервые оказались в одной постели. Теперь его долгожданная, очаровательная подруга была в его власти. Наконец они с наслаждением отдались друг другу.

— Да тише ты, — шёпотом просил Рувин «взорвавшуюся» Аню, — старики услышат.

Насладившись, они, усталые, довольные, заснули крепким сном.

Днём, когда они проснулись, стол в большой комнате был уже накрыт. Подошёл её отец Иван Дмитриевич. Подсели брат Петя и сестрёнка Вера.

— Ну, давайте отметим это событие, — и отец налил Рувину, Ане, матери и себе самогона и произнёс: «Будьте счастливы!»

— Горько, — весело крикнула сестрёнка.

И они поцеловались.

Выпили, закусили, поговорили.

— А курить только во дворе, — пригрозила мать, видя, что Рувин достал сигарету.

Он вышел во двор. Закурил. «То, что она не девственница, я знал. Но кто был тот, кому она впервые отдалась?» — рассуждал он грустно. — Неужели Казбек был прав, что она за короткое время, что жила у них, прошла, как говорится, Крым и Рим?»

Аня вышла вслед за Рувином, села ему на колени и сказала:

— Вижу, что ты задумался. Знаю,почему. Разве я не рассказывала тебе, что со мной произошло во время учёбы в техникуме?

И она коротко поведала ему о своей любовной «драме».

— В техникуме я дружила с Юрием Андреевым. Ты его знаешь. Дура я, думала, что влюбилась, что он женится, и отдалась ему. А он тюфяком оказался. Вот и всё, — и она так весело рассказала всё это, что ему стало не по себе — будто о забавном случае поведала.

Она на минуту замолчала в ожидании реакции Рувина на своё сообщение.

Но Рувин молчал.

— Мать сейчас спрашивала, живём ли мы с тобой половой жизнью, — продолжала она, — я сказала, что да. Тогда она спросила, зарегистрированы ли мы. Я сказала, что нет. А она говорит: «А если ты забеременеешь?» Я ничего не ответила.

Рувин ещё глубже задумался. «Значит, и с Андреевым была, и с другими, которые приходили к ней домой. Это как пить дать. Но неужели она ни от кого так и не забеременела? Не может такого быть», — размышлял он, всё больше мрачнея. События разворачивались так молниеносно, что только сейчас он спокойно задумался над всем про-

исходящим. Рувин метался в догадках. Он не знал, как ответить Ане по поводу вопроса матери. «Не качусь ли я по наклонной? — поставил он перед собой вопрос ребром. — Неужели ничто не может остановить меня?» — с тревогой и беспокойством подумал он.

Всё шло как-то не так, как надо. Создавалось впечатление, будто какая-то неведомая сила по неизвестным ему правилам толкала его всё глубже в тот самый омут. Быть может, в скором времени он и пришёл бы к нужному знаменателю, образумился бы и понял бы все свои ошибки, которые он совершает один за другим. Может быть. Вот тогда и вопрос с регистрацией не был бы решен так срочно и остро. Но назавтра произойдёт такое, что и этот вопрос придётся решать в ускоренном темпе. Всё происходило по какому-то гнусному для него сценарию. Он ещё не знал, что завтра утром случится невероятная драма, которая опять подтолкнёт его к совершению других непоправимых ошибок.

Утром следующего дня, когда они ещё крепко спали, вдруг Рувин услышал плач своей матери. Сначала ему показалось, что это ему приснилось... Он привстал в постели, прислушался — плач матери чётко доносился до него. Ужас охватил его. Он растолкал спящую Аню и дрогнувшим голосом произнёс: «Мать приехала». А она, протирая глаза, никак не могла понять, чья мать приехала и почему приехала. И всё же, поняв, что случилось что-то ужасное, быстро встала. Плач приближался. «Как же она нашла этот адрес? Кто ей помог?» — пронеслось в голове у Рувина. С пересохшим от нервного напряжения горлом он выскочил на улицу и увидел такую картину: мать, нанося себе удары кулаками по голове и в грудь, причитала: «Что ж ты, единственный мой ребёнок, сотворил? Что ж на мою голову беду накликал? Неужели у тебя совсем нет ума?» Сзади неё шёл понурый отец.

Из окон всех соседних хат на них смотрели сонные, любопытные станичники. На глазах у многих разыгрывалась настоящая драма.

Аня, увидев такую страшную картину, быстро разбудила своих и попросила их проявить терпимость и выдержку, предварительно объяснив, что стряслось.

Рувин подбежал к матери, обнял её и попросил успокоиться и не позорить себя на всю станицу. Увидев сына, она немного успокоилась, но продолжала причитать, но чуть тише: «Что ж ты, сынок, с нами сделал? Бросил нас ради женской юбки?»

Рувин ввёл родителей в дом. Родители Ани были в шоке от происходящего. Они ничего не понимали, Аня же не сказала им, что они убежали из города и что сделали это помимо воли родителей Рувина. Обо всём этом расскажет им за столом сам Рувин.

— И вы убежали? И они не знали об этом? — с негодованием спрашивала мать Ани. — Что ж вы так бессовестно поступили? — выкрикивала она, продолжая возмущаться.

Меж тем, бросая в адрес Ани и Рувина колкие замечания, она быстро и шустро ставила на стол выпивку, закуску, одновременно поглядывая в сторону своей дочери ненавидящими глазами.

— Что ж, доченька, позоришь нас? Да ещё на всю станицу. Вся станица завтра будет гутарить...

Рувин судорожно думал о случившемся и не знал, как дальше вести себя. Он понимал, что родители приехали за ним, что они постараются увезти его отсюда назад домой. «И тогда, — думал он, — я навсегда потеряю Аню. Если среди казачества вопрос девственности никогда остро не стоял, то для них, горцев, этот вопрос был самым существенным, вопросом чести и достоинства. А родители по ходу поиска адреса Ани, наверное, узнали о ней больше, чем надо. У нас таких девушек считают девушками лёгкого поведения. Вот почему в основном убивалась мать, упрекая его в безумстве».

За столом после первой чарки наступило некоторое оживление: родители дружно ругали своих бессовестных детей, которые поступили подло и гадко.

Предстоящую жизненную трагедию Рувину можно было бы избежать, если бы он не допустил ещё одну грубейшую ошибку. Но вновь какая-то неведомая сила властвовала над ним. Он уже перестал понимать себя и не знал, что с ним творится. Течение уносило его, а он и не сопротивлялся. Хуже того, он такого безволия за собой давно не наблюдал. Казалось, что его просто заворожили.

Он выводит Аню во двор и говорит:

— Чтобы мои родители не разлучили нас, давай быстренько зарегистрируемся.

— Но ведь сегодня воскресенье, — и обрадовалась, и удивилась Аня.

— Магарыч дадим, если в течение часа оформят наш брак, — судорожно и нервно предлагал Рувин. — Брак — наше спасение.

исходящим. Рувин метался в догадках. Он не знал, как ответить Ане по поводу вопроса матери. «Не качусь ли я по наклонной? — поставил он перед собой вопрос ребром. — Неужели ничто не может остановить меня?» — с тревогой и беспокойством подумал он.

Всё шло как-то не так, как надо. Создавалось впечатление, будто какая-то неведомая сила по неизвестным ему правилам толкала его всё глубже в тот самый омут. Быть может, в скором времени он и пришёл бы к нужному знаменателю, образумился бы и понял бы все свои ошибки, которые он совершает один за другим. Может быть. Вот тогда и вопрос с регистрацией не был бы решен так срочно и остро. Но назавтра произойдёт такое, что и этот вопрос придётся решать в ускоренном темпе. Всё происходило по какому-то гнусному для него сценарию. Он ещё не знал, что завтра утром случится невероятная драма, которая опять подтолкнёт его к совершению других непоправимых ошибок.

Утром следующего дня, когда они ещё крепко спали, вдруг Рувин услышал плач своей матери. Сначала ему показалось, что это ему приснилось... Он привстал в постели, прислушался — плач матери чётко доносился до него. Ужас охватил его. Он растолкал спящую Аню и дрогнувшим голосом произнёс: «Мать приехала». А она, протирая глаза, никак не могла понять, чья мать приехала и почему приехала. И всё же, поняв, что случилось что-то ужасное, быстро встала. Плач приближался. «Как же она нашла этот адрес? Кто ей помог?» — пронеслось в голове у Рувина. С пересохшим от нервного напряжения горлом он выскочил на улицу и увидел такую картину: мать, нанося себе удары кулаками по голове и в грудь, причитала: «Что ж ты, единственный мой ребёнок, сотворил? Что ж на мою голову беду накликал? Неужели у тебя совсем нет ума?» Сзади неё шёл понурый отец.

Из окон всех соседних хат на них смотрели сонные, любопытные станичники. На глазах у многих разыгрывалась настоящая драма.

Аня, увидев такую страшную картину, быстро разбудила своих и попросила их проявить терпимость и выдержку, предварительно объяснив, что стряслось.

Рувин подбежал к матери, обнял её и попросил успокоиться и не позорить себя на всю станицу. Увидев сына, она немного успокоилась, но продолжала причитать, но чуть тише: «Что ж ты, сынок, с нами сделал? Бросил нас ради женской юбки?»

Рувин ввёл родителей в дом. Родители Ани были в шоке от происходящего. Они ничего не понимали, Аня же не сказала им, что они убежали из города и что сделали это помимо воли родителей Рувина. Обо всём этом расскажет им за столом сам Рувин.

— И вы убежали? И они не знали об этом? — с негодованием спрашивала мать Ани. — Что ж вы так бессовестно поступили? — выкрикивала она, продолжая возмущаться.

Меж тем, бросая в адрес Ани и Рувина колкие замечания, она быстро и шустро ставила на стол выпивку, закуску, одновременно поглядывая в сторону своей дочери ненавидящими глазами.

— Что ж, доченька, позоришь нас? Да ещё на всю станицу. Вся станица завтра будет гутарить...

Рувин судорожно думал о случившемся и не знал, как дальше вести себя. Он понимал, что родители приехали за ним, что они постараются увезти его отсюда назад домой. «И тогда, — думал он, — я навсегда потеряю Аню. Если среди казачества вопрос девственности никогда остро не стоял, то для них, горцев, этот вопрос был самым существенным, вопросом чести и достоинства. А родители по ходу поиска адреса Ани, наверное, узнали о ней больше, чем надо. У нас таких девушек считают девушками лёгкого поведения. Вот почему в основном убивалась мать, упрекая его в безумстве».

За столом после первой чарки наступило некоторое оживление: родители дружно ругали своих бессовестных детей, которые поступили подло и гадко.

Предстоящую жизненную трагедию Рувину можно было бы избежать, если бы он не допустил ещё одну грубейшую ошибку. Но вновь какая-то неведомая сила властвовала над ним. Он уже перестал понимать себя и не знал, что с ним творится. Течение уносило его, а он и не сопротивлялся. Хуже того, он такого безволия за собой давно не наблюдал. Казалось, что его просто заворожили.

Он выводит Аню во двор и говорит:

— Чтобы мои родители не разлучили нас, давай быстренько зарегистрируемся.

— Но ведь сегодня воскресенье, — и обрадовалась, и удивилась Аня.

— Магарыч дадим, если в течение часа оформят наш брак, — судорожно и нервно предлагал Рувин. — Брак — наше спасение.

— Как ни странно, заведующий ЗАГСом живёт прямо напротив нас. Его зовут Геной, — странно улыбнулась Аня. — Это ж надо. Он тоже, когда я ещё училась в школе, увивался за мной, ха-ха-ха. Кстати, а вот и он выходит на улицу, — резко и радостно бросила она. — Постарайся уговорить его.

— Гена, здравствуйте. Видите ли... Приехали мои старики. Им надо показать свидетельство о браке. Сделайте — отблагодарим.

И он согласился. Забрал их паспорта и, пока застолье продолжалось, он успел вернуть документы назад.

Когда родители спросили Рувина на своём языке, зарегистрированы ли они или нет, и, получив утвердительный ответ, сникли.

Пришла беда — отворяй ворота. Ошибки сыпались как из рога изобилия. И жизнь вскоре так накажет его, Рувина, за безволие, за похоть, за отсутствие духа, что он окажется на грани нервного срыва. Но всё это было ещё впереди. А пока мать тихо, со слезами на глазах говорила отцу, что сына, наверное, напоили какими-то снадобьями, если он не в силах выйти из любовного оцепенения. Услышав это, Рувин подумал про себя: «А люблю ли я её? Или меня загоняет в угол моё распутство?»

Вопросы ставил, а ответов не находил. И сейчас, спустя 45 лет, он не знает, как объяснить то, что с ним тогда происходило.

...Родители постепенно успокоились. Во-первых, им понравились родители Ани. Во-вторых, невестка была обаятельна и всё время улыбалась, общительна.

Переговорив между собой, родители пришли к выводу, что молодых надо забрать к себе, «чему быть, того не миновать», — успокоил отец мать.

— Да, собачья дочь красивая! Не влюбиться в неё нельзя! — произнесла мать на своём языке.

Вечером, как ни в чём ни бывало, стали говорить о приданом. Этим, конечно, занимались обе матери.

— Вот пуховое одеяло и подушки — больше ничего дать не могу, — отрезала мать Ани.

На том и порешили.

Как только вернулись в свой город, мать и родственники стали усиленно и увлеченно готовиться к свадьбе — как-никак Рувин был единственным сыном.

Пригласил Рувин на свадьбу и своих сотрудников из Дома пионеров, и первого секретаря горкома комсомола, который хорошо относился к нему.

На свадебном торжестве веселились до трёхсот человек. О ней и о молодых по городу ходили всякие слухи: и добрые, и злые.

Через месяц Аня сообщила Рувину, что беременна. Его счастью не было конца. Он целовал её, не позволял ей носить тяжести. Мать подносила ей самое вкусное.

— Наверное, семимесячный родится, — тревожно заявила Аня Рувину. — Что-то живот раньше времени поднялся.

И Рувин стал считать: такого-то числа они познакомились, такого-то впервые переспали, такого-то должен родиться семимесячный ребёнок, а такого-то девятимесячный...

Хоть и прокрадывались в душу сомнения, Рувин решил пока не делать скоропалительных выводов и подождать.

На дворе стоял апрель. Однажды он совершенно случайно, войдя в комнату, обратил внимание, что Аня бьёт себя по животу. «Что это с ней? — недоумевал он. — Что с тобой? — спросил он. — «Мучает меня, — пожаловалась она. — Сил моих больше нет», — стала она оправдываться.

И Рувин опять не стал делать выводов, хотя сомнения усиливались.

В комнату вошла мать и, видя состояние Ани, сразу упавшим голосом произнесла:

— У неё начались схватки. Горе мне. И семи месяцев нет!

И Рувин отвёл её в больницу, благо, она была расположена в пяти минутах ходьбы от дома.

Назавтра утром Рувин был уже в родильном отделении. Медсестра весело объявила ему, что у него родилась дочь.

— У вас прекрасный ребёнок. Девятимесячный, три с половиной килограмма, рост 50 сантиметров. Так что танцуйте, — тараторила медсестра, ожидая за своё сообщение получить вознаграждение,

Рувин положил ей в руку деньги и попросил пригласить к нему жену. Они говорили через стекло. Так как разговор должен был быть интимным, то он, естественно, не мог с ней переговариваться. А потому достал бумагу и карандаш и написал: «Расскажи, пожалуйста, обо всём честно. Ругаться не буду. Не мог же ребёнок родиться через шесть месяцев и двенадцать дней. Такого ещё не бывало. Да и медсестра сказала, что ребёнок девятимесячный, значит, ты за меня вышла замуж, уже будучи беременной. Так кто её отец?»

Она стояла бледная. В глазах была неизбывная тоска. Поняв, что более обманывать нельзя, нет смысла, она взяла через отверстие в дверях бумагу и карандаш и подробно во всём призналась. «В первый раз я отдалась, как я уже рассказывала, Андрееву из техникума. Затем, перед тем, как закончить учёбу в техникуме, когда ждали распределения, мы с Клавой решили остаться в вашем городе. Но мы не знали, кто бы нам мог помочь. Тогда Клава и предложила: «Давай, говорит, сходим к секретарю горкома комсомола и попросим его оставить нас здесь и найти нам работу на станции юных натуралистов». — «А если он предложит нам переспать с ним?» — спросила я. — «Отдадимся. Все равно мы уже не девственницы». Договорились и отправились к нему. Но он решил заняться любовью только со мной. Вот и всё».

«Боже мой, да он ещё на свадьбе сидел у нас!» — ужаснулся Рувин, вспомнив, что тот ещё подарил им футляр для патефона.

— Где ж ты с ним занималась любовью? — написал Рувин и приложил листок к стеклу, чтобы она могла прочитать.

Она на оставшемся клочке бумаги дописала: «В первый день он попросил Клаву уйти. Когда мы остались одни, он закрыл свой кабинет на ключ, задёрнул на окне занавески, попросил меня раздеться догола и, посадив меня на свой письменный стол, занялся со мной любовью. И в другие дни так же. Вот и всё. И больше, пожалуйста, не задавай мне вопросов. Не мучай меня, *у* меня нет больше сил». Но, передохнув, добавила: «Думала, что подгоню хотя бы под семимесячного. Не вышло. А признаться с самого начала о своей беременности не хватило смелости. Боялась сказать. Поступай, как хочешь. Ты ни в чём не виноват. Мне жаль, что потеряла тебя. А я ведь успела полюбить тебя!»

«Вот и всё», — писала она. Всё ли? Ещё сколько раз она его подведёт подобным образом! Если бы он всё это мог предвидеть. Это было только начало. Это была пока только драма. А трагедия ждала его ещё впереди. И она не за горами будет.

А пока первое, что сделал Рувин — это завернул футляр для патефона в газету и отнёс в горком комсомола. Положил его на стол первому секретарю и бросил: «Спасибо за подарок, у тебя родилась незаконная дочь!» И вышел. Тот не успел издать даже звука: слова Рувина прозвучали для него как пощёчина!

Дома он посоветовался с родителями и решил отвезти Аню с ребёнком в станицу и вернуться.

Он отправил её родителям телеграмму: «Аня родила девочку. Обе чувствуют себя хорошо. Скоро будем. Рувин.» Там сначала ничего не поняли, почему с новорождённым ребёнком надо мотаться в поездах. Потом, немного поломав голову, догадались, что их дочь наверняка что-то натворила.

Перевязали её приданое, собрали чемодан, подарили ей тёплое одеяло для ребёнка — и они уехали,

И вновь, как и полгода назад, станция Тихорецкая. Хоть на дворе стоял апрель, но погода была мерзопакостная, слякотная, неуютная. Они сидели в зале ожидания, который был битком набит пассажирами. Оба молчали — не о чём было говорить. Всё было сказано. Он молча ухаживал за ней: брал иногда ребёнка на руки, чтобы дать ей возможность размяться, заставлял её покушать чего-либо. От такой заботы на её бледном, измождённом лице и у краешка губ нервно блуждала благодарная улыбка. Даже в таком удручающем состоянии, в горе своём она была прекрасна. «Но как можно было за прописку и за работу отдаваться? — рассуждал Рувин в бешенстве. — Выходит, жили бы мы вместе, и её одну нельзя было бы оставить — загуляла бы». В такие минуты он её просто ненавидел. Но вслух он её не упрекал, не ругал, не унижал. Он просто время от времени повторял про себя один и тот же вопрос: «Как ты могла меня обмануть? Как ты могла меня обмануть?» Он вновь углублялся в свои невесёлые думы. «Произошла настоящая трагедия в моей жизни, — рассуждал он про себя. — Как могло это случиться? Почему она выбрала меня? На что она рассчитывала? Почему не сделала аборт? Неужели она имела только одну цель — выйти замуж, родить и, если номер не пройдёт, то развестись? А потом уехать к своим в станицу, объяснить, что родила от законного мужа, но не сошлась с ним характером и разошлась».

Но Рувин ни к какому выводу так и не пришёл: в голове был сумбур. Мысли путались. От усталости, нервного напряжения он просто был не в состоянии додумывать до конца свои мысли. Он не видел никого вокруг, хотя в зале ожидания было полно народу и стоял сплошной шум и гвалт. Он был отключён от внешнего мира. Он видел перед собой только её измождённое, но всё так же прекрасное лицо, распущенные до плеч изумительные волосы. «Теперь я знаю одно: мне назад в город пути нет, — думал он судорожно. — Нет-нет, я не должен там появляться. Какой позор! Какой позор! Я фактически обрёк себя на изгнание. Иначе меня все осмеют!»

Больше всего он сейчас жалел своих родителей. Как же они его уговаривали не совершать ошибки! Не послушался.

Э-эх, если бы молодость знала...

Очнувшись от своих печальных мыслей, он молча достал котлеты, которые им на дорогу приготовила мать, хлеб, солёные огурцы — и всё это разложил перед ней.

— Ты ешь, ешь, — тихо осипшим на нервной почве голосом просил он её.

— А ты? Посмотри на себя — совсем дошёл, — она виновато и благодарно смотрела на него и, наверное, думала про себя: «Да, поиздевалась я над тобой, дорогой мой человек. Что возьмёшь с дуры? Дура и есть дура!»

Потом, не глядя на него, то ли для себя, то ли для него, вслух с тяжёлым вздохом произнесла: «Родной мой, побил бы ты что ли меня. Легче бы стало у тебя на душе. Меня, сволочь такую, мало побить — растерзать надо! Я заслужила это. И себе никогда такого не прощу», — и она стала неистово кусать до крови пальцы рук, при этом тихо рыдать, проклиная себя.

А он тем временем не представлял себе, как привезёт её к родителям, как оставит, что и как объяснит. Он просто не понимал, как всё это произойдёт. А потому тревожно и гадко было на душе.

— Когда же придёт этот проклятый поезд? — со слезами на глазах прошипела она от злости.

Успокоив плачущего ребёнка, она вновь продолжила:

— Я оказалась скотиной, а ты, твои родители... как вы ко мне по-человечески отнеслись! Почему я не посоветовалась с тобой с самого начала? Ведь всё могло пойти по-другому. Я боялась, что ты от меня отвернёшься... И эта блядь, Клавка, всё твердила мне: «Смотри, не признавайся, а то потом весь город узнает. Опозоришься». Сука такая. Не надо было её слушаться. А теперь? А теперь я и опозорилась, и тебя потеряла... Я не выдержу. Это будет выше моих сил. Не вынесу я, — и она снова разрыдалась. — Не видеть тебя каждый день, не целовать тебя, твои красивые, добрые глаза, — она продолжала стонать. — Я ведь успела тебя крепко полюбить! Скажи, что мне сделать, чтобы ты простил меня, чтобы тебя не потерять? Не случись всего этого, ты любил бы меня? — она спрашивала и, не дожидаясь ответа, продолжала тыльной стороной руки вытирать горячие слёзы. — Ведь любил бы ты меня? Любил бы! — уже в истерике кричала она.

Она прижималась к нему, целовала его в глаза, щёки. А когда он, пожалев её, обнял, чтобы успокоить, она вдруг резко и твёрдо спросила:

— Скажи, что мне сделать, что предпринять, какую жертву принести за свои грехи, чтобы сохранить твою любовь ко мне?

Рувин молчал. Он вновь думал о своём — горе было безмерное. Очнулся — Ани рядом нет. Тревога охватила его. «Как бы чего сгоряча не выкинула?!» — и у него затряслась нижняя губа, помутилось в голове — он ничего не соображал. Он не знал, что предпринять, куда пойти искать её.

— Она сказала вам «ты посиди, я сейчас вернусь» и ушла с ребёнком. Вы, наверное, не слышали, — обратилась к нему соседка, которая видела, что у них стряслась беда.

— Нет, не слышал, — ответил он.

«Может, в туалет пошла, — подумал он. — Нет. Тогда она ребёнка оставила бы». В горле у Рувина пересохло. Потянуло спать. Голова ничего не соображала. «Как бы чего не натворила», — думал он с тревогой.

— Она вышла на привокзальную площадь, — сочувственно сообщила та же соседка.

Была полночь. Скоро должен был прийти их поезд. Он понимал, что в любом случае, будет ли он с ней жить дальше или нет, он обязан довезти её в целости и сохранности к родителям. «Что ей делать на площади? Неужели решила убить ребёнка? — пронеслось в голове. — А ведь может — в таком состоянии. Как же я не заметил её ухода?» — ругал он себя.

— Будьте добры, поглядите за нашими вещами, а я пойду поищу её, — обратился он к соседке.

Он обошёл вокзальную площадь, но Ани он нигде не увидел. Тогда ему пришла в голову другая страшная мысль: она решила подкинуть ребёнка. Он быстро вбежал в отделение милиции, которое находилось тут же в зале ожидания.

— Умоляю вас, поищите, пожалуйста, мою жену с ребёнком. Она, как говорят соседи, вышла на привокзальную площадь. Произошло это минут двадцать назад. Я даже не заметил, когда она ушла.

— Кому она нужна с ребёнком, — захихикал дежурный офицер, — найдётся, — небрежно бросил он. — Красивая она? — подмигнув Рувину, нагло и развязно пошутил тот.

— Я прошу вас, — не обращая внимания на хамство офицера, продолжал настаивать Рувин и, обессиленный и непонятый, вышел.

Рувин еле дошёл до своего места в зале. Тяжело грохнулся на лавку и закрыл лицо ладонями. Опомнился, когда кто-то грузно опустился рядом с ним. Посмотрел — Аня. Но уже без ребёнка. У Рувина похолодела голова, появилась испарина, он схватился за сердце, ноги стали ватными, будто их не было, в глазах потемнело, но он за счёт молодости ещё держался и не падал. Когда он слегка пришёл в себя, то заметил, что Аня смотрит на него отрешёнными, помутневшими глазами.

— Я оставила ребёнка на крыльце одного частного дома. Не задавай вопросов. Ребёнок мой, и я вправе делать с ним, что хочу. Я сама в ответе за него. Мне душно, давай выйдем на воздух.

Рувин уже не в силах был что-либо предпринять, соображать, сказать. Он не понимал, что с ним происходит, «на каком корабле и куда он плывёт». Зал ожидания с людьми, вещами то медленно отдалялись, то так же медленно приближались. Всё кружилось перед глазами в едином хороводе. Он прикрывал ладонями глаза, а плавающая картина продолжала маячить перед глазами.

— Ань, пойдём заберём ребёнка. Он ни в чём не виноват, — когда слегка пришёл в себя, обратился он к жене, стал её умолять.

— Нет, — поддерживая его руками, чтобы он не свалился, приглушённо, но твёрдо заявила она. — Чему быть, тому не миновать. Может, когда не станет плода моего позора, ты останешься со мной! Может, забудешь обо всём, что произошло. Давай выйдем из зала, а то и тебе становится худо.

Рувин собрал последние силы, взял вещи в обе руки и только хотели выйти из зала, как туда вбежали средних лет мужчина и женщина с ребёнком на руках.

Аня поняла, что в свёртке её ребёнок, испугалась и, схватив Рувина за локоть, подтолкнула его вперёд. «Плохо мне, давай быстрее выйдем!» — чуть не закричала она истерично.

Они вышли на площадь и пристроились на лавке у вокзальной стены.

— Я заявлял о твоей пропаже в милицию, — признался он, когда свежий воздух подействовал на него благотворно.

— Ребёнка вернули, если ты заметил. Значит, нас будут искать. Давай сядем раздельно, — и она пересела на другую лавку.

Тем временем высокий старшина, который присутствовал при разговоре Рувина с офицером, освещая фонариком лавки, заглядывал в лица пассажиров. Рувин понял, что он ищет именно его — ведь его в зале не оказалось. Но когда он осветил лицо Ани и увидел её измученное лицо и тревогу в глазах, обратился к ней:

— Ваш паспорт, гражданочка.

Её паспорт был в чемодане, а чемодан стоял у ног Рувина, так что ей пришлось попросить Рувина:

— Рувин, я не могу двигаться, у меня нет сил. Достань мой паспорт.

— Так вы вместе? — и старшина подошёл к Рувину. — А-а, так вот вы где? А я ищу вас в зале. Вашего ребёночка нашли, а вы беспокоились, — издевался он над ними. — Пройдёмте в отделение милиции, — попросил он.

Удивительное дело: когда у человека страшное горе, то ему всё нипочём — ни любопытные взгляды людей, ни их мнения, ни то, что творится вокруг. Человек становится просто ко всему безразличным. И даже к собственной жизни.

Они поплелись за старшиной. В другое время, произойди с Рувином что-нибудь похожее, он бы, как говорится, провалился бы сквозь землю! Сейчас же это его не трогало, потому что главное для него был другой вопрос — останется ли он с ней? Простит ли он ей её обман... Так что «поход» в милицию его особенно уже не волновал — он был доволен, что ребёнок возвращён.

Вместо дежурного офицера-хама за столом восседал уже другой, выше чином — чернявый подполковник. «Видимо, армянин, — решил меж тем Рувин. — И, наверно, он начальник отделения». Начальник спокойным тоном пригласил их сесть. Тут только Рувин обратил внимание на расположившихся на лавке мужчину и женщину, державшей на руках ребёнка.

— Передайте, пожалуйста, ребёнка матери, — попросил подполковник женщину.

Та передала ребёнка Ане.

— Извините за беспокойство, доставленное вам этими молодыми людьми. И спасибо вам. До свидания, — доброжелательно сказал начальник.

Когда те ушли, он спросил их по-отечески спокойно:

— Рассказывайте, ребята, что у вас стряслось и почему подкинули ребёнка, — он внимательно посмотрел на Рувина и обратился к нему

по-армянски:»Ты армянин?» — «Нет», — на армянском языке ответил Рувин, чем приятно удивил начальника.

Рувин честно и откровенно рассказал подполковнику о том, что с ними произошло и что Аня необдуманно, не согласовав с ним, решила так поступить с ребёнком.

— Выходит, крепко она тебя любит, если пошла на такое! — и он хитро заглянул ему в глаза. — Ладно. Протоколировать не будем наш разговор, но на учёт поставим. Затем через некоторое время поинтересуемся, как у вас дела, что с ребёнком. Договорились?

— Да, — ответила Аня, кивнув головой.

— За чистосердечное признание спасибо. Понимаю ваше положение. Но другой на моём месте привлёк бы вас за детоубийство. Это страшное дело. Вам повезло, что я оказался дома. Я вас отпускаю и желаю вам счастья!

Встреча с этим человеком подействовала как бальзам на душевную рану Рувина. Они оба сердечно поблагодарили подполковника и вышли в зал.

— Они в стрессовом состоянии, старшина. Помоги им сесть в вагон, — приказал он.

— Может, я их до станицы провожу, товарищ подполковник? — решил угодить начальнику старшина, видя, как тот по-доброму настроен сегодня. — Уж очень красивая пара!

— Буду благодарен. Разрешаю, — чуть ли не торжественно произнёс начальник отделения.

Это была та самая станция Тихорецкая. Сколько раз ещё придётся Рувину на ней делать пересадки!? Ведь трагедия на этом не завершалась. Она продолжится с некоторыми временными интервалами.

Утром они прибыли в станицу. Рувин сошёл с вагона первым, принял ребёнка, затем помог сойти Ане, принял вещи, которые передал старшина милиции.

— А вы пара хорошая! Удачи! Честь имею, — высказался старшина и взял под козырёк.

Родители Ани встретили их сухо. Рувину показалось, что они считают, будто во всём, что натворила их дочь, виноват он, Рувин. Тёща ругала их, безмозглых, на чём свет стоит. А они, измученные, потрясённые всем тем, что с ними произошло, не в силах были что-либо сказать. Но Аня всё же собралась с духом и коротко поведала матери о своей неприглядной истории.

— Не простишь ей? — спустя некоторое время спросила тёща Рувина.

— Не знаю, — мрачно ответил Рувин.

— Тогда зачем приехал? — грубо спросила она.

— Мать, — заорала Аня, не выдержав. — А кто меня провёл бы, как ты думаешь?

— Ну, как хотите, — не найдя что сказать в ответ, поняв, что чушь понесла, махнула она рукой. — Идите поешьте, — грубо приказала она.

Не только есть, но и разговаривать оба были не в силах. О какой еде могла идти речь, когда нервы были на пределе. Рувин умылся и пошёл спать.

В середине дня, когда Рувин проснулся, его вновь пригласили поесть. Он вновь отказался, ссылаясь на отсутствие аппетита. Его тошнило от еды. Его вообще всё время после Тихорецкой тянуло рвать. «Это на нервной почве», — подумал Рувин.

— Когда он уедет? — грубо, громко, чтобы услышал Рувин, спросила мать.

— Мать, что ж ты хамишь? — не выдержала Аня. — Он же ни в чём не виноват.

— Ну, сама и разбирайся, — буркнула мать.

До вечера Рувин сидел молча во дворе, курил много, ни с кем не разговаривал — ещё не пришёл в себя. И лишь вечером, когда он вновь лёг спать, страшно застонал — нервы сдали. Он беззвучно всхлипывал. Он понимал, что через день, а, может, и завтра уедет, оставит её, и они расстанутся навсегда. Он сам не знал, кого он больше жалеет: себя или Аню? Странное дело: трудности, пережитые двумя людьми, крепче связывают их, делают их близкими, дорогими, родными. Он плакал и не вытирал слёз. Он не обратил внимания, когда Аня легла рядом. Он понял это лишь тогда, когда она стала облизывать слёзы с его лица, с глаз, Она просила обнять её, поцеловать, обласкать, а он даже не в силах был дотронуться до неё — будто оцепенел. И даже тогда, когда она сняла с себя трусики и прижалась к нему — и это его вовсе не тронуло, не возбудило — настолько нервы были напряжены. Она что-то говорила, ругала себя, а он опять заснул — так организм боролся с нервным перенапряжением.

Утром, когда Рувин проснулся, Аня, полулёжа, нежно смотрела на него спящего и роняла горячие слёзы. Она, заплаканная, с опух-

шими за ночь глазами, как только он проснулся, спросила: «Ты когда хочешь уехать?» И спросила-то так, потому что была уверена, что он всё равно покинет ее, не простит ей.

Рувин молчал. Он не хотел, физически не мог говорить. Он всё ещё не мог переварить всё то, что с ним произошло. Он не мог выйти из шокового состояния.

— Не хочешь на прощанье заняться со мной любовью? — глухим, надтреснутым от горя голосом спросила Аня, гладя его по шее, плечам.

Аня, видя, что он не реагирует на ласки, что он не в состоянии двигаться, замолчала.

— Надо родителям завтра дать телеграмму, а то с ума сойдут, — тупо уставясь взглядом в потолок, прошептал он. — Ведь наверняка хотят знать, как мы доехали, как дела, — произнёс он отрешённо.

— Утром пойдём на почту, — успокоила его Аня и вышла в сени.

— Чего ж ты его держишь, если он не хочет с тобой жить? Нехай уматывается. Как ты могла за еврея выйти замуж? — безо всякого стеснения громко упрекала мать свою дочь.

— Мать, что ж ты кричишь? Я умоляю, не надо, — и Аня заплакала от грубого вмешательства матери. — Он ведь ни в чём не виноват, пойми ты, — поясняла она сквозь слёзы. — Если хочешь знать, сотня наших казаков его ногтя не стоят. А ты — еврей да еврей. Да такого еврея найти ещё надо!

— Когда собирается уехать? — более спокойно спросила мать.

— Уедет, уедет, мать. Он пока в шоке, он не способен двигаться — ему плохо, — и Аня глухо разрыдалась. — Уедет, и я буду несчастной, на всю жизнь горемычной.

— Сама виновата, не надо было блядовать! — безжалостно бросила мать. — Ума нема, считай калека. Вот и мыкайся теперича. Ты хоть знаешь, кто настоящий отец этой девочки? — хлестала словами мать свою дочь.

— Знаю, знаю, не терзай ты меня, — умоляла она, — я и так истерзанная вся, убиваюсь, а ты... — продолжала она рыдать.

Аня вошла в комнату и легла рядом с Рувином.

— Ты всё слышал? — сквозь всхлипывания спросила она.

— Да, — безразлично ответил Рувин.

— Отсталая женщина, не обращай внимания, пусть себе гутарит, що хочет, — умоляла она его не обижаться.

Она хотела целовать Рувина, обласкать его, но боялась дотронуться до него — знала, что у него сдали нервы. «Он, наверное, из-за нервного срыва и не смог-то сразу вернуться домой», — подумала Аня. Но долгое молчание Рувина обеспокоило Аню. Она приподнялась и посмотрела на него — он как-то уставился в потолок и плакал бесшумно. Она стала целовать катившиеся по его щекам горячие, жгучие слёзы. И настолько увлеклась этим занятием, что начала целовать его в губы, глаза, ласкать его грудь, живот. Она настолько увлеклась, что, стянув с себя трусики, притянула его руку к своим прелестям и оставила её там. Жизнь брала своё — они оба вновь ожили, забылись, заёрзали. Она сама стянула с возбудившегося Рувина трусики и сразу полезла под него — и он жадно вошёл в неё. Боже, сколько же дней они не занимались любовью! Насладившись друг другом, они остались лежать в постели голыми, неукрытыми. Уставшие, но довольные, они даже не заметили, как дверь в комнату открылась и туда заглянула мать. Она безо всякого стеснения подробно изучила их голые тела, постояла, а затем проворчала:

— Не пойму я ни хрена, — пробубнила она. — Кричат, что расходятся, а сами вовсю трахаются. Какие-то ненормальные, — и она, сама, видимо, возбудившись, резко захлопнула за собой дверь.

Тут только Рувин и Аня спохватились и поняли, что заходила мать. Они посмотрели друг на друга и вдруг сразу одновременно расхохотались: ведь голые лежали.

— Ой, мать с ума сойдёт. Ведь она молодая женщина. Ты знаешь, сколько ей лет? — говорила развеселившаяся Аня, — всего 49! У отца язва желудка и, видимо, он часто не может с ней заниматься любовью, поэтому она ходит как бешеная. Может, потрахаешься с ней? — и она так озорно захохотала, что в глазах слёзы появились. — О-о, как она тебя любить будет! Честное слово. Я не буду ревновать, вот тебе крест... Сразу тише станет.

Развеселились, пошутили, ожили, немного пришли в себя и стали чувствовать себя вновь молодыми, озорными. Теперь они лезли друг на друта, катались по постели, забавлялись как дети, пока наконец опять не возбудились... И снова сладостные мгновения, ласки, поцелуи... Жизнь для обоих вновь забила ключом, будто никакой трагедии и не было в помине.

— Матушке повезло, — захохотала Аня, — она впервые в жизни увидела обрезанного мужчину, ха-ха-ха. — Слышал, как она кричала: «Расходятся, а сами трахаютоя и трахаются!»

А Рувин между тем думал: «Ну и слава богу, что Аня снова стала прежней Аней — общительной, весёлой. А то можно ж в сумасшедший дом попасть».

Назавтра утром они отправились на почту, и он дал родителям такую телеграмму: «Выезжаю завтра. Всё нормально. Рувин.»

— Всё-таки уезжаешь? — грустно спросила Аня.

— Надо подумать. Не могу же я остаться у вас. Не забывай, мне скоро 23. Завтра же призовут в армию, чуешь? Тогда вообще останешься без меня надолго. А мне надо еще в институт поступать...

— Ты прав, — нехотя согласилась она. — Ты будешь писать? — нежно спросила она.

— Да. И дай мне своё фото, — попросил он, — чтобы на других не заглядывался, — и он весело засмеялся.

— Я тебе дам. Попробуй только с другими любовь крутить! Смотри у меня, —полушутливо и полусерьёзно пригрозила Аня.

— Летом сдам документы в наш университет, — перевёл он разговор на другую тему. — А ты чем займёшься?

— Чем-нибудь да займусь — не сидеть же мне на родительских харчах. Вот немного ребёнок подрастёт...

— Как назовёшь её?

— Надей хочу.

— Ну и пусть будет Надей.

Так и расстались.

В июле Рувин вместе со своим другом детства Гаврилом поехал в столицу республики. Гаврил хотел поступить в строительный техникум, а он — в университет. Наняли комнату с помощью своих матерей у пожилой еврейки, уроженки их городка. Она была знакома с их матерями и, как потом призналась, вроде поэтому и взяла их квартирантами, но как выяснится позже, и не только по этой причине...

В конце пятидесятых годов впервые в вузы принимали вне конкурса тех, чей трудовой стаж составлял более двух лет. Так что Рувину повезло. Он стал студентом филологического факультета университета... А Гаврила приняли после десятого класса сразу на третий курс техникума.

Хозяйка дома, а у неё было четыре комнаты, жадная до денег женщина, жила с дочерью-медсестрой в одной комнате, а в три другие постоянно пускала временных квартирантов. Она превратила свой дом

в нелегальную гостиничку. Останавливались тут и проститутки, которые приводили случайных ухажёров, и пьяницы. Словом, всякий сброд. И её взрослая дочь, которой давно пора было выйти замуж, становилась свидетельницей ночных оргий.

Рувин с Гаврилом подумывали уйти отсюда, но никак не могли найти подходящего места. Тем временем они постепенно невзлюбили и хозяйку, и ее дочь.

Проходило время, и они о хозяйке узнавали много нелицеприятного. Когда-то красивая, но пустая девушка, она вышла замуж за не очень внешне симпатичного молодого, но умного агронома, окончившего сельхозинститут. Со временем муж, став кандидатом наук, поднялся по служебной лестнице: его назначили начальником управления министерства сельского хозяйства. Вот тогда предоставили ему эту большую квартиру в центре города. Родила она сына, затем дочь. Когда сын женился на русской девушке, он взял в аренду однокомнатную квартиру и ушёл со своей возлюбленной от матери. Как выяснится потом, он оставил мать, потому что та, кроме того, что погуливала от отца, да ещё устроила ему, уважаемому в республике человеку, скандал, когда тот развёлся с ней, неверной женой. Она написала в обком партии жалобу, мол, такой-то коммунист не достоин быть в рядах партии, потому что бросил жену с двумя детьми. Правда, дети к тому времени были уже большие. А в обкоме КПСС и разбираться не особенно разобрались, потому что его место оказалось нужным для родственника высокопоставленного лица. Так что её жалоба была как нельзя кстати. Так эта гулящая женщина смешала отца своих детей с дерьмом.

Вот у такой аферистки, бывшей похотливой женщины и жили Рувин с Гаврилом.

В дом хозяйки часто заглядывала подруга дочери хозяйки — красавица-еврейка. Как выяснилось, она тайком приводила сюда своих «клиентов» и спала с ними до утра. Вот тогда Рувин и Гаврил поняли, почему, нет-нет, эта распутная красавица заигрывала и с ними, строила им глазки, бросала в их сторону обжигающие взгляды, а иногда как бы в шутку и невзначай во время пустого смеха кокетливо прижималась то к одному из них, то к другому. Короче, нагло предлагала себя этим красивым и стройным парням.

— Не нравится вам Марьям? — хитровато-плутовато спрашивала дочь хозяйки, когда подружка уходила. — А какие девушки вам нра-

вятся? Какой у вас вкус? —противно приставала она со своими глупыми вопросами.

Мерзко чувствовали себя Рувин и Гаврил в этом бардачном доме. Но некуда было уйти! Вдобавок Клара (так звали дочь хозяйки) призналась, что её мать взяла их потому, что они красивые и холостые ребята, что её мать вообще любит красивых мужчин и хочет, чтобы её дочь тоже вышла замуж за красивого. «Я поэтому за кого попало и не выхожу, — объясняла она им самым серьёзным образом. — А ещё мать обещает, что в случае удачного замужества отдаст мне этот дом целиком», — важно подчёркивала она.

Настолько «многозначительно» и «многообещающе» звучало все это в устах этой Клары, что Рувин и Гаврил ещё больше возненавидели её и её мать! Стало ясно, почему старуха, пускавшая только временных квартирантов, взяла их, так сказать, на постоянной основе. Ларчик открылся очень просто. И помогла открыть его её неумная, глупая дочь. А Клара, ничего не подозревая, всё старалась понравиться им. Как только они возвращались домой после занятий, она постоянно вертелась вокруг них: прибирала в их комнате и при этом заводила с ними пустые разговоры. Вся беда этой Клары заключалась в том, что она не знала и не догадывалась о том, как она была противна Рувину и Гаврилу. Чуть позже её распутная подружка Марьям однажды открыла им маленький секрет: «Клара ждёт — не дождётся, когда кто-нибудь из вас трахнет её. После этого она объявит об этом во всеуслышание, что потеряла невинность и потребует жениться на себе. Причём, им с матерью совершенно безразлично, кто из вас окажется «жертвой». Только учтите, я вам ничего не говорила», — и она приложила палец ко рту, тем самым прося не выдавать её.

Одно не поняли Рувин и Гаврил — почему эта Марьям «заложила» свою подругу.

...После разлуки с Аней, чтобы Рувин меньше думал о ней и о случившейся трагедии, Гаврил всячески старался отвлечь его: то приглашал на вечера в своём техникуме, то в кинотеатр, то на городскую танцплощадку. «Да найди ты себе какую-нибудь добрую девушку, чтобы меньше думать о своей Ане. Что ты себя истязаешь? Странный ты парень.»

Гаврил видел и знал, как страдает Рувин и как ему, пережившему любовную трагедию, стало всё на свете безразлично, как он потерял

ко всему интерес. Помнил Гаврил, как Рувин до знакомства с Аней озорно поглядывал на хорошеньких девушек. А сейчас ни одна девушка его не привлекала, какой бы красивой она ни была. Это настораживало и убивало Гаврила, потому что он понимал, что что-то стряслось у Рувина с психикой.

Но однажды всё же в душе Рувина пробьётся брешь. И случится это так. Как-то Гаврил потащил-таки Рувина на городскую танцплощадку. Как только объявили «белый танец», к Рувину молниеносно подскочила девушка и робко пригласила его на танец. И он не смог отказать ей.

— Я подбежала к вам, — заговорила девушка, страшно побледнев, — думая, что меня могут опередить другие.

Рувин краешком губ улыбнулся девушке.

— Вы чем-то очень и очень озабочены. В ваших красивых глазах сидит такая глубокая тоска, будто вы недавно похоронили дорогого вам человека, — шёпотом, будто бы по секрету, заглядывая Рувину в глаза снизу вверх, произнесла девушка.

Он опять слегка улыбнулся и так же шёпотом ответил:

— Вы почти угадали.

— Да-а... У каждого человека хватает своего горя, — тяжело вздохнула партнёрша Рувина.

— И у вас случилось горе? — поинтересовался Рувин.

Она смолчала. Прижавшись к нему крепко в знак солидарности, она вдруг резко, откинув голову назад, произнесла:

— Знаете что? Мне кажется, что мы оба обожглись в этой жизни, а потому, как бы вы обо мне дурно ни подумали, я наберусь смелости и предложу вам прогуляться со мной по городу. Уйдёмте отсюда? — взволнованно пролепетала она, слегка заикаясь от волнения.

Рувин в знак согласия кивнул головой. Он предупредил Гаврила, что уходит, чем приятно удивил своего друга, и ушёл с новой знакомой.

— А вот здесь, — когда они проходили мимо какого-то двора, — я с теми своими подружками и живу на квартире... — Затем, остановившись, заглянула Рувину в глаза и спросила: «А мы не познакомимся?»

— Почему же? Можно, я Рувин Нисуев, а вы? — в тон ей весело ответил он.

— Я Вера Кочергина. Уроженка Адлера, что близ Сочи. Слыхали? — и она взяла Рувина под руку.

Эта девушка с кошачьими зелёными глазами понравилась ему: она была искренна, проста и откровенна.

— Если бы ты (она вдруг незаметно для себя перешла на «ты») знал, как я волновалась прежде чем пригласить тебя на танец! Как я рискнула, даже не знаю. Я редко хожу на танцы. Прихожу с работы усталой и никуда не хочется идти. Это подружки мои, с которыми живу, потащили меня. «Хватит, говорят, одной грустить, давай собирайся!»

— Кем ты работаешь? — перешёл и Рувин на «ты».

— Я медсестра в детском садике.

— Извини, пожалуйста, а сколько тебе лет?

— Двадцать один, — Она внимательно посмотрела ему в глаза и с улыбкой спросила. — Старая, да?

— Старухи на танцы не ходят, — пошутил Рувин. Затем неожиданно спросил: — Замужем была?

Она резко остановилась, потупила взор, почувствовала себя неловко — она не ожидала такого вопроса.

Он понял, что сделал ей больно. И, решив исправить положение и поднять ей настроение, как-то по-мальчишески озорно предложил:

— Вера, может, зайдём к тебе, пока твои подружки пляшут?

— Как же ты обо мне подумаешь? — искоса поглядывая на Рувина, с лукавой улыбкой в зелёных глазах спросила она.

— Подумаю точно так, как ты подумаешь обо мне. Если дурно, то значит и ты обо мне так же, — сказал он и внимательно заглянул ей в глаза. — Здесь нужна и важна взаимность. Мне кажется, мне с тобой будет приятно. А тебе как кажется?

— Мне тоже должно быть с тобой хорошо, иначе я не пригласила бы тебя гулять, — честно призналась Вера. — Чувствую я, Рувин, обожгла тебя жизнь. Ох, обожгла! Рассуждаешь умно, глаза наполнены печалью, в них глубоко засела неизбывная тоска, которая гложет тебя. Верно говорю? — сочувственно рассуждала она.

— Да, есть немного, — как бы самому себе признался Рувин. — Так что, зайдем? — повторил он свой вопрос.

— Что ж, — вдруг твёрдо и решительно согласилась она.

Не успев войти в комнату, Рувина бросило в дрожь: ему не терпелось дорваться до её тела. Он более трёх месяцев ни с одной женщиной не был в близких отношениях.

— Успокойся, Рувин, милый. Если я впустила тебя, то обязательно займусь с тобой любовью. Не надо волноваться, — и она стала его целовать в губы, щёки, глаза.

— Вера, давай так. Чтобы мы могли с тобой посидеть и спокойно побеседовать, позволь мне сразу разгрузиться, я давно не общался с женщинами.

Вера молча разделась, легла на кровать, закрыла глаза и лицо отвернула в сторону. Потом попросила:

— Потуши, пожалуйста, свет.

Он выключил свет. Разделся и, как изголодавшийся зверь, сразу «накинулся» на свою «жертву»! Быстро получив облегчение, он лёг на спину и задумался. Он был благодарен этой девушке. Она «не ломалась», не сопротивлялась, не строила из себя недотрогу. Он понимал, что так, как они сейчас, люди поступают, когда взаимно нравятся друг другу и знают, что оба — горемычные и обиженные судьбой, что оба нуждаются друг в друге.

Полежав несколько минут молча, Рувин, понимая, что, получив удовольствие, он между тем не удовлетворил её, решил в знак благодарности обласкать её. Он стал целовать её в губы, глаза... Делал он это страстно, темпераментно. Она постепенно заёрзала, откинула голову назад и заохала. Через минуту она дрожащим голосом попросила его: «Возьми меня ещё раз! Мне с тобой хорошо!»

И он вновь слился с ней в одно целое,

— Ты мой родной! Целуй меня в груди! Целуй, милый! — в состоянии сильного возбуждения просила она его.

И он выполнял все её просьбы — она ему нравилась.

Чуть позже с ними произойдёт забавная история. Насытившись друг другом, они, усталые, лежали на спине и молчали — не хотелось говорить. Вдруг дверь открылась, загорелся свет. На них, голых, в упор смотрели Эмма и Катя, подруги Веры, вернувшиеся с танцев. После небольшого шока, придя в себя, они прыснули со смеху. Затем хохот заполнил комнату: все они смеялись одновременно. Наконец Вера натянула на себя и Рувина одеяло и сквозь смех (аж на глазах слёзы появились) крикнула:

— Хватит вам. Стучаться надо!

— О-о, нет, дорогая, если бы мы постучали, мы бы такого кина не увидели, — шустро ответила Эмма. — Но как вы могли? Только познакомились — и сразу трахаться?! Ты меня извини, — в большом не-

доумении рассуждала она. — Это ж надо — сразу спелись. Ну ты, Верка, даёшь!

— Все это так, — сквозь смех выступила Катя, — а где я буду спать? — вот вопрос.

Вера предложила ей лечь к стене. Сама сдвинулась в середину, а Рувин оказался с краю. Было поздно, и Рувин очень уж не хотел идти домой.

— Рувин, смотри, ночью не перепутай Катю с Верой, — сострила Эмма.

— А, может, Катя будет не против? — так же шуткой ответил Рувин.

— Я тебе дам! — пригрозила Катя Рувину.

— Вот видишь, Катя уже готова дать мне, — острил и Рувин.

И вновь в комнате разразился хохот.

Этот вечер вывел Рувина из нервного напряжения. Он немного ожил, встрепенулся, превратился в того самого Рувина, каким он был до знакомства с Аней: жизнерадостным, весёлым, озорным.

И он стал встречаться с этой милой Верой. Она для него сейчас была своеобразной отдушиной. Но он сознавал, что Вера ни в какое сравнение с его Аней, конечно, не идёт. Но всё равно он был благодарен ей за всё: за дружеское отношение к нему, за сочувствие, за занятия с ним любовью. Особенно в восторге от Веры был его друг Гаврил, который вместе с Рувином иногда приходил к ним. «Чудесная девушка, твоя Вера! — говорил он каждый раз. — С такой и я с удовольствием встречался бы». Но не мог же Рувин сказать Вере: «Вера, я передаю тебя Гаврилу». Быть может, она и не возразила бы, ведь Гаврил был высоким, широкоплечим, стройным парнем. У него были исключительно красивые глаза. Был он добр, вежлив, мягок, внимателен.

Кто знает, может быть, со временем они смогли бы стать хорошей парой. Когда однажды Рувин намекнул Вере, хотела бы она иметь такого друга, как Гаврил, она, обидевшись, искренне и чистосердечно призналась: «Рувин, если бы ты женился на мне, то счастливей меня никого не было бы на свете! Вот так!» Сказав это, она неожиданно разрыдалась и осыпала Рувина поцелуями. Затем продолжила: «Я же знаю, что ты все еще любишь свою Аню. И знаю, что ты со мной до поры до времени. Сколько бы ты ни был со мной, я рада тебе, я счастлива с тобой! И запомни, — говорила она сквозь слезы, — мы с тобой пережили человеческие драмы, мы друг друга понимаем, мы можем друг

другу посочувствовать. А другие, какие бы они красивыми, добрыми ни были — это пустое дело».

...У Рувина день складывался примерно так: днём занятия в университете, затем работа над конспектами в библиотеке, вечером — или к Вере, или с Гаврилом на «тихие» прогулки по городу. А ночью... А ночью перед ним вновь всплывал образ той, которая крепко «насолила» ему в жизни. Он видел ее родинки у рта, ее хитровато улыбающиеся зеленые глаза, ее чудесные волосы пшеничного цвета, ее богатое тело, слышал ее смех, ее шутки... Боже, какая была разница между милой Верой и этой взбалмошной красавицей! Воистину все познается в сравнении. Выходит, встречи с Верой как бы возвращали его мысленно к Ане?! Выходит, сравнивая их, он сильнее желал Аню! Парадокс какой-то. Вот почему он, вспоминая её по ночам в постели, проливал скупые мужские слезы. Казалось, что никто и ничто не способен затмить её образ!

Аккуратно отправлял Ане письма, аккуратно получал от нее ответы «до востребования». Какие были эти письма! Сколько в них было страданий, душевных треволнений! И однажды всё же Рувин не выдержит и напишет ей: «Не могу без тебя! Душно мне без тебя! Не хватает тебя! Если сможешь, то приезжай ко мне дня на два-три». И она приехала.

Как ворчала и косо смотрела на Рувина хозяйка дома все три дня. Во-первых, она уверилась, что он уже не представляет интереса для ее дочери. Во-вторых, она поняла, что Рувин за проживание Ани ей не заплатит. Как она ненавидела Рувина! И терпеливо ждала своего часа — нагадить ему, отомстить.

— И везёт же тебе, друг мой, с бабами! — цинично пошутил однажды Гаврил. — И жена красавица, и любовница хороша! — без смущения выказывал Гаврил свою зависть в присутствии Ани.

Рувину подобного рода «шутки» Гаврила никогда и раньше не нравились, но по своему добродушию всегда прощал ему мелкие гадости и не обижался на него. Но Аня оказалась на высоте. Своим заявлением она приятно удивила Рувина и, как говорится, посадила Гаврила на место.

— Хорошие люди, Гаврил, всегда ценятся и нравятся, — страстно произнесла она. — Я рада, что несмотря на «левую любовь», Рувин всё же не может жить без меня! Это ж здорово! А то, что эта Вера заменяла меня, то я ей благодарна! Мой муж не должен скучать!

Гаврил обалдел. Он только и смог сказать: «Ну и ну! Везёт же людям!»

А однажды Рувин, прогуливаясь с Аней по городу, заметил, как мужчины заглядывались на неё. Да иначе и не могло быть: хороша собой, статная, привлекательная, кокетливая, всё время смеётся. Рувин же сгорал от ревности. А она меж тем подливала масла в огонь и приговаривала: «Видишь, как я всем нравлюсь?» При этом, чтобы Рувин не сердился, обнимала его и целовала. И добавляла: «Мой родной, моя ты прелесть, мне кроме тебя никто не нужен. Запомни это!» Он слушал её и думал: «Свежо предание, да верится с трудом».

А на вокзале, когда Рувин провожал её домой, она плакала, жадно целовала его, просила побыстрее перевестись в Краснодарский пединститут, говорила, что страдает без него, ждёт его с нетерпением!

...Как-то к ним приехала мать Гаврила тетя Берта. Гаврил у нее, как и Рувин у матери, был единственным ребенком. Женщиной она была довольно странной. Заботясь о благополучии сына, она добивалась этого благополучия довольно своеобразным способом. При этом она не столько о его счастье думала, сколько пеклась об удовлетворении собственного тщеславия. Она подыскивала для своего сына богатую невесту. Зная, что их хозяйка делает большие деньги на квартирантах и имеет огромный дом, да ещё в центре города, она старалась уговорить своего красавца-сына жениться на хозяйской дочери, которую и Рувин, и Гаврил физически не переваривали. И что самое странное — об этом и она знала. И всё же... И как только тётя Берта заявилась к ним, она при Рувине завела с сыном разговор о женитьбе на этой Кларе. Говорила она натужно, полагая, что никто их не слышит.

— Рувин, я предлагаю Гаврилу жениться на Кларе. Как ты думаешь? — обратилась она к Рувину, считая, что он поддержит её предложение.

— Не знаю, тётя. Не знаю, — тяжело вздохнув, с тоской в голосе ответил Рувин, поглядывая на Гаврила. — Гаврил уже взрослый человек, пусть он сам и решает. Слава богу, не маленький, чтобы за него мама занималась вопросом женитьбы, — слегка поддел тётю Берту Рувин. — Лично я никогда бы на ней не женился, — заявил он решительно.

Сказал сгоряча, а потом спохватился.

— Вот мы здесь обсуждаем свои проблемы, а эта Клара за этой стеной и подслушивает нас, весь наш разговор, — как можно тихо сообщил Рувин.

Когда все трое подошли к дверям комнаты, где спали хозяйка и ее дочь, они увидели там стоящую у перегородки бледную и растерянную Клару. Застигнутая врасплох, она не вымолвила ни слова.

— Вы поняли, тётя Берта, на ком вы хотите женить своего Гаврила? Вот вам и невестка! — возмущённо произнёс Рувин, когда вернулись в свою комнату.

Так эта недальновидная тетя Берта спровоцировала Рувина на откровенный разговор, который, как покажет время, будет иметь для Рувина страшные последствия.

Клара о подслушанном разговоре, естественно, передала матери, которая сидела на крыльце дома и торговала семечками.

Вот так Рувин, позабыв о поговорке «язык мой — враг мой», основательно еще хуже настроил хозяйку и дочь против себя.

Сдав зачёты и экзамены за первый семестр, Рувин вплотную занялся вопросом перевода в Краснодарский пединститут. Он знал, что с первого курса переходить из одного вуза в другой не разрешается. Тогда Рувин написал письмо ректору Краснодарского пединститута, объяснил причину перевода, и тот дал согласие. Но ректор университета ни в какую не соглашался отпустить его: «Нельзя — и всё тут». В поиске выхода из положения Рувин пришёл к мысли об обращении в «Комсомольскую правду». И «Комсомолка» поддержала его! Звонок из редакции ректору возымел действие. Ему выдали документы.

Мать Рувина, зная, что сын всё-таки решил вернуться к своей Ане, приехала к нему попрощаться. Собрали его чемодан, перевязали его, а вечером он пошёл на вокзал провести мать домой. Постоял с ней на перроне. Пообещал беречь себя, аккуратно писать ей. Она же уверила его, что будет ежемесячно высылать ему деньги.

Через два часа и Рувин отправился в путь. Сделал пересадку в том самом злосчастном Тихорецке. Утром же он был уже в станице. Как только он появился во дворе у своих, тут начался весёлый переполох. Несмотря на раннее время, они всей семьёй были уже на ногах. Все бросились обнимать его, целовать. Даже тёща, завидев Рувина, обвила его руками. Когда поели, он решил достать документы и сегодня же поехать в Краснодар, благо, он находился в часе езды отсюда.

Первое, на что обратил внимание Рувин, когда подошёл к чемодану — это то, что концы бельевой верёвки, которыми мать перевязала чемодан, были обрезаны. «Кто мог это сделать?» — возникло у Рувина сомнение, и недоброе чувство появилось у него. Он быстро открыл чемодан — там и половины документов не оказалось! «Украла хозяйка, когда я провожал мать домой», — догадался Рувин. И ужас охватил его. — Как же восстановить их?»

Несмотря на это, он всё же поехал в институт. Принял его проректор по учебной работе. Рувин рассказал ему о случившейся с ним беде. Тот попросил его написать заявление с просьбой до восстановления документов разрешить ему посещать занятия.

Он дал телеграмму матери. Она поехала к хозяйке, устроила ей скандал. И аферистка с удовольствием созналась, что сожгла его документы. Путём огромных усилий матушке выдали в университете дубликаты документов, и она срочно выслала их ему. Оставалось получить из Москвы дубликат аттестата зрелости.

«Когда я сказала Гаврилу, что хозяйка украла твои документы, — писала мать, — Гаврил возмутился: он плюнул в пол, мол, что за чушь я ему говорю. «Это, — говорит, — неправда».

Рувин негодовал, проклинал хозяйку и заодно друга-тряпку.

Вскоре дубликат аттестата пришёл, Рувина зачислили студентом первого курса филологического факультета. Стипендию ему не назначили — не положено было сразу после перевода. Место в общежитии не оказалось. Пришлось вновь быть квартирантом. Аня приезжала к нему раз в неделю. Иногда он ездил к ним в станицу. Так продолжалось до лета. Арендовать отдельную комнату у Рувина средств не было. Он и так сидел на шее у родителей. Аня же не работала — на руках был маленький ребенок. Он не мыслил себе, как они будут дальше жить. Ждать, пока он закончит институт и он начнет работать? Это еще целых четыре года.

— Родители хотят оставить ребёнка у себя, — успокаивала Аня Рувина.

— Но когда? Когда девочке будет год-полтора?

— Да.

— Придётся потерпеть, — сказал он и обнял Аню, чтобы успокоить её.

— Не хочу терпеть. Хочу всё время быть с тобой, — капризничала она, как ребенок.

«Неужели она не выдержит испытания на прочность?» — между тем с тревогой думал Рувин. — Если не выдержит, так тому и быть!»

Рувин перешёл на второй курс. Теперь ему предстояло по программе пройти педагогическую практику в пионерском лагере под Туапсе на Черном море. Его назначили пионервожатым, а студента третьего курса — воспитателем.

Перво-наперво Рувин решил со своим отрядом добиться безукоризненного выполнения лагерного режима. Во-вторых, задумал пойти с ребятами в поход в горы, по вечерам же учить их играть в шахматы, А когда в отряде несколько мальчиков сносно заиграли, решил организовать первенство лагеря среди мальчиков. В-третьих, надумал Рувин вместе с отрядом выучить две-три пионерские песни. Аккомпанировал на аккордеоне старший вожатый лагеря, студент третьего курса, молодой композитор. И в результате за неделю до отъезда домой его отряд занял второе место в лагере по многим показателям. Может быть, и не удалось бы Рувину привести свой отряд к такому успеху, если бы он ребят не стимулировал обещанием, что в случае призового места он повезёт их в лагерном автобусе на золотой пляж Джубги, где они встретятся с пограничниками. Это здорово заинтриговало ребят, и они аккуратно и активно включались во все мероприятия в лагере, вплоть до дежурства. А в Джубге им даже разрешили подняться на корабль пограничников, где они сфотографировались с моряками. Сколько радости, сколько впечатлений они получили! Всю оставшуюся неделю до отъезда домой его подопечные рассказывали всем ребятам в лагере о своей поездке в Джубгу!

Практику Рувин прошёл успешно. Всё бы ничего, да вот после экскурсии в Джубгу в отряде произошло «ЧП». Рувин и воспитатель весь вечер просидели у палатки в большой тревоге: из отряда исчез один мальчик. Они обошли всю огромную территорию лагеря, Рувин в одиночку обегал весь берег моря, обшарил все места на пляже. Когда вернулся, уже стемнело. Ни он, ни воспитатель не знали, как быть, что предпринять. Оба понимали, что если с мальчиком что-то стряслось, им не сдобровать — исключат из института, посадят в тюрьму. Нечего сказать — перспектива ожидала их «прекрасная»!

— Здравствуйте, — вдруг услышали они голос пропавшего мальчика.

Он стоял как ни в чем не бывало и тупо смотрел на пионервожатого и воспитателя.

— Ты где был? — нервно спросил Рувин, весь дрожа от волнения.

— У друга.

— У какого друга? — закричал воспитатель, уже не владея нервами.

— Я случайно встретил его в лагере. Это мой деревенский друг. Он в третьем отряде.

— И что?

— Я целый день гулял с ним.

— А где же ты питался?

— С ним ходил в столовую.

Так Рувин перенёс ещё одно нервное потрясение. «Везёт же мне!» — с горечью подумал он.

Во время пребывания в лагере Рувин, будучи в вечных заботах и хлопотах, полностью отдавшийся практике, почти не вспоминал о своей Ане.

Две недели ждал Рувин Аню росле возвращения из пионерского лагеря. А она всё не появлялась. И тогда он забеспокоился, не выдержал и съездил в станицу. Тёща встретила его холодно и сказала, что Аня устроилась рабочей на какой-то стройке. Объяснила, как туда добраться, и Рувин отправился на её поиски. Как же Аня была поражена, когда, перед ней неожиданно как из-под земли вырос Рувин. Она сразу побледнела, поначалу потеряла дар речи, будто её поймали на месте преступления, разоблачили в чём-то серьёзном.

Рувин понял — это измена! В который раз!? Он сразу сообразил, почему она так сильно растерялась. «Значит, любовник где-то здесь!» — подумал он. Он еще обратил внимание на то, как она, вместо того, чтобы обрадоваться его появлению, почему-то сразу сникла и отвела его в сторону.

— Ты откуда? — всё ещё бледная, спросила она растерянно. — Был у наших? Понятно.

— Тебе неприятно моё появление?

— С чего ты взял?

— Ты так холодно встретила меня, не обняла, будто и не соскучилась?! И давно ты устроилась сюда?

— С неделю.

— И кем ты работаешь?

— С сегодняшнего дня бригадиром.

— Так быстро тебя повысили?

— Стараюсь.

— Ну да ладно, — решительно сказал Рувин. — Я еду на месяц домой. Вернусь в начале июля. А ты пока повышайся. Может, мастером к тому времени станешь. А кто у вас главный?

— Его на стройке нет сейчас.

— Мне остаться сегодня?

— Как хочешь.

— Холодновато ты меня встретила...

— Я просто устаю.

Рувин вспомнил, как сегодня, придя к ним домой, тёща буркнула:

— Если вы не можете друг без друга, живите вместе, иначе она загуляет! За ней увивается вся станица. Потеряешь её, — Махнув от досады рукой, она грубо добавила:

— А по-моему уже начала... Иди и спасай её, если хоть сколько-нибудь любишь ее.

И вот теперь он поверил беспокойству тёщи.

— Ты почему перестала ко мне ездить? — продолжил он после небольшой паузы.

— Устаю я, — повторила она.

— Понятно.

Она ещё что-то говорила в своё оправдание, а он тем временем думал уже о своём. Может быть, думал он, эта страсть к половым сношениям у неё от рождения заложена? Или она повторяет ту же ошибку, что допустила в их городке? Там она отдалась ради прописки, работы, здесь — ради повышения и денег! Значит она неисправима. «Это, наверное, начало конца», — пришёл Рувин к выводу.

— Значит, ты уже бригадир? — стараясь не взорваться, спросил он.

— Вот потому и много работы, — старалась оправдаться она.

— Вы и в субботу, и в воскресенье работаете?

— Стройка есть стройка. Да и забота о ребёнке много времени забирает.

— И сколько же ему лет?

— Кому?

— Не ребёнку же?

— Не пойму тебя.

— Твоему начальнику, твоему благодетелю?

— Причём тут он. Не понимаю тебя.

— Девушка из твоей бригады, когда я спросил, где тебя найти, шепнула мне, что ты уже продалась начальнику, — придумал Рувин.

И каков был эффект!

— Да, он иногда пристаёт ко мне, — вынужденно согласилась она.

— И обещал хорошую денежную компенсацию?

— Да, — призналась она.

— Это ты говорила, что будешь меня всю жизнь любить?

— Я и люблю тебя.

— Любила. А любила ли? А теперь твоя любовь идёт на убыль.

Он повернулся и ушёл.

Она догнала его.

— Говорила я тебе, чтобы ты не оставлял меня одну подолгу, говорила? — закричала она истерично, чувствуя свою вину.

— У тебя что, в передке пожар? Выпирает из тебя? Или у тебя на роду записано добывать деньги проституцией? Значит такова твоя судьба! — выкрикнул он хлёстко. — А я-то, дурак...

Рейсовым автобусом он вернулся в Краснодар. Уединился в своём любимом скверике на Красной улице. Сидел в глубокой задумчивости. Курил сигареты одну за другой. Выкурил одну пачку, начал вторую. Никого не замечал, ничего вокруг не слышал. Он был в том состоянии, в котором находился в ту памятную ночь в зале ожидания на станции Тихорецкой, когда Аня подбросила ребенка. И сейчас он, углубившись в свои думы, он повторял один и тот же вопрос: «Зачем она так со мной поступила?» И, не найдя ответа, произнёс зло: «Сукой была, сукой осталась!» Сколько нервотрепок, сколько позора! И всё из-за этой дряни. Он тоже хорош — поиздевался над родителями. Не послушался их вовремя. Дурак набитый. И в 23 года дураком остался! «Чтобы постепенно забыть о ней, надо будет вновь завести любовницу или погуливать с разными девками. Короче, надо забыться в чужих объятиях», — размышлял с горечью Рувин.

Так и поступил. До отъезда домой, напиваясь, каждый вечер ходил в парк культуры на танцплощадку. Перед «походом» туда, Рувин выпивал «четвертушку» целиком и запивал пивом. И это входило уже в привычку, что было опасно!

К Рувину липли всякого рода девушки. Но его огорчало то, что некуда было приткнуться с той или иной «куклой». Порой в пьяном виде, занимался с ними любовью в подворотнях, у чужих окон. Хозяй-

ка, у которой он жил, не позволяла ему приводить домой, как она выражалась, всякую шваль.

И всё равно он вспоминал об Ане. В одночасье забыть её он не мог — слишком велика была тяга к ней, слишком много души было отдано ей! Поэтому порой, простояв на танцплощадке весь вечер, он ни с кем не желал танцевать — никто не затрагивал его сердца. Они все были ему безразличны и противны. Иногда он изнывал от ревности, тоски по Ане, хотя, как он полагал, она не заслуживала его любви.

Такова, наверное, человеческая природа: однажды полюбив человека по-настоящему, остаёшься с этим чувством на всю жизнь! Он вновь и вновь ждал её ласок, её тела, за которое теперь платил другой человек, её обаятельной улыбки, её звонкого смеха, её шуток!

И всё же однажды до его отъезда домой она появилась у него.

— Неужели соскучилась по мне?! Сделала одолжение, — встретил он её упрёком. — Садись и рассказывай подробней о своем любовнике, как и почему стала проституткой. Ведь ты за деньги ему отдаешься? Не по любви же, правда? — Рувин хлестал ее словами.

И она рассказала всё: и как его зовут, и сколько ему лет, и где его квартира в Краснодаре, и сколько денег даёт ей.

Рувин молчал. Сердце его разрывалось на куски. Душа изнывала и кричала: «Однажды обманула и родила от другого, а теперь вовсю изменяет. Не слишком ли?!»

Рувин за два дня до отъезда решил заняться своими студенческими делами: сдал учебники в библиотеку, составил отчёт о своей практике в пионерском лагере. В один из этих последних дней к нему вновь заявилась Аня.

— Он тебя на машине привёз? — догадался Рувин. — Что-то ты зачастила в город?

Она смутилась и смолчала.

— Так чего тебе от меня надо? — стал грубить он ей.

— Я тебя всё равно люблю. Я так в жизни никого больше не смогу полюбить, — искренне признавалась она. — С кем бы я ни была, я всё равно мысленно только с тобой! Запомни это!

— Но это меня не утешает,— спокойно ответил Рувин.

— Знаю. Дай срок. Может, всё образуется.

— А пока пусть тебя эта скотина трахает? Так что ли? Не беспредел ли это?

Ей нечего было сказать.

— Покажи мне своего любовника, — потребовал Рувин.

Она указала место, где её будет поджидать «газик». И Рувин увидел его. На вид было ему лет 38—40. Был он пузатым, плотным мужчиной, *у* него была медленная, высокомерная походка. Рувин запомнил, из какого дома он выходил. «Значит, мы с ним соседи», — зло произнёс Рувин.

— Я его не только не люблю, — продолжала Аня, — но и ненавижу. И пошла на это ради денег. Не хотела быть зависимой от родителей. Не могла же я вечно сидеть у них на шее.

— Это ж не оправдывает твоего поведения! Как ты, Ань, всё-таки низко пала!

Она не отвечала. Она плакала, роняла горькие, жгучие слёзы и приговаривала: «Почему я такая несчастная? Бог, наверное, меня наказывает за мои прегрешения!»

Порой их отношения между собой становились в некоторой степени забавными. Со стороны могло показаться, что они делятся своими планами, секретами как обычные друзья-приятели.

На следующий день, когда Рувин шёл с магазина к себе домой (в одной руке держал бутылку вина, в другой батон хлеба) вдруг впереди себя он по походке узнал любовника своей жены. Он резко окликнул его по имени и отчеству. Тот так же резко остановился.

Рувин подскочил к нему, размахнулся бутылкой и с гневным лицом выкрикнул:

— Ах, ты, сука! Чужих жён используешь! — и Рувин ещё раз замахнулся на него бутылкой. Его удержало от удара то, что несколько прохожих остановились возле них.

— Значит, у тебя лишние денежки на стройке завелись? На любовниц их тратишь? Крадёшь у государства и передаёшь шалавам? Выходит, ты приписками занимаешься? Вот доложу в крайком партии! — продолжал Рувин давить на психику этого пузатого типа.

Тот стоял ни жив, ни мёртв. Он не трогался с места. Не мог произнести ни слова. Он стоял как уличённый в страшном преступлении. Казалось, что он онемел — настолько он был шокирован неожиданным появлением Рувина. Он впервые видел Рувина и был, наверное, поражён его смазливой внешностью, молодостью и, наконец, тем, как и откуда он узнал его.

Видя, как он долго молчит и не двигается с места, Рувин решил его по-другому наказать.

— Я тебе, сука, тоже рога наставлю. Только я твоей жене денег не буду платить, я бесплатно её буду трахать. Ты уловил? А ещё раз встречу, пеняй на себя, тварь!

И Рувин отправился домой, оставив того додумывать свои мысли, переварить случившееся.

Назавтра Рувин всё же после обеда пошёл к нему домой. Дверь открыла миловидная женщина лет 35–37, средней полноты и среднего роста.

— Я вас слушаю, — как можно вежливо произнесла она.

— Я бы хотел с вами поговорить о вашем муже. Не пригласите меня в дом?

— Пожалуйста, заходите, — предложила она, несколько опасаясь незнакомого человека.

— Васенька, — обратилась она к сыну, — ты пойди в свою комнату, а нам с дядей надо поговорить, — и она прикрыла за мальчиком дверь.

Они сели на диван вполоборота друг к другу.

Рувин коротко рассказал ей о связи её мужа с Аней. При этом сделал упор на то, что он купил женщину за деньги!

— Я немного слышала от других об этой связи, — без особой злости заметила она. — Но разве она у него первая? На каждой стройке у него новая любовница. Так что вы особенно меня не удивили. Просто с жиру бесится вот и всё. Деньги балуют человека.

— Знаете что? Давайте и мы согрешим. Назло ему, — уверенно и твердо предложил Рувин.

Рувин обнял эту женщину и стал целовать — в нём заговорил зверь. Она без слов старалась отстранять его от себя. Но делала это больше из приличия, чем из желания.

Рувин перестал её целовать и сказал:

— Наставим ему рога — пусть знает, что и жена, если захочет, тоже может изменять ему!

— Ой, что вы, — отвернувшись в сторону, кокетливо произнесла она.

Рувин вновь прильнул к ней — она уже не сопротивлялась. Рувин понял, что такая игра пришлась ей по душе. Да потом ей было приятно, что её ласкает молодой и красивый парень! Это польстило ей.

— Я не возражаю заняться с вами любовью,— начала она, немного волнуясь, — но прошу вас пожалеть меня: ведь мальчик может уви-

деть. Не хотелось бы. Давайте договоримся так, — она взяла лист бумаги и ручку, записала туда телефон и своё имя и попросила звонить ей. — И я вам скажу, когда ко мне можно будет заглянуть. Договорились? — и она мило улыбнулась ему.

Когда он уходил, она, улыбнувшись, будто и не было разговора о её муже, ещё раз попросила его.

— Рувин, я жду вашего звонка, — со вздохом произнесла она и, совсем осмелев, сама поцеловала его в губы.

В тот же день Рувин вечером выехал домой к родителям. Мать рассказала ему, как ей с трудом удалось восстановить, точнее, выпросить дубликаты его документов, как Гаврил оскорбил её, не поверив в злодейский поступок хозяйки.

— Хуже того, — продолжала мать, — Берта заставила-таки твоего друга-болвана жениться на дочери этой авантюристки.

Эта информация возмутила Рувина до крайности. «Вот дрянь! Вот размазня! — бушевал Рувин. — Сам же называл эту Клару тупой, страхолюдиной... Вот тряпка. Ради материального благополучия послушался мать. Ему скоро 25, а он такой безвольный. Ну и туда тебе дорога!» — зло выкрикнул он вслух.

Рувин решил, что никогда больше не будет общаться с Гаврилом. Но не знал ещё Рувин, что его «закадычный» друг не раз, послушавшись мать, совершит подобные ошибки на своём жизненном пути. Тётя Берта из-за своего материнского эгоизма не раз ещё перевернёт судьбу своего единственного и великовозрастного сына-красавца.

...За десять дней до начала занятий Рувин вернулся в Краснодар. Надо было до конца решить вопрос с Аней, найти отдельную комнатку, чтобу перевезти её к себе. Нашёл неплохую комнатку. Она была дешёвая, отдельная. Хозяева были порядочные и добрые люди. Рувин был доволен. Назавтра он отправился за Аней в станицу. Родители вновь встретили его с холодком. Рувин понимал, что неопределённость в отношениях с Аней, её связь с начальником стройки, о которой все судачили в станице, их, конечно, не устраивали. Они уже слабо надеялись на то, что он с Аней как-то восстановит совместную жизнь. На вопрос, где Аня, мать рявкнула: «Вот тебе адрес и больше мы ничего не знаем. Всё». А потом истерично добавила: «В Краснодаре теперь живёт. Ребёнка оставила и умоталась. Больше ничего не знаем. Нехай живе як знает!»

На кого злилась тёща? На него, Рувина, или на свою продажную дочь?

Он возвращался в Краснодар и мысленно торопил водителя автобуса, чтобы быстрее ехал. Ему не терпелось застать их вместе, заглянуть ей в глаза.

На окраине города он по адресу нашёл нужную хату и, не вытерпев, громка и грозно крикнул: «Аня!» Это кричал не он. Это кричала его истерзанная душа. Когда в дверях хаты появилась Аня, бледная, осунувшаяся, безучастная ко всему, Рувин содрогнулся — как она изменилась? Она негромко и безразлично спросила:

— Как ты меня нашёл? Ты в станицу ездил? — безутешным голосом отрешенно спросила она, не придав значения волнению Рувина. — А-а, впрочем, мне всё равно, — и она махнула рукой.

— Так ты теперь не работаешь? Барыней стала? На полном обеспечении живешь? — кричал Рувин, успевший «завестись» по дороге сюда.

— Не кричи! — вдруг резко прикрикнула она на него. И зарыдала.

Боже, как она всхлипывала? Как она тряслась от рыданий? Рувин не выдержал и прижал её к себе — и у него потекли от жалости к ней слёзы. Ему показалось, что она, запутавшись, не может найти выхода из создавшегося положения. Рувину казалось, что кто-то сверху всё время водит их не так, как надо, заставляет делать не то, что надо. «Ведь мы любим друг друга!» — рассуждал он. И почему они должны страдать, если не могут друг без друга!?

— Забирай свои вещи и поехали ко мне — я нашёл отдельную комнату. Недалеко от института, — спокойно объяснил он, продолжая держать её в своих объятиях.

Она без слов, послушно пошла в хату и вскоре вышла с чемоданом. И они уехали.

Он познакомил хозяйку и её дочь с Аней. Они, уже знавшие их историю, были рады её приходу. Аня им понравилась...

Через несколько дней наступил сентябрь, и Рувин отправился на занятия. Эти несколько дней, что были вместе, прошли мирно. Он не ругал её, не упрекал. Он был нежен с ней. Они только и знали целоваться-миловаться, как прежде. Шутили, веселились. Часто занимались любовью. Казалось, что всё тревожное осталось позади. Но это была тишина перед бурей.

— Как же мы проживём на твои деньги? То, что высылает твоя мать, на одного тебя еле хватает, — печально констатировала она.

— Может, я тебя устрою на работу? — тихо спросил он.

— Куда я пойду?

Однажды, когда Рувин пришёл из института, увидел на столе записку: «Я поехала в станицу. Привезу чего-нибудь съестного и заодно побуду с ребёнком». Через день она приехала. Накормила его. И даже самогону налила ему.

— Это тебе мой отец передал, — и она придвинула к нему поллитровку.

— Его видела? — мрачно спросил он.

— Да. Зашла проведать девочек на стройку, ну и...

— Передала адрес? — дрогнувшим голосом спросил он.

Она смолчала.

Он выпил, закусил. Вышел во двор. Закурил. Ушёл в свои думы. Он часто в последнее время думал над тем, как и когда он стал таким беспринципным, мягкотелым, как друг Гаврил. Почему он, обычно капризный, гордый парень, вдруг терпит всё, что она с ним вытворяет. Он удивлялся тому, что потерял свою честь и достоинство. Почему он сносит выходки проститутки? Не хочет и не может потерять её богатое тело? У других девушек ведь тоже прекрасные тела! И скольких он, рассуждая цинично, перецеловал! Почему же они не кажутся ему сладкими, как она? Что это? Наказание божье? Потеря рассудка? Как всё это объяснить? Казалось бы, надо её ненавидеть — столько горя и несчастья принесла ему, его родителям!

В тот день, сидя во дворе с понурой головой, он рассуждал так, ещё не зная о том, что буквально через неделю они расстанутся. На сей раз навсегда.

Как-то Рувин на занятиях почувствовал себя неважно и ушёл домой раньше времени. Только вошёл во двор, как хозяйка позвала его к себе. И она, и дочь были чем-то сильно встревожены.

— Рувин, милый. Не знаем, как и сказать тебе... Только что перед твоим приходом от нее ушёл какой-то мужчина. Он почти каждый день заезжает к ней. Ты такой умный, красивый, добрый парень. Нам просто жалко тебя. Нам кажется, что она совсем не достойна тебя. Выкинь эту проститутку вон. Иначе натерпишься с ней... Она всю жизнь будет гулять от тебя.

Бешенство охватило Рувина. «Сука, не боится меня и смело приходит ко мне трахать мою жену...» — кричала его душа.

Он вошёл в комнату, положил папку на стол и, стараясь быть спокойным, спросил:

— Везёт же тебе: и с мужем спишь, и с любовником валяешься в постели!

Аня побелела — догадалась, что он узнал о приходах любовника. И на всякий случай отскочила от него на несколько шагов.

Сначала он дал ей пощёчину. Потом ещё. Он стал избивать её методично.

Посмотрит на неё и вновь ударит. Бил он её молча. Наконец она с криком выбежала в коридор. Очумелые глаза Рувина увидели палку, которой ночью закрывали дверь. Он схватил её и нанёс ей несколько раз удары по голове, спине. Она завыла от боли.

— Воешь, проститутка? Больно? Вот так болит и воет моя душа, вот так, сучка, стонет мое сердце! Ты уже настолько низко пала, что, не стесняясь хозяев, смело приводишь домой любовника и трахаешься с ним в моей постели.

Если бы на её дикие крики не прибежали хозяйка и её дочка и не схватили его за руки, то Рувин в состоянии аффекта мог бы её убить. Он был страшен в эти минуты. Никто бы не поверил, что он мог дойти до такой степени озверения. Всё накопленное, наболевшее требовало выхода.

— Милый, Рувин, опомнись. Ты её и так до полусмерти избил. Вон вся в крови. Выкинь её как побитую собаку — и легче будет! Ты найдёшь прекрасную девушку себе. Слышишь нас? — они трясли его, чтобы вывести из состояния очумелости.

А он, дрожа всем телом, старался ударить её кулаком по лицу. Он уже не понимал, кому достаются его тумаки.

Он остановился лишь тогда, когда женщинам удалось-таки крепко схватить его за руки. Он смотрел на хозяйку и её дочь и не узнавал их. Страшными от ярости глазами, ничего не соображая, не слыша, не видя, он смотрел по сторонам, стараясь понять, где эта тварь, проститутка. А они тем временем продолжали успокаивать его, старались привести его в чувство.

— Рувин, миленький, ты же порядочный парень, остановись. Успокойся. Ведь убьёшь её — в тюрьму попадёшь. Не надо. Будь разумным.

Его усадили за стол, подали стакан воды, который он выпил жадно одним залпом. Хозяйка гладила его по голове. А Аня тем временем

встала с кровати, куда он свалил её и, сплёвывая кровь, ругала его на чём свет стоит.

— Идиот. Еврейская морда. Я мать. У меня маленький ребёнок, а он меня по грудям, по голове... Скотина. Вот отдам тебя под суд, будешь знать.

Обратив внимание, что он не шелохнётся и молчит, что у него страшное искажённое лицо и страшный вид, Аня поняла, что у него произошёл нервный срыв, что он может вновь сорваться и натворить с ней что-нибудь ужасное, слегка смирилась со своей участью и, зарыдав, стала причитать, обращаясь к хозяйке и к её дочери.

— Ведь я этого скотину все равно люблю! Я не изменяла ему, потому что душой я всё равно принадлежу ему. Я только телом и с закрытыми глазами зарабатывала деньги, чтобы его приодеть и накормить. Неужели ты думаешь, — усиливая плач, продолжала она, — что я тебя променяла на этого пузатого? Я ведь могла и не переехать к тебе, если бы не любила тебя. Идиот! Ведь могла? — криком кричала она.

Она прикладывала к своим ранам холодные примочки, которые подавала ей сжалившаяся над ней дочь хозяйки.

— Ведь я люблю этого мерзавца! — продолжала всхлипывать Аня. — А он меня избивает. Спасибо скажи, что кирпичом тебе по голове не попала, — уже глядя на него, ворчала она.

Она так жалобно плакала, прикасаясь рукой то к одной, то к другой ране, что у Рувина, уже пришедшего в .себя, заныло сердце. Он пожалел её. «И так несчастная, да ещё я», — горько подумал он. Он встал, подошёл к ней и стал молча целовать её, её раны. И они зарыдали вместе — у него вновь не выдержали нервы. Он нашёптывал ей нежные слова: «Я же люблю тебя, дуру такую! Потому и страдаю. Потому и избил тебя. Прости меня, родная!» — «Нет, это ты меня прости, шалаву такую», — говорила она в ответ.

Хозяйка и её дочь, глядя на них, плакали вместе с ними. Хозяйка причитала: «Боже ж мой, что творится? Впервые в жизни вижу подобную трагедию».

Он плакал и от жалости к ней, и от жалости к себе, к своей судьбе, и от сознания того, что, несмотря на горячую любовь к ней, они всё равно разойдутся. На сей раз он твёрдо был в этом уверен. Он фактически оплакивал сейчас свою несостоявшуюся первую любовь, он оплакивал и свой, и родительскиий позор.

Хозяйка с дочерью ушли. Они же лежали в постели, поглаживая друг друга по волосам. То засыпали, измождённые, то просыпались. Ночь уходила. Скоро должен был наступить новый день. Волей-неволей, в каком бы нервном напряжении они ни были, оба от ласок, горячих поцелуев возбудились (ох, молодость!), и они слились воедино. Он решил растянуть удовольствие, чтобы надолго запомнить её бесподобное тело, эти сладостные минуты.

Когда они насладились друг другом, она нежно и одновременно восторженно произнесла:

— Рувин, боже мой, что это было!

Утром, когда Рувин проснулся, её уже дома не было. На столе лежала записка: «Нам с самого начала не повезло. Нам с самого начала не суждено было быть вместе. Всё против нас. Я ухожу. Навсегда. Так будет лучше — и для тебя, и для меня. И не будем больше страдать. Если позволишь, я иногда буду навещать тебя, потому что не смогу сразу забыть тебя. Целую. Твоя Аня».

Вошла хозяйка.

— Я видела, когда она уходила. Ты в порядке? Так будет лучше, Рувин. Вот посмотришь, как у тебя всё пойдёт хорошо! Поверь мне, ты этого заслуживаешь!

Завершился учебный год. Он в станицу больше не ездил. Иногда она сама приезжала к нему, занималась любовью и уезжала. Если он менял место проживания, тогда она справлялась на факультете, находила адрес и встречалась с ним. Но в их встречах не было уже прежней страсти — они по инерции просто хотели видеться — и всё. Нет-нет, да и любовью занимались. И плакали, и шутили, и смеялись.

Ему было 25, а в декабре и ей должно было исполниться столько же.

— Как там твои? — интересовался он.

— Да ничего. Привет тебе передают. Как учишься? Подружку не завёл? Ой, чего я спрашиваю, и, наверное, не одну... — она при этом хохотала, целовала его, не смущаясь, что на них смотрят, и приговаривая «ты мой родной».

— Как твой хахаль?

— Да я его редко вижу. Ко мне опять льнёт Костя Бондаренко, ну, тот, о котором я тебе говорила — мой бывший одноклассник. Помнишь?

— Помню. И чего?

— Предлагает выйти за него замуж, — безразлично сообщила она.

— Ну и ладно.

— Придётся. Ему предлагают работу в Краснодаре. Ты советуешь?

— Да. И порядочной жизнью заживёшь. Но только обещай, что будешь и со мной видеться.

— Если пожелаешь, — с готовностью ответила Аня, улыбнувшись краешками губ.

Оба понимали, что совместная жизнь у них не состоялась, но, как ни странно, оба твердо знали, что очень нуждаются друг в друге.

...Как-то мать написала, что у них с деньгами стало туго — отец без работы и что ему придётся или устраиваться на работу, или вернуться домой. Перед Рувином стояла сложная задача: перейти на заочную форму обучения и найти работу. Другой вопрос — уехать домой или остаться здесь, в Краснодаре.

Он решил попытаться подыскать себе работу в Краснодаре. В редакции молодёжной газеты, где он был внештатным корреспондентом, места не было. Но там ему посоветовали зайти в райком комсомола ко второму секретарю Анатолию Емченко. И он направился к нему, благо, это было рядом. Он был хорошо знаком с Анатолием и поэтому Рувин пошёл к нему с уверенностью, что тот поможет ему.

— Рувин, дружище, у меня есть предложение, — сразу загорелся Анатолий. — Сейчас у нас в райкоме есть вакантное место инструктора, но сразу взять тебя в аппарат не могу — не положено, — слукавил Анатолий, — поэтому я предлагаю тебе пойти в ремесленное училище №2 освобождённым секретарём комсомольской организации с окладом 75 рублей. Но питание там бесплатное. Устраивает?

— Посылаешь туда, куда никто не соглашается идти, — ухмыльнулся Рувин.

— Ну, хотя бы с полгода выручи, потом я тебе найду замену, честное пионерское, — пошутил «второй».

— Лады. Давай направление.

И в трудовой книжке Рувина появилась пятая запись.

Он оформил в институте перевод на третий курс заочного отделения и приступил к работе.

Подобрал себе угол в комнате одной милой женщины поближе к училищу и перебрался туда, попросив прежнюю хозяйку передавать получаемую на его имя почту.

Не прошло и полмесяца после перехода на заочное отделение, как вдруг заявилась Аня.

— У прежней хозяйки узнала твой адрес, — видя удивление на лице Рувина, объяснила она. — Не рад что ли?

— Будешь у меня ночевать?

— Если позволишь.

Целоваться с ней, честно говоря, ему не особенно хотелось: брезговал, потому что знал, что она целуется с другими. Поэтому он цинично предложил ей:

— Соскучился я по твоему телу. Разденься, я буду только смотреть на тебя.

Теперь ни от её тела, ни от неё самой его в дрожь не бросало. Он становился к ней безразличным. «Какая же всё-таки она ненасытная самка!» — подумал Рувин зло.

— У тебя выкралось свободное время? — видя, что она лежит молча, спросил он.

Она кивнула головой.

И он всё же лёг на неё — не вытерпел.

— Ты даже целовать меня перестал.

Он молча продолжал заниматься с ней любовью.

Вышли на улицу вместе. Он сказал, что торопится на работу и, поцеловав её в родинки, ушёл.

Прошло три месяца со дня его работы в ремесленном училище. Анатолий Емченко был страшно доволен его комсомольским задором и, когда Рувин пришёл к нему в очередной раз, восхищённо сказал:

— Ну ты даёшь, дружище! Да там все в восторге от твоей деятельности! Чем ты их всех заворожил? И секретарь парткома балдеет. «Не отпустим его, говорит, никогда!»

— Ладно радоваться и нахваливать меня. У меня беда, — мрачно заявил он.

— Что случилось, старина? — сразу посерьёзнел Анатолий.

— Матушка тяжело заболела, вот что. Я у нее единственный ребёнок. Так что, дружище, сожалею.

— Потом вернёшься? Обещаю сразу взять в райком. По секрету скажу: нашего первого в крайком забирают. Он будет на своё место рекомендовать только меня. Улавливаешь? И с пропиской всё будет решено, и с квартирой решим через годик.

— Не обещаю. Как дела сложатся. А за приглашение спасибо. Век буду благодарен и признателен, старина!

Они обнялись как старые друзья и распрощались. Рувин в душе был благодарен этому высокому, добродушному парню. Они больше никогда не встретятся в жизни, но Рувин всегда по-доброму вспоминал его. И запомнил его имя и фамилию на всю жизнь!

Когда он приехал домой, мать уже выздоравливала. А потом, когда сын оказался, наконец, рядом, вовсе поправилась и оживилась.

— Ну, теперь, сынок, давай-ка теперь по-настоящему женимся, — попросила она ласково. — Хватит, нагулялся. Намотался — и будет.

И он был с матерью согласен. Но попросил немного времени — ему надо было прийти в себя!

В школе ему часов не дали: учился только на третьем курсе. И потому решил заняться журналистикой. Но как покажет время, сразу освоить эту профессию ему окажется не так просто. Сначала он с двоюродным братом и другом детства Данилом устроились корреспондентами в редакции газеты в одном из соседних городов. А через месяц их пригласят корреспондентами в редакцию своего городка.

Родители меж тем приставали к нему: женись да женись. Они боялись, что он вновь заведёт себе любовницу, и всё начнётся сначала. Их понять можно было. А он ещё не был разведён. Тогда он подал заявление в Краснодарский городской суд.

И трагедия продолжилась, но в ином качестве... Кроме того, что Аня записала ребёнка на его фамилию, она стала требовать и алиментов от него, настаивая на том, что ребёнок родился от него. Всего ожидал он от неё, но такой пакости, наглости... И суд её поддержал, объяснив Рувину, что он в положенные три года не оспаривал отцовства. Решение о разводе он получил, но его обязали платить за ребёнка алименты. Вот так вот. И эта женщина, которая рвала на себе волосы и доказывала, что горячо и преданно любит его и будет любить всю жизнь, стала на суде охаивать его, Рувина. «А ещё педагог, — писала она в суд. — Какой же он к чёрту педагог, если отказывается от своего ребенка?!»

Лишь спустя ровно сорок лет, в 2000-м году, Рувину удалось найти номер её домашнего телефона и получить ответы на волновавшие его все эти долгие годы вопросы. Он позвонил ей в станицу, куда она перебралась из Краснодара. Если раньше ему казалось, что при встрече с

ней у него от сильного волнения забьется сердце, то сейчас, когда он услышал её несколько огрубевший голос, совершенно спокойно заговорил с ней.

— Ань, ты?

— Да. Кто это?

— Да тот самый, которому ты клялась, божилась, что всю жизнь будешь любить! Было такое? И вообще, кого-нибудь ты в своей жизни любила? Был у тебя любимый?

— Был! Рувин, ты что ли?!

— Да, я.

— Боже мой! 40 лет не слышала твоего голоса! Как ты нашёл мой телефон?

— Как ты? — вместо ответа спросил Рувин.

— Да вроде ничего. Всё хорошею, — захохотала она, — Да вот только дочка умерла, — сразу дрогнул её голос. — Несколько лет назад. В автокатастрофе погибла. 40 лет было ей. Похоронили в станице рядом с моим отцом.

— За что же бог её наказал?

— Судьба, — не поняв намёка, ответила она.

— Столько ты мне нагадила в жизни! А алименты почему потребовала от меня?

— Это он, Костя, заставил меня добиться алиментов, — и она зарыдала. — Прости меня, дорогой мой человек, за подлость! Сколько раз за эти сорок лет я просила бога, чтобы ты простил меня за то горе, что я тебе причинила. Я стала набожной женщиной. Прости меня, пожалуйста. Я виновата перед тобой. Это он, сволочь такая, заставил меня подать на алименты.

— Бедно жили что ли?

— Да нет. Я должна была доказать ему, что ребёнок родился от тебя, чтобы не выглядеть в его глазах падкой. А он пристал ко мне: «Если ты честная, если он любил тебя, если ребёнок от него, то попроси у него алименты.» Вот и всё. Я виновата перед тобой, — продолжала она плакать. — И буду за тебя молиться. Живи, мой родной, долго! Как бы я хотела тебя видеть, крепко-крепко обнять, поцеловать! Ты смог бы приехать? Умоляю, прости меня, а то я так и умру грешной, непрощеной! Это страшно!

Рувин понял, насколько ей тяжело говорить, и потому решил успокоить её.

— Успокойся. Я давно тебя простил. Тот кто искренне и крепко любил, умеет и прощать. Ведь прощал же я тебе все твои гадости?!

Помолчав с минуту, Рувин более спокойно продолжил:

— А своему Косте ты, наверное, с пеной у рта доказывала, что ребёнок от меня? А он всё равно не верил? Да?

— Да. Иначе я не могла. Я не хотела перед этим нелюбимым человеком выглядеть в дурном свете... По молодости лет я пошла напролом — оскорбила тебя в своих судебных заявлениях. И слова-то для этих заявлений он подсказывал. Прости меня, пожалуйста!

— За что я тебя, такую подлую любил? Никак я этого не могу понять. До сих пор. Чем больше ты мне гадила, тем сильнее я тебя любил. Наваждение окутало меня что ли?!

— Напиши, пожалуйста, что ты и сейчас любишь меня. Я ткну этому типу в лицо! А то всё время упрекает меня, что ты никогда меня не любил. А его, как я не любила, так до сих пор и не люблю. Так, живу по инерции с ним рядом.

Она говорила сумбурно, перескакивала с одного факта на другой... Чувствовалось, что хочет сказать много, но, волнуясь, вертелась вокруг одного и того же.

— Помнишь, как ты мне посоветовал выйти за него замуж? Помнишь? Чтобы я жила честной жизнью...

— Помню, помню, — успокоил он её, продолжающей плакать.

— Ты добрый, Рувин. Ты хороший. Если бы не был добрым, разве простил бы мне все мои выходки?! Как бы я хотела видеть тебя! И попросить у тебя прощения. Прости, пожалуйста, — и она вновь с новой силой зарыдала. — Какая же я дура была! Кого я потеряла! Если бы ты знал, как я всю жизнь страдала без тебя! А теперь, — захлёбывалась она от рыданий, — нам уже по 65. Страшно подумать... Звони мне иногда, пиши мне... Запиши мой адрес... Ты добрый, Рувин. Ты всегда был добрым!

— Ещё на один вопрос ответь мне, Ань. Будучи замужем за своего Костю, ты не прекращала связи со своим хахалем?

— Нет, не прекращала.

— Почему?

— Во-первых, он мне очень хорошо платил, так что я смогла накопить много денег. Во-вторых, честно признаюсь тебе, я к нему уже и привыкла. Любила? Да нет. Никогда.

Поговорили. Рувин многое выяснил для себя. Задумался и мысленно произнёс: «Как она была неисправима, так такой и осталась. Единственное — это хорошо, что стала на старости лет набожной женщиной — будет теперь у бога вымаливать прощения за содеянное. Может, и выпросит!»

...Перейдя в редакцию своей городской газеты, Рувин с таким рвением взялся за работу, что на время забыл о всех своих горестях и невзгодах. Но не тут-то было: её образ стал так часто всплывать перед ним и будоражить его, что он и на работе, и дома, вспоминая о ней, вновь переживал всё то мерзкое, что с ним случилось. Да потом он так много души отдал этой любви, что теперь трудно было сразу справиться с этой потерей, а также со своими душевными травмами. И он вновь и вновь, думая о ней и обо всём, что было с ней связано, накачивал себя, трепал себе оставшиеся нервы, это была уже не жизнь, а мука. И он от дум и переживаний чувствовал себя настолько уставшим, утомлённым, что, работая в редакции, уже не мог, как хотелось бы, сосредоточиться, собраться с мыслями и написать сколь-нибудь добротные материалы. Начальное вдохновение улетучилось. Никто не мог понять, почему ему порой не удавалось выдать даже простые корреспонденции. Он не мог встряхнуться, забыть о своей драме, собраться с силами, не мог раскрыть свой творческий потенциал. Он оказался на этот период просто-таки бессильным творчески мыслить. Ему было горько и обидно. Он страдал вдвойне: и за прошлое, и за настоящее своё душевное состояние. У него была тяжесть на душе! А сбросить ее он пока был не способен. Видимо, необходимо было время на это. А жизнь паузы не допускала и требовала немедленного действия. Столько перенести, пережить! Но кого волновало чужое горе? Кому можно было всё это объяснить, если даже двоюродный брат не особенно проникался чувством сострадания, проявляя непонимание, упрекая его в бездеятельности, в неумении работать. Это было страшно! Ему было только 25, а он уже мечтал о санатории, Доме отдыха — словом, о лечении!

Однажды, прогуливаясь с двоюродным братом по вокзалу, где они с юношеских лет часто бывали, Рувин, увидев проскочившую мимо них знакомую обоим девушку Асю, неожиданно вымолвил:

— Брат, а что если я на Асе женюсь?

— Ну и хорошо! — ответил брат. — Девушка она хорошая.

Назавтра он направился к Асе домой. Они были хорошо знакомы. До этого он узнал, что полгода назад у неё умер отец.

Он вошёл в дом. Поздоровался. Выразил соболезнование ей, её матери. Постоял немного ради приличия и решил уйти.

Ася провела его до ворот.

— Что ж я даже не слыхал, что у тебя умер отец? — в недоумении спросил он. — Вроде городок наш небольшой и все всё знают, а тут такое дело... — досадовал он. А про себя подумал: «Может, в это время я на сессии был в институте, иначе я знал бы, конечно».

Она заплакала. И чтобы успокоить её, он притянул её к себе, обнял и стал целовать. Она благодарно прижалась к нему. Он попрощался, пообещал ещё раз заглянуть к ней и ушёл.

Чувствуя, что его, бездеятельного, просто терпят в редакции, что нервные срывы дают пока о себе знать (он даже партию в шахматы не мог доиграть), что он временно потерял способность мыслить, Рувин добровольно ушёл из редакции. «Чего позориться?» — решил он.

Беда того времени заключалась в том, что любой перерыв в трудовой книжке считался ненормальным явлением, позорным фактом. С такой трудовой книжкой к человеку относились с подозрением, настороженно, с недоверием. И ещё Рувину объяснили, что перерыв в трудовой отрицательно может сказаться и при начислении пенсии. Всё это вынуждало человека во что бы ни стало пристроиться срочно куда-нибудь. Поэтому, как только Рувин узнал, что на строящемся заводе есть вакантное место диспетчера внешней кооперации, он сразу направился туда. «Суюсь туда, не знаю куда. Справлюсь ли?» — тяжко вздохнув, подумал с тревогой Рувин по дороге на завод. «И это только ради того, чтобы в трудовой не образовался интервал», — горько усмехнулся он.

Так и произошло. Проработав здесь месяца два и поняв, что он сел не в свои сани, что это не для него, он стал подумывать о переходе на работу только в школу. Во-первых, он к этому времени уже учился на четвёртом курсе и ему в обязательном порядке необходимо было пройти педагогическую практику и представить в институт справку об этом. Во-вторых, и это самое главное, его вообще тянула педагогическая деятельность. И ему повезло. Вскоре его пригласят в одну из загородных школ и предложат часы по русскому языку и литературе. Теперь в его трудовой книжке была сделана очередная запись: «Зачислен учителем русского языка и литературы в Авдеевскую поселковую среднюю школу». Радовало Рувина это назначение, хотя оно и было временным — он замещал ушедшую в декрет учительницу. Теперь он

должен был каждое утро рано вставать, потом на трассе ждать автобуса и 40 минут добираться до школы.

В городскую школу заведующая отделом народного образования никак не хотела его направлять. Ему подсказывали, чтобы он «подсунул» ей взятку. «Никогда!— отвечал Рувин своим советчикам. — Я уже на четвёртом курсе, и она обязана предоставить мне уроки». Как уговаривала Рувина главный бухгалтер отдела образования (она тоже была таткой), чтобы он всё же решился и передал через неё для заведующей определённую мзду. «Пойми, дурья твоя голова... через год-два она тебя завучем определит, а там, глядишь, и директором школы назначит, — шёпотом, красная от натуги, убеждала эта пожилая женщина Рувина. — Или... Мне неудобно тебе об этом говорить... Короче говоря, я думаю, ты не разболтаешь никому, она хочет тебя как мужчину. Я надеюсь, ты меня понимаешь. Она женщина одинокая, а ты, как она однажды высказалась, ей нравишься. Ну, переспи ты с ней несколько раз, — совершенно открытым текстом предлагала она Рувину всякие варианты трудоустройства. — Между прочим, — заметила она, заглянув ему в глаза, — и наша пташка — твоя бывшая любовница Людмила Ивановна, помнишь её, была такого же возраста. Так что подумай, — поддела она самолюбие Рувина, вспомнив Людмилу Ивановну.

«Ваша пташка» была и стройна, и хороша собой, — не без злости подумал Рувин. — А эта — квадратная, да и на лицо невыразительная. С той хоть приятно было поваляться в постели».

...Несмотря на трудности с поездками в Авдеевку на работу, Рувин был очень доволен и школой, и коллегами, и учениками. Ему всё нравилось здесь. Да и он пришёлся всем по душе. Он сразу открыл шахматный кружок, и вечера стал проводить. А самое главное — учился писать поурочные планы. С одной стороны, он даже был доволен, что не сразу попал в городскую школу. «Вот потренируюсь здесь, а потом легче будет», — успокаивал он себя.

Когда в Авдеевской школе ему осталось поработать один месяц, Рувин стал активно готовиться к летней сессии. Он радовался тому, что переходил на пятый курс!

С отличной характеристикой в кармане Рувин в некотором волнении в начале июня отправился в Краснодар. «Как меня всё же тянет в этот город!» — с дрожью в теле подумал Рувин.

Да, человека, который где-то и когда-то потерял что-то дорогое, ценное, всегда тянет на то место в надежде найти утерянное. Но как

найдёшь потерянную молодость! Но как восстановить загубленную душу?! Кто вернёт ему самые ценные годы молодости?! В этом городе его личная драма имела своё продолжение, здесь он пережил самые трагические дни своей молодости! Вместе с ним его несчастья переживал и этот город, который потому-то и стал ему родным. Вот почему он каждый раз, приезжая сюда, трепетно волнуется! Он, Рувин, отдал этому городу несколько лет своей жизни. Самые молодые годы! Нелегко было Рувину отвязаться от назойливых мыслей — видимо, время ещё не притупило его впечатление. Видимо, ещё мало времени прошло со дня расставания с той, которая так бесцеремонно заняла место в его сердце.

Остановился у той самой хозяйки, у которой жил в период работы в ремесленном училище. Она безмерно обрадовалась ему, приняла его как родного и сразу сообщила информацию.

— Появлялась. Недавно. Говорит, шла мимо и решила наведать меня. Спрашивала, когда приедешь. Хвасталась, что вышла замуж и что теперь живёт в Краснодаре. Но какова, извини меня, стерва! Столько напакостить человеку, сломать душу, убить, расстрелять горячую любовь и всё равно заявляться?! Вышла замуж, держит любовника и ещё подумывает о тебе?! Не пойму я, Рувин, ничего. Хоть режь меня, хоть убей, но не пойму. Может, я чего-нибудь недопонимаю? Что это? Может, ты знаешь?

— Хуже того, — глубоко и тяжело вздохнув, выдавил Рувин, — продолжала гадить мне: через суд потребовала от меня алименты за чужого ребёнка, — уже устало и беззлобно добавил он и махнул рукой от горечи и досады.

— Мне кажется, что она просто разболтанная женщина и большая развратница — только и всего! — резко произнесла хозяйка.

...Пятикурсником возвращался Рувин домой. Теперь он мечтал перейти на постоянную педагогическую работу. И ему на сей раз посчастливилось получить часы по культуре речи в одном училище. Его, известного в городе шахматиста, организатора всяческих турниров, сразу избрали секретарем учительской комсомольской организации. И опять судьба сведёт его с узколобым, вислоухим Валерием Дзгоевым, который вот уже третий год после «злополучного» секретаря горкома комсомола занял его место. Теперь «лидером» молодёжи города был он, хихикающий карьерист Валерий Дзгоев. Однажды тот пригласил Рувина к себе. Как было противно

Рувину переступать порог того кабинета. Ведь не где-нибудь, а именно в этом кабинете и вынудил эту взбалмошную Аню отдаться ему бывший первый секретарь. А теперь Рувин должен был предстать перед Дзгоевым именно в этой комнате. Но Рувин постарался взять себя в руки, отогнал дурные мысли и отправился к Дзгоеву. «Странное дело, — думал он по дороге, — как и кого подбирает каждый раз горком партии в секретари горкома комсомола?! То развратника, то недалёкого, узколобого «весельчака», который по поводу и без поводу всё время хихикает...»

— О-о, Рувин, мой друг, — с фальшивой улыбкой на лице обнял Дзгоев Рувина за плечи. — Сколько лет, сколько зим. Ты что-то совсем не приходишь к нам, хотя понимаю, понимаю...

Дзгоев знал всю историю Рувина, что он уже перешёл на пятый курс института, что он работал освобождённым секретарём комсомольской организации в Краснодаре, что его и сейчас избрали секретарём комсомольской организации училища...

— Откуда такая подробная информация? — удивился Рувин.

— Чудак-человек, — хихикнул Дзгоев, собрав морщины на своём узком лбу. — Ты же состоишь у нас на учёте. Вот из твоей карточки всё это и вычитали, — и он вновь безмятежно захихикал.

— Говорят, ты, товарищ первый секретарь, женился? Поздравляю, — переключил Рувин Дзгоева на другую тему.

— Да-а. Приглашу в гости. Выпьем сухого вина. Помнишь, как мы в добрые времена иногда с тобой в нашем подвале выпивали «сухача»? Да, были времена, — с намёком на любовную историю Рувина, произнёс Дзгоев, вновь обняв его за плечи. — Ты парень что надо. Серьёзно говорю. А теперь о деле.

«Мягко стелет, да жёстко спать», — решил Рувин.

— Я хочу на бюро горкома избрать тебя вторым внештатным секретарём. Как ты на это смотришь? Не возражаешь? — он от напряжения собрал на лбу морщины.

Рувин понимал, зачем Дзгоеву это было нужно. Дзгоев знал, что он, Рувин, сможет организовать в масштабе города интересные мероприятия для молодёжи — шахматные турниры, концерты силами преподавателей училища, лекционную работу, так как Рувин являлся одним из активных лекторов общества «Знание». Так что не зря льстил ему этот Валерий Дзгоев. Он хотел загребать жар чужими руками. «Себе на уме этот вислоухий», — кисло рассудил Рувин. — «И в те годы в Доме

пионеров он был таким», — вспомнил Рувин тот период с грустью и с горечью.

И всё-таки он дал согласие — отказать не мог: совесть не позволяла. И никто, в том числе и этот Дзгоев, не думал над тем, что Нисуев, выполняя огромный объём работы на общественных началах, получает на работе всего 75 рублей в месяц. Это никого не волновало.

У Рувина вновь закипела жизнь: забота о дочке, работа в училище, подготовка к зимней сессии, вечера молодёжи, соревнования шахматистов. Всё это увлекало, занимало его время. Он был нужен всем и везде. И ему это нравилось!

Однажды сосед по двору постучался к Рувину и сообщил, что его у ворот ждёт какой-то парень. Рувин вышел — стоит Гаврил. «Чего ему надо?» — проворчал про себя Рувин, хотя в душе он был рад видеть своего друга детства.

— Приехал проведать родителей, решил и тебя повидать. Ну, здорово! — и он протянул сначала руку, затем не выдержал и крепко обнял Рувина другой рукой. — Признаться, соскучился по тебе.

Поздоровавшись, он что-то пробормотал невнятно, пустил при этом слезу, признался, что тосковал по нему и что просит у него прощения за то, что обидел тётю незаслуженно, что он дурак, что всё же послушался мать и женился на Кларе, которую они считали круглой дурой, что теперь у него от неё ребёнок, что он теперь твердо знает (Клара призналась), что его документы действительно украла хозяйка, его тёща, что теперь понял, какую он непростительную ошибку допустил, послушавшись мать и женившись на этой крысе, что теперь не знает, как от неё избавиться и как дальше быть.

Гаврил выдал такую массу информации, что сначала Рувин не понял, чего от него конкретно хочет его глупый друг. Рувин запутался и не знал, что ответить. Из всего сказанного Гаврилом Рувин уловил, что тот приносит свои извинения и просит у него, Рувина, совета, как ему быть с женой.

— Как быть? Да очень просто, — не глядя на своего мягкотелого друга, произнёс Рувин, — развестись — и всё тут! Чего себя терзать? Ты ведь её не любишь? Не любишь. А потому разводись — и делу конец! Пока один ребёнок, уматывайся быстрее. А то наделаешь кучу детей и уйти не сможешь. Вот так.

— Ты же знаешь, как я люблю мать, — убеждал Гаврил Рувина. Она сильно расстроится.

— А кто не любит свою мать? Ты таких знаешь? Странный ты, Гаврил, человек. 28 уже тебе, а своего мнения и не имеешь. А пора бы! — убеждал он своего друга. — Тётя Берта не раз ещё покрутит твоей судьбой, поверь мне. И знаешь почему? Потому что у тебя силы воли нет! А пока один совет: — Уходи от неё и как можно побыстрее, — повторил Рувин, не будучи уверенным, что тот последует его совету.

Дружба между Рувином и Гаврилом продолжилась. Несмотря ни на что, они искренне любили друг друга, не мыслили себя друг без друга, один дополнял другого!

Время покажет, что Рувин был прав. Гаврил по требованию матери ещё не раз допустит ошибки в личной жизни. Слишком слабовольным окажется его друг. Вот почему, когда у него родится второй ребёнок, он вновь пожалуется Рувину, что не может жить с этой женой и что не знает, как ему быть. Рувин опять посоветует ему развестись и как можно быстрее. И что удивительно, только после рождения третьего ребёнка проявит Гаврил волю и разойдётся с ней! Тогда тётя Берта отвезёт своего великовозрастного сына в другой город, где она женит его на красивой девушке из состоятельной семьи. Казалось бы, жить да жить им в любви и дружбе. Но не тут-то было. Когда буквально через три-четыре года тётя Берта «почувствует», что невестка не даёт ей возможности диктовать сыну, учить его уму-разуму и что её родня тоже против неё, она заставит сына развестись со своей, ставшей ему милой, подругой и уехать оттуда. Одним словом, тётя Берта, что хотела, то и лепила из своего единственного сына. Гаврил был пластилином, из которого эгоистичная мать выделывала разные, удобные и нужные ей фигуры!

А в жизни Рувина произошли некоторые приятные события. Его примут кандидатом в члены КПСС, пригласят в вечернюю школу вести уроки вместо ушедшей в декрет учительницы — в семье дополнительные деньги были очень нужны. И Рувин пока везде успевал. Пока его хватало на всё! Силы постепенно восстанавливались. Он был доволен, что живёт интересной и увлекательной жизнью. Но, чувствовал он, что ему очень не хватает работы в школе на постоянной основе, где он мог бы раскрыться в полную силу!

Летом 1963 года Рувин направится в Краснодар на сдачу государственных экзаменов.

Он лежал на верхней полке купейного вагона и под монотонный перестук колес невольно предастся воспоминаниям, связанным с ве-

черней школой, где он замещал «декретницу». И вспомнил-то потому, что однажды у него произошёл довольно забавный разговор с директором школы. Помнит, как однажды во время перемены он вошёл в учительскую и к нему подсел директор. Этот разговор, который затеял с ним этот милый и интеллигентный человек, на всю жизнь сохранился в памяти Рувиа.

— Рувин, — начал неторопливо, улыбаясь, директор, — как тебе у нас?

— Нормально, — тоже с широкой улыбкой ответил Рувин.

— Я давно наблюдаю за тобой. Что интересно. весь город говорит о тебе. И лекции читаешь, и шахматные соревнования устраиваешь, и в своём училище дела творишь, и здесь у тебя всё получается прекрасно с нашими великовозрастными учениками. Я должен признаться тебе, что мне приятно, что ты у нас работаешь.

Он прервал свой «монолог» и с улыбкой заглянул в глаза Рувину. А затем продолжил:

— Ты знаешь, наши ученицы — молодые жянщины все поголовно влюблены в тебя. Нет, нет, я не упрекаю тебя, не предупреждаю. Знаю, что тебе не до них. Хотя я бы на твоём месте с некоторыми из них сам бы занялся, если не возраст...

— Я что-то не заметил, чтобы кто-нибудь из них «умер» от любви ко мне, — засмеялся Рувин, довольный своей шутке.

— Подходила тут недавно одна 18-летняя ученица. Хороша, я тебе скажу! Она в восьмом классе учится. Так вот. Она попросила меня, чтобы я уговорил тебя помочь ей с контрольной работой по русскому языку — она заочно учится в торговом техникуме. И когда я сказал, что преподавателя за помощь надо будет отблагодарить, ну, конечно, я это сказал в шутку, она ответила: «Если это будет Рувин Нисимович, то я готова на всё!» Улавливаешь? И она же при дальнейшей беседе «выдала», что девушки с ума по тебе сходят. Да, да. Вот почему я об этом знаю. Неужели ты не замечаешь такого к себе отношения? Ладно. А этой девушке помоги, пожалуйста. Я обещал ей.

— Если вы просите, то какой может быть разговор, — с широкой улыбкой на лице, весело пошутил Рувин. — Пусть подойдёт.

— И последняя у меня к тебе просьба. Но об этом никому, — и он приложил палец ко рту. — Договорились? Так вот. Не знаю, как ты воспримешь её, но всё равно выскажу эту свою просьбу. Я внутренне осознаю, интуитивно улавливаю, логикой понимаю, что ты в скором вре-

мени поднимешься по служебной лестнице. Да, да! Ты не удивляйся. Ты об этом не думаешь, согласен. Но я вижу твою хватку, твой талант, твоё умение работать с людьми. В вечерней школе заработать уважение всяких «сорви-голова», у бесшабашных, неукротимых — это, ты меня извини, надо иметь такой талант, такое обаяние! Они за тобой, как подопытные на переменах ходят. Не наблюдал? А зря. Ты на всё это не обращаешь внимания. Мы-то со стороны наблюдаем за всем этим. Так вот. Если ты станешь кем-то (и он поднял голову кверху), то обещай мне, что поможешь моей единственной дочери. Это мой возраст заставляет меня просит тебя об этом.

Рувин был ошарашен. Он сидел молча. У него был серьёзный вид. Он не знал, как воспринять это сообщение, что ответить этому милому человеку.

Рувин ухмыльнулся: его крайне удивило предсказание директора. Глупая улыбка скользнула по его лицу. Он мысленно посчитал заявление этого уважаемого человека милыми «бреднями».

Прозвенел звонок на урок. И директор, заметив, что Рувин инстинктивно привстал, сказал:

— У тебя последний урок?

— Да.

— Я жду тебя. Мне необходимо завершить с тобой этот разговор.

После урока Рувин подсел к письменному столу директора и с улыбкой произнёс:

— Я слушаю вас.

— Зря ты иронизируешь. Мне сейчас под шестьдесят. Я работал и в горкоме партии, был на разных руководящих работах. Мой жизненный опыт и мои наблюдения дают мне основание полагать, что ты должен кем-то быть! Ты трудишься творчески, сосредоточенно, с чувством ответственности, не лезешь в сплетни. А потом, мой молодой друг, и Почётные грамоты министерства культуры и общества «Знание» — это явление не ординарное. Так вот. Моя девочка заканчивает восьмой класс. К тому времени, когда тебя повысят, она будет завершать учёбу в вузе. Помоги ей, возьми к себе на работу. Опекай её, будь для неё старшим братом.

Рувин оцепенел от всего услышанного. Он был в некотором замешательстве. Директор так убедительно говорил, будто бы знал, что его, Рувина, должны кем-то избрать. Так мог рассуждать только человек, полностью убеждённый в этом повышении или сознающий, что его

скоро не станет. Так оно и случится: этот милый человек, тяжело болевший раком, вскоре умрёт, о чём Рувин будет очень сожалеть!

А пока же, сидя рядом с директором, Рувин продолжал его внимательно слушать.

— Я всё сказал, Рувинчик. Пусть хранит тебя бог, — будто прощался он с ним. — В добрый тебе путь! Ты славный парень — я это вижу! Я тебя полюбил. Думаю, что ты никогда не забудешь о моей просьбе.

...Рувин, лёжа на своей второй полке вагона чётко вспомнил тот довольно странный разговор с директором вечерней школы и ему немного стало не по себе.

Рувин никогда прежде не видел дочь уважаемого директора. И ему доведётся познакомиться с ней лет через семь-восемь, когда он будет работать завотделом молодежной газеты. У них состоится довольно удивительный разговор.

— Добрый день, — поздоровалась красивая, обаятельная молодая женщина, войдя в комнату, где за столом сидел Рувин. — Мне нужен Рувин Нисимович Нисуев.

— Я слушаю вас, — ответил Рувин, заинтригованный появлением красивой девушки.

— Я дочь Садыка Кадыровича, — мило улыбнувшись, представилась она. — Помните директора вечерней школы?

Рувин в комнате редакции находился один, и никто не мог слышать их развовора. Он встал ей навстречу и сразу заговорил:

— Как же не помню, как же не знаю!

Рувин пожал ей руку и попросил присесть к своему столу.

— Очень приятно, — взволнованно заговорил Рувин. — Мы с вашим отцом были в добрых отношениях. Он рассказывал о вас.

— Я пришла сказать вам, что отец три года назад умер. У него рак был. Он просил меня запомнить вашу фамилию и внушал мне, что вы когда-нибудь должны будете помочь мне.

— Пожалуйста, — с готовностью ответил Рувин. — Я давал вашему отцу слово!

— К нашей с вами радости, я уже окончила университет и сейчас работаю в нашем городе в райкоме партии. Так что всё обошлось. Но я пришла к вам выразить вам благодарность от моего и маминого имени за ту вашу готовность помочь мне! И хочу пожелать вам всяческих благ. Если вам, что будет необходимо, то я к вашим услугам!

Вот такая забавная история приключилась с Рувином. Вспомнил он в вагоне поезда об этой встрече — и на душе стало легко и приятно. Между тем, оказывается, он действительно должен был стать первым секретарём горкома комсомола. И наверняка Садык Кадырович тогда об этом узнал по секрету в горкоме КПСС. А дело было так. Его закадычный «друг», вислоухий Валерий Дзгоев пригласил его как-то к себе в кабинет и познакомил с секретарём обкома комсомола.

— Вот и наш Рувин Нисуев! — приветствовал он его и представил секретарю. Тот поговорил с Рувином и сказал:

— Хотим предложить вашу кандидатуру в горком партии. Дзгоев уходит в отставку, так что сейчас мы подбираем нового товарища. Дзгоев хвалит вас. Если в горкоме партии не будет возражений, то считайте, что мы получили от вас согласие. Добро?

— Добро, — невразумительно ответил Рувии, ничего не понимающий, потому что до этого об этом его никто не известил. Он был просто в недоумении. Да он и не был уверен, что в горкоме дадут согласие на его кандидатуру. По разным причинам. Так оно потом и случилось. От того же Дзгоева через день он узнает, что он не проходит по национальному принципу. Мол, если председатель горисполкома тат, то первый секретарь горкома комсомола не может быть татом. Так и завершилась та эпопея с выдвижением. И, видимо, тогда о Рувине поднимался разговор, о котором узнал покойный Садык Кадырович.

...Тем временем поезд привёз Рувина из Тихорецка в Краснодар. На вокзале его радостно встретили его друзья-заочники из художественно-графического факультета, с которыми он успел познакомиться в прошлую сессию. Ребята (а они были старше Рувина на 5–6 лет) сообщили ему, что им удалось найти две комнатки в небольшом домике в центре города, недалеко от института.

Об Ане Рувин уже почти не вспоминал: настолько она была ему противна после судебной тяжбы. Признаться, ему, если бы даже захотелось о ней думать, то было бы некогда это сделать — он напряжённо и основательно готовился к государственным экзаменам. Их успешная сдача была для него основной задачей.

...С дипломом учителя и значком института на груди возвращался Рувин домой. Он был рад и доволен! «Теперь мне за высшее образование добавят к ставке пять рублей, — с ухмылкой подумал он. — А после пяти лет педагогического стада добавят ещё какие-то копейки».

скоро не станет. Так оно и случится: этот милый человек, тяжело болевший раком, вскоре умрёт, о чём Рувин будет очень сожалеть!

А пока же, сидя рядом с директором, Рувин продолжал его внимательно слушать.

— Я всё сказал, Рувинчик. Пусть хранит тебя бог, — будто прощался он с ним. — В добрый тебе путь! Ты славный парень — я это вижу! Я тебя полюбил. Думаю, что ты никогда не забудешь о моей просьбе.

...Рувин, лёжа на своей второй полке вагона чётко вспомнил тот довольно странный разговор с директором вечерней школы и ему немного стало не по себе.

Рувин никогда прежде не видел дочь уважаемого директора. И ему доведётся познакомиться с ней лет через семь-восемь, когда он будет работать завотделом молодежной газеты. У них состоится довольно удивительный разговор.

— Добрый день, — поздоровалась красивая, обаятельная молодая женщина, войдя в комнату, где за столом сидел Рувин. — Мне нужен Рувин Нисимович Нисуев.

— Я слушаю вас, — ответил Рувин, заинтригованный появлением красивой девушки.

— Я дочь Садыка Кадыровича, — мило улыбнувшись, представилась она. — Помните директора вечерней школы?

Рувин в комнате редакции находился один, и никто не мог слышать их развовора. Он встал ей навстречу и сразу заговорил:

— Как же не помню, как же не знаю!

Рувин пожал ей руку и попросил присесть к своему столу.

— Очень приятно, — взволнованно заговорил Рувин. — Мы с вашим отцом были в добрых отношениях. Он рассказывал о вас.

— Я пришла сказать вам, что отец три года назад умер. У него рак был. Он просил меня запомнить вашу фамилию и внушал мне, что вы когда-нибудь должны будете помочь мне.

— Пожалуйста, — с готовностью ответил Рувин. — Я давал вашему отцу слово!

— К нашей с вами радости, я уже окончила университет и сейчас работаю в нашем городе в райкоме партии. Так что всё обошлось. Но я пришла к вам выразить вам благодарность от моего и маминого имени за ту вашу готовность помочь мне! И хочу пожелать вам всяческих благ. Если вам, что будет необходимо, то я к вашим услугам!

Вот такая забавная история приключилась с Рувином. Вспомнил он в вагоне поезда об этой встрече — и на душе стало легко и приятно. Между тем, оказывается, он действительно должен был стать первым секретарём горкома комсомола. И наверняка Садык Кадырович тогда об этом узнал по секрету в горкоме КПСС. А дело было так. Его закадычный «друг», вислоухий Валерий Дзгоев пригласил его как-то к себе в кабинет и познакомил с секретарём обкома комсомола.

— Вот и наш Рувин Нисуев! — приветствовал он его и представил секретарю. Тот поговорил с Рувином и сказал:

— Хотим предложить вашу кандидатуру в горком партии. Дзгоев уходит в отставку, так что сейчас мы подбираем нового товарища. Дзгоев хвалит вас. Если в горкоме партии не будет возражений, то считайте, что мы получили от вас согласие. Добро?

— Добро, — невразумительно ответил Рувии, ничего не понимающий, потому что до этого об этом его никто не известил. Он был просто в недоумении. Да он и не был уверен, что в горкоме дадут согласие на его кандидатуру. По разным причинам. Так оно потом и случилось. От того же Дзгоева через день он узнает, что он не проходит по национальному принципу. Мол, если председатель горисполкома тат, то первый секретарь горкома комсомола не может быть татом. Так и завершилась та эпопея с выдвижением. И, видимо, тогда о Рувине поднимался разговор, о котором узнал покойный Садык Кадырович.

...Тем временем поезд привёз Рувина из Тихорецка в Краснодар. На вокзале его радостно встретили его друзья-заочники из художественно-графического факультета, с которыми он успел познакомиться в прошлую сессию. Ребята (а они были старше Рувина на 5–6 лет) сообщили ему, что им удалось найти две комнатки в небольшом домике в центре города, недалеко от института.

Об Ане Рувин уже почти не вспоминал: настолько она была ему противна после судебной тяжбы. Признаться, ему, если бы даже захотелось о ней думать, то было бы некогда это сделать — он напряжённо и основательно готовился к государственным экзаменам. Их успешная сдача была для него основной задачей.

...С дипломом учителя и значком института на груди возвращался Рувин домой. Он был рад и доволен! «Теперь мне за высшее образование добавят к ставке пять рублей, — с ухмылкой подумал он. — А после пяти лет педагогического стада добавят ещё какие-то копейки».

В том году в жизни Рувина произойдут сразу несколько событий: жена Ася принесёт им вторую дочь, его после годичного «испытательного» срока примут в члены КПСС, а после окончания института заведующая гороно наконец раздобрится и без взяток предоставит ему полную ставку в одной из восьмилетних школ города.

«Теперь я буду работать в школе! — радовался Рувин как мальчишка. — Наконец я займусь любимым делом на постоянной основе!»

Рувину поручили классное руководство в шестом классе «Б». Как потом ему шепнёт знакомая учительница, класс этот был ненормальный. «Нечего сказать — обрадовали!» — усмехнулся Рувин. Завуч объяснил, что за свою ставку он будет получать 105 рублей и что помимо шестого он должен вести часы и в восьмом классе.

В школе ещё пахло красками после ремонта, стояло характерное для начала учебного года оживление, которое всегда происходит после летних каникул. А он, Рувин, ни на что не обращал внимания, потому что всё время напряженно думал о предстоящей работе. Он мысленно рисовал себе программу своих действий. «Сначала надо научиться хорошо готовиться к урокам, — рассуждал он, — потом придумать для своего класса интересную внеклассную работу. А главное — это наладить контакт и с детьми, и с их родителями».

В голове крутилось-вертелось стольно идей, планов! Самое удивительное состояло в том, что Рувин ни на минуту не сомневался, что он всё задуманное осуществит! Он был полон энергии, желаний и устремлений! Ему было всего 28 лет! Но всё же в первые дни своего появления в школе он очень волновался и думал о том, как встретят его дети, как надо себя держать. С его лица не сходила улыбка. Это была улыбка человека, чувствующего себя неловко. В учительской одни педагоги, менее опытные, смотрели на него с сочувствием, другие, более опытные, успокаивали: «Ничего. Не волнуйтесь. Всё образуется». Третьи громко говорили: «Это хорошо, когда человек волнуется. Значит, есть у него чувство ответственности!»

Вечером по дороге домой Рувин долго раздумывал над тем, почему его охватило в школе неописуемое волнение. «Удивительно, — рассуждал он, — два года преподавал в училище, был секретарём комсомольской организации, вторым внештатным секретарём горкома комсомола, выпускал с учащимися радиогазету, руководил кружком выразительного чтения, читал лекции в больших аудиториях — и всё шло хорошо. А тут, в восьмилетней школе, спасовал».

...Знакомая учительница как-то добавила, что успеваемость в 6 «Б» вообще «плавает». «А всё из-за дисциплины», — решил Рувин. — Значит, надо начинать с укрепления дисциплины».

Легко сказать — с дисциплины. А как, каким образом её укрепишь? Готовых ответов на эти вопросы ожидать было нечего. «Поработаем — увидим», — решил Рувин.

Испытания начались примерно на третий-четвёртый день. В шестом «Б» шёл урок русского языка. Рувин вызвал к доске Казбека Мамедова, и он в одном слове допустил сразу две ошибки. Стоило Рувину произнести «у вас все такие слабые?», как кто-то запустил в кого-то книгой, кто-то хихикнул. Сам Казбек, до этого спокойно стоявший у доски, начал развязно рисовать на доске что-то непонятное.

«Как же так? — думал Рувин. — Два дня ребята вели себя хорошо, а сегодня взорвались?! Конечно, я допустил оплошность. Это верно. Но и класс хорош — сразу показал своё истинное лицо».

Всю перемену Рувин из учительской не выходил. Он был крайне возбуждён. Если в первые два дня он посещал своих шестиклассников чуть ли не после каждого урока, то теперь же он подолгу просиживал в учительской. Ему казалось, что появись он сейчас перед ребятами, те поведут себя безобразно, начнут задавать глупые вопросы, испытующе заглядывать ему в глаза.

Неизвестно, сколько ещё времени он находился бы в таком состоянии, если бы после урока литературы к нему не подошла его ученица Лейла Мамедова, сестра того самого Казбека, из-за которого, собственно, всё и началось.

— Рувин Нисимович, я сестра Казбека, — начала она бойко. — Он очень тихий. Просто он считается в нашем классе одним из лучших учеников. Когда вы спросили, все ли в классе такие слабые, как он, все сразу и зашумели. Им понравилось, что вы задели самолюбие Казбека. Его многие недолюбливают за неразговорчивость.

Лейла замолчала и внимательно посмотрела Рувину в глаза. Он понял, что она хотела заметить в его глазах удивление. Да, он действительно был удивлён. Но только не тем, что она поведала ему. Он подумал о том, что взбунтовались-то учащиеся от собственного бессилия, потому что они в самом деле слабые по русскому языку. «Как? — рассудили, наверное, дети, — если Казбек слабый, то какие же тогда мы?»

— В прошлом году, — вдруг прервала его мысли Лейла, — я была старостой класса.

Рувин подумал, что кроме этой бойкой и смелой девочки, пожалуй, и в этом году никто на эту «должность» не подойдёт.

Он поблагодарил Лейлу и отправился в учительскую. Хотелось посидеть и подумать, как наладить дисциплину в этом, как его называли, сумасшедшем классе.

— И на уроке, и во время перемены буйствуют, — говорили в учительской об его классе.

Как ни удивительно, но некоторые учителя давно махнули на этот класс рукой: мол, толку из него не было и не будет. И никто не знал, и знать не хотел, какие меры всё-таки нужно предпринять, чтобы улучшить дисциплину и успеваемость учащихся.

Однажды учительница французского языка Алла Петровна сказала: «Чу-де-са! Шестой «Б» сегодня был шёлковым! Уди-ви-тельно!» И сразу все учителя, сидевшие в учительской, не то с удивлением, не то с уважением посмотрели уже не на Аллу Петровну, а на него, Рувина. Он понимал их взгляды. Они говорили: «Неужто вам, Рувин, что-то удалось?»

Вот именно — «что-то». А что подразумевать под этим, никто не знал. В том числе и он сам. Чуть позже ему всё стало ясно. И опять благодаря всё той же бойкой Лейле Мамедовой.

Как-то Рувин задержался в классе. Закончился последний урок, и он проверял текущие оценки учащихся по предметам. Дети уже давно разошлись по домам.

Когда дверь в классной комнате приоткрылась и появилась техничка, Рувин понял, что в журнал он не смотрит и сидит в глубокой задумчивости довольно долго.

— Вам включить свет? — тихо, стараясь не вывести учителя из рабочего состояния, спросила техничка.

— Да, да, — не поняв, о чём его спрашивают, ответил Рувин.

Техничка ушла, и он вновь углубился в свою работу. Не успел перелистать страничку журнала, как услышал в коридоре голоса.

— Вы чего? Заниматься что ли пришли?

— Да, будем вместе с вами учиться! — звонко прозвучал озорной голос Лейлы.

Дверь в комнате приоткрылась, и Лейла без всякого стеснения громко сказала:

— Вот и учитель наш здесь. Будем учиться...

«Вот дерзкая девчонка!» — с улыбкой подумал Рувин.

Лейла оказалась не одна. С ней пришли Мина Абасова и Реона Султанова.

— Можно, Рувин Нисимович? — хитро улыбаясь, спросила Лейла.

— Можно. Только почему вы так поздно?

— Время ещё детское, а потом — мы же рядом живём со школой.

Незаметно завязался разговор, из которого выяснилось, что Лейла попросила всех учеников класса постараться тихо посидеть в течение хотя бы двух-трёх уроков. Это удалось лишь на уроке французского языка, а дальше, как говорится, сил у ребят не хватило.

Рувин понимал, что такие «эксперименты» большого эффекта не дадут, нужны были другие методы. Но какие?

Ответов на эти вопросы Рувин уже не искал. Методических пособий, сколько-нибудь дающих советы учителю в этом направлении, он не хотел читать. Здесь не по-книжному надо было действовать. Увлечь надо было детей, но чем — этого Рувин пока ещё не знал.

Прошло полмесяца, но особых сдвигов в дисциплине и успеваемости в его классе не намечалось. Правда, Рувин отметил для себя, что ребята начинают привыкать и относиться к нему с уважением. А между тем замечания учителей-предметников в адрес его подопечных ещё продолжали сыпаться, как из рога изобилия.

Он вызывал родителей отдельных учеников, просил их поговорить со своими детьми. Индивидуально беседовал с нарушителями дисциплины. О плохой успеваемости говорил на классных собраниях, которые он теперь проводил не один раз в неделю, а, по возможности, чуть ли не после каждого «чрезвычайного происшествия».

Но всего этого было далеко недостаточно. Однажды зашёл Рувин в пионерскую комнату. Пионервожатая и несколько восьмиклассниц что-то усердно разрисовывали на ватманном листе. Рувин спросил:

— Что это вы так натужно выводите на листе?

Пионервожатая, поняв его намёк, с улыбкой ответила:

— Ну что делать, Рувин Нисимович, никто в школе не умеет хорошо рисовать.

«Не может быть, — думал Рувин, выйдя из пионерской комнаты. — Не может быть, чтобы ни у кого в школе не было способностей к рисованию».

— Ребята, — обратился он к своим питомцам, как только начался урок русского языка в шестом «Б». — Пионервожатая говорит, что в школе никто не умеет хорошо рисовать. Верно это?

— Нет! — выкрикнула с места Написат Кадырова. — Казбек Мамедов — настоящий художник!

Казбек сразу покраснел то ли от неожиданности, то ли оттого, что ему польстило сообщение Написат.

— Вот и хорошо, — обрадовался Рувин. — Давайте дадим ему первое задание. Пусть на ватманном листе он красочно оформит объявление...

И он тут же продиктовал текст объявления: «В субботу в 16 часов начинает работу кружок выразительного чтения. Запись у пионервожатой». Он проверил запись Казбека, подправил ошибки и сказал:

— А теперь приступим к нашему уроку, — и он сделал вид, что уже забыл о том разговоре с объявлением.

Нужно было сразу отвлечь детей от новой затеи, чтобы они поняли, что ничего особенного не произошло, что организация кружка — это самое обычное дело.

Утром на видном месте в школьном коридоре уже висело красиво оформленное объявление.

«Молодец, Казбек!» — похвалил мальчика мысленно Рувин. Теперь надо было обдумать, как лучше организовать кружок и где проводить занятия. В школе нельзя было найти сколько-нибудь подходящего уголка. В классных помещениях занятия проходили в две смены. Большое фойе служило залом, где проводились общешкольные мероприятия. Единственное, что оставалось — это пионерская комната.

Когда на следующий день выяснилось, что желающих записаться в кружок оказалось более тридцати человек, сразу возник вопрос: как составить расписание, чтобы можно было отдельно заниматься с пятишестиклассниками и семи-восьмиклассниками. Тогда Рувин стал думать над тем, что неплохо было бы устроить своеобразный конкурс. Дать всем желающим по стихотворению, прослушать их и отобрать лучших декламаторов. Ребята должны понять, что в кружок не всех запишут.

Прошёл первый месяц с начала учебного года. На дворе стояла осень. Зачастили дожди, и детям негде было поиграть. В такие дни и экскурсии для них не организуешь, и Рувин подумал, что именно сейчас необходимо активизировать работу кружка, тем более, что приближался праздник Великого Октября, и кружковцам предстояло выступить на школьном вечере. Причём, не только перед своими школьными товарищами, но и перед учителями и родителями!

Теперь за месяц до школьного вечера все кружковцы выразили желание заниматься не два раза в неделю, а три. Рувину это их стремление лучше подготовиться обрадовало: во-первых, оно говорило о возросшей ответственности учащихся за порученное дело, во-вторых, о том, что у них появился интерес к общешкольным мероприятиям, и, в-третьих, лишний раз подчёркивало то, что дети стали более организованными, дисциплинированными.

Чтобы занятия в кружке не наскучили ребятам, приходилось разнообразить их. Дело не сводилось лишь к заучиванию стихов и отрывков. Ставились небольшие сценки из пьес, разучивались песни. Были дни, когда для разрядки Рувин просто беседовал с детьми на разные темы.

...Ученики его класса постепенно менялись на глазах. Чувствовалось, что отдельные члены кружка, раньше нарушавшие дисциплину, стали чуть-чуть серьёзнее, собраннее. Правда, как и прежде, в классе случались «ЧП», но уже не так часто.

Заканчивалась первая четверть. А они успели только всем классом сходить в кинотеатр и в городской музей. Теперь их ждали выступления на праздничном вечере. И то, что они сильно волновались, тоже нравилось Рувину. Но нужно было приложить ещё много усилий, чтобы к концу четверти его «сумасшедшие» исправили плохие оценки. И Рувин, решив привлечь родителей к решению этой проблемы и пригласил их на собрание.

— Ребята, — обратился Рувин к своим питомцам, — мне нужно поговорить с вашими родителями. Проведём собрание вместе с вами. Да, да. Ответственные за собрание — это вы и я!

На следующий день вечером, несмотря на холодную осеннюю погоду, в классе было «жарко». Одни родители возмущались, что их детям необоснованно ставят двойки. Отец одного ученика жаловался, что учительница из-за минутного опоздания не пустила его сына на урок.

— Ну, задержался мальчик в туалете, не успел, — объяснял родитель.

Разговор принимал такой оборот, что Рувин даже пожалел, что оставил детей на собрании. Меж тем он сам молчал, пока говорили родители, перебивая друг друга.

«Ладно, — думал Рувин, — пусть вдоволь выскажутся, — я потом выступлю. Так будет лучше».

Но когда в классе в какой-то момент установилась тишина, начал говорить он.

— Мы с вами собираемся всего второй раз. Правда, с некоторыми из вас мне уже доводилось встречаться, — сделал Рувин вступление. — А теперь я рад сообщить вам в присутствии ваших детей, что они потихоньку исправляются. Да. — Он сделал паузу, чтобы его сообщение лучше воспринялось и родителями, и самими учениками. — Они стали активно участвовать в общественной жизни класса.

Рувину сейчас важно было начать разговор с добрых примет. Нужно было настроить родителей на доброжелательный лад, чтобы они правильно поняли, почему их пригласили в школу — стать соратниками классного руководителя в его нелегкой работе.

Рувин незаметно от рассказа о добрых делах их детей перешел к главному: и что ребята могут вести себя на уроках намного лучше, а не делают этого, и что двоек теперь не так уж много и что можно было бы с ребятами совершать походы, экскурсии, если бы были хоть немного дружными между собой...

Рувин так увлекся рассказом, что не заметил, как в класс вошел пожилой мужчина, по всей вероятности, дедушка одного из учеников.

Рувина радовал факт, что на собрание пришли почти все родители. «Молодцы, ребята! Постарались, — думал Рувин с приятным волнением. — Будет у меня хороший класс! Будет!» — уверял он сам себя.

Когда Рувин хотел было продолжить свой рассказ после небольшой паузы, вызванной появлением пожилого человека, как опоздавший, усевшись поудобней, обратился к Рувину.

— Вот ты, учитель, скажи, чем ты заворожил наших детей? — полусерьезно, полушутя, хитро улыбнувшись, спросил он. — Все уши прожужжали: «Наш учитель молодой, наш учитель золотой». Дай, думаю, пойду посмотрю на этого вашего учителя.

Рувина не столько теперь интересовал вопрос этого пожилого человека, сколько он сам. «Чей же он дедушка? — думал Рувин. — Пришел с опозданием, бесцеремонно задает вопросы». И если бы дверь не приоткрылась и в дверях не показалась голова Казбека, Рувин так и не нашел бы ответа на мучивший его вопрос.

Заметив на лице учителя смущение, Лейла встала из-за последней парты и сказала:

— Это наш отец, Рувин Нисимович, — пояснила смущенная староста.

Тут только вспомнил Рувин, как ему рассказывали, что Лейла и Казбек — самые младшие дети в семье и что их отец очень пожилой человек.

— Что ж я могу вам сказать? — решил он все-таки ответить на вопрос старого Мамедова. — Мне, конечно, приятно, что для некоторых детей я и молодой, и золотой. Но мне вдвойне было бы приятно, если бы мои ученики и хорошо себя вели, и хорошо учились. Я ведь для всех них одинаково стараюсь. Порой целыми днями пропадаю в школе.

— И большое тебе спасибо! — вставил старый Мамедов. — Думаю, все родители должны вам за это быть благодарны. Должны, должны... — и он обвел всех присутствующих взглядом, как бы требуя от них подтверждения своим словам.

Что тут началось!

— Будьте старшим братом и другом нашим детям.

— Доброго вам здоровья!

— Учитель таким и должен быть!

Рувин уже не слышал всех высказываний и пожеланий. Он думал о том, что в их восьмилетней школе учились в основном дети одной национальности, которые и дома, и в школе говорили на родном языке. А это накладывало на весь учебно-воспитательный процесс свой отпечаток. И, несмотря на это, для всестороннего развития детей работу здесь надо было строить так же, как и в других школах города. Конечно, это усложняло труд учителя-словесника, да и вообще всего учительского коллектива. Вот потому задача и заключалась в том, чтобы суметь не только наладить дисциплину этих ребят, но и поднять уровень их знаний и вовлечь их в общественную работу. И, естественно, научить их хорошо говорить по-русски, воспитать их в духе дружбы с детьми других народов.

Назавтра во время одной из перемен Рувин обратился к своему б»Б» с новым предложением.

— Ребята, давайте лучше других классов встретим праздник Октября!

— Давайте, — дружно поддержали его предложение несколько учеников.

— Тогда вот что. Нужно выпустить фотомонтаж, посвященный этому событию, постараться исправить за оставшиеся дни свои двойки... Если в этой четверти дела у нас не так уж хороши, — продолжал

Рувин, — то я думаю, что во второй четверти мы сможем обогнать другие классы по многим показателям. Но для того, чтобы добиться хороших результатов, надо поднажать сейчас, в эти последние дни первой четверти.

Рувин, конечно же, сознавал, что многим так и не удастся подтянуться, но ребятам все равно нужен был хороший настрой. Поэтому, долго не задерживая их внимание на этом вопросе, он решил переключиться на другую тему.

— В вечере мы должны принять самое активное участие. Меня директор назначила дежурным на вечере, значит, вы тоже должны вместе со мной дежурить. Проследите за тем, чтобы ребята из других классов не нарушали дисциплины, чтобы скамейки заранее были расставлены. Принесем несколько букетов цветов, поставим на стол президиума графин с водой... В общем будем самыми радушными и хорошими хозяевами. А хозяева делают обычно все, чтобы гости были довольны.

— Будем хозяевами! — дружно захлопали ребята в ладоши.

— Фотомонтаж я подготовлю вместе с Вагабом, — пообещал с улыбкой Казбек.

Его «сумасшедшие» оживленно шумели, а он стоял серьезный и радовался в душе за своих подопечных!

— Будьте спокойны, Рувин Нисимович, — заверила его Лейла. — Все будет в порядке.

«Молодцы. Хотят, чтобы все получилось хорошо. И обо мне заботятся. Значит, начинают привыкать ребята! Это уже половина успеха. Вот еще, если с учебой наладилось бы дело», — думал Рувин, приятно взволнованный.

— Как вы знаете, — прервав свои мысли, сказал Рувин, — на вечере выступают члены нашего кружка. От нашего класса стихи читают... — и он стал перечислять фамилии ребят.

Его подопечные, конечно же, знали, кто и с каким стихом выступает. Но Рувину важно было, чтобы они поняли, какую большую лепту тем самым вносит весь их коллектив в проведении вечера.

Третьего ноября возле шестого «Б» висел красочно оформленный фотомонтаж.

— Вы только посмотрите, какой замечательный фотомонтаж выпустил взбалмошный шестой «Б», — торжественно сообщила в учительской учительница физики Роза Батырбаевна.

— Да и вообще что-то интересное происходит с этим классом, — добавила Алла Петровна. — Двоек по моему предмету стало совсем мало.

Рувин сидел, склонив голову над классным журналом и делал вид, что очень занят и ничего не слышит.

— Дисциплина тоже улучшается, — высказалась учительница истории, на чьих уроках в основном и сходили с ума его шестиклассники.

«Вся беда этой учительницы, — с горечью подумал Рувин, — что она по каждому поводу кричит на детей диким криком. Почему она стала учителем? Сама мучается и детей вымучивает!»

...Вот наконец наступил долгожданный вечер. После обеда все питомцы Рувина собрались в школьном фойе. Нарядно одетые, они стайкой окружили его и засыпали вопросами.

— Когда расставлять скамейки?

— После кого я выступаю?

— Как понравился наш фотомонтаж директору и завучу?

— Со второй четверти меня запишете в кружок?

На этот прорвавшийся поток вопросов Рувин, естественно, не мог ответить. Он лишь кивал им головой в знак согласия, что, мол, да, всё будет хорошо. И улыбался. А когда ребята угомонились, он сказал, кому что делать. Получив задание, ребята разошлись по залу. Через несколько минут школьное фойе напоминало муравейник. Его подопечным теперь помогали учащиеся и из других классов.

Вечер начался. Завуч школы поздравил всех с праздником Октября. Он сделал небольшой доклад. И вот очередь дошла до его кружковцев. Как и в первые дни работы, Рувина охватило неимоверное волнение. Раскрасневшись, он сначала забыл было, с чего начинать. Затем взял себя в руки, вышел вперёд.

— Ребята, я тоже поздравляю вас с праздником! Сегодня впервые в этом году перед вами выступят члены кружка выразительного чтения. Они исполнят стихи и песни. «Великий Октябрь». Читает семиклассница Света Мирзоева.

Девочка сначала робко, чуть не заикаясь от волнения, затем более смелее продекламировала стихотворение и смущённо отошла в сторону.

— Молодец, Света! Отлично! — тихо похвалил её Рувин. А потом громко обратился к ней. — Вот тебе список выступающих. Начинай объявлять.

— Выступает...

Чувствовалось, что Света поборола робость и уже чётко объявляла номера.

Из 25 членов кружка на этом вечере держали экзамен десять. Когда три девочки приготовились исполнять песню, и учитель пения с баянам в руках хотел было кивнуть девочкам, мол, начали, как вдруг с первого ряда встал завуч школы и, извинившись, что прервал концерт, поднял руку, призывая детей успокоиться. А потом сказал.

— Ребята, уважаемые коллеги, у нас в школе и прежде функционировали кружки. В этом году мы создали кружок выразительного чтения. Но суть не в этом. Дело в том, что никогда раньше ни один кружок у нас не пользовался таким успехом. Вы видели и слышали, как наши ребята читали стихи. Думаю, что всем вам их чтение понравилось. В этом огромная заслуга нашего учителя Рувина Нисимовича.

Школьники и учителя громко и дружно зааплодировали. Завуч с улыбкой посмотрел на Рувина. Его взгляд как бы говорил: «Смотрите, как ребята вам хлопают!»

Когда выступления завершились, вперёд вышла пионервожатая.

— Вечер прошёл интересно и успешно. Большая заслуга в этом и шестого «Б» класса, который проявил много стараний. Учащиеся этого класса отлично отдежурили вместе со своим классным руководителем, выпустили оригинальный фотомонтаж, хорошо выступили со стихами. Спасибо вам, ребята!

Начались коротенькие осенние каникулы. В эти дни в школе было как-то неуютно без детей: не хватало шума, гама, «деловых» разговоров — всего того, чем всегда насыщена школьная жизнь. Правда, Рувин дважды со своим классом успел встретиться. Один раз сходили на просмотр нового индийского фильма. Во второй раз он повёл их на прогулку по городу — многие шестиклассники были плохо знакомы с родным городом.

В эти дни Рувин часто думал над тем, как разнообразить занятия в кружке. Важно было, чтобы кружковцы чувствовали себя нужными для школы, чтобы их «труд» оценили, принёс им пользу, чтобы они могли выступать не только в школе, но и за её пределами.

Конечно, не все учителя имеют время подолгу оставаться в школе после уроков, не все из них считают необходимым чуть ли не на каждой перемене опекать своих подопечных. Это зависит от возможнос-

тей и желаний классного руководителя. Мужчина-учитель в этом плане способен, конечно, при желании больше уделять внимания своим ученикам. Поэтому все, что удается одному учителю, другому может оказаться не под силу. Но именно таких активных чаще всего не уважают нерадивые учителя, потому что, как они рассуждают, из-за таких «выскочек» и давят на них руководители школы, попрекая в бездеятельности.

У каждого классного руководителя в плане воспитательной работы записаны мероприятия, которые он должен проводить со своим классом. Ну. во-первых, не все запланированные мероприятия по тем или иным причинам выполняются. А если что-то и выполняется, то ради галочек. Рувин же считал, что при проведении любого мероприятия важно одно: как их организовать, с каким коэффициентом полезного действия. Важен был не факт, а эффект! Рувин старался в своей педагогической работе придать каждому мероприятию с детьми помимо познавательного и развлекательного значения ещё и организующее и дисциплинирующее начало.

Рувину было известно, что если классному руководителю не удавалось наладить дисциплину в своём классе, то, как правило, его ученики не только на уроках, но и во время похода или экскурсии ведут себя безобразно, развязно. Они не слушают экскурсоводов, не проявляют интереса к памятникам старины... Фактически цель акции не достигается. А тогда зачем организовывать их? Ради галочки? Нет, Рувин не был согласен с таким подходом к делу. Не секрет, что порой и опытные, высококвалифицированные мастера, начальники цехов не могут с интересом рассказывать о своей профессии. Они без особого огонька, не в увлекательной форме, небрежно знакомят учащихся с историей своей фабрики, своего завода. Поэтому, как считает Рувин, учитель заранее должен побеспокоиться и об этой стороне дела, попросить руководство предприятия подобрать человека, который с душой, доступно, увлекательно мог бы поведать о своем предприятии! Подбор гидов, экскурсоводов — дело важное, необходимое в воспитательном процессе. От того, как ребятам будет преподнесен тот или иной материал, зависит в определённой степени и профессиональная ориентация учащихся. Так, к примеру, после посещения швейной фабрики несколько девочек из 6 «Б» решили после окончания восьмого класса стать швеями-мотористками. В этом была немалая заслуга главного инженера фабрики, которая живо, доходчиво рассказала детям о

всех производственных процессах, наглядно продемонстрировала их на швейных машинах!

Рувин всегда старался извлечь из каждого внеклассного мероприятия как можно больше пользы: и дружбу укрепить между ребятами, и придать самой акции воспитательный характер.

...Рувин, много-много лет спустя, вспомнил, как он несколько лет назад в своей статье, опубликованной в «Педагогическом вестнике» писал: «Другое дело, что многие педколлективы не хотели и не желают утруждать себя внеклассной работой. Одни — из-за мизерной доплаты, другие — по иным причинам. Не исключаю и бездушие, и безразличие к детям. А если в какой-то школе теплится интересная внеклассная работа, то разве лишь благодаря одному-двум энтузиастам. Многие преподаватели убеждены: если ты хорошо преподносишь свой предмет, то этого, мол, достаточно. Категорически не согласен! Мы не только учителя, которые должны учить детей, но — и это главное в нашей профессии — и педагоги, которые обязаны воспитывать детей. И в системе образования главным должен быть такой девиз: «Нам нужно умение не только хорошо учить, но и хорошо воспитывать!»

...Началась вторая четверть. Теперь всё, о чём думал Рувин, необходимо было претворить в жизнь. Первое, что он сделал, — это договорился с заведующей городской детской библиотеки об организации у них читательской конференции на тему «Герои произведений Чингиза Айтматова — наши любимые герои». Выступать на ней должны были члены его кружка выразительного чтения. Вступительное слово предоставлялось ему. Он должен был рассказать о жизни и творчестве замечательного писателя.

По ходу подготовки к конференции менялись цели и задачи кружка: теперь ребята должны были учить не только стихи, как обычно, а и отрывки из повестей Айтматова.

Проведение конференции намечалось на конец декабря. А это значило, что все кружковцы в течение всей второй четверти должны были жить в ожидании этого события, готовиться к нему: ведь как-никак они впервые будут держать экзамен вне стен школы, да ещё в присутствии многих юных читателей города.

Одновременно с его кружковцами к конференции усердно готовились и работники библиотеки, и их читатели. Они оформляли выставку книг писателя, фотомонтаж...

Кружковцы настолько увлеклись этим предстоящим событием, что теперь вместе с Рувином переживала за успех конференции чуть ли не вся школа. В фойе, на школьном дворе, по дороге домой дети только и говорили о предстоящем событии. Теперь попасть в кружок выразительного чтения мечтал чуть ли не каждый второй школьник. Но Рувин, естественно, не в силах был один вести занятия со всеми желающими. Да потом он понимал, что ограниченный приём в кружок как бы повышал авторитет кружка. «Пусть, — думал он, — ребята чувствуют, что записаться в наш кружок, во-первых, не так-то легко, что это право надо заслужить хорошей учёбой и дисциплиной». И Рувин был убеждён, что на данном этапе он поступает правильно.

Всех членов кружка Рувин. конечно же, не мог привлечь к выступлению на конференции — это заняло бы массу времени. Поэтому, чтобы не дать скучать остальным, он поручил им решать кое-какие организационнне вопросы: одних попросил принести цветы, прочитать произведения Айтматова и быть готовым к конференции, третьим он раздал вопросы, которые они должны будут задавать во время конкурса «Что ты знаешь об Айтматове и его произведениях?», четвертым — просто выступить со своими впечатлениями от прочитанного. Вопросы составить — дело сложное, поэтому над их составлением Рувин работал вместе с ребятами. Он был доволен общим настроем учащихся. Важно было, что большинство из них заняты интересным делом и с удовольствием выполняют свои поручения. Так что большинство школьников хорошо и плодотворно трудились. Вот почему в связи с подготовкой к конференции заметно улучшилась дисциплина не только в его «неукротимом» шестом «Б», но и в других классах, где учились члены кружка.

На одном из последних классных собраний Рувин объявил ребятам, что им за прошлое дежурство по школе поставили пять баллов. Сразу после такого радостного сообщения поднялся шум, послышались аплодисменты — ребята были довольны результатом своего труда.

Рувин ни на минуту не забывал о том, какое значение в жизни школьников имеет дух соревнования. Добиться активного подключения своих подопечных в общешкольное соревнование — это он считал одним из главных методов по укреплению дисциплины и улучшению успеваемости. Результаты соревнования ежедневно вывешивались на видном месте. Оно состояло из таких пунктов: 1. дежурство по шко-

ле. 2. дисциплина в классе и вне его. 3. активное участие в общественной жизни школы. 4. участие в походах и экскурсиях, 5. успеваемость.

— Вот теперь нам нужно выйти на первое место по... — Рувин не закончил свою мысль в ожидании того, что ребята сами закончат её.

— По успеваемости, — добавил один из мальчиков.

— Верно, — удивился Рувин смекалке ученика.

Дальше Рувин перечислил остальные пункты общешкольного соревнования. Таким напоминанием он ещё раз нацеливал ребят на выполнение своих обязательств.

Между тем продолжалась подготовка к читательской конференции. Каждый, кто должен был принять в ней участие, старательно выполнял свои функции.

Во всей школе ощущалось оживление. Теперь волновались за исход мероприятия и завуч школы, и классные руководители, чьи дети должны были выступить на ней.

Были составлены вопросы для конкурса, подготовлен фотомонтаж, который заранее вывесили в зале библиотеки на видном месте. Повести Айтматова прочитали чуть ли не все учащиеся школы. Предварительно по просьбе Рувина в каждом классе учителя-словесники провели микроконференции по произведениям писателя.

Словом, школа была уже готова к выступлению.

...И вот небольшой читательский зал детской библиотеки заполнен до отказа. Добрую половину участников конференции составляли учащиеся школы, где работал Рувин. Его «сумасшедшие» и на сей раз выступали в роли радушных хозяев и расселись лишь после того, как гости заняли свои места.

Рувин был благодарен заведующей библиотеки за то, что она в кратком вступительном слове отметила особую роль шестого класса «Б» в успешной организации конференции.

— Они почти каждый день приходили сюда, — говорила заведующая, — и помогали нам. Спасибо вам, ребята.

Затем конференцию вёл сам Рувин. Он вкратце рассказал биографию Айтматова и несколько подробней остановился на его творчестве. Особенно подробно акцентировал он внимание ребят на повести «Верблюжий глаз».

— В этом произведении писатель поднял один из нужных и важных вопросов современности. Для нашего века, века романтики, стало обычным, будничным делом отправляться туда, где особенно

трудно, испробовать свои силы на деле, чтобы понять, на что я способен сегодня, как состоится моя первая встреча с трудностями. Это одна из основных задач молодого поколения, вступающего в самостоятельную жизнь, мечтающего твердо стоять на земле. «Туда, где ты нужен сегодня Родине, на передний край строительства коммунизма!» — таков девиз молодёжи. «Сквозь трудности — вперёд!» — таков её лозунг!

...Рувин, вспомнив об этом девизе, спустя 36 лет, ухмыльнулся, потому что из памяти, из истории ничего не выкинешь. «Это сейчас, — думал он, — смешно говорить такими категориями. А тогда это было нормой».

...Отвлекшись на минуту от событий тех лет, Рувин вышел на лоджию, закурил. Сел. Опёрся локтями об стол и вновь задумался. Память всё настойчивее возвращала его к тому времени.

...И он вновь мысленно оказался в том читальном зале библиотеки.

— Но как происходит столкновение с трудностями, как ведёт себя вчерашний школьник, встретившись с ними? — продолжал он. — Кемель — главный герой повести. Он романтик. Приехав в Анархайскую степь по путёвке комсомола, он думает о прекрасном будущем этого края. Но нашего героя ждали тяжёлые испытания. Они вначале испугали его. Тогда и работа в этом романтическом уголке земли показалась ему скучной, однообразной и неинтересной. А все из-за этого негодяя Абакира. Он, этот рвач, хотел вселить в чистую душу Кемеля чёрные мысли. Но, как говорится, если организм крепкий, здоровый, то и болезнетворные микробы на него не подействуют. Так случилось и с Кемелем. Не один раз хотел он бросить всё и всех и убежать куда глаза глядят. Но он остаётся. Остаётся и борется. Потому что понял: чтобы в жизни можно было твёрдо стоять на земле, надо бороться. И побеждать!

Так, определив основную идею повести Айтматова, Рувин попросил участников конференции ответить на вопрос, чем понравился им Кемель.

И ребята рассказали о его смелости, решительности, мечтах... Много добрых слов было посвящено Анархайской степи, которую ребята видели глазами Кемеля.

Участники конференции продолжали выступать, а заведующая библиотеки размышляла над тем, что неплохо бы достать ещё несколько книг Айтматова, так как понимала, что после конференции возра-

стёт число желающих познакомиться с творчеством выдающегося советского писателя.

Активистам конференции были вручены книги и объявлены благодарности. Подарки достались и некоторым подопечным Рувина, чему те были безмерно рады.

Итак, была решена ещё одна немаловажная проблема в жизни школы: она вышла на городскую арену. И небезуспешно.

Готовя своих кружковцев к конференции, Рувин однако не забывал и о приближении предстоящих праздников — Дня Конституции и Нового года. Он дал кружковцам задания выучить к этим праздникам стихи. Но если День Конституции отмечался по классам, то к Новому году готовилась вся школа. Поэтому оставшиеся дни были посвящены усиленным репетициям. Теперь помимо стихов ребята разучивали сценки и песни. То есть, жизнь в кружке вновь забила ключом.

Рувин наметил в одно из последних воскресений декабря вместе со своим классом совершить культпоход в кино. Собрали деньги, купили билеты и за час до начала фильма собрались на школьном дворе. Затем отправились в кинотеатр. Ребята шли дружной стайкой рядом со своим учителем. Спорили о том, о сём, доказывали и предлагали что-то. Он же шёл молча. И думал над тем, что вот уже и Пулат идёт с ними. Мальчик начинает понимать, что класс изменился и зажил интересной жизнью.

Возвращались ребята довольные и возбуждённые, на ходу обсуждая с учителем просмотренную картину.

...Но чаще всего память возвращала Рувина к первым дням работы в этой школе. Он до сих пор не понимал, что тогда его насторожило, испугало. Чувство ответственности? Или то, что он впервые по-настоящему приступил к работе в школе? Как бы то ни было, а он тогда, переволновавшись, думал, что у него ничего не получится. Может быть, его напугали реплики коллег о том, что 6 «Б» никуда не годится, что там есть неисправимые хулиганы, что никогда там нормальной дисциплины и успеваемости не было и не будет, что ещё год назад там вообще невозможно было работать. Да, нечего сказать, хорошо напутствовали его тогда коллеги! Были моменты, когда он хотел оставить школу и перейти на другую работу.

Рувин упорно размышлял и о своих первых днях в этой школе, и о первых трудностях, и о первых успехах, и об огромной помощи со сто-

роны старосты Лейлы, и о её брате Казбеке... Не такие уж плохие все они ребята. Только нужно было его «многоопытным» коллегам не пугать его, а в своё время больше отдавать этим ребятам немного душевного тепла, уделять им побольше внимания!

«Главное, — рассуждал Рувин про себя, — это максимальное наполнение всей жизни детей полезными делами, чтобы каждый день, каждый месяц были до предела насыщены разнообразным трудом и столь же организованным отдыхом. Главное — это не дать детям скучать, слоняться без дела. Главное — оторвать их от дурного влияния улицы. В работе с детьми всё главное!»

Рувин, глубоко задумавшись, расхаживал между рядами. А класс молчал. Молчал и он. Он думал свои думы. И от этого молчания у Рувина вдруг защемило на сердце.

Рувин с трудом избавился от своих грустных и всяких мыслей, посмотрел на ребят рассеянным, утомлённым взглядом и увидел, что они сидят, понуро опустив головы, будто что-то случилось непоправимое — и для них, и для учителя.

...Итак, закончилась вторая четверть. Четыре месяца напряжённой творческой работы остались позади. Радовало то, что они не прошли зря — ни для него, ни для его подопечных, ни для всей школы в целом. Было сделано много: дисциплина в классе почти наладилась, успеваемость улучшилась, активность ребят выросла. Теперь причины прежних неудач были выявлены, задачи и цели класса были определены, ребята в целом поверили в свои силы и возможности. Они теперь надеялись на дальнейший успех. А его ещё надо было добиваться.

Начались зимние каникулы. Шестиклассники Рувина получили задание: прочитать несколько книг по литературе, позаниматься с отстающими, собираться в определённые дни в школе, чтобы сходить в кино и на экскурсию.

Нет-нет, да и закрадывалось в душу сомнение, что вдруг ребята за две недели каникул отвыкнут от установившихся традиций.

В один из дней Рувин с нетерпением ждал своих питомцев, чтобы отправиться с ними на ковровую фабрику. Сомнения Рувина были не напрасны: из 32 учащихся в тот день пришли только 15. С грустью и сочувствием смотрела на него староста. А ему казалось, что ребята не подведут. «Э-эх, с ними нужно ещё работать и работать,» — мрачно подумал он, раздосадованный.

После экскурсии на ковровую фабрику уже по дороге в школу Рувин сообщил ребятам, что главный инженер остался ими очень доволен. Он сказал, что ему впервые довелось встретиться с такими дисциплинированными и любознательными школьниками.

Похвала обрадовала учащихся. Рувин в глубине души надеялся, что эта похвала послужит для детей хорошим стимулом.

А однажды, когда он вновь дожидался своих детей на школьном дворе, Лейла, радостная и возбуждённая, быстро подбежала к нему и с широкой улыбкой на лице чуть ли не крикнула:

— Рувин Нисимович, сегодня *25* человек пришло!

«Ну, если учесть, — сразу рассудил Рувин, — что четверо уехали в гости к родным, а двое простудились и лежат дома, то не явился лишь один Пулат.»

— Да! Гаджи пришёл? — с улыбкой обратился Рувин к мальчику, который до этого в одиночку слонялся по городу.

Гаджи переминулся с ноги на ногу, потупил взгляд и ничего не сказал.

— О-о, и Пулат здесь! — изумился Рувин.

Пулат, чувствуя, что Рувин Нисимович сейчас начнёт его разыгрывать, заранее спрятался за спину широкоплечей Написат Кадыровой.

— Вижу тебя, Пулат. Вижу. Рад тебе!

Во время каникул Рувин не заговаривал с детьми о школьных делах, не делал никому из них замечаний. Пусть, думал он, ребята по-настоящему отдохнут. «О наших заботах успеем ещё поговорить», — решил он.

— Да-а, — будто случайно вспомнил он о чём-то, протянул Рувин. — Скоро День Советской Армии и Военно-Морского флота. Надо будет подумать, как к нему хорошо подготовиться. — С минуту он помолчал, дав ребятам возможность подумать над сказанным им. А затем продолжил: — Может, опять подежурим всем классом на школьном вечере?

— Давайте, — поддержал эту идею Пулат.

«Пу-у-лат!» — мысленно удивился Рувин. — Это уже хорошо».

Мальчик постепенно приобщался к коллективу класса. Рувин и раньше на него не сердился. Рувин знал, что он приехал из горного района и в городской школе чувствовал себя в начале довольно неуютно. Да потом в классе все говорили на своём родном языке, который он не понимал. И вот теперь Пулат бывал с ними, проявлял актив-

ность. Он, как говорится, вошёл в общую игру. И это не могло не радовать Рувина.

— Кто поддержит нас с Пулатом? — уже от имени двоих обратился Рувин к остальным ребятам.

— Мы все согласны, — ответил многоголосый хор мальчиков и девочек!

Рувин в который раз отмечал в этих дежурствах их организующее и дисциплинирующее начало. Авторитет класса после этих дежурств рос в глазах всей школы. Не зря ведь потом на педсовете некоторые учителя не то с завистью, не то с иронией подчёркивали: «Вчерашние сумасшедшие наводят порядок на вечерах?!»

Хватало скепсиса и зависти. Но, как говорится, мир не без добрых людей.

— Что и говорить, ребята меняются буквально на глазах. Пройдут мимо любого учителя (неважно, преподаёт он у них или нет) — поздороваются, — говорили одни.

— Прекрасно выступают со стихами на вечерах. Большинство из них приняло участие в читательской конференции, — отмечали другие.

— Почти все учителя-предметники довольны сейчас дисциплиной и успеваемостью в этом классе, — подчёркивали третьи.

Между тем Рувин продолжал думать над тем, как правильнее организовать внеклассную работу с учащимися, как больше придать ей смысл и успешно решить поставленные задачи. Рувин находился в постоянном творческом поиске.

— Значит так, — продолжил Рувин после того, как весь класс дал согласие на дежурство, — нам надо подумать, как лучше, интереснее организовать это дежурство. Конечно, нужно проявлять такт: не дёргать нарушителей за плечи, не хватать их за руки, как вы это делали раньше. Мы с вами уже стали взрослее, культурнее. И вести себя как прежде нам уже не к лицу. Правильно я говорю, Пулат? — обратился Рувин к мальчику, чтобы дать ему понять, что в его лице он нашёл соратника, единомышленника.

— Правильно, Рувин Нисимович, — твердо и уверенно ответил смущённый Пулат.

— К этому событию выпустим стенгазету, — и Рувин посмотрел в сторону Казбека. — Дежурство будут вести те, кто учится без двоек. За отличное дежурство я попрошу завуча наградить Почётной грамотой.

В ней будет примерно такаая запись: «За активное участие в школьном вечере, посвящённом Дню Советской Армии и Военно-Морского флота и хорошую учёбу наградить почётной грамотой ученика 6 «Б» класса, ну, например, Казбека Мамедова». Вы думаете, что дежурство — дело несерьёзное? Ведь от того, какой порядок будет на вечере, как организованно он пройдёт, зависит и его успех!

Рувину такое разъяснение было необходимо, так как оно морально настраивало и стимулировало учащихся. А то, что он с ними договорился о дежурстве за полтора месяца раньше, имело под собой реальную почву: теперь ребята постараются чуть лучше учиться, не нарушать дисциплину. И в этом Рувин видел один из методов по воспитанию школьников. Всегда нужно ставить перед классом, думал Рувин, дальнюю перспективу. А в воспитательном процессе она, эта перспектива, имеет огромное значение. Она заставляет весь класс упорно и систематически двигаться в направлении достижения поставленной цели!

Под перспективой Рувин понимал дела, которые могли бы заинтересовать и увлечь детей и помогли бы организовать их жизнь.

Во время зимних каникул вместе с его питомцами в школу приходили учащиеся и из других классов. Это были в основном члены его кружка. Они знали, что шестиклассники Рувина Нисимовича интересно проводят время.

За день до начала занятий Рувин вместе со своими ребятами сидел в классе, где собралось до 40 человек. Беседовали на тему «В жизни всегда есть место подвигу». С этой лекцией Рувин выступал на предприятиях города по линии общества «Знание». Разговор получился интересным. Рувин давал ребятам возможность самим комментировать некоторые факты. А однажды, когда наступила пауза, он как-то неожиданно для самого себя сказал:

— Вот мы говорим о подвиге. Мне кажется, что наш 6 «Б» также совершает подвиг. Да, да. Вы думаете, что это так просто из сумасшедшего класса стать за три-четыре месяца хорошим?! Нет, дорогие мои! Вы действительно сотворили чудо!

— Это вы совершили подвиг, Рувин Нисимович, — прервала его староста Лайла. — Из такого класса сделать хороший класс — это не каждый смог бы. Если бы не вы, мы бы ничего и никогда не добились!

— Ладно, Лейла. Это просто мой долг, моя обязанность. А вот вам было очень трудно постепенно превратиться в хороших учеников. И

вы преодолели этот барьер. Я рад. Итак, мы много сделали, многого добились. А что, если мы совершим еще один подвиг — добьемся первого места в соревновании между классами? Если по успеваемости мы окажемся даже на втором месте, а по другим показателям выйдем на первое место, то нам обеспечено общее первое место по сумме баллов.

Рувин замолчал. Ребята же оживились. По рядам пошел шепоток. Одни улыбались: до того заманчиво было предложение учителя. У других лица вовсе ничего не выражали. Лейла, сидевшая за первой партой, повернулась назад и ждала, как среагируют ребята на предложение Рувина Нисимовича.

А Рувин ждал ответа. Он понимал, что им необходимо подумать. Ребята уже знали цену данному слову и то, как важно для человека это умение сдержать его, если уж дал. Они сознавали, что если кто-то потом подведёт класс, то каждому будет очень стыдно перед классным руководителем. Так что, хотя предложение и было заманчивым, но оно накладывало на них сложное обязательство. Оно и пугало. Поэтому ребята долго совещались и никак не решались дать ответ.

— Ну что? — наконец, не выдержав, спросил Рувин, улыбаясь. — Трудная задача? То-то. Но представьте себе, если мы примем это предложение и займём первое место, как будет здорово! Верно, Реона?

Рувин не случайно обратился к ней, к одной из слабых учениц в классе. Согласия на своё предложение в основном надо было ждать именно от слабых учеников. Поэтому он повторил свой вопрос, но уже в ином варианте.

— Написат, Реона, Гаджи, — он перечислил семь-восемь имён, — вот вы и скажите, можно ли нам принять такое дерзкое предложение? Но учтите, если вы дадите слово, то мы всем классом будем требовать от вас хорошей учёбы. Ребята вы активные, дисциплинированные, вас уважают и любят одноклассники, так что просьба — не подвести ни их, ни себя, ни меня. Договорились?

— Можно попытаться... — протянула Написат, — тем более, что у меня с математикой чуть-чуть получается, — не совсем уверенно заявила девочка.

— Договорились, — со вздохом ответили Реона и Гаджи.

Рувин понимал, что задача заключалась в том, чтобы в процессе организации детской жизни коллективные перспективы были понятны учащимся, чтобы интересные дела класса захватили и увлекли. И если эта задача, эта близкая коллективная перспектива станет внут-

ренним состоянием каждого школьника, тогда легко будет организовать сознательную дисциплину как во внеклассной, так и в учебной работе.

— А теперь, — сказала Лейла, довольная исходом обсуждения важного вопроса, — у меня есть другое предложение — всем классом сфотографироваться. Мы и деньги с собой принесли.

— Ну и сюрприз! — воскликнул торжественно Рувин. — Так вот почему вы все сегодня такие нарядные.

— И мы взяли с собой деньги, — хором произнесли члены его кружка, ученицы других классов.

Тут только вспомнил Рувин, что в беседе принимали участие и учащиеся из других классов. «Ну и отлично, — подумал он. — Пусть расскажут всем о наших планах! Это хорошо: информация разойдётся, и мои ребята смелее пойдут на осуществление поставленной задачи».

...Началась третья, самая большая и ответственная четверть. И Рувина теперь волновало, как она закончится для класса. Сдержат ли его питомцы своё слово.

Ещё не настало 23 февраля, а учащиеся Рувина уже думали о подготовке к 8 марта. Тогда уже мальчикам придётся потрудиться. Каждому из них необходимо дать поручение и поставить условие: не получать замечаний от учителей, не грубить девочкам. Если кто-либо пожалуется хотя бы на одного из них — это будет считаться чрезвычайным происшествием. А также поведение таких нерадивых учеников обсудят на классном собрании, а карикатуру на них поместят в общешкольной газете.

23 февраля девочки в торжественной обстановке поздравили сначала его, Рувина, а затем мальчиков. На доске было красиво выведено: «Дорогие мальчики! Поздравляем вас с Днём Советской Армии, желаем вам всяческих успехов! Чтобы стать отличным солдатом, воином, вам необходимо выработать у себя лучшие черты характера, и главное — со школьной скамьи быть дисциплинированными. Иначе вам удачи не видать!»

Было много смеха, шума. Девочки поздравляли мальчиков, приговаривая: «Пулат, тебе надо быть активным общественником — в армии это пригодится», «Казбек, ты молчаливый бирюк. Смотри, в армии за это качество тебе будет нагоняй!»...

Так каждому пожимали руку и высказывали его недостатки.

За неделю до 8 марта Рувин с мальчиками обговорил форму поздравления девочек. Но так как все же два ученика успели опоздать на один урок и обидеть двух девочек, он шестого марта оставил в классе всех мальчиков, чтобы «серьёзно» поговорить с ними.

— Некоторые наши мальчики нарушили наши условия, — сказал Рувин грустно и замолчал.

Рувину важно было, чтобы ребята сами обсудили поведение своих товарищей, Если раньше он не мог добиться этого, то сейчас дело коренным образом изменилось. Он молчал, а ребята говорили. Потом он объявил своим подопечным, что ему надо зайти в учительскую, и попросил их провести обсуждение без него.

Поступал так Рувин специально: хотел дать ребятам возможность без учителя поговорить между собой. Рувин таким образом развивал у учащихся инициативу, самостоятельность. А потом через некоторое время неожиданно появлялся в классе.

Когда Рувин вошёл в класс, его поразила гнетущая тишина, стоявшая здесь, Трое провинившихся стояли у доски с опущенными головами.

Рувин сделал вид, что его ничего не удивило, и спокойно сел за стол.

— Рувин Нисимович, мы больше не будем, — робко начал Ахмед Гасанов, — не давайте на нас карикатуру в стенгазету.

Рувин ничего не ответил, лишь исподлобья с улыбкой посмотрел на него, мол, хорошо, верю. И сразу перешёл к другому вопросу, предварительно отправив ребят на свои места. Как были довольны эти мальчики тем, что учитель не стал их долго мучать, и были ему благодарны за избавления от дальнейших «пыток».

Вечер, посвящённый Дню 8 марта, прошёл успешно. Вновь хорошо выступили кружковцы. Рувину интересно было отметить следующий факт: отдежурив на прошлом вечере 23 февраля, его ученики по инерции стали дежурить вместе с другим классом и на этом вечере. Они так по-хозяйски вели себя, такое активное участие принимали в рассаживании школьников, так поддерживали порядок, что завуч с широкой улыбкой на лице заметил Рувину.

— Это что же, ваши и сегодня дежурят?

— Да нет, — так же с улыбкой ответил Рувин, — это у них появилось чувство хозяина в родном доме.

— Молодцы! Прямо на глазах изменились ваши неукротимые! — похвалил завуч.

Рувин в лице своих «неуправляемых» теперь видел мальчиков и девочек, которые раньше жили скучно, неорганизованно и ощущали к себе недоброе отношение со стороны учителей. Рувин ясно и твердо понимал сейчас, что если бы год назад им уделили больше внимания, проявили бы о них заботу, то они уже тогда исправились бы. Но, к сожалению, до этих ребят никому не было дела.

После праздничного вечера Рувин простудился и лежал дома в постели. Узнав об этом, на второй день к нему пришли все девочки. Принесли конфеты, цветы.

— И мальчики хотели пойти с нами, — улыбаясь, сообщила Лейла. — Но я им сказала, что мы все не вместимся в вашей комнате, и они остались в школе. Ждут нас.

Они щебетали, о чём-то рассказывали, а он тем временем размышлял: «Если хоть сколько-нибудь ребята уважают меня, если вообще все мои методы и формы работы по укреплению дисциплины учащихся были правильными, если общие положения, которые легли с самого начала в основу воспитания, верны, то, возвратившись после болезни, я найду класс ещё более окрепшим».

И своё отсутствие в школе Рувин рассматривал, как один из методов проверки своего небольшого опыта.

— Энвер Везирович сказал нам, — тихо заговорила староста, — что вы заболели и что вас не будет целую неделю. Как только наши узнали, сразу загрустили. Вы знаете, что сказали некоторые из них: «Теперь, наверное, Рувин Нисимович будет переживать, что мы здесь станем с ума сходить». Я тогда ответила: «Постарайтесь прилично вести себя. Рувину Нисимовичу будет приятно узнать об этом!»

А Написат рассказала следующую историю: «Кто-то сорвал школьную стенгазету. Во время перемены мальчики из нашего класса подняли её и хотели повесить на место. Проходила учительница начальных классов, дежурившая по школе. Увидев, что двое из 6 «Б» держат стенгазету, взяла их за руки и повела в учительскую.

— Вот,полюбуйтесь, — размахивая стенгазетой, указала она на ребят. — Сорвали газету. А ешё говорят, что они исправились?!

— Не срывали мы! — возразил горячо Аскер Саидов. — Наоборот, мы хотели её повесить на место.

— Ишь какой умный нашёлся. Что же по твоему, газета сама упала? — выкрикивала учительница,

— Вы не огорчайтесь, Рувин Нисимович, — успокоила учителя Написат. — Дальше всё получилось нормально. Учителя и завуч просмотрели газету и сразу догадались, кто мог это сделать. Им оказался ученик пятого класса Яшар Мирзабеков. На него в газете красовалась карикатура. Вызвали Яшара, «допросили» его, и он «раскололся». Выяснилось, что он опоздал на урок, его не пустили, и он «на досуге» стал рассматривать газету. Увидев своё «изображение», сорвал газету и бросил её. А когда в учительскую нервной походкой вошла учительница истории и, не зная, о чём тут говорят, увидев наших ребят, сразу истерично выкрикнула с порога: «Вот вам опять 6 «Б»! Как только Рувин Нисимович заболел, всё пропало.»

— Нет, ничего не пропало! — горячо возразил Аскер. — Ничего не пропало, — и, не выдержав, заплакал — до того ему стало обидно.

...Девочки давно ушли, а он, находясь под впечатлением от разговора с ними, размышлял над событиями, которые произошли в школе в его отсутствие. Некоторые учителя всё ещё по инерции продолжали ненавидеть 6 «Б» за старые «грехи». А ведь успехи этого класса были налицо и не заметить, не видеть этого — было просто омерзительно. Класс преображается. Он стремится выйти в общешкольном соревновании на первое место! И всё же кое-кто из скептиков продолжает отрицательно отзываться о классе. Просто так. По привычке. Находились ещё и такие учителя, которые считали, что система воспитания Рувина не в силах спасти 6 «Б». «Как такие люди попадают в школы? — с горечью думал Рувин. — Откуда они берутся? Кто таких бездарных «педагогов» готовит? Как можно таким горе-учителям доверять обучение и воспитание детей? Бедные дети!»

Хотя подобные мнения отдельных учителей и не тормозили работу Рувина, но они всё же мешали ему, нервировали его. Они просто выводили его из равновесия и раздражали. Конечно, и чёрной зависти здесь хватало. И выскочкой его кое-кто называл. И всё это было видно невооружённым глазом.

...Через неделю Рувин появился в школе. Стоило ему войти в фойе, как тут началось нечто невообразимое! Его окружили все его шестиклассники, кружковцы. Они издавали радостные возгласы, прижимались к нему. От такой встречи Рувин чуть было не растрогался. Он был

ещё слаб, а потому расчувствовался — пустил слезу. Он не знал, что говорить, как себя вести. Он просто улыбался, кивал головой то одному, то другому. Учителя, наблюдавшие эту картину, были в шоке: доброжелатели радовались за Рувина, а завистники зло отворачивались, ворча: «Великий Макаренко нашёлся!» — сквозь зубы шипели они. А когда Рувин, наконец, попал в свой класс, ребята от восторга стали кричать, прыгать. В школе решили, что 6 «Б» вновь сходит с ума. Так как в классах начались занятия, и шум «бэшников» мешал занятиям, в класс вошёл завуч. Он не стал делать ребятам замечания. Он только с улыбкой произнёс: «Поздравляю вас! Посмотрите, как вам рады ваши питомцы!» — и пожал Рувину руку.

Они не виделись только семь дней, а им казалось — целую вечность! Они молчали. И после возгласов радости им теперь было приятно просто смотреть на своего учителя. Они соскучились по нему. Рувин с бледной улыбкой медленно ходил между рядами и нежно гладил своих девочек и мальчиков по голове, заглядывая при этом в их сияющие глаза! «Мои милые дети! Кто сказал, что вы плохие? Вы чудные! Вы сами не знаете, какие вы добрые, хорошие дети. Просто ваши сердца были на замке. А теперь они открыты и в них столько нежности, тепла!» — думал он с повлажневшими глазами.

Весна стояла в городе тёплая, ласковая. Вдвойне радовала такая чудесная погода, потому что на конец марта был намечен поход в горы. Рувина тянуло на природу. Ему было душно и тесно в четырёх стенах небольшого школьного здания. Ему нужен был простор.

...Настоящим праздником был для ребят день, когда Рувин принёс из фотоателье их фотографии. Дождавшись окончания уроков, Рувин попросил учащихся ненадолго задержаться.

— Я скоро приду, — сказал он и вышел из класса.

В учительский он присел на диван и задумался. Он вспомнил, как раньше (особенно в первые месяц-два), стоило ему отлучиться на несколько минут, из класса сразу убегали домой несколько мальчиков. Сейчас, попросив ребят задержаться, твердо был уверен, что теперь никто из них не посмеет уйти. Он вспомнил, как во время одного из последних дежурств по школе, видя, как Рувин волнуется за них, староста тихо успокоила его.

— Вы не переживайте, Рувин Нисимович. Всё будет в порядке. Вы делайте свои дела. Мы здесь сами разберёмся, — уверяла его бойкая Лейла.

Теперь особого контроля с его стороны не требовалось: ребята и уборку в классе проводят сами. Сами всем и управляют.

Вот и сегодня он был уверен, что никто не уйдёт из класса. Самоуправление в классе достигало своего апогея.

Когда Рувин вернулся в класс, ребята встали и продолжали стоять, несмотря на то, что он движением руки попросил их сесть. Он с улыбкой смотрел на них и ничего не понимал. Ясность внесла староста.

— Когда вы вчера ушли домой, после уроков зашла к нам пионервожатая и по секрету сообщила, что если мы улучшим успеваемость, то сможем выйти на первое место в школьном соревновании. По остальным показателям мы уже опережаем все классы.

— Ну что ж, отличная информация. Я рад. Поздравляю вас! Или ещё рановато? А теперь позвольте раздать вам фотографии.

Ребята дружно захлопали в ладоши, будто им вручали грамоты. Какими счастливыми выглядели они, когда рассматривали фотографии! Сколько смеха — у кого-то глаза закрыты, сколько визга — а я рядом с Рувином Нисимовичем стою, сколько радости!

Третья четверть завершалась. Дела в классе шли хорошо. Теперь в учительской то громко, то шёпотом говорили об успехах его класса. Отмечали резкую перемену в дисциплине, успеваемости, в общественной работе его учащихся.

— Уму непостижимо — вчерашние сплошные нарушители и двоечники выходят в победители?! — диву давались одни учителя.

Однажды завуч, почувствовав в реплике одной учительницы прежние недоброжелательные нотки, заявил твердо и решительно.

— У всех, даже у тех, кто с учащимися 6 «Б» не работают, сложилось о них довольно странное, устойчивое мнение. Вы ежедневно наблюдаете за поведением ребят из этого класса. Поэтому не может быть, чтобы вы не замечали тех положительных сдвигов, которые произошли с ребятами. Или у вас нет желания замечать этого, или у вас нет времени видеть это. Да, верно. Времени у многих из вас нет. Закончился урок — сразу домой. Сколько сил вложил наш коллега, порой без всякий поддержки, чтобы превратить 6 «Б» в образцовый! Да-да, я не побоюсь сказать это. Не умеем мы уважать труд других. А надо бы! Хорошей завистью надо завидовать таким, как Рувин Нисимович. Я понимаю вас: вы боитесь, что теперь я буду и от вас требовать такой же работы.

— Полностью согласна с Энвером Везировичем, — горячо вступила в разговор учительница французского языка Алла Петровна. — Нисуев сделал всё, чтобы этот класс стал дружным, сплочённым, успевающим. Вы же знаете, какую интересную, разнообразную внеклассную работу проводит Рувин Нисимович. Он добился замечательных результатов, и не только в рамках одного своего класса, но и всей школы в целом! Может, кто-нибудь станет возражать? Кто может это отрицать?

— Да, действительно, 6 «Б» вышел победителем общешкольного соревнования. Никто его не вытягивал. Ребята своим повседневным трудом заслужили права называться лучшим! Правда, в журнале преобладающими являются «тройки» и «четверки». — высказалась учительница физики.

Вчерашний «неукротимый» 6 «Б» вдруг вышел победителем! Было чему удивляться. Трудный путь исправления, а потом и восхождения был преодолен. Цель была достигнута. Притупился ли у его шестиклассников интерес ко всему? Далеко нет. Достигнутый успех необходимо было закреплять в четвёртой четверти.

В период весенних каникул ребят ожидало много увлекательных мероприятий. И главное из них был поход в горы.

Ничто так не сближает учителя с учениками, как совместные походы и экскурсии, где каждый в яркой форме проявляет своё «я», бывает самим собой. Обычно капризный Казим Абасов во время экскурсии становился задушевным товарищем. Молчаливый Казбек сразу превращался в интересного собеседника. Даже Пулат, который раньше избегал такие мероприятия, с большим желанием готовился теперь к ним и затем преображался на глазах.

Наконец наступил долгожданный день похода. Цель — побывать в горах, подышать свежим воздухом, полюбоваться горным пейзажем, побеседовать, поиграть и обсудить, если удастся, свои внутренние проблемы.

В семь часов утра на школьном дворе собрались почти все его питомцы.

— Не пришли четыре ученика, — доложила Лейла. — Двоих родители не отпустили, а двое неизвестно, почему не пришли. Из 7 и 8 классов несколько кружковцев просятся с нами. Они стоят на улице. Если вы разрешите, они примкнут к нам.

— Конечно, возьмём. Куда мы денемся? Они же наши родные ребята, — пошутил Рувин.

Путь в горы лежал через узкие улочки, где жили ученики Рувина. А потому Лейла по поручению Рувина забегала в дома ребят и просила родителей выйти к учителю. Рувину хотелось знать, по какой причине эти четверо не могут или не хотят идти с ними в поход. А причины оказались самыми простыми: одних не отпустили, потому что у них не было походной одежды, другие, как выяснилось, были заняты домашними делами.

Рувину и Лейле удалось-таки «выпросить» ребят у родителей, и дальше 6 «Б» шагал уже в полном составе.

Миновали верхнюю черту города и вышли к горной тропинке. И «восхождение» началось. Оно длилось недолго — через час они остановились по ту сторону горы у большого орехового дерева. Недалеко от этого места протекала небольшая речушка. И поляна, покрытая сочной травой, и большое ореховое дерево, дающее великолепную тень, и водный поток — всё это понравилось всем. С шутками, прибаутками расположились под деревом.

— Рувин Нисимович, давайте завтракать, а то уже некоторые умирают с голоду, — созорничала Лейла.

Позавтракали с большим удовольствием — свежий воздух, пешая «прогулка» нагнали на ребят аппетит. Затем, убрав за собой, ребята спустились к речке. Сначала спокойно мыли руки, просто умывались, затем смелая Лейла обрызгала Вагаба Талибова — и что тут началось! Ребята бегали по колено в воде, кричали, визжали.

Когда солнце оказалось уже в зените, Рувин призвал всех под ореховое дерево, и они расселись вокруг него. Как только они успокоились, Рувин как бы издалека завёл разговор о школьных делах, о дальнейших задачах и перспективах.

— Учительница физики говорит, что она отдыхает на наших уроках, — начал Рувин. — Это правда?

— Конечно, правда, — подтвердил Гаджи.

— А на уроках истории как?

— Плохо, — сразу резко бросила Лейла. — Сама виновата. Орёт, кричит по поводу и без поводу.

— Мне кажется, — вдруг вступил в разговор Пулат, — учительница истории сама виновата. Она нервная. Если кто-нибудь что-то не так рассказывает, она начинает кричать. Ну, тогда и ребята, обиженные её криком, устраивают ей «концерт».

Рувин знал, что эту учительницу никто в школе не любит, не уважает. Её просто терпели — не было замены. И всё же...

— Такие «концерты» нам всё равно чести не делают. Наша задача... — и он специально не закончил фразы, желая, чтобы они продолжили его мысль.

— Быть всегда на высоте, — продолжили фразу Рувина ребята его любимыми словами и прыснули со смеху.

Засмеялся и Рувин.

— А если серьёзно? — спросил сквозь смех Рувин.

— Как бы она ни кричала, мы должны терпеть — и всё, — подсказала Лейла.

— Верно, — подытожил Рувин сказанное. — На последнем педсовете учительница истории, правда, не жаловалась на вас. Не знаю даже, почему.

— Так мы не всегда... — заметила Написат. — Мы только тогда, когда она совсем входит в роль.

И опять все прыснули со смеху.

— Ладно, ребята, — решил Рувин переключиться на другую тему, — впереди четвёртая четверть. Она самая короткая. Поэтому надо быть предельно аккуратными, собранными. Мы должны активно включиться в подготовку ко Дню рождения Владимира Ильича Ленина. Надо будет выпустить стенгазету, выучить стихи, навести в классе порядок, принять участие в школьном вечере, посвящённом этой дате...

Разговор получился задушевным, непринуждённым, откровенным. Поговорили — и начались игры. В них участвовал и сам Рувин. А когда ребята, усталые, но довольные, вновь расселись под деревом, Пулат сфотографировал их.

После обеда двинулись домой. К вечеру они прибыли в город.

Каникулы закончились. Начались рабочие будни. Его «сумасшедшие» хорошо отдохнули, слегка загорели и немного повзрослели. И стали ещё серьёзнее.

То или иное мероприятие, задуманное с классом, Рувин уже давно проводил в общешкольном масштабе. В них так или иначе принимали участие все учащиеся и учителя школы. Будь то читательская конференция или вечер, посвящённый тому или иному событию, — всё это привлекало каждого школьника, неважно из какого он класса. Вот и сейчас, когда он задумал пригласить на встречу с учащимися местного поэта и композитора, он решил со своим классом и с круж-

ковцами выучить стихи поэта, подготовить стенд с его книжками и выпустить стенгазету.

Этот вечер прошёл в середине апреля, и Рувин уже мысленно готовился ко Дню Победы. Он придавал этому празднику особое значение. «Вот, — думал он, — его ребята побывают на могилах советских воинов, отдавших жизнь за родину. Возложат на них цветы. Всё это понятно, но ребята должны понять, почему эти воины отдавали свои жизни». Рувин знал, что все подобные мероприятия из года в год проходят однообразно, обыденно... и никогда учителей не интересовал вопрос, поняли ли школьники цену этой Победы, осознали ли они, что такое патриотизм, мужество, храбрость, уяснили ли себе, за что погибли эти солдаты и офицеры. Конечно, по школьным учебникам, по кинофильмам ребята имели некоторое представление и о войне, и о жертвах, принесённых на этой войне. Но знать одно, а проникнуться всем сердцем в суть вопроса — это дело другое. Рувин сознавал, что учащимся надо так рассказать о войне, о Победе, чтобы можно было вызвать у них определённые чувства и мысли.

Обычно подобные акции проходят примерно так: каждый классный руководитель ради галочки проводит небольшую беседу со своими учениками, сообщает им, что 9 мая они должны вместе с другими пойти на воинское кладбище, возложить на могилы воинов цветы — и всё. Рувин же считал, что эта дата даёт огромную пищу для разговора, для воспитания юных патриотов родины. Надо было вызвать у них чувство гордости за подвиги советских воинов.

Накануне Рувин повёл класс на просмотр фильма о войне. Затем пригласил участника войны на встречу с ребятами. Гость рассказал, какой ценой досталась эта долгожданная Победа и как важно в наше время бороться за мир на земле, чтобы подобные войны не повторялись.

Утром 9 Мая небольшая колонна школьников двинулась к кладбищу. Подопечные Рувина шли задумчивыми, сосредоточенными. Когда возложение цветов завершилось, Рувин повёл своих питомцев на зелёный холм, что недалеко от кладбища.

— Посидим немного, побеседуем, — предложил Рувин.

— Помните ту могилу солдата, у которой стояли женщины в чёрном? — начал он беседу.

— Там, где цветы растут? — спросил Казим.

— Да. А вы заметили, что вокруг могилы плотным кольцом стояли пионеры?

— А почему они именно там стояли? — спросила Лейла.

— Это юные следопыты одной из школ города. А они там стояли вот почему. Ребята долго и кропотливо искали данные об этом молодом солдате. Оказалось, что в жарком бою за освобождение Кавказа он один истребил много фашистов, но потом сам был тяжело ранен. Молодой парень с Брянской области пролил кровь за наш родной Кавказ! За нашу с вами Победу! В годы войны в нашем городе было несколько госпиталей, куда привозили раненых воинов. В одном из них и умер от ран этот молодой солдат. Юные следопыты разыскали его родных, и теперь каждый год в День Победы они приезжают сюда на кладбище. И благодарят юных следопытов за то, что они бережно ухаживают за могилой их сына.

Рувин на минуту замолчал и посмотрел вниз, откуда люди расходились с кладбища. А там, у могилы молодого солдата, продолжали стоять несколько женщин в чёрных косынках.

Учащиеся, поймав его взгляд, тоже молча стали смотреть туда.

— О жизни таких героев пишутся книги, снимаются фильмы. В войну все советские солдаты и офицеры героически защищали свою любимую родину, — продолжал Рувин в задумчивости.

— Вот Матросов, например, — вставил Казим, — грудью закрыл амбразуру огневой точки, откуда строчил вражеский пулемёт. Своим подвигом он дал нашим воинам возможность взять трудную высотку. Я читал об этом в книге.

— И я читала «Молодую гвардию», — похвасталась тихая Реона. — Совсем юные молодогвардейцы смело боролись с фашистскими оккупантами, — продолжала девочка. — А многим из них было всего по 16—17 лет.

Тут ребята стали перечислять все известные им подвиги советских людей. Самое трудное, считал Рувин, — это объяснить детям о причинах, побудивших людей совершать подвиги. Фразы «они отдали жизнь за родину» или «они совершили подвиг» звучали для ребят не совсем понятно, доступно. Нужно было раскрыть детям смысл этих подвигов. Поэтому Рувин не жалел времени на подобные темы.

— Помните нашу беседу на тему «В жизни всегда есть место подвигу»? Ведь мы и там с вами говорили о подвигах советских людей во время войны. Вспомните. Мы и о Матросове вспоминали. Он погиб

сознательно. Почему он так поступил, Казим уже объяснил. Но здесь следует уяснить и другое. Матросов знал, что для успешного продвижения вперёд, необходимо, чтобы пулемёт врага замолк.

— Погибнет он один, зато останутся жить другие, а иначе немецкий пулеметчик убьёт многих наших воинов, — удивила всех своей памятью и рассудительностью Написат Кадырова.

— А почему именно из-за той высотки надо было погибать? Разве цель всей войны в этой высотке заключалась? — спросил Рувин.

— Таких высоток было много, — подсказал кто-то из ребят. — Каждый кусочек нашей земли надо было отвоёвывать. Из этих высоток и кусочков и состоит вся наша страна.

— Совершенно верно! Молодцы! — похвалил Рувин ребят. — И чем быстрее мы каждую высоту брали, тем быстрее приближали День Победы! Так постепенно и пришла долгожданная Победа. А такие, как Александр Матросов, поэтому и не пожалели своих жизней!

Беседа эта надолго запала в душу ребят.

Прошло время, жизнь шла своим чередом. Продолжались занятия в кружке. Однажды кто-то из его кружковцев с большим опозданием заявился в пионерскую комнату. Раньше ребята опаздывали небольшими стайками: были разболтанными. Но то время кануло в лету. Если тогда Рувин поневоле эти опоздания более или менее терпел, то сейчас после стольких усилий любое опоздание его сильно расстраивало.

Вошёл. Стал у дверей. Молчит. Молчит и Рувин. Все делают вид, что его опоздание задело их. Наконец мальчик не выдерживает напряжения и просит разрешения сесть.

— Садись, — не глядя на него, разрешил Рувин. — Почему опоздал? — немного раздраженно спросил он.

— Задержался. Играл с ребятами. Увлёкся.

— Играть — это хорошо. Во время перемены полезно побегать во дворе. Но опаздывать... — это никуда не годится. Это неуважение и ко мне, и к своим товарищам...

Рувин сознавал, что выработка точности, пунктуальности у учащихся в процессе воспитательной работы должна помочь им ценить время других. Вопрос бережливого отношения ко времени был для него, Рувина, в течениие всей его жизни одним из серьёзных проблем. Он хотел, чтобы такое отношение к этим вопросам стало для ребят нормой, привычкой, правилом, которые бы и много лет спустя они

могли оценить, как одно из лучших человеческих качеств! Для обсуждения этой важной, на его взгляд, проблемы Рувин использовал любую возможность. Вот и сейчас — вроде мог бы просто дать мальчику разрешение сесть — и делу конец. Но нет. Ему важно было понять, как другие ребята отнесутся к таким опозданиям.

Рувин с юношеских лет сам, без посторонней помощи, выработал в себе обязательность, точность. Поэтому он тяжело переживал факты, когда люди позволяли себе опоздать, заставляли себя ждать и тем самым вносили сумятицу в коллективе своим опозданием, проявляя тем самым неуважение к остальным.

В школе Рувин помимо всего прочего, возвращаясь к этой теме, придавал ей очень большое воспитательное значение.

Вот почему, когда Иван Петрович, у которого они с женой покупали хату с участком в деревне, опаздывал, он так сильно нервничал. Он терпеть не мог, когда люди оказывались необязательными и подводили других своим опозданием.

Близился к концу учебный год. 6 «Б» радовал Рувина своими успехами. В соревновании классов он вновь выходил на первое место.

...Наступали летние каникулы, и Рувин надолго должен был расстаться со своим классом. Они так привыкли друг к другу, так сдружились, что ни он, ни они не могли представить себе, как они вытерпят разлуку на целое лето.

Но Рувин ещё не знал и предположить себе не мог, что скоро не только на лето, но и на всю жизнь им придётся расстаться.

Рувин, как и другие учителя, не уважал директрису школы. Даже сейчас, вспоминая об этом периоде своей жизни, он старался даже мысленно не называть эту даму по имени и отчеству. Её функции фактически выполнял завуч Энвер Везирович. Она же была для учителей пустым местом, куклой. Красивая, статная, она и в школе появлялась лишь потому, что вела уроки русского языка в одном из классов. Запомнилась она тем, что иногда могла позволить себе показывать зубки, мол, знайте наших. В таких случаях она вела себя смело — как-никак её муж был руководящим работником, и она могла позволить себе некоторые выходки, так сказать, для «укрепления» авторитета.

К концу учебного года состоялось профсоюзное собрание. Директриса объявила, что Рувину Нисимовичу в трудовую книжку записана благодарность за активное участие в общественной жизни школы и перешла к другому вопросу.

В школе произошло непредвиденное событие. Заведующий мастерскими и молодой учитель труда после работы были замечены в школе сильно подвыпившими. Приложились они к зелёному змию в мастерской и собирались было разойтись по домам. Но их увидели «весёлыми» и сообщили об этом директрисе, которая тут же вынесла этот факт на повестку дня профсоюзного собрания. Пожилой заведующий мастерскими возложил вину за содеянное на своего молодого коллегу, объяснив, что инициатива исходила, мол, именно от того. На вопрос, почему же он, взрослый человек, составил компанию, заведующий ответил, что ему, видите ли, было неудобно тому отказывать. «Святая наивность! За дураков нас принимает!» — мысленно возмущался Рувин. Как бы то ни было, но красавица-директриса поддержала заведующего, взвалив вину на молодого трудовика. И как только директриса объявила о своей позиции, учителя недовольно заворчали.

— Зачем же вы нас дураками выставляете? — возмущённо заявила Алла Петровна.

Выступил и Рувин.

— В первую очередь виноват заведующий мастерскими. Не пожелай он составить тому компанию — и не состоялась бы эта выпивка, — решительно заявил он. — Что ж он как старший по возрасту и по работе не запретил ему организовать на работе пьянку? Он, видите ли, бедненький, добренький, согласился выпить с молодым учителем, потому что ему, знаете ли, неудобно было отказать. Не кажется ли вам ваша позиция шаткой и необъективной? — не выдержал Рувин и бросил эти резкие слова в лицо директрисе. — Но я предупреждаю вас, — продолжал он страстно, — если вы накажете только одного молодого учителя, я в знак протеста уйду от вас!

— Грош мне цена, если я не добьюсь своего! — пошла на принцип директриса. — Да вы хоть все уйдете, я все равно поступлю так, как решила! — выкрикнула эта самодовольная, эгоистичная женщина.

Она знала, что никто из учителей не посмеет уйти из школы — некуда было уходить: попробуй найди место в других школах — нет вакансий. И, во-вторых, она понимала, что в городском отделе народного образования никто не посмеет обвинить её в несправедливости. Всё же её муж был руководящим работником в городе.

И Рувин тогда все же, как и грозился, ушел из школы. В горono, зная об этом инциденте, взяли сторону Рувина и перевели его в

другую школу, куда его взяли с огромным удовольствием. Всё это так, но ему до слез обидно было, что пришлось оставить свои родной 6 «Б», который стал ему дорогим. Он во время спора с директрисой сгоряча не подумал об этом. Так в жизни Рувина произошла ещё одна драма.

Душевную травму получили и его шестиклассники. После каникул ребята, придя в школу и узнав, что их классный руководитель ушёл из школы, выяснили с помощью родителей причину его ухода, и все до единого ринулись в ту школу, где работал Рувин.

— Как? Вы ушли с уроков? — удивился и одновременно обрадовался Рувин, обнимая то одного, то другого, то третьего... Плакали все: и он, и они!

— Да, мы ушли с уроков! — выкрикнула его озорная староста Лейла, вытирая слезы. — Но мы уйдём и из школы! — продолжала девочка горько плакать. — Мы добьёмся, чтобы эту директрису выкинули из школы. Родители обещали сходить в гороно. Она нам не нужна! Нам нужны вы! А вы или возвращайтесь к нам, или мы всем классом перейдём в эту вашу новую школу, — плача навзрыд, бледная как полотно, кричала девочка.

Это была трагическая сцена. Рувин чувствовал свою вину перед детьми, потому что он фактически из-за личных принципов предал своих милых подопечных, которым, кстати, он отдал всё своё время, своё здоровье, свою любовь! Столько энергии было потрачено в процессе становления этого детского коллектива!

Он был им глубоко благодарен за большую и преданную любовь к нему. Но, с другой стороны, он понимал, что уже ничего изменить нельзя, потому что, как он любил повторять в таких случаях, поезд уже ушёл. К сожалению, все предлагаемые ребятами варианты, были уже неприемлемы. Но он постарался успокоить их, пообещав встречаться с ними.

В следующий раз его воспитанники посетили Рувина только через полмесяца. Они принесли ему фотографию, на которой был заснят весь класс с новой классной руководительницей в центре. Рувин знал эту женщину и уважал её, о чём и сказал детям. И ребята немного успокоились.

На этом, пожалуй, его контакт со своим «неукротимым» 6 «Б» классом прервался. Он был так занят делами, заботами, что ему физически не хватало времени думать о них. А вспоминать, конечно,

вспоминал! У Рувина уже росли две дочурки, во-вторых, нагрузка в новой школе была большая, в-третьих, много времени занимала у него активная внеклассная работа с новым классом, в-четвёртых, требовали внимания подготовка к поступлению в аспирантуру и организация городских шахматных турниров, а также выступления с лекциями по линии общества «Знание». Всё это не позволяло ему ни на минуту расслабляться.

Его и в этой школе успели полюбить и учителя, и учащиеся, и родители. Ещё бы! Он руководил шахматным кружком, кружком выразительного чтения, водил детей на экскурсии, устраивал в масштабе школы вечера отдыха — опыт уже небольшой был!

Директор школы, обаятельная, интеллигентная женщина, замечательный человек и педагог, уже в конце года внесёт ему в трудовую книжку благодарность за активное участие в общественной жизни школы. Теперь об его опыте по внеклассной работе говорили почти во всех школах города, К нему относились с почтением. А между тем его зарплата составляла всего 110 рублей.

Всё бы ничего, да тяжёлые жилищные условия выбивали его из нормальной колеи. Он даже тетради вынужден был проверять, как и в прежней школе, тут же после занятий. Он с женой, двумя маленькими детьми, матерью и отцом — все вместе жили в одной комнате. Если он с женой и детьми размещались в комнате, то родители спали в коридоре. Рувин и жена Ася были молодыми специалистами с высшим образованием, отец же — участником Великой Отечественной войны, на фронтах которой получил контузие и ранение. Естественно, все это никого не волновало. Квартиры в тех редких новостройках распродавались за большие взятки или распределялись по принципу землячества и по партийным разнарядкам.

И Рувин, и весь город обо всём этом знали, но ничего не могли поделать. Жалобы, направляемые в центральные газеты, возвращались к тем, на кого жаловались?!

Однажды соседка по двору, вход в квартиру которой был с улицы, зашла к матери Рувина и предложила:

— На Ставрополье умерли мои старики. Мне в наследство осталась их хата с участком. Я еду туда. Дайте мне немного денег на дорогу, а я оставлю вам ключ от комнаты. Снимете с дверного проёма, соединяющего наши комнаты, кирпичи, заделаете вместо моего крыльца окно на улицу и у вас будет дополнительная замечательная комната.

Так и сделали. В течение двух дней вместо крыльца местные каменщики отстроили окно. Дверь между комнатами открыли. И стало так просторно!

Но что тогда началось?!

Вызвал отца прокурор города. Угрожал, требовал освободить комнату. В это время Рувин куда-то уезжал. Вернувшись, узнал от отца о его вызове и сразу зашагал к прокурору на «беседу». Благо, прокуратура находилась метрах в тридцати от них.

— Товарищ Черпаков, вы должны как прокурор что делать? Защищать права граждан! Верно? А вы что делаете? Как вам кажется, могут в одной комнате жить шесть человек — четверо взрослых и двое маленьких детей? Нет. Вы об этом, между прочим, знаете! Но на вас, наверное, давит горком партии! Я сожалею. И вы бессильны. Я вас понимаю, но помочь ничем не могу. В таком случае постарайтесь хотя бы не тревожить моего отца. Договорились? А то придётся написать о вашем поведении в редакции центральных газет, — Рувин произнёс свою убедительную речь молчавшему всё время прокурору и, извинившись за беспокойство, покинул его кабинет.

Через день уже не отца, а его, Рувина, «захватившему» комнату, вызвал председатель горисполкома.

— Ты чего захватил комнату? Ты же знаешь, что в городе каждый квадратный метр жилья на строгом учёте. Так что сдай ключ и разбери окно.

— Но мы с женой стоим в очереди на жильё.

— Вот и стойте.

— Сколько лет?

— Стоят же другие годами? И вы ждите.

— А вы того... нас из списков очередников выведите и вынесите решение о предоставлении нам этой комнаты. И мы с вами будем в расчёте!

— Не знаю. Лучше будет, если ты сдашь ключ. А потом мы вынесем решение, — лукавил он.

— Так вы скажите членам исполкома, что ключ уже у вас, тем более все вопросы решаете фактически вы, — поучал Рувин председателя исполкома. — Так что, если я уже не нужен, то до свидания.

Всю дорогу до дому Рувин находился в веселом расположении духа. Он вспоминал свой разговор с председателем и внутренне сме-

ялся над ним. «Видите ли, за эту комнату дорогому соплеменнику взятку не дали?! — рассуждал Рувин. — Поэтому и сходит с ума.»

Об отказе Рувина сдать комнату председатель доложил первому секретарю горкома партии. Рувин понимал, почему всё начальство зашевелилось, как пчёлы в потревоженном улье. Они кому-то обещали одну комнату. Да к тому же этот Нисуев прежде жаловался на них... написал в «Известия». Вот и засуетились. А потом в ответе центральной газете укажут, что этот самый Нисуев «захватил» самовольно комнату.

И его вызвали на заседание бюро горкома КПСС. Члены бюро сидели по обе стороны столика, который стоял перпендикулярно к письменному столу первого секретаря.

Рувин вошёл в кабинет. Стал перед столиком прямо напротив «первого». Ему не предложили сесть. «Велика будет честь, наверное, думал «первый», — рассудил Рувин про себя.

— Нисуев, что вы, понимаете, позорите партию? — сразу пошёл в атаку «первый». — Захватываете, понимаете, комнату без решения горисполкома. Что подумают беспартийные горожане? — назидательным тоном, будто перед ним стоит школьник, продолжал «первый».

— Что могут сказать беспартийные? — в том же тоне заговорил Рувин. — Что могут они сказать, если узнают, что две семьи, состоящие из двух молодых специалистов с высшим образованием, двух маленьких детей, из отца — участника войны, имеющего ранение, и матери, если все они живут в одной комнате? Будут, естественно, возмущаться наши беспартийные горожане! Правильно я думаю?

— Сдай ключ и жди решения исполкома, чтобы всё выглядело честно, — видя, что не сможет пробить этого парня, сдержанно-вежливо продолжил «первый», не обратив внимания на реплику Рувина.

— Ради бога, — пошёл теперь в атаку Рувин. — Пусть исполком вынесет решение, вычеркнет нас из списков очередников, — совершенно невозмутимо посоветовал Рувин, показывая рукой на сидящего здесь же председателя исполкома. Тем более что мы уже этот вопрос обсуждали.

— Нисуев, я тебя в партию принимал, что же ты меня позоришь? — чуть повысив голос, хмуро произнёс «первый».

— Вы меня в партию принимали? — в большом недоумении артистично спросил Рувин. — Ничего подобного. Вы ошибаетесь. В партию

меня принимала первичная партийная организация, а вы на бюро утверждали её решение!

— Как он со мной разговаривает? — вскрикнул «первый» истерично и встал с места, затем, обращаясь к членам бюро, в том же тоне повторил. — Как он со мной разговаривает?

А члены бюро (а это были прокурор, председатель исполкома, председатель КГБ и секретарь одной из партийных организаций) сидели с опущенными головами и молчали.

— Я написал в «Известия» и просил оказать содействие в улучшении наших жилищных условий. Вместо того, чтобы объективно подойти к решению моей проблемы, вы мне судилище устроили? Нехорошо! — издевался Рувин над всеми ними.

— Как он смеет? — взбеленился «первый», хлопнув ладонью об стол. — Да что это такое? — истошно кричал он.

— Если нам больше не о чём говорить, то, пожалуйста, извините меня, — и Рувин направился к дверям.

— Ключ сдайте, — вдогонку ему грубо бросил секретарь.

— Да нет этого ключа! — в тон ему громко ответил Рувин. — Нет, понимаете? Вы же видели, что вместо крыльца отстроено окно. О каком ключе вы говорите? Мы его выбросили.

Не дождавшись ответа, Рувин открыл массивную дверь кабинета и вышел с гордо поднятой головой!

После той беседы и прокурор, и председатель исполкома, и начальник КГБ при встрече на улице аккуратно здоровались с ним. Вот так Рувин заставил уважать себя отцов города.

В декабре того года директор школы, милая Инна Петровна както подошла к нему и, улыбнувшись, спросила:

— Хотите подзаработать?

— Хочу, — тоже с улыбкой ответил Рувин.

— Мой муж, завуч вечерней школы, да вы его знаете, что я вам рассказываю о нём, просит вас заменить их учителя, которого призвали в армию. Пойдёте? — и она так обаятельно посмотрела на него, что он сразу согласился.

— Но только ради вас, учтите, — весело ответил он.

Они пошутили, посмеялись, и он сразу после уроков отправился в вечернюю школу.

Ему дали часы в 10-м и 11-м классах, а классным руководителем попросили быть в выпускном классе. Удивительно пёстрым был состав

в этом классе. Здесь учились и те, кто совсем недавно расстались со своими одноклассниками, и те, кто замужем или женат. И со всеми с ними надо было установить контакт: как-никак, а полгода работать вместе.

И Рувин развернул с ними такую работу, что те, сами того не сознавая, незаметно вовлеклись в неё с большой охотой. Он организовывал для них походы, совместные просмотры кинофильмов, дополнительные занятия по русскому языку...

Говорят, что когда человек трудиться с огоньком, с душой, то у него всё получается. А когда он остаётся доволен своей работой, то тогда и глаза у него горят, и лицо становится одухотворенным, и настроение бывает бодрым... Да ещё, если тебе всего тридцать лет, да ещё, если ты с уважением относишься к своим взрослым «питомцам», да ещё, если ты, забывшись, не видя никого и ничего вокруг, эмоционально рассказываешь на уроках литературы... Может, поэтому его девушки из 11 класса метали в его сторону обжигающие взгляды и были от него без ума.

— Рувин Нисимович, — озорно улыбаясь, несколько кокетливо, заговорила однажды одна из его учениц. — Наши девушки сохнут по вас... Даже замужние!

— А ты? — вдруг хитро спросил Рувин у неё, не придав особого значения её сообщению.

«Вот бедовые, — с улыбкой на лице рассуждал Рувин про себя. — Наверняка её в разведку отправили — узнать, как среагирует их наставник на такую информацию. Если, мол, обрадуется, то тогда в «бой». Если же нет, тогда хуже».

Рувин понимал, что он им очень нравится. Во-вторых, он догадывался, что интимная связь с ним им нужна, чтобы он потом снисходительно относился к ним — ведь они были слабы по русскому языку и боялись экзаменов по этому предмету... Когда он в шутку спросил девушку, сохнет ли по нему и она сама, та, опустив глаза, покраснела как уличённая, и шёпотом, но решительно заявила: «Я вас крепко и горячо люблю! Я буду вас всегда любить!» И, набравшись смелости, резко обняла Рувина и поцеловала его в губы. «Думайте обо мне, что хотите и как хотите», — со слезами на глазах произнесла она решительно. И убежала.

Рувин не был особенно шокирован таким поведением девушки, потому что знал, что в его классе учатся боевые девчонки, способные и не на такое!

По дороге домой он думал уже не над этим случаем, нет, о нём он успел уже позабыть, считая этот эпизод несерьёзным, а о том, как стал быстро уставать, утомляться. «Ещё бы, — думал он, — надо уделять внимание двум дочуркам (с утра возить их в детский сад, вечером привозить домой, поиграть с ними), по утрам бежать на уроки в дневную школу, а вечером — в вечернюю, в промежутках проверять по несколько пачек тетрадей (а это особенно изнуряло его!), отдавать массу времени внеклассной работе сразу в двух школах. А лекции по линии общества «Знание», а городские шахматные соревнования?! Всех дел было не перечесть.

Как-то после уроков в вечерней школе к Рувину подошёл директор. Высокий, широкоплечий, седовласый, степенный, красивый мужчина в роговых очках (Рувин очень его уважал), он, мило улыбнувшись, спросил его:

— Рувин, сынок, не хотел бы ты работать у нас на постоянной основе?

— О-о, что вы. Ко всему прочему в этом году ещё я в аспирантуру поступаю. Над диссертацией надо будет работать...

— Жаль. Убедил. Удачи тебе желаю. А с нашими подопечными лихо у тебя получается! Ох, лихо. Есть у тебя педагогическая жилка, — и он по-отцовски обнял Рувина за плечи.

Рувин благополучно выпустил свой одиннадцатый класс. Сфотографировался с ним на память, провёл выпускной вечер. И расстались великолепными друзьями.

В сентябре Рувин поступил в аспирантуру. Утвердили тему диссертации — и началась новая веха в его творческой биографии.

Но перегрузки с уроками в двух школах, активная общественная работа не прошли бесследно: не смогли и голосовые связки выдержать такие нагрузки — на одной из них появилась доброкачественная опухоль. После её удаления ему временно запретили работать учителем. У него начался душевный кризис — он оказался отлучённым от любимой работы. Наступила пора депрессии. Но тут выручило одно обстоятельство. Когда ему предложили место библиотекаря в учительской профсоюзной библиотеке, он был безмерно рад этому! «То, что надо! — потирал он руки от удовольствия. — Буду работать над диссертацией!» Он уже не обращал внимания на то, что будет получать всего 65 рублей.

В библиотеке за полгода его «работы» ни разу ни один читатель так и не заявился. Так что он имел возможность целыми днями спо-

койно трудиться в поте лица над диссертацией, благо, под рукой была почти вся необходимая ему литература. Диссертация была почти готова. Но для её окончательного завершения необходимо было переселяться в столицу республики, где он и должен был представить её к защите. Поэтому в семье возник вопрос о переезде. «Тем более, что двоюродный брат Гриша, — объяснял он жене, — тоже просит нас переехать».

Брат был заместителем министра и обещал со временем помочь с решением квартирного вопроса. Так что особо убеждать жену Асю и родителей не пришлось. Но тут в их планах произошли некоторые временные изменения, и переезд в столицу пришлось отодвинуть.

А дело было так. Вдруг Рувин почувствовал себя настолько обессиленным от нервного напряжения, что врач посоветовал ему с месяц отдохнуть и подлечиться на курортах Кавказа. «Конечно, — думал Рувин, — столько было нервных срывов, что не могли они не отразиться на моём здоровье». И с диагнозом «вегето-сосудистая дистония» он отправился в Нальчик. Остановился у своих дальних родственников.

У дяди Натана было два сына. Старший Шельми был женат и работал парикмахером. Младший Манахим нигде не работал. Вот с ним Рувин каждый день и ездил в Долинск — удивительный уголок Нальчика, где были размещены все санатории и Дома отдыха. Они совершали долгие прогулки, дышали чудным горным воздухом, пили минеральную воду, а по вечерам в каком-нибудь санатории танцевали с «молоденькими» отдыхающими девушками.

Так «напряжённо» прошла неделя.

— Как ты себя чувствуешь? — как-то спросил Рувина дядя Натан.

— Он бодр и весел, — вмешался в разговор Манахим. — Ещё и за отдыхающими девушками ухаживает, — с серьёзным видом пошутил он. Рувин в знак согласия улыбнулся.

— Значит, тебе надо жить в Нальчике, — посоветовал дядя Натан.

— Может быть, может быть, — в задумчивости произнёс Рувин. — Но у вас тут проблемы с пропиской, с работой... Ну, допустим, я диссертацию представлю к защите в ваш университет, а вот что касается других проблем...

— За деньги можно будет все организовать, — угрюмо посоветовал дядя Натан. — Как ты думаешь, как все наши соплеменники, собравшиеся сюда со всех сторон, прописались? За взятки, друг мой, за взятки.

— Взяток я никогда и никому не давал и давать не собираюсь, — мрачно бросил Рувин. — У меня и денег-то на это нет. Но я попытаюсь сделать другое.

И он импульсивно решил вплотную заняться вопросом переезда в Нальчик, не задумываясь над последствиями своего шага. Он тут же набросал на листке бумаги свой послужной список и попросил Шельми с утра провести его к обкому партии — он туда дороги не знал.

— Как? Ты вот так запросто попросишь помочь тебе с пропиской? — поразился Шельми. — Не могу поверить, что такое возможно.

При входе в обком партии милиционер попросил его предъявить документ. Рувин протянул тому партийный билет. Шельми остался ждать его в вестибюле.

«Но к кому мне зайти?» — размышлял Рувин, шагая по коридорам.

Интуиция подсказала ему, что надо будет обращаться только к русскому товарищу.

Он шёл по коридору и вычитывал фамилии и должности на табличках. «Вот, — и он остановил внимание на табличке с фамилией Дронов. «Заведующий отделом административных органов», — прочитал он. — Это то, что надо!» — решил он.

И постучался в дверь.

— Да, да, — послышалось изнутри.

Он открыл дверь, вошёл.

— Добрый день, — робко поздоровался Рувин.

— Добрый, добрый. Чем могу служить? — и симпатичный мужчина лет сорока движением руки пригласил его сесть.

Рувин сел и без слов протянул ему листок со своим послужным списком. Андрей Александрович внимательно прочитал листок, повернул его, нет ли там продолжения, положил на стол, сложил руки на столе и сказал.

— Очень приятно, чем могу...

— В связи с состоянием здоровья я с семьей хотел бы обосноваться в вашем курортном городе. Помогите, пожалуйста, прописаться и подыскать мне работу. — тихо и робко попросил Рувин.

— Вы с такой просьбой и прямо ко мне в обком?! — с удивлением, приподняв брови кверху, слегка улыбаясь, спросил он. — Довольно смело, — и он вновь заглянул в листок, вычитывая какие-то места.

Рувин молчал.

— Хвалю за смелость, — повторил Андрей Александрович. — И знаете, я действительно помогу вам. Мне импонирует такая форма обращения, — и он тут же позвонил кому-то и пригласил того к себе.

Вошёл худенький, маленького роста мужчина.

— Я слушаю вас, Андрей Александрович.

— Вот товарищ Нисуев. Познакомьтесь с ним и выполните, пожалуйста, его просьбы. Добро? У меня все. Удачи вам! — и он протянул Рувину руку.

В некотором возбуждённом состоянии выходил Рувин из кабинета Андрея Александровича. Теперь всё, что он раньше знал и слышал плохого о действиях и поступках партийных и комсомольских работников, показалось ему почти что недоразумением. Доброта и человечность этого человека подействовали на его истерзанную душу как бальзам на рану.

«Удачи и вам, добрый человек!» — мысленно пожелал Рувин этому чудесному человеку.

В коридоре по дороге в свой кабинет маленький, худенький инструктор отдела, который вел Рувина к себе, не выдержал и спросил.

— Давно знаете Андрея Александровича? — и заглянул Рувину в глаза.

— Пять минут назад познакомились, — ошарашил он своего спутника и теперь сам заглянул тому в глаза, чтобы увидеть его крайнее удивление.

— Как? — выдохнул тот и оторопел. — И всё?

— Как видите, уважил, значит, — как можно спокойно ответил Рувин.

— Да-а, — протянул «маленький». — Ну что ж, заходите, — и пропустил Рувина вперёд в свой кабинет.

Он уютно расположился в своём рабочем кресле и стал читать листок Рувина. Прочитав, задумался, повертел головой в знак недоумения и наконец выдавил из себя:

— Что ж, раз начальство просит, надо выполнять, — и он при этом постарался выжать из себя улыбку.

Он позвонил кому-то и на своем языке объяснил что-то, потом положил трубку и сказал:

— Завтра к 9 часам вам надо быть в горкоме партии. Вас там ждут. И помогут.

— Спасибо. Всего доброго, — попрощался Рувин как можно вежливее.

— Да, да. До свидания, — ответил он, не протянув ему руки и, назвав фамилию секретаря горкома, добавил: — Не забудьте, девятый кабинет, третий этаж.

«Кажется, я очень увлекся и совершаю необдуманный шаг», – направляясь к выходу, мысленно подумал Рувин невесело.

Дело было в том, что он, во-первых, не рассчитывал на сегодняшний успех, во-вторых, он пошел в обком ради, так сказать, спортивного интереса, совершив своеобразный эксперимент, в-третьих, он, даже если и удалось бы и прописаться, и на работу устроиться, сомневался в поддержке своей идеи с переездом в Нальчик со стороны жены. Поэтому, вместо того, чтобы радоваться, он с каким-то страхом на лице вышел к ожидавшему его Шельми. И тот, глянув на Рувина и заметив кислое выражение на его бледном лице, сразу решил, что у Рувина ничего не вышло. И все же на всякий случай спросил:

— Ну, как?

— Все нормально, — безразлично и мрачновато бросил Рувин в ответ.

— Ни-че-го не понимаю, — развел руками обескураженный Шельми. — Убей меня, ни хрена не пойму. Чего ж ты не радуешься?!

— А чего радоваться, друг мой? — не глядя на Шельми, рассеянно отвечал Рувин. — Не все так просто, дружок. Я должен буду найти отдельную комнату, уговорить хозяйку, чтобы она разрешила мне прописаться, привезти сюда жену с тремя детьми, устроить жену на работу, детей в детский садик... Видишь, сколько проблем? А когда получу квартиру, неизвестно. Так что, мой друг, не все так просто, — и Рувин глубоко и тяжко вздохнул.

— Но ты скажи честно, помогут тебе с пропиской? — не унимался Шельми.

— Завтра проведешь меня в горком партии, а то я и туда дороги не знаю, — вместо ответа попросил Рувин.

— Конечно. Мне на работу через два дня, так что я готов, — охотно согласился Шельми.

Наутро Рувин, оставив своего проводника внизу, поднялся на третий этаж горкома КПСС. Нашел девятый кабинет и постучался.

— Входите, — послышалось оттуда.

Рувин вошел. Поздоровался. Представился.

— А-а, да, да. Мне звонили из обкома, — услужливо встал ему навстречу второй секретарь. — Присаживайтесь. Я еще вчера обзвонил наши телевидение, радио, редакции двух газет. Вакансий пока нигде нет. Говорят, может, через некоторое время что-нибудь образуется... А насчет прописки вас уже ждут в паспортном столе.

— О-о, — заулыбался Рувин. — Что же я неопределенное время буду делать без работы?

— Понимаю. Но поймите и вы нас, — извиняющимся тоном заговорил «второй».

— Ладно, пока я займусь вопросом прописки, может, что-нибудь и появится.

— Вот-вот. Каждую неделю приходите ко мне. Кто знает, может, информация какая будет... Сами понимаете...

Он еще раз позвонил в паспортный стол, уточнил, во сколько надо быть Рувину, а потом добавил:

— Там вас ждут в течение всего дня. Всего доброго. Держите связь.

«О-о, как запрыгали после звонка из обкома!» — весело подумал он, направляясь к выходу.

Вспомнил Рувин о тех годах и тяжко вздохнул. «Неисповедимы пути господни», — пришла ему на ум поговорка. Дело в том, что спустя ровно десять лет, Рувин вновь предстанет перед тем самым Андреем Александровичем с подобной же просьбой. На сей раз судьба сведёт его с ним, когда тот будет уже вторым секретарем обкома партии. Он не узнает Рувина. И больше того, он не вспомнит и самого факта его обращения к нему. И несмотря на это этот чудесный человек опять даст разрешение на его прописку. Но при этом оговорится, что своим трудоустройством Рувин займётся сам.

...Но в тот день, когда Рувин рассказал Шельми о результате своего посещения, тот был так поражён успешным «походом» Рувина, что всё время повторял: «Это ж надо! Это ж надо!» Бедный парень, он просто-таки потерял дар речи: не верил, что такое возможно.

Рувин написал письмо жене, объяснил ситуацию, обнадёжил её, что всё складывается нормально. Затем с помощью земляков, проживающих в Нальчике, подыскал отдельную комнату для аренды, договорился о цене и о прописке...

Назавтра с домовой книгой в руке Рувин вместе с Шельми отправился в паспортный стол.

— Ты даже не представляешь, какие большие деньги дают наши земляки этому начальнику паспортного стола за прописку! — осведомлял Шельми Рувина по дороге в милицию. — Это первый случай на моей памяти, когда наш человек, наш тат так запросто прописывается.

— Вот. Всё в порядке, — поставив в паспорте Рувина штамп о прописке, — с неестественной улыбкой доложил майор. — Желаю успеха. Привезёте семью — милости просим. Всех пропишем. Где будете служить? — на всякий случай поинтересовался майор.

— Не всё сразу, — улыбнулся Рувин.

— Да, да, конечно. Ну, всего доброго, — и он отдал честь Рувину, а потом пожал ему руку.

Так Рувин, хотел он того или нет, стал нальчанином. Большая часть его соплеменников, за редким исключением, работала в этом городе парикмахерами, портными, в торговле. Словом, все они относились к ремесленному люду. Узнав, что Рувину помогли с пропиской аж в обкоме партии, они стали боготворить его.

Теперь Шельми, как только заканчивал работу, старался встретиться с Рувином — тот стал для него легендарным человеком, выдающейся личностью. И общение с Рувином доставляло ему огромное удовольствие.

— Просто сказка! Фантастика! Просто не верится, честное слово. Да-а-а, — продолжал он восхищаться и удивляться. — Рувин, а может пойдешь к нам заведующим парикмахерским отделом? Я уверяю тебя, что через год приобретешь трехкомнатную квартиру, сразу за небольшую мзду устроишь всех детей в детсад! А для жены работу найти будет не проблема. И нам будет выгодно — как-никак свой человек. И Манахима пристроишь дамским мастером. Я ж тебе рассказывал, как трудно устроиться дамским мастером...

— Откуда ж у меня будет столько денег? — недоумевал Рувин.

— Наивный ты человек, извини, пожалуйста, за такое слово. Ежемесячно наш бывший заведующий — у него сейчас открылась язва желудка — будет собирать с каждой «точки» положенную сумму и передавать тебе. А ты в свою очередь будешь делиться с директором комбината. Он мужик хороший и к нашим относится с уважением. Знает, что никогда не выдадут. Конечно, в газетах работать — это престижно, но жить на одной зарплате — далеко не уедешь с тремя детьми. Так что? Идет?

— Идет, — неожиданно для себя согласился Рувин.

«Что со мной? — мысленно пронеслось в голове у Рувина. — Захотел сразу разбогатеть? Мне ли этим заниматься? — рассуждал он про себя. — Мне ли к лицу брать взятки? Мне, который терпеть не может взяточников? С моим-то менталитетом?»

— Идет, — повторил он. — Месяца два поработаю, пока в редакциях не образуется место.

— Ну, хотя бы так, — согласился Шельми, обрадованный. А про себя подумал: «Ничего, аппетит придет во время еды!»

На следующий день Рувин пришел ко «второму», доложил о прописке, поблагодарил, а затем с улыбкой сказал:

— Мои родственники пристали ко мне и требуют, чтобы я устроился в комбинате бытового обслуживания. Там, говорят, есть вакантное место заведующего парикмахерским отделом. Как вы думаете, удобно ли это мне идти туда? Может, пока вы что-нибудь подберете в редакциях, стоит поработать там? Чтобы не слоняться без дела.

— Ради бога, ради бога, — обрадовался «второй». — Правильно вы решили. А там посмотрим.

И он тут же выписал Рувину направление и, шутливо-торжественно вручив его ему, добавил: «Теперь я бесплатно буду стричься! По знакомству». Он был очень доволен, что так легко обошлось ему с трудоустройством этого человека. И, наверное, про себя подумал: «Баба с возу, кобыле легче». И он как-то уж слишком открыто выказывал своё удовлетворение, а потому все повторял: «Правильно вы решили, правильно вы решили!»

И Рувин, к радости Шельми, направился вместе с ним к директору комбината.

Когда секретарь сказала «заходите», Рувин вошёл, поздоровался с хозяином кабинета и вручил ему направление из горкома партии. Тот сначала насторожился, посмотрел на бланк, на котором было написано направление, и спросил:

— Вы кто по национальности?

— Тат.

— А-а, вот и чудесно! Вот и хорошо! Мне как раз на это место горский еврей и нужен был! — и он, довольный, протянул Рувину руку. — Очень хорошо, очень приятно! — и тряс от удовольствия руку Рувина.

С месяц Рувин «осваивал» новую для себя профессию. Так сказать, вникал в хитрости парикмахерского дела. Перезнакомился со

всеми заведующими «точек». И быть может, со временем он и стал бы образцовым работником парикмахерского фронта, но из дому доносились невесёлые сигналы. Жена не хотела осчастливить Рувина своим переездом. «Ты немного поработай, — писала она. — Накопи немного денег и возвращайся назад», — давала она указания.

И тогда он решил немедленно выехать назад, пока не «опозорился» со всякими там взятками.

Когда прошло два месяца, он всё же решился объявить директору о своем решении. Тот, конечно, был огорчён и раздосадован. Выслушав Рувина, очень серьёзно и одновременно доброжелательно сказал:

— Да, Рувин, конечно же, для нашего дела ты был слишком интеллигентным парнем. Это вроде бы и хорошо, чувствовал я, что, несмотря на это, ты освоишься. И был бы блестящим работником... Эх, дружочек, зажили бы мы с тобой. Да видно, не судьба. Одно скажу: жаль! Всего два месяца...

— Жена «приказала» вернуться, — Рувин засмеялся и развёл руками, мол, ничего не поделаешь.

— Парень ты умный, хороший. По крайней мере ты мне очень подходил. Поверь, я сожалею.

Директор предоставил в распоряжение Рувина машину, которая доставила его с вещами в родной городок. Такое внимание со стороны директора дорогого стоило, и Рувин был глубоко благодарен этому замечательному человеку.

Так, не успев получить «свою долю», Рувин рассчитался и уехал. «Набаламутил, поднял всех на ноги, побеспокоил уважаемых людей и, не солоно хлебавши, возвращаюсь домой восвояси», — ругал Рувин себя по дороге домой.

Сколько раз ещё придётся ему, Рувину, возвращаться домой, не солоно хлебавши. Если бы только знать, где и когда споткнёшься...

Вернувшись домой, он на один день поехал в столицу республики посоветоваться с двоюродным братом Гришей насчет переезда.

— Я завершил работу над диссертацией. Надо подумать о её защите, о работе в вузе, — сказал Рувин.

— Понятно. Но я же уже говорил тебе, что надо перекочевать к нам, — подтвердил брат. — Повторяю ещё раз, что смогу помочь вам с жильём. Но не сразу, а через три-четыре года. Дело в том, что в нашей системе строится один дом. И Асю надо будет устроить на комбинат, который и является хозяином этого дома. Я попрошу директора выде-

лить вам квартиру. Да к тому времени она заслужит квартиру и сама, без моей просьбы. Но всё же я поговорю с директором. Кашу маслом не испортишь. Но повторяю, года три-четыре придётся жить на частных квартирах. Так что поговори со своей благоверной и решай, — разбавил он свой монолог шуткой и засмеялся.

Предложение брата было принято. Вскоре Рувин снял комнату, устроился в молодёжную газету литсотрудником. Ася была принята старшим экономистом на комбинат. Детей отдали в заводской детсад.

К тому времени в трудовой книжке Рувина была сделана уже двадцать пятая запись.

Обстановка в редакции молодёжной газеты была далеко не творческая. Рувин попал в атмосферу удушливую: завидовали друг другу по-чёрному, в ходу были гнусные сплетни, газета особой популярностью не пользовалась. Если редактор был интеллигентным человеком, то членам коллектива это качество было далеко не присуще. Правда, всё, что творилось здесь, пока Рувина не касалось. Но он не выдержал и убежал.

— У тебя терпения не хватает, — жаловалась жена. — Нам деньги нужны — мы живём на частной квартире...

Но что он мог ей сказать — она всё равно не поняла бы его. Она плевать хотела — ей главное — принеси зарплату!

Рувину подсказали, что в институте усовершенствования учителей есть вакантное место заведующего кабинетом. Но при этом предупредили, что без взятки директор к себе никого и никогда не берёт, что исключение он делает только для тех, кого направляет обком и горком партии. Денег у Рувина не было, равно как и желания давать взятку этому директору. Единственное, что он мог себе позволить — это подарить тому бутылок десять коньяку, которые ему обещал родственник, работавший виноделом на одном из коньячных заводов.

Но десять бутылок коньяка, которые он отнёс директору домой, того, видимо, совершенно не удовлетворили. Но он их взял, полагая, что взятку Рувин принесёт ему чуть позже. Поэтому он с месяц водил Рувина за нос. И, видя, что тот ничего более ему не предлагает, взял его всё-таки, рассуждая, что, быть может, у него сейчас нет денег и что, наверное, передаст ему мзду после получения зарплаты...

Если бы Рувин тогда догадался, что этот взяточник взял его в институт, держа камень за пазухой, может быть, он туда и не пошёл бы.

Как только он оформил документы в отделе кадров, вышел на работу. Вот теперь директор всё поставит на свои места: он приказом передал его почему-то в распоряжение помощника министра просвещения – женщины крутой, наглой, амбициозной. Рувин поначалу и не сообразил, зачем директор отдал его в подчинение этой женщины. С месяц всё шло как будто нормально. Но когда он, получив зарплату, не отнёс ему определенную сумму, тот дал «сигнал» этой женщине. И помощница министра цинично и методично стала приставать к Рувину с замечаниями, причем, в грубой форме, да так, что, естественно, они задевали самолюбие Рувина.

Буквально через полгода Рувин и помощница министра поменяются ролями. Это случится, когда Рувин опять перейдёт в редакцию молодёжной газеты. Тогда она, эта мерзкая женщина, будет стоять перед Рувином чуть ли не в струнку.

Но это произойдёт позже. А пока она издевалась над Рувином, когда хотела и как хотела.

И если бы, наконец, однажды два сотрудника института не поведали ему, что эта женщина «добросовестно» выполняет поручения директора института по его выживанию, никогда бы Рувин не понял, почему эта женщина издевается над ним.

Эти двое недоброжелателей директора также объяснили Рувину, что те издевательства над ним были заранее запланированы, так как он не выделил-таки директору «положенную» сумму, которой тот делится со своим начальством из министерства.

Это была чёрная полоса в карьере Рувина. А сколько их ещё будет! Так что не раз произойдут у него нервные срывы. А еще говорят, что нельзя винить обстоятельства в своих неудачах и что, мол, надо винить самого себя. «Неправда!» = выкрикнет Рувин вслух. Такие обстоятельства, когда уже становится невозможно дышать, создают гнусные, мерзкие, бездарные, завистливые люди, у которых черная душа и маленькая, но власть.

Но если Рувин и кому-то сам завидовал, то всегда только белой завистью. Никому плохого не делал, а его, однако, ненавидели за хорошую и добросовестную работу. Он никому и никогда не желал зла, а его безжалостно подставляли под удар. И если он любил трудиться с душой, увлечённо, то ему, как правило, вставляли палки в колеса.

Из института Рувин ушёл без сожаления. «Подавитесь!» — бросил он в сердцах и у него на душе стало немного легче.

Через неделю Рувин вновь появился в кабинете редактора молодёжной газеты, откуда убежал полгода назад. Появился потому, что здесь было свободно место заведующего отделом.

— А-а, убежал от взяточника? — в весёлом расположении духа встретил Рувина редактор. — Я так и знал, что тебя там задушат, если не дашь взятки, что ты не сможешь работать с этой сволочью. Но я удивляюсь, как он тебя без взятки взял на работу?

— Я ему десять бутылок коньяка дал. Родственник помог.

— Лучше бы мне дал эти десять бутылок, — пошутил редактор. — Как-то один из моих земляков хотел выдать его, что, мол, вымогал взятку у него. Стали проверять — не смогли доказать. Не пойман — не вор. Вот так. Теперь его не трогают: дают до пенсии доработать.

Редактор замолчал. Задумался. Посмотрел на мрачного Рувина и, слегка улыбнувшись, спросил:

— Узнал, что место у нас есть?

— Да.

— Пиши заявление. Ты мне нравишься. Но просьба: вытерпи этих баб. Не обращай на них внимания. Делай свою работу и не лезь в их дела. И никакая грязь к тебе не пристанет. Договорились?

И Рувин с окладом в 140 рублей был принят заведующим отделом. «Рублей 50–60 можно и гонорара заработать», — утешил он себя.

И завертелась работа в отделе. Очерки и зарисовки, корреспонденции и репортажи, проблемные вопросы и информации по литературе, искусству, театру, спорту — все, о чем он писал, нравилось читателям. Тираж газеты стал расти. Молодёжь живо интересовали все спортивные материалы, подготовленные Рувином и его внештатными корреспондентами с мест. Авторитет газеты и её популярность росли. К ней стали относиться с уважением. Рувина изберут секретарём партийной организации редакции. А вскоре Рувин окончит и аспирантуру. И диссертация полностью будет готова к защите. Теперь её необходимо было представить на суд кафедры литературы университета. Передал туда два экземпляра работы и ждал приглашения на её обсуждение.

Заведующий кафедрой был с Рувином в приятельских отношениях. Он ещё за месяц до обсуждения прочитал его труд и был в восторге от него. Но он предупредил Рувина, чтобы он во время обсуждения не кипятился и молча и терпимо выслушал замечания членов кафедры.

— Смотри, не затевай с ними спора, — предупреждал он настойчиво Рувина. — Они этого терпеть не могут. Если затеешь спор, загубят твою работу, вернее защиту. Благодари за замечания и говори, что учтёшь их при доработке...

— Как бы из пальца высосут замечания? — рассмеялся Рувин. – Чтобы показать себя знающими, важными учёными?

И когда всё же во время обсуждения один молодой доцент сделал ему, Рувину, несколько «серьёзнейших» замечаний, он не вытерпел его чуши и вступил с ним в полемику, умело опровергая доводы того. Этого оказалось достаточно, чтобы поставить крест на защите диссертации.

— Предупреждал я тебя? — нервничал завкафедрой, как только они остались вдвоём. — Я согласен с тобой — он не прав, но вся беда заключается в том, что я не могу ему возразить: он близкий родственник ректора. Если он пожалуется ему, меня завтра же не будет здесь. Но я ещё раз повторяю: у тебя замечательная работа. Он потому и завидует тебе. Он же понимает, что ты сильнее его в литературе и что он хотел показать тебе, что и он в чём-то разбирается. Он, конечно же, чушь нёс. А мы не смеем ему ничего сказать. Вот какая у нас жизнь, дорогой Рувин. Ты извини, пожалуйста, меня. Тебе придётся в другом городе защищаться...

Дома Рувин положил диссертацию в свой письменный стол, а вскоре и забыл о ней. Вспомнил лишь тогда, когда однажды на улице случайно встретился с этим своим приятелем, заведующим кафедрой университета.

— О-о, Рувин, привет. Где ты пропал? Ну что, защитился? — поинтересовался он.

— А я никуда и не представлял её, — мрачно ответил Рувин.

— Как? Три года — и никуда? Да ты что? — ужаснулся тот. — Я-то думал, что ты давно защитил её в другом городе. Так почему же ни разу не пришёл ко мне? Три года держал работу в письменном столе?! – поражался он.

— Ты же сказал, что у вас уже бесполезно защищаться.

— Этот тип сейчас на четырёхмесячных курсах, уехал. Давай быстрее неси работу!

Оформили документы. Назначили день защиты, определились с оппонентами. Когда Рувин уже выступал на Учёном Совете с авторефератом, вдруг он в первом ряду увидел того самого «знаме-

нитого» доцента, который ставил ему палки в колеса. Рувин похолодел. Ему стало плохо. Путём огромных усилий удалось ему дочитать до конца своё выступление. А потом, взяв себя в руки, он напрягся и сосредоточился, чтобы спокойно ответить на вопросы членов Совета. Затем слово предоставили оппонентам. Потом были и единогласное голосование, и поздравления. Ему пожимали руку. Говорили, что тема оригинальная и очень серьёзная. Руку протянул ему и тот самый доцент, который на три года отодвинул его защиту назад.

Теперь он ждал решения ВАКа. Когда прошло восемь месяцев, он не выдержал напряжения. Позвонил двоюродному брату Грише, который к этому времени уже жил и работал в Москве, и попросил его съездить в ВАК и узнать о судьбе его диссертации. И боже, как он был расстроен, когда брат сообщил ему по телефону следующее: «В ВАКе в связи с переездом в другое помещение, сложили все диссертации штабелями и больше их никто не трогал в течение многих месяцев. Когда я попросил их найти твою работу, они целый час не могли её найти, — объяснял горячо и эмоционально обычно спокойный и уравновешенный брат. — А когда её достали с самого низа, я потребовал безотлагательного её рассмотрения!»

Однажды Рувин обнаружил в почтовом ящике открытку со штампом ВАКа. Она извещала о том, что ему присвоена учёная степень кандидата филологических наук. И уже радость была не в радость; настолько ожидание вымучило его.

Диплом кандидата вручали ему в местном университете. Том самом, в котором он учился и откуда он в те трагические дни своей жизни перевёлся в Краснодарский пединститут. Такова была ирония судьбы. А ректором университета был всё тот же профессор, который не хотел дать ему разрешения перевестись. И не отпустил бы, если Рувин своевременно не обратился за помощью в «Комсомолку».

Теперь он был не тот студент Нисуев, а был кандидатом наук, заведующим отделом республиканской газеты, секретарём партийной организации, был награждён Почётными грамотами республиканского и Российского значения. Теперь в его «многострадальную» трудовую книжку были занесены две благодарности за хорошую работу в школах. Теперь он был автором двух книжек!

Всё это так. Но скоро в этом самом университете с Рувином произойдут такие ужасные истории, которые вынудят его покинуть род-

ную республику. И немаловажную роль в этом бегстве сыграет именно ректор.

А пока он работал в той самой редакции и чувствовал себя удовлетворённым. И это, несмотря на то, что с новым редактором у него не очень сложились отношения. К сожалению для Рувина, прежнему редактору предложили более солидную должность. И всё же Рувина в редакции и уважали, и побаивались за его объективность и принципиальность. Рос авторитет Рувина в целом по республике. Его статьи и рецензии по литературе стали появляться не только в газетах и журналах республики, но и в таких изданиях, как «Учительская газета», журнал «Дон»... Словом, Рувин жил творческой, насыщенной жизнью. И лишь одно омрачало его настроение — это нездоровая обстановка внутри редакции. Особенно противен был ему заведующий отделом писем — этот «разносчик заразы», от которого никак не удавалось избавиться, и который жил и мечтал (причём, не скрывая этого) стать заместителем редактора. Это-то, бог с ним: как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Хуже было другое. В комнате, где сидел Рувин, располагались, помимо этого карьериста, ещё двое сотрудников газеты. Всё, о чём, говорилось здесь, этот тип передавал редактору, стараясь выслужиться перед ним и завоевать у него дешёвый авторитет. Однажды даже редактор не выдержал его кляузного бума и после очередной порции дерьма, которой он обливал своих коллег по комнате, спросил его напрямик: «Тебе не противно каждый день доносить на ребят? Ты ведь к тому же многое от себя добавляешь. Разве не так? Да, да. Ты хуже них охаиваешь меня. Хочешь я приглашу Рувина, и он это подтвердит!»

И он, униженный и оскорблённый, «неправильно понятый», не солоно хлебавши возвращался в комнату и целый день молчал, в рот воды набравши.

А с каким жаром и пылом этот человек осуждал девушек с «большой» комнаты! Он называл их шалавами, проститутками. Да, они, быть может, и были таковыми, но как мог он одновременно недолюбливать ребят с их «маленькой» комнаты, сидящих с ним рядом, и тех — с «большой»?! В своей комнате он с ненавистью говорил о девушках, а в их комнате оскорбительно отзывался о своих соседях. Так что его одинаково ненавидели и терпеть не могли ни те, ни другие. И он об этом знал — что удивительно!

С одной стороны, Рувин жалел этого негодяя. Он воспитывался в детском доме и там ему, видимо, привили одно качество: хочешь жить, умей вертеться. Там же, по всей вероятности, он научился «закладывать» неугодных. Привык «покупать» одних, «продавать» других. Его били за всё это в детском доме, но он упрямо продолжал своё «дело».

Как был рад Рувин. когда однажды к нему подошёл секретарь партийной организации одной из республиканских газет и завёл с ним разговор об этом горе-журналисте.

— Нам нужен опытный газетчик. Хотим узнать, как наш земляк работает у вас. Как человек, мы знаем, он, конечно, не подарок. А каков он как журналист?

Рувин со своим редактором, который в тот момент случайно заглянул к нему, так перехвалили своего «дорогого» сослуживца перед гостем, что тот ушёл довольным.

— Наконец избавились! — воскликнет редактор, облегченно вздохнув, когда «дорогой сослуживец» перейдёт на новую работу.

После ухода карьериста Рувин с ребятами по комнате открыли настежь окно и дверь, а сами вышли на улицу: они проветривали комнату и выветривали из неё дух того негодяя!

Рувин и о своём горе-коллеге сейчас вспоминал ещё и потому, чтобы лишний раз подчеркнуть, с каким дерьмом доводилось ему в этой жизни работать вместе, каких мерзавцев приходилось ему терпеть. Ещё не раз доведётся Рувину встречать на своём пути подобных типов. Так, когда они «вытолкнули» того типа, через три-четыре месяца узнают, что его и там быстро раскусили и выгнали вон. Он и там разносил сплетни, настраивал одних против других. А однажды, когда Рувин сидел за своим рабочим столом и писал статью, вдруг заявился этот тип.

— Рувин, прости за всё, что было. Я хочу попросить тебя помочь мне. Тебя и уважают, и побаиваются как порядочного человека, — льстил и лукавил он и при этом фальшиво улыбался, — а потому, как я думаю, редактор тебя послушается...

— Ну, ну, не тяни, давай говори, что тебе нужно конкретно, — не выдержав его зажимок, прервал его Рувин.

— Попроси его взять меня обратно.

— И это через четыре месяца после твоего ухода? — удивился Рувин. — Нет, дружок, я в такие игры не играю. Я тебе помочь не могу. Ты наивно полагаешь, что редактор меня послушается. К тому же ты знаешь, что твоё место давно занято, — заметил Рувин.

— Да, но может быть, редактор выгонит её. Она ведь слабый журналист.

Как Рувин ненавидел этого непорядочного человека! И когда в комнату вошла та самая Валя, которую он назвал слабым журналистом, Рувин сказал ему:

— Пока. Я готовлю материал в номер. Так что извини.

И он вынужден был уйти.

— На моё место напрашивался?— мило и как-то неловко улыбнувшись, спросила Валя.

Рувин внимательно и задумчиво посмотрел на неё и ничего не ответил. Некоторое время после ухода того типа Рувин продолжал сидеть в глубокой задумчивости — не писалось. В голове завихрились беспорядочные мысли. С радостью подумал, что недавно, наконец, им предоставили хорошую квартиру, что в этом году и третья дочурка пойдёт в школу. Теперь не страшно было иметь много детей: квартира была большая, просторная, и зарплата у них с женой была неплохая...

— А помнишь, в каком курятнике мы жили с тремя детьми? – вспомнил он разговор с женой, когда только перешли в эту квартиру. — Была в этом курятнике всего одна малюсенькая комнатка и страшно малюсенькая кухонка. А помнишь, как я использовал швейную ножную машину под письменный стол? Боже мой, как я на ней по ночам при настольной лампе, которую прикрывал газетой, чтобы свет не мешал детям спать, работал над диссертацией!? — говорил он с волнением и дрожью в голосе.

— Не надо, Рувин, нервничать. Всё уже позади, — успокаивала его жена. — А когда землетрясение началось? Сколько ночей мы с детьми спали во дворе под открытым небом? — не выдержала жена и тоже перешла к воспоминаниям.

— Около четырёх лет — в курятнике?! — продолжал Рувин, и у него на глазах появились слезы.

— У тебя совсем нервы сдали, — заметив его слезы, сказала жена. – Какой напряжённой жизнью ты живёшь?! Мне кажется, что никто другой не выдержал бы такого нервного напряжения. Здоровье отдаёшь, а материальной отдачи не видать, — заключила она.

...Сидел Рувин за своим рабочим столом в редакции и думал свои горькие думы. Он настолько углубился в воспоминания, что даже позабыл, что за соседним столом за ним наблюдает Валя.

В том году, когда им предоставили квартиру, жена должна была принести четвёртого ребёнка. И Рувин вспомнил, как больной отец перед смертью сказал ему: «Сынок, я никогда прежде на такие темы с тобой не говорил, а сейчас когда мне осталось жить очень мало. хочу попросить тебя об одном — родится сын, назовите моим именем». И родился сын. И назвали его в честь отца. Но только сам отец не дождался этого, не увидел внука...

Рувину скоро должно было исполниться 39. Подумав об этом, он впервые крепко задумался над тем, что ему пора уйти из молодёжной газеты — неудобно было засиживаться в таком возрасте в молодёжной газете. Но куда идти? Конечно, он мечтал попасть в вуз на преподавательскую работу, в крайнем случае — в научно-исследовательский институт языка и литературы, где можно было бы и над докторской поработать. Или директором в школу, где он смог бы претворить в жизнь свой опыт воспитательной работн по активизации внеклассной работы. И чтобы ни один чиновник ему не мешал в осуществлении своей идеи. При этом Рувин понимал, что это всего-навсего была мечта. В связи с этим он с ухмылкой вспомнил, как в школьные годы в его родном городке из-под полы продавали всякого рода открытки с дешёвыми и пошлыми стишками. И когда он в очередной раз о чём-либо мечтал, ему на память приходил вот такой стишок: «Мечты, мечты, где ваша сладость? Ушли мечты, осталась гадость».

Рувин понимал, что он наивный романтик, мечтатель. Жена и друзья попрекали его за то, что он витает в облаках, что он не представляет себе реальной, настоящей жизни, в которой всё обстоит иначе, чем в его романтической голове. А он не хотел и не мог этого понять. Он считал, что им всем не дано понять, что он, только находясь там, в облаках, может летать и обозревать всё, что делается на этой грешной земле, куда ему советуют каждый раз спуститься. Но вся беда всех тех, кто стыдил его, большого романтика, заключалась в том, что они не в силах были своими советами переделать его и что он всё равно никого из них не послушается. «Наивные люди, — размышлял Рувин, — они не понимают, что романтика — это у меня уже как черта характера, она у меня в крови!»

А уходить из «молодёжки», ох, как было уже пора!

— Я бы тебя с удовольствием взял к себе на кафедру, но они, ты сам понимаешь, не любят людей умнее, талантливее себя. Во-вторых, по известным причинам они тебе просто не дадут работать, —

объяснял Рувину по телефону его приятель, завкафедрой литературы университета.

...Помнил Рувин всё. Но, задумавшись, не стал подробно вспоминать эпизоды, связанные с отказом ему в приёме на разные вакантные места... Он не хотел вновь трепать себе нервы, потому что с годами это становится всё тяжелее. А сколько ж он мог бы переворошить в памяти событий, фактов, оскорбительных ухищрений со стороны власть имущих! Но он сдерживал себя, стараясь избавиться от подобных наваждений, и потому он вынуждал себя освежить в памяти лишь некоторые из них, которые, на его взгляд, представляли определенный общественный интерес.

Узнав, что директор одной из школ города, ушёл на пенсию, он тут же отправился в райком партии, в которой его парторганизация состояла на учёте. Здесь его как журналиста, секретаря парторганизации знали все. И знали всё о нем по послужному списку: и что он учитель русского языка и литературы, член Союза журналистов СССР, кандидат филологических наук, и что он награждён Почётными грамотами министерства культуры, обкома ВЛКСМ, Союза журналистов, общества «Знание», республиканского и Российского Совета ДСО «Урожай», что он автор многих публикаций и двух книг...

Но он всё же обо всём этом написал на листочке и направился к первому секретарю райкома КПСС, будучи уверенным, что тот уважит его и назначит директором школы.

Рувин всегда желаемое выдавал за действительное, потому что был законченным романтиком, оторванным от земли. Он сознавал и представлял, что всё так и должно быть, если по-честному, по-справедливому... Он не виноват, что в этом гнусном мире играют по иным, нечестным правилам! В последнем и заключалась вся беда Рувина.

Он вошёл в кабинет первого секретаря, поздоровался с ним за руку и положил перед ним листок со своими анкетными данными.

Игорь Иванович внимательно изучил всё, что там написано, посмотрел на Рувина в упор и тихо спросил:

— Пришла пора уходить из газеты? — А потом добавил. — Я всё это знаю, — и кивнул в сторону листка.

— Да, слегка передержался в «молодёжке», — довольный тем, что «первый» сразу понял цель его прихода, ответил Рувин.

— У тебя есть предложение? — поинтересовался «первый».

— Да.

— И куда?

— Директором седьмой школы.

«Первый» задумался и, как показалось Рувину, даже слегка помрачнел. Затем произнёс:

— Я советую тебе для начала пойти завучем в девятую школу.

— Нет, — ответил вежливо Рувин. — На этой должности я могу застрять. Да потом фактически эта должность диспетчерская, а я всё-таки творческий товарищ.

— Загляни к третьему, он ведает образованием, — отфутболил тогда его «первый».

И Рувин отправился к «третьему», хотя уже понимал, что ничего из этого не выйдет. Ведь фактически все кадровые вопросы решал «первый». А если он отфутболил его, то это значит отказ. Но Рувину интересно было услышать, что скажет «третий», как обоснует отказ, какие мотивы приведет.

— О-о, Рувин, — ещё не зная, зачем тот пришёл, начал тот весело, дружелюбно. — Заходи, заходи, — и он встал навстречу Рувину.

Поздоровались. Рувин присел к его письменному столу. «Посмотрим, как ты сейчас запоешь, — подумал мрачно Рувин, — когда узнаешь, зачем я пришел».

— Первый отфутболил к вам. Говорит, что «третий» поможет, — слукавил Рувин, ожидая его реакции.

— Чем могу, тем и помогу, — постарался тот улыбнуться.

— Мне уже 39. Пора уходить из редакции, — бросил небрежно Рувин, зная, что того мало это волнует.

— Да, понимаю.

— В седьмой школе место директора свободно.

— Э-э, друг мой. Да ты знаешь, сколько туда желающих?! — сразу пошёл в атаку «третий».

— И все они кандидаты наук, и все они журналисты, и все они имеют массу Почётных грамот, и все они были секретарями парторганизаций? — сделал Рувин ответный выпад.

...Чего он всю жизнь физически ненавидел — так это чёрную зависть и страшную несправедливость! Он всю жизнь из-за этого страдал. В жизни он не кичился бы своими всякими, там, званиями и грамотаии, но тут не вытерпел — взорвался. Ведь он знал, что и как назначают у них всяких директоров и прочих руководителей?! Зла не хватало у него.

— Ты постой, Рувин. Не дави. Ты сначала выслушай. Но прежде, дорогой мой, спустись с небес. Ты забыл, где живёшь? А это плохо. Кого волнуют, грубо говоря, твои данные, твои способности? — заявил он откровенно и прямо.

— Проявите вы хоть раз принципиальность! — горячился Рувин.

— Проявлю — и завтра же меня здесь не будет! Ты этого хочешь? — «третий» слегка замялся, покраснел. И потом всё же решился открыть ему негласную установку, существующую в республике.

— Друг мой, пойми, — уже с некоторым волнением в голосе, заговорил «третий». — У нас всё выполняется по указанию из обкома, горкома. Я, честно говоря, думал, что ты как работник газеты знаешь об этом... Во-вторых, все вакантные руководящие должности распределяются по национальному принципу. И вовсе не по таланту. Вот смотри: в 12-й школе директор твоя соплеменница. Ты её знаешь. В другой, правда, вечерней школе, тоже твой соплеменник. Вот если бы кто-нибудь из них ушёл, тогда мы смело направили бы тебя туда.

— Но ведь школа — это творческая работа и направлять туда кого попало... И делать это по звонкам из обкома — ведь это вредительство! Руководителем школьного коллектива должен быть человек, любящий детей и вообще педагогическую деятельность. И который может привнести в свою работу новое, полезное... Я уже знаю одного директора школы, которую назначили только за то, что ее муж был руководящим работником. Бедная школа, бедные дети...

— Рувин, ты меня уже достал, — устало пролепетал «третий». — Пойми ты, школа эта расположена в центре города, и из обкома решили направить туда родственника самого «первого». Уловил? Вот так.

Огорчённый, оскорблённый, опечаленный, покинул Рувин кабинет «третьего».

«Значит после короткой белой полосы пошла чёрная, — с горечью подумал он по дороге домой. — Нет, в своей республике я никогда не найду нормальную работу, которая могла бы устроить меня в моральном плане! Надо что-то другое предпринять!» — рассуждал он, тяжело вздыхая.

На другой день, как только Рувин пришёл в редакцию, он задумал совершить отчаянный шаг. Как только он оказался в комнате один, решил позвонить в ЦК комсомола и узнать номер телефона какого-нибудь сотрудника отдела пропаганды. Надумал Рувин попросить его помочь ему с трудоустройством в Москве... Мечты, мечты...

Он решил переехать в Москву, вырваться отсюда, где ему становилось душно. «Почти двадцать лет спустя вновь в Москву? — подумал Рувин, будто вопрос с переездом уже был решён. — Наивный романтик. Действительно смешно. Что ж, может, всё опять вернётся на круги своя?! Но как это сделать?»

Очнулся от своих мыслей и решительно позвонил в ЦК ВЛКСМ. Представился. Объяснил, что ему в Москве надо проведать больного брата, а потому просил бы вызвать его на неделю в командировку.

Девушка посоветовала ему обратиться со своей просьбой к заместителю заведующего отделом пропаганды Карпенко Ивану Фёдоровичу. Набрал номер и, когда на том конце послышалось «я слушаю», Рувин вновь представился и объяснил, что ему надо.

— Сейчас я запишу вашу фамилию и перезвоню в ваш обком комсомола, — охотно согласился замзав. — Но как только приедете, сразу ко мне. Добро?

Назавтра Рувина пригласили в обком комсомола.

— Карпенко твой знакомый? — не без удивления спросил третий секретарь обкома ВЛКСМ.

— Нет. Я его никогда не видел, — спокойно ответил Рувин, оставив того в большом недоумении. — Дело в том, что я решил проведать больного брата. Он живёт в Москве.

— И он согласился вызвать тебя в командировку? — ничего не понимал «третий», пожимая плечами. — Ничего не понимаю. Что ж, иди оформляй командировочное удостоверение. Знаешь, в какую комнату надо идти?

— Знаю, — ответил Рувин и отправился в общий отдел. Через два дня Рувин предстал перед Карпенко.

— Здравствуй, здравствуй, — пожал он руку Рувина. — Как брат? — с хитроватой улыбкой в глазах спросил он.

— Немного лучше, — серьёзно ответил Рувин, не понимая его улыбки.

— Ну да ладно, чем будешь заниматься? А то впереди целая неделя. Ты ж на неделю оформил командировку?

— Да, на неделю, — и он положил ему на стол краткие сведения о себе.

Карпенко дважды внимательно прочитал листок и в упор посмотрел на него.

— Ясно. Значит, как я понимаю, ты в Москву пожелал? Об этом потом. А пока у меня есть предложение к тебе, — и он достал из ящика письменного стола увесистую рукопись и положил перед Рувином. – Надо отредактировать, откорректировать. Ты же знаешь, что скоро у нас состоятся Олимпийские Игры. Мы к ним за несколько лет вперёд готовимся. Пожалуйста, просмотри. Можно в нашей библиотеке расположиться. Все погрешности исправляй только карандашом.

На второй день вечером Рувин вошёл в маленький кабинет Карпенко. Положил ему на стол рукопись. Тот движением руки пригласил Рувина сесть.

— М-да, — начал он. — Ни-че-го себе, — медленно перелистывая рукопись и останавливаясь на некоторых исправлениях, хмыкал он. – За неполных два дня! — Потом на мгновение задумался, заглянул Рувину в глаза и неожиданно спросил: — А кто ты по национальности?

Рувин понял, что если человек интересуется национальностью, значит он антисемит (он уловил в его неожиданном вопросе именно это), поэтому не сказал «тат», а ответил по-другому:

— Вы же читали мои сведения, — как можно вежливо ответил он.

Карпенко вновь впился глазами в листок и промямлил: «Да, да. Тат. Это что?»

— Это ираноязычный народ.

— Да, да, — повторял он, всё так же задумавшись и делая вид, что понимает, что такое таты.

Затем он опять стал рассматривать рукопись, вчитываясь в редакторские правки.

— Ну ты даешь! — не то удивлялся, не то восхищался Карпенко. И он вновь перелистывал рукопись. — За неполных два дня — и такую громадину?!

Он никак не хотел понимать, как можно было так грамотно и ловко, как он выразился, отредактировать такую рукопись. У него это не укладывалось в голове и потому он мучился.

А у Рувина, тем временем, в голове гуляли невесёлые мысли: «Наверняка он полагает, что если ты талантлив, то значит ты — еврей. Нюх у него на евреев. Явный антисемит попался мне».

Карпенко ещё раз прочитал его сведения и спросил:

— Чего ты хочешь?

— Переехать в Москву, — простодушно и честно признался Рувин. И он выложил ему на стол свою книгу очерков и кипу газет.

Карпенко перелистал книгу, глянул на заголовки очерков, газетных публикаций и вдруг резко поднял трубку, набрал номер и, услышав голос, заговорил:

— Володя, ты? Добрый день. Да. Карпенко. Насколько я помню, у тебя там есть одна вакансия. Есть. Хорошо. А у меня есть кандидатура на это место. Сколько ему лет? — Он заглянул в послужной список Рувина и ответил, — 39. Что? Старый? Да у вас там вообще деды работают. Да. Сейчас он к тебе подъедет. Поговори с ним. Неординарная личность. Ты будешь доволен им. Что? Квартирный вопрос мы решим у нас. Лады? Тогда всё! — и он, положив трубку, обратился к Рувину.

— Давай двигай к Володе. Он тебя ждёт. Пропуск он выпишет. Потом ко мне. Договорились? Если всё будет нормально, то будешь моим должником — редактировать рукописи к Олимпиаде. Идёт?

— Идёт, — послушно ответил Рувин и хотел было уже уйти, как вдруг зазвонил телефон. Он движением руки попросил его пока остаться на месте и взял трубку.

— Да, Мухтар. Я слушаю. Да, добрый день.

Он слушал его и продолжал смотреть в упор на Рувина. Он был на чём-то сильно сосредоточен.

— Да, да, — коротко отвечал он. — Нет. Почётную грамоту дадим твоему татарину. Что? Как его... Розенблату дайте грамоту вашего обкома. Не так поймут? Меня это мало волнует. Ничего, обойдётся, я сказал, нет. Розенблат больше заслужил? Я повторяю, обойдётся твой еврей грамотой обкома. Всё. Мне некогда. У меня люди. Разговор окончен. — Он весь побагровел от злости и ненависти. Положил трубку, глянул на Рувина в упор и понял, что тот оказался свидетелем его антисемитского выпада. И он, в который уж раз, спросил нагло, бесхитростно:

— Ты кто по национальности?

— Я тат, дагестанец, — уже ненавидя этого оголтелого антисемита, еле сдерживаясь, ответил Рувин.

— Да, да, да, — раздражённо «пропел» он.

И Рувин понял, что от этого мерзавца ничего хорошего нечего ждать. Он посчитал, что ему просто не повезло. Но всё же отправился в «Комсомолку». Получив пропуск, Рувин поднялся на шестой этаж.

— Вы хоть что-нибудь привезли с собой? — спросил Володя. Рувин выложил всё, что привёз. Володя стал их внимательно рассматривать. На кое-каких материалах останавливался подолгу. Изредка по-

глядывал на Рувина, чтобы представить себе автора и выразить свои чувства ему.

— А эту проблему; вы сами придумали? Или вам её подсказали?

— Я сам, — улыбнулся Рувин.

— Блеск! Да эта проблема — проблема всей страны! Здорово! А эти очерки!.. — восхищался Володя. — Я сейчас же позвоню Карпенко и дам согласие. Если он спросит, где вы, я скажу, что вы в буфете.

Он позвонил.

— Иван Фёдорович, спасибо за Нисуева. Великолепно. Новая струя. Да, берём его. Что? — Володя вдруг осёкся и с печалью в голосе, одновременно глядя на Рувина, переспросил. — Не понял вас. То вы настоятельно просите взять его, то даёте отбой. Жаль. А он нам понравился. Говорите, не торопиться? Сказать ему, что надо подождать? Как прикажете.

Он положил трубку и с досадой произнёс:

— Вы всё слышали? Да-а-а, — протянул он. — То надо взять, то надо подумать. Что с ним за один час могло случиться? — в недоумении возмущался он.

Внутреннее душевное состояние Рувина описанию не поддавалось! Он был поражён. Он был убит. Он был в шоке. Хотя и догадывался о причине отказа. «Никогда заранее нельзя радоваться намечающемуся успеху, — думал он в большом душевном смятении. — Как только мне грозит преждевременный успех, то обязательно происходит несчастье».

Когда он вернулся к Карпенко, Рувин уже твердо знал, что его попытки переехать в Москву провалились. А возвращался к Карпенко, потому что обещал. Да и командировочное удостоверение надо было отметить.

— Не будем торопиться, ты отправляйся домой и жди моего звонка, — успокоил он Рувина.

«Наверняка он успел позвонить третьему секретарю обкома комсомола, тому, который удивлялся вызову Рувина в ЦК, и узнал, что за национальность таты. Тот, естественно, смачно объяснил, что это горские евреи. Вот и всё», — пришел Рувин к выводу.

Рувин уезжал домой, твердо сознавая, что Карпенко уже никогда его не вызовет. Он понимал, что, коль он случайно оказался свидетелем его антисемитской выходки, он, Рувин, ему уже опасен. Вот так вот.

И всё же профилактики ради Рувин ещё раза два позвонит ему и скажет, что у него уже заканчивается отпуск и как ему быть. А тот настойчиво твердил ему одно и то же:

— Никуда не уезжай. Жди моего звонка. Обязательно жди, — говорил он бодро.

Но Рувин уже твердо осознал, что это обман! И потому, когда до конца отпуска оставалось меньше двух недель, решил хоть эти дни использовать для отдыха. И выехал к другу Гаврилу на Кавказские Минеральные воды, куда его друг, женившись в третий раз (и опять по указанию матери!), переехал.

Наговорившись в течение нескольких дней со своим завадычным другом и его новой супругой, Рувин надумал проехаться по городам Ставрополья и Кубани. В одном из городов, прогуливаясь по уютным улочкам, он наткнулся на вывеску, гласящей, что в этом здании расположена редакция областной газеты. И он решил заглянуть к своим коллегам.

Рувин вспомнил сейчас об этом факте и, тяжко вздохнув, горько произнёс: «Что ж ты, жизнь, со мной выделывала? Но если бы знать, где споткнёшься». Он понимал всё, но одного уяснить не мог — сколько беда может следовать за одним человеком? Как бы то ни было, чёрная полоса в его жизни продолжалась.

«Так что, дорогой Иван Петрович, — беседовал он мысленно с хозяином хаты с участком в деревне, — вы можете гордиться одной своей записью в трудовой книжке. Вам просто повезло. А у меня, как видите, жизнь складывается не совсем гладко: мечусь из стороны в сторону в поисках «спокойной» творческой работы!»

Теперь мысленно возвращаясь к этому периоду в своей жизни, Рувин пустился в рассуждения. «Как не винить обстоятельства в своих неудачах и почему надо винить себя самого?» — спорил он с автором того самого высказывания из своего дневника. Разве не обстоятельства помешали ему стать корреспондентом «Комсомольской правды»? В чём он был виноват? В том, что он еврей? Всю жизнь, по сути дела, посвятил укреплению дружбы между народами, общественной работе. Причём, совершенно бескорыстно! Никому никогда не сделал плохого. Наоборот, от него, Рувина, всегда исходило добро. Он заряжал людей своей энергией, увлекал их полезными делами. Всю жизнь был романтиком, мечтателем, доверчивым и добродушным человеком! Такими воспитывал и своих пятерых детей. Вспомнив о детях, он с улыбкой представил

себе, как в тот день, когда жене вручали «Медаль Материнства второй степени», он пошутил: «Дети-то общие, и они похожи на меня. Так что моей заслуги здесь больше. Значит медаль должны были вручить мне. Почему отцам не выдают медали? Нечестно. Стараемся вроде вдвоём...» — смеялся Рувин от души, довольный своей шуткой.

...— Знаешь, Гаврил, — обратился он как-то утром к другу, — собираюсь проехаться по вашим местам, может быть, по пути загляну и к редактору вашей газеты. А вдруг...

— Было бы здорово! — обрадовался Гаврил. — И мне это было бы приятно и выгодно. Меньше будут приставать ко мне всякие проходимцы, вымогатели.

Редактор принял Рувина очень вежливо. Вновь Рувин решил меньше говорить, а потому сразу положил тому на стол свой послужной описок.

Редактор прочитал его внимательно и с улыбкой произнёс:

— Очень приятно, очень приятно.

— Я в отпуске и отдыхаю в ваших краях. Остановился у друга. Дай, думаю, зайду и познакомлюсь с коллегами. А может, ещё и работать пригласят, — объяснил Рувин непринуждённо, раскованно и с улыбкой.

Он не был напряжён. «Не возьмёт и не надо», — рассуждал он про себя. У него пока работа была в своей редакции, так что терять было нечего.

Но не знал Рувин, что с ним может случиться невероятное. Он думать не думал о таком. Так же точно не думал — не гадал он, что может утонуть, увязнуть в водах Краснодарского затона. А ведь могло произойти непредвиденное.

Пока он объяснял причину своего посещения, редактор молча слушал его и о чём-то усиленно думал. «А не сомневается ли он во всех моих данных? — пронеслось у Рувина в голове. — Может, кое-какие документы показать ему?»

Он достал журналистский билет, Диплом кандидата наук и редакционное удостоверение и без слов с той же улыбкой протянул их редактору.

Редактор, сделав вид, что его заинтересовало не то, что там записано, а фотографии, произнёс:

— А что? Симпатичный мужчина, — сделал он Рувину комплимент и, повертев диплом в руке, вернул Рувину документы.

Через минуту он опять заговорил. Но на сей раз страстно и увлечённо:

— Признаюсь вам, вы удачно заглянули к нам. У нас действительно образовалось место заведующего отделом культуры. Товарищ уезжает в аспирантуру в Москву. Буду рекомендовать вас на это место. Устраивает? Квартирный вопрос решим в течение года. Согласны?

— Что ж, было бы неплохо, — как-то спокойно, без особой радости ответил Рувин.

А про себя подумал: «Свежо предание, да верится с трудом.» Он без особого вдохновения воспринял заявление редактора, потому что по опыту жизни знал, что если вдруг ему сразу улыбается удача, то обязательно потом жди разочарования. Всегда, когда Рувин заранее предвкушал предстоящую победу в чём-либо, то никогда и ничего у него не получалось. И сейчас, когда редактор наобещал ему и место заведующего, и квартиру, Рувин тем не менее понимал, что чуть позже с ним может произойти такое, что нанесёт ему новую душевную травму. На памяти были разные случаи, когда он заранее радовался успеху, а в итоге терпел полный крах. К примеру, недавнее событие, произошедшее с ним в Москве, когда «замзав» из ЦК комсомола поначалу, загоревшись, направил Рувина на работу в «Комсомолку», а потом дал «полный назад». «Не произошло бы подобного и здесь? — не без тревоги подумал Рувин. — Узнают, что я еврей — и лавочка прикроется, — рассуждал он. — Хотя здесь почти все знают, кто такие таты: их много проживают в этих краях».

Рувин, конечно, был близок к истине в своих сомнениях. Да, всё это так, но он ещё не знал, что в редакции не было ни одного еврея — не брали: существовал негласный запрет.

Обо всём этом Рувин узнает позже, как любил он выражаться, «когда поезд уже уйдёт».

А пока он сидел в просторном кабинете редактора и вёл с ним непринуждённую беседу.

— Вы как-то резко задумались, — вывел Рувина из состояния оцепенения голос хозяина кабинета.

— Извините, пожалуйста, немного отключился, — улыбнувшись, признался Рувин.

Его не покидало тяжёлое чувство, потому что он уверил себя в том, что его никогда не подводили те самые предчувствия: стоило преж-

девременно радоваться какому-нибудь предстоящему успеху, как его тут же ждал полный провал.

— Итак, — заметив в поведении Рувина некоторую настороженность, редактор заговорил вновь. Он положил обе ладони на стол в знак положительного решения вопроса и, чтобы рассеять всякие сомнения гостя, твердо заявил, — Езжайте домой, рассчитывайтесь и через неделю мы вас ждём. Неделя хватит вам?

И когда Рувин утвердительно кивнул в знак согласия, редактор продолжил:

— Пишите заявление, — и он решительным жестом протянул Рувину лист бумаги.

«Чему быть, тому не миновать», — решил Рувин и положил перед редактором заявление и робко сказал:

— Вы бы могли дать мне гарантийное письмо? А то мало ли... – густо покраснев, протянул Рувин.

— Вы что? Не верите мне? — сделав артистичный жест рукой, спросил редактор.

— Верю, но жену убедить будет сложно. Она у меня прагматик – заест меня. Да и вообще в жизни всякое случается, — не без сомнения высказался Рувин.

— Вот вам моя рука, — и редактор протянул Рувину руку, которую он, конечно же, пожал. — Через неделю я жду вас!

Всю жизнь будет повторять Рувин, как припев, слова «если бы знать, где споткнёшься». И вновь будет ошибаться, доверять...

Дома жена устроила Рувину разнос: «Пора бы и поумнеть. Сколько можно оставаться наивным? Сорок лет скоро стукнет... Поверь мне, что ты можешь остаться без работы! А ему, твоему редактору, если он так уверенно решил взять тебя, жалко было дать гарантийное письмо?»

Хотя он и согласен был с женой, с её доводами, всё же хотел поверить в порядочность редактора. И пошёл в свою редакцию рассчитываться. «Своей газете я отдал около шести лет жизни», — с горечью размышлял Рувин по дороге в свою обитель.

...Через неделю он был уже в приёмной нового редактора.

— Вы к Панфёрову? — спросила полная секретарша. — Он в командировке. Будет через неделю, — уже не глядя в его сторону, эдак небрежно заключила она.

«Вот я и попался!» — сразу промелькнуло у Рувина в голове. Он по поведению секретаря понял, что у редактора здесь произошла осеч-

ка. «Что-то стряслось, что-то не сработало в моё отсутствие», — подумал Рувин, помрачнев.

В первый свой приезд Рувин уже знал, что на место заведующего отделом культуры здесь прочили одну женщину из отдела партийной жизни. Но та продолжала пока работать у себя в отделе. «Но что тогда могло случиться? Что произошло?» — размышлял Рувин.

— Друг мой, да ты поседел, — заметил Гаврил утром следующего дня. — Ты смотрелся в зеркало? Да, конечно, тебе подставили свинью, но ты береги здоровье. Не убиваться же из-за этого, — сочувственно говорил Гаврил.

«Что же я скажу жене Асе? — был первый вопрос, который со вчерашнего дня с тревогой повторял Рувин. — Как же я предстану перед ней? Какой позор! В свою редакцию я уже не вернусь», — чуть ли не вслух говорил он сам с собой.

В голову лезли все трагические факты, случившиеся с ним в разное время. Любимая девушка приносит ему чужого ребёнка. Она же устраивает ему драму в Тихорецке с подкидыванием ребёнка. Хозяйка дома, у которой он жил вместе с Гаврилом, крадёт у него документы и сжигает их. Затем та же любимая, кроме всего прочего, изменяет ему в открытую, а чуть позже требует от него алиментов, к тому же оскорбляя его в своих исковых заявлениях. На кафедре литературы в университете ему мешают защищать диссертацию. Его подводит с переходом в «Комсомолку» антисемит из ЦК комсомола. А теперь подло поступают с ним и в этой редакции. «Что за наваждение? Сколько же может организм человека бороться с душевными травмами?» — в бессилии кричит раненая душа Рувина.

...На второй день он опять пришёл в редакцию, потому что хотел знать причину такой подлости.

— Вы бы не могли сказать, по какому телефону можно связаться с редактором, — осипшим от нервного потрясения голосом обратился Рувин к секретарю, бледный как полотно.

— Я не знаю, — не отрывая головы от бумаг, пробубнила она.

«Даже она ведёт себя со мной грубо, — отметил про себя Рувин с горечью. — Значит, здесь разработали план — не брать меня в редакцию. Поэтому, наверное, здесь всем дали задание — холодно встретить меня, чтобы я, обидевшись, оскорбившись, умотался назад», — рассуждал Рувин мысленно.

— Кстати, — подняла голову секретарь, — вас хотел видеть Цой. Это заместитель редактора. Загляните к нему.

— Здравствуйте, — еле слышно поздоровался Рувин, когда вошёл в кабинет Цоя и сел на стул без разрешения — стоять не было сил.

— Здравствуйте, — небрежно ответил тот. — Завтра мы в кабинете редактора в десять утра проводим летучку. И вас приглашаем.

— Спасибо, — бросил Рувин и вышел.

«Значит, устроят мне бойкот, — решил он. — Вынесут решение и дадут мне от ворот поворот. Выходит, они так решили до моего приезда. И, чтобы не подвести редактора, отправили того в командировку».

Рувин находился в состоянии нервного шока. Еле добравшись до ближайшего скверика, что напротив редакции, в подавленном состоянии грузно опустился на лавочку. И долго просидел в глубокой задумчивости. Нет, он мыслить не мог, он совершенно был не способен о чём-либо думать. Ничего путного в голову не лезло. Мысли не шли. Мозг устал, нервы сдали. «Что ж такого произошло? Зачем они так со мной? Почему редактор так подло подвёл меня?» — только и мог он произнести. «Ладно, посмотрим, что они завтра скажут», — решил Рувин, немного придя в себя.

Весь коллектив редакции, кроме самого редактора, сидел в кабинете за длинным столом, во главе которого восседал почему-то не первый заместитель редактора, а Цой — просто заместитель.

«Видимо, они попросили редактора отлучиться, чтобы он не принял участия в этом фарсе. Пожалели его? Или сам редактор скрылся? — подумал Рувин. — Неужели редактор так зависим от них, что так легко сдался?»

— В нашей редакции традиционно принято, — начал Цой, — брать в коллектив людей, которых мы знаем много лет. У нас десятки внештатных корреспондентов, которые ждут — не дождутся вакансий в редакции. Редактор, на наш взгляд, необдуманно пообещал вам место. Мы не можем взять вас в штат. Пока не поздно возвращайтесь в свою редакцию и восстанавливайтесь на своё место.

Рувин молчал. Состояние шока усиливалось. Его втоптали в грязь. Ему было плохо. Порой до него доносились обрывки фраз этого Цоя: «не принято, не можем, возвращайтесь...»

— Кто желает выступить?

Кто-то что-то говорил... Для Рувина всё происходило как в тумане.

«Как же я опозорился?» — вертелось в голове.

— Мы уважаем ваши данные, ваши заслуги, но поймите и нас правильно, — говорил всё тот же Цой.

«Я ж тебе говорила! — упрекнёт его жена. — Говорила? Никому нельзя на слово верить! — представлял он мысленно, как жена будет его пилить и отчитывать. — И будет права!» — сделал он заключение, не понимая, о чём говорят на летучке.

— Единственное, на что мы можем пойти, — услышал Рувин как бы издалека. — Это, коль скоро всё так произошло, взять вас в отдел писем на 90 рублей. Будете писать, и гонорар будет. А там посмотрим, — Закончил Цой свой приговор.

— Я согласен, — резко заявил Рувин, решив таким образом дождаться редактора — ему хотелось узнать истинную причину такого позора.

— Так тому и быть, — сказал Цой и закрыл «летучку».

Рувин был унижен, оскорблён. «С каким удовольствием я загляну в бесстыжие глаза редактора!» — решил он.

После «летучки» редактор почему-то раньше времени вернулся из «командировки». Он не пригласил Рувина на объяснение, и Рувину было противно с ним общаться — видеть не хотел. Когда же сталкивался с ним в коридоре случайно, Рувин кивал ему головой и проходил мимо. Замечал Рувин, что тот чувствует себя неловко при встрече с ним. Но это его не тешило.

Он был зачислен не корреспондентом, а просто работником отдела писем, что было для журналиста вообще унизительно. «Ничего, — утешал Рувин себя. — Я смогу и эту горькую пилюлю проглотить».

Порой Рувину казалось, что его живого кладут в гроб, а он почему-то этого не может понять. А когда понимает, то ничего против этого предпринять не может. В голове вертелись одни и те же слова жены: «Смотри, тебя могут подвести, обмануть. Ты можешь в итоге остаться без работы. Надо было взять гарантийное письмо. А теперь так тебе и надо! Так тебе и надо!» — отучало в висках.

И Рувин, спустя много лет, не раз мысленно возвращался к той «летучке». Как тогда все они в упор смотрели на него и ждали его ответа. В тот день, когда он всё же на время пришёл в себя, он обвёл всех сидящих мрачным, колючим взглядом и подумал: «Какие же, вы господа, жестокие и подлые негодяи! Так втоптать человека в грязь...»

Однажды, уже спустя месяц-полтора, редактор позвонил Рувину по внутреннему телефону и попросил его зайти к нему.

— Я здесь всего-то ничего — больше года, — начал редактор робко, дрожащим голосом, когда Рувин присел к столу. — Атмосфера в редакции крайне сложная. Все они охаивают друг друга. Кругом сплетни, склоки. Все друг друга ненавидят, выживают. Цой мечтает стать первым заместителем вместо Силина, а Силин ждёт — не дождётся, когда уйду я. Ты меня слышишь? — видя, что Рувин смотрит в окно отсутствующим взглядом, спросил редактор. — Прошу выслушать меня внимательно и терпеливо. Я по натуре человек мягкий, и они об этом знают, а потому ведут себя соответственно. Три группировки — не много ли для одной редакции? И их руководители — это ответственный секретарь, первый заместитель и Цой. Я зажат со всех сторон. Наладить порядок невозможно, да и бесполезно. Кореец держит своим шпионом твоего земляка, который, кстати, из-за чёрной зависти к тебе и натравил Цоя против тебя. Думаю, что он в этом здорово усердствовал. Дошло до меня, что Цой по совету твоего земляка звонил твоему бывшему редактору, и тот, говорят, с удовольствием очернил тебя. Я говорил Цою: «Может быть, этот редактор сам дерьмо, так что, кто его знает».

Рувин, почувствовав, что рассказ редактора носит исповедальный характер, стал слушать его более внимательно. Больно ударило его то, что его бывший редактор нагадил ему.

— Что касается моего редактора, я вам одно только скажу, чтобы вы получили представление об этом подонке, — горячо прервал редактора Рувин, не выдержав. — Раз десять за разные грязные делишки его хотели выгнать вон, да вот один и тот же человек из власть имущих не даёт этого сделать. А вот за какие конкретно делишки — это долгий рассказ.

— Охотно верю, иначе ты не убежал бы из той редакции, — понимающе ответил редактор.

— Так вот. И Силин, и Цой, когда я познакомил их с твоими данными, сразу испугались — они ведь не дураки и поняли, что ты — потенциальный соперник им, что я взял тебя с целью со временем назначить своим заместителем. Вот они и всполошились. Я-то, признаться, об этом и не помышлял. А они сразу на штыки! Они же боятся талантливых, умных и способных людей. Они открыто мне не могли выставлять подобные аргументы. Ну это и понятно. Видел, как эти группировки сплотились, ополчились и единым фронтом напали сначала на меня, а затем и на тебя?! Обратил внимание? Вот так. Особен-

но дрожал за своё место Цой. К стыду моему, я ничего не смог сделать, чтобы сдержать своё слово. После твоего отъезда я собрал их троих, доложил о своём решении. Тогда они от меня ушли молча. Началось чуть позже. Они обсудили вопрос в своих «фракциях» и пришли к единому мнению — категорически отказаться от тебя. Какие только доводы не приводили?! Они требовали от меня, чтобы я дал тебе телеграмму с отказом. Да, да. «Мол, он не успеет уйти со своей работы. И всё будет честно и порядочно». А этот... — редактор повернулся к окну и с минуту молчал, а затем, вновь посмотрев Рувину в глаза, продолжил. — Ну, ответственный секретарь... Так что ты думаешь, он здесь у меня выкрикнул: «Если вы его возьмёте, я ему устрою чёрную жизнь — стану возвращать все его материалы, чтобы все думали, что он бездарный журналист». Они забыли о порядочности, они не скрывали своей подлости и мерзости — они обо всём забыли. Если бы я не знал об их душонках, то я поверил бы, что они выступают против тебя из-за гнусных слов твоего редактора. А всё-таки, как противно и гадко работать с таким коллективом. А что они проповедуют в своих бездарных материалах? Доброту, порядочность... Как это цинично! Фальшивые у них душонки. Наверное, хватит, а то я и так слишком о многом тебе поведал. Хочу надеяться, что ты не станешь оглашать всё, что сейчас слышал. Прошу тебя не делать этого! И мой тебе совет: чтобы этот ответственный секретарь не издевался над тобой, подавай свои материалы под псевдонимом.

Редактор потёр лицо ладонями, как бы снимая с себя напряжение. Некоторое время помолчал, а потом, видя, что Рувин не издаёт ни звука, продолжил:

— Я обязан был прямо и без обиняков честно рассказать тебе обо всём этом, иначе бы ты навсегда проклял меня за обман, за то, что я не сдержал своего слова. Совесть мучала меня всё это время. Хотя, понимаю, тебе от этого не легче. Поработай, пожалуйста, пока в этом отделе писем. Потерпи. Ни в какие группировки не лезь. Да чего я тебя об этом прошу — ты и сам умный парень! Я всё равно вытащу тебя из этой ямы, куда они тебя забросили. — Редактор сделал долгую и мучительную паузу в ожидании реакции со стороны Рувина. Он видел, какой отрешённый взгляд был у Рувина. Тот слушал его с безучастным видом. И потому он чувствовал себя перед Рувином негодяем, скрывшимся во время его приезда в редакцию. И чтобы как-нибудь смягчить обстоятельство, он продолжил с доброй информации:

— А квартиру я тебе обещаю. У нас в очереди на жильё никого нет — все обеспечены. И прошу тебя извинить меня. Очень прошу! Не держи, пожалуйста, на меня зла.

И действительно, как только Рувин стал представлять свои материалы под псевдонимом, они «пошли» как по маслу.

Со временем Рувин понял, что редактор был в принципе неплохим человеком. Его беда заключалась в том, что был слегка слабовольным. По сути своей он был не способен «воевать» с таким «зубастым» коллективом. Здесь необходим был диктатор! А редактор оказался творческим человеком, и роль руководителя «горячего журналистского цеха» ему вовсе не подходила. Его назначили, и он терпел — вот и всё. Куда партия направила, туда и пошёл. Поэтому, когда Рувин всё это понял, ему даже жалко его стало. И всё же в душе Рувин упрекал редактора за эту его мягкотелость и необязательность. «Если ты умный человек и знаешь о своём безволии, то не надо было так твердо обещать, — рассуждал он. — Иначе сам себе будешь противен и не станешь сам себя уважать!» Так что огромная доля вины, как считал Рувин, за случившееся все же лежала на редакторе.

Через недели две после того откровенного разговора на столе у Рувина по внутреннему зазвонил телефон.

— Да, Егор Павлович.

— Рувин, у меня для тебя приятная новость. Нам дают трёхкомнатную квартиру в ближайшем городке. Берём? Причём, квартира жены сохранится, потому что она на её имя. А эту мы выпишем на твоё имя!

— А у нас в центре не намечается?

— Признаться, не в курсе. Ты возьми эту, а потом разберёмся. Городок курортный. Он котируется. Туда ходят электрички. 50 минут – и ты там.

— Каждый день ехать в электричке? — проворчал Рувин, закапризничав.

— Хочешь в центре? Ну тогда придётся подождать.

И спустя четверть века после этого разговора не может Рувин простить себя за ту ошибку, оплошность. Когда Рувин вспоминает тот разговор, ему становится дурно, не по себе. Он до сих пор обвиняет себя за то легкомыслие. «Вот так всю жизнь, — размышлял он, — не до конца додумаю, проявлю импульсивность и допущу глупость. Сколько же их в своей жизни я допустил, боже ж мой!»

Время в редакции для него проходило напряженно. Его травили члены разных группировок, исподтишка гадил ему и земляк. Низкопробный журналист (он писал только информации), большой и страшный завистник, сподручный Цоя, он порой делал вид, что рад Рувину как земляку. Однажды, когда после работы Рувин беседовал со своим «доброжелателем» возле гостиницы, где он, Рувин, проживал, произошло нечто из ряда вон выходящее: земляк неожиданно прервав разговор, извинился, что на минуту отлучится, и исчез. Рувин остался в глубоком недоумении. Он просто не понял, что могло такое случиться, что земляк скрылся так молниеносно. Затем, осмотревшись вокруг, Рувин заметил направляющегося в его сторону ответственного секретаря редакции. «Ах, вон оно что! — сразу сообразил Рувин. — Земляк не желал, чтобы тот видел его в одной компании с ним?! Каков же мерзавец! Какой низкий и подлый человек! И он ещё делает вид, что уважает меня, рад мне. Подонок — и только!»

Прошло четыре месяца со дня его работы в этой редакции. Не надеясь на ближайшую перспективу, Рувин не выдержал и решил вернуться домой. «Провались ваша квартира вместе с вами!» — проклинал Рувин их в состоянии очередного сильного нервного напряжения. Его стало в последнее время беспокоить и то, что он, живя в гостинице, по вечерам стал прикладываться к спиртному — запивал, так сказать, своё горе вином, а по утрам с опухшими глазами шел на работу. И он понял, что это может войти в привычку и сыграть с ним злую шутку. «Пока не поздно, немедленно назад!» — приказал он сам себе.

«И этот мой вояж, как в Нальчик, завершился ничем, — в состоянии депрессии рассуждал Рувин. — С той только разницей, что в Нальчике меня встретили с уважением, а тут нокаутировали. Да так, что до сих пор не могу прийти в себя».

Теперь Рувина волновал один-единственный вопрос: кто его у себя в республике возьмёт на работу?

Перед отъездом Рувин зашёл к редактору за трудовой книжкой.

— Не выдержал? Понимаю. А квартиру надо было взять. Неумно ты поступил. Позже сильно пожалеешь. А журналист и человек ты замечательный! Искренне говорю. Твоя порядочность многих настроила в твою пользу. Спасибо! Но, пожалуйста, не держи на меня зла. Да, я виноват перед тобой. Не рассчитал своих возможностей, — прямо заглядывая Рувину в глаза, честно признавался редактор.

— Запишите, пожалуйста, мне в трудовую, что я был принят корреспондентом отдела, — попросил Рувин. — А то стыдно будет, что я мог так низко пасть.

Когда секретарь принесла его трудовую книжку, редактор расписался, поставил печать, пожал ему руку и сказал:

— Держи связь, а то мало ли... Надумаешь назад — возьму. На сей раз твердо говорю. — Он встал, обнял Рувина за плечи и добавил: — Прости!

Через несколько лет Рувин узнает о том, что почти сразу после его отъезда редактор переедет в Москву, где вскоре умрёт от какой-то болезни. Конечно же, Рувин чисто по-человечески пожалеет об этом. Ему будет жаль этого в принципе неплохого человека. «Всё в этом мире преходяще», — с сожалением подумает Рувин.

Финансовые трудности в семье требовали от Рувина скорейшего трудоустройства. Вчерашний уважаемый в республике человек, журналист, учёный, Рувин теперь вновь вынужден был искать себе работу. Его, конечно, в разное время возьмут и на телевидение, характер работы которого ему никак не подходил, пригласят и на другие незначительные должности с небольшими окладами. Но всё это будет не для него.

Как-то решил Рувин заглянуть в издательство, директором которого был его бывший однокурсник по университету Марат Гогниев. По дороге туда Рувин мысленно с удовлетворением отметил, что, где бы он ни учился и ни работал, однокурсники и коллеги по работе везде к нему относились с уважением. И спустя много лет, он чувствовал доброе к себе отношение с их стороны. Рувин гордился таким к себе вниманием. Он знал, почему так хорошо относились к нему все эти люди — за честность, порядочность, общительность, трудолюбие, активную общественную деятельность, за бескорыстие в любых вопросах. И был благодарен всем им за добрую о нём память.

И директор этого издательства был одним из тех, кто считал Рувина своим другом.

— О-о, Рувин, дорогой! Рад тебя видеть, — встал ему навстречу Марат. — Что тебя привело к старому другу? — и он, широко улыбаясь, обнял Рувина.

— Жизнь привела, дружище, жизнь, — с глубоким вздохом произнёс Рувин. — А ты как? Как дети?

— Да всё нормально. Слышал, что ты уезжал. Неудачно? — всё с той же улыбкой поинтересовался Марат.

— Да. Обманули.

— Давай ко мне. Я-то не обману! — и он весело засмеялся, вновь обняв Рувина. — Мне нужен грамотный редактор. С удовольствием возьму тебя. Правда, зарплата невелика: 120 рублей. Плюс ежеквартальные премиальные. Плюс небольшая надбавка за учёную степень.

— С удовольствием поработаю с тобой, — с благодарностью ответил Рувин.

Коллектив издательства оказался дружным, трудолюбивым. Работало здесь более двадцати человек. Рувин сразу окунулся в творческую атмосферу. Чуть позже сам стал писать книжку, посвящённую своему родному 6 «Б» классу.

В комнате, в которой сидел Рувин, размещались десять человек. Тесновато было, но это вовсе не мешало всем им быть в добрых отношениях. Прямо по поговорке: в тесноте, да не в обиде. О сплетнях, склоках, зависти здесь и речи быть не могло. Это был дружный коллектив единомышленников. Впервые понял Рувин, как много зависит от руководителя учреждения! Сам директор, будучи доступным, открытым, доброжелательным, но требовательным человеком, сумел настроить всех сотрудников на творческий лад. И все работали с жадностью, азартно и плодотворно.

Через стол от Рувина трудилась Земфира Руслановна. Она была тоже редактором. Её муж был заместителем заведующего отделом в обкоме КПСС. Как-то примерно через год, Земфира, нагнувшись к нему, тихо сказала: «Рувин, мне жалко тебя. Честное слово. Талантливый человек, ты пропадаешь здесь, вносишь много своего в чужие книги — растрачиваешься зря. Я хочу попросить мужа, чтобы он помог тебе устроиться в университете. Конечно, ему не просто будет это сделать, но я всё же попрошу его».

Рувин с благодарностью посмотрел на эту добрую, симпатичную женщину и вдруг у него под глазом обозначилась слеза — вновь нервы не выдержали.

— Не надо, Рувин, — расчувствовалась и она. — Я знаю, что во многом в твоих неудачах виновата и твоя национальность, и подлая зависть людей. Скажу тебе честно, многие из тех, — и она кивнула головой в сторону, — кто хорошо и сытно устроился, ногтя твоего не стоят. Поверь мне. Не надо растраиваться.

— Спасибо тебе, Земфира, — поблагодарил её Рувин.

— В издательстве все понимают, почему ты сюда попал, — продолжала Земфира. — Безысходность заставила тебя опуститься до нашего уровня. Все знают, что ты большая умница. Потерпи, пожалуйста, немного, — успокаивала как могла Рувина это доброе существо.

Рувин, как всегда и как везде, отдавал всего себя работе. Так он поступал, где бы ни трудился. И получал моральное удовлетворение. Авторы, чьи произведения он редактировал, были чрезмерно признательны ему за его творческую помощь.

Всё это так, но душа у него рвалась к большим, более масштабным и интересным делам. Вот почему, когда ему исполнилось 40 лет, он произнесёт маленький монолог: «Прожил больше половины жизни. А что путного, полезного я сделал? Чего добился?» И услышав слова Рувина, жена грубо упрекнёт его: «Да потому, что на одном месте сидеть не можешь. То ты хотел жить в разных городах, то ты меняешь места работы. Неусидчивый ты. Всё что-то оригинального ищешь. Нашёл? Нет! Везде люди как люди: и гадкие, и мерзкие, и подлые, и завистливые, и хорошие, и добрые — всякие. Куда ни кинься — всюду одно и то же. Пора бы тебе запомнить, что хорошо там, где нас нет. Пора и о детях подумать. Дочери уже в 8 и 9 классах учатся. Скоро им в вузы поступать... А я им до сих пор перешиваю платьице с одной на другую».

Горько становилось на душе Рувина от этих слов. Он понимал, что порой витает в облаках, а она старается опустить его с небес на землю. А он всё сопротивляется, не сдаётся... Он твердо знал одно: он должен летать, потому что на земле ему было тесно, душно. Ему хотелось простора!

Да, он понимал жену. Соглашался с ней. Но ничего с собой поделать не мог. Просто-напросто он был неисправимым альтруистом: всегда готов был бескорыстно выполнять добрые дела ради других, не считаясь со своими интересами. Таким он останется на всю свою жизнь: такова была его человеческая природа и судьба!

...Редактируя рукописи в издательстве, Рувин одновременно успевал по вечерам писать статьи для газет и журналов, рецензировать произведения местных писателей — и всё равно всего этого ему было мало.

— Мой муж обещал переговорить с ректором университета, — сообщила через несколько дней Земфира и заулыбалась. — Думаю, завт-

ра с утра я смогу поднять у тебя настроение. — Потом, нагнувшись к нему, как бы по секрету шепнула. — Ты же знаешь, как у нас: или по звонку, или за взятки, или... Не мне тебе рассказывать, ты сам всё знаешь... Правда, тебе от этого не легче.

— Спасибо, Земфира, — поблагодарил Рувин эту благородную женщину и вновь прослезился — опять расчувствовался.

Скупая мужская слеза в последнее время появлялась у него всё чаще и по любому поводу. Если раньше такая жгучая слеза говорила о том, что он пережил трагедии, обиды, оскорбления, нанесённые ему в разное время и разными людьми, то сейчас она появлялась не от радости, а от того, что он вынужден был пользоваться услугами этой сердобольной сослуживицы и её мужа, от того, что в его родной республике никто о нем не проявлял заботу, не ценил его способностей и усердий. Такое невнимание со стороны прежде уважавших его людей терзало его душу. Почему-то в одночасье он оказался никому не нужным. Такая неблагодарность наносила ему душевную травму. И как бы то ни было, он вечером обрадовал жену известием Земфиры. Ей тем более было полезно порадоваться: она ждала пятого ребёнка!

Через день Земфира вбежала в комнату и громко объявила: «Справедливость восторжествовала! Тебя берут, Рувин! Готовь документы. Тебя ждёт ректор».

В тот день в издательстве был праздник: все радовались за Рувина. Такого интернационального единодушия Рувин давно не видел!

Итак, спустя полтора года, Рувину с помощью Земфиры и её мужа удалось попасть в вуз. Неважно, что не по специальности и не старшим преподавателем.

В понедельник он предстал перед ректором, а 12 сентября он в качестве ассистента кафедры педагогики приступил к работе. Теперь его зарплата составляла 175 рублей.

Так в его трудовой книжке появилась 39-я запись.

Огорчало лишь одно: вместо литературы он должен был вести практический курс русского языка.

На факультете (впрочем, и во всем университете в целом) его знали многие. И прежде всего как известного журналиста, опытного редактора издательства и, наконец, как автора первой в стране диссертации по творчеству известного во всем мире советского писателя.

Рувину выделили часы на первом и втором курсах, назначили куратором группы у первокурсников. Он сразу провёл с ними собра-

ние, на котором избрали старосту, составили план культурных мероприятий, выяснили, кому необходима помощь по русскому языку, и составили график дополнительных занятий. Нескольким девушкам Рувин поручил быть его помощниками при проведении вечеров, экскурсий...

Такая увлекательная «игра» сразу понравилась его подопечным. Рувин уже знал цену внеклассной и внеурочной работы, которая являлась залогом успеха в деле воспитания и обучения учащихся. Он также объявил, что открывает отделение журналистики на факультете общественных профессий, куда тут же пожелали записаться чуть ли не половина его подопечных.

...Первую встречу для своей группы Рувин решил организовать с известной в стране поэтессой. Рувин переговорил с ней, и она дала согласие выступить у них.

— Конечно, конечно, — с готовностью откликнулась она. — Тем более, что я тоже выпускница этого учебного заведения.

И началась усиленная подготовка к этой гуманитарной акции. Она полностью захватила его студентов. Рувин составил вопросы и поручил своим ребятам задавать их почётной гостье с мест. Выпустили фотомонтаж, благо, фотографии поэтессы услужливо предоставили ему товарищи — фотокорреспонденты газет и журналов. Рувин попросил свох студентов принести книги поэтессы и по окончании встречи обратиться к ней за автографами.

На видном месте в фойе вывесили красочное объявление. И теперь, естественно, об этой встрече знали студенты почти всех факультетов. Поэтому большая аудитория не могла вместить всех желающих послушать поэтессу. Вовсю щёлкали фотоаппараты. Гостье задавали вопросы, на которые она очень остроумно отвечала... И она, и студенты читали стихи... Вместе фотографировались.

Что это была за встреча! О ней ещё с неделю говорили во всём университете!

Группа Рувина сразу зажила интересной и творческой жизнью. Она получила огромное моральное удовлетворение от проделанной работы! Ребята поняли, что способны организовать подобные мероприятия и в дальнейшем. Вот почему, как только завершился этот вечер, они с большим рвением стали готовиться к очередной акции — встречи с Героями Советского Союза и писателями — участниками Великой Отечественной войны. Приближался День Советской Армии.

«Вот так постепенно и научу каждого из них организовывать вечера в школах, — думал Рувин. — Об активизации внеклассной работы они должны знать уже сейчас. Им надо дать понять, что такая внеклассная работа — немаловажный фактор в общем деле воспитания и обучения школьников».

Как-то в разговоре с женой Рувин пожаловался на своё здоровье: «Ты знаешь, я стал быстро уставать. И опять нервы шалят.»

— Неужели? Помимо основной работы ты бешено подключился в общественную деятельность. И не только в университете, но и у дочерей в школе, — то ли с упрёком, то ли с сочувствием подметила жена.

Ко всему прочему вскоре Рувина назначают заместителем декана по заочному обучению. Причём, на общественных началах. Видите ли, четырёх студентов не достаёт, чтобы доплатить ему за эту должность. Рувин понимал, что декан просто смахнул с себя эту нагрузку на него. «Да-а, — подумает Рувин про себя, — инициатива всегда наказуема. Он же видит, что я с жаром берусь за всё, что можно, и решил, что и в этом направлении выдюжу. На таких, как я, можно выезжать куда хочешь и как хочешь... Сам виноват.»

Когда Рувину жена и приятели советовали срочно подлечить нервы, отдохнуть и прекратить работать на износ, он не без юмора отвечал с улыбкой: «Мой отдых — это активная работа!» И все опять удивлялись его неуёмности, неугомонности, энергии.

— Как можно за 175 рублей выполнять огромный объём работы?» — возмущалась жена. — Вон по ночам во время сна то рука у тебя вздрагивает, то нога. Хороши же твои начальнички, если они так безжалостно на тебе выезжают! Запомни, они из тебя последние соки выжмут и спасибо не скажут! Ты думаешь, они тебя уважают? Они тебя за дурака считают! Вот ты больным в течение двух недель ходил. Кому и что ты доказал? — справедливо ворчала жена.

А узнал Рувин о том, что переболел на ногах, совершенно случайно. Дело было так. По университету вышел приказ ректора, обязывающий всех сотрудников пройти флюорографию. И когда Рувин на второй день появился за снимком, в кабинете врача у него состоялся следующий разговор.

— Вы пневмонией не болели? — спросила врач.

— Да вроде нет, — пожал плечами Рувин. — Правда, две недели я чувствовал общую слабость, потел, температурил... Думал, что простудился — и всё.

— И при этом ходили на работу? — ужаснулась женщина.

— Да, — ничего не понимая, бросил Рувин.

— Да-а. Должна заявить, что вам крупно повезло: не получили осложнения. Да вы знаете, что у вас эта пневмония прошла в тяжелейшей форме?! Вот посмотрите на снимок. Видите внизу? Два рубца... Они чётко видны...

— Да-а, — теперь с удивлением протянул и Рувин. — Значит, я переболел воспалением лёгких на ногах?

— Вы в белой рубашке родились. Скажу честно, вам просто повезло! Вот вам на память снимок.

Жизнь для Рувина продолжалась. Теперь весь факультет и, в особенности, его группа, — все они жили в ожидании очередной акции. А когда она уже проходила, опять работали корреспонденты газет, щёлкали фотоаппараты...

Шёл второй год работы Рувина в университете. Работы напряжённой, увлекательной, пока доставляющей ему радость. В аудитории, закреплённой за его группой, висели три фотомонтажа с фотографиями, рассказывающими о встрече с известной поэтессой, с Героями Советского Союза, об экскурсиях по городу. Жизнь в его группе била ключом. Студенты глубоко уважали своего куратора. Почтительно относились к Рувину и преподаватели. Правда, не все. Были и такие, которые считали его костем в горле. Особую симпатию питали к нему студенты-заочники, которые души не чаяли в своем «декане». Чем больше отдавал он себя работе, добивался успеха, тем больше ненавидели его и заведующий кафедрой, и декан.

Сейчас, когда он мысленно переносится в то время, он чётко вспоминает простые слова Ивана Петровича, у которого они покупали хату с участком под Москвой: «Возьмите наш цех, в котором я всю жизнь проработал. Ты вкалываешь, а тебя ненавидят. Почему? А ещё тебя выскочкой называют. Видите ли, ты хорошо работаешь, а им из-за этого нормы повышают. «Тебе, сука, больше всех надо?» — кричали на меня. — «Но я ведь по-другому не могу работать! — отвечаю. — Что ж мне делать?»

Подобное происходило и с Рувином. И впору было и ему кричать: «Оставьте меня в покое! Дайте мне нормально работать, я же никому не завидую, никому плохого не желаю, никому не мешаю».

Секцией преподавателей, ведущих практический курс русского языка на факультете, руководил честный и порядочный человек, опыт-

ный доцент. Он посещал занятия преподавателей и, естественно, делал им замечания, давал советы. «Надо, друзья мои, работать над собой. Работать надо! Позорно, что вы порой не можете внятно отвечать на вопросы студентов», — говаривал он после очередных посещений занятий. И вся беда для Рувина заключалась в том, что доцент при этом добавлял: «Ох, как вам далеко до Нисуева, до его знаний, до его умения доходчиво и интересно объяснять материал!» Такие заявления, оценки вызывали и у завкафедрой, и у критикуемых преподавателей неприязнь к Рувину. Тут к чёрной зависти прибавлялась и ненависть. Рувин порой просто удивлялся: «Неужели уважаемый доцент не понимает, что тем самым он вызывает огонь на него, Рувина? Он же просто-таки дразнит гусей».

Таким образом, у Рувина появлялись искусственные трудности. К тому же, как передавали ему отдельные коллеги, которые его уважали, завистники считали Рувина птицей, случайно залетевшей в чужое гнездо. Дело в том, что некоторые преподаватели были приняты на кафедру за определённую мзду, которую они вручали заведующему кафедрой. А тот, понимая, что рука руку моет, привлекал тех к приёму экзаменов у абитуриентов. Здесь была своя философия. Каждый «блатной» привозил из районов своих земляков, родители которых за устройство своих чад сулили хорошие вознаграждения, часть которых передавались заведующему. Так что они были «своими». А он, Рувин, был для них чужаком, которого взяли на кафедру по звонку из обкома партии, да к тому же из жалости к нему. Поэтому «эти» Рувина не любили, завидовали ему, не доверяли и боялись. Больше того, хоть Рувин был заместителем декана по заочному обучению, его и на эти вступительные экзамены не приглашали. Принимали их они, а он отвечал за них потом... Таким образом, Рувин изначально был им неугоден. А тут еще уважаемый доцент своими замечаниями дразнил их! Кстати, на эти замечания они старались вовсе не реагировать, потому что твердо знали, что их «опекун» (заведующий кафедрой) их в обиду не даст. Рувин обо всем этом знал, но его никогда не интересовала тёмная сторона их «деятельности». Он старался не вникать в их проблемы. Он занимался своим делом, своей работой и рассуждал: «Каждому — своё!»

Чем больше он делал полезного для факультета, чем больше его группа завоёвывала популярность в университете, чем больше поднимался его авторитет как преподавателя, куратора и заместителя декана заочного отделении, тем брезгливее относились к нему и заведую-

щий кафедрой, и декан. Такие, как Рувин, им были не нужны: они могли затмить их. Весь их вид как бы говорил Рувину: «Не высовывайся, а то хуже будет!»

Сколько таких бесталанных людей по всей стране мешают энтузиастам честно и добросовестно работать! «Да это же настоящее вредительство!» — рассуждал Рувин со злостью. Особенно по-чёрному ненавидел Рувина завкафедрой. Чванливый, по сути, человек, он игнорировал Рувина, оскорбляя его всем своим видом. Сказано же, что чем бездарней человек, тем большего он о себе самомнения. Такие очень опасны, потому что в первую очередь они не любят людей умнее себя. Это-то и страшно, потому что в таких случаях они держат камень за пазухой. И когда они его запустят, никто не может знать. Но Рувин уже понимал, что это когда-то произойдёт. «Как можно работать и знать, что чёрная зависть таких, как этот завкафедрой, душит человека, обрезает ему крылья, не даёт творчески работать».

Летом, когда завершился учебный год и для заочников, комиссия при профсоюзном комитете подвела итоги соревнования между факультетами. Оказалось, что его факультет, выполнив десять пунктов из одиннадцати, вышел на первое место в вузе. В знак поощрения председатель профкома выдаст Рувину бесплатную путевку в санаторий – он знал, что у Рувина образовалась на нервной почве какая-то вегетососудистая дистония и что ему необходимо немедленно подлечиться. «Я не помню, когда я отдыхал во время отпуска», — горько рассуждал Рувин, держа в руках эту путёвку. И в конце августа он отбыл в санаторий. В первый и последний раз в своей жизни.

Помнит Рувин, как особенно за свою судьбу боялся хитрый и подлый декан факультета Кривцов. «Если этого Нисуева не остановить, то его явно могут рекомендовать на его место. Нет, не ректор, а секретарь парткома, которая объявила ему в прошлом году выговор по партийной линии», — думал он с содроганием в душе. И основание думать так у него было: секретарь парткома, женщина принципиальная, ненавидела его за прежние прегрешения. «Если завкафедрой, которого поддерживает ректор, — рассуждал Кривцов, — будет прямолинейно и открыто по-чёрному завидовать Рувину и грубо к нему относиться, то этот будет гадить Рувину исподтишка, перекладывая всю роль «борца» против Нисуева на завкафедрой». И ему это удавалось с успехом, потому что хорошенько сумел настроить того против Нисуева. Однажды старший преподаватель, мудрый и добрый человек, по

дороге домой сказал Рувину следующее: «Мне бояться нечего. Я взятку за своё место никому не давал, а потому, Рувин, я вам открыто скажу, что думаю. Первое. В вузах особо активных не любят. Будьте осторожны, если, конечно, вы дорожите своим местом. Я-то вашу натуру понимаю — вы иначе работать не можете. Спасибо за то, что делаете! Вы оживляете жизнь на факультете, делаете её интересной. Была бы моя воля, моя власть, я вас на пьедестал поднял бы. Но, к сожалению, наши руководители завистливы, бездарны, и они по-чёрному не любят таких, как вы. Поэтому будьте осторожны, я вам всё сказал.»

«Быть осторожным, — думал недоумённо Рувин, — это значит ничего не делать и жить скучной, размеренной жизнью?!»

Когда он вернулся из санатория, учебный год уже вступил в свои права. Рувин со своей группой стал готовиться к очередной встрече своих студентов с опытными учителями города, которые должны были по его задумке передать его подопечным свой богатый опыт педагогической работы. Одновременно Рувин составлял расписание занятий для зимней сессии заочников.

Как-то завкафедрой пригласил Рувина зайти к нему в кабинет.

— Наш аспирант должен уехать на представление своей диссертации к защите. Ты уже один раз его замещал, я хочу, чтобы ты и сейчас его заменил.

— Я же страшно загружен: и кураторство, и к очередному вечеру готовимся, занятия на отделении журналистики, и над расписанием для заочников работаю, и свою рукопись для издательства готовлю... Нельзя ли другого преподавателя попросить...?

— И другие перегружены, — резко выпалил он.

— Как? — ужаснулся Рувин, который знал, что большинство преподавателей по русскому языку страдают от безделья. — А чем они перегружены? — спросил он.

Этого вопроса оказалось достаточно, чтобы завкафедрой «с аппетитом» накинулся на него.

— Не твоё собачье дело, кто чем занят. Это мои заботы. Выполняй, что тебе приказывают! — истерично закричал тот.

«Вот он и запускает в меня припрятанный до поры до времени камень», — горько усмехнулся Рувин. И вдруг ему стало так безразлично, что он, Рувин, готов был сразу положить тому на стол заявление об уходе. «Как можно с такими гадами работать? — возмущался он. — Уйду и не пожалею. Они не дадут мне с удовольствием работать!»

— Но почему о замене просите вы? Это ведь дело декана, насколько я понимаю. Так я полагаю? — решил Рувин поиздеваться над этим типом. Причем, спросил так спокойно, чтобы вывести того из себя.

— Декан и просил меня сообщить об этом тебе, — не глядя на Рувина, прохрипел он.

Вот это и нужно было выяснить Рувину, потому что он уже давно догадался, что тот руками завкафедрой выживает его из вуза.

Рувин тогда всё же согласился и заменил аспиранта. А про себя подумал:

«Вот так декан загребает жар чужими руками, потому что был намного хитрее этого завкафедрой».

Однажды Рувин по какому-то вопросу зашёл в кабинет завкафедрой и застал его, горячо обсуждавшего с руководителем секции, уважаемым доцентом, какой-то вопрос. Оба были красными от напряжения, оба говорили на высоких тонах, оба говорили на своём родном языке. И Рувин услышал свою фамилию и сразу понял, что здесь идёт жаркий спор именно о нём. И он ещё понял одно: завкафедрой просит уважаемого доцента выступить на заседании кафедры и объявить его, Нисуева, профессионально непригодным, а тот категорически не соглашался. Через несколько дней это подтвердит сам уважаемый доцент. «Я прямо ему сказал, — рассказывал он Рувину, — что все его «блатные» преподаватели, вместе взятые, ногтя вашего не стоят, и что я не позволю ему издеваться над вами».

Рувин терпел — ему было не привыкать. Он всю жизнь терпел несправедливость. Просто по той причине, что не знал, как и какими силами против этого надо бороться. Он был подавлен обстоятельствами. Он просто-таки был сошкой в этом дерьмовом мире. Но несмотря на всё это, он старался трудиться увлечённо, творчески, полагая, что за это его не возненавидят. Наивный человек. Он глубоко заблуждался. Ещё не раз за это рвение будут его ненавидеть. Ох, сколько! А он упрямо будет делать свое любимое дело!

На факультете наступило для Рувина некоторое затишье. Закончилась зимняя сессия. Мрачное настроение Рувина никак не отразилось на его работе. Он вообще не позволял себе и в школах, и где бы ни работал, чтобы его неудачи отразились на учениках, на коллегах. Никогда! И вообще он не был человеком настроения и терпеть не мог

таких людей! Поэтому он так же увлечённо занимался со своей группой, готовил отчёт о результате зимней сессии заочников. Но тут вдруг он узнал, что на кафедре литературы освободилось место старшего преподавателя... и поспешил к ректору. К своему приятелю, заведующему кафедрой литературы, он считал, что бесполезно обращаться: тот был в этих вопросах бессилен. Здесь все кадровые вопросы решал только один человек — ректор. Он даже знал, как бы примерно ответил ему его приятель: «Рувин, дружище. Ты же знаешь, что всё решает только ректор. У нас так положено».

— Я бы хотел работать по своей специальности, — обратился он робко, когда вошёл в кабинет ректора.

Ректор вдруг резко побелел от злости. Он с негодованием посмотрел на Рувина, чтобы понять, идиот он или нет, и с ненавистью прошипел:

— Запрещённый приём применяете? Спасибо скажите, что вас ассистентом взяли! — выложил он истерично.

Не знал Рувин, не мог и предположить, что ректора против него методично настраивал не кто-нибудь, а его ставленник, тот самый завкафедрой. Да Рувин просто был далёк от такого предположения.

Он вышел из кабинета ректора, как побитый. На нём не было лица. «Боже мой! Какой же я всё-таки дурак! Наивный романтик! Побежал. Думал, что тот раскроет ему свои объятия и скажет: «Как же, я давно тебя ждал!» — ругал себя Рувин на чём свет стоит. Он-то думал, что всё, что он делал для факультета, вызовет у ректора уважение к нему.

— Ты чего мрачнее тучи ходишь? — остановил Рувина на выходе из здания знакомый доцент.

И Рувин поведал тому о случившемся.

— Наивный ты, Рувин, человек, — выдохнул доцент, пожилой и опытный педагог, выслушав его внимательно. — Ничего и никто им не нужен. Запомни: чем ты талантливее, тем вреднее и опаснее для них. Парадокс? Да! У нас талант не ценится. У нас талантливых боятся. Деньги? Да, они ценятся. Это их философия. Пока сидишь на руководящей работе, загребай деньги, сколько можешь. Пока не выгонят. Надо успеть! Почему тебя директором школы не направили? Ты думаешь, кого-то талантливей тебя они подыскали? Бред! Чушь всё это. Им главное — это выполнить просьбу какого-нибудь важного чиновника, чтобы потом при необходимости можно было бы и к нему

обратиться. Ты — мне, я — тебе. Рука руку моет! А ты переживаешь. Кому ты нужен, дружище? Опомнись.

«Уехать бы отсюда к чёртовой матери! — негодовал Рувин про себя. — Сил моих больше нет терпеть все эти гнусности. С другой стороны, куда я подамся? Ведь сказано: там хорошо, где нас нет!»

Думал, переживал и страдал от бессилия.

Удручённый, утомлённый от дум и переживаний, Рувин был не в силах думать над тем, кто и как над ним издевается. Решил немного прогуляться, побыть наедине с собой.

— Рувин, привет, — услышал он сквозь паутину своих мрачных, запутавшихся мыслей. Это был его бывший одноклассник. Он учился здесь в аспирантуре.

— Как дела, старина? — обратился он к Рувину.

И когда Рувин коротко рассказал ему, что не может перейти на кафедру литературы, тот воскликнул:

— В «Учительской газете» объявлен конкурс на замещение вакантной должности старшего преподавателя кафедры литературы в пединституте одного из областных шахтёрских городов.

— Ты понимаешь, я бы с удовольствием, но у меня ж пятеро детей. Куда с ними? Да и квартиры там не дадут.

И всё же Рувин рассказал об этом разговоре жене.

— Ты поработай без нас. Получи доцента, а там видно будет. Все-таки 250 рублей на земле не валяются, — посоветовала жена, будучи уверенная, что здесь ему никогда без помощи со стороны не стать старшим преподавателем.

И Рувин стал готовить документы для отправки на конкурс. Он попросил декана написать на него характеристику, предварительно объяснив, что она нужна ему для перехода на другую работу. Он понимал, что ни в коем случае нельзя тому сообщать, куда именно он собирается уезжать. «Нагадит, как пить дать!» — думал Рувин.

С лживой и хитроватой улыбкой, декан, прихрамывая (он хромал на одну ногу), отправился к завкафедрой. Он даже не поинтересовался, почему Рувин уходит. И не выразил, хотя бы ради приличия, сожаления по этому поводу. Он был рад, что избавляется от человека, превосходящего его по всем статьям.

Назавтра с той же подлой, фальшивой улыбкой декан вручил ему характеристику. Сухо, скупо, двусмысленно была состряпана она. Как бы то ни было, Рувин, настроивший себя уйти от этих негодяев, быс-

тро отправился за подписью к ректору. Тот прочитал и с лёгким сердцем подписал документ. Даже не удивился и не спросил, почему он уходит. Затем Рувин направился в кабинет секретаря парткома института. Зашёл, поздоровался. Фатима Садыковна улыбнулась и выразительно посмотрела на него: «Нет, вы посмотрите! Наконец заявился ко мне!» Но, заметив, что Рувин чем-то сильно озабочен, серьёзно спросила:

— Что-нибудь случилось?

— Да, — и он протянул ей на подпись характеристику.

Фатима Садыковна нацепила очки, прочитала бумагу, затем сняла очки и выразительно посмотрела на Рувина. Эта крупная, симпатичная женщина, которая славилась своей принципиальностью, смелостью, вдруг так неожиданно взорвалась, что Рувин сначала вздрогнул, ничего не понимая.

— Как ты можешь? А? Тебе подсовывают такую идиотскую характеристику, а ты даже не возмущаешься?! — закричала она на весь кабинет.

Рувин молчал. Ему было всё так безразлично, он чувствовал себя таким утомленным, изнуренным, что хотел только одного: чтобы его отпустили. Ему хотелось быстрее убраться отсюда. Поэтому её возмущение особенно не взволновало его.

Заметив его отрешенность, депрессивное состояние, Фатима Садыковна чуть тише произнесла:

— Вместо того, чтобы тебя на руках носить, они стараются выжить тебя. Где ты раньше бвл? Почему ни разу ко мне не зашёл? Я бы этим взяточникам заткнула бы рты. Они у меня стоят на особом учёте! Они у меня провинившиеся. Они, наверное, об этом забыли. Я им это напомню!

Она громко и шумно возмущалась и одновременно набирала номер по телефону.

— Мне заведующего кафедрой. Что? На занятиях? А где декан? Передайте ему трубку. Да, я Фатима Садыковна уже 45 лет. А вы кто? Декан Кривцов? Какой же вы к чёрту декан? Чтобы вместе со своим дружком двинулись ко мне! Жду! — и она с треском ударила трубку об аппарат. — Вот хамы. А теперь расскажи мне подробно, что случилось, — обратилась она к Рувину.

И пока Рувин говорил, она попросила секретаршу: «Пригласи ректора. Скажи, что я жду его через полчаса».

«Обычно секретари парткомов в вузах — это «шестёрки» у ректоров, — подумал Рувин. — А здесь всё наоборот. Ну, молодец, баба», — восхитился её поведением Рувин.

— Никуда не уедешь, — категорично заявила она, выслушав Рувина. — И на кафедру литературы помогу перейти!

— Да, зато потом они мне жизни не дадут, — ответил Рувин дрогнувшим голоосом.

— Никуда они не денутся, — отрубила Фатима Садыковна. — Не посмеют!

Рувин вышел в коридор. Вскоре появились и два его «доброжелателя». Они, не заметив его, бледные и растерянные, вошли в первую комнату парткома. Вскоре вслед за ними туда проскочил и ректор.

Как позже расскажет Фатима Садыковна, там состоялся такой разговор.

— У вас есть претензии к Нисуеву? — обратилась она к завкафедрой и декану. — Я слушаю вас. Говорите, говорите, не молчите — нет времени.

— Я просил его заменить нашего аспиранта, — начал было завкафедрой.

— В который раз вы его об этом просили?

— Во второй. До этого он также его замещал..., — поняв, что та в курсе дела, дрожащим голосом оправдывался завкафедрой.

— Почему на сей раз вы другого не попросили? — ребром поставила вопрос секретарь парткома. — Что молчите?

— Не знаю. Меня об этом декан просил, — промямлил тот.

— А вы знали? Значит вы просили его? Жар чужими руками загребали? — обратилась она к декану. — Я же знаю вашу лисью натуру. Не в первый раз вы так поступаете. Верно я говорю?

Кривцов был ни жив ни мёртв! И всё же выдавил из себя:

— Другие были заняты, — постарался солгать этот хитрый и подлый человек.

— Ах, заняты. Чем же, если не секрет? Семечки грызли от безделья? А этот Нисуев был свободен? Так по вашему? По-вашему, пусть он бесплатно выполняет ваши функции декана по заочному отделению, руководит отделением журналистики, организует вечера для всего факультета, занимается своей группой, пишет книгу для издательства... И пусть вдобавок заменяет ваших бездельников? Так? Или вы хотели его спровоцировать, чтобы затем у вас появился повод для атаки на

него? Вы же этого добивались? Чем он вам не угодил? Тем, что он талантливей вас, активнее вас? Бескорыстней вас? Вы же бесплатно ничего не делаете! Давайте, давайте, говорите. Нам, видите, некогда, — и она указала на ректора, — уважаемый профессор, — обратилась теперь она непосредственно к ректору, — надеюсь, вы всё уловили? — Поняв, что тому нечего сказать, она продолжила. — Почему вы возненавидели этого человека? Почему невзлюбили этого замечательного, грамотного, талантливого человека? Чёрная зависть душила вас? Обидно стало, что вы не способны сделать то, что он делает? Поэтому такую гнусную характеристику выдали ему. А может быть, вы позволяли так по-хамски с ним вести себя только потому, что он горский еврей? Низкие и подлые вы люди! Да вдобавок хотели ещё и профнепригодным его признать... Какой позор! Да вас самих необходимо такими признать! — Она сделала паузу, посмотрела на ректора, который сидел, опустив голову, и продолжила. — Вот такими грязными делами занимаются наши коммунисты, — адресовала она эти слова ректору. — Но как вы могли такую характеристику подписать, уважаемый профессор? Мне неловко за вас. В вузах же не принято, за редким исключением, писать такие характеристики, просто неэтично.

— Я решил, что два руководителя факультета подписали эту характеристику, значит так оно и есть, — стал оправдываться ректор. — Выходит, подвели они меня.

— Нет, уважаемый профессор. Вы прекрасно знаете о том, что мы с вами и другими членами парткома на заседании отмечали скромные заслуги этого товарища. Вас обидело то, что он пришёл к вам проситься на должность старшего преподавателя кафедры литературы. Вы назвали его обращение к вам запрещённым приёмом. А по-моему, у нас все используют запрещённые приёмы, — и она рукой указала на «руководителей» факультета. — Это мы с вами по отношению к нему применяем запрещённые приемы. Я ясно говорю? — ударила Фатима Садыковна ладонями об стол. — Считайте мои сегодняшние замечания последними. За ними последуют строгие выговора с занесением в партийную карточку! Вплоть до исключения из партии! Напишите Нисуеву объективную характеристику и выдайте ее ему со своими извинениями. У меня всё!

Первым вышел из кабинета ректор и быстро прошмыгнул к себе в кабинет, где он, видимо, чувствовал себя более уверенно. Затем выплыли друг за другом и горе-руководители факультета.

Рувин вошёл к Фатиме Садыковне.

— Может, всё-таки останешься? — с доброй улыбкой на лице спросила она, хотя и была уверена, что если этот парень задумал уехать, то никто его уже не остановит. — Ладно, — не дождавшись ответа, продолжила она. — Завтра с утра приходи за характеристикой. Жаль, конечно. Но им я устроила такой концерт! Надолго запомнят!

Через полгода Рувин узнает, что хромой декан убежал из вуза. Говорили, что будто он прошёл по конкурсу в пединститут одного из приморских городков, что на берегу Азовского моря. «А теперь «наш» декан, — подумал Рувин не без юмора, — поневоле стал гражданином Украины».

Вот так постепенно выживала Рувина родная республика. Вот почему рвался он то в Нальчик, то в Москву, то ещё куда... «Кто убегает от хорошей жизни? — рассуждал Рувин мысленно. — Не убегают только те, кто приспособились, приноровились и среди волков научились выть по-волчьи. А я так не могу! И никогда не буду!»

Вот теперь он, Рувин, вновь делает попытку убраться отсюда. На сей раз совершает побег в неизвестный украинский шахтёрский город. И сколько ещё таких, как он, ребят выжила республика?

Прошло дней двадцать после отправки документов в институт на конкурс — и вот оно, долгожданное письмо! В нём сообщалось, что он, Нисуев Рувин Нисимович, избран на должность старшего преподавателя кафедры литературы. На душе было одновременно и радостно, и страшно. Страшно потому, что он должен был оставить жену с пятью детьми и мать (старшую дочь он увозил с собой) и, во-вторых, что у него не было ни одной готовой лекции по советской литературе, и что он должен был их писать там по ходу работы. «Как же я успею это сделать?» — не без тревоги думал он. — Придется брать литературу в библиотеке и по ночам писать и писать». Он понимал, что впереди его ждет напряжённейшая работа. На боевой лад его настраивал лишь тот факт, что он впервые станет преподавать любимую литературу.

...Прямо с автовокзала Рувин с дочерью отправился в институт. Оставил дочь с чемоданом внизу, а сам поднялся на второй этаж, где и находился кабинет ректора. Секретарь доложила ректору, что приехал Нисуев.

— Пусть входит, — услышал он через открытую дверь.

Рувин робко, с некоторым волнением вошёл. Ректор был в очках. Высокий, симпатичный мужчина, он оказался простым и общитель-

ным человеком. На вид ему было под пятьдесят лет. Как только Рувин сделал несколько шагов в сторону стола ректора, тот встал, живо направился ему навстречу и крепко пожал ему руку. А затем весело воскликнул:

— О-о, да вы совсем молодой человек! А вы пишете, что вам уже 43 года. А выглядите только на 35, — пошутил он и сразу представил трёх мужчин, сидящих в кабинете. — Это Бойко Виктор Петрович — проректор по учебной работе, это Божко Иван Ильич — секретарь партийного комитета института, это Ширко Иван Антонович — проректор по научной работе.

— А я Нисуев Рувин Нисимович, — представился он шутливо в тон ректору.

— Значит так, — вновь энергично заговорил ректор, — трудовую — в отдел кадров, учетную карточку КПСС — в партком, ну, там профсоюзы и так далее. Комнатой в общежитии для вас сегодня же займётся Виктор Петрович, — и он посмотрел в сторону проректора по учебной работе. — Пока будете жить в старом общежитии, а через неделю после завершения ремонта перейдёте в новый корпус. Добро? Обустраивайтесь, потом более подробно поговорим. А вы, Виктор Петрович, вызовите завкафедрой литературы и сведите их.

— Я буду здесь со старшей дочерью. Она закончила 10-й класс, — начал было Рувин.

— Примем в институт, — сразу так же живо произнёс он. — На ваш факультет? — И когда Рувин кивнул головой, сразу добавил. — Никаких проблем.

Так, в трудовой книжке Рувина появилась очередная запись. Это было в конце июля. Впереди у Рувина был целый месяц до начала занятий. Набрал монографии в институтской библиотеке, куда временно устроил и дочь на работу, и засел за лекции, засучив рукава.

Где-то через неделю Рувин позвонил жене Асе и сказал, что их прекрасно встретили, что город обеспечивается продуктами по первой категории и что скоро им выделят две комнаты с условиями в новом общежитии, что дочь работает в институтской библиотеке, что ректор обещал взять ее на филологический факультет.

— Наконец всё идёт хорошо! — обрадовалась жена. — Хоть там не подвели, слава богу, — с тяжёлым вздохом произнесла она и спросила, когда он подаст в газеты объявления об обмене квартиры.

— Есть варианты, но только пока неудачные: предлагают двухкомнатные квартиры.

— Ладно, я выеду на два-три дня и там посмотрим. Встретишь на автовокзале, — завершила она разговор.

Через неделю Ася приехала. Они погуляли по городу, заглянули в магазины. Она была довольна тем, что в городе всё есть.

— А как насчёт работы для меня? — спросила она с беспокойством.

— Никаких проблем. Ректор говорит, что устроит тебя самым лучшим образом! Да ещё с перспективой, — успокоил он жену.

Утром следующего дня, встав рано, Ася решила выйти на улицу и немного пройтись. Вернувшись домой, она сразу резко и твердо заявила, что не приедет сюда с детьми.

— Угольная пыль гуляет по городу. Нет, я сюда детей не привезу, — повторяла она. — Так что не ищи обмена квартиры. Ты поработай, получи доцента, а там посмотрим.

Невесело было на душе у Рувина. «Легко сказать, — думал он, — поработай. А что и как она будет делать со столькими детьми? Это ж не так просто».

— Может, подумаешь? — упрашивал он жену.

— Не знаю. Посмотрим. Пока поработай.

И она уехала. На мнение жены даже не повлияло и то, что ректор обещал устроить и других детей или в политехнический, или в медицинский институты города.

— А куда мы денем твою мать? — спросила она и заглянула ему в глаза. И заключила: «То-то!»

Да, аргумент был веский. И Рувину нечего было сказать.

...Вспомнил сейчас Рувин тот разговор с женой и помрачнел: представил, как тогда жена, сморщив лицо, произнесла:

— Горелым тянет. Надо же. Прямо в нос бьёт, — говорила она с тревогой в голосе.

— Да нет, вроде нигде и ничего не горит, — успокаивал Рувин.

— Я же чувствую, — твердо настаивала она. — Это же угольная пыль гуляет по городу. Потому здесь с продуктами и хорошо.

— Здесь не везде так, — стал оправдываться Рувин. — В третьем микрорайоне, где расположен мединститут, совсем другой воздух. Поэтому многие стремятся получить квартиры именно там. А центр города, как ни странно, оказался в окружении угольных шахт. Хотя многие из них давно закрыты, но... — хотел было убедить её Рувин.

— Не знаю, не знаю. Если ты обмен найдёшь в том самом, как ты говоришь, чистом районе, то я ещё подумаю, — заключила Ася. — Тогда и мать можно будет уговорить приехать с нами.

На том и порешили.

Через неделю Рувин с дочерью перешёл в новый корпус общежития. А еще через неделю ему предоставили ещё одну комнату рядом. Теперь Рувин мог работать до двух часов ночи.

В конце августа состоялось заседание кафедры. Исполняющая обязанности заведующего сразу не понравилась Рувину своими байскими замашками, хамовитым поведением. Она вела заседание начальственным тоном, не требующим никакого возражения. Рувин был поражён её беспардонностью и тем, что все члены кафедры молча сносили её оскорбительные замечания, сделанные в категоричной и грубой форме. «Неужели таков у неё стиль работы? — ужаснулся растерявшийся Рувин. — Неужели и здесь мне доведётся трепать себе нервы? Так стоило ли шило менять на мыло?» Лишь один доцент Власов, которому было за пятьдесят лет, позволял себе возражать ей. Ему как-то удавалось, не повышая голоса, «сажать» её на место, на что та старалась никак не реагировать. Остальные же преподаватели сидели молча, будто в рот воды набрали.

Слегка утихомирилась «исполняющая обязанности», когда стали распределять нагрузки и назначать кураторов групп. Рувин обратил внимание, как она ехидно улыбнулась, когда ему, Рувину, досталось кураторство в группе второго курса. Эта группа состояла из студентов, приехавших из Узбекистана. Дело в том, что каждый год по разнарядке министерства высшего образования СССР этот институт обязан был принимать ежегодно группу абитуриентов, а точнее, уже студентов из этой республики. Как позже выяснит Рувин, это были в основном те, кто по «блату» попали в институт. Как дальше станет известно, эти студенты вели себя несколько развязно и плохо учились. Их дисциплина оставляла желать много лучшего. «Исполняющая обязанности», полагая, что её новый соперник (о чём Рувин узнает позже) на должность заведующего кафедрой, провалит работу с этой неблагополучней группой и опозорится, объявит ему о закреплении за ним именно этой группы. «Видимо, — размышлял Рувин, — на первом курсе с этими ребятами кто-то не справился».

Итак, только что были распределены функции каждого, обговорены рабочие вопросы, как вдруг здесь такое началось, что Рувин ока-

зался в шоке. Доцент Углов, которому «и.о.» поручила кураторство также в узбекской группе, но только на третьем курсе, стуча палкой об пол (у него одна нога была на протезе), кричал на «и.о.», обвиняя её во всех смертных грехах, пока не совсем понятных ему, Рувину.

— Вы были бездарным куратором... Теперь, получив небольшую власть, решили свою группу мне подсунуть?.. Ничего, придёт время, и вы ещё не так запоёте... — выкрикивал он.

А доцент Власов, стараясь быть спокойным, но бледный от волнения, обвинял и «и.о.», и Углова в дрязгах, которые позорят кафедру на глазах у всего факультета и негативно влияют на обстановку в целом на кафедре.

«Вот тебе на, — с горечью думал Рувин, — опять мне повезло. Из огня да в полымя.»

Когда это «бурное» заседание завершилось, в комнате остались пять человек коммунистов. Нужно было избрать секретаря первичной партийной организации. Выступил доцент Власов.

— Предлагаю избрать руководителем нашей партячейки «нейтрального» человека товарища Нисуева.

Проголосовали за это предложение единогласно. Пока составляли протокол собрания, Рувин, задумавшись, мысленно размышлял над тем, как и почему подобное творится с людьми. «Что ими двигает? Тщеславие, злоба, зависть? Разве творческие люди, если они трудятся с интересом, могут так себя вести? — рассуждал Рувин. — Если они так часто грызутся, значит все они очень и очень плохо работают! Ведь им, злым и завистливым, не до работы...»

Рувин был просто потрясён всем увиденным и услышанным. Если на кафедре, откуда он недавно убежал, до рукопашной дело не доходило (там все гадили друг другу исподтишка), то здесь в «бой» бросались в открытую. Как бы то ни было, всё это выглядело в глазах Рувина мерзко и гадко. И единственное, что он позволил себе высказать вслух, когда за него проголосовали коммунисты, что он сожалеет о нестерпимой обстановке на кафедре и просит коммунистов впредь не позорить партию и быть примером для беспартийных, а потому проявлять терпимость по отношению друг к другу.

А как он по дороге сюда мечтал о том, что здесь-то наверняка обстановка будет деловой, доброжелательной! Теперь он поймал себя на мысли, что он, Рувин, просто законченный и глупый романтик. «Мечтателем был, таким и остался», — упрекнул он сам себя.

Но это было только начало. Он ещё не знал, сколько тупоголовых, чёрных завистников, антисемитов предстояло ему встретить в этом институте! Но даже тогда, когда ему доведётся вплотную общаться с такими людьми, ему ни разу не придёт в голову мысль влезть в их склоки, дрязги... Он будет полностью занят творческой, плодотворной работой. «Каждому — своё! — любил повторять Рувин в таких случаях. — Каждый должен делать своё дело: сплетник — сплетничать, творческий человек — творить».

Поначалу некоторые члены кафедры, в том числе и «и.о.», думали, что их новый сотрудник, будучи кавказским товарищем, наверняка, — посредственная личность. Отсюда и то пренебрежение, с которым поначалу некоторые из них разговаривали с ним.

После собрания Рувин вышел в коридор и только здесь почувствовал некоторое облегчение. Вдруг вслед за ним, стуча палкой об пол, шустро заковылял доцент Углов. Он был высоким, симпатичным мужчиной. На вид ему было лет 50–52.

— Я руководил этой кафедрой много лет, — заговорил Углов как бы издалека. — Эта сука Дрёмова выжила меня. Но не без помощи этого негодяя и антисемита Власова. Теперь, как вы сами видите, и они грызутся между собой.

Рувин сделал вид, что эти слова его не заинтересовали, но про себя подумал: «Неужели этот Углов знает, что такое таты? Если нет, то почему он при нём так запросто назвал Власова антисемитом? Что это?»

Чуть позже он узнает, причём, от самого Углова, что у него жена еврейка!

После заседания кафедры Рувину было так плохо, что, стоя с этим Угловым в коридоре, он почувствовал, что лоб у него похолодел от нервного напряжения, ему стало дурно, дышать стало тяжело — понял, что нервы сдали. Он еще не успел пережить душевную встряску, которая произошла с ним там, у себя в республике. Тем более, ему было неприятно слушать бред Углова, да ещё в первые же дни своей работы на новом месте. У него, Рувнна, было столько своих забот, хлопот, связанных с написанием лекций, с семьёй... Теперь он должен был заниматься, как секретарь партгруппы, ещё и склоками... И его охватил ужас от такой неприятной перспективы. Он только успел вырваться из грязных рук декана и завкафедрой у себя в республике, как вновь попал в другое грязное болото. «А ведь никто из руководителей института не предупредил меня обо всем этом, — с горечью подумал Рувин. —

Наверное, они решили, что, мол, пусть товарищ сам барахтается в болоте и постарается выйти чистым из грязи. Что ж, может быть, они и правы».

— Вы ещё увидите, что это за люди, — продолжал тем временем доцент Углов. — Вы еще поймете, что это за твари, — предупреждал Углов Рувина.

Он сделал небольшую паузу, как бы набирая воздух в легкие, чтобы с новой силой заговорить.

— По секрету скажу, что ваши данные руководству вуза очень понравились. Больше скажу: на вас, если выстоите, здесь делают ставку, — и он хитровато-плутовато улыбнулся, мол, видите, я все знаю.

Рувин понимал, что этот человек, во-первых, старается польстить ему, во-вторых, заманить его в свой стан.

Вскоре Рувин об этом разговоре позабыл. В сентябре после каникул прибыли студенты, и на факультете стали создавать группы для отправки на уборку картофеля. За Рувином партком закрепил сразу три курса. И весь институт в автобусах двинулся на трудовой фронт. С утра до вечера работали, а затем — с песнями, шутками — домой. Так в течение двух недель. Несмотря на раннюю холодную осень Рувин за эти дни в непринуждённой обстановке успел познакомиться, пообщаться со многими студентами своего филологического факультета. И он безмерно был рад этому знакомству!

Начались занятия. Рувину представили его узбекскую группу. И он сразу провёл там собрание. Выбрали старосту, назначили ответственных за организацию вечеров, экскурсий, походов. Договорились, что первую свою встречу — вечер дружбы — они проведут уже в ноябре со студентами-иностранцами из политехнического института. Объявил, что на факультете общественных профессий он открывает отделение журналистики и пригласил своих подопечных записаться туда.

А назавтра он попросил одного из своих студентов оформить красочное объявление, которое он затем вывесит на видном месте в коридоре. Рувин полагал, что записаться на отделение журналистики пожелают только студенты-филологи. Но как потом выяснится, желающих записаться окажется и с других факультетов. Когда Рувин пошёл на первое своё занятие в большой лекционный зал, то поразился: там сидело более пятидесяти человек. «Они, наверное, подумали, — решил Рувин, — что здесь состоится какое-то представление! Но вскоре многие из них отсеются», — успокоил он себя.

И по этой причине он пока не стал составлять списки слушателей отделения. Но когда через неделю в этом же зале собралось более 70 студентов, он с улыбкой сказал:

— Ну, дорогие мои, если вы это серьёзно, то давайте создадим две группы по 35 человек и изберём двух старост.

Определили темы занятий, обговорили организационные вопросы, и первое занятие началось.

— По каждому жанру мы с вами должны будем написать материалы. Мы организуем занятия так: сначала два часа — лекции, а затем через неделю — практические занятия. Лучшие из материалов будут опубликованы в нашей многотиражной газете. С вами вместе наши занятия посещает и редактор этой газеты. Она сидит там наверху, — для убедительности подчеркнул Рувин. — Она может подтвердить мои слова. Но сначала, конечно, мы все материалы обсудим с вами здесь, проанализируем их. И может так статься, что некоторые из них мы представим даже и в областную молодёжную газету.

Дальняя перспектива была намечена, задачи были определены, и «игра» началась.

Прошёл месяц. А однажды, когда Рувин пришёл на очередное занятие по журналистике, поднялся на подиум и окинул взглядом зал, ему стало страшно: там сидело около ста человек! И только он поздоровался, как вдруг зал взорвался аплодисментами. Видя, в каком недоумении находится Рувин, Мария Михайловна, редактор многотиражной газеты, встала с места и громко разъяснила:

— Слава о ваших занятиях плывёт по всему институту! — глаза редактора светились сквозь очки. — Здесь студенты, как вы уже знаете, с разных факультетов. Дело в том, что в нашем вузе ваше отделение журналистики — это луч света в тёмном царстве!

— Раз такое дело, то я предлагаю каждой группе сфотографироваться со мной. Да, да. Вместе со мной.

Когда шум улёгся, Рувин поднялся на кафедру и продолжил:

— Итак, рад сообщить вам, что некоторые материалы наших слушателей появились и в многотиражной газете. Мария Михайловна раздаст их вам. И в областной молодёжной газете. Их я раздам вам сам.

Его подопечные радовались первым публикациям как дети. Теперь об их отделении журналистики заговорили и в редакциях областных газет!

Первые шаги к успеху совершали и некоторые студенты из его узбекской группы. Когда в столовой института он со своей группой провёл вечер дружбы со студентами-иностранцами из политехнического института, то двое слушателей отделения журналистики о своих впечатлениях от этого вечера рассказали на страницах «многотиражки» и «молодёжки». Целую неделю смаковали его ребята свой успех, рассказывая по всему факультету об интересной встрече со студентами из «политеха».

Было договорено, что ответный визит группа Рувина нанесёт своим новым друзьям в начале следующего года.

Конечно, то, что из его группы семеро посещали его отделение журналистики, помогало Рувину во всём. Во-первых, они с особым уважением рассказывали другим ребятам о своём кураторе, которым они гордились. И вечер, который оставил у них неизгладимое впечатление, сыграл свою роль. А когда Рувин объявил своим подопечным, что о лучших из них он напишет в министерство высшего образования Узбекистана, они приободрились и подтянулись!

А по ночам Рувин продолжал работать над лекциями. Он понимал, что ему трудно придётся только в этом году. Дочь, не пожелавшая учиться на филологическом факультете, продолжала трудиться в институтской библиотеке, и посещала его занятия по журналистике.

— Я хочу поступить на библиотечный факультет. Мне нравится библиотечная работа, — говорила она Рувину.

— Да, но здесь такого факультета нет. Ты заканчивай филологический факультет и работай на здоровье в своей библиотеке, — объяснял Рувин. — Доченька, пойми меня, добрая половина всех журналистов в стране — это выпускники филологических факультетов, половина работников библиотек — это опять же филологи. Спроси у своих сотрудников и ты убедишься в этом.

Забота о своей группе отнимала у Рувина много времени и энергии. В группе были ребята из разных социальных слоев населения Узбекистана. Одни из них были из бедных, многодетных семей (они как раз и были самые покладистые), другие — из состоятельных семей, третьи были дети разных и важных чиновников. Вот они-то в основном и создавали Рувину трудности. Немного развязные, избалованные, они вели себя слишком «непринуждённо»: могли отказаться от поручений или, взяв их, просто не выполнять, пропус-

тить занятия и из рук вон плохо учиться. С ними приходилось Рувину очень трудно. И всё же, нажимая на их национальный менталитет, стыдя их за плохое поведение, Рувин постепенно добивался успеха. Конечно, перевоспитать их уже никто не смог бы, потому что их растили так, что они плохо поддавались исправлению. «Вот почему Дрёмова подсунула мне именно эту группу», — пришел Рувин к выводу.

Время шло неудержимо. По плану кафедры Рувин должен был в течение учебного года посетить одну-две лекции своих коллег и написать на них рецензию. Он побывал на лекции по зарубежной литературе и дал о ней добрый отзыв. И к нему однажды на занятие неожиданно заявился доцент Власов. Тема лекции была «Анализ романа «Жизнь Клима Самгина» Горького». Рувин счачала разволновался, но постепенно, увлёкшись, «забылся», а потом, лишь когда прозвенел звонок, вспомнил, что на лекции сидит доцент Власов. Рувина понять можно было: он впервые читал лекции по литературе советского периода. Естественно, текст лекции он сразу запомнить не мог (это приходит с годами), а потому читал с листа.

Прослушав четырёхчасовую лекцию Рувина, доцент Власов, ничего не сказав, попрощался и ушёл.

Вскоре Рувин и вовсе забыл об этом эпизоде, потому что одни заботы вытесняли другие. А их у Рувина было предостаточно.

На ноябрьских школьных каникулах в институт каждый год на курсы повышения квалификации съезжались учителя русского языка и литературы. На сей раз их прибыло до трёхсот человек. Рувин знал, что он по учебному плану должен выступить перед ними с четырёхчасовой лекцией по творчеству известного советского писателя, Лауреата Ленинской премии.

Утром следующего дня за полчаса до своего выступления он сидел на кафедре за своим письменным столом и рассеянно посматривал в окно. Как всегда, на него давило чувство огромной ответственности. Он был взволнован, потому что ему впервые предстояло читать лекцию перед такой огромной аудиторией! В таком возбужденном состоянии он и вошел в зал. Когда он поднялся на кафедру, то вовсе оробел: столько их, опытных учителей, сидело там. Он не знал, с чего начинать. С минуту он что-то говорил невнятное. К тому же от волнения запершило в горле. Не выдержал — попросил впереди сидящую женщину принести ему стакан воды. В зале оживлённо зашептались. А у

Рувина в голове промелькнула мысль: «Наверное, думают, что какой-то там кавказец ведёт себя как профессор... и воды просит как важный многознающий академик...»

Он отпил воды, откашлялся. По залу прокатился смешок. Он постарался не обращать на это внимания. Затем медленно начал свой рассказ. И к нему пришла уверенность. Очнулся, когда кто-то с конца зала громко выкрикнул:

— На перерыв можно?

Рувин осёкся, остановился, посмотрел в зал — подумал, что лекция им не понравилась. Зал молчал. Он посмотрел на часы, улыбнулся и спросил:

— Это что же? Три часа кряду и просидели с вами?! Без перерыва? И вы терпели?

— Ну да, — ответил всё тот же голос с конца зала. — Надо ж и покурить. И вам бы немного передохнуть надо.

И Рувин вышел в коридор покурить. Прошёлся взад и вперёд, обдумывая план дальнейшего рассказа.

Прозвенел звонок. Он вновь отпил воды — сказывались последствия двух операций на голосовых связках.

...Когда он закончил лекцию, в зале стояла минутная тишина. Хотел было попрощаться, как вдруг зал взорвался аплодисментами. Зал рукоплескал ему стоя! Он почувствовал себя неловко, стеснённо. Он поклонился в знак благодарности.

— Браво! Бра-аво! — выкрикивали из зала.

Учителя «сходили с ума»!

— Я бы еще продолжил свой рассказ, но, к сожалению, наше время вышло и к вам должен прийти другой преподаватель, — улыбаясь, довольный и смущенный, говорил он, волнуясь.

К подиуму, где он стоял, направилась целая группа женщин. Одна, что помоложе, резко обняла Рувина и крепко поцеловала его в губы, щёки, а другие стали пожимать ему руки. Он не слышал, что они при этом произносили... Он видел только их возбуждённые лица, горящие глаза...

На минуту Рувину показалось, что будто бы его, актёра, после спектакля зрители восторженно благодарят за прекрасно исполненную роль!

Потом рассказывали, что эти аплодисменты были слышны по всему институту — ведь дверь в аудиторию была открыта настежь. Гово-

рили и то, что стены этого зала такого фурора и не помнят в своей истории.

Ректор института ни разу за четыре месяца его работы не пригласил Рувина к себе и не выразил своего отношения ко всему тому, что он «творил» в институте. Но однажды после той «знаменитой» лекции пригласил Рувина к себе секретарь парткома.

— Добрый день, Рувин Нисимович. Что ж не заходите? Ну, хотя бы иногда.

— Некогда, — улыбнулся Рувин.

— Зашились. Наслышаны, — и секретарь тоже улыбнулся. — Идёмте к ректору, а то он соскучился по вам, — шутил он.

В кабинете ректора сидело все начальство: и проректора, и декан факультета, и профсоюзный лидер.

— Рувин Нисимович, мы все в шоке. Говорят, там наши областные дамы все как есть влюбились в вас! — пошутил ректор, движением приглашая его сесть.

— Он холостой мужик и ему можно, — поддержал шутку секретарь парткома.

— Как партия скажет, так и сделаем! — весело ответил Рувин. — Если сама партия напутствует...

— А пока давайте наградим товарища Нисуева грамотой парткома института, — и секретарь парткома протянул Рувину грамоту.

Рувин принял грамоту, поблагодарил всех и в шутку отчеканил: «Служу Советскому Союзу!»

— А теперь не буду вам мешать, — улыбнулся он и вышел.

В коридоре Рувин вновь «случайно» встретился с доцентом Угловым. Тот, увидев в его руках грамоту, подмигнул ему и сказал.

— Награждают? Заслужили! Ещё бы — за десятерых работаете. Поражаюсь. Ничего вам там не сообщили?

— А что должны были они мне сообщить? — удивился Рувин.

— Красавец-мужчина, вы мой! Из верных источников я узнал, что... Даже не знаю, что и говорить. Скажите, вы и там так работали? — и он при этом кивнул головой куда-то в сторону.

— Точно так, — ответил Рувин спокойно, поняв его кивок.

— И вас опустили? Тут что-то не то, не вяжется, — тряхнул Углов головой.

— Я ушел в основном из-за того, что работал не по специальности.

— Да вы покорили весь институт! Как вас оттуда отпустили?! Вот болваны — кого потеряли! Дрёмова теперь за своё место уже не переживает, — говорил Углов сумбурно, невпопад, перескакивая с одного факта на другой. — И знаете, почему эта угроза её миновала? И помогли ей в этом вы. Да, да. Сами того не зная, не понимая. Как? Очень просто.

Рувин слушал его молча и удивлённо.

— Сначала, — продолжил Углов, — вам хотели предложить место заведующего кафедрой. Но потом, когда вы совершили революцию в консервативном вузе, стали поговаривать, что вас надо взять в состав руководства института! Чуете, чем пахнет? Вам предложат или место проректора по научной работе, или декана факультета. В нашем вузе, друг мой, в руководителях ходят старые, больные люди.

Он говорил долго, нудно, повторяясь, а Рувин думал про себя: «Откуда все это до тонкостей известно этому человеку?»

— Поймите, если вас назначат проректором, — это значит, что обком партии сразу вам квартиру выделит. Вы понимаете это? Для института, в котором многие ничего не могут и не хотят делать, вы — клад! Находка! Здесь всем и все безразлично. Хоть трава не расти. Институт — в спячке. А вы его разбудили! Единственное, о чем я позже попрошу вас — это помочь мне вернуть должность заведующего кафедрой и убрать из института эту подлую суку!

Рувина почему-то не особенно волновали его сверхсшибательные сообщения. Он думал только о жене, её трудностях с детьми, которым там без него приходилось туговато. И от этого у него ныло сердце, становилось на душе неуютно, мерзко. Он готов был бросить все и тут же выехать домой и обнять своих детей! Поэтому каждую свободную минуту он думал над тем, как ему быть, что предпринять. И когда стало совсем невмоготу от дум и переживаний, он решил зайти к ректору.

— Ну, наконец, пожаловал ты меня. Спасибо! Рассказывай, что привело, — видя мрачное настроение Рувина, изменил ректор шутливый тон на серьезный. — Что-нибудь случилось?

— На объявления никто не откликается. Всё двухкомнатные квартиры предлагают. Как можно со столькими детьми идти туда? Даже не знаю, что делать и как быть.

Говорил, а сам думал о том, что если даже найдется обмен, жена не приедет сюда. Конечно, если предложат обмен в третьем микрорайоне, то еще, может быть...

— Скучаешь по ним? Понимаю. Сколько ты уже здесь?

— Около пяти месяцев.

— Да и завкафедрой тебе не нравится — дерьмо, знаю. Некем заменить. Мало порядочных людей. Конечно, с ней противно работать, но что... Ну, да ладно. Это сейчас не самое главное. А что касается твоего вопроса, то я стараюсь.

— Я вроде бы не зря ем свой хлеб, — произнёс Рувин с улыбкой.

— Знаю, знаю... — Потом немного подумав, ректор продолжил. — После семестра зайду к секретарю обкома партии. Думаю, одну трёхкомнатную в третьем микрорайоне выбью. Мы давно у них ничего не просили.

Рувин кивнул головой в знак благодарности, попрощался и вышел.

На дворе стояла зима. Было слякотно. Но несмотря на такую мерзопакостную погоду, Рувин со своей группой совершил экскурсию по историческим и достопримечательным местам города. Провёл для ребят вечер, посвящённый Новому году... В общем жили своей обыденной, но интересной жизнью. Своим чередом шли занятия и на отделении журналистики. Корреспонденции его слушателей теперь часто публиковались и в институтской, и в молодёжной газетах, где они уже фактически числились внештатными корреспондентами. И это не могло не радовать Рувина — видны были плоды его трудов!

А в первых числах января состоялось заседание Совета факультета. Открыл его декан. Было ему за шестьдесят лет. Бледный и худой, он страдал язвой желудка. К тому же его мучали раны, полученные ещё на войне. Он уже который год просил ректора найти ему замену и освободить его от обязанностей декана, но, к его сожалению, ему каждый раз говорили: «Ищем достойную замену.»

— Сегодня, — начал декан, открывая заседание Совета, — как ни странно, мы будем говорить только о хорошем. Слово предоставляется заведующему кафедрой русского языка, профессору Петрову.

Когда профессор доложил о результатах научных работ, выполненных членами его кафедры, декан пригласил к кафедре доцента кафедры литературы Власова. Он сначала заговорил в общем о состоянии дел с преподаванием литературы на факультете, подчеркнул, что многие преподаватели стали увлечённо и творчески подходить к своим обязанностям и что в этом в некоторой степени «виноват» заразительный пример нового старшего преподавателя кафедры Нисуева.

— Но это одна сторона дела, — страстно говорил доцент. — Но хотел бы более подробно остановиться вот на чём. Вы все знаете, что в нашем вузе я уже работаю более 20 лет. За это время я прослушал массу лекций и в том числе по роману Горького «Жизнь Клима Самгина». Казалось бы, тема эта скучноватая, мрачноватая, но когда я послушал в течение четырех часов лекцию товарища Нисуева, Самгин предстал передо мной со всеми своими недостатками, ошибками, положительными качествами. Я такого Самгина еще никогда не знал! А как Рувин Нисимович читал: доходчиво, увлеченно, артистично, эмоционально! И самое удивительное, что лекция эта написана на материалах девяти монографий! Де-вя-ти! Вдумайтесь. Какой колоссальный труд! Благодарю Нисуева за полученное удовольствие. Скажу честно и прямо: мы приобрели в лице этого человека талантливого преподавателя. Ну, а что произошло более месяца назад в большой аудитори на курсах повышения квалификации учителей, наверное, вы все знаете?! А ведь никто из нас, уважаемые коллеги, не подошел к товарищу Нисуеву и не пожал ему руки. Мы дружно сделали вид, что ничего сверхестественного не произошло. Хочу спросить у вас: скажите, пожалуйста, вы когда-нибудь в нашем вузе слышали аплодисменты после прочитанной лекции? А ему аплодировали стоя. Триста человек! Я видел это лично — стоял у открытой двери. Я слышал эти овации и слово «браво!». У меня, признаюсь, дрожь по телу тогда прошла. Некоторые из вас скажут, что я захваливаю Нисуева. Нет. Каждому — свое. Каждому — по заслугам! И самое интересное заключается в том, что этот человек совершенно не думает о каком-то там продвижении по служебной лестнице. Это его не волнует. Потому что так творчески работать — это постоянное состояние его души! Спасибо за внимание.

С минуту в аудитории стояла гнетущая тишина. От неловкости молчали все: и декан, и преподаватели. Молчание нарушил сам доцент Власов:

— Не слышу, господа, аплодисментов в честь Нисуева. Не стесняйтесь. Будьте проще, — и сам первый захлопал в ладони.

И ученый Совет дружно зааплодировал Рувину.

Рувину казалось, что эти комплименты адресованы кому-то другому. «По идее так с душой работать должны и могут все, — рассуждал он. — Это должно стать нормой для всех. Тогда вот так захваливать никого не надо будет. А то меня выставили на обозрение как редкий экземпляр,» — и Рувин ухмыльнулся.

Он жил своей обычной жизнью, а институт — своей. О чем говорили по углам, о чем спорили, какие склоки распространяли — ничто его не интересовало, не трогало, не волновало. Как-то доцент Углов сказал ему, что он, Рувин, стал предметом обсуждения во всем институте. «Все задают такие вопросы, — говорил он. — Откуда у этого человека столько энергии, откуда у него столько таланта, откуда у него столько знаний, откуда у него берется столько вдохновения? И, не найдя ответов на эти вопросы, они сходят с ума. Просто бесятся в растерянности».

Конечно, Рувин знал обо всем этом, догадывался. «Из чего он сделан?» — интересовались его коллеги. И главное — многих интриговал вопрос: «А на что претендует этот неуемный человек? Чего он добивается?»

...Вот почему Рувин так часто вспоминает слова того хозяина, у которого покупали хату с участкам. Иван Петрович говорил о том, что людей, работающих рядом, раздражает то, что, глядя на него, и от них могут потребовать хорошей, добросовестной работы, самоотдачи.

Поведение и «сплетни» доцента Углова постепенно стали для Рувина уже настолько привычными, что теперь, слушая его, он уже не раздражался, а спокойно смотрел на него с улыбкой. А тот не понимал, почему этот Нисуев улыбается и почему его не волнуют его сообщения. «Может быть, он раньше меня обо всём узнаёт?» — обеспокоенно рассуждал доцент Углов.

Но как бы то ни было, Рувин начинал верить Углову. Поэтому он смело говорил жене по телефону, что его скоро должны выдвинуть туда-то и туда-то. Он таким образом хотел не только успокоить ее, но и вытянуть оттуда.

Часто оставаясь наедине с собой, Рувин вспоминал свою группу, которую «покинул» в своей республике. Он скучал по ребятам, которые за те два года успели полюбить его. Вспоминал и тех, по чьей вине убежал оттуда. Но когда перед ним всплывал образ милой Фатимы Садыковны, то он думал о ней с чувством особой благодарности за её смелость, принципиальность. Но тут же добрые мысли об этой удивительной женщине вытесняли слова ректора о запрещённом приёме, которые вызывали у Рувина страдания и боль. И тогда на душе у него становилось горько и тяжко. Но когда он начинал сравнивать отношение к себе там и здесь, то чуть ли не вслух произносил слова признательности в адрес руководства института, в котором сей-

час работал. Одно не нравилось Рувину здесь — это недоброе отношение к евреям. Случалось, что и ему, Рувину, некоторые недобросовестные люди высказывали свое неуважение к евреям. Конечно, Рувин старался поспорить с такими, доказать, что среди каждого народа всякой мерзости хватает. В таких случаях он вновь вспоминал и заместителя заведующего отделом ЦК комсомола Карпенко. «Махровый антисемит!» — думал Рувин. Только здесь, на Украине Рувин в полной мере понял, как многие украинцы ненавидят евреев. Это его убивало. Сколько можно скрывать свою национальность? — мрачно думал он. Самим евреям, работавшим в институте, он «открывался», чему те бывали безмерно рады. Да, он уже позже поймет, что некоторые из тех, кому он «открывался», разболтают об этом по всему институту. Правда, делали они это как бы из чувства гордости за своего соплеменника, мол, знайте наших. Наверняка и руководство вуза знало уже о его национальности, но доброе к нему отношение абсолютно не изменило.

Так вот однажды доцент Углов сказал Рувину следующее:

— Когда в институте узнали, что вы еврей, — он сделал паузу и заглянул Рувину в глаза, а затем продолжил. — Многие, когда узнали об этом, облегченно вздохнули. «А ларчик-то, оказывается, просто открылся!» — говорили они. На их языке это означало, что так по-сумасшедши может работать только еврей.

— А люди других национальностей не способны так работать? – глядя на Углова исподлобья, спросил Рувин.

— Могут, если есть талант, — сразу ответил Углов. — А где его купишь, если у тебя его нет? Так-то. Но моя жена рада этой информации, как никто другой. Она вас в гости приглашает.

— За приглашение спасибо, но я хочу сказать, что люди просто не желают утруждать себя, — спокойно рассудил Рувин. — Всё, что я делаю, и они способны сделать. Поверьте мне. Но, к сожалению, им бы побыстрее провести занятия и разбежаться по домам. Ох, как мне это знакомо по работе в школах, в другом вузе..Но представьте себе, если бы по всей стране люди работали творчески, с полной самоотдачей, какой бы богатой и сильной была наша страна! И мы бы гордились такой родиной! А пока, к сожалению, от многих наших людей веет равнодушием, безразличием. Потому что нет в их закоснелых душах романтики...

Как-то пригласил Рувина к себе в кабинет декан факультета.

— Скоро состоится очередное заседание Совета факультета, — начал декан. На повестке дня будет стоять один вопрос — о работе кураторов академических групп. Основным докладчиком просил бы быть вас. Расскажите о своей работе. Дайте им свои советы.

Рувин дал согласие. Перед выступлением он очень сильно волновался. Чувствовал большую ответственность. Теперь каждый день он до начала заседания мысленно готовился к своему выступлению. «С чего же начать?» — задавался он вопросом. Думал об одном, а когда вышел к кафедре, начал совсем с другого.

— Уважаемые коллеги, — обратился Рувин к залу. — Всё, о чём я сегодня расскажу, можно осуществить каждому из вас на практике. Ничего нового, оригинального в моей работе нет. Но и то, что я делаю в своей группе, можно выполнять каждому, если, конечно, у вас есть желание. Если вы хотите по-настоящему заняться своими группами. К сожалению, вся наша беда заключается в пассивности многих наших коллег. И чаще получается так: куратор сам по себе, группа сама по себе. Это недопустимо. Вот почему, нет-нет, да происходят странные факты, связанные с нашими студентами. Как они живут? Как у них протекает эта жизнь в общежитии? Чем они там занимаются? Что вытворяют? «Не маленькие — разберутся», — заявляют некоторые наши коллеги. Мы забываем об одном, когда готовим будущих учителей — о воспитательной работе с ними. Мы думаем, что если мы им читаем лекции, вывозим на практику в школы, то, мол, этого достаточно. Ни-че-го подобного. Мы должны не только преподавать свой предмет, но и воспитывать студентов. Тем более, будущих учителей. И не только учителей, но и педагогов, которые в свою очередь не только должны будут учить, но и воспитывать детей! Не воспитали их здесь мы — не воспитают детей там, в школах, они. А если руководство школы упрекнёт наших студентов в этом, наши выпускники ответят так: «За что купили, за то и продаём. Нас не воспитывали, и мы не воспитываем. Больше всех надо?» Из-за такого невнимания к ним и выходят из стен вуза эгоистичные, бездушные учителя! А это, между прочим, брак! Когда они завершают учебу, получают дипломы, они тут же забывают о своей альме-матери и, естественно, о своих безразличных и равнодушных кураторах и преподавателях. Кое-кто из нас может сказать: «Да ради бога. Пусть и не вспоминают. Больно надо. Нам всё равно». Плохо. Но ведь терпению руководства вуза, деканатов однажды придёт конец, и они

твердо и решительно потребуют от нас: «Всё, уважаемые коллеги. Пора такую лавочку прикрыть. Хотите работать в вузе, будьте добры, беритесь за работу, засучив рукава. Выполняйте свои прямые обязанности честно и добросовестно. В противном случае мы будем вынуждены объявлять конкурсы на замещение вакантных должностей». Я хочу предложить нашему декану с помощью нескольких энтузиастов организовать и провести социологическое исследование среди выпускников нашего факультета. Помимо прочих вопросов мы внесём в анкеты и такие: Какое чувство у вас осталось после окончания нашего института? Вспоминаете ли вы своих преподавателей, кураторов? Если да, то кого конкретно и в связи с чем? Были ли вы довольны работой вашего куратора? И так далее. Затем результаты анкетирования будем анализировать и издавать отдельной брошюрой. Результатам социологического исследования будет посвящено одно заседание Совета факультета.

Затем Рувин рассказал подробно о своей работе с группой, показал десятки фотографий, сделанных во время мероприятий.

— Признаюсь вам по секрету, — продолжал Рувин. — Как только я своим ребятам сообщил, что о лучших из них напишу в министерство просвещения их республики, то это возымело на них огромное действие!

...Как-то доцент Углов при очередной встрече с Рувином, «доложив» ему обо всех событиях, происходивших на факультете и в целом в институте, добавил:

— Так и говорят: «Ему что больше всех надо? Чего он настраивает руководство против нас?» Так что, друг вы мой, вы вызываете огонь на себя. Конечно, они с вами ничего сделать не смогут — за вас все руководство! Они просто перестанут вас замечать, признавать. Есть такая форма шантажа, бойкота. Так что будьте осторожны!

И Рувин тут же вспомнил, как один приятель из университета в свое время также предупреждал его: «Будьте осторожны. У нас активных, талантливых не любят. Их боятся». Как все это было знакомо ему, Рувину!

Рувин слушал Углова, молчал и улыбался. Его это предупреждение Углова не взволновало. Он был озабочен совсем другим: семейными обстоятельствами и своими делами в вузе.

Ректор пока не смог выбить для него квартиру в обкоме партии. «Сказали, — объяснял он без своей обычной обаятельной улыбки, –

что, мол, пусть хотя бы год поработает». Ректор говорил, а он тем временем про себя рассуждал: «Допустим, дадут квартиру. А если Ася не приедет? Что тогда? Скажут, сыр-бор развёл, а потом взял да уехал. И будет позор!» Но вслух сказал ректору:

— Если бы у меня было двое детей, то особых проблем не было бы. В обкоме не понимают что ли, как тяжело такой многодетной семье?

И однажды он то ли страшно устал, то ли вообще выдохся, то ли сильно соскучился по детям, махнул рукой и произнёс про себя: «Нет. Надо подаваться назад! Я дальше так жить не могу. Не подумал я, что так случится? — спрашивал Рувин у самого себя. — Честно говоря, должен был предвидеть все эти варианты. Чтобы убежать от тех мерзавцев, бросился сломя голову сюда, а о бытовых вопросах до конца не подумал. Может быть, рассчитывал, что легко удастся обменять квартиру? Наверное, так».

— Не выдержал? — спросил ректор, когда Рувин зашел к нему в кабинет. — Видя, что у Рувина нет настроения и поняв, зачем он пришел, тихо и мрачно повторил: — Не выдержал? — и бледная улыбка скользнула по его симпатичному лицу. — Жаль.

— Я сожалею, — произнес Рувин и тяжело вздохнул. — Но семья есть семья. Думал, что все образуется. Но... Как видите... Если бы квартирный вопрос решился, все бы стало на свои места. Я почему-то очень был уверен, что мне удастся обменять квартиру! Но увы. А так что же получается? Там ей тяжело, тут — мне. И он положил заявление на стол ректору. — Не взыщите. Знаю, что неприлично оставлять работу в середине учебного года, но у меня исключительный случай. Тем более, что Дремова сказала, что она быстро найдет мне замену, — и Рувин не выдержал и улыбнулся.

Улыбнулся и ректор.

— Избавляется от тебя. Вот стерва, — и он, прочитав на заявлении ее сухую резолюцию, добавил: — Вот сука. Вот везет ей. Да ты просто осчастливил ее своим отъездом. Ты этого не поймешь. Ну да ладно, — и он махнул от досады рукой и отвернулся.

— «Развеселил» я вас, — извиняющимся голосом, продолжая улыбаться, заметил Рувин.

— Да-а... Даже не знаю, что и говорить, — наконец заговорил ректор. — Конечно, любой порядочный человек поступил бы также. Семья — это святое. Но что сделать, чтобы ты остался? Не смог я убедить

там, в обкоме, — он говорил и не смотрел на Рувнна, — не смог... Хорошо, но что я могу для тебя сделать?

— Характеристику Дремова уже написала, — и он протянул ее ректору на подпись. — Напишите, пожалуйста, письмо на имя ректора университета, попросите его взять меня обратно. Вот, пожалуй, и все.

И ректор написал такое письмо, передал черновик секретарше и попросил отпечатать на бланке депутата Верховного Совета СССР.

— А если не возьмёт? Если не уважит мою просьбу? Что тогда? Куда пойдешь? — в состоянии нервного возбуждения спросил ректор. — Представить себе не могу, что ты можешь оказаться не у дел. Вот что, — решительно заявил он. — Если что, то давай назад — сразу возьму. Эту Дрёмову выгоню к ё... матери, — он смачно выразился и продолжил: — К тому времени и квартирный вопрос решится. Добро? — и он слабо улыбнулся, не глядя на него.

Когда секретарша занесла письмо, ректор расписался и так же, не глядя на него, протянул ему.

«Конечно, если бы семья была рядом, то не уехал бы я отсюда, — размышлял Рувин, оставив кабинет ректора. — И уставать стал от написания лекций по ночам, и от активной общественной деятельности, и от кураторства, и от переживаний за семью... Каждый день в напряжении — это тяжко!

...Чтобы собрать все подписи в обходном листе, требовалось много времени. Поэтому Рувин задержался еще на несколько дней. Както вечером в общежитии, когда Рувин вышел на кухню поставить чайник, он случайно столкнулся там с молодым помощником ректора Димой, который также жил на их этаже. Поздоровались.

— Слышал, Рувин Нисимович,что уходите от нас? — спросил Дима, почему-то при этом густо покраснев.

— Да, — с некоторым удивлением ответил Рувин, заметив краску на его лице,

— Рувин Нисимович, мне кажется, что вы допускаете ошибку. Я убедительно прошу вас не делать этого! — вдруг резко и откровенно произнёс Дима. — Я знаю, что говорю. После того, как вы побывали у ректора... ему стало плохо. Он собрал всех и стал обсуждать, как быть, чтобы вас оставить. Он опять, пока уедете, хочет сходить в обком и поставить там вопрос ребром. И решили, что в крайнем случае в конце года квартира у вас будет! Поверьте мне. Так что останьтесь, пожалуйста. Для убедительности ректор заявил секретарю обкома, что к

концу года вас назначают проректором по научной работе! Какая блестящая перспектива!

— Димочка, тебя попросили со мной переговорить? — с улыбкой спросил польщённый Рувин.

— Неважно. Я не могу вам всё сказать. Ректор тяжёло болен... — и голос Димы дрогнул. — И о своей болезни он знает. Пока держится. Если он потеряет вас, я даже не знаю, как он это переживёт...

Рувин был поражён тем, что этот высокий, широкоплечий, красивый парень, стоящий перед ним со своей невестой, дрожащим голосом, в сильном волнении умолял его, Рувина, не допускать ошибки, убеждал его в том, что он нужен вузу, что его ценят здесь. Но как Дима побледнел, когда сообщил о болезни ректора, как он при этом страдал! Рувин не верил, что этот всегда гордый Дима вдруг так настойчиво будет просить его остаться. «Его явно ректор просил уговорить!» — подумал Рувин.

— Вы потрясли ректора своим неожиданным заявлением об уходе. Он не был готов к этому, — мрачно продолжал Дима. — Если он потеряет вас, я даже не знаю, что с ним может быть, как он это переживёт. Вы до последнего дня работали с таким огоньком, с таким подъёмом, с таким азартом, что никто, в том числе и ректор, не мог предположить, что вы вот так сразу надумаете уехать... Вы вдохнули в него веру, вы своим отношением к своим обязанностям, своим трудолюбием дали ему понять, что в институте можно наладить интересную жизнь!

Этот парень говорил так искренне, так страстно, так взволнованно, так убедительно, что в какой-то момент Рувин готов был сказать, что тот его убедил, уговорил, и что он останется. Но как только вспомнил, что жена из-за угольной пыли и из-за матери всё равно не приедет сюда, как можно спокойно ответил:

— Димочка, я очень сожалею. Но есть много других причин, заставляющих меня вернуться, — ласковым голосом, стараясь не обидеть парня, ответил Рувин.

Конечно, Рувину было приятно слышать лестные отзывы о себе. Конечно, он был признателен всем им, особенно ректору, за высокую оценку его скромного труда, за глубокое уважение к себе, за беспокойство о нём, за веротерпимость с их стороны! Конечно, он был благодарен судьбе, что она свела его с таким чудесным человеком, как ректор. Сожалел Рувин, что оставляет и слушателей отделения журна-

листики на полпути, покидает и свою узбекскую группу, которая успела полюбить его. Жаль было расставаться и с некоторыми своими коллегами по кафедре, с которыми он успел подружиться. Жаль было даже доцента Углова, мечта которого вновь стать завкафедрой, теперь, в связи с его отъездом, не осуществится и ему теперь некому будет передавать свои «информации».

Ещё одно поразительное событие оставит след на душе Рувина. Оно могло не произойти, не выйди он в тот день для покупки продуктов. Он случайно прямо у магазина столкнулся лицом к лицу со слушательницей отделения журналистики, второкурсницей с филологического факультета, Натальей.

— Ой, здравствуйте, Рувин Нисимович, — вздрогнув от неожиданной встречи, поздоровалась девушка.

— Здравствуй, здравствуй, Наташенька, — ответил Рувин, заглянув в чудные глаза этой миловидной студентки. — Как дела? — видя, что девушка продолжает стоять, из приличия спросил Рувин.

— Да вроде ничего, — кокетливо ответила Наталья.

Рувин только сейчас по-настоящему разглядел эту обаятельную студентку. Он вообще ни разу не заглядывался на своих подопечных. Ему и в голову не лезли подобные мысли. Ему просто было не до этого — настолько был поглощён своими творческими и бытовыми заботами и хлопотами. И что удивительно, до этого он ни разу на улице не сталкивался со своими студентами — так уж выходило. Поэтому, когда он встретил Наташу, он сам как-то растерялся и не знал, о чём говорить с этой обычно молчаливой и серьёзной девушкой.

— Наташа, а я уезжаю, — неожиданно вырвалось у Рувина.

— Далеко? — с улыбкой спросила она.

— Далеко, Наташа, далеко, — с тяжёлым вздохом произнёс Рувин.

— И когда вернётесь? — ничего не понимая, спросила девушка.

— Насовсем я, милая, насовсем, — мрачно пробурчал он.

— Как насовсем? — не сразу поняла Наташа и резко изменилась в лице.

— Из-за семьи уезжаю, — немного обеспокоившись состоянием девушки, объяснил он.

— Вы шутите, наверное? — истерично спросила она, всё ещё ничего не понимая. — Вы шутите, — криво усмехнулась побледневшая Наташа.

Признаться, Рувин не ожидал такой реакции на своё сообщение и сам удивился поведению Наташи.

— Нет, милая, не шучу, к сожалению. С квартирой ничего не вышло, — постарался он разъяснить девушке причину своего отъезда.

Не успел Рувин обдумать причину такого душевного потрясения Наташи, как она бросилась ему на шею. Она обняла его и стала горячо и жадно целовать... И зарыдала так истерично, что прохожие стали останавливаться и наблюдать за этой сценой.

Наталья громко плакала, просила его не уезжать. Уверяла, что все его любят и что крепче всех его любит она.

— Я люблю вас, слышите? — кричала девушка, не обращая внимания на прохожих. — Я хотела раньше признаться вам в этом, но сдерживала себя, стеснялась. Как же я буду без вас? Не видеть вас, ваших глаз, не слышать ваших выступлений... Что же будет с нами? Со мной?

Наталья плакала навзрыд. А он, Рувин, стоял, обвитый руками девушки, и растерянно поглядывал по сторонам. Он никак не ожидал такого поворота событий. «Знал бы, не говорил ей, что уезжаю,» — обвинял он себя. А она тем временем жадно и страстно целовала его в губы, глаза, щёки, шею. А он не знал, как себя вести. «Как бы её успокоить?» — вертелось в голове.

— Наташенька, на нас смотрят. Давай в телефонную будку зайдём, — и Рувин увлёк её за собой.

— Дайте мне ваш адрес, — всхлипывая, икая, в крайне возбужденном состоянии, умоляла она. — Я приеду к вам... Мне надо будет видеть вас. Вы даже не понимаете, как я сильно влюблена в вас! Я хотела вам признаться в этом, но не знала, как это сделать — не хватило смелости. Боялась, что вы отвергнете мою любоаь... И тогда я... Вы думаете, я одна вас люблю? Да там все девчонки по вас с ума сходят.

— Да никто не смог бы меня отвлечь от творческой работы, да мне некогда было об этом думать... К тому же я женат. У меня куча детей. Да и ещё со мной старшая дочь, твоя ровесница. Ты же её знаешь.

— Когда любишь, на всё это не обращаешь внимания, — кричала она, обессиленная, всё ещё икающая на нервной почве.

Путём огромных усилий удалось Рувину привести девушку в чувство. Он пообещал, что будет писать ей и что даже, может быть, однажды приедет к ней.

И она слегка успокоилась.

Месяца три получал Рувин от Наташи письма. И лишь однажды она написала ему спокойное письмо. Она сообщала, что познакомилась с молодым офицером и что тот просит её выйти за него замуж. «Как вы посоветуете, так я и поступлю», — писала она Рувину. И он посоветовал. Она вышла замуж, чему Рувин был очень рад.

Рувин с дочерью вернулся домой в феврале. Насладившись встречей с детьми, он через день-два отправился к ректору, который в своё время упрекнул его в применении запрещённого приёма. «Не возьмёт и не надо! — рассуждал он по дороге в университет. — Интересно, как он среагирует на письмо из института». Поднявшись на второй этаж, Рувин вошёл в кабинет ректора. Поздоровался. Тот разрешил ему сесть. Рувин без слов положил ему на стол письмо ректора, грамоту парткома института, характеристику. Ректор внимателько прочитал все это, повернулся лицом к окну, будто он там что-то высматривал. Некоторое время он сидел в глубокой задумчивости. О чём он думал — было неизвестно. У него был озабоченный вид — и всё. Может быть, ему было стыдно, что он тогда с этим Нисуевым так нехорошо поступил? Как бы то ни было, вид у ректора был как у провинившегося человека. Так, по крайней мере, казалось Рувину. Затем, посмотрев Рувину в глаза, он твердо сказал:

— Хорошо. Приходите в конце февраля, — и вернул Рувину документы. Затем тихо и доброжелательно спросил: — Жена, наверное, не захотела туда ехать?

— Да, — откровенно признался Рувин.

Вернувшись с отцом домой, старшая дочь решила теперь готовиться к поступлению в институт. Вторая дочь заканчивала школу. Обе твердо решили учиться в московских вузах: старшая в гуманитарном институте, другая — в текстильном.

— Ты как хочешь, а я девочек одних в Москву не отпущу. А если они поступят, то тогда вообще надо будет с ними там жить. Так что, если всё удачно получится, то и нам надо будет перебираться в столицу, — заключил он решительно.

— А как ты это сделаешь? — с усмешкой спросила жена и, не дожидаясь ответа, продолжила. — Опять сел на своего конька?!

— Будем думать, — с некоторым сомнением ответил Рувин. — Будем думать.

— Тебя хлебом не корми, дай переехать из одного города в другой, — мрачно заключила жена. — Что ты сделаешь, если человеку не сидится на месте. А если ректор предоставит тебе должность?

И лишь спустя много лет, когда жена освоится с новой жизнью в Москве, она как-то признается: «Хорошо, что мы вовремя уехали с Кавказа!»

А как она поначалу была недовольна переездом!

А пока Рувин, как только предложил жене переехать в Москву, сам слегка испугался своей задумки: понял, как тяжело будет сдвинуться с насиженного места, да ещё с детьми. Сразу возникало много вопросов: где жить, где работать, как прописаться?

— Всё равно ректор, если и возьмёт, старшего преподавателя не даст, так что... — пробормотал Рувин, убеждая то ли себя, то ли жену. — В Москве надо будет искать обмена. Не получится — организую фиктивный брак. Пропишусь, а потом перевезу всех вас.

— Ладно, бог с тобой, — утихомирилась жена. — Но сначала ты устрой детей в вузы.

«И вечный бой! Покой нам только снится!» — тяжело вздохнув, пропел Рувин знаменитую строчку из Блока.

...Рувин и из этого боя выйдет, конечно, победителем. Но при этом получит столько тяжёлых ран в этом долгом сражении, что некоторые из них будут кровоточить и по сей день.

Но пока всё это было впереди.

Закончились выпускные экзамены в школе, и он с девочками выехал в столицу. Остановились у младшей сестры жены в Подмосковье.

С текстильным институтом у младшей дочери ничего не вышло: там на одно место претендовало до 20 человек. Тогда Рувин отправился к начальнику управления министерства лёгкой промышленности России. Показал ему направление из министерства своей республики.

— О-о, я недавно был в командировке в ваших краях, — весело и довольно доброжелательно встретил Рувина начальник управления. — Помогу, помогу. Только в художественно-промышленное училище. Это в наших силах.

Если теперь с младшей было всё ясно, то со старшей появились трудности. В гуманитарном институте Рувин пошёл на приём к ректору. Положил ему на стол листок со своими анкетными данными. Думал и за дочь просить, и, если выйдет, и за себя — на работу. Когда ректор познакомился с его данными, тихо и невнятно спросил:

— Слушаю вас.

— Убедительная просьба сделать исключение для моей дочери – у нас пятеро детей. Многодетная семья, — улыбнулся Рувин.

— На какой она факультет хочет? — небрежно спросил ректор.

— На библиотечный, — ответил Рувин и густо покраснел от неловкости.

— Я вам советую в своём министерстве культуры взять направление, и она будет принята вне конкурса, — пояснил так тихо ректор, что Рувину пришлось сильно напрячься, чтобы понять, о чём тот говорит.

— Да, но до экзаменов осталось три дня....

— Ничем помочь не могу, — отрубил ректор.

Рувин поспешил в министерство культуры России, которому подчинялся этот институт. Зашел в управление учебными заведениями.

— Он так и сказал? — удивилась главный специалист управления, молодая, обаятельная женщина. — По-моему, мог бы сделать исключение, тем более, что вы кандидат наук. Когда же вы успеете получить это направление? Срок подачи документов заканчивается через три дня. Если бы из вашего министерства смогли бы дать хотя бы телеграмму...

Рувин взял у неё номер телефона министра культуры своей республики и отправился на почтамт звонить ему. «Должен же он меня уважить, ведь когда он был секретарём обкома комсомола, я работал завотделом газеты, которая, кстати, являлась их органом. Да и вообще он меня знает хорошо», — рассуждал Рувин, заказав переговоры.

Министр выслушал его и сказал: «Это не так просто».

«Наверное, ему не понравилось, что я по телефону прошу его об этом», — подумал Рувин. — Но ведь я ему объяснил, что времени нет».

Тогда Рувин позвонил первому секретарю обкома комсомола, чья сестра была заочницей у него на факультете, которую по его просьбе он дважды выручал. «Неужели и этот не поможет?» — с беспокойством подумал Рувин. Тот переговорил с министром и ответил, что ему не удалось уговорить того. Рувин махнул рукой от досады, купил билет на самолёт и вылетел домой.

Секретарь доложила министру, что прилетел Нисуев и пропустила его.

— Неужели я ничего доброго не сделал для республики? Неужели я одного направления для своей дочери не заслужил? — произнес Рувин, входя в кабинет министра, стараясь быть сдержанным.

Министр изобразил на лице улыбку и тут же вызвал через секретаря кого-то. Вошла женщина.

— Пожалуйста, выдайте Рувину Нисуеву направление в московский гуманитарный институт, — и протянув Рувину руку, сказал, — удачи!

И Рувин в тот же день, пробыв дома всего один час, вылетел обратно в Москву. А назавтра он прибыл в министерство культуры России.

Дочка стала студенткой гуманитарного института.

Рувин ещё не знал, что очень скоро ему придётся работать в этом самом вузе и что, когда он туда поступит, то этот же самый ректор нагадит ему. И черно-белая полоса в его жизни будет продолжена.

Но всё это произойдет чуть позже, а пока же он, успокоившись за детей, занялся поиском обмена квартиры. Теперь, когда у детей начались занятия, он устроил их в общежития, а сам стал искать для аренды комнату.

Целыми днями пропадал Рувин в Банном переулке: искал обмена на Москву и одновременно комнату для временного проживания. Ни то, ни другое ему не удавалось. В ветер, в дождь простаивал он с утра до вечера на углу Проспекта Мира в ожидании удачи. А однажды, сам того не ведая, Рувин на ногах перенёс воспаление лёгких. Даже в дни, когда он очень плохо себя чувствовал, приказывал себе: «Стоять до упора! Никаких болезней!» Недомогания он выдержал, но рубцы вновь остались. Сколько ещё таких рубцов, но душевного порядка, появятся еще у него!

И всё же в один из дней он достиг своего. В помещении бюро обмена, где регистрировали квартиры людей, выезжающих на заработки, Рувин обратил внимание на одного симпатичного мужчину средних лет. Он, опережая других, быстро подошел к нему и извиняющимся голосом спросил:

— Ваша квартира свободна?

— Да, а что?

— Я кандидат наук, журналист. Мне хотя бы на полгода нужна квартира. Я прошу вас сдать её мне. Я буду вам бесконечно благодарен!

— Я в деньгах не нуждаюсь.

— Буду охранять вашу квартиру. Устраивает вас? — и Рувин мило улыбнулся.

— Нет, нет, я не сдаю. В эту квартиру мы приезжаем во время отпусков. И не только я с женой, но... и мои друзья. Так что извините.

— Все вы не будете мне помехой. Приезжайте когда пожелаете, – упрашивал Рувин. — Вот мое удостоверение журналиста. Я член Союза... Пожалуйста, выручите меня. А то я в этом проклятом Банном переулке переболел воспалением легких. Прямо на ногах.

И мужчина сдался: пожалел Рувина. Ему очень понравились интеллигентность Рувина и темнокарие глаза, в которых сидела глубокая тоска и невыразимая печаль.

— Признаюсь вам, меня покорили ваше внутреннее и внешнее обаяние! — сказал хозяин квартиры. И добавил: — Ладно, уговорили. Пойдёмте ко мне.

Познакомились и отправились к Василию (так звали хозяина) домой. По дороге он заглянул в продуктовый магазин, набрал несколько бутылок водки, колбасы, рыбы, хлеба.

— Будем обмывать, — улыбнулся Вася.

— Так, зачем вы, я бы ж мог...

— Я же сказал, что в деньгах не нуждаюсь, — весело щебетал Вася. — Всё, что останется, допьёте вы. За наше здоровье.

Они поднялись на шестой этаж. Двухкомнатная кооперативная квартира Васи была, по существу, пустая. В первой комнате стояла одна софа, во второй — раскладушка, на кухне — одна табуретка и один старенький шкафчик. Но зато у него был телефон. А это для Рувина было самое главное.

— На телефонную станцию я ходил вчера. Там всё в порядке — на целый год. Я здесь не живу уже больше года.

И он за бутылкой водки подробно рассказал, что после развода с первой женой выкупил эту кооперативную уквартиру, а сам уехал в Воркуту, где на заводе работает начальником цеха. И что он получает двойную зарплату и что его вторая жена тоже работает с ним.

Василий установил для Рувина символическую плату за квартиру и назавтра выехал в Воркуту, оставив ему номера телефонов.

Рувин съездил домой, забрал постельные принадлежности, сказал матери, что когда обменяет квартиру, то заберет и её в Москву и что её двоюродный брат Юсуф передает привет и ждёт ее в Москве.

С арендой квартиры вопрос был решён, но «дежурство» в Банном переулке продолжалось. Рувин настойчиво искал вариант обмена. Простояв здесь бесполезно более трёх месяцев, он уже потерял было

всякую надежду на удачу, но помог случай. Молодые супруги (а им было по 34 года), которые, как Рувин узнал позже, не «просыхали» и пили с утра до вечера, вдруг то ли шутя, то ли серьезно высказали мысль, что хотели бы обменять свою квартиру. Конечно, не бескорыстно. Рувин договорился с женой, что в случае успеха придется продать свои золотые изделия, которые им подарили во время свадьбы, и просить мать пожертвовать своими многолетними накоплениями.

«Если не достанет и этого, то придётся занять денег у родственников», — предложил Рувин жене.

— Нам нужна предоплата, — сразу пошли в атаку супруги-пьяницы. — Мы должны за коммунальные услуги более чем за три года. Пока не рассчитаемся за них, нам документы не выдадут на обмен.

Рувин понимал, что надо идти на риск. И он твердо сказал им:

— Ладно, но я буду сопровождать вас везде. Пишите расписку, что взяли у меня 500 рублей.

Расписку Рувин спрятал в карман и предупредил их:

— Учтите, если обманете нас, во-первых, возьмёте грех на душу — у нас пятеро детей — во-вторых, если не вернёте деньги, я подам на вас в суд. И запомните, по новым законам расписку не обязательно нотариально заверять.

Потом случится так, что Рувину будут трепать нервы не только хозяева квартиры, но и в бюро обмена. Но однажды Рувина потрясло сообщение этих пьяниц. Они заявили, что раздумали меняться и что пусть Рувин подаёт в суд. «Суд вынесет решение, что мы должны будем расплатиться с вами в течение трёх лет. И будем расплачиваться...» — пугал хозяин Рувина.

— А если хотите, то добавьте ещё немного денег в долг, тогда мы ещё подумаем, — говорил хозяин.

— Так, друзья мои, готовьтесь к суду, — пошёл Рувин в атаку. — И если вы не вернёте деньги (а он знал, что они их давно потратили), то вас посадят в тюрьму за мошенничество. Так что я подаю на вас иск. Больше того, из наркологического диспансера мы возьмём справку, что вы оба состоите у них на учёте... Вы меня поняли?

Такое решительное заявление Рувина возымело действие. Они перепугались и согласились выполнять все его указания. Обо всём этом Рувину легко было вспоминать, но как страшно было всё это тогда пережить. Он и тогда понимал, что если бы эти пьяницы всё же отказались от обмена, Рувин потерял бы, как пить дать, те деньги. Что бы

там ни решил суд, Рувин всё равно этих денег не увидел бы... Поэтому страдал вдвойне.

На пути обмена возникала ещё одна сложность. Так как Ася являлась квартиросъёмщицей и работала на «почтовом ящике», было необходимо преодолеть два барьера. Дело было в том, что в отсутствие жены обменом занимался он, Рувин, который к тому времени был «в разводе» с Асей. Во-вторых, он должен был для жены добиться разрешения на обмен в их министерстве. Причём, такое письмо должно было быть подпипано самим министром или его первым заместителем.

С каким облегчением вздохнул Рувин, когда ему вынесли это письмо-приглашение. Оно гласило: «В порядке производственной необходимости в Москву приглашается Нисуева А. Просьба разрешить ей обмен квартиры на Москву. Министр.»

Каждый раз, когда Рувин вспоминает тот период обмена, его бросает то в жар, то в холод. Настолько идиотские, глупые, бесчеловечные были те условия обмена, что у него всегда (и тогда) возникал вопрос: «Кого мы обманываем? Ну, хорошо, взяли письмо-разрешение за подписью министра. Он что, знал Асю? Или ему нужен был специалист среднего уровня? Чушь какая-то!»

Возмущался Рувин, бесился и зло рассуждал: «Видите ли, если из Москвы выезжает три человека, следовательно, в Москву должны въехать тоже три человека. А куда девать остальных членов семьи — это никого не волновало. Это было только на руку чиновникам из бюро обмена. Они на этом тоже делали бизнес. Потому эти законы и вынуждали законопослушных граждан (да и бюро обмена) искать обходные пути. И те, и другие их находили. Но кто мог придумать такие идиотские правила?»

Все эти рогатки, препоны были на руку только работникам бюро обмена. И все об этом знали. Но попробуй выступи против них — твоё дело погорить на корню. А тем временем взятки этим работничкам сыпались как из рога изобилия!?

Это они, чиновники, из бюро обмена посоветовали ему тогда развестись с женой.

— Хотите обменяться, делайте, как вам говорят. Вам положено только на троих ордер. А вас в семье семеро. Надо развестись так, чтобы с матерью остались лишь двое детей. Сможете там у себя организовать такой развод? Если да, то мы пойдём вам навстречу. А нарушать закон мы не будем, — было дано им разъяснение и указание.

И Рувин, хоть и был всю жизнь самым законопослушным человеком, решительно пошёл на нарушение дерьмового закона. Фактически не сами люди, меняющие квартиры, нарушали эти порядки, сколько сами взяточники из бюро обмена. Рувин нервничал, возмущался, но вынужден был делать так, как советуют эти бюрократы. Среди прочих документов он привёз ещё дополнительно и решение суда о разводе. Он от стыда не знал, куда деваться. До какого позора, унижения доводил «закон» людей, как он оскорблял честь и достоинство порядочного человека! Даже сейчас, когда память вернула его к тому времени, его вновь охватил ужас. Вот что было записано в этом решении суда: «Стороны состоят в зарегистрированном браке с 1961 г., от совместной жизни имеют пятерых детей. Истица просит расторгнуть брак с ответчиком потому, что в семье часто происходят скандалы, которые отрицательно влияют на воспитание детей, поэтому просит расторгнуть брак и передать ответчику на воспитание детей...»

И весь парадокс этого факта заключался в том, что текст решения суда составлял сам Рувин. «Никто этому не поверит, если рассказать», — с грустью думал он. Дело в том, что сама комедия эта разыгрывалась на глазах двух присутствующих народных заседателей. А трагедия этого фарса состояла в том, что в паспортах у обоих супругов теперь должен был красоваться штамп о расторжении брака и что, таким образом, искусственно прерывался стаж совместной жизни, и что через некоторое время они должны были вновь сойтись, чтобы потом можно было Рувина с другими детьми прописать в Москве. Вот такая завертелась весёлая карусель! И после всего этого позора всё равно не так легко было получить ордер. В бюро обмена создавали дополнительные трудности. А так как жена ещё оставалась дома и все дела от её имени вёл сам Рувин, это вызывало у чиновников много вопросов, хотя сами и подсказали о разводе. Повышали таким образом ставку взятки...

Помнит Рувин, как высунув язык, бегал он по Москве то в ЖЭК, то в бюро обмена, то ещё куда-то. Вконец изможденный из-за постоянных нервных перегрузок (они скоро, ох, как скоро дадут о себе знать!), видя, как в этом проклятом бюро ещё долго будут над ним измываться, Рувин решил впервые в жизни (по «совету» опытных земляков) дать взятку одной из сотрудниц бюро обмена, чтобы ему наконец вручили долгожданный ордер. И они сразу выписали его. Вот так пришлось Рувину претерпеть унижения и допустить отступление от

своих принципов. Кто был в этом виноват? Он, Рувин? Нет, он так не считал. Это государство вынуждало порядочных людей нарушать свои законы. А иначе, почему он потом не мог прописать старшую дочь у себя в московской квартире? Видите ли, она до поступления в институт была прописана в квартире бабушки. Именно государство, московское правительство и их законы превратили его ребёнка в изгоя. А когда Рувин привёз в Москву мать, дочь вообще оказалась без всякой прописки?! Кто бы смог все эти гнусности вытерпеть? У Рувина душа разрывалась. Она кричала, восставала от бессилия и негодования. «Да как так можно? Что же это за страна? Чудовищно!» — терзал себя вопросами Рувин. Как он ненавидел всё и вся! Порой он настолько глубоко впадал в состояние депрессии, что в такие минуты приходил к мысли уехать с семьёй за границу! И при этом всегда вспоминал поговорку о том, что там хорошо, где нас нет! И всё же в минуты душевного кризиса подобные мысли посещали его не раз. «А говорят, что не надо винить обстоятельства в своих неудачах, а нужно винить самого себя. Неправда!»— резюмировал он вновь и вновь.

Но в жизни Рувина всё это были только листочки, а ягодки ожидали его впереди! Сколько ещё несправедливости он познает в ближайшем будущем! И он вслух выкрикнет: «Неужели такое творится по всей стране?» И страх охватывал его. Кругом гнусность, мерзость. Как это Иван Петрович, хозяин хаты с участком в деревне, говорил? «Гниём по швам. Куда мы катимся? Вот так вот во всём. Никому ни до чего дела нет. Сплошное равнодушие и безразличие».

И Рувину было больно за себя, за любимую родину, за честных и порядочных людей, которые страдали так же, как и он.

Вспомнил Рувин и другой случай, связанный с его переездом в Москву.

Когда он переехал в Москву и потом устроился в институт, один из его московских соплеменников, который, узнав, что Рувину удалось и квартиру обменять, и двух дочерей на учёбу определить, и должность старшего преподавателя в том самом институте получить, и быть членом Союза журналистов СССР, и кандидатом наук стать, чуть не лопнул от чёрной зависти. Он так возненавидел Рувина, что безо всякого стеснения, с присущим ему хамством и наглостью стал вести «пропагандистскую» работу среди земляков по умалению достоинств Рувина. И это несмотря на то, что Рувин совершенно не был с ним знаком!

— Не обращай на него внимания, — говорили земляки, глубоко уважавшие Рувина. — Дерьмо всегда воняет, ты же об этом знаешь. Его у нас никто не уважает. А это главное. Так что не надо близко к сердцу принимать его подлые выходки.

«Вот что делает с людьми чёрная зависть», — размышлял Рувин. — Везде и всегда, что удивительно!»

Всё это произойдёт позже. А пока Рувин вновь зарегистрировался со своей «бывшей» женой и вместе с другими детьми, которые числились за ним по решению суда, прописался в Москве. Теперь только старшая дочь оставалась без прописки.

И перед ним вновь встал извечный вопрос: как быть с работой? Жене он помог найти работу на одном из известных заводов. Она стала старшим инженером отдела труда. Теперь ему необходимо было найти применения своим знаниям. Он каждый день с утра направлялся в редакции газет, журналов, издательств, в вузы — и всё бесполезно. Везде похваливали его за хорошие данные и «культурно» выпроваживали его. «Нет, — подумал Рувин, — такие походы результатов не дадут. Надо что-то другое придумать».

Рувин решил испытать «старый приём» — пойти к важным чиновникам и представить им свой послужной список. А куда и к кому пойти? «Нет, дружок, — говорил ему дядя Юсуф, — в Москве без протекции, без поручительства работу не найти. Это просто невозможный вариант, — грустно заключил он. — А сам помочь тебе я не в силах».

На дворе стоял сентябрь 1981 года. Уставший, разочарованный, Рувин прекратил свои безуспешные поиски. Теперь он бесцельно бродил по улицам. Иногда вчитывался в вывески на зданиях учреждений и организаций. Отчаявшись что-либо найти, Рувин с неделю вовсе прекратил свои «хождения по мукам»: у него началась депрессия. Он был подавлен и угнетен. Семье нужны были деньги — жили на одной зарплате жены — а он не мог помочь. К тому же девочки-студентки перешли из общежитий домой. Да ещё и долги надо было возвращать...

И всё же однажды, «прогуливаясь» по Садовому кольцу, Рувин обратил внимание на оригинальное здание. Вошёл во двор, прочитал на вывеске «Роскомпечать» и решился здесь попытать счастье. «Дайка, — подумал Рувин, — я зайду сюда». И зашёл. А к кому обратиться, не знает. «Надо попасть только к женщине, потому что только женщи-

ны смогут посочувствовать ему, как отцу пятерых детей», — рассудил он. Ходил по коридорам и вчитывался в таблички. «Вот!», — чуть ли не выкрикнул Рувин вслух и остановился. «Заместитель Председателя Комитета Копылова Анна Матвеевна...»

Он постучал в дверь и, когда услышал «да, да», открыл дверь. За письменным столом сидела худощавая, довольно симпатичная женщина. У неё был утомлённый вид и, когда Рувин вошёл, она, проведя ладонями по лицу, спросила:

— Я вас слушаю. Присаживайтесь, пожалуйста.

Рувин, до конца не вышедший из состояния депрессии, был бледен и немного дрожал. Он находился в сильном нервном напряжении. Ему было страшно. «Если и она откажет в помощи, то всё — я никогда в этом громадном городе никуда не устроюсь», — пронеслось у него в голове. Он достал свой послужной список и, не проронив ни одного слова, положил перед ней. Она внимательно прочитала его и сказала:

— Да, хорошие данные, скажу я вам.

— Я с семьёй переехал в Москву — жену на работу пригласили. А я никак не могу определиться...

— И вы хотите, чтобы я вам помогла? — порядком удивилась она. — С такой просьбой и прямо ко мне? Вам кто-нибудь подсказал, чтобы ко мне обращались?

-Нет. Я сам решился на это.

— М-да, — произнесла она. — Ну что ж. Надо будет помочь вам, — и она мило улыбнулась, — Правда, несколько оригинальный способ вы избрали...

— Поверьте, от безысходности я так... — и он осёкся — у него не хватило сил продолжить.

— Вот что. Вы на Колхозной площади найдите этот дом, — и она протянула ему адрес. — Зайдите к директору. А пока вы туда дойдёте, я позвоню ему. Этот товарищ постарается помочь вам. Договорились?

— Я благодарю вас, — хрипло произнёс Рувин (у него сел голос от нервного напряжения), расстроенный благополучным исходом разговора и, не выдержав, обронил слезу.

— Не надо, всё будет хорошо, — успокоила она Рувина. — Побеpегите нервы, они вам ещё пригодятся на новой работе. То, что они у вас шалят, — это плохо. Вы же ешё молодой человек. Сколько вам? — и она вновь заглянула в его послужной список. — 45. Самый творческий расцвет, — и она улыбнулась.

«Права милая женщина, — думал Рувин по дороге. — Вот устроюсь на работу, а нервы не в порядке. Говорили мне, что ничто не проходит бесследно и что не надо слишком выкладываться, и что, мол, за излишнее усердие денег не платят». Потом, подумав, поразмыслив, он стал кому-то доказывать: «Но ведь сердцу не прикажешь! Разве можно по каким-то советам характер человека изменить? Наивные люди! Они забывают, что я, хоть и отдаю здоровье, но зато получаю моральное, душевное удовлетворение! А они? Как они скучной жизнью живут! Боже мой, как так можно?» Рувин сознавал, что его приятели, родные добра ему желали, когда ругали за усердие. Но они или плохо его знали, или не понимали его натуру. Разве ради дополнительной платы старался он? Если бы так, то он нигде и ничего бы не сделал. Тихо и мирно работал бы и все. Но когда он весь уходил в работу, увлекался, отдавал работе всего себя — о какой доплате можно думать? «Каждый должен делать свое дело хорошо!» — этот девиз он не переставал напоминать и своим «неукротимым» ученикам, и своим студентам, и журналистам, с которыми работал. Он был доволен тем, что он есть такой, «неисправимый»!

— А-а, заходите, заходите. Мне звонила Анна Матвеевна, — приветствовал его мужчина лет 45. — Так что я в курсе дела. Дайте ваши бумаги.

Он позвонил кому-то и стал читать ему данные Рувина.

— Надо помочь товарищу. Сделаете?

Он положил трубку и весело заявил:

— Ну, вот и хорошо. Завтра к 9 часам вы должны быть в Московском обкоме партии у заместителя заведушего отделом пропаганды. Он будет ждать вас. Пропуск он выпишет, удачи желаю,— и он пожал Рувину руку.

Назавтра Рувин уже сидел в кабинете Панфилова.

— В гуманитарном институте в течение последних десяти лет не выходит многотиражная газета. Ректор желает возродить её выпуск. Нужен редактор. И полставки старшего преподавателя дадут. Устраивает?

«Боже мой, что делается? Почему судьба забрасывает меня к тому самому ректору, который ему не понравился? Что это за наказание? Откуда этот рок? Что творится в его жизни? Это ж надо — именно этот институт попался?!» — рассуждал Рувин с горечью.

А вслух спросил:

— Сколько лет я должен редактировать эту газету?

— Думаю, года два. Затем найдёте себе замену и можете трудиться только на кафедре. Добро?

— А секретарь парткома об этом знает?

Конечно. Мы говорили с ним на эту тему. Потом вы тоже поговорите с ним. Ссылайтесь на наш разговор. Да и сам я позвоню туда. В добрый путь, — и он пожал руку Рувину.

— Удивительное дело, — пожимая руку Панфилову, вслух произнёс Рувин сконфуженно. — В прошлом году я был на приёме у этого ректора. И дочка моя там учится?!

— Вот и хорошо. Надо ж такое! — удивился и Панфилов. — Ну, тем более, — весело заключил он, не понимая конфуза Рувина.

Когда на другой день Рувин предстал перед секретарём парткома, спросил у того:

— Панфилов звонил вам?

— Да, да.

— Панфилов говорил вам, что редактором газеты я поработаю два года, а затем, найдя себе замену, перейду полностью на кафедру?

— Да, да, — хитровато и нагловато улыбнувшись своими бледно-голубыми глазами, небрежно бросил секретарь.

Когда секретарь познакомился с анкетными данными Рувина, весело и даже забавно спросил:

— Так вы тат? А я из Кабардино-Балкарии, у нас тоже много горских евреев живут.

И тон его, и та небрежность, с которой он говорил, совершенно не понравились Рувину и вызвали у него большие сомнения в порядочности этого человека.

Вышел Рувин от него — и на душе стало так гадко, так мерзко, что невольно вспомнил как редактор той злополучной газеты не дал ему тогда гарантийного письма и, как следствие, подвёл его, Рувина. «Не поступит ли и этот тип подобным образом?» — размышлял Рувин не без тревоги. Да потом и эти «познания» секретаря о татах не понравились Рувину. «Мог бы и не подчеркивать, что знает о том, что таты — это горские евреи», — подумал Рувин с некоторым раздражением и негодованием. — Наверное, опять антисемит встретился на моем пути?! — рассудил Рувин. — А с каким «шутливым» пренебрежением он всё это произносил».

Вот почему еще, когда Рувин вышел из кабинета, на душе у него образовался горький осадок. Этот секретарь оставил у него мерзкое впечатление и сильно не понравился ему. В какой-то момент Рувин даже решил было убраться отсюда, отказаться, но тут же вспомнил, как секретарь во время беседы спросил:

— Нисуев, Нисуев, — усиленно вспоминал он что-то, связанное с этой фамилией. — Это не ваша дочь у нас учится?

— Да, — мрачно ответил Рувин.

— Красавица моя! О-о, она на моём курсе. Я у них историю КПСС преподаю. Она самая любимая моя студентка.

Омерзительно звучали его комплименты. Он позволял себе всякие вольности, говорил со смешком, как бы издеваясь над тем, с кем говорит, и подчёркивая над человеком своё превосходство, будто бы он говорит с человеком третьего сорта. Он всё время намекал на что-то. Потому-то и показался ему, Рувину, этот человек нечистоплотным, хамовитым, самоуверенным.

«Теперь этот тип знает, — рассуждал Рувин, — что его дочь учится у них. И если я откажусь от должности редактора, то он может девочке навредить».

И он вынужденно согласился. Второпях, на радостях, что ему предоставили возможность работать в институте, Рувин не догадался спросить у Панфилова об условиях работы в этой многотиражке. По дороге в институт он, наивно полагая, что типография находится где-то под боком, что в штате редакции имеются должности машинистки, фотокорреспондента, теперь, узнав, что всего этого здесь нет, омрачился. Он, как всегда, желаемое выдавал за действительное. На самом же деле оказалось, что типография расположена в одном из подмосковных городков, что штатное расписание никого кроме редактора и не предусматривает. Но как один человек может составлять макет, размещать материалы, собирать их, редактировать, самому писать, печатать на машинке, подсчитывать строки, ездить в типографию и вычитывать гранки, исправлять ошибки, которые наборщицы допускали нарочно, чтобы поиздеваться над ним?

Лишь через год ему выделили одну единицу, которую он разделил на две полставки: взял машинистку и фотокорреспондента.

Особенно выводило его из себя то, что в типографии наборщицы, исправляя одни ошибки, допускали другие и в большом количестве. Он чуть не плакал от этих издевательств. Нервы сдали, он стал

раздражаться, повышать на этих наборщиц голос. Редактора других «многотиражек», видя, как Рувин страшно нервничает, старались успокоить его.

— Не надо так близко принимать к сердцу, — говорили они. — Всё образуется.

— Как же образуется, если они специально гадят мне. Исправляют одну ошибку, а потом допускают массу других... Я не могу так работать. Газета должна читателей учить грамоте, а они... Люди должны учиться...

И уже в электричке думал про себя: «Я творческий человек, а должен выполнять самую что ни на есть черновую работу. Как же при поступлении на работу я не спросил, можно ли будет взять себе помощника...»

Чувствовал Рувин, что он один не справится с выпуском газеты. Он выбивался из последних сил. И опять-таки никому не жаловался. Он уже трудился на износ. Его поддерживало то, что, как передавали некоторые сотрудники, газета нравится ректору. Если ему доставляло удовольствие работать с внештатными корреспондентами, вычитывать материалы и редактировать их, самому писать, то его очень утомляло и выводило из себя то, что он должен был выполнять всю эту черновую работу. «Да еще ко всему прочему и весь тираж надо было ему привозить из типографии?!» — негодовал Рувин. Изнуряло его и то, что он ежедневно тратил на дорогу в институт и обратно четыре часа. Он приезжал на работу уже уставшим от этих поездок. В такие минуты вспоминал слова Анны Матвеевны, которая помогла ему с этой работой: «Поберегите нервы, они вам еще пригодятся на новой работе. То, что они у вас шалят — это плохо.»

Напряженный труд в двух вузах, нервотрепки при обмене квартиры, поиски работы и многое другое, конечно, подорвали его здоровье. Но говорить кому-либо об этом нельзя было. Боялся, что дойдет до ректора. Кому нужны были больные сотрудники? В лучшем случае могли посочувствовать — и все. Поэтому он держался и надеялся, что по прошествии двух лет он перейдет полностью на кафедру. Лишь один завкафедрой литературы Андрей Владимирович случайно узнал о его слабых нервах. А случилось это так. Как-то в метро по дороге в институт на первой же остановке Рувину стало плохо. Он потерял сознание. Пассажиры вывели его под руку на платформу и уложили на лавочку. И вызвали врача.

Рувин пришел в себя лишь тогда, когда дежурная медсестра привела его в чувство с помощью нашатырного спирта.

— Вы были в глубоком обмороке. У вас нервы на грани истощения. Куда вы едете? — с тревогой в голосе спросила врач.

— На работу.

— Далеко?

— Ещё полтора часа добираться, — еле слышно произнёс он.

— Ни в коем случае! Вы можете ещё раз упасть по дороге. У вас и с сердцем неважно.

— Нет, нет. Ничего, я как-нибудь. Мне надо на работу, — заявил он, бледный и в холодном поту.

И он всё же поехал в институт. Еле добравшись туда, он всё такой же бледный, как полотно, с огромным трудом поднялся к себе на четвёртый этаж. И только вошёл, как сразу рухнул на диван. И хорошо, что совершенно случайно к нему поднялся профессор, завкафедрой литературы, один из его активных корреспондентов Андрей Владимирович. Увидев Рувина, лежащим на диване в полусознательном состоянии, да ещё в пальто, он перепугался. Он подал Рувину стакан воды, снял с него пальто, вытер ему с лица холодный пот своим платком и спросил:

— Как же ты доехал сюда?

— Только отъехал от дома... в метро... упал...

— И какого же... ты поплёлся сюда? Надо было вернуться домой.

Профессор помог Рувину сесть на диване и постарался отвлечь его разными шутками, а потом добавил:

— Человек, как видишь, не из камня сотворён, — говорил Андрей Владимирович. — Нервишки у тебя, друг мой, сдали. Нервишки...

...В последнее время к нему в редакцию стал заглядывать секретарь парткома. Во время разговора с ним о том, о сем — и ни о чём конкретно, тот вскользь замечал, что ректору газета очень нравится.

— Очень интересные материалы, — говорил он, — и очень грамотные. Оценка ректора многого значит. Он бывший заведующий отделом пропаганды обкома партии, и в газетах разбирается, дай бог.

Прошел год. Расширился круг авторов газеты. Среди них было много профессоров, доцентов, студентов. Попасть в газету со своим материалом стало считаться престижным. Она стала популярной, и её теперь ждали с нетерпением все. А тем временем Рувина

стал часто посещать этот секретарь парткома. Рувин понимал, что если он повадился к нему, значит ректор опять хвалил газету. А както, заглянув к Рувину в очередной раз, он стал цинично и нагло разглядывать машинистку редакции, работавшей у него на полставки. Однажды та не выдержала его «раздевающих» взглядов и вышла из комнаты.

— Хороша, сучка. А какие бёдра! Что и говорить — богатое тело, — не сдержался он от пошлых оценок. — Ты скажи ей, что я хочу её, — попросил он Рувина с хитровато-плутоватой улыбкой в бледноголубых глазах.

— Я в такие игры не играю, — отрезал с улыбкой Рувин. — Вы уж сами разбирайтесь. Она взрослая, самостоятельная женщина.

— Сколько ей?

— 35.

— О-о, в самом соку, — криво усмехаясь, смаковал он. — А может, ты с ней того... и поэтому не хочешь мне помочь?

...Обмороки у Рувина прекратились, но зато теперь он стал впадать временами в состояние депрессии. Срочно требовались лечение и отдых. Он, человек, более или менее сдерживающий свои эмоции, стал и дома, и на работе срываться — не мог уже удержать себя в руках. Он стал раздражаться по любому поводу.

— Ты чего сцепился с доцентом Кохановым? Его никто у нас не уважает. Его физически не терпят в институте, а ты делаешь ему честь, конфликтуя с ним, — сказал заглянувший к Рувину в очередной раз секретарь парткома. — Он же тупой человек. Его терпят в институте только потому, что он инвалид войны. Так что зря ты с ним затеял скандал.

— Я ему исправил ошибку в заголовке, а он кричит на меня: «Оставьте так, как у меня», — жаловался Рувин. — Я предложил ему обратиться за консультацией к любому учителю русского языка. И предупредил, что с этой ошибкой его статья не будет опубликована. И что он мне ответил? «Какой-то бездарный, безграмотный кавказец учит меня грамоте!» А потом через неделю притащился и говорит: «Газета не ваша собственность, так что позвольте опубликовать мой материал!» Я его вновь погнал. И еще через неделю заявился и говорит: «Ладно, согласен с вами».

— Не связывайся с ним, он очень опасный человек. Он на всех жалобы пишет.

— Нервы сдают, — серьёзно сообщил ему Рувин. — Пора бы в больницу. Изнуряют меня эти поездки от дома до работы, от института до типографии...

— Да и мне предлагают... — и он стал массировать грудь. — Хватает, — продолжал он водить рукой по груди и жаловаться. — Второй год уже. И работа над докторской диссертацией дает о себе знать, — говорил он, сморщив лицо.

«Сердечник, а всё туда же, — подумал Рувин про себя. — Жену имеет, да ещё погуливает с таким сердцем».

Рувину рассказывали о том, как его, бывшего второго секретаря одной из райкомов партии Москвы из-за половой распущенности перевели в порядке наказания в этот институт секретарем парткома. «Запустили козла в огород», — подумал тогда Рувин, усмехаясь. И тот урок не пошел ему впрок: он продолжал строить глазки хорошеньким студенткам. И порой добивался успеха. И об этом знали все: и ректор, и преподаватели, и студенты. И всё сходило ему с рук. «Неужели ректор, прослышав о его похождениях, порочащих честь коммуниста, не делает ему замечаний?!» — удивлялся Рувин.

Помнил Рувин, как в тот день, когда его, Рувина, избрали по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры литературы на полставки, заведующий кафедрой Андрей Владимирович, несмотря на свою инвалидность (ему на фронте оторвало ногу, и он ходил на протезе), выбежал из конференц-зала, где проходил ученый Совет института, и крикнул на весь коридор:

— Где там наш редактор? У меня для него есть информация на первую полосу.

Интеллигентный, остроумный, большой шутник, этот высокий, широкоплечий, симпатичный мужчина, был ещё и весёлым балагуром.

Несмотря на свою инвалидность, он почти вбежал в редакцию на четвёртом этаже, и,запыхавшись, грохнулся на диван. Отдышался — и сразу:

— Срочно 50 граммов коньяка!

Рувин налил ему рюмку коньяка, подал ему одну шоколадную конфету. Он залпом выпил, закусил конфетой и попросил:

— Подойди ко мне, — и, обняв его, сказал. — Конечно, полтора года — это было слишком большим испытательным сроком. Но всё же поздравляю тебя. Ты теперь член нашей кафедры!

Помнит Рувин этого замечательного и порядочного человека, который, к огромному сожалению Рувина, через несколько лет умрёт от сердечного приступа. И узнает об этом Рувин, когда его самого уже не будет в этом институте. И будет сильно сожалеть! Рувин всю жизнь благодарил судьбу, что она свела его с этим чудесным человеком. Несмотря на разницу в возрасте, они были добрыми друзьями! Андрей Владимирович был кандидатом наук, но за научные труды ему было присвоено звание профессора. В московской писательской среде он был уважаемым и авторитетным литературоведом.

Андрей Владимирович один знал о жизни Рувина, о его трудностях и переживаниях, о его нервных перегрузках и срывах. он понимал Рувина, ценил его, как журналиста, ученого, «болел» за него.

Однажды этот интеллигентный, добродушный человек «устроит» Рувину испытание. Он попросит Рувина заменить его, объяснив, что ему надо отлучиться на некоторое время.

— Старина, мне нужно в одно место съездить, — серьезно сказал Андрей Владимирович. — Так что ты займи мой курс чем-нибудь. Добро?

— Добро, — в некотором замешательстве согласился Рувин. – Надо так надо.

Это потом выяснится, что Андрей Владимирович не хотел своим присутствием на его лекции смущать Рувина. Он просто попросил его заменить себя — и никуда он не отлучался. Он все два часа простоял за дверью, которая все время была открыта настежь, так как в аудитории было довольно душно. Так завкафедрой и «подслушал» лекцию Рувина. И лишь, когда до конца занятий останется всего минут десять, не вытерпит Андрей Владимирович и войдет в аудиторию и станет у стены. И окажется свидетелем неординарного факта. Когда Рувин завершил лекцию, зал вдруг взорвался аплодисментами! Он подождет, когда утихнут страсти, подойдет к нему и на глазах у своих студентов крепко поцелует Рувина! А потом на заседании кафедры заявит:

— Вы, дорогие коллеги, когда-нибудь слышали, чтобы в нашем институте лектору аплодировали студенты? А я слышал. Вчера Рувину Нисимовичу аплодировали стоя. И кто? Мои студенты! Весь курс. Вот так вот!

Он завидовал Рувину белой завистью. Радовался за него. Он был простым, порядочным человеком. Он любил и глубоко уважал талан-

тливых людей. Поэтому он обожал Рувина. И Рувин, конечно же, был глубоко благодарен ему за такое к нему доброе отношение. Андрей Владимирович был для Рувина и наставником, и советчиком, и настоящим другом.

...Помнил Рувин всё, помнил. Именно воспоминания об этом человеке и ректоре из шахтёрского города придавали Рувину силу и уверенность, как бы поддерживая в нём моральный дух. Он сожалел о том, что таких замечательных людей мало встречалось на его жизненном пути.

Хотя Рувин теперь работал одновременно и в редакции, и на кафедре, всё же его зарплата не превышала двухсот рублей. Вот так всю жизнь: работал за пятерых, а получал меньше всех. Об этом напоминала ему только жена. Он сам об этом никогда не думал. Он был просто творческим человеком, который с душой, страстно, вдохновенно выполнял свою работу. А разве не так было в школах, в редакции молодёжной газеты, в институтах, в издательстве? А разве он и здесь не так трудился? И опять вновь отделением журналистики с самого первого дня стал руководить, и газету редактировал, и лекции читал студентам!

Помнил Рувин всё. Оттого и страдал. «Так что, уважаемый Иван Петрович, — обращался Рувин мысленно к тому хозяину, у которого они покупали хату с участком, — вот вы гордились одной записью в своей трудовой книжке. Но даже у вас, простого рабочего, который честно и добросовестно трудился на заводе, были свои трудности: называли вас выскочкой, завидовали вам, потому что выполняли свое дело хорошо, творчески. А у нас, милый Иван Петрович, у интеллигенции, жизнь намного сложнее: люди и коварнее, и завистливее, и намного подлее.»

Помнил Рувин, как весь институт говорил о том, как неисправимый любитель женских юбок, секретарь парткома вновь завёл очередную юную любовницу

Все шептались по углам, а с него, как с гуся вода. «Пусть говорят, пусть докажут, пусть поймают на месте преступления», — хохотал он при очередном посещении Рувина. Когда он выступал на каком-нибудь собрании, преподаватели, сидящие в зале, сморщив лицо, вслух переговаривались примерно так:

— Вот подонок! Вот наглый. И в ус не дует, — говорили одни.

— Позорит честь коммуниста. И такому доверили быть секретарём парткома, — возмущался второй.

— Сказано же, проститутки стыда не имеют, — рассуждали третьи.

Вот такой «популярностью» пользовался этот человек, из-за попустительства которого судьба скоро выбросит его, Рувина, на черную полосу жизни. Не зря в первый день знакомства с этим человеком интуиция подсказала ему, что именно от него надо будет ждать подлости, что именно от него изойдет он горькими слезами. Так оно и случилось. Этот самовлюбленный, самоуверенный и мерзкий тип, в грош не ставящий никого, как Рувин и полагал, подведет его. Одним словом, нагадит ему.

Когда прошло два года «службы» в редакции. Рувин, посоветовавшись с Андреем Владимировичем, физически обессиленный, помня об уговоре в обкоме партии и с сесретарем парткома о том, что после двух лет он может передать газету другому человеку и обосноваться на кафедре, отправился к ректору.

По пути в кабинет ректора Рувин вспомнил свой разговор с ним, когда просил принять дочь вне конкурса в порядке исключения: «Ничем помочь не могу», — отрезал он тогда. «Неужели он так и сказал?» – возмутилась главная специалистка министерства культуры, — Мог бы и исключение сделать, не каждый день он это себе позволяет»,— эмоционально заключила она.

«Значит, и сейчас он откажет мне», — с тревогой в душе подумал Рувин. Но Рувин еще не знал, что кроме того, что тот откажет ему, но ещё и возненавидит его, Рувина.

Поздоровался. Присел. Ректор встретил его приветливо.

— Пётр Акимович, — начал Рувин робко, у меня к вам величайшая просьба. Когда меня направляли сюда, в обкоме партии сказали, что через два года, если я найду себе замену, могу оставить работу в редакции. Я бы, может быть, ещё поработал редактором, но я сильно утомлён, физически истощен.

— Как? Я не понял, — побелел ректор.

— А разве секретарь парткома вас не поставил в известность? – сразу занервничал Рувин.

— Никто и ничего мне не говорил, — чуть повысил он голос.

— Пригласите, пожалуйста, секретаря парткома, — попросил Рувин, предчувствуя беду.

— Не надо никого приглашать! Я думал, что вы хотя бы пять лет будете редактором... — забубнил ректор.

— Но в связи с обменом квартиры, трудностями, связанными с выпуском газеты, работой без помощников — по всем этим причинам у меня просто сдали нервы. Я бы с удовольствием ещё... Но я просто обессилел.

— Ничего я знать не хочу. Меня совершенно не волнует ваше здоровье, так что продолжайте свою работу. В крайнем случае оставайтесь на кафедре на полставки! — прикрикнул ректор на Рувина.

«Этот толстокожий партийный функционер ничего не поймет. Я провалился», — со страхом подумал Рувин.

После «беседы» с ректором, возбужденный Рувин, сжав кулаки, зашел к секретарю парткома, который, завидя его, торжественно произнес:

— О-о, какие люди к нам пришли! — и фальшивая улыбка пошла блуждать в его бледноголубых глазах. — Что привело вас к нам? — нарочито-шутливо обратился он к Рувину на «вы».

Но Рувину не до шуток было, а потому резко бросил:

— Разве вы не говорили ректору, что через два года я поищу себе замену?

— А что, вы были у ректора?

— Да, — раздраженно ответил Рувин.

— И сказали ему об этом? — секретарь побледнел. Улыбка с его лица исчезла. — Зря вы это сделали. Ох, зря. Он вам этого уже не простить.

— Но ведь и я, и Панфилов из обкома партии предупреждали вас о таком уговоре. Вы же должны были предупредить и ректора?! — нервно настаивал Рувин.

— Зря вы это сделали. Он вам этого не простить, — бубнил секретарь одно и то же.

— Так вы ещё меня и обвиняете? — ничего не соображая, спросил Рувин, весь дрожа от негодования. — Я ведь думал, что он в курсе дела.

«Такие падали вершат судьбами таких, как я, — в гневе размышлял Рувин. — Кто этих подонков выращивает? Почему они такими становятся? Почему таким гадам дают власть в руки? Я ведь честно отслужил свой срок и не нарушил договора».

Бунтовала, возмущалась душа Рувина, разрывалась на части. И опять он был бессилен против этих обстоятельств. Вот потому вдвойне и страдал он.

Уже в коридоре Рувин вспомнил, как секретарь парткома, сделав вид, что разговор с ним окончен, демонстративно отвернулся от него и заговорил о чем-то постороннем с сидящими здесь членами парткома. А те, которые буквально недавно подобострастно пожимали ему руку и при случае рассыпались в комплиментах в его адрес, теперь делали вид, что не замечают его. Он им больше был не нужен. Они поняли, что этот Нисуев уже поставил крест на своей карьере и что, если ректор уже не уважает бывшего редактора, то им тем более сам бог велел не признавать его. Это были мелкие, мерзкие, бездушные людишки, подхалимы, которых терпят в институте именно за эти качества. Они твердо освоили одно: в вузе, куда ветер дует, туда и надо повернуться.

Рувин все же освободился от должности редактора и остался на кафедре на полставки. И остался-то потому, что об этом попросил его Андрей Владимирович.

— Никуда не уходи, не торопись, — посоветовал он Рувину. — Может, мне удастся его как-нибудь уговорить, чтобы дал тебе ещё полставки. Тем более, что на кафедре есть еще целая ставка.

Месяца через два-три Андрей Владимирович сделает первую попытку.

— Нет, ничего не выходит, — грустно сообщил он Рувину о результате своего визита.

Все помнил Рувин. Горько и обидно было у него на душе. «Почему же на моем пути всегда встречаются такие мерзопакостные личности? Я же не виноват, что его не предупредили», — задавался он одним и тем же вопросом.

— Чувствую я, старина, что никогда он не даст тебе полную ставку. Я говорю ему, что ты честно отмотал свое положенное время, что ты устал, что ты плохо себя чувствуешь, что у тебя сдали нервы — ни в какую. Дуб дубом, — мрачно резюмировал Андрей Владимирович. И добавил: — Эти партийные функционеры жестокие люди. Если кто их ослушался — пиши пропало. Видимо, у него срабатывает и фактор нехорошего отношения к евреям, — откровенно признался завкафедрой. — Он, правда, об этом прямо не говорил, а сказал примерно так: «Что себе позволяет этот...» Уловил, старина?

Невесело было на душе у Рувина.

— Ладно, старина, не надо нервничать, береги здоровье. Я ещё раз через полгода постараюсь... Может, попаду под хорошее настроение. Хотя... У него хорошего настроения никогда не бывает. Он очень

жёлчный человек. Ты же видел, как он улыбается. У него при этом смеются только эти густые брежневские брови.

Еще около трех лет в надежде на полную ставку проработал Рувин в этом институте. И то по настоянию Андрея Владимировича. Ещё один раз постарается Андреи Владимирович смилостивить этого ректора. Он будет вновь доказывать тому, что Нисуев талантлив, что студенты уважают его, что он продолжает выполнять общественную работу, что он перспективный товарищ...

— Меня всё это не волнует, — сухо и безжалостно ответит ректор.

— Взъелся мужик — и все тут, — и Андрей Владимирович от досады махнул рукой.

Долго на 125 рублей оставаться уже не было смысла. И Рувин решится уйти. Но куда? «Наверное, придётся идти в школу. И поближе к дому», — надумает он. Прежде чем рассчитаться, он сначала обратится в отдел народного образования в своем районе. Он подал заведующей свой послужной список. Она, познакомившись с ним, спросила.

— Что ж вы так часто меняли места работы? Неужто у вас неуживчивый характер? — и она при этом постаралась выжать из себя улыбку, дабы не обидеть гостя своим вопросом.

— Где бы я ни работал, везде мне объявляли благодарности, выдавали грамоты. Я уходил по разным причинам объективного характера, — постарался объяснить Рувин.

— Да, но... впечатление создаётся... если человек меняет места работы, то значит, что он неусидчивый, неуправляемый, не срабатывается...

— Если бы моя трудовая вызвала бы подозрение, обком партии не направил бы меня редактором газеты! — постарался Рувин убедить эту женщину.

— А данные у вас, признаться, сногсшибательные — и она в знак крайнего удивления приподняла брови и посмотрела на Рувина.

«Наверное, она думает, — рассуждал Рувин мысленно, — что я в чем-то там провинился и потому вынужден был убежать оттуда», — горько усмехнулся Рувин, подумав об этом.

— Я работаю на полставки. А это всего 125 рублей и три часа дороги туда и обратно... Вот та самая причина ухода из института. А семья большая,— постарался он вновь убедить заведующую.

— Все это так, но вы же учителем не пойдёте в школу? Поздновато пришли. Сейчас уже конец августа, и всех директоров мы уже утвер-

дили, — с некоторым сожалением констатировала она. — Давайте договоримся так: этот год вы работаете учителем, а в следующем направим вас директором школы. Идёт? — и она изучающе и хитро посмотрела на Рувина.

— Собственно, я директором и не хотел идти. Считаю его хозяйственным работником. Вот если бы мне в качестве директора дали возможность внедрить мои методы по активизации внеклассной работы, вот тогда я, конечно, согласился бы.

— Ладно, там посмотрим, — согласилась та с его доводами.

В школу, куда направили Рувина, ему дали часы в пятом, девятом и десятом классах. А классным руководителем назначили в девятом классе.

Ему теперь предстояло преодолеть ещё один барьер: надо было после лекционной работы в институте вновь перестраиваться.

Рувин знал, что новому в школе человеку не положено было поручать классное руководство в старших классах. Получается так, что ученический коллектив до девятого класса вёл один учитель, а затем его передают другому?

Рувин не стал возражать, хотя понимал, что именно этот класс испортит ему оставшиеся нервы. Дело в том, что в первый же день его появления в школе, Рувина предупредили некоторые учителя, что этот «девятый» — сборный класс и составлен из двух восьмых, один из которых был спортивным. А спортсменов этих, как рассказывали в школе, баловали, им потакали во всём, их автоматически переводили из класса в класс, им прощали самые идиотские выходки, пропуски занятий, словом, это были «буйные» и неуправляемые школьники, которые редко открывали учебники.

— Поможем, — с фальшивой улыбкой на лице заверила Рувина директор школы, заметив в его глазах некоторое замешательство.

Высокая, худощавая, с высокой причёской, она при беседе с Рувином жеманно улыбалась, изображая из себя хитрую, умную, опытную руководительницу школы. Она сразу вызвала у Рувина неприязнь к себе. Рувин не любил неискренних, фальшивых людей. Он сам никогда и ни в чём не хитрил, а потому не терпел тех, кто занимался этим. При первой же встрече с этой мадам Рувин уловил, что не сработается с ней и что это начало конца. Интуиция и наблюдения никогда не подводили Рувина. Эта женщина напоминала Рувину секретаря парткома гуманитарного института. Тот точно так же фальшиво улыбался,

показывая своё превосходство над человеком и одновременно своё пренебрежение к собеседнику.

«Надо же, — размышлял Рувин, — как часто мне попадаются всякого рода негодяи и мерзавцы. Но сколько же их!? И терпят же таких подонков другие!? И продолжают с ними работать. И подлаживаются под них. Но как так можно? Значит, те, кто терпят, работают не в своё удовольствие. И танцуют под дудку этих мерзавцев! Вот в чём беда-то».

«Не могу же я, — рассуждал Рувин по дороге домой, — сейчас же побежать в отдел народного образования и кричать: «Не нравится мне эта особа! Я не собираюсь с ней работать.»

А когда Рувин расскажет жене об этой директрисе, она не без раздражения скажет: «Что ж ты хотел, чтобы тебе создали особые тепличные условия, чтобы вокруг не было ни одного негодяя и мерзавца? Чтобы не было ни одного завистника, подонка и чтобы ты мог безболезненно, творчески и созидательно работать?! О таких условиях многие мечтают. Но увы. В жизни ещё так много всякой дряни, что приходится их терпеть, и тихо делать свою работу. Ты думаешь и мечтаешь об идеальных условиях... Как было бы хорошо, если бы на заводах, фабриках трудились только честные и добросовестные люди! Тогда никто не смог бы портить людям настроения, и они могли бы плодотворно трудиться. Если бы то здоровье, которое хорошие люди отдают на преодоление трудностей, да отдать бы дополнительно своей работе!»

«Странное дело, — рассуждал Рувин вновь и вновь, — получается так, что я действительно всегда хочу попасть в идеальные условия. Но среда стерильной не бывает. И как только на моём пути встречаются гнусные руководители-хамы, я раздражаюсь, выхожу из себя...»

Итак, оказавшись в глупейшем положении, Рувин вынужден был согласиться с руководством в девятом классе и работать с этой дамой.

Прошёл месяц. Он, зная, что только хорошо поставленная внеклассная работа поможет укрепить дисциплину в этом полуспортивном классе, сразу открыл шахматный кружок и составил план экскурсий, походов... Но, будучи опытным педагогом, Рувин сознавал, что добиться успеха от внеклассной работы можно, только начиная с пятого или шестого класса. А этот «девятый» оказался настолько запущенным, что спортивной части класса всё, что Рувин

ни задумывал, было совершенно безразлично. Как позже узнает Рувин, учителя давно махнули рукой на них и терпеливо ждали, когда их выпустят.

Мог бы махнуть на них рукой и Рувин. Но он не мог так поступить. По характеру своему. В этом и состояла вся его беда.

Но зато Рувин получал истинное удовольствие от общения со своими десятиклассниками и, в особенности, с пятиклассниками! Они настолько привязались к нему, что старались и на переменах общаться с ним. А пятиклашки стайками следовали за ним по коридору. И задавали ему всякие вопросики, лишь бы постоять рядом с ним некоторое время. «Какие прелестные дети!»— восхищался Рувин. — Вот бы у них быть классным руководителем! Я из этого класса сделал бы куклу!»

Чуть позже полюбили его и десятиклассники. Но не сразу. Они постепенно привыкали к нему. Многие из ребят были не в ладу с русским языком и литературой. В сочинениях допускали массу ошибок. Поначалу они просто боялись Рувина: «Такой серьёзный! Кандидат наук!» — поговаривали они между собой. Но когда он стал проводить с ними дополнительные занятия, на которых анализировали все ошибки, допущенные в письменных работах, поняли, что этот учитель желает им только добра. Постепенно несколько десятиклассников, которые раньше не читали не только обязательную, но и вообще художественную литературу, стали понемногу приобщаться к чтению. Эмоционально, доходчиво убеждал Рувин своих подопечных об огромной пользе от знакомства с произведениями писателей. В подтверждение своим словам приводил такие доводы: «Кроме того, что мы узнаём о жизни людей, об их судьбах, о взаимоотношениях, об их душевном состоянии, мы, заглядывая в прошлое, знакомимся с историей того или иного народа, мы окунаемся в жизнь героев, живём вместе с ними и чувствуем себя там, мы становимся соучастниками и свидетелями тех событий. И больше того, читая художественные произведения, мы, сами того не сознавая, становимся намного грамотнее. И получаем огромное эстетическое удовольствие от прочитанного. Так что, ребята, чтение повышает и интеллектуальный уровень человека, обогащает и расширяет его познания о жизни...»

Как было радостно на душе у Рувина, когда месяца через полтора-два к нему во время перемены подошла клаасная руководительни-

ца десятого класса и без всяких эмоций спокойно сообщила, что благодарна ему, Рувину, за интересные уроки в её классе. И добавила:

— Но самое главное — сегодня двое моих питомцев признались в беседе со мной, что благодаря вашим усилиям они полюбили литературу. Должна признаться, до сих пор это никому из учителей не удавалось сделать. Спасибо вам. Родители в восторге!

— Чего уж там. Это моя обязанность. Многое зависит от самого учителя. Значит, раньше ребятам не повезло с хорошим учителем.

— Здесь вы попали в самую точку, — грустно призналась классная руководительница.

...Пока все вроде бы шло своим чередом. Но контакта со спортсменами своего класса он так и не мог установить. Рувин выбивался из сил, предпринимал всяческие попытки, чтобы наладить с ними добрые отношения, но спортивную часть класса ничто не интересовало, не увлекало, не соблазняло. Он совершил с классом экскурсию по городу, съездил с ними в усадьбу Чехова в Мелихово, проводил для них дополнительные занятия по русскому языку. А они, за некоторым исключением, были безразличны абсолютно ко всему: и к Чехову, и к его усадьбе, и к его наследию, и к достопримечательностям родной Москвы, и к занятиям в школе, и к учителям. Во время экскурсий многие из них не слушали рассказов экскурсоводов. Больше того, по любому поводу хохотали им прямо в лицо. На замечания Рувина, что они ведут себя неприлично и развязно, они вообще не реагировали. Это были какие-то нестандартные ребята, которым ничего было не нужно. Буйствовали в основном 10–12 учащихся-спортсменов. Рувин таких туповатых, бездушных детей встречал впервые. «Кто же их такими вырастил? Кто их такими воспитал?» — возмущался Рувин. Он уже понимал, что будь он семи пядей во лбу, успеха ему с ними не добиться, вызывал родителей, просил приструнить своих великовозрастных детей. И всё бестолку. «Даже в вечерних школах, — думал Рувин, — и то учащиеся были намного порядочнее и послушнее, чем эти».

Но Рувин не хотел сдаваться. Он вынужден был исправлять ошибки тех, кто до него работал с ними. Только он не мог понять, за что судьба должна наказать его, а не тех, кто разболтал их. Стыдно было Рувину признаться перед коллективом школы и перед Роно в своём бессилии. «Что подумают все они, если он не справится с ними?» И от таких мыслей ему становилось не по себе. А тут ещё после

серии нервных срывов, постоянных психологических перегрузок у него образовалась новая болезнь: появилось чувство страха при скоплении народа в наземном транспорте и в вагонах метрополитена. Он затем ещё несколько раз падал, теряя сознание. Будь у него покрепче нервы, быть может, он немного спокойнее отнёсся бы к поведению своих неукротимых девятиклассников и нашёл бы ключ к ним... Но вся беда заключалась в том, что нервная система у него оказалась на грани истощения. И всё же он старался держать себя в руках, какого бы труда это ни стоило.

Закончилась первая четверть. Он пригласил родителей на классное собрание. Вот тут-то были поставлены все точки над «и». Родители добросовестных учащихся выступали и требовали от родителей спортсменов усмирения своих чад.

— Дайте нашим детям нормально учиться! — требовали они. – Утихомирьте своих буйных детей. Мы довольны классным руководителем наших детей. Если вас не устраивают его замечания в адрес ваших чад, заберите их отсюда, тем более, что вы из других районов города!

— Классный руководитель желает нашим детям добра, прилагает все усилия, чтобы класс зажил интересной жизнью, а ваши спортсмены сводят все его усилия на нет, — с жаром говорили родители.

Рувин, слушая родителей, внимательно наблюдал за реакцией родителей спортсменов. Они сидели с тупым выражением лица, равнодушно и рассеянно поглядывая по сторонам и делали вид, что будто их вовсе эти замечания не касаются и не волнуют.

«Нет, — думал Рувин, — ничего у меня с этим классом не выйдет. Напрасны мои труды, мои нервотрепки. Надо будет терпеливо довести их до конца учебного года и распрощаться с ними».

Но опять же вся беда Рувина заключалась в том, что он не привык работать спустя рукава, как попало. И поэтому он будет вновь тратить свое здоровье, будет выбиваться из сил, чтобы как-нибудь да добиться успеха. И споткнётся — не тут-то было! И он станет нервничать и порой даже выходить из себя, чего с ним никогда, даже в очень сложных обстоятельствах в его жизни, не случалось. Он сознавал, что горе-спортсмены не заслуживают его нервотрепок, но ничего с собой поделать не мог.

Каждый раз, когда и сейчас Рувин вспоминает, мысленно представляет тот период своей жизни, когда он работал в этой школе, у

него на душе становится так тягостно, будто он вновь находится среди этих девятиклассников.

«...Каковы родители, таковы и их дети», — пришёл тогда Рувин к горькому выводу. — Яблоко от яблони недалеко падает»...

Между тем, в тот день, когда в школе во всех классах проводились родительские собрания, для него, Рувина произошло и приятное событие. Он заканчивал беседу в своём классе, когда дверь приоткрылась, и молоденькая руководительница пятого класса извиняюше произнесла:

— Рувин Нисимович, прощу прощения, не могли бы вы на минутку заглянуть к нам. Там родители требуют вас, хотят с вами познакомиться. Говорят, дети им все уши прожужжали. Уважьте, пожалуйста.

— Хорошо. Зайду,— успокоил он её.

А по дороге в пятый класс его подхватила в коридоре классная руководительница десятого класса.

— Буквально на несколько секунд, — мило улыбаясь ему и подхватив его под руку, попросила она.

И он сначала оказался в десятом классе. И как только она представила его, встал мужчина в военной форме в чине генерала и сразу начал:

— Рады с вами познакомиться. Позвольте вас спросить, — несколько грозно, но с улыбкой произнёс он, — как вам удалось приобщить наших ребят к чтению и заинтересовать их литературой? То, что другим за 9 лет не удалось, вы сделали за два месяца! Я понимаю, что на такой вопрос отвечать надо долго. Я хочу от имени родителей выразить вам благодарность. Нужно отметить, что наши дети и добрее стали, и шахматами увлеклись... Большое вам спасибо! Но скажите, пожалуйста, где вы раньше были? Да, извините, не представился — Козинцева Павла отец я.

Рувин был приятно тронут. Попрощался и побежал к дожидавшим его родителям пятиклашек. Как только молоденькая учительница назвала его имя и отчество, класс взорвался аплодисментами!

У Рувина от такого приёма ком подкатил к горлу, глаза сразу увлажнились. Рувин был приятно поражён вторым тёплым приёмом — не ожидал такого! Не сдержался — расслабился и пустил слезу. Вновь «заговорили» нервы. Отвернулся, кашлянул и незаметно смахнул слезу с лица.

— Они поголовно все влюблены в вас! — громко заявила одна женщина.

— Да они только о вас и говорят дома, — восторгалась другая.

...Рувин вспомнил, как ему тогда стало плохо от радостных возгласов. Он еле держался на ногах. Голова слегка закружилась от нервного напряжения. Постарался взять себя в руки — ведь не поймут его слабости родители. Он глупо улыбался и благодарил за комплименты. А потом извинился и быстро вышел.

Радовали его одни, огорчали другие. Он вспомнил, как с большим опозданием плелись на собрание родители его спортсменов. «Если родители такие безответственные, чего от их детей требовать?» — возмущался тогда Рувин.

Рувин уже в тот день твердо понял, что, назначив его классным руководителем в этом злосчастном классе, директриса фактически заранее предусмотрела, что он, каким бы сильным педагогом ни был, не справится и сломается. Она расчетливо полагала, что сейчас все недостатки, связанные с их воспитанием, можно спокойно отнести на его счет. Коварная и нечистоплотная женщина, она наносила Рувину удар ножом из-за спины. Поэтому в своей «задумке» она не просчиталась. Когда Рувин раскусил «идею» директрисы, то уже ничего поделать не мог. Поэтому, когда он выступил на том собрании перед родителями, вынужден был заявить им следующее:

— Если вы не окажете мне содействие, помощи, то я вынужден буду отказаться от этого класса, — предупредил он их самым решительным образом. — Если судьба ваших детей вам безразлична, то тут я ничего не могу поделать!

Наивный Рувин, он даже не предполагал, не представлял, что, слушая его, некоторые родители спортсменов про себя произнесут: «Ну туда вам и дорога! Баба с возу — кобыле легче. Подумаешь, напугал нас. Только пришёл и уже командует!»

Нет, Рувин всего этого не слышал (об этом потом ему расскажут), а потому продолжал:

— Конечно, если бы я их вёл с шестого или с седьмого класса, то я смог бы наладить с ними контакт, а сейчас... поезд уже ушёл. Так что подумайте, пожалуйста.

Не успели разойтись родители, как директрисе доложили об его «угрозе». И она сразу вызвала Рувина к себе в кабинет.

— Вы что себе позволяете? — завопила она грозно. — Кто вам разрешит оставить классное руководство? Что вы возомнили о себе? — бросила она сквозь зубы.

Рувину подсказывали, что в течение учебного года директриса будет стараться выжать из него все соки, зная, что через год всё равно он уйдёт из этой школы. Вот почему она позволяла себе прикрикнуть на него и угрожать. И вообще она плевать хотела на этого кандидата. Да если она захочет, то превратить его в дерьмо и заявит в Роно, что он никчемный учитель. Будет она из-за какого-то Нисуева сдерживать свой характер!

Рувин такого тона, такой угрозы от этой долговязой дамы не ожидал, поэтому в первую минуту он от неожиданности оторопел. Потом, не выдержав, ответил:

— Во-первых, — начал он, стараясь говорить спокойно, — вы не тот тон избрали для беседы со мной. Во-вторых, я ваших угроз не боюсь. В-третьих, вам надо было раньше прилагать усилия, чтобы этот сборный класс был нормальным. В-четвёртых, если вы будете так со мной разговаривать, то я вообще на зимних каникулах уйду из школы. А так... я хотел только от классного руководства отказаться, чтобы вы передали эти обязанности тому, кто вёл этот класс спортсменов в восьмом классе!

— Попробуйте только. Да я вас... — захлёбывалась от злости эта дама.

Рувин знал, как эта бесталанная, неумная женщина держала коллектив учителей в ежовых рукавицах. Она использовала по отношению к нему свои обычные полицейские методы и приёмы. «Как таких директоров держат в школах? — возмущался Рувин. — Да таких и близко к детям нельзя подпускать!»

— Я вас из партии исключу. Да я вам профнепригодность состряпаю! А ещё директором школы хотел идти?! — куражилась она.

Рувин вышел из кабинета, не дослушав её. Теперь он твердо знал, был убеждён, что из-за такой дряни дальше нервы трепать не стоит. Он понял и то, что никаким директором он уже не будет.

В школе с месяц стояла тишина. Учителя ждали, чем же закончится противостояние Нисуева с этой держимордой. Им интересна была сама развязка. Рувин же больше с директором не разговаривал. И не здоровался. И каждый из них выдерживал паузу.

«Она, наверное, думает, — рассуждал Рувин, — что я после ее оскорбительной выходки испугался ее и что я теперь никуда не посмею уйти».

Завершилась вторая четверть. Рувин положил директрисе заявление об уходе и, не дожидаясь ее ответа, наконец впервые за последние годы записался на полустационарное лечение в клинику неврозов. С утра он лечился, а к пяти часам вечера приезжал домой. Кое-кто из учителей, его доброжелателей, звонил ему домой и рассказывал о разворачивающихся в школе событиях. Как-то его лечащий врач в клинике сказал ему, что его директриса пожаловалась заведующему, что они взяли на лечение симулянта. Во-вторых, она написала на него, Рувина, в райком партии жалобу и поставила в известность заведующую Роно об уходе Рувина из школы. Говорили, что она сходит от бешенства с ума. Ее мучало не столько «моральная» сторона проблемы, сколько то, что было задето ее самолюбие, нарушены ее принципы! И она не могла сидеть без дела – не в ее это было характере. Она обязана была добить того, на кого уже подняла руку! Но она просчиталась: недооценила любовь пятиклашек и десятиклассников к своему учителю литературы. Она просто не могла предвидеть, что родители этих детей грудью встанут на зашиту Нисуева. Особую роль в этой «борьбе» против косности, самодурства директрисы сыграет отец Павла Козинцева. Тот самый генерал, который был рад, что его сына приобщили к чтению. Так этот уважаемый военный генерал требовал от директрисы вернуть учителя в школу и освободить его от классного руководства. «Он принесёт больше пользы и без этого руководства», — говорил он этой даме.

Родители штурмовали кабинет директрисы!

— Иначе мы заберём своих детей как один из этой дурацкой школы, — грозились родители. — И потом будете расхлёбывать кашу, которую сами и заварили. Да вам и расхлёбывать её не придётся — вас просто выгонят...

Рувин понимал, что если бы родители не встали на его защиту, эта тварь съела бы его с потрохами. Но держиморда совершит ешё один мерзкий поступок. Полагая, что родителей настроили против неё отдельные учителя, которые её ненавидели за её издевательства, директриса бросила свои усилия на «разведывание», на поиск тех, кто помог Нисуеву. Она вызывала «подозреваемых»

по одному в кабинет, устраивала им разнос и, ничего не добившись, отпускала.

Рувина удивляло другое: почему заведующая Роно не приструнила своего зарвавшегося директора. Говорили, что в Роно дали ей полную свободу действий и не вмешивались в её дела только потому, что больше никто в этой школе кроме неё не может работать. «Школу надо держать в руках!» — таков был девиз Роно.

Вот и вся философия подобных горе-руководителей. Они жили и работали по принципу «Сила есть —ума не надо!» Зная обо всём этом, Рувин так и не заявился в Роно.

Но одно событие на всю жизнь крепко запало Рувину в душу. Он вспомнил, как к нему в клинику пришла одна учительница из их школы. Она никогда не была близка с Рувином. Поздоровается, бывало, и пройдёт мимо. Она молча со стороны наблюдала за Рувином, за его работой и за начавшейся войной между ним и директрисой.

— Как вы? — спросила она Рувина сиплым, прокуренным голосом.

— Плохо, — признался Рувин. — Нервы расшалились до предела. Да и не везёт мне — нет-нет, да и встречаются на моем пути подлые люди, — и Рувин развёл руками, — Всего-то пятьдесят лет, а нервы ни к чёрту, — пожаловался он.

Она слушала молча и с серьёзным видом. Поначалу Рувину, грешным делом, показалось, что эту молчаливую, скрытную женщину подослала директриса. И как только он об этом подумал, его прошиб холодный пот и ему стало плохо. Он достал платок и вытер пот со лба, с шеи.

— Вы не волнуйтесь, Рувин Нисимович, — слабо улыбнувшись, попросила она, будто прочитав его мысли. — Я сама пришла к вам. Я с начала учебного года наблюдаю за вами, за вашим поведением в школе, за вашей работой... Мне было интересно выяснить, выскочка вы или нет. Знала я, что вас должны были направить через год директором школы. И думала: не потому ли он так старается из кожи вон, чтобы показать себя с наилучшей стороны? Понимала я и то, почему вас направили в нашу школу: контингент тяжелейший. Здесь, как вы уже, наверное, поняли, и дети пьяниц, и дети-наркоманы, и те, которые и сами уже прикладываются к спиртному. Вы уже знаете, что за последними партами в десятом классе сидят несколько девочек-наркоманок. Меня удивило и то, что даже они, ведущие распутный образ жизни, относятся к вам с уважением. А это, вы меня извините, уже не по-

казуха. И тогда я решила: нет, этот человек живет своей естественной жизнью — иначе он не может: характер такой! И подумала, что ваш девиз «Все, что знаю — детям!» искренен. Вы даете детям знания, свою душу, прививаете любовь к своему предмету.

Она резко замолчала, вытерла пот с лица (в клинике жарко топили), посмотрела Рувину в глаза, мило улыбнулась, как бы извиняясь за свою откровенность.

— Вот почему вас еще будут ненавидеть. И будут вам по-черному завидовать. Такова судьба подобных людей. У нас не любят, когда лучше многих работают. — продолжала она спокойно. — И будут вас бояться. Да, да, бояться. За свое место. Вот за вас заступились родители. Вы думаете, за каждого учителя вот так дружно соберутся они? Сначала я думала, что это вы бросили им клич: «Спасите меня!» Я рада, что ошиблась. Наша мадам, видя, как дети любят вас, как вас обожают родители, как вы в масштабе всей школы умеете организовать внеклассную работу, понимая, что у вас все чудесно получается, она просто-напросто, извините меня, перетрухнула. Да, да, испугалась, что вас посадят на ее место. То, что вы ученый, журналист, автор многих книг — все это для нее ровным счетом ничего не значило. А вот то, что вы большой организатор и хороший педагог — вот это ее и сразило, убило! Вы думаете, что этот злополучный девятый класс она не могла передать другому? Ошибаетесь. Она специально подсунула вам этот гадкий класс, чтобы вы споткнулись, чтобы ваши методы воспитания не сработали, чтобы вы опозорились... Вы думаете, она за детей волновалась? Она их, вместе взятых, просто ненавидит. Она ведь полицейская, садистка. Короче, она добилась своего: вы не выдержали, поломались. В итоге попались на ее удочку. Вот теперь она имеет основание доложить в Роно, что вы, извините меня, обосрались! Вот и все, что хотела вам сказать. Но признаюсь, что от души будет жаль, если уйдете. В первую очередь мне, потому что мне было приятно работать с умным и талантливым человеком. Во-вторых, жаль будет тех детей и учителей, которые успели вас полюбить. Но и вас понять можно. Видимо, не раз горели. Чувствуется, что и нервишки вы потрепали немало.

Рувин очень и очень был благодарен этой умной и степенной женщине. Ее слова, ее рассуждения благотворно воздействовали на Рувина и в некоторой степени помогли ему в процессе лечения!

...Директриса, как ни пыхтела, все же вынуждена была подписать его заявление об уходе.

Так, в трудовой книжке Рувина появились записи под номерами 47 и 48. Но это было еще не все. Полоса неудач, разочарований и страданий будут преследовать его еще долгих три года. Сказано ведь, что пришла беда, отворяй ворота. Еще не раз коллективы, состоящие из мелких, завистливых людей, будут извергать, выбрасывать его из себя, как вулкан извергает лаву. Его нигде не ждали, он никому не был нужен, он доставлял всем им неудобства, он страшил их всех своими данными, он был для них слишком хорош. Он им мешал, он пугал их. Своим добросовестным трудом, своей принципиальностью...

В том же году Рувин вновь пустился в поиски работы и совершил все тот же круг, который однажды проделал в 1981 году: обращался в редакции газет и журналов. Без зарплаты никак нельзя было. Необходимо было накормить восемь человек! И чтобы не болтаться без работы опять рискнул пойти в школу. Кто-то подсказал ему, что в каком-то лицее при техническом вузе есть место учителя литературы, и он ради зарплаты отправится туда. Вынужден был. И буквально через десять-пятнадцать дней разочаруется: здесь литературу просто терпеть не могли и знать не хотели. При этом одно удивляло Рувина: почему в программы таких технических учебных заведений вводят такие предметы, как литература? Нет, он понимал, что будущим инженерам без элементарных знаний произведений писателей нельзя, но если дети из-за своей неприязни к этим предметам гуманитарного характера и ушли из обычных школ в эти технические лицеи, то зачем продолжать их мучать?! Непонятная ситуация.

И Рувин, не получая удовольствия от своей работы, морального удовлетворения и, хуже того, видя, как эти учащиеся и ненавидят этот предмет, убрался вон из этого лицея.

Хождения по мукам продолжались. Будет ли конец им, Рувин не знал.

Обдумывая свое невеселое положение, Рувин решил сходить к замзаву отделом пропаганды обкома партии, тому самому Панфилову, и спросить его, почему так получилось, что ректор института оказался не в курсе их договора. Он позвонил ему и назавтра отправился к нему.

— Ваш ректор — мой бывший начальник. Вы, наверное, об этом знаете. Он тяжелый человек. Непробиваемый. Упрямый. Его и здесь недолюбливали. Поэтому, решив избавиться от него, направили ректором того института. Так что, если он даже и был в курсе дела, он мог сделать вид, что ничего не знает и знать не хочет. Я ему по телефону о наших условиях говорил. Сомневаюсь, чтобы он об этом забыл. Так что я тут ни при чем. Вы ушли оттуда? И сколько поработали там? Пять лет? Это уже хорошо. Помнится, как при случае он хвалил вас. И я был доволен, что не кого попало направил к нему. Да, тяжелый он человек. Вы, наверное, насчет работы пришли? Понятно. Так куда же мне вас направить? Знаете что? Загляните-ка вы в наш сектор по печати. — И он написал записку и пожелал Рувину успеха.

И Рувина направили корреспондентом одной из подмосковных газет. Когда редактор «доложил» своему маленькому коллективчику, что за товарищ по просьбе обкома партии «осчастливил» их и перечислил данные из его послужного списка, редакция сразу превратилась в потревоженный муравейник. А когда Рувин своими статьями, очерками, зарисовками через месяц-другой поднял популярность газеты, а вместе с тем и тираж газеты, сотрудники газеты его возненавидели еще больше. Он видел это, а потому хотел сказать им: «Ребята, извините, но я по-другому просто не могу!» Рувин, решив успокоить коллективчик, однажды прямо заявил редактору: «Все всполошились в редакции. Я понимаю, что некоторые беспокоятся за свои места. Я должен сделать вам заявление, что я работаю у вас временно и ничье место мне не нужно. Успокойте, пожалуйста, всех своих сотрудников. Я работаю у вас, чтобы в трудовой книжке не образовался перерыв. Ну, а то, что мои публикации вызывают у читателей особый интерес, тут ничего не поделаешь».

Но этого объяснения хватило ненадолго. Теперь, если сотрудники успокоились относительно претензий Рувина, то их настраивало против него его авторитет среди читателей, которые раньше не знавшие дороги в редакцию, стали часто приходить к Рувину. Он создал целый отдел внештатных корреспондентов. Сотрудники редакции этого пережить не могли. Да и потом на фоне грамотных, интересных материалов Рувина их безграмотные публикации выглядели открыто слабыми, безжизненными. И это бесило их...

«Как же низко я пал, — размышлял Рувин про себя. — Знал ли я, что мне доведется работать в маленькой районной газетенке, да еще с

такой безграмотной братией?! Быть завотделом республиканской газеты, редактором многотиражной газеты, руководителем отделения журналистики во всех трех вузах, публиковаться в «Учительской газете», в журналах «Дон», «Спортивная жизнь России» и т.д., и вдруг оказаться корреспондентиком никчемной районной газетенки! Что ж, такова моя судьба».

...Теперь каждый день Рувин предавался воспоминаниям. Одни эпизоды из его жизни всплывали у него в памяти в подробностях, другие, менее значительные, схематически. Но как горько бывало у него на душе, когда он восстанавливал в памяти те события, которые вновь, как когда-то вызывали у него смятение и тревогу и будоражили его. Если раньше, по молодости лет, он более или менее мог выдержать нервные перегрузки, то сейчас это ему удавалось с большим трудом.

Что с ним вытворяла жизнь?! Наряду с трудностями, связанными с поиском работы, Рувина преследовали в последнее время и разного рода неудачи. Кроме того, что старшая дочь не попала в ордер при обмене квартиры, он не знал, что предпринять для того, чтобы девочку прописать хотя бы в Подмосковье. Когда она завершила учебу в том самом гуманитарном институте, возник вопрос, где устроить девочку на работу и прописать её. А в паспортном столе ему твердили одно и то же: «Не можем прописать к вам вашу дочь: не положено. Она у вас взрослая». Он ничего не понимал. У него такой ответ не укладывался в голове. Он только возмущался и трепал себе нервы. И вновь от бессилия страдал. «Как будто в этом мире все ополчились против меня!» — в страшном душевном смятении думал Рувин. Но как бы там ни было, девочку необходимо было где-то прописать. Но куда идти? К кому обратиться? Мозг яростно работал. И в какой-то миг у него сверкнула мысль: в ВЦСПС! Он нашел телефон заведующего отделом библиотечной работы и позвонил ему.

— Помогите, пожалуйста, дочери с направлением в один из городков в ближайшем Подмосковье, — попросил он заведующего и объяснил ситуацию, которая сложилась с пропиской дочери.

И человек помог. И благодарный Рувин произнес: «Мир не без добрых людей!»

Лишь спустя много лет, когда жена приватизирует квартиру, сможет Рувин прописать свою дочь к себе... «Но что это было? Как можно было создавать людям столько невероятных сложностей? Вот так всю жизнь, которая напоминала бег с препятствиями!»

* * *

...Каждое утро Рувин уезжал в редакцию на электричке и возвращался поздно вечером.

Но как-то жена Ася говорит Рувину:

— Хата наша на садовом участке скоро развалится. Денег на ремонт у нас нет. Может, ты пойдешь директором в нашу сельскую школу? А там, бог даст, директор совхоза поможет со строительством хаты... — попросила она его с мольбой.

— Там же директор есть.

— Говорят, через год ее отправляют на пенсию, — информировала его жена.

И он загорится. «Поработать с сельскими мальчишками и девчонками! Какая прелесть! Сделаю для них доброе дело!» — подумал он с воодушевлением.

Переговорил с председателем сельсовета. Тот обрадовался и сразу в тот же день съездил с ним в районный отдел образования.

— Но этот год придется поработать просто учителем. Она уходит на пенсию в следующем году. Потерпите? — предупредила завроно.

«Повторяется старая история, — подумал Рувин. — Точно так надо было работать и в той школе с директрисой-держимордой. Не повторится ли опять подобное?»

Но в Роно сначала никак не могли понять, как такой человек с такими данными лезет в сельскую школу. Они были в некотором замешательстве: как, мол, можно так опуститься? И они по-своему были правы. Но не объяснишь же им, что обстоятельства дожали его, Рувина, довели до такого состояния.

Пока Рувина пугало только одно обстоятельство — это поездки каждый день в электричке зимой и летом. «Опять, как в свое время ездил в институт, полтора часа туда столько же назад. Трудновато придется, — подумал Рувин с некоторой грустью. — Особенно зимой». Но, с другой стороны, ему даже забавно было заниматься с сельскими ребятишками. Он уже настраивал себя заранее на интересную внеклассную работу.

— Хату поможете переложить? — спросил Рувин во время беседы с председтелем сельсовета.

— Можно, — заверил тот Рувина.

Но при всем при том чувствовал Рувин, что, послушавшись жену, он опять допускает примерно ту же ошибку, которую он совершил во

время поездки в пединститут шахтерского города. Рувин обязан был подумать, что особенно зимой в ожидании электричек на платформе у него замерзнут и одубеют ноги. К сожалению, зимой оставаться в деревне в такое время года он не мог: их хата была не приспособлена для проживания в зимнее время. Но, взвесив все за и против, дал все же согласие на работу в деревенской школе.

Так в трудовой книжке Рувина появилась очередная запись...

Одно смущало Рувина при работе в сельской школе: вот он вновь станет увлеченно работать, затмит своим энтузиазмом и рвением остальных, и учителя возненавидят его.

— А ты особенно не старайся, чтобы не дразнить гусей. Будь благоразумным и терпеливым, — просила его жена.

Подобные предупреждения всегда возмущали Рувина. «И опять дает мне советы, чтобы я халтурно работал, — рассуждал он, услышав «речь» жены. — Как можно иначе работать, когда мой характер требует творческой деятельности!»

Он мысленно вернулся к тому периоду своей жизни, когда работал в шахтерском городе, и восстановил в памяти тот день, когда доцент Углов предупреждал его: «Так и говорят: «Ему больше всех нужно? Чего он настраивает руководство против нас?» Друг мой, вы вызываете огонь на себя. Так что будьте осторожны!» А быть осторожным — это значит ничего не делать. Дал урок — и бегом домой. Но он ведь так не может. Вот и председатель сельсовета говорил ему, что сельские учителя не особенно любят себя утруждать. «Опять — двадцать пять, — подумал с горькой усмешкой Рувин. — Я, будучи неугомонным, творческим человеком, разверну свою деятельность и выйдет, что тем самым задавлю бедных консервативных учителей? А они, испугавшись, придут к выводу, что такой директор в перспективе им не нужен и что от него надо будет быстро избавиться. Им же не требовательный человек нужен, а покладистый. Ну, тот, который не собьет их с обычного ритма жизни».

И понял Рувин, что этот учительский коллектив объявит ему туда ближе бойкот и тогда через год такое же консервативное Роно под разным предлогом отклонит его кандидатуру, даже не сказав спасибо за проделанную работу. Хуже того, в Роно могут забеспокоиться: «А вдруг этот хваткий ученый так напугает наших учителей, разгонит их или они сами убегут, а потом ищи им замену. А где эту замену найдешь? Никто особенно в сельскую школу не идет».

Вот такая беспросветная картина вырисовывалась перед Рувином. «Не выйдет — и не надо! Ничего, зато один год посвящу деревенским детям и посмотрю, как сработает мой метод внеклассной работы, увлечет ли она детишек.»

Рувин очень часто задавал себе сходные вопросы. Они не давали ему покоя. Почему способных, трудолюбивых людей не только не ценят, но и стараются от них избавиться? Это что ж, стиль всей нашей жизни? Человек трудится, не требует дополнительной платы за свой энтузиазм, всю душу вкладывает в свою работу..., а его (за редким исключением) и в грош не ставят и плевать на него хотели вместе с его энтузиазмом. Нет, не мог Рувин найти ответов на мучавшие его подобные вопросы.

Как бы то ни было, Рувин все же приступил к работе. Сразу открыл два кружка: театральный и шахматный. С какой жадностью записывались дети в эти кружки! Изголодавшиеся школьники по внеклассной работе целыми классами приходили на эти занятия. С будущими шахматистами Рувин занимался дважды в неделю, а с юными артистами — трижды. Как это было важно для сельских ребятишек, которые после уроков не знали куда себя деть, чем заняться.

Рувин преподавал в пятом и десятом классах. В порядке исключения его от классного руководства освободили. Зато директриса поручила ему вместо себя вести заседания педсовета и общешкольные родительские собрания. Она попросила его подготовить школу и для проведения семинара завучей всего района.

Учителя же пока вели себя по отношению к нему настороженно и терпимо. Через месяц-полтора они стали его уважать, но уже и побаиваться. Видел Рувин, какой скучной жизнью жили его сельские коллеги. А дети? Они, бедные, без дела прежде слонялись по селу, не зная, как организовать свой досуг. И никого это не волновало. «Как так можно жить? — возмущался Рувин про себя. — Неужели здесь всем и все безразлично?»

На репетиции его кружковцев из театрального кружка приходили почти все школьники. Рувин готовил со своими подопечными спектакль по «12 месяцев» С.Маршака. А когда юные шахматисты стали просить его проводить занятия чуть ли не каждый день, он с удовольствием поручил более старшим мальчикам замещать его на правах руководителя кружка. Он каждый день оставаться в школе подолгу не мог — надо было добираться домой. И у ребят уже очень хорошо полу-

чалось. Это радовало Рувина, и в особенности родителей, которые были бесконечно признательны Рувину за заботу об их детях, которые теперь не болтались без дела по селу.

Директриса фактически отстранилась от выполнения своих прямых обязанностей и переложила их полностью на Рувина. И объясняла это так: «Чтобы вы лучше вникали в работу руководителя школы».

Но при этом она была себе на уме: хотела, чтобы он не справился. Это в ней говорила человеческая ревность, обида. Поэтому она желала, чтобы Рувин в какой-то момент споткнулся и в Роно решили, что она незаменима, что кроме нее никто не справится с должностью директора. Ведь ее просили уйти на пенсию вовсе не потому, что у нее пенсионный возраст, а в основном из-за халатного отношения к работе. И выгоняли ее по науськиванию ее завуча, которую она когда-то пригрела на груди. Теперь та самая змея ненавидела ее и старалась ужалить свою прежнюю покровительницу. А теперь, добив ту, которая ее пригрела на груди, завуч не знала, как вести себя после решения Роно назначить в следующем году директором какого-то москвича. И завуч запуталась, не понимая, что ей делать, как быть: то ли пресмыкаться перед новым человеком, то ли продолжать бороться за свою мечту — стать самой директрисой. Инспектор Роно, куратор их школы была ее подругой. Так вот она посоветовалась с ней, и та «приказала» ей пока не высовываться, потому что, как она объясняла, «данные нового человека так значительны, что они могут затмить данные всех директоров района вместе взятых». И завуч до поры до времени затихла. Но только до поры!

Эта женщина преподавала математику. Отсутствие таланта педагога она восполняла криком. Когда она возмущалась на уроках, она так мастерски скулила, что ее вой был слышен по всей школе. Учителя, свободные от уроков, услышав такое очередное завывание, с ухмылкой поглядывали на нового человека, чтобы видеть его реакцию. И еще их взгляды говорили о том, что их завуч в своем амплуа!

Однажды, когда Рувин вошел к ней в кабинет, та, чтобы польстить ему, громко и с возмущением заявила:

— Если бы вы знали, как эта тупица меня раздражает, просто бесит, — и она кивнула головой в сторону кабинета директора. — Видеть уже не могу ее, — с холодной улыбкой на кирпичном лице продолжала она, не зная, как воспримет ее «комплименты» в адрес директора Рувин. — И когда она уберётся?

Рувин был поражен тем, как эта женщина, зная о том, что ее саму терпеть не могут ни учащиеся, ни учителя, ни родители, все равно продолжает вести себя нагло и по-хамски. Когда ее подруга, учительница биологии передавала ей, что ее не любят, что о ней дурно отзываются, она, не моргнув глазом, громко, чтобы и другие услышали ее, заявляла: «А я чихать на всех их хотела! Ты так и передай им!»

А однажды та самая верноподданная подруга зашла к ней и стала рассказывать ей об успехах своего пятого класса:

— Представляешь, мой класс стал таким дружным, исполнительным, — хвалилась учительница биологии завучу. — Ребята стали намного лучше учиться. Активность стали проявлять. На меня, представляешь, стали меньше обращать внимание, — перешла она на жалобы. — Все разговоры только об этом Рувине Нисимовиче. Родители уже не ко мне обращаются, а к нему. Это уже чересчур.

— Зависть заговорила, хе-хе? — весело позлорадствовала завуч. — Так однажды и меня за завуча не станут принимать, — зло заключила она.

Рувин чуть позже узнает об этом разговоре от секретаря директора, которая через полуоткрытую дверь в кабинете завуча и услышала все это.

— Знаешь, о чем я подумала? — вдруг с энтузиазмом продолжила учительница биологии. — Если у нашего кандидата на должность директора такие шикарные данные, если он такой талантливый, то какого хрена он сунулся в нашу дыру? Здесь что-то не то, дорогая. Не то! Он еще всем нам даст прикусить. Жизни не будет. Покоя не будет — хоть убегай!

— А ты займись им, — деловито посоветовала завуч. — Съезди в те школы, откуда он, не проработав полностью год, уходил. Выясни причины. А если что интересное вынюхаешь, доложи в Роно. И тогда директором буду я! Уловила? Действуй!

За подготовку и успешное проведение семинара для заведующих учебной частью школ района директриса внесла в трудовую книжку Рувина благодарность. Рувин, видя, что некоторые учителя во время семинара притворились больными, взяли больничные листы и спрятались, понял, что они просто-таки испугались посещения своих уроков. Они имели настолько слабую подготовку, что припрятались «в кустах». Тогда Рувин пригласил группу завучей к себе на урок русского языка в пятый класс. И получил высокую оценку за проведенный урок!

А когда семинар завершился, и учителя вернулись в школу, директриса пригласила их к себе в кабинет и отчитала. А затем обратилась к присутствующему здесь Рувину:

— Вот так, Рувин Нисимович. Вы поняли? Такие у нас коллеги.

В течение двух месяцев юные артисты Рувина шили вместе с родителями себе костюмы к спектаклю. А затем они предстали перед зрителями во всей своей красе. Выступали они на «сцене» Дома культуры, который размещался в местной церкви. «Зал» был переполнен. Здесь помимо школьников и учителей присутствовали и родители артистов, и другие сельчане!

После блестящего выступления его питомцев Рувина теперь в лицо знало все село.

Приближался конец учебного года. В середине четвертой четверти завуч сообщила Рувину, что его, ее и двух учителей вызывают в Роно. «Вот оно и начинается, — сообразил Рувин. — Значит учительница биологии успела побывать в той московской школе у директрисы-держиморды и получить то, что хотела». Что могла наговорить та полицейская, Рувин, естественно, представлял. О скандальной истории Рувина учительница биологии вместе с завучем (а та жила буквально рядом с Роно) доложили заведующей. И как результат — вот это приглашение.

— Мы собрали вас, — залепетала курирующая инспектор, — чтобы сказать следующее: принято решение, что директором школы все-таки должен быть местный человек. Хотим услышать ваше мнение.

— Я предлагаю на эту должность нашего завуча, — залебезила учительница биологии.

— А что? — радостно зашевелилась завуч. — Может быть, это мой звездный час!

«По готовому дешевому сценарию работают», — совершенно равнодушно и спокойно подумал Рувин, уже, конечно, догадавшийся о «походе» учительницы биологии.

Рувин настолько устал и от ежедневных поездок, и от предыдущих нервотрепок, что даже обрадовался такому исходу дела.

— Будем предлагать вас, — заговорила наконец сама заведующая Роно, до того сидевшая в уголке молча. — Поздравляем вас!

Спустя более десяти лет после того события, Рувин со «злорадством» вспомнит, что буквально через несколько лет после того краснощекую учительницу математики выгнали из школы с позором — без

права работать в системе образования. «Каждому — свое!» — повторит Рувин, вспомнив об этом.

Но в тот день Рувин оказался в состоянии легкого оцепенения от происходящего. И вовсе не потому, что он потерял «драгоценное» место. Его раздражали цинизм, хамство, подлость этих людишек. Он на том «совещании» не проронил ни слова — настолько ему было все, о чем они говорили, безразлично. Да и что было ему говорить, если, как он понял, у них все было заранее расписано. Быть может, и взорвался бы Рувин, как говорится, посадив каждого из них на место, но здесь не было высказано, почему конкретно решили отказаться от «иногороднего».

Они о чем-то оживленно говорили, а он, Рувин, тем временем ушел весь в себя. «Боже мой, — думал он с горькой усмешкой, — что делает со мной жизнь? Неужели все это происходит со мной? Что толкнуло этих людей вышвырнуть меня? Характеристика той директрисы? Или они испугались меня, как активного человека? Да, то, что коллективчик школы перетрусил — это понятно. А эти начальнички чего всполошились? Ведь вроде бы должны быть ему рады: такой человек поднимет отдельно взятую сельскую школу и сделает ее показательной! Оказывается, я и здесь никому не нужен. Пугаю я людей своей неуемностью, своей энергией. Они этого не хотят. Они этого боятся. Может, я все-таки в чем-то и где-то виноват? — Потом, немного подумав, продолжил. — Везде боятся хорошей работы!» И как следствие его посещали мрачные мысли: «Ну, неужели подобное творится везде по всей стране? Страх берет!» И как только Рувин ставил этот вопрос широко, масштабно, ему становилось не по себе: холодный пот с испариной покрывал всю его голову.

Рувин, как только он по завершении учебного года рассчитался, сразу с облегчением вздохнул свободно и произнес про себя: «Нет худа без добра!» А потом спокойно рассудил: «Пусть копаются в собственном дерьме! Только вот детей жалко!»

Взлеты и падения, взлеты и падения. Рувин постоянно анализирует свои и чужие поступки, действия и ищет ответа на вопрос, в чем он виноват. Слышал он, что и в других школах работают директорами кандидаты наук. И работают же! Их не пугаются! Не боятся! А может, они были такие же консервативные, как и их коллективы? У них, этих директоров, наверное, не было его, рувиновского рвения? Не страшили они своим поведением никого? Не все же такие сумасшедшие, как

он. Видимо, спокойно и невозмутимо руководят они своими школами и придерживаются одного принципа: Не тронь меня — не трону тебя! Как просто все объясняется! Инертен директор, инертны учителя — вся проблема!

Вот сейчас Рувин вспоминает все это и на душе опять становится гадко и мерзко. Единственное, что доброго осталось у него на душе — это то, что каждый раз по приезде в деревню с ним аккуратнейшим образом здороваются сельчане: и стар, и млад! «Помнят тебя! — подчеркивает каждый раз с гордостью жена. — Выходит, оставил ты у них хороший, добрый след!»

И еще одно событие оставило на душе Рувина приятный след. Рувин вспомнил, как на общешкольном собрании произошел и для учительницы биологии, и для будущей директрисы настоящий конфуз. Выступила одна родительница и своими вопросами приперла к стене этих двух дамочек.

— У меня в школе учатся трое детей. Одна в пятом, другая в шестом, третья в десятом классе. Рувин Нисимович преподает у двух из них. Они в восторге от своего учителя. Да я не об этом. Вы видели, как юные артисты из пятого класса, в том числе и моя девочка, выступали со спектаклем! Полгода готовили его, репетировали, шили с нашей помощью костюмы, одним словом, жили все это время в ожидании дня своего выступления. Как аплодировали им! Почти все мальчики школы заняты игрой в шахматы. Вся школа зажила интересной жизнью. Скажите, почему вы до прихода Рувина Нисимовича не могли что-либо придумать для наших детей? Почему вы им не уделяли никакого внимания? Вы могли бы на эти вопросы ответить? Нет! Вам нечего сказать. Потому что наши дети были вам просто безразличны, — страстно заявила эта родительница.

— Да наши «училки» просто халтурщики, — поддержала ту женщину другая родительница. — Школа для них просто кормушка. Нет, скажете?

Вот так подлили масла в огонь две сельские женщины. Подобные замечания и прежде звучали в частных разговорах с завучем. Но они не выводили ее из себя. Рувин по понятиям этой толстокожей дамочки и некоторых других учителей совершал в их школе революцию. А им она была не нужна. Они просто не привыкли к честной, добросовестной работе. Рувин нарушал их обычный, размеренный ритм жизни.

Помнил Рувин все. Мысли путались, одна наскакивала на другую. Вновь в памяти всплыли эпизоды, связанные с работой в той маленькой районной газете. Во-первых, кому нужны были бездарные публикации, заполняющие страницы газеты? Во-вторых, в каждой из них было столько ошибок, что ему, Рувину, стыдно было видеть свои материалы рядом с разного рода дребеденью! Но куда было идти работать? «Вот и здесь, в этой сельской школе, — рассуждал Рувин, — мне приходилось видеть слабых учителей. А сколько их, случайных, по всей стране? — содрогнулся Рувин от такой мысли. – В педагогические вузы чаще приходят те, кто считают, что сюда поступать легче, чем в другие институты. И таких ведь много! Даже среди тех, кто как бы осуществил свою мечту стать педагогом, оказывалось много обманутых и разочарованных студентов. Они напоминали студентов-медиков, которые кое-как получили дипломы врачей и работают в клиниках. Известно, как такие выпускники лечат потом людей. То же самое можно сказать и о горе-учителях, которые калечат души детей в школах. Кроме того, большой процент выпускников педвузов по окончании учебы не едет по направлению. Они устраиваются кем-нибудь и где-нибудь, лишь бы остаться в городах. Может быть, кто-нибудь посмеет опровергнуть этот факт? — мысленно спорит Рувин с условным оппонентом. Так появляются в школах никчемные, слабые учителя, которые, коль скоро попали туда, мечтают, чтобы их не беспокоили, чтобы им не указывали на их ошибки... Так по всей стране: бездарность соседствует с безграмотностью, черная зависть — с ненавистью. Вот обладатели таких качеств чаще всего и занимаются всякими склоками, дрязгами... — рассуждает истерзанная душа Рувина. — И ведь им никто не объявляет войну. Кроме того, что они дают слабые знания своим подопечным, так к тому же они дезорганизуют коллективы, внося в них разлад и сумятицу. Никогда талантливые, инициативные, добросовестные люди не станут заниматься всякой гадостью — им просто не до этого, потому что заняты творческой работой. Вот их-то в первую очередь и ненавидят слабенькие учителя».

Так вот Рувину, который на том «совещании» в Роно услышал о решении назначить директором краснощекую толстушку, ему стало всех их просто жаль!

В тот день Рувин чувствовал себя таким спокойным (фактически он был подготовлен к такому повороту событий), что он повёл себя

как сторонний наблюдатель, будто всё это его и не касается. И сейчас, когда он вспомнил обо всем этом, он остался довольным своим поведением. Они же были поражены его безмолвной реакцией. И Рувин хладнокровно тогда заключил: «Пусть им будет хуже!»

По дороге в Москву он уже в электричке, вспоминая о том «спектакле» в Роно, с ухмылкой подумает о несбывшейся мечте жены — отстроить хату с помощью совхоза. «Не исполнилось её желание», — не без юмора подумал Рувин.

«Еще не раз пожалеют, что потеряли такого человека!» — без ложной скромности и с особенной гордостью подумает Рувин, потому что при всём при том, он себе цену знал. Он никогда в руководители не стремился. А если и хотел им стать, то только потому, что желал осуществить свою идею по активизации внеклассной работы.

Уйдя из сельской школы, Рувин решил некоторое время отдохнуть. Но что это за отдых, считал он, если человеку в голову не приходят интересные идеи? И все же однажды на досуге к Рувину придёт оригинальная мысль — создать на базе обычной средней школы многонациональную гуманитарную гимназию с углублённым изучением родных языков и родной истории. В одном из районных отделов образования Москвы эту идею горячо поддержали. Его назначили директором. Но в той школе, на базе которой должна была открыться эта гимназия, уже углублённо изучался один из иностранных языков. Рувин так разработал сетку часов, что безболезненно ввёл туда родные языки, не сократив при этом ни одного часа по иностранному языку. До начала учебного года собрали педагогический совет, обговорили вопрос перехода школы в гимназию, приняли решение о ее создании. Когда начался учебный год, и Комитет по образованию Москвы приказом утвердил учебный план и создание этой гимназии, тут вдруг всполошились два завуча школы по иностранному языку. Испугавшись, что в дальнейшем, быть может, их иностранный постепенно будет вытеснен в пользу родных языков, настроили коллектив учителей выступить против открытия гимназии. И Рувин, чтобы не создавать в школе нетерпимую обстановку, тут же решил уйти из неё.

Рушились иллюзии и идеалы Рувина-романтика, Рувина-мечтателя. Отказ коллектива от создания уникальной гимназии сильно расстроил Рувина. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Рувин уже давно вынашивал и другую идею — создание международной ассоциации «Планета детей», основными целями которой он определил так: воспитание у юношества чувства глубокого уважения к языку, культуре, истории каждого народа и укрепление дружбы между школьниками и педагогами стран мира. Для осуществления этой масштабной идеи необходимо было время. И Рувин, чтобы принести семье хоть какую-то зарплату, вновь пошел в школу учителем русского языка и литературы. Но прежде чем приступить к своим обязанностям, он договорился с директором этой школы (как потом выяснится, тоже романтиком!), что как только он учредит эту ассоциацию, он переключится на работу в ней. На том и порешили. Больше того, директор этой школы сама увлеклась идеей создания этой общественной детско-юношеской организации и вошла в инициативную группу по ее созданию.

Через год ассоциация была зарегистрирована в министерстве юстиции СССР. На учредительной конференции Рувина изберут ее президентом.

Помнит Рувин, как и с каким трудом он добивался регистрации своего объединения. В течение девяти месяцев вымучивали его чиновники из министерства юстиции. Замечания по Уставу делались поэтапно: сегодня указывали на один «недочет», завтра — на другой, послезавтра — на третий... Люди со стороны советовали Рувину дать им взятку и сразу получить свидетельство о регистрации. Предлагал Рувину и сам сотрудник министерства обратиться за помощью к их юристу: «Он наведет вам порядок в Уставе, а вы заплатите ему за труд». Это тоже была одной из форм вымогательства. А коль скоро у него ни желания, ни денег «подсунуть» им взятку не было, Рувин стал настойчиво добиваться справедливости.

Целых девять месяцев продолжалось это издевательство. Наконец, когда СССР развалился и министерство должны были реорганизовать, вызвали в минюст его и других и 14 ноября 1991 года ему наконец выдали свидетельство о регистрации.

Сколько было отдано здоровья! Сколько было убито времени!

Помнит Рувин, как поначалу за поддержкой своей идеи он появился в Госкомитет СССР по народному образованию. Познакомил он с этой идеей заместителя начальника управления школ. Он до сих пор благодарен этой талантливой, умной женщине за помощь и под-

держку. Как только Рувин рассказал ей о целях и задачах ассоциации, она эмоционально заявила:

— Приходите к нам, садитесь в инспекторской комнате и обзванивайте все министерства союзных республик и созывайте народ на учредительную конференцию. А идея блестящая! Желаю вам удачи!

В тот знаменательный день в школе, где Рувин преподавал, на конференции собрались директора, завучи, педагоги из Армении, Азербайджана, Туркмении, Беларуси, Молдовы, Украины, России, Казахстана. «Как своевременно создается такая организация!» — говорили одни выступавшие. «Как такая идея пришла вам в голову?!» — восхищались другие.

А когда его изберут президентом ассоциации, Рувин расстроганно произнес: «Я всю жизнь мечтал о самостоятельной работе! Да такой, чтобы никто не мог мне помешать в осуществлении моих планов! Чтобы я мог выполнять свою любимую работу самостоятельно!»

Вот теперь в полной мере по-настоящему раскроются у него крылья! Он будет совершать такие чудеса, что, видавшие виды опытные педагоги, станут удивляться его делам! «Наконец я вновь получаю истинное моральное удовлетворение от своей творческой работы! Любимой работы!» — с радостным облегчением вздохнет Рувин полной грудью. Теперь он знал, что ни один бюрократ, ни один чиновник не сможет указывать ему. Ни одна чёрная душа не сможет вставлять ему палки в колеса.

Совсем недавно, когда у Рувина был день рождения в конце марта, жена подала ему листок из астрологического календаря и попросила прочитать его. Рувин на обороте листка вычитал следующее:

«Карьера ОВНа

У ОВНа девиз: «Всё трудное должно быть сделано немедленно». Не может сидеть сложа руки, с энтузиазмом берётся за всё новое и счастлив, занимаясь любой работой и приобретая авторитет. Любит руководить и имеет к этому склонность. Академическая работа даёт ему возможность воплощать оригинальные теории. Многие ОВНы — одарённые писатели и ораторы, с успехом могут работать в области журналистики, телевидения, общественных отношений, не выносят однообразной, монотонной работы.

Принимая его на работу в качестве служащего, руководитель делает либо очень разумный шаг, либо большую ошибку — всё зависит от того, как он собирается его использовать. Если такому слу-

жащему поручить выполнение однообразной работы, он скоро заскучает и начнёт «сачковать». Если же дать ему некоторую свободу действий и возможность проявить свои организаторские способности и инициативу, он прямо-таки расцветёт. Пусть он приходит на работу даже на два часа позже других, но он не станет смотреть на часы к концу рабочего дня и, если надо, останется один в учреждении, пока его не выгонит сторож. Великая творческая энергия может обуять его в любое время суток и не следует ему в это время мешать. Деньги как стимул играют для людей, родившихся в конце марта, второстепенную роль».

— Прочитал? — поинтересовалась жена. — Обратил внимание, как точно списано с тебя!?

Рувин вспомнил о прошедших десяти годах, отданных этой оригинальной общественной организации, и перед глазами всплыли как кадры кино все те трудности, которые встречались (да и поныне встречаются) на его пути и которые он продолжает преодолевать с особой готовностью. Потому что понимает, что выполняет благородную миссию. Но одно обстоятельство до сих пор огорчает его — это то, что у ассоциации нет офиса, музея, факса, ксерокса, компьютера, помощника, машины (ноги уже одубели!), спонсоров. А как тяжко становится на душе, когда вспоминает, как однажды потерял возможность получить помощь от Верховного Совета РСФСР. А дело было так. Написал Рувин письмо на имя Председателя Верховного Совета и поплакался, что никто не проявляет заботу о таком уникальном миротворческом детско-юношеском общественном объединении. И на его письме, говорят, была поставлена такая революция: «Прошу рассмотреть и по возможности оказать всяческое содействие». И стали его, Рувина, приглашать в Белый Дом, где стали уточнять, какая конкретно помощь им необходима. Договорилась, что им выделят две комнаты под офис и музей ассоциации на Новом Арбате, одну подержанную «Волгу», всю необходимую оргтехнику и единовременную финансовую помощь!

— Эту смету расходов должен был подписать начальник финансово-хозяйственного отдела Верховного Совета. Он вот-вот должен выйти из отпуска, так что потерпите немного, — заявили сотрудники Совета.

А тот начальник, как назло, никак не появлялся на работе. И пока он собирался приступить к своим обязанностям, Белый Дом и рас-

стреляли. И в одночасье вся надежда Рувина на поддержку рухнула, ушла в небытиё.

Помнил Рувин все. Но что он мог поделать против таких обстоятельств? Не мог же он винить себя в неудачах подобного рода. «Вот так всю жизнь, — с горечью на душе рассуждал Рувин. — Стоит мне заранее радоваться предстоящей удаче, как ничто не исполняется. Просто ничего не выходит — и все».

Рувин раскрыл брошюру, написанную им к десятилетию ассоциации, и задумался. Закурил. И уже, в который уж раз за последнее время начал машинально перелистывать её. Затем в некотором душевном волнении, зная, сколько сил и энергии отдал он за десять лет этому своему детищу, истрадавшийся за всю жизнь от скорби и печали, преследовавшие его постоянно, прослезился. И всё же, несмотря на все тяготы жизни, он упорно двигался по намеченному пути и при этом придерживался всегда одного девиза: «Сквозь трудности — вперед!» И он, идущий сквозь эти трудности, осиливал дорогу, предначертанную ему самой судьбой.

Помнит он, как однажды директор Минской школы, член правления ассоциации, понимая, что он, Рувин, делает невозможное, предупредит его.

— Рувин Нисимович, вы зря организуете наши акции дважды в году. Эта работа на износ. Мой вам совет: достаточно и одного мероприятия в год. Мы будем вам и за это благодарны. А так что? Сломаетесь — и все.

Это сейчас понял Рувин, что она была права, потому что уже через пять лет он окажется на грани нервного срыва. Это поиски спонсоров истощили его, изнурили, доконали. Все понимал он, но... продолжал упрямо работать как прежде. И он сам не знает, что это было — упрямство или упорство.

Помнит, как он тогда ответил коллеге.

— Милая Татьяна Николаевна, если мы будем встречаться только раз в году, вы все успеете позабыть друг друга.

...Взор его вновь обратился на брошюру. Он вернул страницы назад и, когда появилась первая страница, незаметно для себя стал вновь читать.

«Мир раздирают межнациональные, межобщинные розни, войны и столкновения на территориальной, религиозной основе. Ежегодно в мире погибают только от землетрясений, наводнений, дру-

гих стихийных бедствий сотни тысяч людей. Тысячи и тысячи людей разных национальностей вынуждены мигрировать в поисках спасения и защиты от погромов, геноцида. Тысячи и тысячи людей чувствуют себя неуютно из-за преследований только по религиозным мотивам. Еще продолжается грубое попрание прав человека и его волеизъявления только потому, что он представляет желтую, черную или иную расу.

Сегодня в начале третьего тысячелетия, в начале нового двадцать первого века, века цивилизации, прогресса и демократии необходимо сделать все возможное, чтобы укрепить дружбу между белыми и цветными, между православными и католиками, между иудаистами и мусульманами. Общими усилиями всех народов, международных миротворческих сил нужно найти ответ на вопрос, что и как необходимо предпринять для того, чтобы представители одного народа уважали людей других национальностей, независимо от их религиозных убеждений и верований.

Человечество переступило порог двадцать первого века. Оно должно задуматься над решением всех перечисленных проблем, ибо без этого на планете Земля никогда не будет мира и спокойствия. И со временем может так случиться, что по этим причинам плюс экологическим проблемам человечество постепенно, того не сознавая, уничтожит само себя. Этого допустить нельзя! Процесс такого самоубийства необходимо затормозить и прекратить! Но чтобы человечество всё это поняло, надо, чтобы оно стало нравственно здоровым. А нравственность, как фундамент, надо закладывать со школьной скамьи. Вот почему международная ассоциация «Планета детей» стремится внести лепту в решение этих проблем, воспитывая у юношества чувства глубокого уважения к языку, культуре, истории, религии каждой нации и народности и укрепляя дружбу между учениками и учителями стран мира. Потому что именно дружба юных может привести старших к миру и согласию, может вызвать у них чувство терпимости, доброжелательности, уважения. Но как привести юных граждан к единению, взаимопониманию? Что необходимо сделать, чтобы они без фальши, искренне подружили? Как и что надо предпринять для того, чтобы оторвать их от дурного влияния улицы? Как добиться того, чтобы учащиеся увлеклись занятиями в кружках, секциях, клубах, центрах, чтобы они после уроков зажили интересной, насыщенной, творческой, интеллектуальной жизнью?

Как видно, воспитание нравственности у школьников — задача многоступенчатая, многосложная. Оказывается, прежде чем дети разных народов, взявшись за руки, вместе дружно и громко заявили, что они, дети разных стран, мечтою о дружбе и мире живут, надо сначала их вовлечь во внеклассную работу и затем только постараться вызвать у них чувство уважения к родному языку, родному народу, родной культуре, истории и т.д. Ибо, не полюбив свой народ, свой язык, юный гражданин планеты бездушно отнесется к языку, культуре, истории других народов, не поняв чаяний и устремлений своего народа, он останется глух и равнодушен к мечтам и помыслам других народов. Вот почему ассоциация задумала параллельно решать морально-нравственные и педагогические задачи. Вот почему для осуществления своих целей и задач ассоциация призывает коллективы средних учебных заведений — членов своей ассоциации — активно вовлекать во внеурочную и внеклассную работу большое число учащихся. Для активизации школьников в этом направлении ассоциация выдвинула своеобразный лозунг: «Активисты внеклассной работы, вас ждут приглашения на международные мероприятия «Планеты детей»!» Естественно, учащимся разъясняют, что на этих мероприятиях ассоциация бесплатно питает и размещает своих участников, что для них организуют интереснейшую культурную программу: встречи с выдающимися, популярными актерами, писателями, композиторами, звездами эстрады, ансамблями, экскурсии по музеям, достопримечательным и историческим местам той или иной страны. И что они получат возможность общаться между собой, обменяться адресами со своими сверстниками из разных стран...

Нужно сказать, что этот механизм срабатывает безотказно! В своей заметке, опубликованной в Криворожской студенческой газете, одна первокурсница техникума в заключение писала: «Съездив на международный фестиваль песни и танца «Дружба-99» стран СНГ и Европы, я чистосердечно хочу признаться, что много отдала бы, чтобы снова побывать на мероприятиях этой ассоциации! Дай бог, чтоб международная ассоциация «Планета детей» существовала вечно!»

Активное подключение школьников во внеклассную работу помогает решать и другие задачи. Классные руководители, желая помочь своим подопечным завоевать путевки на мероприятия ассоциации, исподволь сами активно включаются во внеклассную работу. Конеч-

но, не все. Инертных оказывается, к сожалению, еще много. Родители учащихся, которые знают, что активистов внеклассной работы во время каникул приглашают на мероприятия ассоциации «Планета детей» (а они давно знают о программах этих мероприятий), стремятся, чтобы их дети охотно, с интересом занимались в кружках и завоевывали право на получение путевки. Таким образом, став «болельщиками» своих детей, родители сами приобщаются к жизни школы.

Если педагогические коллективы добьются того, чтобы во внеклассной работе было занято большинство учащихся, то значит в некоторой степени будет решена и проблема занятости детей, а также будут удовлетворены их интеллектуальные потребности.

Таким образом, приглашая активистов школ на свои мероприятия, бесплатно размещая, питая их, ассоциация тем самым создаёт огромный стимул для активного подключения во внеклассную работу большого числа учащихся. И прежде чем продолжить свой рассказ, вновь вернусь к публикации той же студентки техникума из Кривого Рога, где она писала о своем впечатлении от участия в фестивале песни и танца школьников, посвященном 70-летию Московской области: «Дети из Азербайджана, Грузии, Казахстана, России, Болгарии, Беларуси, Украны сдружились, они нашли общий язык, открыли друг другу свои сердца, мечты, тайны и надежды. Именно при таких встречах они понимают, что значит дружба детей, дружба народов, и воспоминания о поездке остаются с нами на всю жизнь!»

Рувин оторвался от брошюры. Слова этой девушки, казавшиеся такими простыми, но искренними и точными, заставили Рувина задуматься над смыслом её последних слов — «воспоминания... остаются с нами на всю жизнь». «Прекрасно! — мысленно воскликнул Рувин. — В том-то и дело, что воспоминания, которые остаются с человеком на всю жизнь, и не дают покоя. Вот почему, когда я вспоминаю и плохое, и хорошее, то порой пущу слезу, потому что вновь сильно переживаю всё то, что было со мной в этой жизни!»

Воспоминания — это память. Мысленно возвращаясь к тем или иным событиям из своей жизни, Рувин вновь так же, как и прежде, страдал и мучился. То ему казалось, что он сидит в кабинете ректора, который говорит ему, Рувину, что он применяет запрещенный прием, то он оказывается в кабинете другого ректора, который говорит, что не может себе представить, что такой человек, как он, может остаться не у дел, то видит себя в кабинете третьего ректора, который, выслу-

шав о его трудностях, тяжелом состоянии здоровья, отвечает, что ничего знать не хочет...

— А ты думай обо всем, когда вспоминаешь, как сторонний наблюдатель, — советует ему друг и двоюродный брат.

Легко сказать «будь сторонним наблюдателем». Нет, не может он, Рувин, оставаться пассивным участником тех событий, которые происходили не с кем-нибудь, а лично с ним. Добро бы, если он во всё то, что «вытворял», не вкладывал свою душу. А так как каждому делу он отдавал кусочек своего сердца, то как можно было о них думать без боли, без переживаний!

Тяжело вздохнув, Рувин вновь закурил и стал читать дальше.

«Общение сверстников, обмен адресами, знакомство с культурой, историей, искусством разных народов, обстановка дружелюбия, праздничности, взаимопонимания — все это оставляет неизгладимое впечатление в душах участников международных конкурсов, слетов, фестивалей, встреч и выставок! А взаимопонимание между школьниками — это залог укрепления дружбы не только между нынешними, но и будущими поколениями людей. И чем раньше этот фундамент взаимопонимания будет заложен, тем быстрее и надежнее человечество станет нравственно здоровым, и у людей появится желание протянуть друг другу руки. Главное, чтобы все — и юные, и взрослые — поняли одну истину, что все они живут на одной многострадальной земле, под одной крышей, что они должны, обязаны общими усилиями навести правопорядок на земле и добиться экономической и экологической стабильности в мире!»

Рувин прервал чтение, провел ладонями по лицу — устал, утомился. Задумался. Вновь закурил. «Нет финансовой поддержки, и ничего невозможно сделать из задуманного. Надо пригласить в Москву членов правления на семинары, на заседания правления... И ведь никто не желает быть доброхотом... А сколько идей удалось бы осуществить!»

Он еще раз потер лицо ладонями, чтобы снять утомление и продолжил чтение брошюры.

«Продолжая разговор об активизации внеклассной работы, отмечу и другие ее преимущества. Практикой доказано, что целенаправленная содержательная творческая внеклассная работа не только развивает и обогащает интеллектуальный потенциал школьников, но и воспитывает у них силу воли, целеустремленность, упорство в достижении поставленной задачи, делает их добрыми, трудолюбивыми, ув-

леченными. А отсюда как результат — повышается и успеваемость, и дисциплина, воспитывается чувство уважения к труду учителей, родителей, к самой школе, к одноклассникам — представителям разных национальностей. Конечно, всего этого можно добиться, если педагогические коллективы всерьез и заинтересованно займутся активизацией внеклассной работы, придадут ей должное и важное значение.

Достаточно ли одного стимула — приглашения на международные акции ассоциации — для активизации внеклассной работы? Нет, естественно. Давно известно, что инертных классных руководителей, руководителей кружков и т.д. никаким стимулом не завлечешь, тем более в наше время. Поэтому ассоциация предприняла ряд дополнительных и «стимулирующих» мер. Теперь после каждой нашей акции ассоциация награждает руководителей групп, наиболее активных участников акций грамотами, дипломами, рассылает в органы образования, вплоть до министерств, письма, в которых просит их объявить наши благодарности тем или иным педагогам в торжественной обстановке. Такие письма-благодарности ассоциация уже направляла в министерства образования Дагестана, Татарстана, в Руно Уфы, Алматы, Бишкека...

Фотографии участников мероприятий, их волнующие рассказы, публикации в газетах, сувениры и подарки, 30-минутные фильмы на ОРТ и РТР, передачи на радио — разве всё это не стимул? Разве всё это не должно заинтересовать учащихся и учителей, которым ещё не довелось поучаствовать в наших сказках! Вот так постепенно мы расширяем понятие «стимулирование». Вот почему желающих вступить в нашу ассоциацию становится все больше.

Опыт десятилетнего руководства ассоциацией привёл меня к мысли, что чем больше выдающихся личностей — актёров, композиторов, писателей, эстрадных артистов вовлекаются в деятельность ассоциации и выступают перед ребятами, тем больше эффект воспитательного воздействия на школьников. Чем больше мероприятий мы проводим с участием прессы, радио, телевидения, представителей делового мира, тем быстрее и эффективнее мы решаем благородные цели и задачи ассоциации по укреплению дружбы между школьниками и педагогами стран мира».

...Рувин утомился. Закрыл глаза — сделал перерыв. Вновь задумался. В голову почему-то пришли слова из его «Диалога с жизнью»: «Ты злишься, жизнь? Ну что ж, злись. Мы с тобой ещё посоревнуемся.

Если даже я не добьюсь полной победы, то всё же я наслажусь этой борьбой. А по ходу борьбы я наберусь сил, много сил. Я наслажусь не только борьбой, но и тобой, жизнь! А когда я переиграю тебя, то я во весь голос, во всю силу крикну людям: «Я счастлив и с радостью шагаю по земле... и по жизни!»»

Нет, не почему-то вспомнил эти слова Рувин. Он знал, что впереди его ждут неимоверные трудности, связанные с поиском спонсоров, ибо без их помощи он не сможет провести очередные гуманитарные миротворческие акции. К тому же в стране произошли всякие перемены, которые не могли не отразиться негативно на его планах... «Будто бы жизнь всё время меня испытывает на прочность, — с горечью думал он. — За что меня бог так строго наказывает? Что я сделал плохого? Ведь всего себя отдаю людям, работе!»

И Рувин вспомнил, как начал поиски благотворителей. Достал он тогда справочник, стал обзванивать сначала все совместные предприятия, которые только-только создавались. Сколько звонков, сколько походов к руководителям этих СП, сколько энергии отдавал — уму непостижимо! Сколько сил ушло у него за десять лет — никто не поверит.

Тяжело было на душе Рувина. Каждый раз, когда он вспоминал о трудностях подобного рода, ему становилось тяжко...

Он постарался выйти из состояния оцепенения: тема была довольно неприятная. Переборол себя, отвлёкся от мрачных мыслей и вновь стал читать брошюру.

«И, наконец, коротко расскажу о том, что же из себя представляют наши гуманитарные миротворческие акции.

Первый свой международный фестиваль «Дружба-92» мы провели на летних каникулах в Москве. Отеческую заботу о юных дарованиях проявил коллектив автозавода им. Лихачёва, выделивший нам свой Дворец культуры и шесть автобусов на каждый день. В рамках этого фестиваля, в котором приняли участие 300 учащихся и учителей из Эстонии, Казахстана, Молдовы, Украины, Беларуси, Татарстана, Дагестана, Новосибирска, Краснодара и Москвы, состоялись конкурсы танцевальных и хоровых ансамблей. В течение двух дней — встречи с известным киноактёром В. Конкиным, с прославленным фольклорным ансамблем «Карагод», экскурсии по музеям Москвы. И завершился фестиваль красочным выступлением на Красной площади и в Александровском саду у Кремлёвской стены!»

Рувин на мгновение отвлёкся от чтения, улыбнулся, потому что вспомнил, как сотрудники милиции попросили их тогда уйти с Красной площади — не было разрешения. А они всё равно 40 минут удивляли своим искусством москвичей и гостей столицы! А когда они перешли в Александровский сад, их вновь попросили без разрешения не заниматься самодеятельностью. А они всё же в течение часа танцевали и пели.

Рувину стало весело. На душе потеплело: около пятисот зрителей им горячо аплодировали, выкрикивая «браво!» Вот перед ним лежат десятки фотографий, сделанных корреспондентом ТАСС в тот день. Боже, какой это был фантастический праздник!

«Многие думают, — размышлял Рувин, — что если эта организация дожила до своего десятилетия, значит кто-то богатый их постоянно поддерживает. Чушь! Никому невдомек, как, с каким упорством, проглатывая одну горькую пилюлю за другой, он с протянутой рукой выпрашивает у предпринимателей копейку за копейкой.» Слава богу, что хотя бы две последние акции были полностью профинансированы государственными структурами. Вспомнил, как после небольшого перерыва радостные весточки члены ассоциации получили от него в апреле 1999 г. Тогда ему удалось договориться с Администрацией Московской области о совместном проведении международного фестиваля, посвященного 70-летию Подмосковья.

Помнит Рувин эти счастливые мгновения в жизни своих родных школьников и педагогов. И он состоялся, этот фестиваль! И проходил он под девизом «Наш талант — тебе, Московская область!» О нём рассказали телеканалы «Культура», «Московия», Радио России, «Маяк», пресса.

Да, область устроила тогда 155 участникам фестиваля из 7 стран Европы и СНГ великолепный праздник! К тому же ребятам и их наставникам было обеспечено бесплатное питание, проживание, автобусное обслуживание.

Торжественное открытие фестиваля и все встречи проходили в театре зверей Н. Дуровой. Экскурсии в Сергиев Посадскую Лавру, Московский Кремль, на Поклонную Гору, к Храму Христа Спасителя, выступление оркестра русских народных инструментов, коллектива театра зверей, народной артистки СССР Людмилы Касаткиной, концерт участников фестиваля в подмосковных городах — это неполный перечень всего того, что успели провести мы за неделю. Болгары, ук-

раинцы, казахстанцы, азербайджанцы, белорусы, грузины, россияне, взявшись за руки, дружно и вдохновенно исполняли в заключительный день популярную песню «Подмосковные вечера». Причём, каждый на своём языке!

В подобную праздничною атмосферу подопечные Рувина попали и в январе 2001 года, когда ассоциация совместно с Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом организовала международный фестиваль песни и танца школьников стран СНГ и Балтии, посвящённый новому тысячелетию и 10-ленему юбилею ассоциации.

Рувин держал в руке брошюру и думал. Да, он трудился на износ. Вообще, насколько он помнит, ничто ему легко не давалось в этой жизни. Энергии хватало, желания тоже, организаторских способностей было предостаточно, но удача доставалась со скрипом. Всё было, всё есть, а спокойствия и нет.

Как-то в беседе с корреспондентом газеты «Первое сентября» Рувин спросил девушку: «Как вы думаете, сколько человек смогли бы выполнить такую работу: собрать участников из разных стран, составить программы акций, договориться с министерствами образований об их проведении, получить разрешение на проезд в разные страны, проконтролировать, кто и во сколько заедет, организовать встречи с артистами...» Журналистка задумалась и робко ответила: «Ну, скажем, девяти человек». И она услышала в ответ: «Я один». Правда, Рувин при этом добавил:

— Но мне становится всё труднее одному справляться. Здоровье стало подводить, — горько заключит он.

«Действительно, — удивлялся Рувин. — сколько может один человек бороться с хамством, косностью, завистниками, бездушием и безразличием? Сколько может один человек выдержать, вынести? На его месте другой давно бы согнулся, сломался. А он, Рувин, выбиваясь из последних сил, стремится взять очередную высоту. И когда его просят рассказать о проведённых акциях, он с азартом спортсмена, страстно отвечает: «О них невозможно рассказывать. О них не говорить надо — их необходимо видеть! Видеть, чтобы восхищаться, чтобы понять, что дают юным гражданам планеты эти акции, как воспитывают их в духе дружбы и мира!»

Обидно Рувину, что в большинстве средних и высших учебных заведениях воспитательной работе особого значения не придают.

«Меня иногда спрашивают, — писал Рувин в своей статье, посвященной шестилетию ассоциации, опубликованной в газете «Педагогический вестник», — как у вас зародилась идея создания такой ассоциации? Отвечаю коротко: «От любви к детям». А если серьезно и подробней, то придётся объяснить так: «Я всегда говорил и сейчас повторяю: хорошо поставленная внеклассная работа помогает педколлективу улучшать дисциплину школьников, повышать их успеваемость, удовлетворять их интеллектуальные потребности, а также поднять авторитет самой школы, решать проблему занятости детей и отрывать их от дурного влияния улицы. Другое дело, что многие педколлективы не хотели и не желают утруждать себя внеклассной работой. Одни — из-за мизерной доплаты, другие — по иным причинам. Не исключаю и бездушие, безразличие к детям. А если в какой-то школе теплится интересная внеклассная работа, то разве лишь благодаря одному-двум энтузиастам, которых большинство учителей в душе называют дураками. Многие преподаватели убеждены, что если ты хорошо преподносишь свой предмет, то этого-де достаточно. Не согласен. Нам нужно не только хорошо учить детей, но и хорошо их воспитывать!»

Подумал обо всём этом Рувин и мысленно вернулся к далёкому 1961 году, когда ему, Рувину, исполнилось 25. Он тогда ужаснулся этой цифре: «Боже мой, мне уже четверть века! А что хорошего я успел сделать для родины?» Помнит, как в течение нескольких дней находился он в подавленном состоянии. Понимал, что ничего полезного он был и не в силах сотворить. При этом он тогда поймал себя на мысли, что ему всего-то 25. Но, с другой стороны — это четверть века! Когда сейчас он вернулся к тому периоду своей жизни, то стал спокойно рассуждать: «Теперь-то, наверное, можно признаться, что делаю богоугодное дело! Вроде должен быть доволен своим скромным вкладом в дело воспитания учащихся, укрепления дружбы между школьниками и педагогами стран мира! Говорят, что человек должен спросить себя, не что родина сделала для тебя, а что ты сделал для родины. И вот теперь он считает, что он свой долг перед родиной выполнил! «Но и государство, то бишь, родина, должно выполнять свои элементарные обязанности и защитить его, Рувина, от произвола чиновников! Кстати, та же родина не произнесла вслух, что эта детско-юношеская организация за десять с лишним лет своей деятельности принесла какую-то пользу, что её деятельность просто-таки никто в России не оценил по заслугам! Обидно? Конечно! А между тем, эта самая организация про-

вела 12 гуманитарных миротворческих мероприятий: встречи, посвящённые знакомству с культурой и историей Молдовы, Беларуси, Литвы, фестивали песен и танцев в Москве, Краснодаре, Варне, выставку-конкурс художественного творчества школьников в Москве, туристический слёт «Золотое кольцо России» во Владимире. И в каждой из этих акций принимали участие от 150 до 240 учащихся и учителей из 14 стран Европы и СНГ!»

Когда Рувин перечислил города, в которых они провели свои акции, мысли увели его к тем годам, странам, людям, к его собственным впечатлениям, ощущениям.

Как только он узнал, что в том 1993 году Краснодару исполняется 200 лет, он не без содрогания в душе подумал: «Судьба вновь, в который раз требует, призывает меня в город моей молодости!»

Ровно 30 лет после окончания института не был Рувин в этом городе. И он замыслит провести там международный фестиваль песни и танца школьников стран СНГ. С душевным трепетом отправится он в столицу Кубани для заключения договора с Администрацией города. «Неужели я опять получу возможность пройтись по родным местам, дорогие моему сердцу!» — размышлял Рувин, лёжа на полке своего купе. По мере приближения поезда к Краснодару его волнения усиливались. «Неужели мне удастся встретить ту, которая не только осквернила мою любовь, но и оскорбила меня в своих судебных исках? — с раздражением подумал он. — Надо спросить у неё, почему она так поступила со мной. Почему потребовала от меня алиментов? Почему совсем опустилась в болото?»

Остановился в гостинице, вел переговоры, в интервалах бродил по знакомым улочкам, посидел в любимом скверике на Красной улице, встречался с бывшими однокурсниками и, естественно, искал телефон или адрес Ани. К сожалению, ни одна его попытка сделать это не привела к успеху.

...А когда Рувин надумал провести в Молдове встречу, посвященную знакомству с культурой и историей этой бывшей советской республики, его назвали сумасшедшим, несерьёзным и высказывали всякие предположения: «Вы что? Не видите, что происходило? Только-только там закончилась война с Приднестровьем. Там лилась кровь, а вы решили туда везти детей из разных стран? Ох, рискуете.»

Ни-ко-го не послушался Рувин. Сначала, как обычно он это делает, выехал в Кишинёв сам, один. В министерстве образования его

встретили довольно доброжелательно. Быстро обо всём договорился и вернулся назад.

«Вот так и надо укреплять дружбу, — рассуждал Рувин. — Дети — настоящие дипломаты, и только детская дипломатия способна спасти мир!»

Только что Литва стала самостоятельной Республикой, а Рувин решил провести там международную встречу, посвящённую знакомству с культурой и историей Литовской Республики. Написал письмо в министерство образования, получил приглашение. Обговорили условия проведения акции. На второй день во время небольшого совещания одна женщина (Рувин так до конца и не понял, кем она там работает) попросила слово:

— Скажите, — обратилась она к Рувину, — какова ваша цель? Для чего вы избрали Литву местом проведения вашей акции?

Рувина обескуражили эти вопросы. Потом, взяв себя в руки, постарался спокойно ответить:

— О целях и задачах нашей ассоциации я вам уже доложил. Если вам этого недостаточно, я могу ещё раз повторить... когда я подобную акцию решил провести в Кишинёве, там никто меня не спросил, почему я надумал у них организовать подобное мероприятие. Сегодня мы выбрали Литву, а завтра выберем другую страну. И что, везде мне будут задавать такие вопросы?

— Вы решили восстановить Советский Союз? — раздражённо спросила эта женщина.

— Никакой Союз мы не собираемся восстанавливать. Мы хотим познакомить детей из разных стран с культурой и историей вашей республики. Что здесь плохого? — как можно спокойно постарался объяснить Рувин.

Он вскоре позабудет об этом неприятном инциденте, потому что с головой окунулся в дела по подготовке мероприятия.

И уже во время самой акции Рувин будет по-настоящему обижен отказом Председателя Сейма и министра образования от встречи с юными гостями. И он успокоится лишь тогда, когда в один из дней всё же господа Ляндсбергис и Зидкявичюс появятся на сцене театра.

«Вот так, господа хорошие! — радостно произнесёт мысленно Рувин. — Заставил-таки я вас поздравить детей с нашим праздником!»

Хуже всего страдает Рувин не столько от таких казусов и трудностей, связанных с организацией очередных акций, сколько от невни-

мания со стороны российских чиновников, которые делают вид, что ничего не слышали о какой-то там ассоциации. И это при том, что о её мероприятиях на первом и втором каналах телевидения показывались шесть тридцатиминутных фильмов, в центральных газетах появлялись публикации чуть не с полполосы! И ещё. Как не испытывать душевную боль, если вот уже два года министерство юстиции России упорно не желает перерегистрировать действующую популярную организацию? «Странно, как могли уважаемые депутаты Госдумы, — размышляет Рувин, — при принятии Закона об общественных объединениях обязать детско-юношеские организации снова пройти путь регистрации? Кому это было выгодно? Кто пожелал поиздеваться над такими беззащитными организациями?» И когда Рувин написал в Комитет по делам общественных обьединений и попросил внести поправку в этот Закон, которая облегчала бы путь перерегистрации, там его посчитали сумасшедшим. «По вашему мы должны сами на себя наговорить и представить себя в дурном свете?» — возмутились в Комитете. «Им, видите ли, стыдно исправлять свои же ошибки, а что касается детских организаций, то им можно и помучиться, — злился Рувин. — Как будто все, сговорившись, занимаются вредительством.»

Вот так всю жизнь: на душе то мрачно и печально, то хорошо и благостно.

Может быть, Рувин и не вспомнил бы так подробно свою жизнь, свою трудовую биографию, но вернуться к ним мысленно и проанализировать их все «от» и «до», настроила его встреча с Иваном Петровичем, у которого они покупали хату с участком. Рувин опять чётко вспомнил, как этот простой рабочий человек, тыча пальцем в свою трудовую книжку, заплетающимся от выпитого портвейна языком, просил:

— Загляните сюда. Нет-нет, загляните, во, всего две записи: принят такого-то и уволен такого-то в связи с уходом на пенсию...

«Счастливый человек! — по-доброму позавидовал ему Рувин. — Повезло ему, что не довелось в жизни претерпеть то, что пришлось ему, Рувину, пережить».

Сколько душевных травм получил Рувин в своей жизни! Встреча с Иваном Петровичем дала толчок к новой, дополнительной встряске. И он, Рувин, вспоминая свою жизнь, почувствовал, что незаживающие раны до сих пор ещё кровоточат. И так уж случилось, что этот простой рабочий человек, заставивший Рувина мысленно вер-

нуться к прежней жизни, сам того не ведая, насыпал ему, Рувину, соль на эти раны...

Но Рувин всё-таки, несмотря на все трудности жизни, остаётся оптимистом. А потому не без улыбки вспомнил строки из Блока: «И снова бой! Покой нам только снится!» И он не перестаёт надеяться на то, что когда-нибудь государство протянет руку помощи этой детско-юношеской общественной организации! Ведь не может же он, Рувин, всю свою жизнь лбом пробивать стену равнодушия, бюрократизма...

Кричит душа у Рувина. Она взывает к доброхотам и к правительствам стран СНГ: «Стремитесь делать добро! Ибо, как сказал индус Рабиндранат Тагор, «кто слишком долго думает о том, чтобы делать добро, тому нет времени быть добрым».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Кто-то подсказал Рувину, что ассоциации сможет помочь с финансированием очередного мероприятия министерство по делам СНГ. Рувин тут же написал письмо на имя министра. Как он узнает позже, уважаемый министр на его обращении напишет такую резолюцию: «Этот товарищ делает богоугодное дело. Надо помочь». Заявку Рувина и смету расходов на проведение акции отправили на экспертизу в министерство культуры. И как только оттуда пришел добрый отзыв, заявку стали готовить для представления в министерство финансов. А тут вдруг... министерство по делам СНГ и ликвидировали. И опять в одночасье все усилия Рувина пропали даром. «Просто проклятье преследует меня!» – в состоянии депрессии в сердцах произнесёт он. В связи с этим как было не вспомнить опять об его обращении в Верховный Совет РСФСР? Он, этот случай, каждый год всплывал у него в памяти. Да, да, тот самый случай, когда ему хотели предоставить все, что было необходимо ассоциации. «Ждем выхода на работу начальника финансового отдела. Так что наберитесь терпения», — подбадривали Рувина сотрудники Совета. И пока он терпел, и случилось то, что и случилось. И вся надежда Рувина рухнула, как карточный домик. «Разве это не было проклятьем?» — в который раз вопрошает многострадальный Рувин.

Мертвым грузом лежат у него в письменном столе и поныне три фундаментально разработанные проекты международных музеев

спорта, культуры и искусства, педагогики. Ни один из них не был востребован. «Неудачное время вы выбрали, — говорили ему. — Денег ни у кого нет. Не до ваших музеев сейчас». Может быть, они и были правы. А он так старался!

Каждая несостоявшаяся идея вызывала у Рувина новую душевную травму. Каждая его задумка, как считал Рувин, превращалась в мертворожденного ребёнка, которого приходилось оплакивать.

Он рождал одну идею за другой, а они по разным причинам лопались как мыльные пузыри. Нет, не потому что они были неинтересными. Вовсе нет.

Много лет назад Рувина всерьёз взволновала проблема подготовки будущих учителей и их нехватки в стране. Кто поступает в педвузы? Все ли абитуриенты идут туда из любви к педагогической работе? Все ли они понимают, что не каждому дано стать настоящим педагогом? Думают ли поступающие в вуз, что по его окончании им надо будет ехать по направлению? Все ли выпускники педвузов становятся учителями? А если нет, то почему? Ориентируют ли будущих абитуриентов в школах профессионально? Почему те, кто не собирается стать учителем, всё же поступает в педвуз? Кого они обманывают: себя или вуз? Неужели они делают это из соображения, что в педвуз легче поступить? Почему многие выпускники филологических факультетов становятся журналистами, библиотекарями, воспитателями детских садов и не идут в школу? Что предпринимают кафедры психологии, практики в профессиональной ориентации студентов? Почему в педвузах не проводят и среди абитуриентов, и среди студентов, и среди выпускников социологические исследования, чтобы после ряда анкетирований прийти к выводам: кого из студентов следует оставить в институте, а кого попросить покинуть его, кому из абитуриентов стоит сдавать экзамены, а кто и ошибается с выбором будущей профессии?

...Рувин составил положение о лаборатории социологических исследований и отправился к ректору пединститута им. Ленина. После изучения Положения его пригласили в ректорат.

— Это поможет только одному нашему вузу? — спросил проректор.

— Ваш институт должен будет стать базовым в стране. После изучения и обобщения социологических исследований вы их издадите в качестве методических пособий и разошлёте по педвузам страны.

— Я просил бы вас, — обратился к Рувину проректор, — дополнить Положение подробным штатным расписанием и дать представление об издательской работе лаборатории.

Рувин выполнил эту просьбу.

— Вы оставьте проект нам, мы же его на учёном Совете института рассмотрим, а потом вам сообщим о принятом решении.

И всё. До сих пор Рувин ждёт этого решения — более десяти лет!

Использовали ли его Проект, Рувин так и не узнал. Лишь через год-два он случайно узнает, что открыт институт социологии образования. Что ж, может быть, его Проект был взят за основу этого института? В таком случае о нём, авторе идеи, просто забыли! Бог им всем судья!

А какая чудная была перспектива у идеи Рувина по созданию многонациональной гуманитарной гимназии с углублённым изучением родных языков! Он часто вспоминал о той своей идее. Рувин тогда даже договор заключил с научно-исследовательским институтом национальных школ о сотрудничестве. Условились, что на базе той гимназии они создадут научную лабораторию по изучению, анализу качества преподавания родных языков.

И всего из-за двух человек эта прекрасная идея не состоялась.

«Если бы все мои идеи осуществились, — размышлял Рувин, — какая бы огромная польза была бы от них!»

В его романтическую голову приходили идея за идеей. А потом они оставались лежать или в ящике его письменного стола, или на полках в кабинетах разных чиновников.

А как он мечтал, чтобы хоть одна из его задумок претворилась в жизнь!

В стране началась перестройка. Приоритетными для молодёжи стали такие специальности, как экономика, менеджмент, маркетинг, иностранные языки. И у Рувина зарождается новая идея — создание интернационального коммерческо-менеджерского колледжа. Причём, с углублённым изучением родных языков! Постепенно эту идею Рувин дополнял и расширял. «Надо добиться, — думал Рувин с воодушевлением, — чтобы выпускников колледжа принимали в институт народного хозяйства им. Плеханова вне конкурса. Надо, чтобы колледж готовил выпускников в основном для «Плехановки», — мечтал Рувин.

Эта идея получит полное одобрение со стороны ректората института. Больше того, договорились до того, что институт решил ввести в учебный план колледжа некоторые предметы, которые преподавались студентам на первом курсе!

Будущее колледжа рисовалась в радужных красках! Этот проект московский городской комитет по образованию попросил Рувина передать на экспертизу в Совет ВНИК «Школа» Академии педагогических наук, руководителем которого был профессор Э.Д. Днепров. Вот какой отзыв получил Рувин:

«Научный Совет ВНИК «Школа», рассмотрев положение об учебном комплексе «Школа-вуз», считает необходимым отметить ряд положительных моментов данного проекта.

Первое, проект даёт возможность осуществить единую систему школа-вуз как на содержательном, так и на организационном уровне.

Второе, проект интересен по своему замыслу, направленному на осуществление углублённого изучения родных языков, помимо иностранного, что крайне важно в условиях такого крупного центра, как Москва.

Третье, в проекте привлекает совмещение углублённого изучение гуманитарных и математических дисциплин.

Четвёртое, проект предусматривает углублённую профессиональную ориентацию и подготовку учащихся по тому профилю деятельности, который сегодня крайне необходим, и в частности для Москвы.

Пятое, проект предусматривает интересный эксперимент и в области финансовой деятельности школы.

Учитывая вышесказанное, а также то, что проект по существу представляет первый опыт проектирования колледжа в СССР, научный Совет ВНИК «Школа» считает его как перспективный.»

К сожалению, и этой мечте Рувина не суждено было сбыться. Досадно было Рувину, что Комитет по образованию Москвы взвалил на его плечи поиск школы, которая согласилась бы на своей базе открыть такой колледж. Да, находил Рувин такие школы. Но их директора очень уж хотели сами стать руководителем такого колледжа!

— Но ведь кроме автора идеи и разработчика учебного плана никто другой не сможет претворить в жизнь этот проект в жизнь! — убеждали этих директоров преподаватели из «Плехановки».

— Пусть этот автор станет заместителем директора и поможет в осуществлении своей идеи, — с ухмылкой и апломбом отвечали те.

Рувин понимал, что быть заместителем директора — это значит танцевать под дудку директора, быть зависимым в решении многих проблем от воли горе-руководителя...

— Не найти нам порядочного директора, который ради нашей идеи согласится добровольно оставить свою должность и стать заместителем, — разочарованно рассуждали преподаватели вуза. — Здесь необходимо волевое решение Комитета по образованию. Но так как они «играют» в демократию, мы ничего не найдём. А что касается директоров-отказников, то они, как сами понимаете, желают жар загребать чужими руками.

Сожалеет Рувин о том, что, когда один из районных отделов образования предложил им взять под этот колледж полностью школу-новостройку, то в ректорате «Плехановки» категорически заявили: «На край города такой колледж выводить нельзя. Во-первых, туда мало кто из юных москвичей приедет учиться. Во-вторых, преподаватели института не смогут ездить на работу так далеко».

Так безуспешно завершилась и эта эпопея с открытием колледжа. И в очередной раз, хватаясь за сердце, Рувин печально констатировал: «Сколько идей, сколько неиспользованных возможностей! Что это, если не наваждение, не наказание? Но за что? Почему ему не везёт до конца? В чём и перед кем он провинился?»

Кричит душа у Рувина, страдает до боли. И, видя, как он терзается, жена вновь с возмущением прикрикнет на него: «Да брось ты к чёртовой матери свои фантазии. Никому они не нужны! Не видишь, что вокруг творится? Люди деньги делают, а ты идеи выдумываешь... Ты просто неугомонный, неуправляемый, неисправимый человек! Подумай лучше о семье, о детях, о своём здоровье, иди работать простым учителем, хоть какая-то польза будет!»

Как же он нервничал от «выступлений» жены. Какие они были разные люди! Давно положено было жене знать, что он, Рувин, уже по-другому просто не может жить.

Единственная задумка, которая у Рувина претворилась в жизнь по-настоящему — это международная ассоциация «Планета детей». И то, если бы не поддержка Госкомитета СССР по народному образованию, вряд ли бы Рувин смог бы создать эту детско-юношескую общественную организацию. Теперь, когда ассоциации, прошедшей большой и тернистый путь становления, исполнилось одиннадцать лет, в министерстве юстиции России отказали в её перерегистрации. Судь-

ба этой популярной ассоциации оказалась совершенно безразличной депутатам из госдумы и чиновникам из минюста. И разве это не преступление? Кричит от бессилия душа Рувина: «Неужели ни у кого не вызовет возмущения такое решение? Какие буква и дух закона могут служить основанием для равнодушного отказа от перерегистрации такой организации?» Его душа взывает о помощи.

Рувин достал три письма, полученные им в разное время. Два из них он погладил рукой, а третье хотел скомкать и выбросить, но сдержался, решив, что оно ещё пригодится.

Он стал читать их.

«В адрес министра иностранных дел РФ поступило письмо председателя Варненского отделения общества дружбы с народами России и СНГ Асена Ташева с выражением сердечной благодарности Вам и возглавляемой Вами ассоциации за проведённый международный фестиваль песни и танца школьников «Дружба-96». Этот фестиваль вызвал большой интерес у жителей города Варны и стал, как пишет А. Ташев, настоящим праздником радости, мира и дружбы. Организация подобных мероприятий, на наш взгляд, служит укреплению доверия и взаимопонимания между народами и является вкладом в развитие добрососедских отношений с зарубежными странами.»

Прочитал, тяжело вздохнул и взял в руки второе письмо, которое получил недавно. В нём говорилось: «Департамент по молодёжной политике министерства образования Российской Федерации благодарит вас за сотрудничество в реализации государственной молодёжной политики в 2001-м году».

«А вот и ложка дёгтя в бочку мёда», — усмехнулся горько Рувин, повертев в руках письмо из минюста. «В связи с изложенным, — читал Рувин, — в соответствии со ст. 52 Федерального Закона об общественных объединениях, согласно которой государственная перерегистрация общественных объединений, созданных до вступления в силу этого закона должна быть проведена в срок не позднее 1.07.1999 г., по истечении которого общественное объединение, не прошедшее перерегистрацию, подлежат ликвидации в судебном порядке, а также ст. 23 указанного федерального закона в перерегистрации международной ассоциации отказано.21.12.2001-й г.»

И ни больше, и ни меньше!

И вновь Рувин настроился на грусть и печаль. Опять его понесло на грустные размышления. Вспомнил, как у него сердце кровью об-

ливалось, когда начался беспредел в Сумгаите, затем в Нагорном Карабахе. Не понимал Рувин того, кому были выгодны события и в Узбекистане, когда уничтожались семьи турок-месхетинцев. Страшно тяжело пережил Рувин братоубийственную войну в Югославии и её развал. Особенное беспокойство вызывало у Рувина во всех этих случаях тот факт, что среди этих народов были десятки тысяч семей со смешанными браками. «Каково же должно быть им?» — переживал Рувин. Он понимал, что в пору межэтнических, межнациональных войн в первую очередь страдали именно такие семьи. Спасая себя, своих детей, эти семьи вынуждены были мигрировать в третьи страны, поневоле превращаясь в беженцев. Как помочь таким семьям в частности и всем подобным семьям в общем? Безучастным оставаться к судьбам семей со смешанными браками Рувин по природе своей никак не мог. Поэтому он задумает создать международную ассоциацию семей со смешанными браками. Совершенно не имея представления о том, кто и как станут финансировать эту общественную организацию, он импульсивно, просто сознавая, что такая организация очень необходима, напишет Устав, обзвонить с полсотни семей со смешанными браками, договорится с руководством министерства по делам федераций о совместном проведении учредительной конференции в их конференц-зале, передаст информацию о дне её проведения в телеграфные агентства и... пошло-поехало. А потом к участникам конфренции обратится Первый заместитель министра: «От имени министерства национальной политики РФ сердечно приветствую участников учредительной конференции по созданию новой общественной организации — международной ассоциации семей со смешанными браками. Цели вашей организации благородны и направлены на укрепление дружбы и взаимопонимания между народами, уважения к языкам, культуре, истории, религии каждой нации, оказание разносторонней поддержки семьям со смешанными браками. Статус вашего объединения, как международной общественной организации, позволяет объединить в своих рядах большинство семей в первую очередь постсоветского пространства, где каждая семья из них была национально-смешанной... Министерство поддерживает создание международной ассоциации и выражает надежду на совместное и плодотворное сотрудничество».

«И что? — рассуждает Рувин. — Если ассоциацию «Планета детей», которой уже более одиннадцати лет, не перерегистрируют в ми-

нюсте, то эту ассоциацию и вовсе откажутся регистрировать. Спросят, есть ли за границей официально зарегистрированные отделения или филиалы — и всё.»

Рувину уже жалко тратить оставшиеся нервы на бесполезную борьбу с чиновниками. «Мне бы отдохнуть и подлечиться...» — думает он, усталый и обессиленный.

Когда ему звонят из Бишкека, Кривого Рога, Кишинёва, Риги и других городов и спрашивают, когда они в следующий раз соберутся, он в своих ответах им вынужден лукавить и обещать, что этот вопрос решается. Он не может открыто признаться им, что уже не способен найти спонсоров и что минюст с помощью Госдумы решило закрыть их ассоциацию — это будет для них страшным потрясением!

«Что ж, видимо, такова моя судьба, — тяжело вдохнув, подумает Рувин. — И добро-то не дают делать, — как бы подводит он итог своим горьким раздумьям. — Но неужто не найдётся тот, кто однажды протянет мне руку помощи? Должен же кто-нибудь оценить то, что делает эта миротворческая гуманитарная организация».

Рувин ещё надеется на чудо, потому что он романтик. И верит, что всё ещё образуется!

Горький запах полыни

Публицистическая повесть

Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.
Пословица

«Не выдержало все-таки сердце у моего друга, — с грустью и печалью сокрушался Шоул в душевном смятении. — И антисемиты тоже повинны в его скоропостижной смерти. Он жил в постоянном напряжении. Не вынес он мерзкого отношения к своему народу...»

Шоул в глубокой задумчивости шагал к автобусу вместе с другими участниками похорон. Дождь, сначала слегка накрапывающий, затем усилился. Подул ветер. Шоул приподнял воротник плаща и почти вслух произнес: «И небеса оплакивают смерть Лени...» Он шел и не обращал внимания на капли дождя, хлеставшие его по лицу. Этот дождь и приподнятый воротник плаща вернули его мысленно лет на пятьдесят назад. И он на время оказался в родном Дербенте, рассказы о котором так любил слушать усопший Леонид Яковлевич.

С юношеских лет осталась у него, Шоула Якубова, тяга к прогулкам в дождливую погоду с приподнятым воротником плаща в одиночестве по пустынным городским улицам. И думать о своих сокровенных мечтах, желаниях... И рассуждать, и спорить с самим собой, и копаться в собственной душе. Дома оставаться со своими мыслями часто мешала мать. Она вечно своим очередным окриком выводила его из задумчивого состояния. Как это раздражало его.

— Я молоко поставила на керогаз. Проследи, чтобы не убежало... Я — за хлебом в магазин. Не забудь — проследи за молоком.

— Хорошо, хорошо, — быстро отвечал он и вновь углублялся в свои мысли, стараясь тут же вернуться в первоначальное душевное состоя-

ние. И продолжал мысленно рассуждать... И лишь, когда услышит шипение «убежавшего» молока, выбежит в коридор, выключит керогаз и вновь сядет за стол... И уже то, что мать затем будет ворчать, возмущаться, называя его растяпой, равнодушным сыном, не умеющим ценить материнский труд, вдвойне огорчит его и окончательно выведет из душевного, комфортного состояния.

Он тоже в свою очередь сердился на мать. Он считал, что нельзя так бесцеремонно мешать ему думать, сосредотачиваться и вторгаться ей в его душу. Хуже того, мать еще вдобавок всегда насыпала ему соль на «рану», задавая оскорбительные вопросы:

— О чем это ты там думаешь? Что строишь? Неужели нельзя было пять минут понаблюдать за молоком? — возмущалась она.

Подобные истории происходили с ним и когда он зачитывался какой-нибудь интересной книжкой. Он находился уже там, среди героев, жил вместе с ними... А тут вдруг окрик матери выводил его из того мира, в который он только что окунулся.

— Если закипит обед, то убери с кастрюли крышку. Я сейчас... За чесноком сбегаю к соседям.

Конечно, он тоже хорош: эгоист эгоистом. Но разве он виноват, что уродился таким романтиком, фантазером и любит витать в облаках. И чтобы мать не нарушала ход его мыслей, он в свободное от уроков время любил сходить на вокзал и там часами прогуливаться по перронам, слушать музыку, льющуюся из вокзального репродуктора. Здесь ему никто не мешал уйти в себя. А как приятно и одновременно трепетно становилось на душе, когда паровозы подходящих и отходящих поездов громко гудели. Эти гудки манили его в голубые дали, куда-то далеко. «Как-то там, в незнакомых городах и весях?! — размышлял Шоул с трепетом. Он был еще юн и ему не была знакома поговорка о том, что хорошо там, где нас нет. Он многого еще не знал, потому что не сталкивался с трудностями жизни, не встречался с плохими людьми... Одним словом, был он еще очень молод, а потому наивен. Это потом, по прошествии нескольких десятков лет, когда жизнь иногда покажет ему фигу, он не единожды вспомнит поговорку о том, что если бы молодость знала, а старость могла...

В те юношеские годы его посещали иногда и довольно мрачные мысли. «Почему человек рождается? Чтобы затем умереть? Странно!» Естественно, ответа он не находил. Хуже того, когда ему исполнилось

25 лет, он вовсе впал в полное отчаяние, настоящую депрессию. Он ужаснулся, когда понял, что прожил уже целых четверть века?? «А сколько же мне тогда осталось жить? — возмущался он. — Кто выдумал такую жизнь? Я ведь еще ничего не успел сделать полезного для родины!?»

Всю свою жизнь, когда Шоул не находил ответов на волновавшие его вопросы, он нервничал, выходил из себя... Его могли удовлетворить, успокоить только внятные разъяснения, которые оказались бы способными убедить его.

Так вот, когда Шоулу хотелось остаться наедине с собой, чтобы без помехи можно было порассуждать, помечтать, он, помимо прогулок по перронам вокзала, любил еще и во время дождя побродить по улочкам города. В дождь на улицах почти никого не бывало. А ему это и нужно было. О-о, как возмущалась тогда мать. Она накидывалась на него и с осуждением выкрикивала:

— В такую погоду даже плохой хозяин не выгонит на улицу свою собаку. А ты — гулять?! Непонятный ты у меня парень, сынок...

«Не поймешь ты меня, мама!» — отвечал Шоул ей мысленно. А вслух произносил:

— Не сахарный — не растаю. Погуляю немного и вернусь.

И бродил по городу, вызывая у редких прохожих, спешащих укрыться под каким-нибудь навесом, полное недоумение. И их понять можно было: парень никуда не торопится, не прячется от дождя, и, больше того, спокойно прогуливается...

Эта любовь к одиночеству у Шоула сохранилась на всю жизнь. Теперь, когда ему стукнуло 70, он так же, как и прежде, любит покопаться в собственной душе и, как он любит говорить, заниматься нравственным самоусовершенствованием по-толстовски. Поэтому с годами Шоул уже чаще мысленно возвращался к событиям, отдельным эпизодам из своей жизни, продолжая размышлять над своими и чужими мыслями, поступками.

Однажды он вспомнил, как отец после приглашения его в синагогу мрачно произнес:

— Какого черта мне там делать? Я давно ни в бога, ни в черта не верую.

А когда он, Шоул, спросил, почему он так относится к своей религии, отец, никогда не выходивший из себя, резко и убийственно бросил:

— О каком боге, сынок, можно говорить, когда во время войны от взрывной волны, бомбовых ударов с воздуха в разные стороны разлетались части человеческих тел! О каком боге можно говорить, если кишки воинов висели на электрических проводах, а вокруг тебя валялись человеческие мозги... Где был бог, если он есть, когда такое творилось? Почему он не остановил чудовищное побоище? Так-то, мой мальчик! Где был бог, когда наши и чужие танки утюжили тела раненых и убитых воинов?

Шоул понимал, что отец так зло отвечал не потому, что не любил свой народ и свою веру... Он сознавал, что отец так хлестко высказался, потому что война оставила у него на душе незаживающие раны.

...Помнит Шоул, когда ему исполнилось 16 лет, в жизни страны произошли страшные события. Сталин и его окружение в одночасье окрестили врагами народа, вредителями, иностранными шпионами группу врачей-академиков. Причем, большинство из них были евреи. И закружились, завихрились тогда в голове юноши Шоула всякие вопросы. «Выходит, до этого они были выдающимися учеными, получали всякие звания и ордена, а теперь, оказывается, все они — убийцы и предатели. Круто! Газеты клеймят вчерашних талантливых врачей позором, призывают «от имени народа» расстрелять их... Неужели антисемитизм расцветает махровым цветом? — со страхом и недоумением подумал тогда юный Шоул. — Не может же быть так, чтобы люди, всю свою сознательную жизнь добросовестно и честно служившие науке, народу, успешно лечившие Сталина и членов его политбюро, вдруг стали врагами?!»

Тяжело было на душе у Шоула, сумрачно и суматошно, печально и страшновато. Он был в смятении и не знал, верить или нет газетным и журнальным публикациям. И лишь когда он повзрослел, когда времена изменились, когда «врачам-убийцам» посмертно вернули их честные имена, Шоул четко понял, что Сталин тогда тем самым дал всем знать, что он антисемитизму присвоил государственный ранг. Да так присвоил, что отзвуки тех событий слышны и поныне.

Случались с Шоулом, начиная с молодости, и разные «метаморфозы», которые затем стали неотъемлемым качеством его натуры. Стоило ему задуматься над каким-нибудь фактом, как потом он ловил себя

на мысли, что, думая об одном, незаметно, он постепенно от одной мысли плавно переходил к другой, затем к третьей... А когда, уже утомившись, он останавливался, проводил ладонями по лицу, чтобы снять напряжение, спрашивал себя: «А с чего же я начал-то свои размышления?» Постарается вспомнить последнюю фразу, потом вернется назад, как бы прокручивая кадры назад... Так поэтапно придет он к первой своей мысли. Усмехнется, покачает головой в знак удивления и сделает вывод: «Ишь как меня занесло: начал с одного, а кончил совсем другим».

Вот так происходило с Шоулом всегда, когда он начинал вспоминать о чем-нибудь.

И теперь, когда ему уже много лет, он все так же, вспомнив о чем-то, почувствует, что вновь, как в молодости, его заносит в сторону.

...Вот почему Шоул в тот день после похорон своего друга Леонида Яковлевича Спивака, восстанавливая в памяти свои диалоги с ним, мысленно опять забредет в «дебри». Нет, не просто так он отвлечется. Взяв за основу суть своих бесед с другом, он к этой сути все равно в итоге возвращался. Пусть не прямо, пусть косвенно... А разговоры между ними в основном касались положения евреев в России. И не только... Конечно же, они говорили и о многом другом, но тема еврейства особенно будоражила их воспаленные мозги. В таких случаях Шоул любил повторять поговорку: «У кого что болит, тот о том и говорит».

Это на первый взгляд казалось, что его заносит. Дело в том, что он, думая, к примеру, о том, как в России на бытовом уровне сильно расцветает антисемитизм, он с одного факта перескакивал на другой, чтобы потом вновь подобраться к основной мысли. Он как бы предварял свои рассуждения, так сказать, лирическими отступлениями.

Вот и сейчас. Память вернула его к периоду заочной учебы в аспирантуре в Воронежском политехническом институте. И вернула-то потому, что с событиями, произошедшими с ним во время той зимней сессии, будут связаны с дальнейшими его рассуждениями о проблемах антисемитизма.

В ту зиму ему, Шоулу Якубову, до определенного момента везло во всем. Он удачно сдал последний кандидатский экзамен, на кафедре утвердили тему его диссертации, к тому же его научным руководителем согласился стать сам заведующий кафедрой. Последнее обстоятельство особенно радовало его. А еще на студенческом рождественс-

ком вечере он познакомился с чудесным парнем, директором институтского Дома культуры Адилем Мамедовым. Был Адиль среднего роста, слегка полноватый и довольно симпатичный брюнет. Этот 30-летний азербайджанец прекрасно пел. Узнав, что Шоул родом из соседнего Дербента и к тому же неплохо владеет его родным языком, он весь вечер не отходил от него.

— Я тоскую по Баку, по родному Хачмасу, — с печалью в голосе говорил Адиль сидевшему рядом с ним Шоулу. — Здесь и двумя словами не с кем перекинуться. Правда, иногда летом мы с женой Ольгой и сынишкой Саидом ездим на родину. Но ведь этого недостаточно. Не знаю, что во мне говорит: или привычка общаться на родном языке, или горячая любовь к родному краю. Это же не преступление, дорогой Шоул? Как ты думаешь? — и он с широкой улыбкой заглянул Шоулу в глаза.

— Наоборот, — поспешил Шоул успокоить приятеля, тоже улыбаясь. — Это же хорошо! Ибо, не полюбив свой язык, свою культуру, свою историю, свою малую родину, ни один человек не сможет с уважением и почтением отнестись к языку, культуре, истории других народов... Верно говорю?

Адиль с восторгом смотрел на своего нового знакомого. Чувствовалось, что он был очарован Шоулом, его рассуждениями.

— Вот молодец! — крепко пожав руку Шоула, воскликнул Адиль. — Ты для меня, дорогой Шоул, сейчас как подарок, как временная отдушина, — признавался растроганно добродушный Адиль с некоторой тоской в голосе.

Затем Адиль, у которого поднялось настроение, стал тихо напевать Шоулу своим приятным тенором родные азербайджанские песни. А Шоул при этом в такт мелодии тихо щелкал пальцами.

— Адиль, я послезавтра уезжаю. Но ты завтра вечером должен быть у меня в общежитии. И мы с тобой немного тяпнем, — весело заключил Шоул. — Обмоем, так сказать, завершение моей зимней сессии.

Назавтра Шоул, попрощавшись со всеми на кафедре, заглянул в клуб к Адилю. Сходили в магазин, купили немного колбасы, килечки в томатном соусе, батончик хлеба. Словом, все так же, как бывало у Шоула в студенческие годы. И они отправились к Шоулу в общежитие, где он жил вместе с аспирантом-очником.

Соседа не было в комнате, и они удобно расположились за столом. Шоул разбавил привезенный им из Дербента спирт с водой. Вы-

пили по одной стопке, закусили. Затем Адиль запел. О Баку, об Азербайджане... А Шоул подпевал ему.

После третьей порции разведенного спирта, которая уже показалась Шоулу слишком крепкой, Адиль извинился, объяснил, что ему пора и что Оля заждется его, и собрался уходить.

— Приедешь летом — сразу к нам в гости, — обняв Шоула, пропел весело Адиль.

— Я провожу тебя и заодно немного пройдусь на морозце, — пролепетал Шоул, успевший захмелеть.

На улице Шоул попрощался с Адилем и направился было в общежитие, как вдруг почувствовал, что резко опьянел и может вот-вот отключиться. Он быстро, чтобы не упасть на улице, зашагал к себе. Вошел в комнату, где, успевший прийти сосед, наводил на столе порядок, успел пробормотать «спасибо» и... сразу отрубился. При падении на кровать он вырвал все, что недавно съел и выпил. И провалился в бездну.

Сосед, решив, что с Шоулом стряслось что-то серьезное, побежал к дежурному и вызвал «Скорую помощь». Когда в комнату вошли две высокие, крупные женщины в белых халатах, они перевернули Шоула и стали «изучать» его рвоту. Сквозь сплошной туман в голове до сознания Шоула как бы издалека доносились обрывки фраз этих женщин.

— Рвота довольно сомнительная. Может, аппендицит разорвался, — заметила одна из них.

— Что вы сегодня ели? — растолкав все еще находившегося в невменяемом состоянии Шоула, зло спросила другая.

— ...Кол-ол... басу, ки-иль-ку в то-оматном соу-усе... — невнятно и глухо пробубнил Шоул, продолжавший лежать с закрытыми глазами. — У-у ме-еня... же-лу-док не в порядке. Я-я... час-то вы-ры-ваю, – бормотал Шоул сквозь пьяный бред.

«Как я мог так сразу опьянеть? — тем временем мысленно возмущался Шоул. — Видимо, на радостях, что познакомился с чудесным парнем и что сессия прошла удачно. Или закуска оказалась не та? Да и вообще, я же почти ничего не ел... А ведь, когда я провожал Адиля, был в нормальном состоянии...»

— Значит так, — меж тем грозно произнесла одна из женщин, – давайте собирайтесь. Поедем в больницу. Там установят, что у вас, – тоном, не требующим возражения, заявила она.

— Да... ни... ку... да я не пое-еду. Я за-ав-тра дол... жен уе... ха... ать до... мой, — открыв наконец глаза, решительно отказался Шоул.

Он уже не помнит, как эти крупные женщины, взяв его под руки, подняли с кровати и потащили к машине. Они затолкали его, как преступника, в машину «Скорой помощи» и грозно попросили не «выступать».

В больнице Шоула «обработали» и подняли на третий этаж. В длиннющем коридоре стояли раскладушки, на которых лежали и сидели больные в ожидании своей очереди на операцию. Ближе к дверям пристроили еще одну раскладушку, и санитарка попросила Шоула:

— Лежите здесь и ждите, — с сочувствием, по-доброму прошептала ему санитарка.

— Но о какой операции идет речь? — заговорил Шоул, уже в некотором роде пришедший в себя. — Я просто выпил много и вырвал — вот и все. Я просто пьян, честное слово... Пусть меня предварительно обследуют... — умолял Шоул санитарку. — А то сразу на операционный стол...

— Я маленький человек, — ласково прошептала санитарка. — Вам все объяснят там, — и она кивнула в конец коридора, где, как понял Шоул, и находился операционный зал.

— Что за дела? Что за беспредел? У меня ничего не болит, — продолжал возмущаться Шоул. — Сначала же должны обследовать... Вот здорово... — сразу на стол?! — выкрикнул он громко, только теперь по-настоящему сообразив, что его затащили сюда по прихоти тех двух крупных дам из «Скорой помощи». — Решили поиздеваться надо мной за доставленные им хлопоты... Хороши же шутки!..

Сколько он пролежал на раскладушке, Шоул не помнил. Он то засыпал, то просыпался в каком-то беспокойстве. Когда же его наконец завезли в операционный зал, он уже окончательно пришел в себя. Его тянуло спать, глаза слипались, но он старался открыть их и вглядываться в лица хирурга и его ассистента.

— Доктор, — хриплым голосом обратился он к хирургу, — никакого аппендицита у меня нет. Я просто вырвал после выпивки — и все.

Его растошнило, и он обратился к санитарке:

— Я хочу рвать. Как мне быть?

— Ради бога, рвите на здоровье. У нас здесь и не то бывает.

Шоул повернул голову вбок и стал рвать. Шла одна жидкость. А когда ему сделали укол в брюшную полость, он его остро не ощутил. Хирург сделал на животе надрез, и опять Шоул никакой боли не почувствовал.

— Чего-то не найду я его аппендикса, — услышал Шоул удивленный голос хирурга. — Да и вообще у него тут все в порядке. Чего ж его положили на стол? — не то возмущался доктор, не то шутил.

— Что ж теперь делать? Раз вскрыли, то уж давайте удалим, — посоветовала ассистентка.

— Да, но я не могу найти его... — ворчал врач.

— А вы эту кишку тянули?

— А-а, вот он, нашел. Целехонький. — В следующую минуту он, отрезав аппендикс, поднял его кверху и весело заявил Шоулу. — Вот, друг мой, ваш прекрасный аппендикс...

Так ни за что, как говорится, ни про что пострадал Шоул из-за злого умысла дежурных из «Скорой помощи».

— Ну и хамки, ну и садистки, — зло ругал Шоул этих крупных дам после операции, когда его везли в палату.

Через неделю Шоула с еще не совсем зажившей раной выписали из больницы. В общежитии он перво-наперво глубоко извинился перед аспирантом-очником за доставленные тому хлопоты, забрал чемодан и отправился на вокзал.

— Мне бы один билетик до Дербента в купейном вагоне. И желательно нижнее место, — попросил Шоул кассиршу.

— Билетов нет, — грубо бросила кассирша... — Ишь ты, купе, да еще нижнее место... Вы же знаете, что на проходящих поездах редко бывают места. — зло проворчала пожилая кассирша. — А вы еще и нижнее место просите...

— Я после операции. Хотите я вам справку из больницы покажу. Меня только-только выписали. Мне надо домой уехать, — болезненным голосом умолял он.

Женщина посмотрела на Шоула и, видимо, поняв по его бледному лицу, что он действительно из больницы, строго сказала:

— Могу предложить место только на второй полке. Это из брони.

— Давайте, — сразу согласился Шоул. — Там кто-нибудь сердобольный и уступит мне место на нижней полке, — не столько кассиршу, сколько себя, успокоил Шоул.

Через час он был уже в своем вагоне. Он не стал просить женщин-соседок по купе, чтобы ему уступили место внизу. Он с трудом поднялся на свою вторую полку и вдруг почувствовал, как на животе стало мокро. «Видимо, от напряжения шов разошелся», — решил он и закрыл глаза.

Вспомнил Шоул обо всем этом так подробно, потому что именно с этой поездки для него брало свое начало все то, что затем станет основной темой его бесед с другом Леонидом Яковлевичем. И тема эта будет обозначена одним словом — антисемитизм.

...Шоул проснулся только в Харькове. Когда из купе с нижней полки с вещами вышла пассажирка, он сразу перешел на ее место. При этом он извинился перед пассажиркой, которая занимала другую верхнюю полку.

— Вы извините, пожалуйста, меня, но я после операции, — и Шоул при этом для убедительности приподнял рубашку и показал место раны на животе. «А иначе не поверили бы, как пить дать. И ворчали бы... Зачем мне все это нужно?» — рассуждал он мысленно, успокаивая себя.

— У вас место освободилось? — спросила проводница, заглянув в их купе.

— Да, — ответила соседка с первой полки.

— Проходите, пожалуйста, — обратилась проводница к мужчине, стоявшему в коридоре.

Она пропустила в купе полноватого, низенького человечка, от которого сразу потянуло винным перегаром.

«Чистокровный еврей! Даже фамилию не надо спрашивать», — весело усмехнулся Шоул.

— Моё место тут? — спросил человечек, указав рукой на верхнюю полку.

Получив подтверждение, он обратился к стоявшим в дверях двум молодым мужчинам, от которых тоже исходил винный запах.

— Ребята, закиньте вещи сюда, — попросил он своих провожатых.

Они забросили его чемодан и саквояж наверх и, почтительно попрощавшись, удалились.

— Мои студенты-заочники! Хор-ро-шие ребята! Угостили меня в ресторане, а потом вот и провели, — похвастался человечек, присаживаясь на нижнюю полку Шоула. — Доцент Харьковского политехни-

ческого института к вашим услугам, — представился он гордо, при этом икая. — Семен Давыдович Браиловский.

Тем временем, как только доцент представился, пассажирки брезгливо посмотрели на него и затем резко отвернулись.

Семен Давыдович вытер пот с лица и шеи, повернулся к окну, помахал рукой своим студентам, которые появились на перроне перед окном.

Когда поезд отошел от станции, Семен Давыдович, видя, что соседи никакого интереса к нему не проявляют, неуклюже вскарабкался наверх и вскоре захрапел.

В Ростове он выходил. Когда Шоул заметил, что Семен Давыдович не справляется со своим чемоданом и саквояжем, он, несмотря на свою перенесенную операцию, решил помочь ему. «Какой-никакой, все же мой соплеменник», — по-доброму и с улыбкой рассудил он.

— Подождите, я вам помогу, — бросил он Семену Давыдовичу и взял его саквояж.

— Вот спасибо. Вот спасибо, — бодро благодарил человечек Шоула, уже протрезвевший.

Шоул передал сошедшему на перрон Семену Давыдовичу саквояж и попрощался.

— Если что в Харькове будет нужно, смело обращайтесь ко мне. Запомнили мою фамилию? Бра-и-лов-ский.

— Спасибо, — тихо ответил Шоул, схватившись за живот.

«Видимо, опять шов разошелся», — с тревогой подумал Шоул.

Он вернулся в купе и молча присел к столику. Вот тут только стал присматриваться он к своим соседкам.

— Провели этого придурка? — с ненавистью спросила одна из них.

— Ну, человек просто выпивший был. Он же вас не обидел, не оскорбил? Нет! А так он, наверное, мужик неплохой, — постарался Шоул смягчить их неприязнь.

— Такой противный еврей! — вставила вторая. — Ишь ты, с прислугой ходит! Барин важный!

— Если бы он был русским, причем также выпившим, вы бы и тогда произнесли бы «какой противный и мерзкий русский»? — не выдержал Шоул. — Наверное, сказали бы, что он просто противный человек. И не задели бы его национальную принадлежность. Верно я говорю?

Женщины замолчали, немного задумавшись. На что обратил внимание Шоул, так это на то, что они совсем не чувствовали себя неловко. Именно такое поведение женщин глубоко возмутило Шоула. Он покраснел от злости, весь напрягся от негодования, но постарался сдержать себя: нельзя было опускаться до их уровня.

Особенно агрессивно вела себя та, которая была «хозяйкой» нижней полки. Она была довольно красивой внешности, лет 40–45 на вид. Когда она говорила, то очень мило улыбалась. «Мягко стелет, да жестко спать, — пронеслось у Шоула в голове. — Мило улыбается, но желчно высказывается». Именно она показалась Шоулу наиболее коварной, злой, агрессивной, чем та, которая спустилась с верхней полки.

— Давайте познакомимся вдруг резко и неожиданно предложил Шоул. — Меня зовут Шуриком, — с хитринкой в глазах представился Шоул. — Еду в Дербент. Там живу.

— Я Вера. Еду в Грозный, — охотно назвалась агрессивная пассажирка.

— Я Клава. Еду в Нальчик. Там живу, — с какой-то печалью в голосе произнесла вторая.

Поезд набирал обороты. Проехали мост: Ростов остался позади. Разговор в купе временно прервался. Каждый думал о своем. Стояла угнетающая тишина, за которой, по всему было видно, вот-вот начнется буря. Вскоре проводница привела к ним в купе нового пассажира. Это был высокий, стройный и довольно симпатичный молодой человек. Он мило поздоровался, положил чемоданчик и шляпу на освободившуюся вторую полку и присел к Шоулу.

Шоул все продолжал думать о высказываниях этих женщин. Понимал он, что они обе антисемитки, но не знал, что при этом ими движет, почему они не любят евреев. И решил до конца выяснить их доводы, а потому резко прервал тишину и заговорил.

— Вот, к примеру, я дагестанец. И хочу спросить вас, почему вы не любите евреев. — При этом он так внимательно заглянул женщинам в глаза, что те, не выдержав его колючего взгляда, отвернулись, оставив его вопрос без ответа. Но Шоул ждал их слова, а потому переводил взгляд с одной женщины на другую. А молодой человек, пока ничего не понимавший, забавно наблюдал за всеми тремя соседями по купе и ждал, чем их разговор закончится.

— Они хамовитые... Какие-то слишком шустрые, умные... — неуверенно залепетала Вера из Грозного.

— Они жадные... — решила поддержать ее Клава из Нальчика.

— Они христопродавцы! — истерично добавила Вера.

«Вот-вот, — подумал Шоул. — Это уже ближе к истине».

— И я их не люблю, — вдруг вмешался в разговор молодой человек, уже уловивший суть их разговора.

— А что они лично вам плохого сделали? — обратился Шоул к новому соседу.

— Мне лично они ничего плохого не сделали... Но я многих знаю...

— И все они, как один, вам противны? Неужели никто из них доброго впечатления у вас не оставил? — спокойно, даже артистично, сдерживая свой гнев, поставил Шоул сразу всем им вопрос.

— Понимаете, — замямлил молодой человек, не зная, как объяснить то, что он хотел выразить. — Понимаете, трудятся — из кожи вон лезут... Везде стремятся должности занять — вроде умнее всех. Все рвутся к образованию... Мелочные, цепляются друг за друга... — нес он ахинею.

— Понимаю, — тяжело вздохнув, глубокомысленно и с лукавой улыбкой протянул Шоул. — Но скажите, пожалуйста, а что, если они самозабвенно, творчески трудятся — это плохо? Вот вы сказали, что они стремятся должности всякие занимать. И их выдвигают. Почему других не выдвигают? Разве плохо, что они рвутся к образованию? Пусть и другие тянутся. А потом неужели среди других народов нет мелочных, жадных людей? А что касается того, что цепляются друг за друга, то, — тяжело вздохнув, продолжил Шоул, — так это оттого, наверное, что жизнь у них уж больно многострадальной оказалась. Если бы они друг друга не поддерживали бы, пропал бы этот народ. Из-за таких, как вы, ненавистников!

— Все это так, но... — несколько неуверенно начала Вера, но почему-то зарделась.

— Вы просто стесняетесь признаться, — не обратив внимания на вступление грозненской дамы, продолжал прижимать их к стенке Шоул. — что такое неуважение к этому народу, мягко выражаясь, передалось вам с молоком матери. По сути дела, все ваши доводы выеденного яйца не стоят...

— Да... — хотел было что-то сказать молодой человек, но не успел — Шоул пошел в очередное наступление.

— Может быть, среди других народов нет всякой швали? А?

— Есть конечно, — вступила в разговор Клава из Нальчика. — Но не в этом дело.

— А в чем? — ехидно улыбнулся Шоул, не дав договорить ей. — Скажите, евреи вас продавали, выдавали, по-черному в чем-либо вам завидовали? Они когда-нибудь гадили вам? Чем-нибудь обидели? Вы их не любите за их рвение честно и хорошо трудиться? Вы их не уважаете за то, что они приносят пользу нашей с вами родине? Если так, то вы просто-таки вредители, враги своей родины! — страстно заключил Шоул.

— Извините, но почему вы так горячо их защищаете? — сузив глазки и хитро улыбаясь, спросила Вера из Грозного.

— Отвечу! — твердо начал Шоул. — Я Дагестанец. Когда я слышу от некоторых таких, как вы, что мы чернозадые, извиняюсь, черномазые, словом, дикари какие-то, то я понимаю, что от таких людей веет великорусским шовинизмом. А все это происходит от отсутствия веротерпимости, общей культуры, от дурного воспитания и многих других факторов...

С минуту обе женщины и молодой человек сидели понурившись, в каком-то оцепенении. Клава делала вид, что упорно изучает что-то там за окном, не замечая при этом проплывающие мимо хутора, заснеженные поля... Вера взялась было за лежавшую на столике книгу, но вместо этого стала машинально вертеть обложкой... А молодой человек тоже выглядел растерянным и тупо, ничего не понимая, поглядывал то на Шоула, то на вдруг замолчавших женщин. Он явно не знал, как себя дальше вести.

— Наверное, — вновь заговорил Шоул спокойно, — в ваших семьях родители дурно отзывались о евреях. Или это делали те, кто вас окружал, или те, кто живет по соседству, или сослуживцы на работе...

Шоул сделал паузу: он ждал каких-либо возражений. Да потом, честно говоря, ему необходимо было слегка утихомирить свой пыл, поостыть, чтобы мог обойтись без резких слов. И добавил:

— Вы вновь удивитесь, почему, мол, этот кавказский товарищ так страстно защищает евреев. Верно?

— Да. Даже удивительно, — бросила агрессивная Вера из Грозного.

— Да это очень даже просто, — став в позу всезнающего лектора, продолжал Шоул. — Ведь вы, высказывая свое недоброе отношение к евреям, способны с таким же успехом отозваться о тувинцах, якутах,

татарах и так далее. А это пахнет, повторяю, шовинизмом. Вы знаете, что означает это слово? Нет? Объясню. Это крайний национализм, проповедующий расовую исключительность и разжигающий национальную вражду и ненависть. Думаю, вы поняли значение этого слова. Конечно, если вы ненавидите только одних евреев, то вас надо отнести к антисемитам. Помните, как Гитлер проповедывал исключительность немецкого народа? Забыли? Плохо, если у вас такая короткая память. Кстати, он призывал к ненависти не только к еврейскому народу, но и к славянским народам. — Шоул закончил фразу, тяжело вздохнул, оперся руками об столик, посмотрел в окно — решил успокоиться, дать себе отдохнуть.

Шоул понимал, что вся его «лекция», все его усилия обречены. Во-первых, сознавал он, таких людей, которые на бытовом уровне не любят евреев, тысячи и тысячи. И из них эту дурь ничем не выбьешь. Это бесполезное дело... Но он придерживался поговорки, что и капля камень точит, и его теперь ничто не могло остановить. Поэтому через несколько минут он вновь заговорил, но уже как-то тише, беззлобно, почти доброжелательно.

— Я понимаю, эта ненависть к евреям вызвана у вас в основном из-за религиозной нетерпимости. Молясь богу-еврею, вы ненавидите его соплеменников. Вы называете евреев христопродавцами. Там разыгралась драма. Как вы знаете, чужая семья — потемки. Так какого... извините, вы взяли на себя обязанности судьи? Кто вам дал право судить другой народ, чужую семью? Ведь сказано: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы».

Высказался Шоул и понял, что они-то всего этого и не знают. Они ненавидят евреев, потому что до них другие их ненавидели. Так что они даже не понимали, о чем это им рассказывает их строгий сосед.

Женщины и молодой человек молчали, набравши в рот воды. Они смотрели на Шоула с широко открытыми глазами и уже ничего не понимали: были не то удивлены, не то поражены логикой суждений и знаниями своего собеседника.

«Их, наверное, крайне удивляет то, что какой-то кавказский чучмек может так мыслить, столько знать, — размышлял Шоул мысленно, глядя то на одного, то на другого из них. — Их, видимо, убивает тот факт, что какой-то чернозадый дагестанец умнее них, да еще, как ни странно, поучает их».

— Нет, конечно же, среди каждого народа есть и хорошие, и плохие люди, — неуверенно, как школьница, заговорила Клава из Нальчика. — У нас в городе очень много горских евреев. Они тоже разные. Мы терпимо относимся к ним. Но где-то в глубине души у нас к ним... ну, как бы вам сказать... — и она не найдя слов или не желая высказывать, что хотела, замолкла.

— Нет, друзья мои. Как ни крути, а основная причина такого отношения к евреям — это религиозная нетерпимость. Все остальное — что они жадные, хитрые, наглые и так далее — это просто дешевое объяснение... Помните поговорку: В чужом глазу и сучок примечаем, а в своем и бревна не замечаем? Так и у всех тех, кто не хочет, не может оправдать своего негативного отношения к людям этой национальности, — без сожаления повергал Шоул своих оппонентов в скорбное состояние.

«Нечем вам крыть, господа!» — довольный своим выступлением рассуждал теперь про себя Шоул.

— Между тем, — он уже не мог остановиться (вот ведь что значит — наступили на больную мозоль!), — мы с вами знаем, какую огромную лепту внесли (да и сейчас вносят) евреи в развитие культуры, науки, техники, искусства в СССР, а теперь и в России. Они прославили (да и сейчас славят) свою родину! В процентном отношении евреев — Героев Советского Союза оказалось больше всех! Вы об этом знаете? А что они защищали? Родину! Нашу с вами Родину! А может быть, в таких, как вы, говорит черная зависть? Если так, то между прочим им надо завидовать белой завистью! Бе-лой!

Теперь пассажиры смотрели на Шоула как завороженные. Они находились в гипнотическом состоянии, в некотором замешательстве. В душе каждый из них был согласен с доводами этого, как он себя назвал, Шурика.

В купе вновь установилась тишина. Шоул, немного утомленный своим монологом, теперь у глубокой задумчивости смотрел в окно. Уже видна была окраина Армавира. «О-о, вот мы уже где! Так быстро время пролетело!» — подумал он с удивлением.

— Скоро и Прохладный будет, — тихо пропела Клава, стараясь выйти из затянувшегося напряженного состояния.

Видел Шоул, как его соседи чувствовали себя неловко. Они сидели как пристыженные, провинившиеся школьники.

— Я — горский еврей! — вдруг резко выкрикнул Шоул, решивший ошарашить своих собеседников и увидеть в их глазах и растерянность, и изумление. — И мне стыдно за вас! За тысячи таких, как вы! Стыдно и обидно!

— Ой, извините, пожалуйста, — сразу нашелся молодой человек, прося у него прощения за свои высказывания. — Я не знал.

— Ничего, ничего. Зато вы честно во всем признались, — с улыбкой успокоил он соседа.

— Боже, никогда бы не подумала, — спохватилась Клава из Нальчика. — Хотя по тому, как вы страстно их защищали, я внутренне понимала, что так вдохновенно может защищать свой народ только еврей.

— А я все равно их не люблю! — твердо заявила Вера из Грозного. — Не знаю, почему, но они мне не нравятся. Ну, неприятны они мне — и все тут!

Шоул молчал. Он все равно был доволен тем, что сумел-таки прижать всех их к стенке, удалось выступить, более или менее, убедительно. Он получил удовлетворение от своей «лекции». Назвав свою национальность, Шоул сразу как-то легко и свободно вздохнул, как после хорошо выполненной работы! На душе у него было благостно. Его наполняло чувство исполненного долга.

— Каждому свое, — произнес Шоул наконец, ни к кому не обращаясь. — А вам, Вера, бог судья! Только простит ли он вас, неизвестно.

Так тогда и расстались каждый при своем мнении.

Вскоре жизнь у Шоула так завертелась, что он до поры до времени позабыл не только об этом разговоре, но и о своих соседях по купе. Человек так уж устроен, что вспоминает о всякого рода проблемах лишь тогда, когда они вновь возникают у него на пути. Так однажды Шоул вернется к разговору в купе только через несколько лет в середине семидесятых годов, когда его соплеменники станут дружно уезжать на землю обетованную. И опять же человек так устроен, что пока какая-либо трагедия не коснется его лично, его родных и близких, он не старается глубоко вникать в суть такой трагедии. Конечно, Шоул часто задумывался над причинами массового исхода земляков в Израиль, хотя они, эти причины, вроде бы и лежали на поверхности. Вот почему, когда сослуживцы или просто знакомые интересовались у него, что же двигает людьми, оставляющими веками насиженные места и бросающимися в неизведан-

ные края, он, Шоул, с крайним удивлением смотрел на них. Его взгляд, его ухмылка как бы говорили: «А то вам неизвестны причины их отъезда!»

Хотя Шоул и знал о том, что двигало людьми, собирающимися в путь-дорогу, он все же вступал в спор с теми, кто собирался покинуть свою малую родину.

— У многих из вас свои дома, есть работа, дети учатся в школах, вузах. Так зачем же бросать все это и уезжать куда-то? Неизвестно, как там сложится ваша жизнь...» — объяснял он своим землякам.

А ему отвечали хлестко и смачно.

— Во-первых, не все наши имеют своих очагов, и тысячи еврейских семей десятилетиями ждут улучшения своих жилищных проблем. Можно подумать, что ты, Шоул, об этом не знаешь. Во-вторых, почему наш первый секретарь горкома партии перевез театр из своего родного района в Дербент? Почему он передал ему наше прекрасное здание театра? Почему, на каком основании он некоторым артистам из этого театра выделил квартиры? И это при том, что многие наши земляки десятилетиями живут в полуподвальных помещениях... Кому здесь был нужен их театр? Кому он будет показывать спектакли на родном языке? Ведь в городе живут всего несколько десятков его земляков... Может, ты скажешь, где сейчас ютится наш татский театр? Его разместили, как ты знаешь, в колхозном клубе... А-а... То-то...

Конечно, Шоул обо всех этих неприглядных историях знал, но все же... Подобных ответов он ждал. Но не думал он, что в народе накопилось столько зла против несправедливости, равнодушия, крайнего национализма.

— Вот ты, Шоул, говоришь, что все наши горские евреи имеют работу. Все ли? — возражала ему одна учительница. — И за жилье, и за работу наши люди дают взятки. А то ты не знаешь! — выговаривала она Шоулу. — Построили в городе три новых завода. Как люди туда устраивались? А? Без взяток? Представляешь, слесарь, токарь, электрик, механик, инженер — все до единого устроились по блату. Произвол. Беспредел. Ха-ха... Коммунизм строим... Ха-ха... А может, ты думаешь, что мы врем?!

Конечно, Шоул и о всех этих безобразиях знал. И сам на себе испытал такую несправедливость. Он сам передавал взятку директору завода, чтобы его назначили старшим инженером. Как ни печаль-

но, но это был факт. Но все равно люди, как бы трудно им ни приходилось, устраивались, приспосабливались, зарабатывали, учились, словом, жили более или менее сносно. Да, он был согласен со всеми теми, кто критиковал всех и вся. Больше того, он разделял все их претензии и возмущения. Но в душе все же был против их отъезда. Нутром понимал Шоул, что они потом пожалеют, но не находил нужных слов для разубеждения людей. Он объяснял им, что там тоже не будет сладко, что и там жилищный вопрос не решится так быстро и успешно.

— Ничего, — отвечали ему на это. — Зато никто нас не обзовет еврейской мордой. Так что, дорогой Шоул, не надо выступать.

— У вас будут проблемы с языком, с новым образом жизни, — наступал Шоул, полагая, что его доводы все же дойдут до них.

— Мы понимаем, почему некоторые представители нашей татской интеллигенции из кожи вон лезут и стремятся доказать, что мы не евреи, а таты. Хоть мы и простые смертные, но соображаем, что они не ради нас стараются, а делают это для своей выгоды. Да, да, они ради своего блага, ради блага своих детей стараются затормозить нас. Писатели и всякие там поэты, чтобы издавать на родном языке свои книги, а другие, чтобы можно было занять те или иные «жирные» места в республиканских и городских партийно-хозяйственных органах. Поэтому они с пеной у рта и призывают нас не допускать ошибки, не выезжать, не попадаться на удочки «сионистских зазывал». Не поймем, Шоул, мы одного: кого наша уважаемая интеллигенция обманывает: себя, нас или руководство республики? Почему ты, Шоул, и другие стараетесь удержать нас здесь? Боитесь, что уедем — и никаких льгот вам не оставим?! Вы боитесь, что окажетесь в роли полководцев без армии, игрочишек без единого злотого в кармане. Вот так вот!

«Конечно, — рассуждал Шоул мысленно, — я обо всех этих проблемах знаю. Они во многом правы. Но они ведь не знают, не представляют, какая их там ждет жизнь. Просто жаль людей».

А люди продолжали уезжать. И он, желая им добра, не хотел, чтобы они, сломя голову, кинулись туда, где ничего хорошего их не ждет. Он четко и ясно понимал одно: всем тем, кто так рьяно рвался на землю предков, придется, ой, как нелегко. Жизнь и дальнейшие события это докажут. Но пока же творилось невообразимое. Происходило народное столпотворение. Массовый исход был похож на дви-

жение толпы к намеченной цели. Шоул знал, как это опасно, потому что, как правило, толпа часто бывает слепа. В том-то и была беда. Но что интересно, разные семьи покидали Союз из разных побуждений. Одни были обижены на существующие в стране порядки, на несправедливость, другие — награбив золота, бриллиантов и боясь «раскулачивания», убегали, заметая следы своих преступлений, третьи — из безысходности собирались в дорогу, рассуждая, что им нечего терять ни здесь, ни там, на чужбине. Но в основном своем люди покидали малую родину из-за обид, оскорблений, унижений. При всем при том, случались и довольно банальные истории. Находилась среди отъезжающих и такая категория людей, которая в качестве довода рассуждала примерно так: «Очень уж хочется увидеть землю обетованную!» И такие небольшие группы наивных «патриотов» целыми семьями именно в роли «любознательных туристов» и совершали «экскурсию» на землю предков.

Понимал Шоул, что людей уже ничем не остановишь. Такой настрой, такое поведение можно было обозначить одной фразой — чемоданное настроение. Конечно же, многие из них пугались трудностей, которые их ждали на новом месте. Большинство из них знало о том, что те, первые, успевшие уже обжечься, как ни странно, скрывали от родных истинное свое положение и продолжали приглашать их в Израиль, соблазняя своих близких «молочными реками» и «манной небесной». И когда вторые, обманутые, прибывали на землю предков, то там потом происходили довольно неприятные инциденты, доходившие до смертельных схваток.

И несмотря на подобные тяжелейшие драмы, люди все равно продолжали уезжать.

Все это было понятно, но не мог Шоул уяснить себе, почему партийно-советское руководство республики так охотно поощряло исход нескольких десятков тысяч своих сограждан, почему оно, это руководство, хотя бы для виду не старалось остановить это движение целого народа, почему оно, больше того, создавало для этого народа невыносимые условия, которые потом и становились последней горькой чашей, вынуждавшей людей как можно быстрее убраться вон. Что это было? «Неужели, — думал Шоул, — такова была официальная политика руководства страны? Но чтобы о них не думали дурно, горе-руководители должны были хотя бы проявить видимое усердие, чтобы остановить это движение».

Да, руководство республики делало вид, что предпринимает меры для задержания людей: оно заставляло представителей татской интеллигенции, рабочих и колхозников из числа коммунистов выступать в печати с осуждением решений своих земляков, организовывало и проводило собрания производственных коллективов, на которых клеймили позором людей, собирающихся в путь, называли их изменниками родины, разоблачали «сионистов», которые зазывали татов в еврейское государство. Эти кампании проводились так беспардонно, что еще хуже подталкивали людей быстрее отправиться в путь.

Шоул, конечно же, догадывался о причинах такого безразличного, равнодушного поведения руководства республики. Он давно раскусил позицию и бывшего первого секретаря горкома партии. Этот «князек» успешно претворял в жизнь свою идею изгнания татов – горских евреев из Дербента. Причем, совершая это преступление открыто, совершенно не задумывался над тем, что в ЦК КПСС и в центральные газеты полетят сотни жалоб от населения на подобный произвол. Ничто его не пугало, не настораживало. Он, несмотря ни на что, ратовал за массовый исход горских евреев-иноверцев. А почему он еще особенно был рад отъезду «своих» земляков-татов? Причина была довольно простой: ему было важно то, что уезжающие будут вынуждены второпях продавать свои каменные дома и к тому же освобождать рабочие места... Вот тут-то односельчане дербентского князька и набрасывались на продавцов-евреев и по дешевым ценам раскупали их прекрасные жилища. Это, конечно, касалось тех, у кого были свои дома. Так что причина равнодушия была очевидной.

«Пусть уматывают к своим сионистам!» — так примерно с ненавистью рассуждал горе-руководитель, потирая руки от удовольствия. Так, при попустительстве «хозяев жизни» люди покидали свои обжитые места, свою малую родину, где их предки жили веками. Их просто-напросто выживали из республики. И миролюбивый, трудолюбивый, законопослушный народ, так сказать, «младший брат» народов Дагестана в одночасье превратился в изгоя.

В связи с последним обстоятельством и придумал Шоул следующую притчу.

«В семье росли два сына. Старший рос злым, жадным, завистливым и жестоким. Он часто обижал младшего брата, отнимал у него все, что ему понравится. Однажды младший обратился за помощью к отцу,

мол, досаждает ему старший. Тогда отец семейства не проронил ни слова: решил, наверное, что пусть сам научится защищаться. Видя попустительство со стороны отца, старший стал еще пуще обижать младшего.

Шли годы. Взрослел младший, а старший все продолжал издеваться над ним. Обида душила младшего, но ничего поделать он не мог. И тогда он решил покинуть отчий дом и бежать куда глаза глядят. И при этом рассудил: «Пусть на чужбине и трудно придется, но, может быть, там меня никто не обидит».

Заявляется старший к отцу и с «ужасом» сообщает ему: «Отец, убежал наш младший. Изменил нам. Предал. Я всегда говорил, что эта трусливая собака однажды сорвется с цепи и убежит». — «Туда ему и дорога! — грозно и решительно заключил отец. — Но чтобы соседи не подумали, что от жестокостей наших, от несправедливости убежал этот мерзавец, расскажи им какие-нибудь убедительные сказки».

— Но позвольте, — взмолилась потрясенная мать, — ведь мой сын ни в чем не виновен.

— Замолчи, старая! — зашипел на нее глава семейства.

И рассказывал старший сын соседям об измене младшего и о том, как тому хорошо жилось в родном селе. Он всячески старался убедить людей в том, что брат оказался неблагодарным. Но ему никто не верил, потому что все давно и твердо знали истинные причины побега младшего.

Прошло несколько лет. Умер отец. У старшего к тому времени посеребрились виски. Теперь власть в семье была в руках умной и доброй матери. А она, хоть и согнулась слегка под бременем горя и невзгод, но еще крепко держалась на ногах. Лишь тоска по младшему сыну запеленила ей глаза.

— Слышишь, мать, — обратился однажды к ней старший. — Младший твой просится назад.

«Неужто и там ему было плохо? — подумала с печалью мать, и она иссушенными от слез глазами посмотрела вдаль.

— Так, как же поступим, мать? Разрешим? — Спросил нагловато старший сын.

— Что делает, сын мой, голубиное семейство, когда к нему в гнездо заблудившийся голубенок возвращается? — произнесла взволнованная мать.

— Лучшее место в гнезде ему выделяет, корм из лучших запасов подает, дружным вылетом встречает, — вынужден был признаться старший.

— Так-то, сын мой, — медленно произнесла старуха. — Чужой, как говорится, и на чужбине не свой. Здесь его чужим сделали мы, для тех он уже туда прибыл чужим. Горе, сын мой, человеку, когда его и свои съедают, и чужие потрошат. Так что сообщи моему маленькому, что мать ждет своего птенчика, которого в свое время не смогла защитить.

А потом, сделав небольшую паузу, твердо и властно добавила:

— Да, сынок, ты тоже мне родной. Тебя я тоже люблю. Но зло должно быть наказано. Так было и так будет во веки веков. А добро всегда гласило: «Да будет отрублена рука, которая беспричинно и жестоко избивала близкого своего. Да будет вырван язык у того, кто наговаривал на брата своего». И ты, сын мой, неплохо об этом знаешь.

— Знаю, мать, — тяжело вздохнув, вымолвил старший. И упал замертво».

Эту притчу сочинил Шоул в тот день, когда он размышлял над тем, как его маленький татский народ стал изгоем в родном крае. Рассуждая о судьбе своих соплеменников, Шоул мысленно рассуждал: «Все мои земляки, по сути своей, всегда были интернационалистами. Они веками жили с соседями в дружбе и согласии, уважали и почитали обычаи, традиции и религии каждого народа. Представители местных народов принимали участие в революционных событиях. В годы Великой Отечественной войны они плечом к плечу с другими братскими народами защищали родину от фашистских захватчиков. Четверо из них стали Героями Советского Союза. Среди них двое русских, один азербайджанец и два тата. Ни в коем разе, — продолжал Шоул горячо рассуждать, — гостеприимные, дружелюбные дербентцы не возражали против переселения сельского театра в их родной Дербент. Но когда благополучие одного народа строилось за счет ущемления прав других народов, то это выглядело просто издевательством. И создавал такую ситуацию не кто-нибудь, а партийный функционер. Вот что было страшно. Вот что вызывало у горских евреев опасение. Народ сознавал, что этот партийный функционер был махровым антисемитом! И это было похоже на продолжение сталинской национальной политики.

Вспомнил об этом Шоул совсем не зря. В памяти были еще свежи антисемитские преступления Сталина, который начал было загонять

советских евреев в резервацию в Хабаровском крае. И успел-таки до своей смерти создать там так называемую Еврейскую автономную область... и отправить туда несколько десятков тысяч евреев.

В тот день, когда Шоул обсуждал с Леонидом Яковлевичем эти проблемы, он заметил, как побелел от волнения его друг. И решил отвлечь его на другую тему.

— Ты как-то спросил у меня, — заговорил Шоул, — почему горские евреи считают своим родным языком фарсидский язык. Давай-ка я остановлюсь на этом чуть подробнее. До прихода на земли Азербайджана и Дагестана мы жили в Персии и не говорить на языке страны пребывания, естественно, мы не могли. Мы обязаны были знать его, если хотели выжить. Но так как мы жили в основном на севере Ирана, где жили также талыши и таты, то мы стали говорить на их наречии. Это потом мы ради выживания стали называться татами. Хотя при этом мы все равно оставались иудеями. Но не все... Так, помимо татов-мусульман появились и таты-христиане. А мы так и числились татами-иудеями. Но вот как мы оказались на территории Персии? Если верить историческим версиям, то произошло это или после пленения персами народа Израилева, или после исхода иудеев из Испании. В Иране в один из его периодов царицей была дочь Израилева Эсфир, которая спасла от уничтожения свое племя. Но таты-иудеи, понимая, что когда-нибудь наступит время, когда их некому будет защитить, решили разбежаться... Так одни попали в нынешнюю Среднюю Азию, другие в Азербайджан, третьи в Грузию. Так называемые бухарские евреи и мы для прикрытия продолжали считать себя татами... Вот так мотала нас судьба по свету... Обрати, Леня, внимание: исход оттуда, исход — отсюда... Сплошные исходы... И ничего не скажешь. Хороша судьба одного народа... Не так ли? А теперь, когда и в России антисемитизм вновь поднимает голову, ни один из выдающихся сынов и дочерей российского еврейства не может забить тревогу о надвигающейся для их народа опасности. «Как же мы можем оградить свой народ от угроз, если сами ощущаем на себе определенное давление?» — могут они возразить нам, услышав в свой адрес упрек.

Шоул на минуту замолчал. Он провел рукой по лицу, чтобы снять усталость. Затем продолжил:

— Вернусь к нашему языку. На нем, как и на других языках Дагестана, один раз в году выходил литературный альманах, который

почти никто не читал. Во-первых, неинтересные вещи публиковались в нем. За исключением произведений талантливого прозаика Хизгила Авшалумова и еще одного-двух писателей. Во-вторых, если мы могли читать, то писать на нем никто не мог. Сначала, в первые годы Советской власти, некоторые наши земляки составили алфавит на основе латинской графики. Лишь позже этот алфавит был переписан на базе русского алфавита. Так что это и помогало нам читать.

У евреев в рассеяньи стали родными языки тех народов, среди которых они и жили. Иначе и не могло быть. Даже сейчас, пребывая на земле обетованной, репатрианты говорят на своих «родных» языках. Это тоже логика жизни. Ведь, говоря на дорогом им языке, каждый из них мысленно возвращается туда, где похоронены их предки и где они прожили по несколько десятков лет. Говоря на своих языках, люди как бы приглушают тоску по той малой родине, которую они недавно покинули. Пусть там не совсем комфортно они себя чувствовали, все же очень многое (и плохое, и хорошее) у них было связано с теми местами.

Ты, Леня, можешь спросить, почему мы в школах не изучали родной язык. Ты думаешь, мы не требовали? Еще как требовали! Еще как добивались введения его в школьные программы... Вспомнил я слова Расула Гамзатова: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть!» А наш язык постепенно исчезал. Потеря языка, потеря доверия к партийно-советским органам, к газетному слову, антисемитизм — все это тоже приводило горских евреев к постепенной моральной «смерти». Видели они невнимание к своему языку, своему народу, ненависть к своей религии, вседозволенность и продажность власть имущих и бесплодную борьбу за восстановление социальной справедливости — вот сколько ущемлений гражданских и национальных чувств!

...Шоул после смерти Леонида Яковлевича теперь все чаще вспоминал все то, о чем они подолгу рассуждали. Как-то Леонид Яковлевич высказал довольно интересную мысль:

«Ведь наш народ, Шоул, в течение тысячелетий фактически совершал подвиг, выживая и сохраняя свое национальное самосознание! И ведь не только выстояли, но и сберегли наши предки свою веру! И это при том, что инквизиция методично уничтожала наших сыновей и дочерей тысячами, а фашизм истреблял миллионами. А народ все

равно выжил! Это бог помогал нашему народу спастись от полного истребления! А погромы в Молдавии, на Украине по сравнению с другими страшными событиями — это просто маленькие «недоразумения». Все это так, дорогой Шоул, но в век прогресса и демократии вопросы неприязни к нашему народу, ненависти к нему еще остались. Почему? И как долго это будет продолжаться?»

Леонид Яковлевич тогда поставил вопрос, но оставил его без ответа. Да и не мог он ответить на него. Поэтому уже позже Шоул долго и мучительно сам искал причины такой ненависти к евреям со стороны и христиан, и мусульман. Вот почему он, нет-нет, но иногда мысленно возвращался к тому разговору в купе поезда. Нет, он ни о чем не забывал. Он мог подолгу не вспоминать о том или ином случае, но забыть — никогда! Ведь в споре с пассажирами он пытался выяснить те самые причины...

Конечно же, он понимал, что докопаться до этих причин ему вновь будет трудно — у него не было хороших знаний по истории еврейского народа. «Без таких знаний, — размышлял он, — все мои сравнения будут хромать». Поэтому он полагался не только на свои, пусть, как ему казалось, поверхностные, знания, но и на силу своей собственной логики. Ведь сумел же он тогда в купе вагона более или менее, на его взгляд, обосновать суть антисемитских выпадов пассажиров. При этом, правда, он все равно сознавал и то, что все его доводы тогда свелись лишь к милому упреку: «Не стыдно ли, товарищи?» Но один факт всегда возмущал его — это почему и как после смерти Иисуса чужеродцы так беспардонно ворвались в чужой дом, совершили свой скорый суд и вынесли свой приговор? В современном мире, рассуждал он, такое вторжение просто назвали бы грубым вмешательством во внутренние дела другого народа.

Шоул поймал себя на мысли, что опять отвлекся, что его вновь немного занесло в сторону. А ведь совсем недавно он думал над причинами, побудившими его земляков покинуть родные места. Эти тревожные воспоминания и поныне не дают ему покоя.

...В начале тех самых семидесятых годов пригласили Шоула, уже кандидата технических наук, на крупный завод в Махачкале и предложили ему должность главного технолога и квартиру. И он с семьей переехал в столицу республики.

Как-то позвонили ему из обкома партии и попросили зайти к заместителю заведующего отделом пропаганды. Назвали его фамилию.

«Так это же наш дербентский князек! — с ухмылкой подумал Шоул. — И чего ему надо?» Он вспомнил, как ему несколько раз приходилось сталкиваться с этим бывшим первым секретарем горкома партии, защищая права обиженных своих земляков. Знал Шоул, что тот терпеть не мог его, Шоула Якубова, прыткого, бойкого, смелого. «А-а, значит этот тип теперь замзавом стал, в подчиненных ходит?! — вновь ухмыльнулся Шоул, поняв, что третий секретарь обкома оказался вынужденным убрать-таки своего ставленника, так как на того шли и шли жалобы во все центральные газеты. — Значит, «третий» временно пригрел его, забрав к себе, — рассуждал Шоул по дороге в обком партии. — Наверное, «третий» обосновал его перевод так: «Ты там слишком перестарался. Теперь потерпи немного. Поработай пока у нас, а потом разберемся».

Ох, как Шоул хотел выложить этому негодяю все, что он думал о нем! И как тот ненавидит его народ, и что он, Шоул, знает о всех его прегрешениях, и как весь Дербент называет его хамом, националистом, взяточником, и что он, Шоул, знает о том, сколько и у кого он брал ежемесячные подношения.

— О-о, Якубов! Ну, здравствуй, здравствуй, — эдак по-панибратски с открытой усмешкой приветствовал Шоула этот партийный функционер, когда Шоул вошел к нему в кабинет.

Шоул молча и холодно пожал протянутую ему руку.

— Что ж ты не заходишь к нам? Садись.

— Чем могу служить? — сухо спросил Шоул.

— У меня к тебе серьезная просьба. — Он сделал паузу. Чувствовалось, что ему так противно заниматься тем вопросом, который ему поручили, а он вынужден тем не менее выполнять задание начальства. И это тяготило его. ——Уезжают ваши, — тяжко вздохнув, произнес наконец хозяин кабинета. — Вернее, наши, — исправился он. У него был вид человека, которому тяжело говорить об этом, потому что он «сильно» переживает из-за отъезда татов... — Покидают нас, — с фальшивой горечью продолжил он, не глядя на Шоула. — Что же вы не остановите своих? Нехорошо получается. Их разве обижали здесь? Не давали им жить нормально? Нехорошо получается. — Он вновь сделал паузу в ожидании реакции Шоула на свое выступление. Он внимательно смотрел на продолжавшего молчать Якубова, но по его виду, по выражению глаз, лица понял, что тот готов ударить его, задушить. — Наша задача, — не дождавшись от Якубова ни слова, уже

жестко продолжил он, — не дать хотя бы оставшимся уехать. Ты меня понимаешь? Из ЦК КПСС пришла установка — удержать татов-иудеев от необдуманных шагов, — равнодушно, чуть не зевая, в открытую, изрыгал хулу этот тип, заметив на губах Якубова ухмылку. — А то весь мир думает, что они убегают из СССР, потому что здесь им приходится туго, тяжело...

«Кто же, мерзавец, — хотел выкрикнуть Шоул, — от хорошей жизни-то убегает? Плохо им, потому и уезжают! Плохо, слышишь, подонок!» — кричала его душа.

— Мы решили, — тем временем продолжал замзав, — издать брошюру, которая будет называться «Наша родина — СССР». В ней надо будет собрать все выступления ваших земляков, опубликованные в эти годы в прессе. Хочу предложить тебе стать одним из составителей. — Не увидев возражения на лице Якубова, он желчно заключил. — Для тебя не секрет, что если в начале 70-х в Израиль уехало всего несколько десятков семей, то сейчас число отбывающих перевалило за тысячу. Как ты понимаешь, это нам невыгодно, — слукавил «князек».

— Каким же тиражом вы хотите издать эту брошюру? — иронически спросил Шоул.

— Думаю, тысячи две хватит. А как ты думаешь? — делая вид, что он советуется с Шоулом, с прищуром спросил он.

— И на кого этот тираж будет рассчитан? — оставив вопрос «князька» без ответа, поинтересовался Шоул.

— Нам главное — отправить брошюру туда, — бесхитростно и прямо, кивнув головой кверху, с серьезным видом заключил бывший первый секретарь.

— Значит, ради галочки, извините, — зло улыбнувшись, заметил Шоул. — Если для ЦК, то конечно же хватит. Но до главного адресата она не дойдет...

— Из Израиля, судя по выступлениям наших «бывших» в газетах, — делая вид, что рассуждения Шоула его совершенно не интересуют, продолжал замзав, — многие из них просятся назад. На это и делайте упор, подбирая материал, — дал он указание.

Шоулу говорили, что действительно подобного рода письма приходили в Дагестан. Такие просьбы поступали и во все центральные газеты, и в ЦК КПСС. Знал Шоул, что таким людям отказывали в возвращении, считая их изменниками родины, предателями.

«Помогите нам вернуться», — писали некоторые горемычные «туристы» своим близким и родным в Дербент.

«Я же знал, — размышлял про себя Шоул, выйдя из обкома партии, — что многие из них не вынесут, не выдержат условий жизни в другой, по сути, стране. Во-первых, менталитет у людей был разный, во-вторых, языковой барьер — первейшая трудность, в-третьих, образ жизни иной...»

Шоул не стал копаться в газетных подшивках, а просто-напросто собрал письма у родственников тех, кто уехал. Прочитал с десяток этих писем и на душе у него стало тягостно, невыносимо. Было и жалко людей, попавших в беду, и больно за них. Ко всему этому стоило прибавить и трагические случаи, которые уже произошли с его земляками на родине предков. Ему рассказывали, как некоторые его знакомые и приятели, которые в Дагестане жили благополучно и обеспеченно, там в одночасье превратились в нищих и стали бедствовать. Говорили, что одни из них покончили с собой, не выдержав позора и чрезмерного нервного напряжения. «Отдельные семьи, которым в Дагестане завидовали белой завистью, там через полгода-год развалились, лопнули, как мыльный пузырь», — рассуждал про себя Шоул с горечью. — Здесь они жили душа в душу — муж и жена, — а там по разным причинам разошлись, как в море корабли», — грустно заключил он.

Истории, поведанные Шоулу, вызывали у него сочувствие к людям заблудшим и обманутым, теперь находящимся в страшном положении. Знал Шоул и то, что наиболее смелые, настойчивые сумели-таки выехать из Израиля. Одни из них в надежде вернуться в СССР временно обосновались в Австрии, Германии, а другие навсегда улетели в США и Канаду.

Вспомнил Шоул, как в начале тех семидесятых годов собралась в дорогу и его тетя, родная сестра матери. Вся беда заключалась в том, что у нее было семеро детей. И всех их она с мужем должна была забрать с собой. У некоторых из них были уже свои семьи, дети. Часть из них соглашалась с намерениями матери, хотя и выражала сомнения в правильности ее решения. Другие были категорически против.

Шоул частенько заглядывал к тете, стараясь отговорить ее от необдуманного шага.

— Вот ведь какие фотографии и письма получают мои соседи, — весело и беззаботно говорила тетя, оправдываясь перед Шоулом. — Их там хорошо приняли, они хорошо устроились...

— Тетя, какая же ты все-таки наивная женщина, — сетовал Шоул на ее доверчивость.

— Мы же с израильтянами единоверцы. Не дадут же они пропасть своим близким, — утешала она не столько Шоула, сколько саму себя.

Когда соседи, знакомые, родственники спрашивали тетю, на каком основании она увозит такую кучу детей неведомо куда, она, улыбаясь, мысленно уже пребывая на земле обетованной, простодушно восклицала:

— Хочется посмотреть, что это за земля дедов и отцов!

И она при этом вела себя так забавно, будто собралась всей семьей совершить интересную экскурсию.

Да и что могла ответить тетя на вопросы Шоула. Сказать, что она, муж, дети были обижены чем-то, что дети не имеют возможности учиться, работать, что у всех у них нет крыш над головой, сказать так — это было бы неправдой. Все у них вроде обстояло неплохо. Но одно раздражало тетю и детей — это недоброжелательное отношение к евреям со стороны соседей-мусульман. Шоул знал, как в конце 60-х годов после победы Израиля в очередной арабо-израильской войне местные азербайджанцы задумали в одну ночь вырезать все еврейские семьи в городе. И если бы не их мулла, у которого хватило мужества и мудрости доложить об этом заговоре своих прихожан первому секретарю райкома партии, азербайджанцу по национальности, могла бы совершиться страшная беда. И местные евреи об этом заговоре помнили — информация все же просочилась. Конечно же то решение соседей-мусульман тоже стало одним из толчков к массовому исходу дербентцев на землю обетованную. И еще одно обстоятельство настраивало тетю уехать — это романтика дальних дорог, которая не давала ей покоя.

Не мог Шоул не согласиться с некоторыми замечаниями тети. К примеру, не мог он возразить ей и в том, что здесь к ним, горским евреям, действительно относились с пренебрежением. А что может быть оскорбительнее для народа, чем умаление его национальной чести и национального достоинства. Но жизнь покажет и докажет, что и на земле предков к горским евреям будут относиться как к евреям третьего сорта. А это будет для них еще обиднее. И рассудят

потом некоторые из них, что уезжали от чужих оскорблений и в итоге оказались в мире недоброжелателей. А один из «бывших» вспомнит поговорку о том, что шило поменяли на мыло и что там хорошо, где нас нет.

Но так и Шоул, и те, кто рвались туда, будут рассуждать чуть позже. А пока... А пока пожилой женщине, его тете, захотелось совершить вояж в капиталистическую страну.

— Меня уже не столько земля обетованная тянет, — меняла тетя свои доводы, — сколько хочется посмотреть, что и как, — бессвязно повторяла она тем, кто назойливо интересовался причиной ее отъезда.

Конечно, понимал Шоул, что в словах тети было много легкомыслия. Дети сознавали всю беспочвенность и несерьезность ее намерений, рассуждений и старались разубедить мать в необдуманности ее поступков.

— Ничего, скучно не будет, — с улыбкой, глуповато объясняла она. — Там живут наши родственники и бывшие соседи, — и она перечисляла тех, кто уже покинул свою малую родину, поверив в сказки зазывал.

Ох, как тяжело было на душе Шоула. С одной стороны, его земляки имели полное основание двинуться с места. В моральном плане им здесь жилось не ахти как сладко. С другой стороны, он знал, какие невероятные трудности их ждут там. И поэтому Шоул по инерции продолжал отговаривать тетю от поездки. Он приводил ей факты и другого рода, говорящие о неприятии израильтянами горских евреев, называл ей фамилии тех, кто, покинув Союз, глубоко сожалеет об этом.

— Я уже настроилась и, пожалуйста, не каркайте перед дальней дорогой, — умоляла она и Шоула, и других, бледная от волнения и переживаний, уже сомневаясь в правильности своего решения.

Сказать, что тетя искала легкой жизни для себя и своих детей, Шоул не мог. Сказать, что она была верующей, религиозной женщиной, тоже нельзя было. Она всегда с иронией относилась к религиозному фанатизму. Она вроде была здравомыслящей и жизнерадостной женщиной. И дети, и родственники любили ее. Вот поэтому-то ей и удалось склонить своих детей к идее переезда. Конечно, она сомневалась в том, что их там ждет райская жизнь, что к ним будут относиться прекрасно. Она вроде бы все понимала, но...

Шоул лично знал многих уважаемых людей, которые, опасаясь этого «но», все же выезжали, рассуждая «будь, что будет».

Во время проводов тетя заявила своей многочисленной родне, что напишет всем правду о жизни там, и просила о них не беспокоиться...

Прошло три месяца, и родственники получили от тети первое письмо. «Нам очень понравилось здесь. Мы живем в Хайфе. Встретили нас хорошо. Только сильно скучаем без вас», — писала она.

Прошло полгода. В ее письмах еще звучали нотки оптимизма. Но они были уже с оттенком тревоги. «Пока живем в гостинице, — сообщала она, — квартиру обещают. Мужу дают пенсию. Дети изучают язык. Страшно скучаем без вас».

И ни в одном письме пока ни слова, которое могло бы позвать родственников в дорогу. А между тем, Шоул знал очень много случаев, когда люди прибывали в Израиль и уже через два-три месяца расхваливали жизнь на земле обетованной и настойчиво приглашали своих родных бросить все и выехать к ним. Причем, порой так завирались, что писали своим близким, что в Израиле чуть ли не райская жизнь. И ведь верили им?! И выезжали. А затем обманутые по прибытии проклинали на чем свет стоит своих обманщиков. И какие только скандалы ни происходили между сестрами и братьями!

Прошло около года. На имя троих родственников Шоула пришли посылки и деньги. А чуть позже и визы — приглашения. Умные, рассудительные люди предупреждали их не брать ни то, ни другое, ни третье... Объясняли, что если бы их сестра сама написала в письме «выезжайте», то, мол, был бы другой разговор.

Не послушались — взяли.

Еще через некоторое время Шоулу показали очередное письмо от тети. В нем она писала: «Сказать вам, чтобы вы приехали, пока не могу. Посылки и визы, о которых вы пишете, вы уже получили? Ну, ничего. Мы подзаработаем и расплатимся. Их вам выслали для соблазна. Дела у нас пока не совсем плохие. Квартиру обещают. Дети уже работают. Они очень скучают без вас. Вы наверное удивлены, откуда, мол, здесь узнали ваши фамилии и адреса... Это когда мы заполняли документы, указали всех близких и родственников. Вот и вся хитрость».

И вдруг вдогонку за этим письмом приходит следующее: «Ничего, мы расплатимся как-нибудь за те посылки, визы. А сейчас хочу вам твердо заявить: «Не трогайтесь с места! Вот и написала вам правду!»

«Да, тетя, конечно, поступила легкомысленно, — с досадой и горечью рассуждал Шоул про себя. — Но все же она заслуживает добрых

слов, потому что решилась честно и правдиво предупредить своих родных, чтобы те не трогались с места».

Шоул очень хотел понять причину такого разочарования. Но тетя никаких объяснений не приводила. Шоул понимал, как глубоко и горько сожалеет она о своем поступке. И о том, что обратной дороги уже нет. Последнее обстоятельство больше всего и убивало некогда жизнерадостную и беспечную женщину.

Последнее письмо тети вообще состояло из душераздирающих криков: «Дети, — писала она, — ругаются со мной каждый день. Ну что теперь я могу поделать? Ну, случилось, ну, ошиблась, ну, сожалею. Они не хотят прощать мне моей ошибки. И это те дети, которые прежде никогда не перечили мне, слушались меня. Проклятие на мою голову! Если там, в Союзе, нас не любили чужие, то здесь нас душат свои же соплеменники. А это уже страшно!»

Но такие признания все равно не позволяли Шоулу до конца понять истинную причину такого отношения к ним со стороны израильтян. Об этом Шоул чуть подробнее узнает спустя 20 лет, когда сам приедет на неделю в Хайфу. Все это случится потом, а сейчас он только предавался воспоминаниям, которые воскрешали перед ним события ближайших лет.

Кто знает, думал Шоул, быть может его тетя, убивающаяся от горя и безысходности, хотела бы поведать своим родственникам о наболевшем, поделиться с ними своим безутешным горем, излить душу, но она не могла этого сделать, боясь, что цензура зафиксирует ее сообщения, и тогда жизнь на чужбине станет для ее семьи еще более невыносимой.

Шоул, изучая события тех лет, уже твердо был уверен, что страх за судьбу своей семьи сковывал не только его тетю. Он, этот страх, держал в железных тисках сотни семей, не позволяя им написать обо всем том, что накопилось в их душах и сердцах.

Такова была в те годы реальность. И письма тети, да и других, были тому подтверждением. Как говорится, из песни слов не выкинешь. «Говорят же в народе, что переезд из одного города в другой — это уже крупный пожар, — размышлял Шоул. — Но может быть, спустя три-четыре года все у них благополучно образуется! Хотелось бы в это поверить».

Предаваясь своим думам, Шоул, как было ему свойственно, с одной мысли перескакивал на другую. Потом он, утомившись от своих

грустных воспоминаний, вдруг задавался вопросом, как и почему он вспомнил о тете, о массовом исходе горских евреев из Союза. Тогда он старался восстановить цепочку своих размышлений, ход своих мыслей и потом постепенно возвращался к тому, с чего он начинал.

«А ведь начал я, — успокоился Шоул, когда нащупал исходный момент своих воспоминаний, — со смерти Леонида Яковлевича. Точнее, с диалогов, которые вели мы последние годы. О, какие интересные темы мы с ним затрагивали! — улыбнулся Шоул, вспомнив, как Леня двумя пальцами гладил свои усики. — Какой чудесный собеседник он был! Все-таки молодец он, что проявил смелость и перед смертью попросил жену, чтобы она, если что, похоронила его на Востряковском или, в крайнем случае, на Малаховском кладбище».

Тут, вспомнив о смелости Лени, Шоул вновь мысленно вернулся в прошлое. «Вот если тетя боялась вскрыть причины своего разочарования, — тяжело вздохнув, подумал Шоул, — то среди его земляков, оказавшихся в Израиле, находились и такие, которые были доведены до крайнего отчаяния и решительно написали обо всем, что их терзало и тяготило». Одним из таких людей оказался муж его двоюродной сестры. Через год от него пришло несколько писем-откровений, в которых звучали не только слова разочарования, но и крик о помощи. «Простите нас, — писал он, сокрушаясь. — Мы были неправы. Вот что получается, когда не прислушаешься к голосу разума».

Еще через некоторое время он с огромной печалью и тоской напишет: «Да, я работаю. Но она не ахти какая. Выбирать не приходится. Еле-еле сводим концы с концами. Действительно, правильно говорят, кто не попадет в ад, тот не поймет, что такое рай. Мы хотим уехать отсюда, чтобы затем попасть в СССР. Таких очень много».

Помнит Шоул, как в свое время умолял он этого мужа своей двоюродной сестры не совершать ошибки. А тот отправлял его, Шоула, ко всем чертям. Да он и не давал Шоулу высказываться до конца и кричал: «Чего хорошего ты тут добился? Ты из кожи вон лезешь, стараешься, а тебе хоть кто-нибудь спасибо сказал? То-то. Так что заткнись!»

Тому зятю уверенности добавляла его родная мать, которая всячески поощряла сына уехать в Израиль, где с 1924 года жил ее старший брат, на чью помощь и поддержку рассчитывала старая женщина. И даже тогда, когда в ее адрес пришло горькое письмо от невестки, она все равно не поверила ни в одно ее слово. «Чего она несет? — вор-

чала он. — Не может такого быть!» «Когда дядя увидел нас, — писала невестка, — то горько заплакал. Когда чуть позже ему передали, что нам тяжко, то он в свое оправдание ответил, что он в нашем приезде не виновен, что он нас не приглашал, что это организовал один из вновь прибывших наших родственников. Дядя получает пенсию, которая ему хватает только для оплаты за квартиру. Он, несмотря на свой преклонный возраст, работает четыре часа в день по ремонту обуви. Я пишу вам свое первое письмо. Вы кому-то сказали, что я своим родственникам написала неправду. Мне 40 лет. У меня пятеро детей. Я в жизни никогда не врала. И ненавижу людей, которые лгут. Вы в письме моему мужу, своему сыну, высказали обиду, что я вам не пишу. Но я на вас еще в большей обиде за то, что вы вытолкнули нас в бездну! Туда, где из-за необустроенности дочери одних пошли по рукам, жены других стали на путь измены своим мужьям. И это те, которые прежде стеснялись чужим мужчинам в глаза смотреть. Вот где испытываются на прочность и семейные узы, и твердость духа, и верность, и честь... Выдерживают только самые сильные и стойкие. А еще, наверное, вы слыхали, что некоторые наши земляки попали в сумасшедшие дома, другие покончили с собой. Не слыхали? А жаль!»

Вспоминая сейчас обо всем этом, Шоул как бы заново тяжело переживал все случившееся с его народом, с его родственниками... Это сейчас в подробностях знает Шоул, как и что перенесли те «семидесятники» в течение первых трех-четырех лет жизни на земле предков. Они страдали, а им цинично бросали в лицо: «Ничего, зато вашим детям будет хорошо». Такую «философию» они не могли и не хотели переваривать. Она была чужда им, неприемлема. Подобные реплики еще пуще раздражали их, выводили из себя, ожесточали, вызывали ненависть к этой стране, ставшей им чужой. И получалось, что они, выйдя из огня, сразу попали в полымя. «Здесь, в Союзе, — рассуждал Шоул, — их искусственно превратили в изгоев, а там их сразу задушила страшная бюрократическая машина. Где же выход? Ведь что может быть омерзительнее, чем гадкое отношение со стороны своих же соплеменников? Но почему те так поступают со своими?»

Этот вопрос очень интересовал и его, Шоула, и Леонида Яковлевича. Ответ на него и другие вопросы Шоул, конечно же получит, но чуть позже. А пока он мысленно перечитывал письма мужа своей двоюродной сестры, адресованные им матери. «Ты пишешь, — писал он матери, — что получила посылку из Израиля. Это не от меня. Это вы-

лали вам специально, чтобы заставить вас поверить в их сказки о райской жизни здесь. Чтобы завлечь вас сюда. Когда еще раз придет посылка, верните назад! Не нужны вам их тряпки! Мне здесь делать нечего и искать некого. Там, в СССР, я оставил все и всех. Для человека, воспитывавшегося в условиях социализма, здесь все чуждо. Предупредите всех наших родственников, чтобы они не совершали ту же ошибку! Очень многие покидают этот «рай». Это не наше место. Наше место — родной Кавказ! Я сейчас полжизни отдал бы, чтобы вновь оказаться в Дербенте!»

Как было не нервничать Шоулу, перечитывая подобные исповеди! Ведь многие письма были полны разочарований, горечи и тоски... И тогда Шоул вынужденно рассуждал так: «Как бы то ни было, все же в родном Дагестане можно было нормально и более или менее спокойно жить. И даже несмотря на существующие некоторые межэтнические проблемы».

Только было подумал Шоул обо всем этом, как вдруг незаметно для себя вновь мысленно перенесся в наши дни: его вновь занесло. Вспомнив о Леониде Яковлевиче, он вдруг широко улыбнулся, представив, как он странно познакомился с ним. Как-то сидел Шоул в очереди к терапевту. Вскоре подошел мужчина и расположился рядом с ним. Молчали. Каждый думал о своем. Отвлекались от своих мыслей лишь тогда, когда из кабинета врача выходили больные. В один из таких моментов Шоул искоса глянул на своего соседа и был приятно поражен: «Да он же вылитый еврей!» — подумал Шоул. Оставалось выяснить насколько его предположение было верным.

— Извините ради бога, — тихо и осторожно начал Шоул. — Я могу и ошибиться, но мне кажется, что вы еврей.

— Я белорус. И фамилия моя Спивак! — не моргнув глазом, резко выпалил сосед, полагая, что этот тип, обратившийся к нему, наверное, антисемит.

— Извините, пожалуйста, — продолжил доброжелательно и хитровато Шоул, — а я думал, что вы тоже еврей, — с улыбкой проявил настойчивость Шоул и сделал ударение на слове тоже, дав тем самым знать соседу, что он сам еврей.

И он не ошибся: его плутовство сработало. Сосед краешком губ улыбнулся, а потом внимательно заглянул Шоулу в глаза, при этом двумя пальцами поглаживая усики.

О, если бы Шоул знал, как хотел этот человек не только во многом признаться ему, но и выказать желание побеседовать с ним о своем, накипевшем.

— Да ничего страшного, — успокоил тогда соседа Шоул. — Я вас понимаю. Для меня это не ново. Так что все нормально.

Вспомнил, как он тогда тихо и весело захохотал — ему на ум пришли два анекдота, связанные с подобным положением его соседа.

— Вы знаете, — продолжая смеяться, продолжал Шоул весело. — В США один американец подошел к одному прохожему, похожему на еврея, и тихо спросил: «Извините, вы не еврей?» — «Нет, я русский...» — начал тот и осекся, не договорив. — «Ничего, ничего, не смущайтесь, я тоже еврей... но американский».

— Здорово, — улыбнулся сосед. — Давайте познакомимся, — предложил он, чувствуя, что этот человек начинает ему нравиться. — Я Леонид Яковлевич Спивак.

— А я Шоул Якубов, — довольный результатом своей настойчивости, протянул он руку. И добавил: — Я своих евреев по нюху чувствую, — шепнул он Леониду Яковлевичу на ухо и засмеялся. — Расскажу вам еще один презабавный случай. В 1980 году я с другом, врачом, кандидатом медицинских наук, приехали в Москву: хотели прописаться здесь. В паспортном столе говорили, что для начала надо найти работу, взять справку, в которой организация просила бы отделение милиции прописать временно такого-то товарища. Так вот, пришли мы с другом в 13-ю горбольницу к профессору, ну, скажем, Ройтману. Он был завотделением травматологии. Сидим у него в кабинете, беседуем. В процессе разговора чувствуем мы, что профессор совершенно нас не слушает и думает о чем-то своем. Когда мы остановились, профессор вдруг резко спросил: «Вы евреи?» И, не дождавшись ответа, глубокомысленно произнес. — В ваших карих глазах сидит такая глубокая печаль, неизбывная тоска... Такое может быть только у евреев». Когда мы подтвердили его догадку, он радостно заерзал в своем кожаном кресле. Он был ниже среднего роста, слегка упитанный, розовощекий, лет 40–45 мужчина. И очень симпатичное было у него лицо.

— Я вас не утомил? — участливо спросил Шоул Леонида Яковлевича, который меж тем широко улыбался, поглаживая двумя пальцами свои усики.

— Продолжим нашу беседу на улице. Тем более что стоит чудная погода, — предложил Леонид Яковлевич и встал, потому что медсестра выкрикнула его фамилию.

Так забавно состоялось знакомство Шоула с этим замечательным, рассудительным, интеллигентным человеком. Знакомство, которое очень скоро превратилось в крепкую мужскую дружбу.

...Он возвращался после похорон друга в тягостном расположении духа. Шел дождь. Был конец марта. «В 65 лет покинуть мир? — горько рассуждал Шоул. — Столько лет думать, переживать, чтобы никто — ни на работе, ни соседи по дому — не догадался о его настоящей национальности... Это тоже потрепало его сердце. «Что ж это за жизнь, Шоул, когда ты даже евреем умереть боишься? — с содроганием в голосе как-то произнес Леонид Яковлевич перед смертью. — Похоронят меня, и соседи сразу догадаются, кто мы такие...» — это очень волновало и беспокоило его. Он думал о своей семье.

Вот так каждый раз, когда Шоул вспоминает Леонида Яковлевича, свои беседы с ним, его посещают тяжелые мысли.

Жили они в соседних домах. Созвонятся — и встретятся во дворе. И начнутся многочасовые беседы. Хотя не во всем они были солидарны, все же чаще приходили к единому мнению. Главное, что их крепко объединяло — они оба горячо любили свой народ, считали его многострадальным, гордились своими соплеменниками, прославившими и прежний СССР, а теперь славивший нынешнюю Россию своим талантом. И очень страдали, если по телевидению вдруг передавали о неблаговидном поступке того или иного еврея. Они считали, что по природе своей ни один еврей не должен переступать закон, потому что все они, по сути своей, выросли законопослушными гражданами. О чем только они ни говорили!

— Э-эх, дорогой Шоул, — глядя прямо перед собой, как-то в задумчивости произнес Леонид Яковлевич, — разве мы от хорошей жизни становимся украинцами, белорусами, поляками? Нет, дружище, нет. Не от хорошей жизни. Сначала наши родители жили в вечном страхе, потом мы... Надо же было выживать, дать образование детям, найти хорошую работу... Надо было скрываться, чтобы никто не мог, тыча в тебя пальцем, выкрикнуть «жидовская морда». Но надо признаться, что большинство евреев остались евреями, несмотря на трудности, которые встречались на их пути. Конечно, они молодцы. Тут ничего не

скажешь. Но... — и он развел руками. — Что поделаешь, если некоторые, не выдержав...

— Вы опасались выходок православных, — согласился тогда Шоул, — а мы — мусульман. Все мы жили среди них. И никуда от этого не было деться, — грустно произнес Шоул. — Представляешь, всю жизнь жить под таким прессом, — заключил он. — Правда, были среди них и порядочные люди, которые отличались веротерпимостью. Были! Но их было не так много, к сожалению. В основном же многие из них держали камень за пазухой.

Конечно, они затрагивали во время своих бесед и много других тем. Они любили футбол. Причем, Шоул болел за «Спартак», а Леонид Яковлевич за «Торпедо». О, как они подтрунивали друг над другом! Как радовался Леонид Яковлевич за любой успех России на международной арене! О-о, как тогда он вдохновенно вскрикивал: «Молодцы наши! Ох, молодцы! И нас, болельщиков порадовали, и всей стране настроение подняли! Это ж, здорово!»

О чем только они ни говорили! Помнит Шоул, как весело смеялся обычно угрюмый Леонид Яковлевич, когда он, Шоул, рассказал ему анекдот, подслушанный им по «Маяку».

— Так вот, — заранее предвкушая удовольствие от своего рассказа, начал Шоул. — Приходит в магазин «Канцтовары» мужчина и говорит:

— Будьте добры, мне нужен ватман.

— Ватман в командировке, — ответил продавец, не глядя на посетителя и продолжая расставлять на витрине новые поступления.

— Вы меня не так поняли, — в некотором недоумении произнес покупатель. — Мне нужен ватман для кульмана...

— Насчет Кульмана скажете Ватману, когда он вернется из командировки, — не моргнув глазом, бросил продавец, все так же продолжая расставлять товары.

— Нет, вы меня опять не так поняли, — в полном замешательстве возразил покупатель. — Понимаете, я дизайнер и мне ватман нужен для кульмана...

— То, что вы Дизайнер, — это и без очков видно, — заключил продавец невозмутимо.

Леонид Яковлевич смеялся от души, вытирая кулаком появившиеся слезы.

— Остроумная штука! — восхищался он.

— Вот так и с тобой... — теперь тоже смеясь, продолжал Шоул весело. — Глянул я на тебя в поликлинике и «без очков» догадался, кто ты такой.

— Да-а-а... Тут как ни скрывай свою национальность, а черты лица, глаза и произношение все равно выдадут тебя... — серьезно резюмировал Леонид Яковлевич. — Так что прав был ваш профессор-еврей, который подметил в ваших глазах неизбывную печаль и глубокую тоску.

— Так что, хотя мы и писались татами, а нас все равно считали горскими евреями, — то ли горько, то ли безразлично рассудил Шоул. — Кстати, — ухмыльнулся он, — о дагестанских евреях в свое время писал и «отец всех народов» «великий» Сталин.

— Почему горские? — поинтересовался Леонид Яковлевич. А потом сам же добавил. — Наверное потому, что жили в горах?

— Да.

— Но то, что вы писались татами, это вам что-нибудь давало?

— Что-то давать-то давало, — протянул Шоул, — но не спасало. Некоторые льготы проформы ради предоставлялись. На родном языке, как я уже тебе говорил, можно было издавать свой альманах, можно было (с большими перерывами) вести передачи на республиканском радио... Но при всем этом, повторяю, язык нигде не изучался. На нем ни писать, ни читать практически никто не мог...

— Язык нашего народа потерян! — страстно и взволнованно отрезал Леонид Яковлевич, массируя при этом грудь.

— Да что там говорить, приятель, — махнув от досады рукой, подхватил Шоул тему. — Вот поэтому и сортируют евреев сейчас в Израиле: эти немецкие, эти марокканские, эти... И когда этому будет конец? Неизвестно. Потому и селятся там все эти группы людей кучно. Стараются быть ближе друг к другу. Считают, что они там пока чужие среди своих. Срабатывают веками устоявшиеся привычки, обычаи, традиции, желание говорить на своем, ставшем уже родным, языке. К этому подталкивают их еще и пренебрежительное отношение к ним со стороны «коренных» израильтян. Язык, конечно, — великая сила! И все же главное — это... Вот, к примеру, мы говорим на татском языке, но все равно национальное самосознание и верность своей иудейской религии — все это берет верх! Представляешь, Леня, рассказывают, что в Израиле везде слышны речи на всех языках. Одни говорят на идише, другие на татском, третьи... В целом же все они

общаются на русском языке. А когда у них спрашивают, почему они не говорят на иврите, не поверишь, отвечают: «А зачем он нам нужен? Здесь в основном все говорят на русском языке, да и мы на своих... И ничего, обходимся».

Вспомнив обо всем этом, Шоул представил, как Леонид Яковлевич, поглаживая свои усики, остановился, внимательно посмотрел на него и тихо спросил:

— В чем все эти люди виноваты? А-а? Судьба в свое время разбросала их по всему свету. Они вынужденно потеряли свой исторический язык, родную культуру... Помню, как в начале 50-х годов, когда завели «дело врачей», в Москве распространялись стихи, говорят, Ильи Эренбурга и Маргариты Алигер, написанные от руки. В них один спрашивал: «Скажите, в чем мы виноваты?» Другой отвечал: «Мы виноваты в том, что мы евреи». И этим было сказано все.

— Вот, вот... — подхватил Шоул.

И дальше зашагали молча. Каждый уже думал о своем.

— Были времена, — нарушил первым молчание Шоул, — когда мы очень хотели посетить синагогу на улице Архипова. Но боялись сделать это. Одни говорили, что там вертятся сотрудники КГБ в гражданской одежде и стукачи из своих же евреев. Так что многие просто боялись даже близко подойти к синагоге. А если к тому же ты был еще и коммунистом!? Да-а-а, такого издевательства мир еще не слыхивал. Вот почему страна представлялась всему миру дикой и необузданной...

Шоул вспомнил, как Леонид Яковлевич в тот вечер долго массировал грудь. И он тогда решил слегка переменить тему разговора.

— Леня, ты помнишь о профессоре-еврее, который в наших глазах заметил печаль и тоску? — весело заговорил Шоул. — Так вот в связи с этим я расскажу тебе об одном случае. Сел я в своем Дербенте в поезд. Вошел в купе. На улице только-только стемнело, а в вагоне свет еще не включили. Вдруг слышу на татском языке:

— Какая это станция? — спросила молодая женщина со второй полки.

— Это Дербент, — ответил молодой мужчина, сидевший напротив меня.

— Вы кто по национальности? — сразу обратился я к мужчине, не удержавшись, на своем татском языке.

— Мы таты, — отвечает он.

— И тут загорелся свет, и я увидал свисавшую сверху головку молодой красивой девушки и изучающе посмотрел на своего соседа, тоже довольно красивого молодого человека.

— Это моя сестра, — кивнув головой вверх, объяснил он. — Ты тоже тат?

— Да. Но я тат-иудей, а вы, наверное, таты-мусульмане?

— Да.

На что, Леня, я обратил внимание, так на выражение их глаз. Какую разницу почувствовал я в выражении наших глаз. Все мои наблюдения за много лет показывали, что глаза у всех евреев, независимо от того, европейские ли они или кавказские, добрые, миролюбивые. Что удивительно, все наши дагестанцы именно по глазам сразу определяют, что перед ними стоят горские евреи. А мои соседи в купе были татами-мусульманами. Если бы горел свет, то у меня никакого сомнения в том, что они мусульмане, не было бы. Хотя и их произношение вызывало у меня сомнение. Так вот, они тоже выходцы из Северного Ирана. Живут сейчас в основном на территории Азербайджана. Но как я уже говорил, есть еще и таты-христиане. Точнее, они стали христианами григорианского толка. То есть, из иудаизма они перешли в христианство, так как территориально жили близко от армянских сел. И стали они говорить на армянском языке. Словом, ассимилировались. Но при встрече с ними мы все равно догадываемся, что они горские евреи: и по выражению глаз, и по фамилиям... В Азербайджане до сих пор живут наши таты-иудеи. Это ширванские, кубинские и другие...

— Довольно интересно... и забавно, — протянул задумчиво Леонид Яковлевич. — Но одновременно грустно и печально.

— Конечно, печально, — согласился Шоул, — некоторые из них веру свою поменяли, другие вовсе ассимилировались. Ведь не секрет, что часть азербайджанских горских евреев тоже пишутся азербайджанцами и даже взяли себе имена и фамилии этого народа. Думаешь, от хорошей жизни все это происходит? Думаешь, это им помогло? Где-то да, а где-то нет. Все равно многие знают, что они не кто иные, как горские евреи. И все равно, как бы они ни писались в паспортах... посещают синагоги и называют себя евреями. Это так.

— Знаешь, — с грустью заговорил Леонид Яковлевич, — евреи есть и в Беларуси, и в Латвии, и в Германии... тоже писались и теми, и другими. Но все равно все догадывались, кто они на самом деле.

Ты, Шоул, наверное, слыхал и о таких случаях... К примеру, еврей женился на русской девушке. Во время регистрации брака он берет фамилию жены и становится, допустим, Ивановым, хотя в паспорте был записан Горенштейном. Родился, допустим, у них ребенок, и когда приходит время получать паспорт, то его, естественно, записывают не только Ивановым, но и русским. И постепенно от того взрослого Горенштейна и следов еврейства не остается. Мы с Верой, хоть и записаны белорусами, в душе-то мы все же евреи, и от детей это не скрывали. Странный процесс, друг мой! Он становится необратимым?!

— А как тебе, Леня, такой факт? — заинтриговал Шоул своего друга. — Кроме того, что христианский мир обездолил нас, он еще и обокрал нас. За основу своих новых Заветов взяли труды всех наших святых и их имена. То же проделали и магометане... Обрати внимание – Шолом Алейхем стал звучать как Салам алейкум, Соломон — Сулейман, Абрам — Ибраим, Ибрагим, Мойша — Муса, Исай — Иса, Зарбоил — Джабраил, Аарон — Гарун, Исаак — Ицхак, Раши — Рашид... Это у мусульман. А у христиан? Так там сплошь Авраамы, Моисеи, Исааки, Самсоны, Бенжамины, Абрамы...

— Между прочим, я над этим вопросом никогда не задумывался, — улыбнулся Леонид Яковлевич. — Это для меня открытие. Это тоже довольно интересный факт.

Леонид Яковлевич с минуту помолчал, раздумывая над чем-то, потом в задумчивости произнес:

— Конечно, Шоул, при рассмотрении такой сложной темы, как наша, нужно копать глубже. Надо найти ответы на вопросы, почему мы страшимся своей национальности, кто довел нас до жизни такой, почему нас продолжают ненавидеть и преследовать. Хотя многие ответы на них вроде бы и лежат на поверхности.

— Иногда хочется махнуть на все рукой и уехать с семьей куда-нибудь подальше, — с возмущением вставил Шоул. — Но как только подумаешь, что там хорошо, где нас нет, сразу остываешь. Нигде, Леня, нет нам покоя и места. Везде одинаково плохо относятся к нам.

Видя, что Леонид Яковлевич активно массирует себе грудь, Шоул решил на время переменить тему.

— Ты знаешь, Леня, однажды я услышал замечательный анекдот. На 70-летнем юбилее Бориса Брунова на сцену вышел Юрий Никулин. Вот что он сказал: «Я тебе, Боря, не буду песни петь, а расскажу

один забавный анекдот. В Одессе встретились два еврея. Поприветствовали друг друга, а затем один из них говорит: «Соломон, ты до сих пор здесь? Ты не уехал?» — «А чего мне там делать? Мне и здесь плохо», — отвечает другой».

Леонид Яковлевич с минуту молчал, переваривая суть услышанного, а затем взорвался хохотом. И сквозь слезы, появившиеся от смеха, произнес.

— Остроумная шутка!

Отдышавшись, Леонид Яковлевич, вновь посерьезнев, добавил:

— Нигде нас не любят. Верно. Тупиковое положение, друг мой. Но как выйти из него? Где выход? Кто нам поможет найти его? Признаться, в последние годы новое руководство страны доброжелательно относится к евреям. И выступает в качестве защитников интересов представителей всех национальностей, живущих в России.

— Это так, — охотно согласился Шоул. — Это, бесспорно, играет большую роль в нашей жизни, в нашем душевном покое. Но все же на бытовом уровне еще много гадкого происходит. И те же соседи порой косо посматривают на нас, шепчутся за нашими спинами, называя нас жидами, обсуждая каждый наш шаг. У нас в деревне, где мы имеем ветхую хату и шесть соток, по соседству живет пожилой мужчина с женой и сыном. Когда этот мужик трезвый, он глаз не поднимет на человека, смотрит на людей как бы исподлобья. То ли он слишком стеснительный, то ли внутренне злой по натуре. Но когда он с женой нажрется самогона, он становится неузнаваемым, противным до омерзения. Сказано: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Так вот. Как-то он, вдребезги пьяный, с плетущейся за ним пьяной женой проводили какого-то гостя до калитки. А по возвращении в хату, увидев через забор меня с детьми (а мальчикам было 14 и 11 лет), неожиданно завопил:

— Черные сволочи, — не глядя в нашу сторону, выл он, — заполонили всю Россию. У-ух... всех бы вас... У-ух!

Естественно, с моей стороны никакой реакции. Переживал только внутренне. А мои ребята, понимая, что этот дядька в наш адрес выкрикивал подлые слова, молча наблюдали за моим поведением, ожидая с моей стороны какого-нибудь ответа. А я им спокойно говорю:

— Не обращайте на него внимания. Он всегда, как только выпьет, бывает плохим.

А про себя я, возмущаясь, мысленно рассуждал: «Хозяин земли русской выискался! Даже такое дерьмо считает, что другие народы хуже него, твари. Он считает, что другие народы не имеют права проживать в России, забывая о том, что вся Россия и состоит из территорий, где коренным населением являются разные народы. И что на этих территориях проживают десятки миллионов русских... Вот на таких негодяев, националистов и рассчитывают те, кто желает разжечь межнациональную вражду. — Шоул на минуту замолк, поняв, что нервничает. После небольшой паузы продолжил. — А если бы он узнал, что мы евреи?! Даже страшно подумать... Кстати, до сих пор ни один сосед не знает о нашей настоящей национальности... Нельзя. Заедят... Вспомни, Леня, щиты с антисемитскими надписями на трассах. Кто-то ведь направляет руки подобных мерзавцев, платит им за установку этих щитов... Кто-то ведь упорно гнет свою антисемитскую линию, вызывает ненависть к евреям. Не напоминает ли тебе, Леня, вопли этого деревенского соседа завывания бывшего губернатора Панкратенко? Но кто, когда так воспитал христианский, православный мир в духе ненависти к нашему народу? Кто??? Церковь? Руководители государств? Если этот ненавистный фундамент был заложен много-много веков назад, то неужели эта ненависть передавалась так «бережно» из поколения в поколение? Ведь спроси сейчас любого антисемита, почему он не уважает, не любит евреев, тот толком и ответить не сможет. Он скажет примерно так: «Они другой веры. Они христопродавцы. До нас не любили их, вот и мы...» А когда их спрашиваешь, почему они более или менее терпимы к вере других народов, то они вообще запутываются в своих ответах... «А какое вы отношение имеете к Христу? — спрашиваешь их. — Ведь он же еврей...» — «Ну и что? Пусть будет евреем. Но он наш бог. А вы его предали...»

Таковы, Леня, невразумительные ответы тех, кто не любит евреев, которые даже не сознают, за что же конкретно они не любят евреев. Это омерзительно! Их так воспитывают...

...Друзья развили эту тему, когда встретились через неделю.

— В каких религиозных трудах записано, чтобы христиане, православные и магометане преследовали иудеев? — заговорил Шоул. — В век цивилизации, мира и демократии мы все говорим, что религии должны призывать своих единоверцев к миру и согласию. Но изволь, тогда откуда эта смердящая ненависть к одному-

единственному народу? В свое время царское правительство было инициатором и еврейских погромов, и правовых ограничений для евреев. Что ими при этом двигало? Или, может быть, царский род к такому решению привела православная церковь? Ну, а там, где само правительство позволяло себе так гнусно относиться к одному конкретному народу, то его подданным сам бог велел измываться над евреями. «Дело Бейлиса», «Дело врачей», депортация евреев в Хабаровский край — это неполный перечень преступных злодеяний царского правительства, а затем и Сталина. А ведь все это звенья одной цепи. А другие паскудные дела? — зло произнес Шоул и, слегка утомившись, замолчал, проницательно при этом заглянув в глаза друга, чтобы понять, удивил ли он его своими «познаниями» или нет. — Так что, — продолжил Шоул, — всякие генералы и губернаторы — это все отголоски того самого времени, — заключил он, тяжело выдохнув воздух.

В тот вечер после недельного перерыва, наговорившись, устав от переживаний и долгих рассуждений, еще немного погуляли и разошлись.

«Да, сердце мучает Леню, — подумал Шоул по дороге домой. — Как бы он в одночасье не умер».

...Шоул тяжело перенес смерть своего друга. Он, когда посещал могилу своей матери, обязательно приходил и к его могиле. Постоит, помолчит. А потом незаметно предастся воспоминаниям. С улыбкой представит, как Леня каждый раз двумя пальцами поглаживал свои усики, как он иногда хитровато улыбался, как он порой нервно массировал себе грудь. «Знал ли он, — подумал Шоул, однажды стоя у памятника Лени, — что после его смерти, когда соседи по дому все же догадались, что Спиваки «скрытые» евреи, жена Вера с детьми покинет Россию и уедет в Израиль? Вот ведь как все возвращается на круги своя».

Шоул помнил содержание всех своих диалогов с Леонидом. И помнит так хорошо, будто они состоялись вчера, помнит так, что без труда восстанавливает в памяти все детали тех бесед.

— Да, да. Совершенно верно, — согласился как-то Леонид Яковлевич, когда они вернулись к разговору о генерале Мукашове и батьке Панкрате. — Первый купается в своей генеральской славе, продолжая настраивать всех россиян против евреев, а второй, как ни парадоксально, принимает законы государства в Федераль-

ном собрании?! И что? Наказали их в свое время? Призвали их к порядку? Не тут-то было. Каково? — и голос Леонида Яковлевича задрожал от негодования. Он резко побледнел. И все же продолжил. — Подобные факты нельзя оставлять безнаказанными. Весь российский люд поражен, как и почему такое не пресекается. Многие антисемиты приятно удивлены, что их кумиры могут так смело высказывать свои чувства вслух. И они благодарно следуют призывам своих кумиров. — Он стал теребить себе грудь, массируя ее.

В такие минуты его раздражало все: и такая безнаказанность, и боли в груди. Он же сознавал, что безнаказанность и позволяет им и им подобным вести себя разнузданно, и призывать народы к межнациональной вражде...

— Помнишь, — продолжил Леонид Яковлевич, — как батька Панкрат с пеной у рта вопил: «Да я их... Этих жидов... У-ух, гнать их надо!» И все это несмотря на то, что и того, и другого при этом снимали телевизионные камеры. Не боятся ведь... И оба — члены компартии, коммунисты... А вот если бы этим господам устроили бы открытый суд, то другим уже не повадно было бы...

— Но даже такие меры не помогли бы решить саму проблему до конца. Хотя и это делать необходимо, — как-то вяло, нехотя сделал вывод Шоул. — Такие меры лишь на время загнали бы саму проблему вовнутрь.

Шоул понимал, что их высказывания — это лишь благие намерения, декларация и что все равно даже несмотря на телевизионные съемки, этих негодяев ничем не унять и к ответу не призвать.

— Но что-то ж надо делать, что-то ж надо предпринять! — не выдержал Леонид Яковлевич. — Нет, не нам, а руководству государства... А то получается, что такие личности выступают с гадостями с молчаливого согласия руководства страны... Так жить дальше просто невозможно... Вот мы кричим, что живем в век цивилизации, в век демократии и прогресса... А видим дикость в первозданном виде! В течение стольких веков продолжать ненавидеть, преследовать один и тот же народ... Это же ужасно!

— А еще наши, так называемые олигархи, подливают масла в огонь... — с раздражением вставил Шоул. — Некоторые из них дразнят гусей, которые и их, и всех нас кусают. Эти ребята высовываются и тем самым вызывают к еврейскому народу злость и раздраже-

ние. Сделали деньги, неважно честно или нечестно, так будьте ниже травы и тише воды. Тем более знают, как к нам относятся антисемитские элементы... Они хотят кайф получить... С жиру бесятся... Лезут кто в политику, кто в другие дела... Нет, если в рамках разумного, то это еще ничего. Но ведь они так разумно не могут... Их заносит... Все эти ребята ни хрена о своих простых смертных евреях и не думают. Им лишь бы набить свои карманы, получить удовольствие от своих выходок — и вся песня, — зло завершил Шоул.

— Конечно, всякого дерьма среди каждого народа хватает, — протянул грустно Леонид Яковлевич, поглаживая свои усики. — Да, то что с жиру бесятся — это верно. Но ведь и о судьбе своего народа не помышляют — вот что обидно. Они нас за людей не считают.

Разговор об олигархах вновь вернул Шоула к теме о Мукашове и Панкратенко.

— Леня, ты думаешь, Мукашовы и всякие Панкратенко только из-за ненависти к олигархам восстали? Далеко нет, друг мой. Это был только повод. Это была искра, которую они и им подобные ждали долго и терпеливо. Они давно собирались превратить эту искру в пламя. А причина кроется намного глубже. Нет, конечно же, богатые, в особенности евреи, их, само собой, раздражают. Это и дураку понятно. Но вот что интересно: что ответили бы они на такие вопросы?

— Господа, вот если бы не было евреев-олигархов, вы все равно продолжали бы кричать о ненависти к еврейскому народу?

— Да.

— Почему?

— Они предатели...

— Кого они предали?

— Они Христа продали!

— Во-первых, эта проблема касается только сынов Израиля. Во-вторых, как вы, будучи коммунистами, «атеистами», заговорили о Христе, его судьбе?! Или двурушничать коммунистам не привыкать...

Это конечно моя фантазия так сработала. Но, повторяю, причина такой ненависти совсем в другом. Все коммунисты — это сталинисты. А Сталин, как мы знаем, — это «Дело врачей», это депортация евреев, это массовые аресты и расстрелы евреев... Сталин стал врагом всех революционеров-евреев, которые, кстати, и помогли ему прийти к власти. А Кагановича он держал при себе проформы ради, чтобы лиш-

ний раз подчеркнуть, что он, видите ли, не антисемит, иначе не держал бы еврея в Политбюро... Так что всякие Мукашовы и Панкратенко — это верные продолжатели дела «великого Сталина». Нужно отметить, что они оказались достойными последователями гнусной сталинской национальной политики... А тут под руки подвернулись эти евреи-олигархи... Грех было бы не использовать такой повод... Когда им говорят, что они призывают к межнациональной вражде, розни, они с пеной у рта орут: «Чем хуже, тем лучше!» Такова их логика жизни. Особенно на нынешнем этапе, когда коммунисты потеряли свои политические дивиденды. Они стали не только на путь преступления, но исподволь (или сознательно) стали врагами России, которой они желают худа. Вот и вся их гнилая философия. А олигархи?.. Это так... Это лишь повод...

Шоул посмотрел на друга — тот был бледен!

— Знаешь, Леня, давай-ка по домам. На сегодня хватит — наговорились. Я тоже немного устал, — предложил Шоул.

А по дороге домой нахлынувшие на Шоула мысли уже не оставляли его в покое. Так всегда: стоило ему завестись, он уже остановиться не мог. Будет стараться отвлечься на другие темы, отвязаться от назойливых мыслей, нет, не получается. И он вновь пускается в свои рассуждения. «Столетиями католики убивают протестантов, мусульмане и христиане — иудаистов... И происходит такое из-за амбиций священнослужителей... Из-за их экстремизма постоянно гибнут десятки тысяч безвинных людей... Почему разные религии не цементируют дружбу между народами, а иногда даже призывают к открытой вражде? Еше большей власти хотят? Или хотят увеличить число своих прихожан?.. Хотят большего влияния на сильных мира сего? Межнациональные конфликты, столкновения: кто их провоцирует и кому они выгодны?» — горячился Шоул. И злился, потому что не находил ответов.

Так с ним происходило всегда: стоило зацепиться за одну мысль, как потом она развивалась и ей не бывало конца. Причем, навязывались эти мысли так беспорядочно, что порой сам запутывался в них. Но как бы то ни было, такие мысли подолгу не давали ему покоя.

— Ты знаешь, Леня, — начал Шоул как-то при очередной встрече.

— Нет, не знаю, — улыбнувшись, пошутил Леонид Яковлевич, поглаживая усики.

— Вот мы говорим о румынских, немецких и прочих евреях, — продолжал Шоул. — Что все они считают своими родными языками языки тех народов, среди которых жили и живут. Понятно, иначе и нельзя было, потому что вынужденно они «приземлялись» в той или иной стране. Находясь в рассеяньи, убегая от постоянных преследований, у народа давно не осталось ни родного языка, ни родной культуры... Осталась у них лишь печальная история да память народная. Но вот что интересно. Еще в Испании до массового исхода евреи ради сохранения жизни своих детей переходили в христианство... Но как мы уже знаем, и это их не спасало. А затем Польша, Германия, Греция, Россия... И опять люди вынужденно переходили в христианство, в православие... Но если подобное прежде было понятно, то никак нельзя объяснить это в настоящее время, когда евреи живут в более или менее демократических странах. Да ради бога, как говорится, принимайте другую веру. Каждый волен поступать так, как диктует ему его совесть... Но ведь те же православные в душе смеются над такими «перебежчиками», потому что понимают, чем вызван такой «спасительный» переход в другую веру. Так что сложно все это, Леня, — мрачно подытожил Шоул. Затем, тяжело вздохнув, добавил: «Когда в разные века одни народы захватывали чужие территории, завоеватели огнем и мечом заставляли порабощенные народы принять их веру. История знает много таких случаев. Здесь вроде бы все ясно. — И Шоул на время замолчал: он нуждался в передышке и заодно хотел дать отдохнуть и другу.

— Но мы с тобой ведь не приняли другую веру, — извиняющимся голосом заговорил Леонид Яковлевич. — Так ведь? Хотя мы и писались белорусами. Для всех я был просто атеистом — и все тут. Мы с Верой по понятным причинам в синагогу не ходили, религиозных праздников не отмечали... Но в душе мы всегда сознавали, что мы евреи. Даже в Испании, где царила инквизиция, если евреи вынуждены были принимать католичество, они все равно чувствовали себя евреями, а порой тайком отмечали и родные религиозные праздники... Словом, оставались самими собой.

Шоул видел, как при этом тяжело дышал Леня и ему становилось жаль его. «Каждое такое нервное напряжение отражается на

— Ничего, ничего. Это мое обычное состояние, — решил он успокоить друга. — Все в порядке. И чем закончилась эта история?

— Когда прошло минут десять, группа комсомольцев, стоявшая на улице, забеспокоилась. Один из ребят вошел в отделение и потребовал выпустить своего вожака. И ему холодно и безжалостно бросили:

— Забирайте его.

...Лишь когда об этом страшном злодеянии подробно рассказал корреспондент «Комсомольской правды», против сотрудников отделения милиции завели уголовное дело. Пересажали этих двух милиционеров-убийц, офицера, дежурившего в ту ночь, и освободили от должности начальника отделения. А чудесного парня, талантливого комсомольского вожака не стало... Вот что, друг мой, позволяют себе те самые казаки — земляки того самого губернатора, который, сжимая кулаки, не обращая внимания на телевизионные камеры, в истерике кричал, что он задушил бы всех жидов... А Саша Розенбаум им гимн посвятил?! Может быть, это и хорошо. Пусть казакам будет стыдно!

— А есть ли у них этот стыд? — поставил Леонид Яковлевич вопрос ребром. — Вот в чем загвоздка. А вот если у парня фамилия была бы украинская или белорусская, если бы в паспорте он не был бы записан евреем... тогда бы с ним той трагедии и не случилось бы, — добавил он грустно. — Это я еще к тому, почему мы были вынуждены «приобрести» другую национальность...

— Говорят, у него было типичное еврейское лицо. Так что тут ни один паспорт его спасти не мог, — рассеянно прошептал Шоул и махнул от досады рукой.

Оба некоторое время молча продолжали прогулку. Оба ушли в себя, думая о своем. «Пусть немного отдохнет, — подумал Шоул. — Ему надо успокоиться», — решил он, видя, как Леня массирует грудь, подкладывает под язык валидол.

— Самое удивительное, — первым не выдержал Леонид Яковлевич, — заключается в том, что, взяв сына израилева себе в боги, переписав основные положения религиозных трудов наших предков, присвоив себе имена наших святых, пророков, они еще нас же и ненавидят... Не пойму я, Шоул, ничего, — с досадой и горечью высказался Леонид Яковлевич — Мы можем с тобой ошибаться в исторических событиях, фактах, но вопросы, которыми мы задаемся — это резуль-

тат логических рассуждений. Верно поставленные вопросы — тоже половина успеха! Ну хорошо, в народе израилеве произошли какие-то события. Кто-то кого-то выдал, предал, кого-то жестокий римский наместник Понтий Пилат казнил. И в эту внутреннюю жизнь другого народа, спустя много времени, беспардонно влезли чужие, бесцеремонно свершили задним числом свой скорый суд (а кто их просил?), «определили виновных», окрестили их христопродавцами (а были ли они таковыми?), избрали себе бога и ушли восвояси. Что это? Современные религиозные деятели объясняют это как-нибудь? Теперь молятся сыну израилева и одновременно проклинают и ненавидят его соплеменников?! Да потом, если даже обвинять какого-то предателя (повторяю, а был ли такой?), то причем тут весь еврейский народ? Слава богу, что мудрый римский Папа Иоанн Павел Второй официально снял с еврейского народа злостный навет. Он попросил прощения у евреев за многовековые преследования и громко заявил, что евреи — старшие братья всех христиан! Низкий поклон ему за это! Другой вопрос — помогло ли все это евреям? Нет, конечно. Ведь в головы христиан, православных и прочих вбивали ненависть к нашему народу, превратив его в козла отпущения. А теперь иди и доказывай всем, что ты не верблюд. «Козел отпущения» — это библейское выражение возникло из описания существовавшего у древних евреев особого обряда возложения грехов всего народа на живого козла; в день грехоотпущения первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа, после чего козел изгонялся в пустыню. Это выражение употребляется в таком значении: человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, который несет ответственность за других.

— Я недавно вычитал все это в одной книжке, — пояснил Леонид Яковлевич. — Вот так грех нескольких человек христианский мир возложил на весь народ. Остается спросить: «А кто вам дал право, господа хорошие?» Когда в Ватикане наконец поняли всю абсурдность, несостоятельность, весь алогизм такого отношения к еврейскому народу, мудрый Римский понтифик не только покаялся за злостные деяния христиан, но и попросил прощения у еврейского народа за многовековые преследования.

— Вот мы с тобой здесь рассуждаем, — глубоко и тяжко вздохнув, включился в разговор Шоул, — делимся своими мыслями, а толку что? Вот если бы уважаемый Римский понтифик призвал весь христианс-

кий мир в своих проповедях громко заявить своим прихожанам о том, что еврейский народ ни в чем не повинен, и при этом потребовал бы, что если кто будет продолжать преследовать и ненавидеть евреев, того покарает сам бог! Вот тогда все они и призадумались бы.

Шоул сделал паузу и затем добавил:

— Что отрадно — это то, что в последние годы новые руководители государства проявляют по отношению к нам не только веротерпимость, но и определенное уважение! Низкий им поклон за это! Это, конечно, здорово утешает. И греет!

— Это так, правда, — спокойно, уже без волнения заговорил Леонид Яковлевич. — Бесспорно, такой благожелательный настрой президента России играет большую роль в нашей жизни, но антисемитизм на бытовом уровне все равно предела не имеет. Но хочу подчеркнуть, что именно доброе отношение к евреям со стороны президента страны и приостановило в последние годы массовый отток наших соплеменников за границу. А это тоже немаловажный фактор. Это, я скажу, хороший пример для руководителей других стран, где проживают евреи. Вот что значит грамотная национальная политика. Вот если бы еще и наказывали всяких антисемитов... Ведь закон позволяет сделать это...

В тот вечер Леонид Яковлевич, почувствовав себя неважно, раньше времени отправился домой. У подъезда своего дома он, бледнее прежнего, тихо бросил: «Звони».

По дороге домой Шоул мысленно опять оказался в купе вагона, когда он после операции возвращался домой. Вспомнил свой разговор с соседями. «И все равно я не люблю евреев!» — заявила тогда женщина из Грозного. «Это ваше право, — ответил тогда Шоул, — и пусть бог будет вам судьей. Я — еврей. Я прощаю вам вашу нетерпимость к вере моего народа. Но простит ли вам бог, не знаю».

Сейчас, спустя много лет, память вновь вернула его к этому разговору, потому что он сознавал, что с высоты времени он остался не совсем доволен своими доводами, которые он приводил во время того спора. А он, чудак, в тот день так радовался своему «успешному» выступлению. Ему казалось, что он дал им хороший отпор. «Вот если бы я снова с ними встретился!» — подумалось ему. В связи с этим Шоул вспомнил слова Леонида Яковлевича, сказанные им накануне: «Шоул, дружище, мы ко всем относимся по-доброму, всех уважаем, несмотря на национальность, хорошо, добросовестно трудимся,

никому не гадим, не мешаем, не желаем плохого, многие наши соплеменники славят Россию на весь мир своими успехами! И все равно отношение к нам плевое. Неужели эта ненависть к нам будет и дальше передаваться из поколения в поколение? Оптимизма тут маловато. И откуда ему взяться, если средства массовой информации «рекламируют» призывы таких махровых антисемитов, как Мукашов, Панкратенко и другие».

...Шоул теперь часто вспоминал и о своем друге, и о диалогах с ним. Как-то они заговорили о том, как хорошо, что в паспортах уже нет пресловутого пятого пункта.

— Наконец спасение! — произнес торжественно Леонид Яковлевич. — Для нас, евреев, это удобно, выгодно, учитывая недоброе к нам отношение. При приеме в вузы, на работу о национальности человека теперь смогут узнать только по фамилии. Если ты, к примеру, Розенталь, Розенбаум и так далее, то ты еврей. А если у еврея, ну, допустим, фамилия Якубов, Спивак и так далее, то иди гадай, кто из них кто. Но ведь все равно иногда спрашивают: «Извините, а кто вы по национальности?» Более сообразительные, ну, к примеру, такие, как я, — тут Леонид Яковлевич хитро улыбнулся и, поглаживая свои усики, продолжил, — сразу ответят: «Я белорус». И весь разговор. — Потом, задумавшись, посмотрел на Шоула и добавил: — Опять же, как ты говорил, еврея можно определить по... — и он развел руками, мол, ничего тут не поделаешь.

— Если бы наш народ, — решив перевести разговор в другое русло, произнес Шоул, — не сохранил бы свою многовековую историю, свое национальное самосознание, свою религию, уверяю тебя, Леня, мы бы давным-давно растворились бы как при химической реакции. А так люди всегда искали, да и сейчас ищут друг друга, общаются, интересуются, у кого какие дети... Помню, когда я оказался в Москве в 54—55 годах, ко мне на улице подошла одна женщина и робко, тихо спросила: «Вы аид?» Признаться, я тогда не знал, что означает это слово. Поэтому переспросил: «Что, что?» Тогда она чуть нагнулась и почти шепотом спросила: «Вы еврей?» — «Да», — ответил я, удивленный. Как она, бедняжка, обрадовалась. Только сейчас я понимаю, что, видимо, у той женщины была дочь и поэтому я ее заинтересовал. А ведь, Леня, все это ради сохранения национальной самобытности. И в этом ничего плохого нет! А теперь наш народ собирается в синагогах и на Архипова, и в Марьиной Роще. Знакомятся,

заводят разговоры на разные темы... Наконец-то... Молодые знакомятся друг с другом...

— Когда ты собираешься в Израиль? — вдруг спросил Леонид Яковлевич, решив, что с прежней темой разговора уже все ясно. — Ты же едешь к той самой тетке, которую ругали дети?

— Да. К ней и к другим. Ведь у меня там родственников ой-ё-ёй! — весело ответил Шоул.

— Как сейчас твоя тетя, ее дети?

— Перенесли все тяготы, но вдоволь потрепали нервы, — с тяжелым вздохом ответил Шоул. — Ох, потрепали... Выдержу ли я четыре часа лета? Не знаю, не знаю. Да и жары тамошней боюсь. А ты не собираешься побывать на земле предков? У тебя ведь тоже есть там близкие и родные?

— Куда мне? — и он с горькой улыбкой показал на грудь. — С таким сердцем далеко не поедешь...

А когда попрощались, Леонид Яковлевич с грустью в голосе сказал:

— Значит, недельки две не увидимся?

— Если раньше времени не убегу.

* * *

Полет никаких неудобств Шоулу не доставил. Время прошло както незаметно. Никто его не встречал. В Бен-Гурионе он спросил, как доехать до Хайфы, благо почти все рабочие в аэропорту оказались русскоговорящими. Он сел в автобус, который и доставил его на Хайфскую автостанцию. В течение трех дней он повидал всех местных родственников. А на четвертый день перед отъездом в Хедеру к родственникам жены Шоул решил немного познакомиться с Хайфой. В тот день он запланировал поездку к университету, который находился на горе. В центре города недалеко от фонтана Шоул подошел к остановке автобусов и обратился к группе людей, стоявшей там, на русском языке:

— Не подскажете, как доехать до университета.

— Отсюда, отсюда, — сразу живо откликнулась одна миловидная женщина, услышав русскую речь. — Туда идут, — и женщина с готовностью назвала номера нескольких автобусов и при этом заинтересованно заглянула Шоулу в глаза.

Шоул кивнул ей в знак благодарности.

— Я тоже еду в ту сторону, — со слабой улыбкой на лице добавила она. Затем, подойдя к Шоулу чуть ближе, тихо спросила. — Вы из России?

— Да. Из Москвы.

— А я из Минска, — возбужденно произнесла женщина. — И муж тоже оттуда, — и она посмотрела на Шоула так, будто хотела понять, готов ли он и дальше ее слушать. И, заметив его предрасположение к продолжению разговора, как бы по секрету прошептала. — Мы здесь живем вот уже семь лет... — Помолчав, с печалью добавила. — И все эти годы нас душит ностальгия...

— Значит, плохо вам здесь? — вырвалось у Шоула. — Если ностальгия остро дает о себе знать, значит не совсем вам здесь уютно.

— Вы угадали, — и она удивленными глазами, полными тоски и скорби, взглянула на Шоула.

Шоул понял, что эта симпатичная женщина лет 50-и, с печалью в красивых карих глазах хочет высказаться. «Видимо, наболело на душе», — с сочувствием подумал Шоул.

— Вы угадали, — повторила она, продолжая заглядывать в глаза Шоулу. — Вы правы. Когда эта ностальгия особенно обостряется? Когда чувствуешь себя здесь не обустроенным, — произнесла она, и ее глаза увлажнились, выразили безысходную тоску. Она занервничала.

— Неужели за семь лет так и не утихла тоска по прежней родине? Неужели за эти годы вы так и не зажили нормально? — с некоторым удивлением задал Шоул ей вопрос. И пожалел. Этих его вопросов оказалось достаточно, чтобы насыпать ей соль на рану, чтобы эта милая женщина «взорвалась». Чуть позже Шоул понял, что своими неосторожными вопросами он как бы подлил масла в огонь.

Она резко изменилась в лице, нагнулась, видимо, не желая, чтобы другие ее слышали, и резко бросила.

— Семь лет искалеченной, отвратительной жизни! Одним удается за 3–4 года как-то освоиться, прийти в себя, взять себя в руки, выдержать эту жизнь, а другим и за 7 лет не удается этого добиться. Особенно сильно страдает мой муж. Все просится назад, — произнесла она все это, и лицо у нее помрачнело. Затем, с минуту помолчав, выпрямилась и тихо спросила. — Как вы думаете, пустят нас назад? Примет

нас Минск? — и она так посмотрела на Шоула, будто ожидала от него ответа, от которого могла зависеть их судьба.

— Принять-то, может быть, вас и примут, но сразу возникнет квартирный вопрос. И тоже пройдут годы прежде чем получите новое жилье, — как можно спокойнее ответил Шоул.

— Да, конечно... А если учесть, что нам уже под пятьдесят... — и она глубоко вздохнула.

Автобусы меж тем подходили и уходили, и она каждый раз при этом как-то тревожно всматривалась в их номера и поглядывала на Шоула, не уедет ли он сразу. Затем, извинившись, взволнованно, нервно спросила:

— Вы не особенно торопитесь?

— Нет, — успокоил он ее.

В знак благодарности ее карие симпатичные глаза выразили добрую улыбку. Шоул понял, что эта женщина в его лице нашла доброжелательного слушателя, умеющего к тому же и сочувствовать.

— А как мы жили в Минске! — резко бросила она, и ее глаза вновь увлажнились, потускнели. — И муж, и я имели хорошую работу, неплохую зарплату, свою квартиру. Нас уважали, к нам относились с почтением. А здесь с нами обращаются как с собаками, выпрашивающими кость. И нам кричат: «Пошел отсюда». И слушать не хотят.

Она говорила быстро, стремясь успеть поведать о многом, о наболевшем, о том, что томило ее душу. Поэтому во время взволнованного рассказа она делала короткие, вынужденные паузы, будто набирала в легкие воздух.

— Я все расскажу вам как есть. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь... Если бы не этот пресловутый антисемитизм... Но вы знаете, ведь фактически антисемитистские выходки в Минске можно было на пальцах пересчитать. А мы, обиженные выпадами в адрес евреев, считали, что чуть ли не вся Беларусь ненавидит нас. У страха глаза велики, — и она вновь глубоко вздохнула. — Конечно, на бытовом уровне наших соплеменников обижали всякими там высказываниями. Это так. Если там нас, как бы то ни было, все же поневоле уважали, то здесь к нам относятся откровенно плево, с пренебрежением, считая нас, репатриантов, евреями третьего сорта. Обидно. Очень, — и она резко замолчала, видимо, ком подобрался к горлу.

А потом, собравшись с силами, продолжила:

— Все, что там имели, того здесь нет. Если мы там вроде считались «чужими» среди чужих, то здесь мы — чужие среди своих! Не обидно ли? Только и слышишь: эти грузинские, те дагестанские, другие марокканские, польские, немецкие, бухарские...

Женщина вновь сделала очередную паузу: ей трудно было говорить. Она посмотрела на подходящий автобус и, не глядя на номер, выразительно и умоляюще заглянула Шоулу в глаза, как бы прося его, чтобы он пока не уезжал.

— Любого репатрианта спросите, особенно из последней алии, сколько лет они мучаются в стране предков, как они переносят тяжелые климатические условия, как они приобщаются к новому образу жизни, как осваивают новый для себя язык. И вы такое услышите!

Шоул на секунду вспомнил, как вчера, когда он покупал бутылку водки в частной лавке, пожилой продавец вместо четырех шекелей вернул ему лишь три. Он показал тому один палец, мол, верни один шекель, а тот дал ему оскорбительную отмашку рукой: «Убирайся, убирайся». Это было ужасно.

— Там хорошо, где нас нет, — переключился Шоул снова на беседу с женщиной. — Я тоже такое слышал! — улыбнулся он.

— Вы знаете, — пропустив мимо ушей замечание Шоула, не придав его словам никакого значения, подчеркивая, что это, мол, ничто по сравнению с издевательствами, которые они здесь терпят. — Хуже всего, если вы сюда приехали с детьми. Почему? Да они из года в год видят, как страдают, унижаются и мучаются их родители. Они становятся невольными свидетелями бессилия своих родителей, их слез, сами трепят вместе с родителями нервы, а порой требуют безоговорочного возвращения назад. Но куда вернешься, когда государство Израиль дало тебе в долг деньги. Кто их вернет? А пока не вернешь все, что взял, ни шагу назад. Здесь все круто завязано. Но были люди, которые, поработав год, заработали и вернули свои долги. И уехали. Куда? Не знаю. Понимаете, все трудности можно было бы перенести, если бы не издевательства над нами психологического свойства. Мы возмущались в СССР своими чиновниками-бюрократами. Я вас умоляю. Вы посмотрели бы, какие они здесь! Хуже чем с собакой обращаются... Но вернусь к детям. Если говорить высокопарно, то дети — это будущее любой нации. И от того, каким будет состояние здоровья будущих взрослых граждан страны, зависит будущее этой страны...

Выпалив все это, женщина сделала большую паузу, чтобы отдышаться и успокоиться. Она внимательно посмотрела на Шоула, чтобы уяснить, как он среагировал на ее доводы. Затем продолжила.

— И самое страшное заключается в том, что эти дети, постепенно освоившись с их образом жизни, становятся неподвластными, перестают слушаться и уважать родителей. Как-то быстро превращаются во «взрослых», в разболтанных. Какая огромная разница в воспитании и образовании там и здесь! Нас успокаивают, что все это естественно и что ничего страшного в этом нет. Но мы-то воспитывали своих детей совсем в другом духе.

Да, Шоул знал, что методы воспитания и система образования в СССР были лучшими в мире. Что было, то было. Другое дело — как в новой России решаются эти проблемы.

— Скажите, пожалуйста, — заметив, что Шоул вышел из состояния задумчивости, продолжила женщина, — зачем нужно звать всех евреев на землю предков, если государство не в силах, не в состоянии обеспечить своих прибывших сыновей и дочерей ни жильем, ни вниманием, не может проявить о них заботу, — у этой милой женщины вновь дрогнул голос, и одна слезинка обозначилась на ее щеке. Она смахнула ее одним пальчиком, будто стряхнула пылинку.

— Там хорошо, где нас нет, — мрачно повторил Шоул, тяжело вздохнув.

Он хотел еще добавить, что сейчас в Беларуси вновь подняли головы антисемиты, что евреям опять не так уж сладко жить в этой республике, но не стал этого делать, дабы еще хуже не испортить этой милой женщине настроение. «Остались там, — с грустью подумал Шоул, — в основном те, кто записался белорусом и изменил фамилии».

— Вот мы говорим об антисемитизме «там», — продолжила она свою мысль, и она кивнула в предполагаемую сторону, — а ведь мы здесь больше чувствуем себя обиженными, оскорбленными: своей квартиры нет, работы нет, уважения нет, бюрократия душит, давит с такой силой, что порой сразу хочется собрать свои манатки и убраться куда глаза глядят. Делят единоверцев по расовым признакам...

Она с минуту помолчала, а затем уже более спокойно заговорила:

— Конечно, пенсионерам здесь неплохо живется. Это надо признать. А вот людям, которым по 40—50 лет... Знаете, порой становится так жутко, что можно от дум и переживаний в дурдом попасть. И ведь

попадают туда люди — и это не секрет, — голос ее вновь задрожал. Она теперь еле сдерживала рыдания, которые стали ее душить. Отдышавшись и переведя дух, взяв себя немного в руки, она продолжила.

— Представьте себе на минуту такую картину: в диком лесу вожак обращается к стае: «Мы должны уносить ноги. На нас двигаются враги. Сильные выживут, слабых же догонят и растерзают. Так что в путь!» И сильные уносят ноги, а слабые и больные становятся легкой добычей врагов. Вот так и с нами: пригласили, объяснили, бросили на произвол судьбы и сказали: «Выживайте кто как может». Что это за политика? Когда вы обращаетесь к государственным чиновникам с какой-нибудь просьбой, вам в грубой форме в лицо бросают: «Вы думали, что на все готовое приехали? Где же вы были раньше? Почему сидели и ждали? Ничего, вы помучаетесь, зато потом вашим детям будет легче жить. Ради Израиля можно себя и в жертву принести».

На минуту мне показалось, что эта женщина, милая и мудрая, стоит на трибуне и произносит зажигательную речь! Ее голос уже не дрожал. Нет, он приобретал твердость и решительность.

— Выходит, — чуть успокоившись, продолжила она, — что мы, приехав сюда добровольно, сознательно, должны принести себя в жертву ради будущего детей!? И это в мирное время? И это в двадцатом веке! Неужто эти жертвы так уж необходимы кому-то? Выходит, мы, бросившись в объятия родной земли, обязательно должны при этом страдать? Абсурд какой-то. И подрывать свое здоровье? А как, с каким здоровьем, с каким настроением растить своих детей? Тех самых детей, ради будущего которых они хотят, чтобы мы принесли себя в жертву. Как мы, обессиленные и оскорбленные, сможем воспитывать этих детей патриотами новой родины? Ведь для этого сил наших больше нет, — и у нее вновь дрогнул голос.

Шоулу было жаль эту женщину, которая сейчас волновалась, нервничала. Было тяжело слушать ее взволнованную речь. Шоул понимал, что он может выразить ей лишь сочувствие. А советы давать — дело пустое. А потому он молча слушал ее.

— Я повторюсь, — продолжала она, — воспитание детей, их поведение, их отношение к родителям здесь и там (она вновь кивнула головой в предполагаемую сторону) — это огромная разница. Это просто пропасть. Они здесь поневоле и по примеру «местных» становятся жестокими, выходят из-под контроля родителей. Много наших детей стали здесь наркоманами. Надо говорить всю правду. А она пока тако-

ва. Что есть, то есть. Это страшно! — и она приложила носовой платок к глазам и извинилась: — Ради бога извините меня, что я и вас накачиваю. Нервы совсем расшатались. Сил моих больше нет...

Автобусы меж тем подходили и уходили, а они уже не обращали на них внимания.

— К нам, алии последних лет, — она выпрямилась, так как во время своего монолога нагибалась к Шоулу, чтобы посторонние не поняли, о чем она так горячо говорит, — те, первые, относятся как к свиньям. Да, да. Честное слово. И все об этом знают. Это вовсе не секрет. Конечно, мы знаем об их заслугах. Да, они первопроходцы. Да, это они начинали первыми осваивать земли Эрец-Исраэль. Да, им было тяжко тогда. Да, это они с оружием в руках защищались от бандитских вылазок арабов. Да, это они позже отстаивали свою родину от внешних врагов. Да, это они поднимали целину, осваивая каменистые и песчаные земли, строили кибуцы и первые поселения. Да, это они затем строили дороги, города, мосты и порты... Все это понятно, и мы низко склоняем головы перед ними! Но скажите, пожалуйста, почему в их устах звучит мстительная реплика: «Вы отсиживались, а мы строили новое государство. Где же вы были раньше?» Выходит, продолжая приглашать все новых репатриантов, они заранее знают, что будут издеваться над ними?!

Она на минуту остановилась, чтобы передохнуть. Затем посмотрела на Шоула и с каким-то безразличием, понизив голос, добавила.

— Если бы хоть квартиру бесплатно предоставляли... Тогда с другими трудностями было бы легче справиться. А тут еще с детьми такое творится... Они здесь становятся настолько «самостоятельными», независимыми, что... — и она, не выдержав, глухо застонала, сразу полезла в сумочку за носовым платком.

С минуту она старалась сдержать свой стон, а затем дрожащими губами продолжила.

— Да, мы понимаем, что Израилю приходится тяжело, что большие суммы денег тратятся на армию, абсорбцию... Мы все это понимаем, а потому и не просим у государства многого — только минимального к себе внимания. Нас преследуют нервные срывы, стрессы, наше здоровье, как у взрослых, так и у детей, подрывается. Ведь дети видят, как и почему страдают их родители. Почему бы, если государство заинтересовано в приеме все новых репатриантов, не создать при институте социальных и политических ис-

следований центра по изучению, обобщению проблем репатриантов! Этот центр мог бы проводить социологические исследования, анкетирование... И острые проблемы, которые таким образом будут вскрыты, могли бы дать пищу для раздумий. И такие исследования можно было бы организовать под условным названием «Как живешь, репатриант?» Правда, это тоже расходы. Но игра стоит свеч! Ведь решение проблем репатриантов — немаловажная задача, стоящая перед государством!

Было заметно, как эта симпатичная, умная женщина, перейдя к этим, на взгляд Шоула, довольно интересным и важным вопросам, постепенно приходит в душевное равновесие. Она как-то сразу успокоилась, заговорила доброжелательно. И лишь, когда вновь затронула больную тему репатриантов, расстроилась.

— Нет, представьте себе такое: приглашает тебя земля предков на постоянное место жительства (не в гости же!), так будь добра, родная страна, позаботься о своих сыновьях и дочерях! Да, да и независимо от того, запоздало вернулись они в свое родное гнездо или нет. Ведь не наказывают же и не перестают любить своих «заблудших» детей родители! А то получается так: приняли родители «заблудшего» сына или дочь и сказали: «А теперь, дружок, выживай как можешь!» Не бывает так, не может так быть! — чуть повысив голос, решительно заявила она, сделав ударение на последней фразе.

— Как можно издеваться над своим же народом? — заговорила она после минутного молчания и махнула от досады рукой. — Мало над нами другие поиздевались?!

Конечно, подумал Шоул, когда она сделала очередную паузу, о многом из того, что она поведала ему, он давно и хорошо знал. Быть может, многое из всего сказанного ею, и заслуживает внимания. Все это так. Но то, как эта милая женщина рассказывала страстно, эмоционально, заинтересованно, подействовало на него настолько впечатляюще, что он порой в такт ее рассуждениям кивал головой в знак согласия.

— Вот так и получается, — задумчиво, глядя поверх головы Шоула куда-то вдаль, произнесла она как бы отрешенно, — тяжелый климат, нервные стрессы, глубокая ностальгия по бывшей родине, друзьям, безразличие и жестокость бюрократии... — все это надо выдержать! Поверьте, не огульно я охаиваю нравы, законы Израиля и израильтян. Я далека от этого. Но зачем нужно сразу, в одночасье,

так сказать, согнуть нас в рог, изменить нас, нашу психологию, приучать нас терпеть все невзгоды и пренебрежительное к себе отношение... И самое удивительное состоит в том, что стоит нам, новым репатриантам, заговорить о своих проблемах, как «старожилы» бросают на нас град оскорбительных словечек: «Что ж вы сюда притащились?», «Не от хорошей же жизни вы убежали?», «Кто вас просил приезжать сюда?», «Где вообще вы были раньше?», «На все готовенькое хотели приехать?»

Чувствовал Шоул, что его собеседница порядком утомилась: она все чаще вытирала платочком пот с лица и говорила уже осипшим голосом.

— Убивает еще и такой факт, — продолжала она уже менее энергично, — израильтяне так брезгливо относятся к нам — это понятно. Но вот беда — репатрианты из разных стран также безобразно относятся друг к другу. Ашкенази не считают евреями бухарских, кавказских, африканских... евреев. Они их считают дикарями. Вот что сделала жизнь с нашим народом. наказала так, что свои же не терпят своих.

— Да, в нашем народе это есть, — страстно включился в разговор Шоул. — И у нас в России ашкенази брезгливо относятся к нам, горским и прочим евреям. Они, видимо, считают, что мы неполноценные евреи, так как нет среди нас выдающихся ученых, писателей, артистов и так далее. Но если учесть, что горских евреев в СССР проживало всего около ста тысяч, то скажу вам, что мы тоже не лыком шиты. Наверное, вы слыхали о всемирно известном травматологе и ортопеде Гаврииле Илизарове! Он горский еврей из Азербайджана. Или возьмем прославленный на весь мир танцевальный ансамбль «Лезгинка» из Дагестана. Его художественным руководителем долгие годы до своей смерти был народный артист СССР Танхо Израилов. Я могу перечислить около сотни уважаемых профессоров, докторов наук из среды горских евреев. Малочисленная община дагестанских евреев дала родине двух Героев Советского Союза, семерых Героев социалистического труда...

Шоул сделал паузу, выразительно посмотрел на свою собеседницу и, увидев, как у той загорелись глаза, горячо продолжил:

— Обидно все это. Так что эта проблема в нашем еврейском народе имеет место. У кого сколько знаменитостей — это ладно. Страшно другое. Ведь и европейских, и горских, и бухарских, и грузинских и прочих евреев антисемиты не любят одинаково. Помните, как даже

фашисты не проводили никакой разницы между таковыми. Для них еврей и есть еврей. И все тут. Известен такой исторический факт. Немцы захватили Нальчик — столицу Кабардино-Балкарии на Северном Кавказе. Вы наверняка об этом курортном городе слыхали.

— Мы с мужем отдыхали там. В Долинске, — живо вставила она.

— Так вот. Во время оккупации в городе проживало более трехчетырех тысяч горских евреев. Балкарцев Сталин депортировал в Среднюю Азию. Там остались кабардинцы. Они, естественно, знали, что местные таты — это горские евреи. Кто-то доложил коменданту города, что в городе живут так называемые горские евреи. Тот сообщил об этом в Берлин. Говорят, Гитлер с характерной для него циничностью приказал дать такую телеграмму: «Какая разница — черные или белые собаки. Расстрелять!»

Но нашим помог сам бог! Накануне город Нальчик освободили советские войска. Вот так вот.

Собеседница Шоула смотрела на него зачарованно, забыв на время о своих печалях и обидах. Ее приятно поразил этот факт и удачные сравнения гостя из Москвы.

— Так что даже фашисты не проводили разницу между горскими и европейскими евреями. А тут, выходит, что сами же евреи ведут себя по отношению друг к другу хуже фашистов. Как так можно? Кто виноват в том, что сыны и дочери Израилева оказались в разных странах, на разных континентах? Кто-нибудь может на это основательно ответить? Вот так и Сталин хотел загнать нас, советских евреев, в резервацию в Хабаровский край. Причем, представьте себе, без разбора. Вот так-то.

Женщина кивнула головой в знак согласия и стала рассказывать еще что-то о взаимоотношениях репатриантов. А Шоул в этом время мысленно уже перенесся в Москву. На минуту представил себе, как среагировал бы его друг Леонид Яковлевич на рассказ своей бывшей землячки из Беларуси. Пока его собеседница делала паузу, Шоул вновь вспомнил, как однажды он спросил Леонида Яковлевича:

— Ваши земляки из Беларуси уехали в Израиль. Наверняка, многие из них тоже были записаны белорусами? А вы с Верой почему не уехали?

— Каждому свое, — ответил тогда Леонид Яковлевич. — Вот они и маются там... Я бы с таким сердцем и со своей впечатлительностью там сразу отдал бы концы. Мы бы просто не выдержали испытаний...

...Через минуту-другую Шоул опять сосредоточенно слушал свою собеседницу. Правда, на сей раз она рассказывала уже о том, где они живут и как там красиво все вокруг.

— Этот район считается престижным, — придя немного в себя, спокойно сказала она. — Вокруг горы, леса... Красота! Мы живем в каком-то довольно странном домике. Он принадлежит одному хозяину. Окна с третьего этажа выходят прямо на гору. На каждом этаже живут разные семьи. Словом, все это напоминает общежитие. Естественно, мы платим за площадь. А когда у нас будет своя квартира, мы не знаем.

Шоул первый раз за время ее монолога заметил, как вдруг, рассказывая о природе, их окружающей, загорелись ее глаза. Она улыбалась. Она радовалась красоте этих мест и даже той самой «гостиничке», в которой живут. Шоул посмотрел на эту улыбающуюся женщину и тоже поневоле заулыбался. «Наконец она успокоилась, — подумал он с облегчением. Потом, тяжело вздохнув, решил, что, может быть, все у ее семьи со временем образуется и что все ее печали останутся позади. — Но почему за 7 лет их жизнь не изменилась к лучшему?»

— Вы знаете, кем мой муж, бывший уважаемый доцент института, сейчас работает? — вспомнил Шоул уже в автобусе ее слова, произнесенные на остановке. — Он утром и вечером занимается уборкой нашего подъезда... — и она пустила слезу. — Каково, а? Неужели за тем мы сюда приехали? Так унизить, так сломать...

Шоул знал, кем работали за рубежом бывшие князья, графы, генералы и другие состоятельные люди, эмигрировавшие из России. Таксистами, чернорабочими, посудомойками в ресторанах, гардеробщиками.

«Только те вынужденно убежали кто куда, — подумал он. — А эти добровольно приехали на землю обетованную».

* * *

...Когда Шоул вернулся в Москву, он сразу позвонил Леониду Яковлевичу. Трубку подняла его жена Вера.

— Как мой друг?

— Только что «Скорая» была.

— Плохо ему?

— Да. Неважные дела, Шоул, — грустно заключила Вера.

Шоул вспомнил, как при последней их встрече Леня слишком долго массировал грудь.

— Хватает? — спросил его тогда Шоул.

— Хватает, — с бледной улыбкой ответил Леонид Яковлевич. И добавил. — В случае чего ты помоги Вере.

Он умер утром. Во время похорон пошел дождь, и Шоул с приподнятым воротником плаща в глубокой скорбной задумчивости направлялся вместе с другими к автобусу. Под дождем ему думалось легче — срабатывала привычка, когда он в юношеские годы в одиночестве под дождем бродил по пустынным улицам Дербента, оставаясь наедине со своими сокровенными мыслями, чувствами...

«Скрытые евреи, — иронически произнес как-то Леонид Яковлевич, поглаживая усики. — Надо же, слово-то какое. Все мы знаем, что мы евреи, но вслух об этом не только чужим, но иногда и друг другу боимся признаться. Что это за жизнь, Шоул? Собачья жизнь, скажу тебе, друг мой! По-другому и не назовешь ее».

«А сослуживец Леонида Яковлевича хорошо выступил, — размышлял Шоул, подходя к автобусу. — Судя по его словам, и он, наверное, «скрытый» еврей». Сомнений у Шоула в этом не было. Во-первых, как сказала Вера, Леонид Яковлевич был в теплых, приятельских отношениях с этим сослуживцем. Во-вторых, это подтвердили и его страстные слова, сказанные над могилой.

— Леонид Яковлевич Спивак, — говорил он, — был замечательным товарищем и инженером. Он был обаятельным человеком. Он уважал всех, с кем работал. И пользовался взаимным уважением. Он любил свой народ. И мне кажется, что он сильно страдал, что не может жить полноценной жизнью. Пусть земля будет ему пухом!

Шоулу пришли на память эти слова, и то ли слезы, то ли капли дождя застлали его глаза. Он не вытирал их, хотя они и были горькими и жгучими.

«Наша жизнь, — вспомнил он слова Леонида Яковлевича, — напоминает полынь, у которой сильный резкий запах и горький вкус. Наша жизнь, дорогой Шоул, с горьким запахом полыни».

Шоул по-стариковски тяжело поднялся в автобус и присел к окошку.

«И вновь разбрелись по свету наши соплеменники, — мысленно с горечью подумал он, съежившись то ли от холода, то ли от печальных мыслей. — Что же это делается? Поуехали кто куда... Одни в Из-

раиль, другие в США, Канаду, третьи в Австралию, Германию... Все возвращается на круги своя?! Выходит, за что боролись, на то и напоролись. Э-эх, Леонид Яковлевич, Леонид Яковлевич, — мысленно обратился он к покойному другу, — о многом мы с тобой не договорили, еще о многом не успели сказать... Неужели нашему народу предстоит самое страшное — вновь раствориться в мире? Неужели евреи превратятся в Иванов, не помнящих родства? Неужели наши соплеменники не смогут сохранить свое национальное самосознание?»

Как-то Шоул, рассуждая на эту тему, произнес Лене целый монолог: «Помнишь, друг мой, мы как-то говорили о подвиге Имре Кальмана? Когда фашисты во главе с Гитлером стали уничтожать евреев, великий венгерский композитор решил покинуть свою малую родину. Об его отъезде доложили фюреру. И тот сказал: «Скажите ему, что в порядке исключения его семью никто не тронет. Пусть остается». Да, Леня, Кальман не принял подачки Гитлера и выехал-таки в знак протеста против фашизма в США. Великий музыкант с достоинством вышел из трудного положения и доказал всему миру, что он любит свой еврейский народ, который Гитлер истребляет.

Так вот я о чем. Кальман был вынужден уехать из-за фашизма. А что и кто сейчас заставляет российских евреев вновь разбрестись по всему миру? Неужели, друг мой, их напугали эти щиты на дорогах с антисемитскими надписями? Может быть, их насторожили вылазки националистических группировок шовинистического толка и всяких скинхедов? Неужели они испугались публичных антисемитских выступлений коммунистов, известных генералов и бывших губернаторов? Или на них действует постоянная неприязнь со стороны соседей по дому, сослуживцев по работе? Быть может, они решили, что главное зло заключается в безнаказанности, в религиозной и национальной нетерпимости? Ведь в конце концов от хорошей жизни, как мы уже не раз подчеркивали, никто, тем более семьями, не убегает. Конечно, все это настораживает наших соплеменников, да и нас с тобой. Особенно болезненно воспринимают они тот факт, что руководство страны, как бы доброжелательно оно ни относилось к нам, все же не предпринимает адекватных мер против поджигателей межнациональной розни. Прав ты был, когда говорил, что безнаказанность ни к чему хорошему не приводит. Именно она, эта безнаказанность, и придает всем антисемитам силы на дальнейшие «подвиги». А это уже страшно!»

Вот такие грустные мысли витали у Шоула в голове. Теперь вдвойне тяжко было у него на душе: и от потери друга, и от таких печальных раздумий. Он вытер платком лицо, опустил воротник плаща. Автобус уже вез их к кафе, где Вера заказала стол для угощения участников похорон в память об умершем муже.

Когда поминки завершились, Шоул домой поехал вместе с Верой и ее детьми.

— Он перед смертью, — со слезами на глазах говорила Вера, — беспокоился о нас. Как, говорит, вы будете без меня? Вот узнают соседи... — Она сделала паузу. — Уедем мы, Шоул. Не сможем мы жить под постоянным прессом. Нет у меня больше сил. Нет...

И Шоул не разубеждал ее, как он прежде старался разубедить свою тетю.

«Вот так, — размышлял Шоул уже после отъезда семьи Леонида Яковлевича, — в свое время из-за попустительства руководства Дагестана наши горские евреи стали изгоями, а теперь весь еврейский люд из всей России и стран СНГ постоянно совершает исход. Что, неужели повторяются испанские события многовековой давности? Выходит, антисемиты разных мастей все-таки добиваются своего? Ведь их конечная цель — изгнать всех евреев из страны... И еще немного... и все оставшиеся евреи вновь пустятся в «кругосветное путешествие».

Тогда Леонид Яковлевич печально констатировал:

— Открыто призывая изгнать жидов из России, всякие батьки и генералы фактически требуют изгнать не только «насоливших» им олигархов-евреев, но и всех выдающихся деятелей культуры и искусства, науки и техники... То есть, тех, кто славит свою Россию на весь мир... И того самого Сашу Розенбаума, которому на Кубани присвоили звание «Почетный казак» или «Почетный гражданин Кубани». А чего тут удивляться. Они ведь двурушники... «Гнать... их надо... жидов этих...» — вопят Мукашовы и Панкратенко... Затем наступит очередь и представителей других народов, населяющих Россию. Вот ты, рассказывая о своем диалоге в купе поезда с пассажирами, верно подметил, что те рассуждают с позиции шовинистов. Как ты тогда верно и точно их назвал! И получится: пока руководство страны не примет меры, не оградит нас от угроз всякого рода шовинистов и антисемитов, то в основном все евреи России, следуя их «советам», постепенно покинут ее. Ведь доброжелательное отношение руководства страны к евреям — это еще не защита их от нападок хамов. Тут жесткость нужна. Конечно, в рамках

закона. А то получается, закон сам по себе, а разжигание межнациональной розни — само по себе... Неужели мы так отупели, что не умеем отличить добро от зла. О каких демократических процессах можно говорить, если всякие батьки и им подобные экстремисты открыто на всю Россию заявляют: «...Я бы этих жидов... У-ух, гнать их надо!» Может быть, вседозволенность и есть форма демократии? А в итоге такие подонки и гонят нас... Ведь, когда их со сжатыми кулаками и с пеной у рта показывают по телевидению — это не что иное, как реклама им!

Глубоко был прав Леонид Яковлевич, когда он точно определил всю технологию такого необратимого процесса.

— И что интересно, — с невеселой улыбкой продолжил тогда Леонид Яковлевич. — если допустим, основная масса евреев покинет Россию, то кто же здесь останется? Ну, разве что известные ученые, композиторы, артисты, писатели, к которым россияне относятся более или менее терпимо и порой тепло. Но когда наступит момент истины, то и эта категория евреев задумается: «А что нам-то одним здесь делать?» И начнут тоже выезжать... Из солидарности к своему оскорбленному и обиженному народу. И останутся здесь до поры до времени полукровки и те, кто думает, что их «теплые места» вечны и незыблемы, забывая при этом, что в этом мире все преходяще и ничего вечного не бывает. Сегодня ты сидишь в мягком кресле, а завтра тебя пересадят на жесткий табурет.

— Да, милый друг, — ответил тогда Шоул, — сначала в СССР, а теперь и в нынешней России старались вслух не говорить о существовании в стране антисемитизма. Просто не принято было. И все делали вид, что у нас такой проблемы нет. Недавно во время Пасхи Песах к нам в дверь постучала соседка. Вдруг слышу, жена кричит: «Шоул, быстро прикрой мацу на кухонном столе!» Нам могут сказать: «А вы не скрывайте свою национальность. Живите открыто. Кто же вас заставляет скрывать свою национальность?» Ну, конечно! А назавтра та же соседка раструбит по всему дому, что ее соседи — евреи. А если учесть, что всякие кубанские батьки и прочие генералы, сжимая кулаки, желчно выкрикивают в телекамеру, что они бы... этих жидов... у-ух, и что их гнать надо, то можно себе представить, как потом те же соседи по дому однажды тоже сожмут кулаки... А как же иначе: ведь к этому призывают не кто-нибудь, а «уважаемые» в стране люди! Так что дурной пример не только заразителен, но и опасен! А виной всему – безнаказанность!

Гренница из райского уголка

Повесть

Памяти замечательного
российского прозаика
Хизгила Авшалумова
посвящается.

На сельской площади под громадными кронами белого тутовника на лавочке уже с раннего утра восседали три старца. Аврааму было 80, Нисону — 82, а Гаврилу — 85 лет. Они вяло вели свою неторопливую беседу, если их разговор можно было бы так назвать. Дело в том, что они то говорили о сельских новостях, то незаметно переходили к рассказу о делах своих родственников, живущих в Дербенте, то вспоминали о событиях давно минувших дней. Иногда они надолго умолкали, не зная, о чем еще можно поговорить. Тогда они просто молча смотрели по сторонам, наблюдая за сельчанами, проходившими через площадь, и отвечали кивком головы на их приветствия.

— Сын Мюсхюда, говорят, уже в институте учится, — ни с того ни с сего произнес самый старший из них Гаврил. Потом, забыв, о чем он только что сказал, умолк, сладко зевнув беззубым ртом.

— Он же еще в прошлом году поступил, старый, — засмеялся Нисон.

— Увидел Мюсхюда и вспомнил...

— А-а, если только так, — продолжал иронизировать над Гаврилом Нисон.

Солнце всходило из-за Каспия. Его огромный диск уже наполовину нависал над селом со стороны моря.

— Сейчас Офтум со своей подводой появится, — промямлил Гаврил.

Старик Гаврил каждое утро фиксировал и восход солнца, и появление Офтума, будто все это входило в его обязанности. А Нисон и

Авраам каждый раз, поглаживая свои куцые бороды, благодарили его за такие «интересные» сообщения.

— Ну, спасибо, друг, за свежую информацию, — хвалили они Гаврила с ухмылкой, хотя тот уже и не понимал, за что же они его так усердно благодарят.

— Вчера я опять от кашля задыхался, — не придав значения их «благодарностям», посетовал Гаврил и тяжело закашлял.

— Купи ты в Дербенте нормальный табак, — посоветовал ему Нисон. — А то куришь какую-то гадость...

— Надо будет заказать брату Натану, — согласился Гаврил, откашлявшись. — Вот и Офтум появился на своей подводе, — обрадовался он.

— Доброе утро, уважаемые, — поздоровался со стариками весельчак Офтум, дав им честь.

— Ты сегодня далеко собрался? — поинтересовался Гаврил.

— В Дербент, дядя Гаврил, — весело и гордо ответил Офтум.

— Здоровья тебе, дорогой Офтум. Подойди ко мне, — попросил Гаврил.

— Говори, дядя Гаврил, что надо, а то я тороплюсь. Надо поспеть, пока солнце не начнет жарить.

— Ты же знаешь, где живет мой брат Натан?

— Знаю.

— Передай ему, что я прошу купить для меня хорошего табаку.

— Передам, дядя Гаврил. Бог вам в помощь, — громко пожелал Офтум и озорно укатил.

— Так вы не слыхали, что вчера произошло? — вдруг заинтриговал Нисона и Гаврила Авраам.

— Ты о чем? — сквозь сладкую зевоту спросил Гаврил.

— Так вы не слышали, что натворил этот прохвост Ирмиё, сын нашего бывшего председателя колхоза Гемриила? — глядя прямо перед собой и сделав солидный вид осведомленного человека, еще сильнее заинтересовал своих друзей Авраам. — Так вот, — он степенно погладил двумя руками свою жиденькую седую бороденку и посмотрел то на одного, то на другого старца. — Так вот, — нарочито долго затягивал Авраам продолжение своего сообщения, чтобы потом резко вызвать у них эффект разорвавшейся бомбы. — Этот мерзавец изнасиловал дочь безрукого Миира Бетсиин.

Нисон и Гаврил тупо уставились на Авраама с открытыми беззубыми ртами. Ни тот, ни другой не могли произнести ни слова.

— Что, и милицию уже вызывали? — наконец выдавил из себя Нисон.

— И где это произошло? — водя по земле палкой, задумчиво спросил Гаврил.

Они осыпали Авраама вопросами, не дожидаясь ответов.

А Авраам специально тянул с дальнейшими объяснениями, чтобы можно было подольше растянуть удовольствие от своего рассказа.

— Да, давненько у нас такое не происходило, — тяжело вздохнув и уже успевший, по сути дела, позабыть, о чем это Авраам там говорил, произнес Гаврил и вдруг, сладко зевнув, прикрыл веки.

А Авраам с пояснениями и не торопился, потому что понимал, что если он сейчас выложит все подробности, тогда целых полдня не о чем будет говорить. И он решил на время повременить с дополнительной информацией и отвлечь внимание приятелей на другие темы.

— Так сколько же наших горских евреев сейчас в селе? — вдруг спросил Авраам.

— Около двух тысяч, — пролепетал Нисон. — Так по крайней мере говорит председатель сельсовета Нахшун.

— Да-а, — протянул Авраам, — а если бы люди не покидали свои насиженные места? Здесь бы места всем не хватило.

— Выходит, так надо, чтобы люди двигались с места на место, — глубокомысленно изрек Нисон.

— А наши места здесь, — прошамкал открывший веки старый Гаврил. Затем, подумав, что друзья не так поняли его и решили, что их места здесь на лавочке, пояснил. — Наши места здесь, — повторил он и указал своей палкой в сторону сельского кладбища.

— Ста лет жизни тебе, Гаврил, — проворчал Нисон. — Еще успеешь туда.

— Так вы не слышали, что вчера произошло? — спустя час, как бы вспомнив о том, что он хотел сообщить им нечто очень важное, вновь начал Авраам.

Затем, почесав пятерней свою куцую бороду, он вдруг замолк. Потом, не выдержав паузы, вновь заговорил.

— Так о чем я хотел вам сказать? — протянул он, продолжая издеваться над приятелями. — А-а, да, да. Вспомнил. Дочь безрукого Миира Бетсиин изнасиловал этот мерзавец Ирмиё, сын нашего

бывшего председателя колхоза Гемриила, — и он посмотрел сначала на Гаврила, потом на Нисона и добавил. — Да я вроде бы об этом вам уже говорил.

Теперь оба других старца с удивлением смотрели на Авраама, не понимая запутавшегося друга. Они были поражены услышанным, но то, что Авраам стал забывчивым, их крайне удивило.

— Почему же мы об этом не знаем? — возмутился Нисон.

— А это только вчера случилось, — важно подчеркнул Авраам. — Я и то случайно узнал об этом. Моя старуха направлялась вчера вечером к своим, чтобы попросить немного уксуса. Хинкал приготовила, а уксуса дома не оказалось. Так вот, идет она по улице и вдруг из дома безрукого Миира доносятся крик и плач. Прислушалась. И выяснилось, что Бетсиин вчера одна отправилась к реке. Оказывается, за ней следом шел этот бездельник Ирмиё. Вот и все. Теперь девушка потеряла свою девичью честь...

— Кажется, Гемриил хотел своего мерзавца женить на ней, — вставил после длинной паузы Нисон.

— Чудесная девушка, — тяжело вздохнув, высказался Гаврил, пропустив мимо ушей замечание Нисона.

— Да-а, — протянул Авраам. — Тростиночка, красивая, статная, умная девушка... Горе, ох, какое горе... — сокрушался он.

— Милицию вызвали? — вновь поинтересовался Нисон, продолжая чесаться в своей жиденькой бороденке.

— И такое в наши дни! Ай-я-яй! — продолжал возмущаться Гаврил. — Девушка собиралась в институт поступать.

— Дедейхуне и Миир умрут с горя, — сокрушался Авраам.

— Так чего ее потянуло одну к реке? — спросил Нисон. — Может, она сговорилась с Ирмиё?

На этот вопрос никто — ни Авраам, ни Гаврил — не ответили: посчитали глупостью.

— Давно подобное не происходило у нас, — в который раз, зевнув, удивлялся Гаврил. — Какой позор! — покачивал он головой и возмущался.

— В годы войны и подлец Гемриил буйствовал. Что, не помните, что ли? — взбунтовался Нисон.

— Коварный был этот тип, — поддержал Нисона Авраам. — Многих порядочных женщин опозорил этот похотливый негодяй. Как он мастерски принуждал некоторых из них переспать с ним.

— А ведь не все соглашались! — важно подчеркнул Нисон, искоса поглядывая на своих приятелей.

— Разве только один председатель грабил нас и добивался наших женщин? — ударив палкой о землю, рассерженным голосом почти выкрикнул Гаврил.

— На самом деле... А что творил секретарь сельсовета Шельми? Не помните? — вставил Авраам. И тут же вдруг спросил. — Кстати, как он там живет в Дербенте?

— Что с ним может случиться? Говорят, живет нормально, — зло произнес Гаврил. — Таких ни вода не берет, ни огонь. — Потом, вспомнив о сообщении Авраама, тут же забыл о Шельми и в который раз пробормотал, очень недовольный. — Ай-я-яй! В наше время — и такое! — И вдруг ни к селу ни к городу спросил: — Какой у нас сейчас год?

Нисон и Авраам знали, что в последние годы с памятью у старого Гаврила стало плохо, но чтобы не помнить, какой идет год, — это было уже слишком.

— 57-й год, — с ухмылкой ответил Нисон Гаврилу. — 57-й, друг.

— И такое в наше время, — бубнил Гаврил, уже не зная, зачем он возмущался.

— Случилось бы это до войны, во время войны или даже в первые послевоенные годы, — горячился и не мог успокоиться Авраам, — тогда это было бы понятно. А сейчас...

— Ты прав, Авраам, — согласился Нисон. — А помнишь... — хотел он что-то спросить, как вдруг осекся и быстро-быстро заговорил. — Авраам, ты в очках и хорошо видишь. Может, я ошибаюсь, но мне показалось, что в сельсовет вбежал этот... Гемриил. Забегали тараканы, ха-ха-ха...

Вскоре из сельсовета действительно выскочил, как угорелый, Гемриил. Закружил по площади и, не заметив вокруг ни одной души, кроме этих трех старцев, зло выругавшись, что ему приходится обращаться к этим полуживым сельчанам, крикнул:

— Нахшун не появлялся? — не глядя на них, выкрикнул он, зная, что все трое глуховаты.

— Нет, не появлялся, — так же зло и громко ответил Авраам.

— Где же его носит? — уже ни к кому не обращаясь, зарычал Гемриил.

— Забегал, боится последствий вчерашнего, — зло заметил Авраам. — Наверное, хочет с Нахшуном переговорить еще до появления Ифтаха-милиционера.

— Так ты знаешь, Нисон, почему этот Гемриил не убежал в свое время в Дербент? — Авраам внимательно посмотрел на Нисона. — Из-за своего идиота-отпрыска. Боялся, что он свяжется там с разного рода бродягами... и попадет в тюрьму. Здесь, что бы ни натворил Ирмиё, он его сможет спасти... — пояснял Авраам, продолжая наблюдать за мечущимся по площади Гемриилом.

— А ты сбегай к нему домой, — бесхитростно посоветовал тому Нисон. — Наверное, еще дома. А где же ему так рано быть?

— Да сбегал бы... Ведь на краю света он построил свои хоромы, — процедил сквозь зубы Гемриил.

— О-о, доброе утро, уважаемый Гемриил, — поздоровался с тем неожиданно появившийся на площади Ифтах-милиционер. — Доброе утро, уважаемые аксакалы, — приветствовал он и трех старцев.

— Кому доброе, а кому нет, — зло и негромко съехидничал Авраам. — Ифтах, наверное, еще не знает, что сын Гемриила натворил... Так что все кино еще впереди, — ухмыльнулся он.

— Да-а, дела, — воскликнул Нисон, толкнув при этом в бок задремавшего Гаврила.

Тот вздрогнул, открыл глаза и с удивлением спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, случилось, клянусь твоей головой, — иронически заметил Нисон.

— Ну, сегодня мы больше ничего не узнаем, — произнес сообразительный Авраам. — Все будет ясно завтра. А пока неплохо было бы и стакан крепкого чаю выпить... — Он встал, разогнулся и сказал. — Может, по домам?

Нисон вновь толкнул в бок Гаврила и почти крикнул ему на ухо.

— По домам идем.

— А, да, да. По домам — это хорошо, — прошамкал Гаврил и поспешил встать. — Всю ночь плохо спал, хоть днем немного вздремну.

— Вздремни, старый, вздремни, — с усмешкой произнес Нисон.

И все трое заковыляли по площади в разные стороны.

Никто в селе в подробностях не знал, что же произошло с Бетсиин накануне на берегу Шюкюрчая.

В тот день после выпускных экзаменов лучшая подруга Бетсиин Тирисо с родителями уехала в Дербент. Она хотела поступить в местное медицинское училище, и они решили узнать о правилах приема туда. Бетсиин же, которая думала подать документы в Дагестанский мединститут, сидела дома одна. «Но у кого я остановлюсь? — мысленно размышляла она. — Правда, в Махачкале живет троюродный брат отца, но это не дело — стеснять целую семью... Ну, день-два можно будет пожить у них, а дальше? А если я не поступлю? Что тогда? Идти работать? Куда? Опять же, где буду жить? Уехать в Ростов, Краснодар? Но с моими-то знаниями...» Тут она вспомнила, что недавно в газете вычитала о новом положении, в котором говорилось, что если абитуриент имеет двухлетний стаж работы, то его принимают в вуз вне конкурса. «Что ж, это хорошо! А может быть, сразу на работу пойти, — продолжала она рассуждать, — а затем только в институт? Так, наверное, надежнее будет».

В тот день у нее было сентиментально-романтическое настроение. Ей хотелось отправиться на берег реки, побыть наедине с собой, помечтать о будущем... К тому же и день выдался слишком жарким. Солнце обжигало все вокруг, а там рядом с рекой лес, свежий воздух, лесные запахи, птицы поют, словом, красота! Да она пошла бы туда с Тирисо, но та, как назло, умотала с родителями в Дербент. Сидеть дома целый день тоже было утомительно. Душа требовала общения с природой, хотелось простора... С другими подружками она не желала делиться своими затаенными мечтами и чувствами, планами. Но и не по селу же идти прогуливаться ей? И так к ней каждый раз пристают сельские парни. Особенно не дает прохода сын бывшего председателя колхоза Ирмиё. «Высокий, стройный, со смазливой мордой, но наглый, хамовитый, безграмотный тип, — рассуждала Бетсиин с тревогой. — Бросил учебу в школе — не хватило ума, тратит деньги, награбленные в свое время отцом, пристает к молоденьким замужним женщинам, целыми днями пьянствует с дружками, играет в карты...» Она нервно встрепенулась, вспомнив об этом негодяе.

— Ты не пожалеешь, Бетсиин, — сказал он, однажды нагнав ее после занятий в школе. — Я буду любить тебя! — дыша ей в лицо винными парами, уверял он ее.

Она, естественно, отвергала все его притязания. Но одно она запомнила твердо: как-то он в сердцах выкрикнул с угрозой: «Смотри, а то хуже будет!»

Бетсиин не представляла себе, что и как может совершить он с ней. Это-то и беспокоило девушку. Она понимала, что надо было опасаться его. Поэтому она и старалась не бывать на улице подолгу, не попадаться ему на глаза. Сходит в школу — и назад, сбегает в магазин — и назад.

О чем только не думала Бетсиин в тот день, сидя дома одна. Мысли у нее в голове вертелись разные. То она вдруг представила себе, как в школе и учителя, и одноклассники дразнили ее мечтательницей, фантазершей, витающей в облаках. Вот и сейчас ее понесло: «Почему в нашем селе так часто дают о себе знать инфекционные заболевания?» — переключилась она на беспокоющую ее тему. И это происходило с ней тогда, когда из райэпидемстанции появлялась комиссия, которая делала анализ воды, советовала поставить очистительные сооружения и уезжала, забрав тяжелобольных в Дербент в инфекционную больницу.

Вот почему однажды у Бетсиин и появится мысль заняться эпидемиологией. «Но прежде чем подавать документы в институт, все-таки надо будет поработать два года, — решила она твердо. — Но где и как?»

Так, впав в раздумье, позабыв обо всем на свете, увлекшись своими мыслями, она незаметно для себя вышла из дома и медленно, будто кто-то двигал ее вперед, направилась к реке, к лесу. Не заметила, как оказалась на «женской» половине пляжа. Здесь было пусто. В полдень, в самую жару, сюда никто не приходил. Посидела на берегу, поводила по воде веточкой и вдруг, услышав треск в кустах, встрепенулась, вздрогнула, спохватилась и произнесла вслух:

— Кто это может быть?

Но никого видно не было. Вновь стало тихо. Постепенно, углубившись в свои мысли, позабыв об опасности, она пустилась в рассуждения: «Может быть, сразу уехать в Махачкалу и устроиться на консервный завод? Говорят, что там рабочим сразу предоставляют место в общежитии. Подзаработать немного денег, набрать стаж, приодеться и потихоньку готовиться к вступительным экзаменам. Ну, два-три дня, пока не устроюсь, можно будет остановиться у родных...» Она находилась в некотором душевном смятении. Понимала, что жить в чужом городе вдали от родителей будет слегка жутковато. Она представления не имела о том, как в общежитиях живут одинокие работницы, чем они там занимаются. Она, прежде не выезжавшая за пределы родного

села, если не считать нескольких поездок в Дербент, ничего не знала о жизни горожан.

Проводя веточкой по воде, Бетсиин очнулась от своих мыслей и внимательно вгляделась в мутные потоки Шюкюрчая. «Какая все же наша река мутная! — содрогнулась она, зачерпнув ладонями воду. — Нет, надо обязательно поступать в медицинский институт. А то каждый раз, когда сельчане страдают от кишечных заболеваний, я очень близко принимаю к сердцу их мучения. Как предупредить такие эпидемии? Как нужно быстро и эффективно лечить людей?»

Это потом, с годами, осознает Бетсиин, что подобные проблемы, связанные с эпидемиями, необходимо будет изучать серьезно и глубоко.

Так в приятной задумчивости сидела на берегу реки семнадцатилетняя сельская красавица Бетсиин Ханукаева.

Вдруг где-то недалеко что-то вновь треснуло, будто поломалась ветка. Она напряглась. Прислушалась. Затем вновь успокоилась. Но тут она вдруг вспомнила рассказ учительницы географии, связанный с событиями, происходившими здесь, у реки и в лесу.

Река Самур брала свое начало далеко в горах и стремглав несла свои воды к берегу седого Каспия. От этого главного русла отделились водяные протоки, которые затем самостоятельно направлялись к морю. Один из боковых рукавов тоже соединял Самур с морем.

— Все же какая у нас, хоть и мутная, но чудная река! — говорила восторженно учительница географии. — Да, да. Несмотря на свои мутные воды, именно она помогла образоваться такой красоте вокруг! И это благодаря ей вырос этот чудесный лес. Если бы не лес, лесные богатства, трудно пришлось бы сельчанам и в военную годину, и после. Вы прекрасно знаете, сколько ягод, орехов, фруктов в нашем лесу! Словом, это настоящий райский уголок! Но вы знаете, — продолжала учительница, изменив тон, — как много и зла приносил нам этот лес. Сам лес, конечно же, ни в чем не был виноват. Беда в том, что по нему шастали всякие непрошенные гости, которые спускалисть с гор, с мусульманских сел, на «охоту», в поиске любовных развлечений. Они выслеживали девушек, женщин, собирающих в лесу ягоды, накидывались на них с ножами, насиловали и убегали. В таких случаях в селе целую неделю стоял плач и вой. И такие потерпевшие становились затем предметом для всякого рода обсуждений. И хуже того, на них навешивали ярлык греш-

ницы. Такой ценой расплачивались девушки и женщины за свою беспечность.

Весь урок рассказывала учительница географии о красотах их края, о событиях, приятных и страшных, которые происходили в их райском уголке.

Вспомнив об этом, Бетсиин все равно не призадумалась об опасности и повела себя довольно неразумно — не придала должного значения предостережениям учительницы. Такая беспечность была присуща почти всем юным девушкам Шюкюра. Ведь сколько бы ни происходило страшных трагедий в лесу, и девушки, и женщины упрямо игнорировали всякие запреты. Так произошло сейчас и с Бетсиин.

Но все же, очнувшись от своих мыслей. вдруг вспомнив, что она здесь совершенно одна, испугавшись своего одиночества, Бетсиин резко встала и решила было тут же вернуться назад, домой, но вдруг ей пришла в голову дерзкая мысль: «Так жарко, и грех, побывав на берегу, не искупаться, не освежиться!»

Откуда было знать юной наивной девушке, что, когда человека засасывает в омут, он, вместо того чтобы постараться вырваться из него, вдруг проявляет безволие и дает возможность засосать себя. Если бы человек знал, откуда появится несчастье, то тогда ни одной трагедии не произошло бы в мире. Ох, если бы знать, где споткнешься!

«А, была не была! — решила рискнуть Бетсиин, — слегка освежусь и домой!» Она посмотрела по сторонам, сняла с себя платье, подумав, стянула и трусики. И в чем мать родила вошла в воды Шюкюрчая. Покувыркалась, поплавала. «Ох, как здорово!» — фыркала она водой, довольная и счастливая. Откуда было знать юной, романтической натуре, что когда она в задумчивости направлялась к лесу, к реке, ее заметит выходивший из «Закусочной» с дружками подвыпивший Ирмиё. Никому и ничего не сказав, он резко направится вслед за ней. Дружки, ничего не поняв, куда и зачем двинулся Ирмиё, махнут рукой и пойдут своей дорогой. А преследователь тем временем крался за девушкой, теряясь в догадках, куда же она в задумчивости идет. И как же он будет приятно поражен, когда наконец поймет, что она одна бредет к реке. «О-о, какая удача!» — потирал он руки, заранее ощущая и испытывая удовольствие. Правда, при этом, хотя он и был слегка пьян, понимал, чем это удовольствие может потом в конце концов обернуться

для него. Поэтому его немного знобило от такого предвкушения и от страха за содеянное.

Когда Бетсиин пристроилась на берегу и в задумчивости просидела с полчаса, Ирмиё, стоя за кустарником, все это время терпеливо, как зверь, выслеживал свою жертву. Когда Бетсиин голой вошла в воду, он от волнения оторопел. Он не мог сдвинуться с места. «Как же она хороша! — произнес он вслух. — Ну, просто прелесть!» Голова у него закружилась, ноги подкосились — он уже себе не подчинялся. В ту минуту, когда Бетсиин уже вышла из воды и собиралась одеться, он вдруг резко разделся догола, бросил свою одежду на песок и медленно зашагал навстречу девушке. И вот в тот миг, когда Бетсиин хотела было одеться, подняла глаза и вдруг как из-под земли перед ней вырос голый Ирмиё. И все. Она потеряла дар речи, мысли запутались. Кроме того, что она ничего не могла понять, ей казалось, что это какой-то дурной сон. От неожиданности она даже не могла прикрыть руками свои прелести. Она не способна была ни сдвинуться с места, ни одеться. Она стояла, будто пораженная молнией. На нее нашло отупение. Тем временем Ирмиё, тоже находившийся в бредовом состоянии, продолжал медленно приближаться к ней. А когда он уткнулся в нее, то обнял ее, прижал к себе и заглянул ей в глаза. В них он заметил ужас. Она, ошарашенная, обессиленная, не то чтобы толкнуть его, но и что-либо произнести не могла: язык прилип к нёбу, во рту все пересохло, губы дрожали.

Так легко Ирмиё завладел девушкой. «Вот теперь ты никуда не денешься! — меж тем торжествующе думал он. — Теперь ты моя!»

Она продолжала лежать на песке. Она не могла сдвинуться с места. Она тупо и неподвижно уставилась глазами в небо. Сейчас ей в голову приходили только предупреждения учительницы географии. Что ж, выходит, она не учла ее предупреждений, не сделала для себя выводов. Ничего, кроме рассказа учительницы, ей в голову не лезло. «Случались в нашем лесу такие трагедии, — рассказывала учительница, — о которых и сейчас без содрогания нельзя говорить. Горе выпадало на долю тех молодых влюбленных, пожелавших уединиться в лесу. Желание приласкать свою возлюбленную и отдаться страстям нередко приводило молодых (и не только) к смертельным исходам, если в это время по лесу в поисках утех блуждали гнусные горцы — охотники до чужого добра. Молодого человека убивали, девушку насиловали и бросали... И тогда на село опускались вечные

сумерки, и оно находилось целую неделю в трауре. И все равно шюкюрцам урок не шел впрок. Все равно в разные годы подобные ошибки совершали упрямые сельчане...

Бетсиин была в таком состоянии, когда не могла и не способна была думать о чем-либо другом. Она даже не способна была возненавидеть этого мерзавца, опозорившего ее. Он уже оделся и стоял перед ней, продолжавшей лежать. Она виновной в этом грехе считала только себя. Поэтому, бледная и опустошенная, она с трудом встала, еле двигая ногами, вошла в воду и, пробыв там с минуту, вышла, оделась и двинулась отяжелевшими ногами в сторону села. «Завтра же надо убраться из села! — твердо решила она. — Нельзя дать позору обрасти сплетнями, наговорами».

Она не рыдала, не причитала, не бросалась на Ирмиё с кулаками. Ее трясло от внутреннего содрогания, тянуло рвать от нервного напряжения. Нет, она не стала требовать от Ирмиё жениться на себе. Он ей был не нужен. Он был для нее пустым местом. Она просто ненавидела его всеми фибрами души. Поэтому по дороге домой она думала о том, что, рассказав родителям о случившемся, попросить их не судиться с родителями Ирмиё. Единственное, что она пожелает, — это отвезти ее к дяде Хизгиё в Дербент...

...А Ирмиё, чтобы их не видели в селе вдвоем, держался позади еле плетущейся Бетсиин. Когда вошли в село, Ирмиё сразу направился домой и рассказал отцу о своем поступке. Чтобы мирно решить эту проблему, Гемриил на второй же день рано утром и кинулся на поиски секретаря сельсовета, где старцы и увидели его, мятущегося по площади. Он готов был женить сына на красавице Бетсиин, подарить сыну дом, отстроенный им на ворованные деньги, будучи много лет председателем колхоза, и постараться, таким образом, благополучно замять дело, грозящее сыну тюрьмой.

Вот обо всем этом и хотел Гемриил поговорить с секретарем сельсовета Нахшуном и попросить его стать посредником в этом вопросе. Но пока он искал Нахшуна, до него дошел слух, что безрукий Миир уже успел отвезти дочь на машине соседа в Дербент. И он уже не знал, хорошо это или плохо. «А может, они решили подать заявление в Дербентскую районную милицию?» — с тревогой думал он.

...Назавтра рано утром под большим тенистым тутовником вновь, как всегда, важно расположились три старца: Авраам, Нисон, Гаврил.

— Какие хабары есть? — поинтересовался, пока его не потянуло к дреме, старый Гаврил, обращаясь сразу к двум приятелям.

— Хабары всегда есть, дорогой Гаврил, — успокоил Гаврила Авраам.

— Вот ты сообщал нам вчера какие-то новости, — стараясь завести Авраама, заговорил Нисон, — так давай продолжай свой вчерашний разговор.

Вся беда этих белобородых, благородных, проживших долгую жизнь, старцев заключалась в том, что они, услышав какую-нибудь новость здесь, на площади, по дороге домой уже успевали о ней позабыть. Их, по существу, озабоченных своими недугами, каждое событие, происходившее в селе, интересовало не более чем очередная газетная новость. Поэтому они только тут на лавочке силились не только запомнить эти новости на какое-то время, но и в силу своих возможностей проанализировать их. Это удавалось им, но и то с большим трудом. Ну, а на что были мастера эти три старца, так это в знании прошлой жизни. Здесь их память подводила редко.

— Так, о чем ты вчера так интересно говорил, Авраам? Я, сказать правду, уже позабыл, — прошепелявил беззубый Гаврил.

Авраам выразительно посмотрел на Гаврила, чтобы понять, не засопел ли сразу при этом старец. И Нисон, и Авраам знали, что Гаврилу было свойственно, задав вопрос, тут же забыть, о чем он только что спросил, и то, что он при этом мог тут же прикрыть веки и засопеть. Но Авраам и Нисон, как бы они иронически ни относились к старому другу, все же глубоко его почитали. Во-первых, он был мудр. Во-вторых, он помнил многое из прошлого. Это он буквально в последние два-три года стал склеротиком. А если попросить его вспомнить то или иное событие, произошедшее в жизни села, он мог, как ни удивительно, выложить все в деталях, в подробностях. Но самым смешным было то, что Гаврил иногда ни с того ни с сего мог резко перейти на другую тему. Как бы то ни было, но память о прошлом у старца Гаврила осталась великолепной!

— Интересно, нашел вчера Гемриил секретаря сельсовета... — эдак, между прочим, напомнил хитроумный Нисон Аврааму.

— Нашел он Нахшуна или нет, я не знаю, — медленно заговорил Авраам, — но то, что безрукий Миир отвез дочь в Дербент — это я точно знаю.

— Когда же он успел? — без особого интереса спросил Нисон, ни к кому не обращаясь.

— Не в милицию ли они направились? — прошамкал Гаврил, и глухой кашель задушил его.

— А хороша эта девочка! — загорелся Авраам. — Красавица! А фигура какая! — он говорил так, будто вчера сам ее обнимал и целовал.

— О-о, заговорил. Вспомнил молодость старый гуляка, — хихикнул Гаврил. — Ты тоже в свое время немало женщин пощупал, — прошамкал он весело, внимательно посмотрев на Авраама. А потом добавил, — а война, ребята, все-таки страшное дело, — заключил он после небольшой паузы. — Много зла она принесла людям.

И Авраам, и Нисон понимали, к чему Гаврил вспомнил про войну. В начале войны Гаврилу было 69, Нисону — 66, а Аврааму всего 64 года. Сельские женщины, как могли, трудились в колхозе, растили детей и терпеливо ждали возвращения своих мужей, братьев, сыновей. Может быть, они, эти женщины, и были готовы согрешить — природа того требовала, но большинство из них сдерживало свои страсти, потому что и не хотели, и боялись позора. Были и такие, которых прямо-таки принуждали согрешить представители власть имущих: бывший секретарь сельсовета Шельми и даже местный раби Гуршум — все они вынуждали женщин переспать с ними. Одни случаи были известны всем, другие же так и остались недоказанными.

— Я скажу вам одно — ведь и обвинять было нельзя таких, — как бы продолжая свою мысль, пробормотал Гаврил. — Голодные, холодные, они, конечно же, нуждались и в материальной поддержке, и в мужской ласке...

— Это ты сейчас так говоришь, друг Гаврил. Сейчас! А тогда? Вспомни, как ты возмущался и проститутками таких называл. Призывал к народному осуждению, — взбунтовался разгоряченный Авраам, которому в свое время тоже доставалось от Гаврила за его грешки.

— Вспомнил о своих грешках, — захихикал Нисон, вытирая пальцем появившуюся слезу.

— Клянусь детьми, — задетый за живое, вскипел Авраам. — Поверьте мне, некоторые женщины сами намекали, что они не против переспать со мной, — оправдывался Авраам. — Ты же, Гаврил, помнишь, как хорошенькая вдовушка Мирвори во время сбора ягод в лесу сама подходила ко мне. Помнишь? Мы же рядом были...

— Помню, помню. Успокойся. Было, — тихо прервал Авраама Гаврил. — Но случалось, что ты и сам с настойчивостью старался получить согласие той или иной красавицы. Было? — оживился Гаврил.

— Было и такое, — вынужденно согласился Авраам. — Когда все это было!? — с тяжелым вздохом, сожалея о былом, сокрушенно произнес Авраам.

— А мы этого мерзавца Ирмиё осуждаем за его поступок, — вставил Нисон. — К тому же он хотел на ней жениться.

— Видно, не по душе Бетсиин этот пройдоха, — подчеркнул оживившийся на некоторое время от воспоминаний Гаврил. — Вот ты, Авраам, отдал бы свою дочь за этого негодяя? Пьянствует, устраивает дебоши, играет в карты, задевает девушек, женщин...

— Так-то парень он видный... Что есть то есть, но... — начал Авраам неуверенно.

— Но негодяй, никудышный, хамовитый... Вот-вот, — резко прервал Авраама Нисон.

— Да, это все есть, — согласился Авраам, так и не дав ответа на прямой вопрос.

Может быть, он, несмотря на все недостатки Ирмиё, и хотел бы видеть его своим зятем. «Симпатичный парень. Богатый отец. А со временем и остепенился бы...» — размышлял он про себя.

— А Миир, сын Хануко, все же мужик отличный, — вновь прошепелявил Гаврил. — Оставил левую руку на поле сражения, вернулся... — и, не закончив фразы, спросил. — В каком он звании вернулся?

— В чине старшего лейтенанта, кажется, — ответил Нисон. — Это же по рекомендации райвоенкомата его назначили заведующим животноводческой фермой... А его жена Дедейхуне, как он вернулся, так потом сидела дома, воспитывая единственную дочь Бетсиин.

— Симпатичный он мужчина. Умный, спокойный, уравновешенный, — похвалил Миира Авраам. — И чудный сосед, скажу я вам. И подстать ему и его жена Дедейхуне: покладистая, немногословная, добрая женщина... Помните, как раби Гуршум заманивал ее в синагогу? То предлагал уборщицей в синагоге поработать, то просил в своем доме за порядком смотреть, то читал ей «лекции», что бог прощает грехи женщинам, которые удовлетворяют его служков. Не поддалась ведь! Выстояла!

— Мать выстояла, а дочь, выходит, согрешила?! Так получается? — заметил Нисон.

— Тут как посмотреть, — рассудил Авраам. — Если он изнасиловал ее, то она жертва. Если же она сама разрешила ему и добровольно потеряла свою девичью честь, то она — грешница.

— Ты прав, — вмешался Гаврил. — Если они сейчас заявят в милицию, значит негодяй Ирмиё взял ее силком. Если же нет, то грех произошел по взаимному согласию.

— Да, но тогда почему Бетсиин не пожелала выйти за него замуж? Вот в чем вопрос. Если бы она добровольно отдалась ему, то значит хотела, чтобы он женился на ней. А она его ненавидит. Что ж получается? Значит, он все-таки изнасиловал девушку!? — сделал вывод Нисон.

— Ох, как ты мудрено рассуждаешь, дорогой Нисон, — повернувшись к нему, заявил Гаврил. — Честно скажу, я почти ничего не понял из того, что ты сказал.

— Ну и ничего, что не понял, зато голова у тебя не будет болеть, — съехидничал Нисон.

— Я вот что скажу, — как бы продолжил свою начатую мысль старец Гаврил, — раз девочка не хочет за этого мерзавца замуж идти, то она молодец. Вот и выходит, что он изнасиловал ее, — горячо заключил он.

— Ты сегодня как живой, Гаврил, а? Ты вчера, наверное, хорошо спал? — решил надсмеяться над другом Нисон, поглаживая свою кудую бороду.

— А? Ты о чем? — приложив ладонь к уху, нарочито громко переспросил Гаврил.

— Хорошо спал вчера ночью, говорю, — крикнул Гаврилу на ухо Нисон.

— Ты прав. Как никогда. Поэтому сегодня я немного хорошо себя чувствую...

— Тогда расскажи, пожалуйста, нам, как, когда горские евреи появились в этих местах, — желая завести всезнающего Гаврила, попросил Авраам. — Только ты немного громко говори...

Гаврил распрямил спину, провел двумя руками по бороде, будто приготовился молиться, и с готовностью начал.

— Вы все помните, что много лет назад, еще до Советской власти в нашем селе жил раби Илову. Помните? — И когда Авраам и Нисон в знак подтверждения кивнули головами, Гаврил продолжил. — Он рассказывал, как однажды в лес пошли прогуляться три романтчиески настроенные девушки-подружки. Поначалу, видимо, они планировали погулять только на окраине леса, где бывает более или менее безопасно. Но как всегда случается, девочки, увлекшись задушевными раз-

говорами, продолжая собирать ягоды, шаг за шагом, смеясь и хохоча, вошли в лес. Очнулись лишь тогда, когда три молодых горца с ножами в руках предстали перед ними... Изнасиловав девушек, они не бросили их, не убили, а забрали с собой в свое село. Их кони паслись недалеко. На двух красивых девушках двое бандитов, как ни странно, женились по своим шариатам. Видимо, были они из состоятельных семей. А третью, которая не очень, видимо, приглянулась похитителю, тот еще раз изнасиловал и прогнал из села. Где она, бедняжка, и что с ней — никто до сих пор так и не знает.

— Э-эх, если бы молодость знала... — пропел старый Гаврил, сделав передышку.

— Отдохни немного, дорогой Гаврил, — посоветовал Авраам, настроившись с удовольствием слушать и дальше рассказ старика.

«Другие еще и привирают, — размышлял Авраам, — а наш Гаврил говорит только чистую правду!» — мысленно похвалил он Гаврила.

— Почему из горных сел спускались в наш лес всякие бандиты? Почему они здесь чувствовали себя свободно и вели себя безнаказанно? — нервно и зло поставил Нисон вопросы, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ведь и после установления Советской власти, да что там говорить, еще и перед самой войной, нет-нет, а эти сволочи шастали по нашему лесу и творили свои черные дела. Как? Почему?

— Наш народ, оказавшись несколько веков назад в горах Дагестана, выдержал еще не то, — продолжил, шепелявя, Гаврил. — Если у вас хватит терпения, то я вам много интересного расскажу. Да честно говоря, вы тоже сами о многом знаете, слышали...

Так вот. Жили наши горские евреи в лезгинских, табасаранских, азербайджанских селах. Вернее, не в самих селах, а рядом. К примеру, возьмем Ашага-Араг и Касумиент. Если в Касумиенте живут только лезгины, то в Ашага-Араге — только горские евреи. Между этими двумя пунктами было два-три километра. Так везде. Наши старались жить компактно. Здесь была своя логика. Таким образом они получали возможность иметь свою синагогу, сохранить свою веру, женить или выдавать замуж своих детей, вместе защищаться, если бандиты нагрянут на село. Но в то же время мы, естественно, вынуждены были проезжать через Касумкент в Дербент. Поэтому жизнь заставляла наших общаться с соседями-лезгинами, дружить с ними, говорить на их языке, обмениваться товарами. У многих евреев были и свои кунаки. К примеру, в Касумкенте, Ах-

тах, Рукеле, Хили-Пенджи — везде у горских евреев были свои кунаки. Другой вопрос, как иногда вели себя эти кунаки. Об этом и вы в подробностях тоже все знаете. Не буду на этом останавливаться... И все равно все соседи горских евреев в основном вели себя по отношению к нашим агрессивно, разнузданно. Их было в сотни раз больше нас, и они позволяли себе и ограбить, и убить, и насиловать наших девушек и женщин. А судьи, которых богачи назначали сами, всегда оправдывали своих проходимцев, убийц. Справедливости, конечно же, неоткуда было ждать. И терпели. Долго терпели. Правда, порой и среди наших иногда находились смельчаки, физически крепкие ребята, которые давали хороший отпор насильникам. Но это не спасало общего положения...

Гаврил вдруг резко умолк — он просто на ходу заснул: устал, утомился... Нисон и Авраам с тревогой посмотрели на Гаврила с мыслью, не умер ли старик.

— Все. Выдохся наш Гаврил, — тихо произнес Нисон, тяжело вздохнув. — Засопел.

— И то молодец, — заключил Авраам. — Столько говорил! — похвалил он Гаврила. — Ну, теперь продолжения жди только завтра.

Гаврил, хотя ему и было 85 лет, держал спину ровно, он твердо держался на ногах. Среднего роста, худощавый, жилистый, он был крепким стариком. Огромная седая борода очень украшала его довольно красивое лицо. Вот только карие его глаза слегка потускнели. Он стал немного и тугоухим и подслеповатым. Если новые информации запоминались им слабо, то память о прошлом сидела в нем крепко. Он был добродушным весельчаком. Он редко нервничал, а потому легко переносил всякого рода нервные перегрузки.

Все три старца были одного роста. Но если Гаврил был худощавым, то Авраам и Нисон были тучноватыми, полнощекими стариками. Если Гаврил был терпеливым и терпимым, то Авраам и Нисон были взрывными, эмоциональными, резкими. И тот, и другой, когда взбудораживались, то при этом сильно багровели. Отсюда и разное проявление эмоций у всех троих стариков ко всему происходящему.

— ...Вернулись из Дербента Миир и Дедейхуне, — на следующий день сообщил Авраам, как только они заняли свои места на лавочке под тутовником.

— Что говорят? — живо поинтересовался Нисон.

— Оставили Бетсиин у брата Хизгиё.

— Одни в селе говорят, что Бетсиин грешница, другие — что она жертва. И говорят о беззаконии и безнаказанности. Но беда в том, что клеймо позора уже прилепили к девушке. Вот что страшно, — горячо рассуждал Нисон.

— Поэтому Миир и отправил дочь подальше, — сделал вывод Гаврил, открывший веки.

— Разве от позора скроешься? — сокрушался Авраам. — Позор везде будет преследовать человека, — вновь загорелся он. — Завтра же все наши бывшие земляки в Дербенте узнают об этом — вот и все! — сделал он заключение.

— И никто ведь теперь не женится на этой красавице, — грустно произнес Нисон. — Кому объяснишь, как все это произошло и кто виноват? Кто это слушать будет?

Старцы, утомившись от серьезного разговора, как по сигналу, замолчали. Им нужно было отдохнуть, отвлечься. Теперь они внимательно и живо наблюдали за тем, как сельчане двигались по площади.

Солнце постепенно всходило. Его огромный диск уже наполовину успел выскочить из-за Каспия.

— Сейчас Офтум со своей подводой появится, — промямлил Гаврил.

Вот так каждое утро он фиксировал и восход солнца, и появление Офтума, как будто все это входило в его обязанности. И вновь Авраам и Нисон «благодарили» его за такие интересные сообщения.

— Ну, спасибо, друг, за новости, — хвалили они Гаврила, тихо хохоча. А Гаврил при этом бывал уже в своих мыслях где-то далеко.

Отдохнув немного, ответив на несколько приветствий земляков, сладко зевнув, Нисон решил вновь, как вчера, завести Гаврила, чтобы он рассказал еще что-нибудь о жизни горских евреев.

— Да, были и среди наших евреев свои смельчаки, — напомнил он, посмотрев на Гаврила.

— Скажу вам, — сразу поняв намек Нисона, охотно заговорил Гаврил, — досталось нашему народу от соседей-мусульман. И все же вернусь к вопросу куначества. Ведь и в него теряли мы веру. Известны были случаи, когда еврей приезжал в гости к своему кунаку, а там потом какой-нибудь подвыпивший гость кунака, несмотря на вмешательство хозяина, в нарушение всех канонов гор, убивал гостя-еврея.

— Мы все об этом знаем, дорогой Гаврил, — не выдержал эмоциональный Авраам.

— Имейте терпения. Сейчас будут и другие факты, — и Гаврил рукой сделал движение, призывающее к спокойствию. — То, что на села горских евреев нападали разбойники, вы знаете. Они совершали стремительные набеги на дома. грабили наших, увозили с собой наших девушек и женщин.

Гаврил вдруг остановился, вспомнив что-то, и спросил:

— Что будет делать дочь Миира в Дербенте?

— Неизвестно, — ответил Авраам. — Позже выяснится.

— Ну да, — согласился Гаврил и продолжил свой рассказ. — В Табасаране был такой случай. Однажды горский еврей по имени Ифраим пас свою единственную корову на пастбище. На его беду тут появились три всадника. Остановились. Поздоровались.

— Ты кто? — спросил один из наездников грозно.

— Ифраим, — в страхе ответил бедняк. — Из селения Хили-Пенджи.

— Иудей значит? — с наглой усмешкой спросил второй.

— Значит иудей, — робко ответил Ифраим.

— Забери у него корову! — грозно приказал тот самый второй.

Ифраим опустился на колени, заплакал и стал умолять их не забирать его единственную кормилицу.

— У меня пятеро детей! Пожалейте! — вымаливал он пощады у разбойников.

— Прирежь его! — зло процедил все тот же второй первому.

И остался лежать на лугу Ифраим, исходя кровью.

Гаврил неожиданно умолк. Он молча водил своей палкой по земле и о чем-то думал.

— Выдохся наш Гаврил. Кино кончилось, — с улыбкой сказал Нисон, обращаясь к Аврааму.

— Ничего. Завтра со свежими силами продолжит, — рассеянно ответил Авраам. — Честно говоря, и я что-то немного утомился.

Через некоторое время они разбрелись по домам.

На следующее утро, собравшись вновь вместе на лавочке, поинтересовавшись, как у каждого здоровье и как дела в семьях, они, «обсудив» мелкие события, произошедшие за сутки в селе, некоторое время помолчали, наблюдая за первыми земляками, появившимися на площади.

— И хорошие люди среди этих народов были, — как бы вновь вернувшись к вчерашнему рассказу Гаврила, вдруг неожиданно заговорил Нисон.

— Да, были. Это утешало нас, но не спасало, — заметил Авраам. — Конечно, и хороших людей среди лезгин, табасаранцев, азербайджанцев было немало. Они как могли старались поддержать наших, но они тоже были не всесильны. Они просто сочувствовали нам, но активно помочь не могли. А может и не хотели.

— Вот вы вчера сказали, что и среди наших евреев были смельчаки, — заговорил Гаврил. — А я приведу вам интересный пример. Стоило нашим соплеменникам выехать в какое-нибудь село на подводах к родственникам, ну, допустим, на торжество, как случалось несчастье — вырезали целыми семьями. По возвращении ночью домой на таких людей неожиданно нападали кружившие в округе бандиты. Об одном эпизоде до сих пор вспоминают во всех еврейских селах. Дело было так. Возвращалась ночью домой группа евреев со свадьбы. По дороге вдруг перед ними возникли три всадника. Один из бандитов грозно выкрикнул в темноту.

— Кто такие?

— Ахмед, ты что ли? — с веселой ухмылкой вопросом на вопрос зло спросил один из наших. — Твой голос я и ночью узнаю.

— А-а, Данил, ты? — также вопросом на вопрос ответил этот самый Ахмед.

— Я, я, Ахмед! — смело ответил Данил. — Далеко собрались? — спросил он, крепко сжимая при этом рукоятку кинжала.

— Да вот в гости отправляемся тут к одному кунаку.

— Ну, счастливого пути, Ахмед. Аллах вам в помощь.

— Да, были и у нас смельчаки, — тяжело вздохнув, не без гордости произнес Нисон. — И богатыри были свои.

— Но больше среди наших были мирные, спокойные люди. Они жили в постоянном страхе. За себя, за семью, — продолжил свой неторопливый рассказ Гаврил. — Но сколько можно было терпеть? И стали тогда евреи перемещаться с места на место в поисках спасения. Вот тогда-то часть евреев задумалась: «А не спуститься ли на равнину, освоить новые места?» Этот край, — и Гаврил взмахнул своей палкой и обвел воображаемое пространство над площадью, — был диким лесом. Место понравилось. Еще бы: лес, река, недалеко море. Получили разрешение у Дербентских властей на строительство нового села. И

стали обустраиваться. Вырубили часть леса, переехали целыми семьями на подводах... А место оказалось благодатным: и ягоды, и рыба, и фрукты, и недалеко трасса, ведущая на Дербент... И главное — чистейший воздух! Все бы ничего, но бандиты и сюда дошли. Не часто они появлялись, но все же, нет-нет, да шастали по нашему лесу. В село они не лезли — боялись. Да чего я вам об этом говорю? Вы сами об этом прекрасно знаете... Но одно скажу: все наши евреи, до сих пор продолжающие жить в горных селах, завидуют нам!

— Еще бы! Ведь оказался наш край райским уголком! — с восхищением подтвердил Авраам.

— Так что и равнина имеет свое преимущество, — добавил Нисон.

— А потом наши шюкюрцы стали переезжать в Дербент, — то ли спросил, то ли проконстатировал факт Авраам.

— Одними из первых, кто из горских евреев переехали в Дербент, были именно шюкюрцы, чтобы вы знали, — многозначительно подчеркнул Гаврил. — Братья Зарбаиловы, предприимчивыми оказались ребятами. Они потом стали купцами, отстроили целые улицы в Дербенте, занялись рыбным промыслом, виноградарством и виноделием, недвижимостью... Это они потом стали приглашать шюкюрцев к себе на работу. И между прочим, и о своем селе не забывали: помогали чем могли, — заключил Гаврил. А потом вспомнив, что и Нисон по материнской линии Зарбаилов, добавил: — Ты, дорогой Нисон, тоже их родственник.

— Да, это моя большая родня. Советская власть сделала их нищими, — тяжело вздохнув, пожаловался Нисон.

— Да, это так, но я скажу, дорогие мои друзья, что если бы не установили Советскую власть, горским евреям пришел бы конец. Легче и безопаснее стало нам жить, — не глядя на собеседников, будто сам с собой говорил Гаврил. — Она спасла нас, скажу правду, от истребления, бандитизма, защитила нас.

— Что правда, то правда, — подтвердил Авраам. — И школу открыли в Шюкюре, и свой медпункт, и клуб... Что там говорить, жизнь намного шагнула вперед. Но Советская власть, как помогла нам выжить, так в лице Сталина и вызвала к нам общую ненависть, — страстно заключил он.

— Советской власти уже 40 лет, а диких выходок у нас еще хватает, — сделал печальное умозаключение Нисон. — Нравы какие были сто лет назад, такими и остались доныне. Разве не из-за этих диких

обычаев безвинно пострадает теперь девушка Бетсиин? — с горечью заключил он. — Навесят на нее ярлык грешницы — и все.

— А ведь не зря евреи из соседних районов смеются над нами, — весело, беззубо хихикая, вспомнил Гаврил. — И толстокожими, и твердолобыми, и безалаберными, и жестокосердными, — как только нас не называют? А еще и упрямыми признают нас. Слава богу, хоть жадными и придурковатыми не считают, ха-ха-ха. Вот черти.

— А вообще-то они во многом правы, — признал Нисон. — Что, разве не так?

— И про арагских, и про джарагских, и про табасаранских, и про других можно столько же отрицательного сказать. Арагские — жадные, джарагские — упрямые... А продажные, завистливые карчагцы? Они за деньги родную мать продадут. О-о-о, — агрессивно заключил Авраам.

— Друзья, к нам направляется секретарь сельсовета Нахшун, — резко прервал разговор Нисон. — К чему бы это? Прежде за ним такое не водилось. Прежде, если ему надо было посоветоваться, он приглашал нас к себе в кабинет... К чему бы это?

— Доброе утро, аксакалы, — поздоровался Нахшун, пожав каждому из них руку.

— Доброе, доброе, дорогой Нахшун, — прошамкал Гаврил.

Старики, потеснившись на лавочке, дали место Нахшуну. Тот сел между Нисоном и Гаврилом — так было положено — между самыми старшими.

— Я чего, многоуважаемые старцы, — начал, не торопясь, Нахшун. — Хочу посоветоваться с вами.

— Говори, сын мой, — разрешил старый Гаврил.

— То, что произошло в селе, вы раньше других знаете. И знаете в подробностях. — Он замялся и посмотрел на каждого из них, чтобы убедиться, знают ли они в действительности это дело в подробностях. Поняв, что не совсем подробно знают, добавил. — Пошла девушка одна на пляж. За ней последовал, откуда ни возьмись, проходимец Ирмиё. Девушка вошла в воду, а когда выходила, ей навстречу голый Ирмиё. У девушки от неожиданности и от этого его вида произошло психическое потрясение. А он, воспользовавшись ее бессилием, фактически изнасиловал Бетсиин. — Нахшун сделал паузу. Задумался. Посмотрел на стариков, что, мол, скажете. Затем, видя, что они пока молчат, продолжил. — Легко нашить ярлык грешницы, когда девушка ни в чем не

повинна. Приходил вчера Гемриил. Просил уладить это дело. Говорит, что предлагает ей выйти за Ирмиё замуж... Вы, наверное, знаете, как эта девушка ненавидит этого проходимца. — Он сделал паузу, потом с горечью произнес. — Жаль девушку. Жаль Миира и Дедейхуне. Хорошие люди. Как быть, даже не знаю. С одной стороны, Ирмиё надо взять под стражу, с другой стороны, Миир и Дедейхуне не подают в милицию заявление. А потом из-за негодяя может достаться и мне. — Объявят мне строгий выговор. К тому же Бетсиин еще и несовершеннолетняя. Представляете: у меня под носом в селе произошел такой позорный факт. Всех нас осрамил этот негодяй. Как быть, ума не приложу. Хуже того, Миир и Дедейхуне могут покинуть родное село... Что посоветуете, дорогие мои?

Старики почесывали и приглаживали свои бороды. Они думали. Молчал и Нахшун, с нетерпением ожидая их совета.

— Вот что, сынок, я тебе скажу, — начал Гаврил. — Какие только страшные истории у нас ни происходили! И чужие насиловали наших женщин, и свои негодяи... Но такого случая... Жалко девочку... Она виновата только в том ,что решилась одна сходить на речку. Но за это не судят. Надо народу честно рассказать о случившемся, чтобы не было кривотолков, и обвинить Ирмиё. И снять с девушки клеймо грешницы. Вот и все, что я хотел тебе сказать, сынок. Это будет по справедливости. Правда, девушке от этого легче не будет: у нее забрали девичью честь...

— Ничего, она девушка красивая, умная и удачно выйдет замуж, — вставил Нисон.

Нахшун выслушал старика Гаврила и, оставшись довольным его советом, посмотрел на других стариков, не добавят ли они чего-нибудь. Но они, видимо, согласившись с мнением Гаврила, молчали.

Нахшун встал. Пожал каждому из них руку, пожелал им ста лет жизни и со спокойным сердцем направился к себе в контору.

* * *

Тяжкие дни выпали на долю Бетсиин. Поначалу после нервного шока она еще не до конца уяснила, что с ней произошло. Лишь сейчас у дяди дома в спокойной обстановке она осознала весь ужас случившегося с ней позора. «Скоро весть об этом и сюда дойдет, если уже не дошла», — не переставала Бетсиин терзать себя вот уже второй день,

роняя слезы. «Надо уехать и отсюда. Сначала в Махачкалу. Пойти на консервный завод. Не понравится — на Украину, подальше, чтобы сплетни не преследовали меня», — рассуждала она, продолжая стенать.

Но девушка еще не знала, какие трудности поджидают ее впереди. «Путь к счастью всегда тернист», — вспомнила она известное изречение. И готова была преодолевать все преграды на своем пути. «Дорогу осилит идущий», — и этот известный афоризм был знаком ей, романтику по натуре. И она готова была ради достижения цели вытерпеть все невзгоды и стать эпидемиологом! Случай у родной реки и ожесточил ее сердце, и укрепил его. Поставив перед собой задачу — стать врачом, Бетсиин вдохновляло то, что ее родное село дало много поэтов, писателей, ученых. «Такой райский, романтический уголок не мог не родить таких славных земляков! — успокоившись, вытирая слезы кулачком, радостно рассуждала она. — После этого пойди и разберись, все ли шюкюрцы были безмозглыми и толстокожими». Ни огорчения, ни оскорбления не мешали Бетсиин продолжать любить свое родное село, свой чудесный уголок. «Шюкюрцы у меня добрые, талантливые, трудолюбивые, хотя немного и наивные, — думала она нежно о своих земляках. — А негодяи среди каждого народа есть!» — успокаивала она себя. Вспомнила Бетсиин, как однажды после очередной вспышки инфекционных заболеваний врач из районной санэпидемстанции сказала секретарю сельсовета: «Во-первых, в селе нужны свои лаборантки, которые периодически могли бы брать пробы на воду, на молочные продукты и направлять их на анализы в Дербент. Во-вторых, неплохо было бы иметь одного своего санитарного врача, который мог бы следить за санитарным состоянием в селе... Врач мог бы и оперативно лечить людей с кишечными заболеваниями».

«Вот потому-то Тирисо и хочет попасть в медучилище, — вспомнила Бетсиин о своей подруге. — Э-эх, если бы она в тот день не уехала в Дербент, всего этого не случилось бы со мной, — тяжко вздохнув, с досадой подумала она. — Кстати, у кого же она остановилась? Нет, пока не буду ее искать. А то придется все ей рассказывать в подробностях. У меня на это сил нет. Потом... Успею...»

Утомившись от дум и переживаний, Бетсиин незаметно заснет ненадолго. А через 2–3 часа, проснувшись, вновь пустится в горькие рассуждения: «Даже когда окончу институт, мне ведь обратного пути в Шюкюр нет!» — ужаснулась она такому неожиданному для себя от-

крытию. Такая предательская мысль к ней раньше и не приходила. «Странно, но я о таком повороте дела и не гадала, — с тревогой подумала она. — Так зачем же я тогда хочу стать эпидемиологом? — не понимала она. — Для себя? Для науки? Для других? Что ж, в любом случае это нужно!» — убедила она себя.

Бетсиин ждала родителей, которые должны были вот-вот приехать. Они хотели провести ее на вокзал, а затем заняться вопросом переезда в Дербент на постоянное местожительство. Дальше оставаться в родном селе они просто не могли. Это была бы не жизнь, а сплошная мука. Видеть каждый день укоряющие взгляды сельчан, слышать оскорбительные замечания некоторых из них — все это отняло бы у них последние силы. Они понимали, что жизнь и в Дербенте, где проживало более тысячи шюкюрцев, тоже будет не сладкой: информация о случившемся с их дочерью, без сомнения, уже до них дошла. И все же.

А пока Бетсиин сидела у окна в дядином доме, обхватив голову руками и думала о дальнейшей своей судьбе. Вперемешку размышляла обо всем понемногу. Мысли в голову приходили беспорядочно. И о чем бы она ни думала, все равно невольно возвращалась к событию того проклятого дня. «Как же он выследил меня? Вроде бы вокруг никого не было. Что за наваждение? Неужели я в задумчивости и не заметила, как он, увидев меня на улице, проследовал за мной? Видя, что я направляюсь к реке, наверное, подумал, что я иду к кому-нибудь на свидание. Откуда ему, тупому болвану, было знать, что я отправляюсь туда в поисках одиночества... Негодяй, пройдоха! Это мне еще повезло, что мои родители не устроили мне скандала! Не упрекнули, не закатили истерики».

По рассказам старших шюкюрцев знала Бетсиин, какие прежде акции совершали сельчане с девушками, женщинами, позволявшими себе всякие вольности. Прежде таких забивали камнями, выгоняли с позором из села, топили в море. Шюкюрцы считали, что если девушку или женщину изнасиловали, то она должна была, дабы смыть с себя позор, не важно, виновна она или нет, или утопиться, или исчезнуть из села, или, самое страшное, сжечь себя. Особенно популярным был акт самосожжения. Выходила «запятнанная» женщина или девушка на площадь, обливала себя керосином и зажигала спичку. И никто не спасал такую — настолько жестокосердными, толстокожими были шюкюрцы. Да, диких обычаев, нравов у сельчан хватало. Таковы были

морально-нравственные устои горских евреев. Продержались они вплоть до пятидесятых годов. Принято было считать, что девушка или женщина, совершившая грех, подает дурной пример остальным девушкам и женщинам.

Жизнь села протекала у всех на виду, как на ладони. Здесь все обо всем знали. Если в одном конце села шептались о чем-то, то на другом его конце уже знали о содержании того разговора. Причем, новость, как правило, обрастала новыми фактами. Фантазия у шюкюрцев была сильно развита.

Таковы были неписаные законы горских евреев. Бетсиин считала, что ей еще повезло, потому что родители не вынудили ее применить над собой насилие, а решили сразу отправить ее в Дербент подальше от глаз людских. Такое решение и спасло жизнь Бетсиин. Случись этот позор лет десять-пятнадцать назад, не избежать бы ей самосожжения — этого проявления религиозного фанатизма. Раз ты опозорена — исчезни из жизни! И неважно, виновна ты или нет. Для толстокожих и упрямых шюкюрцев это не играло никакого значения. Благо, сейчас было другое время, были другие порядки. «И хорошо, что родители решились переехать сюда», — слегка успокоившись, рассудила она.

Отец Бетсиин Миир Ханукаев, который надумал переехать в Дербент, был не первым, кто переселялся в древний город. До него миграция туда началась давно. Особенно активно горские евреи стали спускаться в Дербент после того, как одними из первых здесь появились оставшиеся в живых жители села Аба-Сово, которые, спасаясь от набегов бандитских отрядов, всем селом направились в Дербент, где вскоре после них собралось более десяти тысяч евреев. А если учесть, что здесь в конце пятидесятых годов проживало 30 тысяч азербайджанцев, армян, русских и евреев, то это по меркам того времени был большой город. Вот почему непривычная городская жизнь слегка давила на новых переселенцев. Первые два-три года шюкюрцы вели себя как в своем родном селе: громко разговаривали, как будто все глухие, спорили, где нужно и не нужно, старались общаться только со своими земляками, выдавали своих девушек только за «своих» и сыновей женили только на «своих». Это уже чуть позже образуются «смешанные» браки, когда шюкюрцы в основном растворятся среди остальных горских евреев — выходцев из других районов.

Почему шюкюрцы мигрировали в Дербент? Почему они покидали свое родное село, свой райский уголок? Причин этому оказалось много. Во-первых, не имея работы в родном селе, многие мужчины, как это было ни стыдно, торговали на дербентских рынках. Но что это были за заработки? Один позор — и все. Во-вторых, после того, как их земляки, братья Зарбаиловы, твердо и крепко обосновались в Дербенте, занялись рыбным промыслом, виноделием, торговлей красящими веществами, они стали приглашать своих близких и родственников к себе на работу.

А что происходило в это время с Ирмиё? Он безвылазно сидел дома в страхе и думал, что вот-вот придут за ним и заберут в милицию. О том, что говорили в селе и что там сейчас происходит, сообщал ему вечером отец. Он вспомнил, как однажды отец попросил его жениться: «Тебе уже 20. Пора». — «Мне нравится только Бетсиин, дочь Миира, — заявил он тогда твердо. Но она меня, стерва такая, терпеть не может и не обращает на меня никакого внимания», — кисло добавил он. «Пусть спасибо скажет, сучья дочь, — грубо выкрикнул тогда бывший председатель колхоза Гемриил. — Изнасилуй ее и никуда она не денется! — посоветовал сыну озверевший от ярости Гемриил. — Обмани, обхитри, выследи! — приказывал он сынубалбесу. — И твои приятели-бездельники знают о том, что она не хочет тебя признавать? Позор, какой позор! — не дождавшись ответа сына, заключил он. — Нет, надо что-нибудь придумать! — в бешенстве, вышагивая по комнате, рассуждал «бывший», привыкший добиваться в своей жизни всего, чего захочет. — Чтобы кто-нибудь ослушался меня!?»

Вот тогда Ирмиё и решил дождаться своего часа. И вот — о, везение! — случайно завидев Бетсиин, которая в задумчивости куда-то направлялась, он и проследил за ней. Но как он был поражен, когда Бетсиин, дойдя до окраины села, вдруг повернула к реке. Она смело вошла в лес и зашагала по тропке, ведущей к пляжу. «Неужели она идет на свидание?! — подумал он, обескураженный. — Как бы потом не досталось мне... Но с кем она могла встречаться? — недоумевал он. — Надо было на всякий случай взять с собой дружка Имту».

Он, увлекшись своей «охотой», продолжал идти за Бетсиин. Как только они миновали участочек леса, перед Ирмиё открылась прибрежная панорама. Он, никогда и ничего не интересовавшийся, не увле-

кавшийся, даже не придал значения красоте летнего, божественного, благоухающего края, не услышал птичьих голосов, не почувствовал свежего речного и лесного дыхания. Не дано было все это ему.

На берегу никого не оказалось. Обычно сюда народ ходил лишь к вечеру, когда спадала жара. А сейчас здесь не было ни души. «Так кто же должен к ней прийти? — пожимал он в догадках плечами. — Неужели она пришла раньше времени?»

Бетсиин устроилась на берегу, прижалась лицом к коленям и задумалась. «Так все-таки сначала пойти на работу, а потом — в институт? — размышляла девушка, наслаждаясь своим одиночеством. — А в какой институт податься? В Дагестанский, Краснодарский? Где будет легче пройти по конкурсу? Пойди и угадай. Хватит ли мне моих знаний, полученных в школе?» Сомнения мучили ее.

А Ирмиё, тем временем притаившийся за кустами, был страшно удивлен: прошло полчаса, а никто к Бетсиин не идет! «Неужели она притащилась сюда просто так? Что за чокнутая девушка! — недоумевал он. — Может, подойти к ней?» — и он тряхнул головой от мысли, что та может поднять вой — ведь недалеко жили две лезгинские семьи, которые охраняли лес. И он испугался. Решил немного потерпеть. От злости он так сильно ударил кулаком по кустарнику, что от хруста веток сам встрепенулся. Бетсиин, услышав шорох, резко подняла голову, осмотрелась и, никого не увидев, успокоилась.

Вдруг — о, ужас! — Бетсиин разделась догола, потянулась в свое удовольствие и зашагала к реке. Ирмиё обомлел. Кровь резко ударила в голову. «Какая красивая! Какая изумительная фигура! А какие бедра! Какие ноги!» — лепетал он. Продолжая восхищаться увиденным, он машинально, медленно, стал стягивать с себя штаны, еще не понимая, для чего он это делает.

Тем временем Бетсиин вошла в воду, побрызгала на себя водички, покувыркалась на месте, понаблюдала за образовавшейся рябью и с улыбкой, довольная и счастливая, пустилась вплавь. Где-то среди реки она, уставшая, остановилась: решила вернуться назад. Вдруг ей стало страшно от мысли, что она здесь одна. «А если кто-нибудь появится? Вот дура, еще и голая влезла...» — в беспокойстве подумала она.

И только она ступила на берег, как увидела, что к ней навстречу идет... голый Ирмиё. Оторопь охватила красавицу Бетсиин. В глазах у нее помутнело. Она обмякла, ослабла. Ноги налились свинцом. В гла-

зах зарябило. Как искра сверкнула в голове мысль, что она будет не способна сопротивляться. И что он сейчас ее обесчестит... Она как стояла, так и продолжала стоять как вкопанная. Она находилась в состоянии оцепенения.

Тем временем Ирмиё медленно, как хищник, подбирался к своей жертве. Приблизившись к Бетсиин, он, весь дрожа от волнения (куда-то сразу улетучилась хмель), прижался к девушке и стал жадно и похотливо целовать ее. Она же не могла ни сдвинуться, ни сопротивляться. Ей в эту минуту было как-то все безразлично. Ирмиё взял голую Бетсиин на руки, как бревно, перенес ее на песок, лег на нее, раздвинул ее ноги и вошел в нее... Когда же он встал, то заметил под ней кровь. Он понял, что она уже не девственница...

Бетсиин продолжала лежать на берегу с открытыми глазами. Она тупо смотрела в небо. Она не подавала признаков жизни. Ирмиё перепугался, быстро оделся, набрал в ладони воды, побрызгал ей в лицо. И когда девушка заморгала глазами, он слегка похлопал ее по щекам, чтобы привести в чувство. Он успокоился лишь когда она встала. Он стоял молча, еще не понимая, радоваться ему или страшиться содеянного.

Бетсиин, еле волоча ногами, медленно вошла в реку, постояла там и так же медленно вышла на берег. Оделась, тупо всмотрелась в лицо своего насильника. Ее взгляд как бы говорил: «Что ж ты, гад, наделал?» Он понял, что она хотела сказать и решил успокоить ее: «Не переживай. Я женюсь на тебе. Я тебя люблю. Так что ты не волнуйся».

Она с распущенными волосами, продолжая покачиваться из стороны в сторону, направилась в сторону села. Ирмиё, боясь, как бы она чего с горя не натворила с собой, следовал за ней на расстоянии.

Бетсиин, вспомнив, что у нее распущены волосы, остановилась, решила собрать их в пучок, но у нее ничего не получилось: дрожали руки и не было сил держать их на весу. Она знала, что когда у женщины волосы распущены беспорядочно, то это означало, что в ее семье произошел несчастный случай.

При входе в село Ирмиё сразу исчез. Он с трудом добрался домой. Он был в страшном состоянии. Только по дороге домой сообразил он, чем грозит ему его поступок. Вот почему, когда он вошел в дом, резко и грубо бросил отцу:

— Вот ты приказал мне, и я ее изнасиловал, — кричал он отцу. — Это твоя затея была... Твоя!

— Она честная оказалась? — не придав значения выкрикам сына, нисколько не смутившись, перебил он своего отпрыска.

— Хочешь, поведу тебя на пляж и покажу... — истерично вопил Ирмиё.

— Ну, как она? Ничего? — выжав из себя улыбку, цинично поинтересовался Гемриил.

— Хороша, отец! Хороша! — орал Ирмиё в ответ.

— Ну, тогда женимся — и весь разговор, — стал он успокаивать сына.

— Я ж тебе говорил, что она ненавидит меня!

— Никуда она не денется. Завтра же попрошу секретаря сельсовета стать посредником. Правда, придется подсунуть ему определенную сумму, но ничего.

* * *

Сидела несчастная Бетсиин у окна дядиного дома в Дербенте и думала свои горькие думы. Тяжелыми были они, печальными и грустными. В тот день она еле дотащилась домой, рассказала матери о случившемся. Мать — в плач. Стала бить себя по голове, по груди. Потом сквозь рыдания заявила:

— Должен жениться. Такой у нас закон!

— Ненавижу я его, мама. Пойми ты, — плача навзрыд, сквозь всхлипывания причитала Бетсиин. — Не нужен он мне.

— Что будем делать, доченька? Мы же опозорены... Не уберегла ты свою честь, — обняв дочь, сквозь слезы вопрошала мать.

— Уеду я, мама. Сначала в Дербент. Потом в Махачкалу или еще дальше.

...Так она и оказалась у дяди в Дербенте. Приехали родители, купили ей чемоданчик и кое-что из одежды. После коротких наставлений родители провели Бетсиин на вокзал и, когда прозвучал последний удар колокольчика, попрощались с дочерью и вернулись к брату Хизгиё. Тут только Дедейхуне вновь дала волю своим слезам. Миир, стараясь успокоить жену, приговаривал: «Успокойся. Все образуется. Все будет хорошо. Она девочка умная. Выйдет удачно замуж». Видя, что его слова не утешают жену, Миир добавил: «Подожди, еще бабушкой будешь. Вернется твоя дочь врачом. Обязательно! Поверь мне!»

В Махачкале Бетсиин остановилась у дальних родственников отца. Они знали Бетсиин, потому что, приезжая в гости в Шюкюр, Миир всегда приглашал их к себе домой.

Назавтра она с дочерью хозяев направилась в отдел кадров консервного завода. Ее взяли на работу без проблем, предоставили место в общежитии. Кто не был в конце пятидесятых годов в подобных общежитиях, тот не может представить себе весь ужас жизни в них. Пяти— и шестиместные комнаты, коридорная система, две душевые и два туалета на сто человек... А что происходило здесь по вечерам, в субботние и воскресные дни?! На завод женщины приходили не от хорошей жизни. А мизерная зарплата заставляла рабочих красть продукты производства, заводить знакомства со всякого рода ворами, бандитами, падкими до женских юбок. Попадали сюда и молоденькие девушки, и женщины из малообеспеченных семей, которые по разным причинам бросили учебу в школе, развелись с мужьями. Многие из них становились на путь разврата. Они приводили в общежитие «гостей», заранее попросив соседок по комнате уйти на время погулять. Такие «гости» затем приводили с собой других «гостей». И устраивались тут такие пьяные и сексуальные оргии, что порядочным девушкам или женщинам в пору было убежать отсюда. Все бы ничего, но распутницы не оставляли в покое своих порядочных соседок-недотрог. Одна из потаскух, соседка Бетсиин, постоянно требовала от нее принять участие в их кутежах.

— Дура, Магомед богатый парень, а ты ломаешься, — «уговаривала» Бетсиин ее соседка. — Он влюбился в тебя. Может быть, он даже женится на тебе. Знаешь, что он сказал: «Полжизни отдам, чтобы переспать с этой красавицей-евреечкой!» Он тебя оденет, обует, купит тебе кольца, серьги... Ты только отдайся ему — и все будет в порядке.

Романтичная сельская девушка, совсем недавно перенесшая горе личного порядка, не знала, как избежать таких приставаний. «Конечно, надо убежать отсюда. Но куда?» — терзала она себя подобными вопросами.

Вернуться в Дербент она уже не хотела. А уехать в другой город она боялась.

«Милая мама! — мысленно писала она матери письмо. — Чем я грешна перед богом? Зачем он меня так безжалостно наказывает? Тяжело мне здесь. Очень тяжело. Меня хотят впутать в бесчестную жизнь.

Я не сдамся! Но каждый день чувствовать на себе давление, видеть, чем соседки по комнате занимаются, я уже не в силах. Не знаю, куда податься?»

Выплакав все слезы, она наконец пришла в отдел кадров с заявлением об уходе.

— Не выдержала, милая? — сочувственно спросила начальница. — Тут так: или увязни в проституции, или убирайся вон! Жестокие правила игры здесь. К нам в основном одни разгульные девки и поступают. Ты об этом не знала? Ты ж видела, чем они занимаются? А, милая, видела бы ты, в каких позах они отдаются прямо в цехах, на складах! И это наши кумычки, аварки, лезгинки, лачки, татки...

Посмотрев на заплаканное лицо девушки, кадровичка спросила:

— Куда ты теперь отправишься?

— Не знаю, — ответила Бетсиин.

— Удачи тебе, девочка! Видно, ты не из таких. И слава богу!

Взяв трудовую книжку с первой в ней записью, Бетсиин на один день попросилась ночевать у родственников. А назавтра купила билет до Харькова. «Неужто и там я встречусь с подобными явлениями? — в страхе подумала она. — Неужели из одного вонючего места я попаду в другое болото?»

В вагоне она, уставшая, утомленная от дум и переживаний, забралась на свою верхнюю полку и всмотрелась в окно. Не заметила, как заснула. Проснулась рано утром. Пошла в туалет. Умылась, привела себя в порядок. Вернулась в купе, хотела присесть на краешек нижней полки, но не позволила себе этого — хозяином места был мужчина. И она поневоле поднялась на свое место. Легла на живот и вновь всмотрелась в окно, за которым проплывали поселки, станицы, поля... Память вновь мысленно вернула ее в родное село. Она четко представила себе шюкюрский благоухающий лес. Вспомнила, как в детские годы отец брал ее с собой, когда с друзьями направлялся в лес на сбор ягод. Он давал ей лукошко и просил собирать ягоды, при этом серьезно предупреждал далеко не уходить. И она, наслышанная обо всех страшных событиях, происходивших в этом лесу, собирала ягоды и часто посматривала в сторону отца и его друзей, стараясь не потерять их из виду. «А когда выросла, — рассуждала теперь Бетсиин, — то ли этот страх притупился, то ли верх взял душевный подъем, связанный с окончанием школы и с мечтой о поступлении в институт. Позабыв обо

всем на свете, одна потянулась к этому лесу, будто кто тянул меня туда магнитом».

Вспомнила, и опять тревога охватила ее. Чувствуя, что не сможет сдержать стенания, она, чтобы не привлекать к себе внимания соседей по купе, быстро соскочила вниз и выбежала в тамбур. Тут только она дала волю своим слезам. Она плакала, судорожно вздыхая. И казалось, этому состоянию не будет конца. Неожиданно в тамбуре появилась проводница с веником и, не глядя на нее, прикрикнула.

— А ну-ка, милашка, посторонись, мне надо подмести здесь.

Видя, что «милашка» прижалась к двери вагона и вздрагивает, к тому же и не слышит ее, проводница постучала по спине девушки пальцем. Когда Бетсиин, вздрогнув, повернулась к ней со слезами на глазах, та, ничего не понимая, смягчившись, жалостливо спросила:

— Что-нибудь случилось, милашка?

Вместо ответа Бетсиин покачала головой.

— Может, кто обидел?

— Нет, нет, — слабым голосом ответила Бетсиин.

— Вспомнила что-нибудь тяжелое? — не отставала проводница. — Ничего, ты еще совсем молоденькая, все пройдет.

Бетсиин вошла в туалет, умылась и, вытерев лицо платочком, вернулась в купе. Она поднялась на свою полку и, утомленная от нервного напряжения, сразу заснула. Сколько она спала, не помнит. Проснулась лишь когда услышала громкий голос проводницы:

— Кому Харьков, готовьтесь. Через полчаса прибываем.

«Где же я остановлюсь? — вновь мысленно содрогнулась она. — Куда же мне отправиться? Может, спросить, как пройти на какой-нибудь завод, который располагает своим общежитием?»

Она быстро собрала свой чемодан и, попрощавшись с пассажирами, с которыми за всю дорогу даже не перекинулась словечком, да и не до этого было ей, и вышла в тамбур. С дрожью в теле, она все думала о том, как, у кого спросить, куда ей идти... Ничего не придумав, она от бессилия, безысходности вновь глухо застонала.

В тамбуре вновь появилась проводница, чтобы протереть ручки дверей тряпкой. Она хотела было проворчать, что ж ты, моя милашка, так рано выскочила, но, увидев, что девушка опять вся дрожит и плачет, пожалела ее и спросила:

— Ты чего? Опять плачешь?

— Нее-ет, — тихо ответила Бетсиин и стала платочком вытирать слезы.

— Да что же у тебя такое стряслось? — мягко спросила проводница, оказавшаяся сердобольной и доброй женщиной. — Ты расскажи, милашка, расскажи, легче будет. — Ты, может быть, из дому убежала?

И Бетсиин вынужденно объяснила проводнице, что впервые едет в чужой город, что она мечтает поступить в медицинский институт, что ей надо будет пока устроиться на работу и что она даже не знает, где и у кого остановиться.

— Что же ты, милашка, так рискованно. Ведь город-то громадный, затеряться можно. Здесь всякое случается. — А потом, подумав сказала. — Ты знаешь что? — протирая тряпкой ручки дверей, она вдруг остановилась и внимательно заглянула в красивые заплаканные миндалевидные карие глаза девушки. — Вижу я, ты девушка порядочная и умная. Сейчас ко мне придет моя родная сестра. Она живет в Харькове. Я попрошу ее взять тебя к себе. Ну, устроишься на работу, подзаработаешь немного денег и будешь платить ей за проживание. Ты не волнуйся, она у тебя много просить не будет. Нет! Она не такая. Она живет одна. Ей еще помогает сын-офицер. Он с женой живет в Киеве. Ей с тобой не будет тоскливо. Так что, ты ей поможешь, а она — тебе, — улыбаясь, рассудила проводница, довольная своим решением.

Бетсиин слушала и ушам своим не верила. От радости, от предстоящей удачи она, разволновавшись, резко обняла проводницу, поцеловала ее и прижалась к ней.

— Аккуратно, аккуратно, а то у меня руки вон какие грязные, — весело предупредила проводница. Потом добавила. — Марией Федоровной ее зовут, — пояснила она. — А я Анна Федоровна. Я живу под Москвой.

Поезд сбавил скорость. Вскоре заскрипели тормоза, и поезд остановился.

— Вот и она! — обрадовалась Анна Федоровна, приметив на перроне сестру. — Давай, чтобы не мешать пассажирам, сразу выйдем на платформу. — Добрый день, сестренка, — обняла она сестру. — Я тебе сразу два подарка привезла, — целуя сестру, весело защебетала Анна Федоровна. — Один подарок в вагоне. Сейчас вынесу. Другой — вот, — и она торжественно указала рукой на Бетсиин.

Анна Федоровна объяснила ситуацию с Бетсиин, затем оставила их вдвоем и побежала к вагону. Вскоре вернулась с плетеной корзиной, наполненной фруктами и рыбой.

— О-о, рыбка! Моя любимая вобла! — она поднесла к носу огромную воблу, понюхала, закатив от удовольствия глаза, а корзинку попросила подержать смуглянку, которую представила ей сестра.

— Ну, Анна, спасибо, родная, за оба подарка! — и она опять бросилась целовать Анну. — В Ростове взяла? Ну, ясненько.

Со слезами в глазах махала радостно Бетсиин рукой Анне Федоровне, стоящей у открытых дверей вагона. Она была благодарна судьбе за случайную встречу с этой замечательной женщиной.

— Ты подержишь корзинку? — спросила Мария Федоровна, заглядывая в мокрые от слез глаза девушки. — Тебе не тяжело будет, а то и чемодан, и корзинка...

— Нет, нет, что вы, — отстранила она руку Марии Федоровны. — Да я с удовольствием.

Радости Бетсиин не будет конца, когда Мария Федоровна скажет, что она живет совсем рядом с медицинским институтом.

— А это наша самая большая городская аптека, — показала она на двухэтажное здание.

«А что если я в аптеку устроюсь? — вдруг пришла Бетсиин мысль. — И рядом, и с медициной связано...»

Она решила по этому поводу позже посоветоваться с Марией Федоровной.

— Бетси — это еврейское имя, — с улыбкой пояснила хозяйка. Заметив некоторое смущение на лице Бетсиин. Заметив некоторое смущение на лице Бетси, хозяйка добавила: — Да ты не волнуйся... — обескуражила девушку Мария Федоровна. — Не волнуйся, милая, у меня все приятели — евреи. Я в этом вопросе интернационалистка. А ты кем пишешься в паспорте?

— Таткой, — робко ответила Бетсиин.

— Ну, так и оставайся своей таткой! Поняла? — сразу взяла в свои руки бразды воспитания Мария Федоровна. — Во всем советуйся со мной, доченька. Ты ведь раньше в городах не жила.

— Я из своего села, кроме как в Дербент и Махачкалу, никуда не выезжала.

— Располагайся, — весело попросила Мария Федоровна, когда вошли в квартиру. — Вот тебе отдельная комната. Тут спала раньше я.

Теперь я сплю в столовой комнате на диване. Там дальше комната сына, я там только пыль убираю. А ты живи в моей комнате. Живи, девочка, жалко что ли, — и она смахнула слезу. — Тоска ведь заедает меня. Одна ведь живу...

В комнате стоял письменный стол, книжный шкаф, кровать, небольшой комод. Бетсиин была в восторге! «Как мне повезло! — радовалась она. — Должно же было когда-то повезти мне! — думала она, все еще взволнованная от неожиданной удачи. — Вот если бы еще и на работу...»

Мария Федоровна вошла к ней в комнату и, увидев несколько растерянную от счастья девушку, обняла ее, постаралась успокоить.

— Давай располагаться. Все, все, хватит расстройств. Пойдем покажу где ванна, где что. — и она, взяв ее за руку, потащила за собой. — Сегодня же хорошенько искупаться. Ты ведь с дороги. А здесь, — и она показала на вешалку в коридоре, — мои вещи висят. Вот посмотри, совсем новое пальтишко. Оно мне, сама понимаешь, — и она показала на свою комплекцию. — Совсем новое. Носи. И никаких разговоров. Уж осень. На улице уже прохладно. Ладно, разберемся. Обустраивайся.

Бетсиин вошла в свою комнату, села за письменный стол и, не выдержав, вновь глухо застонала — нервы сдали. Подействовала доброта хозяйки, ее забота о ней. Она, оскорбленная и униженная, была вынуждена покинуть родное село, родителей и убежать от страшной жизни в общежитии консервного завода... И вдруг такая случайная удача в далеком Харькове. «Как я вообще рискнула выехать в другой город? — рассуждала она, охваченная необъяснимыми чувствами. — Представить страшно, что было бы со мной, не поинтересуйся проводница Анна Федоровна моим состоянием в вагоне».

Когда в дверь постучала Мария Федоровна, Бетсиин быстро вытерла слезы и поспешила сказать «да, да».

Вошла хозяйка, посмотрела на Бетсиин и, догадавшись, что она опять плакала, тихо и нежно произнесла:

— Ну что ж ты, дурочка, теперь будешь все время плакать? Будешь портить мне настроение? — и она обняла девушку за плечи. — Все будет хорошо. Все ведь обошлось? Иди в ванную, приведи себя в порядок, а потом поедим. Я вкусного борща приготовила. И вобла у нас есть! Спасибо сестре! Она у меня молодец! Как только она выезжает на юг, всегда привозит мне рыбу. Ты любишь рыбу?

Анна Федоровна объяснила ситуацию с Бетсиин, затем оставила их вдвоем и побежала к вагону. Вскоре вернулась с плетеной корзиной, наполненной фруктами и рыбой.

— О-о, рыбка! Моя любимая вобла! — она поднесла к носу огромную воблу, понюхала, закатив от удовольствия глаза, а корзинку попросила подержать смуглянку, которую представила ей сестра.

— Ну, Анна, спасибо, родная, за оба подарка! — и она опять бросилась целовать Анну. — В Ростове взяла? Ну, ясненько.

Со слезами в глазах махала радостно Бетсиин рукой Анне Федоровне, стоящей у открытых дверей вагона. Она была благодарна судьбе за случайную встречу с этой замечательной женщиной.

— Ты подержишь корзинку? — спросила Мария Федоровна, заглядывая в мокрые от слез глаза девушки. — Тебе не тяжело будет, а то и чемодан, и корзинка...

— Нет, нет, что вы, — отстранила она руку Марии Федоровны. — Да я с удовольствием.

Радости Бетсиин не будет конца, когда Мария Федоровна скажет, что она живет совсем рядом с медицинским институтом.

— А это наша самая большая городская аптека, — показала она на двухэтажное здание.

«А что если я в аптеку устроюсь? — вдруг пришла Бетсиин мысль. — И рядом, и с медициной связано...»

Она решила по этому поводу позже посоветоваться с Марией Федоровной.

— Бетси — это еврейское имя, — с улыбкой пояснила хозяйка. Заметив некоторое смущение на лице Бетсиин. Заметив некоторое смущение на лице Бетси, хозяйка добавила: — Да ты не волнуйся... — обескуражила девушку Мария Федоровна. — Не волнуйся, милая, у меня все приятели — евреи. Я в этом вопросе интернационалистка. А ты кем пишешься в паспорте?

— Таткой, — робко ответила Бетсиин.

— Ну, так и оставайся своей таткой! Поняла? — сразу взяла в свои руки бразды воспитания Мария Федоровна. — Во всем советуйся со мной, доченька. Ты ведь раньше в городах не жила.

— Я из своего села, кроме как в Дербент и Махачкалу, никуда не выезжала.

— Располагайся, — весело попросила Мария Федоровна, когда вошли в квартиру. — Вот тебе отдельная комната. Тут спала раньше я.

Теперь я сплю в столовой комнате на диване. Там дальше комната сына, я там только пыль убираю. А ты живи в моей комнате. Живи, девочка, жалко что ли, — и она смахнула слезу. — Тоска ведь заедает меня. Одна ведь живу...

В комнате стоял письменный стол, книжный шкаф, кровать, небольшой комод. Бетсиин была в восторге! «Как мне повезло! — радовалась она. — Должно же было когда-то повезти мне! — думала она, все еще взволнованная от неожиданной удачи. — Вот если бы еще и на работу...»

Мария Федоровна вошла к ней в комнату и, увидев несколько растерянную от счастья девушку, обняла ее, постаралась успокоить.

— Давай располагаться. Все, все, хватит расстройств. Пойдем покажу где ванна, где что. — и она, взяв ее за руку, потащила за собой. — Сегодня же хорошенько искупаться. Ты ведь с дороги. А здесь, — и она показала на вешалку в коридоре, — мои вещи висят. Вот посмотри, совсем новое пальтишко. Оно мне, сама понимаешь, — и она показала на свою комплекцию. — Совсем новое. Носи. И никаких разговоров. Уж осень. На улице уже прохладно. Ладно, разберемся. Обустраивайся.

Бетсиин вошла в свою комнату, села за письменный стол и, не выдержав, вновь глухо застонала — нервы сдали. Подействовала доброта хозяйки, ее забота о ней. Она, оскорбленная и униженная, была вынуждена покинуть родное село, родителей и убежать от страшной жизни в общежитии консервного завода... И вдруг такая случайная удача в далеком Харькове. «Как я вообще рискнула выехать в другой город? — рассуждала она, охваченная необъяснимыми чувствами. — Представить страшно, что было бы со мной, не поинтересуйся проводница Анна Федоровна моим состоянием в вагоне».

Когда в дверь постучала Мария Федоровна, Бетсиин быстро вытерла слезы и поспешила сказать «да, да».

Вошла хозяйка, посмотрела на Бетсиин и, догадавшись, что она опять плакала, тихо и нежно произнесла:

— Ну что ж ты, дурочка, теперь будешь все время плакать? Будешь портить мне настроение? — и она обняла девушку за плечи. — Все будет хорошо. Все ведь обошлось? Иди в ванную, приведи себя в порядок, а потом поедим. Я вкусного борща приготовила. И вобла у нас есть! Спасибо сестре! Она у меня молодец! Как только она выезжает на юг, всегда привозит мне рыбу. Ты любишь рыбу?

— О-о, еще как люблю! — сразу оживилась Бетсиин, и ее глаза сразу заискрились — она улыбалась. — У нас без рыбы вообще не садятся за стол.

— Вот и хорошо! — обрадовалась Мария Федоровна ее улыбке.

Когда Бетсиин вышла из ванной на кухню, Мария Федоровна в первый раз по-настоящему разглядела свою квартирантку. Перед ней стояла красавица: слегка смуглая, кареглазая, среднего роста, худенькая, с прекрасными бедрами и чудесными ножками, с густыми черными волосами. «Боже, да как же она хороша! — впервые присмотревшись к девушке, мысленно восхитилась Мария Федоровна.

— Как же ты хороша, милая! — не выдержав, уже вслух произнесла хозяйка квартиры.

Она притянула девушку к себе, поцеловала ее в лоб и нежно прошептала: «Счастья тебе, девочка!»

Бетсиин с удовольствием разделала огромную жирную воблу и при этом смачно облизывала жир с пальцев.

— У нас все сельчане только и питаются рыбой! — заявила Бетсиин, будто передала важное сообщение. — У нас и река текла под боком, и море — рядом с селом. Так что рыба сама лезла к нам, зная, что мы ее любим, — шутила она, развеселившись.

— Ожила. Ну, и слава богу! — вздохнула Мария Федоровна. — Ты знаешь, у меня хранится бутылка красного сухого вина. Может, по рюмочке? В честь нашей встречи. А?

— А давайте, — озорно поддержала Бетсиин предложение хозяйки. — Ведь в нашем селе женщины тоже в праздники выпивали сухого вина. Да у нас вокруг были одни виноградные плантации. Так что вина было ой-ёй-ёй!

Женщины так раскованно вели себя, так радовались встрече, так были довольны случившемуся, что было непонятно, кому из них больше повезло: или Марии Федоровне, приобретшей чудесную квартирантку, или Бетсиин, нашедшую прекрасную хозяйку.

Выпили, закусили. Прибрали за собой. Бетсиин вымыла посуду. Довольная и приятно расслабленная, она присела за кухонный стол — хозяйка заваривала чай. И пока Мария Федоровна занималась своим делом, слегка раскрасневшаяся Бетсиин, подперев подбородок кулачками, задумалась. Вновь мысленно вернулась в родное село, вспомнила ту злопамятную встречу на берегу реки с негодяем Ир-

миё, подумала о том, что теперь сельчане, наверное, ее считают грешницей. А еще сожалела она, что из-за нее отец и мать оказались вынужденными уехать из села. «Может быть, все это к лучшему! — подумала она. — Боже мой, а я, убегая от позора, оказалась в далеком большом городе! Может, так сама судьба распорядилась? А Тирисо я так и не увидела — не до нее было. Конечно же, она уже расслышала обо всем. Даже работая 2–3 месяца на консервном заводе, я ни разу даже в Дербент не съездила...»

— Ты опять чем-то озабочена, Бетси? — расставляя чашки для чая, спросила Мария Федоровна.

— Да так. Думаю обо всем понемногу, — постаралась как можно спокойнее ответить Бетсиин.

Разлив чай, Мария Федоровна, поудобнее расположившись за столиком, выразительно посмотрела на слегка удрученную девушку и попросила.

— Рассказала бы ты, Бетси, немного о себе. Почему тебя, такую юную, судьба забросила так далеко от родного села. Чувствую я, не так все это просто. Случилось у тебя что-то. Оттого часто и плачешь.

— Случилось, Мария Федоровна. Случилось, — тяжко вздохнув, размешивая ложечкой сахар в чашке, выдавила девушка.

— Так ты и расскажи. Легче будет, — посоветовала Мария Федоровна.

— Да, конечно, — согласилась Бетсиин. — Я все равно долго не смогла бы в себе держать все то, что накопилось за последние 3–4 месяца.

И Бетсиин, твердо уверенная, что теперь она в безопасности, что ей посчастливилось обрести у этой мудрой и доброй женщины покой и спокойствие, в подробностях рассказала все, что с нею приключилось за последнее время.

— Хорошие у тебя родители, вот что я тебе скажу, — сделала вывод Мария Федоровна. — Они поняли тебя, поддержали и, больше того, разрешили уехать так далеко. Молодцы они у тебя!

Бетсиин благодарно смотрела на свою спасительницу. Ей было у нее и уютно, и комфортно. На нее благотворно действовало состояние тишины, отдыха, отсутствие беспокойства.

— Милашка ты моя! Девочка, ты еще такая юная, что даже не представляешь, как будут по тебе, такой милой и красивой, с ума сходить парни!

— Да, но... — зарделась Бетсиин и осеклась. — Я не могу выйти замуж за парня другой национальности... Понимаю, что это дикость, но... я у родителей единственный ребенок и не могу сделать им еще раз больно, — извиняющимся голосом, с улыбкой в краешках губ, пролепетала она, думая, что хозяйка может обидеться на нее за такое откровение.

— Ну и хорошо. Слава богу, у нас в Харькове очень много евреев. У вас ведь неважно — горский еврей или европейский? — хитро поставила вопрос любознательная Мария Федоровна.

— Наверное, нет разницы, — пожав плечами, неуверенно ответила Бетсиин.

— Успокойся, Бетси. Я уверяю тебя, что все у тебя пойдет нормально. И муж будет, и институт ты окончишь... Ты еще всем своим сельчанам докажешь, кто ты такая!

— Захваливаете вы меня, Мария Федоровна, — весело пролепетала Бетсиин. — А знаете что? Можно я вас буду называть мама Мария? — неожиданно пришла ей в голову мысль. Сказала и испугалась. Вдруг это не понравится хозяйке.

— А что? Даже приятно. Я тебе разрешаю так ко мне обращаться, — обняв девушку за плечи, торжественно заявила Мария Федоровна. — Вот Аннушка, сестра, удивится!

Сидя на диване, Бетсиин еще долго рассказывала маме Марии о родном селе — райском уголке, — о нравах и обычаях шюкюрцев, о древнем Дербенте и седом Каспии, о кишечных заболеваниях, часто происходящих в Шюкюре, и о том, почему решила стать эпидемиологом.

— Да-а, как много интересного ты мне поведала. Ты еще многое вспомнишь про своих сельчан... Я с удовольствием буду слушать твои рассказы. А сейчас вот что скажи. Вы же в своем селе только на родном языке говорили?

— Да.

— Так где же ты научилась хорошо говорить на русском языке?

— В школе. У нас же занятия проходили на русском языке. Затем я много читала. Я люблю литературу 19 века. Потом я люблю радио слушать.

— А что с родным языком? Его не изучали?

— Папа рассказывал, что в первые годы Советской власти их учили читать и писать на родном языке. Мы все и сейчас говорим на сво-

ем татском языке, можем читать, потому что в основе нашей письменности заложен русский алфавит. Горстка писателей и несколько десятков человек умеют писать на нашем языке, а все остальное татское население нет.

— Не густо.

— Малочисленный народ — и никакого особого внимания к нему нет, — сердито заявила Бетсиин.

— Ладно, — устало сказала Мария Федоровна. — У тебя будет много времени — успеешь еще о многом рассказать. А теперь вот что я тебе предлагаю. До конца недели ты отдыхаешь. За это время я тебя познакомлю с городом. Поведу тебя к твоему институту. Без меня пока никуда. Поняла?

— Поняла, — согласилась Бетсиин.

— Вот, вот, а пока спать пора. Устала, небось, с дороги?

— Немного, — слукавила девушка. — А если честно, то напряженный день выдался.

— И я ж об этом.

«Надо будет срочно дать родителям телеграмму, — подумала Бетсиин, вспомнив о них. — И номер телефона, и адрес сообщить. Вот здорово, что у мамы Марии и телефон есть!»

Утром, позавтракав, они отправились в город.

— Всего-то октябрь, а уже холодновато, — посетовала на погоду Мария Федоровна. — Тебе надо теплее одеваться. Южанка — сразу заболеешь. Мне еще не хватало, чтобы после всего пережитого ты еще и заболела. Аннушка тогда задаст мне за тебя, — посмотрев на Бетсиин искоса и с хитрой улыбкой, созорничала Мария Федоровна.

Бетсиин, весело и благодарно воспринявшая совет мамы Марии, обняла ее за плечи и зашагала с ней рядом.

— Вот так теплее будет, — засмеялась Бетсиин.

— Вот он, видишь? — показала Мария Федоровна рукой на красивое, массивное здание, — Это и есть Харьковский медицинский институт. Сильный институт, скажу тебе! Много известных профессоров там работает. Вообще ты молодец, что избрала профессию врача!

Пока Мария Федоровна говорила, Бетсиин во все глаза смотрела на здание института. Сначала ей стало жутко и от его массивности, и от сообщения мамы Марии, что там много профессоров. «Как же я сюда попаду? — с некоторой тревогой на душе, подумала она. —

Наверное, тут такие конкурсы! Боже, помоги мне, дай мне силы и терпения!»

— Мама Мария, надо бы узнать, когда у них проводят День открытых дверей.

— Давай зайдем и сама обратись к какому-нибудь сотруднику и спроси.

Они вошли в фойе института и осмотрелись. Подошли к стендам, на которых висели всякие объявления.

— Да нет, — шепнула Мария Федоровна, — здесь не будет об этом. Надо будет спросить у кого-нибудь.

— Мама Мария, а что если мы пройдемся по зданию, — весело и озорно, но с некоторым волнением в голосе воскликнула Бетсиин.

Вдруг к ней резко обернулся солидный мужчина, который наклеивал на стенд свое объявление.

— Извините, девушка, вы случайно не поете? — мило улыбнувшись, спросил он и, не дождавшись ответа, добавил. — Какой у вас бархатистый голос! Вы никогда не пели?

— Пела, — в некотором замешательстве произнесла Бетсиин. — В школьном хоре пела. А что?

— И вас никуда больше не приглашали? — удивленно спросил мужчина.

— Нет, — так ничего не понимая, ответила Бетсиин. — Я же в сельской школе училась. Кто мог обо мне знать? — улыбнулась она, покраснев.

«И я сразу подумала, что у Бетси красивый голос», — мысленно подумала Мария Федоровна.

Она с интересом наблюдала за их диалогом и терпеливо ждала его завершения.

— Извините, а что вы у нас в институте делаете?

— Хочу узнать, когда вы будете проводить День открытых дверей, — робко пояснила Бетсиин, посмотрев на маму Марию.

— У вас есть аттестат? Вы хотите поступить в наш институт?

— Да, — зарделась она от неловкости.

— Знаете что, милая девушка, давайте познакомимся. Простите, а эта женщина кем доводится вам? Здравствуйте, — приветствовал он Марию Федоровну, не дожидаясь ответа.

— Это моя мама Мария, — пробормотала Бетсиин, вновь ища защиты у мамы Марии от неожиданной напасти.

— Я художественный руководитель институтского хора Глейхман Владимир Давыдович, — протянул он руку девушке.

Совершенно смутившись, Бетсиин не знала, как себя вести, потому все время поглядывала на маму Марию. А Мария Федоровна, хитро улыбаясь, смотрела на нее молча и спокойно наблюдала за их диалогом. «Пусть приучается к городским манерам», — рассуждала она, довольная Бетси.

— Я Бетсиин Миировна Ханукаева, — ответив на рукопожатие Владимира Давыдовича, произнесла она, совершенно растерявшись. — Можно просто Бетси.

— Бетси? Да еще Миировна? — удивился пораженный Глейхман. — Ничего не понимаю. Извините вы откуда? Ну, откуда приехали?

— Из одного села. Из Дагестана.

— Простите, а кто вы по национальности? — спросил он и с удивлением посмотрел на Марию Федоровну.

А та не вмешивалась в разговор. Она хотела, чтобы Бетси сама освоилась, научилась говорить с бойкими, шустрыми харьковчанами.

— Я? Я — горская еврейка, — она хотела сказать татка, но на ходу поменяла свое решение. И сделала это потому, что сообразила, что если он еврей, то ей неплохо бы признаться ему горской еврейкой.

— Вот это да! — заулыбался Глейхман. — Слыхал я о горских евреях. Но чтобы они были такими красивыми, не знал. Да, но ваша мама... — и он указал на Марию Федоровну, — как я думаю, русская.

— Я живу у мамы Марии, — охотно ответила Бетсиин.

— Как вас можно называть? Бетси, или Бетти?!

— Не знаю, как с Бетти, но все меня зовут Бетси. — А потом, чуточку подумав, добавила. — Вы знаете, что означает вторая часть моего имени? Сион. Да, да, Сион, — мило поучала она ошарашенного Владимира Давыдовича.

— Как же вы оказались в Харькове? У вас ведь и в Махачкале есть свой мединститут, — не без удивления спросил он. — Это-то ладно, а как вы собираетесь после сельской школы поступить в наш вуз? Ох, девушка, милая, да вы знаете, какой у нас бывает конкурс? Вот, вот, не знаете. В том-то и дело, Бетси. А я смогу вам помочь, если вы будете петь в моем хоре! Идет?

Вот тут Мария Федоровна в первый раз вмешалась в разговор, кивнув головой в знак согласия. Бетсиин поймала ее кивок и сразу заторопилась с ответом.

— Конечно, согласна. Но вдруг у меня не получится? — и она вновь зарделась.

— Сколько вам лет, барышня?

— 17.

— Моей Саре 18 стукнуло недавно. Надо будет вас познакомить. Она тоже у меня хороша. Ну, не такая красивая как вы, но тоже хороша!

— С удовольствием, — смиренно согласилась Бетсиин.

— Как вашу «матушку Марию» величают по отчеству? — не столько к Бетсиин, сколько к самой Марии Федоровне, обратился он.

— Я Мария Федоровна Войнова, — с улыбкой представилась Мария Федоровна.

— Очень приятно! Очень приятно! Ну и денечек сегодня выдался! Интересный денечек выдался! — восторгался Владимир Давыдович, довольный и знакомством, и своей удачной находкой. «А голос у девушки богатый!» — думал он мысленно и потирал руки от удовольствия.

— Мария Федоровна, можно я запишу ваш телефон? Я сообщу вам, когда Бетси надо быть в клубе.

— Но Владимир Давыдович, экзамены аж в августе следующего года, — залепетала Бетсиин, — а мне нужно еще и на работу устраиваться, — чуть не заикаясь от волнения, произнесла она.

— Принято, — бойко ответил Глейхман. — А вот волноваться не надо. Устроим. Прямо в институте. Кстати, на какой факультет вы собираетесь? Точнее, какую специальность хотите получить?

— На санитарно-гигиенический, эпидеомиологом, — робко ответила Бетсиин.

— Вот как?! — удивился он.

У него было много вопросов. Встреча оказалась для него уникальной. Он впервые встретил горскую еврейку. Для него все было ново. Но слишком долго занимать свое время он не мог — торопился. «А вообще надо будет с ней в спокойной обстановке основательно побеседовать!» — решил он.

— Никаких проблем. Устроим. Я завтра же выясню на кафедре гигиены, нет ли у них случайно местечка лаборанта или что-нибудь в этом роде.

Он записал телефон Марии Федоровны и, уже прощаясь, бросил.

— Был рад познакомиться! От души! Ждите звонка. До свидания.

Они остались стоять на месте, обескураженные.

— Ты знаешь, Бетси, он, кажется, приколол на стенд какое-то объявление. Я без очков, а ну-ка почитай, что он там написал.

«Студенту второго курса Кравчуку Леониду быть в клубе в четверг в 17 часов вечера. Художественный руководитель хора. Народный артист Украины Глейхман В. Д.», — прочитала вслух Бетсиин.

— Бетси, пока бог помогает тебе как может, доченька, — с улыбкой в глазах, тяжело вздохнув, произнесла Мария Федоровна.

— Не подведет ли он?! — не то радуясь, не то сомневаясь, тихо спросила Бетсиин.

— Не думаю.

— А насчет работы? Искать или ждать его звонка?

— Подождем с неделю, — рассудила спокойно Мария Федоровна.

Они не стали осматривать здание института, а в радужном настроении духа, отправились гулять по городу.

— Телеграмму не забыть бы дать родителям, — сказала Бетсиин, вновь вспомнив о родителях.

— А вот и почтамт, — показала Мария Федоровна.

В телеграмме Бетсиин указала адрес Марии Федоровны, ее телефон, сообщила, что доехала хорошо и что удачно нашла комнату. И добавила: «Ждите моих дополнительных сообщений. Целую вас. Ваша любящая Бетсиин. Пишите мне. И не беспокойтесь обо мне».

Утомленные от прогулки, от неожиданной встречи с Глейхманом и слегка продрогшие от холода, они, смеясь и шутя, вошли в квартиру.

— Сразу горячего чаю, — демонстративно объявила Мария Федоровна. — Поставишь чайник, Бетси?

— Обязательно, обязательно, я только разденусь, — весело отозвалась Бетсиин.

Через неделю действительно позвонил Владимир Давыдович.

— Заждались? — полушутя, озорно спросил он, когда трубку подняла Мария Федоровна. — Думали, подведет старик. Плохо же вы обо мне думали, — разыгрывал он Марию Федоровну.

— Да мы и не сомневались, — слукавила Мария Федоровна.

— Знаем мы вас, — продолжал он свою шутливую игру. — Ладно, а теперь серьезно... Бетси будет работать прямо на кафедре — секретарем. Зарплата небольшая, но, думаю, вам на двоих хватит. И что удивительно, место-то образовалось буквально дня два назад. Прежняя вышла замуж и уехала в Кривой Рог. Так что, считаю, Бетси повезло.

Нет, не с зарплатой, а с поступлением в институт. Теперь она своя, институтская.

— Вот спасибо, Владимир Давыдович. Огромное спасибо! Передаю трубку Бетси. Обрадуйте девочку. Она этого заслужила. Она славная.

— Давайте, давайте. Я хочу послушать ее голос по телефону и понять, как он будет звучать через мембрану.

— Здравствуйте, Владимир Давыдович. Рада вас слышать, — приятно приветствовала она своего опекуна.

— Бетси, с тебя магарыч, милая девушка! Все, что обещал, выполнил, — похвастался Глейхман.

— Как, и с институтом?

— Представьте себе. Ты будешь на кафедре гигиены секретарем. А что это означает? Я беседовал с завкафедрой. И он, естественно, дал слово, что летом примет вас на очное отделение. Тем более, я ему объяснил кое-что. Он же Школьник Борис Львович. Это вам ни о чем не говорит? А, хотя вы в этих вопросах не разбираетесь. А Сара моя ждет знакомства с вами. Можно я дам ей ваш номер телефона? Лады. Спасибо. Значит так. Вы должны завтра в 11 быть на кафедре. Трудовая книжка есть? А голос ваш хорош! Хорош!

— Спасибо. Трудовая есть...

— Когда же вам удалось поработать? Ну да ладно. Не забудьте: в 11 часов на кафедру. А голос прекрасен! Природный! Не испорченный. Ну, пока. Потом позвоните мне домой и расскажите, как состоялась ваша встреча с боссом, ну, с Борисом Львовичем.

Бетсиин положила трубку на аппарат и задумалась. Почему-то на душе у нее стало тревожно. «Что-то мне подряд во всем стало везти?! К чему бы это?»

— Ты чего сникла, девочка? Радоваться надо, а ты голову повесила, — ничего не понимая, поворчала Мария Федоровна.

— Да радуюсь я, но... меня обескураживает другое: что-то уж слишком гладко у меня все стало получаться. Боюсь я как-то...

— Прекрати, пожалуйста, — одернула ее Мария Федоровна. — Считай, что тебе просто повезло на хороших, отзывчивых людей. И не более. Остального добьешься благодаря своему усердию, труду... То, что заслужила, то и получила. Ты лучше подумай, какую песню исполнишь нашему другу, — пошутила Мария Федоровна.

— А действительно, что же я спою ему? — произнесла она и испугалась. — Я ведь и нот не знаю.

— Зато у тебя, наверняка, есть музыкальная память и музыкальный слух. И все это помимо голоса, — отчеканила Мария Федоровна как настоящий специалист, разбирающийся в тонкостях музыкального искусства.

— Мама Мария, я у вас вижу старый патефон. Наверняка и пластинки у вас есть. Давайте что-нибудь послушаем, — предложила Бетсиин.

— А действительно. Я и не подумала об этом. Давай, давай, — повторила она и пошла доставать с полки патефон.

Поставила инструмент на стол, пошла к шкафу искать пластинки. Нашла, обрадовалась. Взяла одну и стала читать, что за песня там записана.

— О.о, моя любимая певица Майя Кристалинская. И песня моя любимая.

Мария Федоровна завела патефон. И полилась песня «Солнечный круг» в исполнении Майи Кристалинской.

— Ну что, нравится? — спросила Мария Федоровна.

— Ой, не то слово! — взвизгнула от радости Бетсиин. — Я эту песню всегда напевала в родном селе.

— Вот слушай ее и повторяй за ней. Слушай и повторяй, — посоветовала Мария Федоровна.

Вскоре позвонила Сара Глейхман.

— Бетси, вы?

— Да, да. Я слушаю.

— Я дочь Владимира Давыдовича, Сара.

— Ой, очень приятно. Мне ваш папа говорил о вас. Приходите ко мне в гости.

На следующий день к одиннадцати часам Бетсиин уже была на кафедре. Для начала ее сопровождала до института Мария Федоровна. «Как бы не заблудилась девочка. Не дай бог!» — с тревогой рассудила она и отправилась с ней.

Борис Львович Школьник встретил Бетсиин приветливо. Это был слегка полноватый, среднего роста, симпатичный мужчина лет 50-и. Он шутил, громко смеялся. «Надо же, горская еврейка...» — восхищался он. И восторгался, когда Бетсиин объяснила, почему их так называют. И удивился тому, что евреи живут еще и в горах! Как бы то ни было, а

удовольствие от беседы с Бетсиин Борис Львович получил огромное. Он даже поинтересовался, почему Бетсиин пожелала идти на эпидемиолога. Узнав причину, одобрил, понимающе кивнул головой в знак поддержки и в заключение добавил:

— Приступай к работе. А этот приказ по кафедре передашь в отдел кадров. Мы работаем с 9 до 16 часов. Даже если на кафедре никого нет, ты, милая девочка, все равно должна быть здесь. А то мало ли что... А студенткой ты будешь! Примем. Договорились?

Дня два Мария Федоровна водила и приводила Бетсиин, пока та не освоилась с дорогой в институт.

Однажды, когда Бетсиин после работы была уже дома, пришла в гости Сара Глейхман. Это была довольно симпатичная, слегка упитанная, но статная девушка с карими глазами, рыжеватыми волосами. Она училась на первом курсе мединститута. Похожая на отца, живая, общительная, она сразу проявила интерес к Бетсиин. Узнав от отца, что у Бетсиин чудесный голос, она сразу решила помочь ей.

— Я закончила музыкальное училище по классу фортепиано, так что я смогу тебе оказать некоторую услугу. У нас дома есть пианино. Я займусь с тобой. А папа не нахвалится твоим голосом. В общем я жду тебя у себя дома. Лады? Может, что и выйдет...

Теперь Бетсиин с утра ходила на работу, после работы посещала занятия по хору, слушала пластинки, беседовала с мамой Марией, два раза в неделю занималась у Сары. На днях она получила от родителей письмо. «Мы живы и здоровы, — писал папа. — За нас не переживай. Домик в селе мы продали, правда, по дешевой цене. Добавили еще немного из своего запаса и купили небольшой домик в городе с маленьким двором за Шуринскими воротами. Зато домик каменный. Две комнаты. И подвал есть. Я пока не работаю. Получаю пенсию по инвалидности. Здесь, недалеко от нас, скоро начнется строительство станкоинструментального завода. Пойду туда. Мы рады за тебя. Низкий поклон твоей доброй хозяйке. Спасибо ей за все. Передай ей привет. Вот пока все наши новости. Обнимаем тебя. Пиши часто. Приезжай с хозяйкой в гости. Будем рады. Папа Миир, мама Дедейхуне».

Прочитала и глухо зарыдала. Ей было жаль своих родителей, которые оказались вынужденными исчезнуть из родного села. Из-за нее отец остался без работы. «Ну, хорошо что я их успокоила. Надо будет

написать им подробное письмо», — решила она, вытирая кулачками слезы на лице. Чтобы мама Мария не догадалась, что она опять плакала, быстро умылась, привела себя в порядок. «Она скоро должна вернуться, а я пока послушаю пластинку», — и она завела патефон и стала слушать песню. Да так и заснула за столом.

— Получила посылку от сыночка! — доложила веселая мама Мария, шумно влетая в коридор. — Что ж он мне прислал? Ну-ка помоги, Бетси, вскрыть ящичек. Где у нас тут молоточек? — она суетливо раздевалась и приговаривала. — Молодец мой мальчик! Не забывает о маме. — Она достала из ящика конверт.

«Мамуля, с днем рождения! — стала она громко читать. — Там внизу ты найдешь 100 рублей. Купишь что-нибудь из одежды. А продукты тебе передала моя теща и жена Галя. Мы все тебя целуем. Почему от тебя давно нет писем? И на телефонные звонки что-то ты не отвечаешь. Что у тебя нового? Я еще позвоню».

И вдруг зазвонил телефон.

— Да.

— Мама, ты? Наконец.

— Да ладно, сынок. Я почти все время дома. Наверное, ты один раз не поймал меня... Спасибо, сыну, за посылку!

— А-а, пришла она? Значит, я верно рассчитал. Поэтому и позвонил сегодня.

— Ой, сыну. У меня новости. Я взяла квартирантку, чтобы одной не скучать, не тосковать. Чудная девушка. Из Дагестана. В мединститут поступает.

— Ты у нее и деньги берешь?

— Что ты, мой милый. Мы вместе питаемся. Она мне как дочь. Она меня мамой Марией называет! Ей нравится у нас.

— Чудесно! Я рад за вас! Все. Целую. Пиши нам. Может в следующем году на неделю заедем в гости... Пока.

— Ну, как ты тут без меня? Чем занималась? — доставая из ящика продукты, спрашивала Мария Федоровна. — И копченой колбасы наложил, и сальце, и... воблы! Ура! Вот уже сколько у нас воблы! Наедимся мы с тобой рыбы! — Затем, искоса поглядывая на молчавшую Бетсиин, она грустно произнесла: — Что-то мне твои глаза опять не нравятся, Бетси. Сколько ж можно плакать?

— Я письмо от своих получила.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет. Пишут, что приобрели домик и ждут нас в гости. Папа пока не работает. Копается на своем небольшом участке во дворе. А домик наш в селе продали. Теперь навсегда порвали с родным селом, — надтреснутым голосом передала Бетсиин содержание письма от родителей.

— Ну и ладно. Ну и хорошо. А ты в плач. Что у тебя за привычка? Чуть что — в слезы. Нельзя так, моя милая. Тем более тебе надо петь. Все, — достав из ящика последние продукты, выдохнула Мария Федоровна. — Правда, день рождения у меня послезавтра. Но сын побеспокоился заранее — решил, чтобы посылка успела ко дню рождения. Вобла нарезанная еще осталась?

— Сейчас посмотрю. Да, есть.

— Ну и ладно. Садимся кушать. Я только руки помою. Кстати, как дела на работе?

— Нормально. Она несложная.

— Сегодня пела?

— Нет. Сара хочет еще раз позаниматься со мной.

— Что сказал Владимир Давыдович, когда ты была в клубе?

— Просил приходить на репетиции и одновременно заниматься с Сарой.

— Ну и ладно. Значит все в порядке. Но вобла, я тебе скажу, изумительная! — вытирая руки, восторгалась она. Потом, прибирая со стола вместе с Бетси, она то ли печально, то ли в шутку произнесла. — Вот и 65 мне стукнет! Я проработала 40 лет на заводе! Старшим инженером-экономистом была в отделе. И покойный муж на том же заводе трудился. Мастером был в цехе. Там и познакомились.

Помыв руки, Бетси устроилась на диване рядом с Марией Федоровной, которая уже раскрыла альбом с фотографиями.

— Коль вспомнила о муже, о заводе, я подумала, что надо бы тебе показать всех своих родных. Вот и мой сын с женой! Правда, красавец! А это мой покойный муж, — и она тяжело вздохнула. — Рак у него был... А-а, вот и твоя спасительница, Анна Федоровна! Надо будет нам с тобой сфотографироваться и отправить ей. Обра-ду-е-ется! Теперь у меня из родных остались Аннушка, сын Олег, да теперь вот и ты, — и она обняла Бетсиин за плечи.

На следующий день на работе, когда на кафедре никого уже не было, Бетсиин села писать родителям подробное письмо. Если рань-

ше она, не желая расстраивать отца и мать, не рассказывала им о жизни в общежитии консервного завода, то сейчас, понимая, что родители никак не уяснят себе, почему она решила уехать так далеко, поведала им правду обо всем. «Вот обрадуются они, когда узнают, как мне повезло сначала с Анной Федоровной, затем с мамой Марией и с Владимиром Давыдовичем!» — подумала она и у нее поднялось настроение.

* * *

В ноябре в селе Шюкюр солнце уже не сильно грело, но погода все равно стояла относительно теплая. И старцы Гаврил, Нисон и Авраам еще продолжали собираться по утрам на своей лавочке. Только теперь они одевались чуть теплее. С тех пор, как Авраам поведал об изнасиловании Бетсиин, прошло уже полгода. Но не было дня, когда бы они в той или иной форме не вспоминали и о Бетсиин, и о ее родителях, и о Гемрииле, и о его сыне. Да и о чем только ни говорили старцы за прошедшие месяцы! Они даже знали, что Бетсиин работала на махачкалинском консервном заводе... И что она успела и оттуда уехать куда-то...

— Я что думаю, — заговорил Гаврил. — По справедливости ведь это Гемриил с семьей должен был исчезнуть из села, а не Миир с Дедейхуне, — он покачал головой в знак досады. — Вот что значит — набитый карман. Деньги есть — ума не надо. Ведь опозорились, честно говоря, Гемриил и его сын. Слышал я, что сам Гемриил настроил сына на изнасилование девочки.

— Верно говорит Гаврил, — согласился Авраам. — Теперь Гемриил решил женить своего придурка на дочери бедного Мунош. Дочь у него славная, но не особенно умная.

— В отца пошла, — перебил Авраама Нисон. — Что ж ты стесняешься об этом сказать? Да, девочка смазливая, но умом, как родители, не богата. Каждому — свое! — заключил Нисон. — Молодые стоят друг друга...

— Правду говоришь, — прошепелявил Гаврил. — Для бездельника Ирмиё Бетсиин была бы слишком хороша.

— Все это так, но жаль Миира и Дедейхуне, — вновь вспомнил Нисон о них. — Совестливые они люди. Несправедливо страдают. А такие, как Гемриил и его сын — им-то что? Они стыда не имеют.

* * *

Отправившись в первый раз к Глейхманам, Бетсиин робко позвонила в квартиру. Когда ей открыл сам Владимир Давыдович, она растерялась и пролепетала:

— Ой, здравствуйте, меня Сара пригласила, — и она зарделась.

— Что ж ты покраснела? И хорошо сделала, что пришла. Проходи. Сара ждет тебя, — и он, подбодрив девушку, пропустил ее в коридор.

— Ой, Бетси! Заходи. Кстати, ты обедала?

— Да.

— А то накормим, — весело и с «угрозой» сказала Сара.

— Нет, нет, — поспешно отказалась Сара.

— Одна добралась?

— Немного мама Мария провела до трамвая, а дальше я сама. Трамвай удачно останавливается у вашего дома, — пояснила Бетсиин, переминаясь с ноги на ногу.

— Да ты не волнуйся, здесь тебя никто не укусит, — пошутила Сара и повела гостью прямо к фортепиано. ——Мы с тобой начнем сейчас репетировать песню, которую вы будете разучивать в хоре, — сообщила Сара, сразу настроив Бетсиин на деловой лад.

После занятия Сара с восторгом произнесла:

— Отлично! А ты боялась. Теперь ты и ноты знаешь... Но надо будет еще несколько раз позаниматься...

— Спасибо, Сара, — поблагодарила она юную хозяйку, смущенная.

Когда Сара вышла на кухню, Бетсиин робко села за пианино и неожиданно для себя тихо заиграла мелодию той самой песни, которую они только что разучивали. И так увлеклась, так забылась, что заиграла громче. Когда проиграла мелодию до конца, Бетсиин испугалась своей дерзости, встрепенулась, встала, чтобы пересесть на свое место, и увидела уже стоявших сзади себя Владимира Давыдовича и Сару. «Выходит, они наблюдали за моей игрой», — подумала растерянная Бетсиин. Она зарделась, смущенно опустила глаза, как бы извиняясь за свой поступок.

— Я же тебе говорил, доченька, что эта горская евреечка неординарная личность, — говорил Владимир Давыдович, глядя в упор Бетсиин в глаза. — Ты помнишь такое, чтобы кто-нибудь, в первый раз изучая мелодию, не зная нот, сразу на слух повторила ее на инструменте!? А ведь, наверняка, в жизни за пианино не садилась... — изумлялся Глейхман.

— У меня нет слов, папа! — восхищалась Сара.

— Да ладно вам, — попросила раскрасневшаяся Бетсиин. — Вогнали меня в краску...

Темнело. Бетсиин, боясь, что заблудится по возвращении домой, с беспокойством выглянула в окно и пролепетала.

— Ой, уже темно. Как же я домой доберусь?

— Не волнуйся, Бетси. Я еду в институт. Так что проведу тебя. Идет? — и Владимир Давыдович улыбнулся.

— Идет, — также шуткой ответила Бетсиин, успокоившись.

— Созвонимся, — прощаясь, сказала Сара и чмокнула Бетсиин в щечку. — А хозяйка у тебя милая женщина.

По дороге Владимир Давыдович зря время не тратил. Он успел получить ответы на многие вопросы о горских евреях, о том, почему и как она оказалась в Харькове. И Бетсиин, упустив некоторые подробности, объяснила своему опекуну, что сначала хотела поработать два года, а потом только попытаться поступить в институт. А в Харьков попала совершенно случайно: хотела оказаться подальше от своих мест, чтобы можно было испытать себя на прочность, на выдержку. Если здесь она слукавила, то, коснувшись периода работы на консервном заводе, все объяснила, как на самом деле и было.

— Боже мой! Как я заволновалась, — сразу «накинулась» мама Мария на появившуюся в дверях Бетсиин. — Думаю, темнеет, а ее нет. Очень боялась, что заблудишься.

— Не догадалась позвонить вам от них, вот дурочка-то... И сказать, что меня будет провожать Владимир Давыдович.

— Он провожал?

— Да. Ему в институт надо было.

— Ну, слава богу, — и она обняла зардевшую Бетсиин.

Когда Бетсиин разделась, умылась и присела на диван, мама Мария спросила:

— Будем сейчас ужинать или чуть позже?

— Позже, — подобрав под себя ноги и прижавшись к маме Марии, устало ответила Бетсиин.

— Ну, рассказывай, — попросила мама Мария.

— Ну и расскажу, — шутливо и весело созорничала Бетсиин.

— Ну и расскажи, — поддержала шутку мама Мария.

— Ужас, — вырвалось у Бетсиин. — Представляете, мама Мария, выходит Сара на кухню, а я сажусь за пианино и вдруг играю мелодию, которую только что разучивали. Представляете?

— Нет, пока не представляю.

— А когда я отыграла, смотрю — а они, оказывается ,стояли сзади и наблюдали за моей игрой.

— И что? Понравилось им?

— Похвалили.

— И ты первый раз в жизни села за фортепиано?

— Да.

— Ну, Бетси, ты поражаешь меня, доченька!

...Шли дни, недели, месяцы. Жизнь Бетсиин проходила, на первый взгляд, однообразно: работа на кафедре, два раза в неделю занятия в хоре, вечерние беседы с мамой Марией, встречи с Сарой, подготовка к вступительным экзаменам в институт. Лишь изредка в такой, казалось бы, монотонной жизни Бетсиин наступали и довольно трепетные, волнительные минуты — это когда она получала от родителей письма. Вот тогда Бетсиин, поневоле отлучившаяся надолго из родного края, вновь окуналась в его жизнь. Родители писали, что у них дела обстоят хорошо, но только очень скучают без своей дорогой девочки. После таких слов Бетсиин незаметно роняла горькие слезы, потому что именно по ее вине родители не могут видеть свое единственное дитя. Радовало то, что папа устроился наконец на работу. Они передавали приветы от дяди Хизгие и членов его семьи. Все они были очень рады, что ей повезло с хорошей, доброй хозяйкой, с удачной работой на кафедре, с перспективой поступления в институт, с новой подружкой Сарой. Все они очень и очень просили ее быть осторожной и никому из мужчин не только не доверяться, но и не подпускать никого к себе близко. Писали, что в селе произошли небольшие перемены. Перечисляли, кто умер, у кого кто родился, кто женился, кто насовсем покинул село. Словом, жизнь на месте не стояла. Она была в вечном движении. Только один райский уголок оставался таким, каким и был всегда. Так же быстро текла мутная река Шюкюрчай, так же впадала она в седой Каспий, так же был богат их лес ягодами, фруктами... И еще одну новость сообщали родители: «Женил Гемриил своего подонка, негодяя-сына на дочери сторожа животноводческой фермы Муноша. Туда им и дорога. Оба стоят друг друга». Никакого чувства не вызвала у Бетсиин эта информация. Больше того, как только Бетсиин

прочитала об этом, тут же о нем и забыла. Перед ней лежало и другое письмо — от подруги Тирисо. «Ну и написала! Сразу на четырех листах», — удивлялась Бетсиин размаху подруги. «Учусь в медучилище, — писала подруга. — Живу у родственников (адрес на конверте). Дважды сватались ко мне дербентские парни. Отказала по причине учебы. Да и не нравились они мне. Теперь в Дербенте столько шюкюрцев! Я обо всем, что с тобой случилось, знаю. Помнишь, как я тебя предупреждала быть осторожной. Знаю, если бы я в тот день не уехала в Дербент с родителями, с тобой такого не произошло бы. Твоя мать тоже сожалела о том, что я тогда уехала. Мы с мамой навещали ваших. Переговорили обо всем...» — писала Тирисо.

Бетсиин отложила письмо. Задумалась. Постаралась мысленно представить лица родителей. Взяла с полочки свой альбомчик и стала рассматривать снимки. «Доставила я себе и вам хлопот?! — с печалью в голосе произнесла она вслух. — Видит бог, я не виновата. Единственное, в чем моя вина — так это в том, что одна пошла к реке. Ну, увлеклась, ну, потянула меня туда романтика... Постараюсь, дорогие мои, — беседовала она со снимками, — доставить вам радость после окончания института. Потерпите еще немного», — умоляла она родителей и просила у них прощения.

* * *

В феврале, когда на улицах Шюкюра было слякотно и в домах уже топили печки, заболел старец Гаврил: простудил легкие. И пришли проведать своего друга Авраам и Нисон.

— Чтобы на радость мы приходили в ваш дом! — вместо приветствия выкрикнул прямо с порога Авраам. — Что, друг, решил дурной пример подать нам? — пошутил он.

— Да ладно, крикун, садитесь, — указал Гаврил место возле своей постели.

— Да ты, случаем, не заразный, старый? — решил развеселить друга Нисон своей шуткой.

— Простыл. А нам много надо? Слегка продует — и ты готов, — проворчал Гаврил. — Истир, приготовь для гостей чай, — попросил он жену.

— Не заставляй женщину трудиться, — все в том же шутливом духе завелся Авраам.

— Ничего. Она моложе меня на целых десять лет, так что молодая еще, — тоже решил отшутиться Гаврил. — Затем обратился к Нисону. — Чего нового в нашем райском уголке?

— Ты знаешь, дорогой Гаврил, о чем я думаю. Правильно сделали тогда Миир и Дедейхуне, что не подали заявление в суд.

— Почему? — спросил Гаврил.

— Подай они жалобу, пришлось бы им при народе объяснять причину своего позора. Если бы Гемриил подкупил бы судью, тогда кто знает, как бы дело повернулось...

— Вообще-то разумно они поступили. Верно говоришь, Нисон, — прошепелявил Гаврил. — Не дали они раздуться сплетням, сорвали на корню всякое осуждение...

— Мне кажется, что не пройдет и пяти лет, — вновь эмоционально заговорил Авраам, — как эта девочка войдет в село на белом коне! Я уверяю вас. Вот доживем ли мы до тех пор? — с грустью произнес Авраам.

— А что? Девочка она умная, и упорства ей не занимать. Вся в отца! — вставил Нисон. — Как сказала одна учительница, она не только способная, но и твердая духом девушка. Миир тоже такой. Бывает твердым и упрямым в хорошем смысле слова, — живо пояснил Нисон.

— Из-за негодяев продали свой домик и уехали, — печально прошамкал Гаврил. — Слава богу, так мирно все завершилось это дело! — продолжил он. — А если бы началась месть, как в прежние времена? Мы же с вами знаем, как родители, родственники опозоренной девушки бросались на насильника и даже убивали... Что было бы тогда? Бывало у нас и такое. Вы же помните...

— Помним, Гаврил, помним, — успокоил старика Нисон.

...Через месяц старец Гаврил все же умрет. Останутся Нисон и Авраам одни. Осиротеют два старых друга. Им очень не будет хватать умного, доброго друга, который каждое утро радовался появлению и солнца над морем, и Офтума на подводе... Но такова жизнь...

* * *

Прошло еще с полгода. Харьков весь цвел и благоухал. Природа буйствовала. Люди стянули с себя тяжелую верхнюю одежду. Заполнились народом улицы древней столицы Украины. Как-то по-особо-

му празднично ходили троллейбусы, трамваи. Все обязательно куда-то спешили. Но при этом каждый жил своей обособленной жизнью. И у Бетсиин были свои личные заботы. В эти дни у нее было тревожное и беспокойное состояние: как-никак ей предстояло сдавать вступительные экзамены. Впервые в своей жизни. В чужом городе. Рядом нет никого из родных. Тяжело было на душе. Конечно же, ей в некоторой степени помогала моральная поддержка мамы Марии. Конечно же, она чувствовала заботу и Бориса Львовича, и Владимира Давыдовича, и Сары... Но она, привыкшая в жизни всегда и все подвергать сомнению, романтик по натуре, все равно сильно переживала.

В эти дни она не работала на кафедре — ей предоставили неоплачиваемый отпуск. Теперь она в клуб приходила в качестве гостьи. Все хористки были студентками института. Вот у них и искала помощи Бетсиин: ответы на вопросы, которые вызывали у нее трудности, она обсуждала вместе с девушками. При этом они старались поднять у Бетсиин настроение: щутили, острили.

— Ну вас, девочки, — с улыбкой ворчала Бетсиин. — У меня коленки дрожат, а они хохочут. Вот противные, бесчувственные.

— Ну что ты трусишь? За тебя болеют все — и мы, и наш Глейхман, и твой Школьник... Говорят, — подмигивала ей одна из девушек, — даже сам ректор на твоей стороне...

Видя, что шутки только расстраивают девушку, хористки успокаивали ее.

— Да ну тебя. Все будет в порядке! Будешь ты студенткой, — утешали они Бетсиин.

А когда хористки начинали репетицию, то Бетсиин не выдерживала, примыкала к ним и тоже запевала. Вот только тогда со стороны могло показаться, что будто и не было у этой девушки ни сомнений, ни переживаний. Потому что она сразу преображалась. Такова была ее романтическая натура. Она была способна не только по-настоящему волноваться, но и творчески настроиться.

В середине августа в фойе института вывесили списки поступивших. И их вместе с Бетсиин изучали и хористки.

— Так, так, — разыгрывала ее одна из хористок. — Ищем санитарно-гигиенический факультет... — водила та демонстративно пальцем по спискам. — Ой, а Ханукаевой тут и нет, — выкрикнула она, громко захохотав.

— Представьте, нет ее, — поддержала шутку другая девушка.

— Пропустите меня, противные, — расталкивая подружек локтями, прорвалась к стенду Бетсиин, разволновавшись.

Она водила пальцем по спискам, ища свой факультет и никак не могла сосредоточиться.

— Так. Вот моя группа, — и у нее захватило дух. — Так. Хромова. Нет, надо выше. Вот — Ханукаева! Есть! — выкрикнула Бетсиин и залилась слезами — вновь не выдержали нервы.

После всего пережитого она теперь по каждому поводу пускалась в плач. Не понять было тем, кто не знал ее прошлой жизни, что успела эта девушка перенести, пережить. Поэтому, увидев рыдающую подружку, хористки не то возмутились, не то удивились.

— Вот дурочка-то, — говорила одна. — Тут подпрыгивать от радости надо, а она...

— Непонятная ты, Бетси, — укоряла ее другая.

— Ну, может быть, от нервного напряжения это у нее... — сочувственно рассудила третья.

Как бы то ни было, хористки окружили Бетсиин, обняли и закричали на ухо:

— Поздрав-ля-ем!

Она была благодарна всем им, своим болельщицам. Наконец она заулыбалась и, насколько ей позволили душевные силы, произнесла с еще не высохшими слезами на лице:

— С меня шампанское!

— ...Милая девушка, — обратился к Бетсиин заведующий кафедрой Борис Львович Школьник, когда на второй день после зачисления, она появилась на работу, — поздравляю тебя! Но честно скажу, жаль, что теперь не буду видеть такую красавицу каждый день! — и он пожал девушке руку и поздравил с удачей.

— Ой, спасибо вам, Борис Львович, за заботу и помощь! — зарделась Бетсиин. — Если бы не вы, то вряд ли мне удалось пройти вне конкурса. А что касается работы, то я бы с удовольствием, но... будучи целыми днями на занятиях, я просто не смогу сочетать работу с учебой.

— Но тебе все равно нужна работа. Ну, хотя бы на полставки. Чтобы после занятий... На одной маленькой стипендии далеко не поедешь, — доброжелательно рассудил Борис Львович. — Тебе же и за комнатку платить надо, и на себя... Что-то надо придумать. Родителям, наверное, трудновато тебе помочь. Нет, надо будет тебя закинуть

в какую-нибудь институтскую лабораторию. И польза будет, и зарплата... Верно говорю?

И она согласилась. И ее по протекции Школьника приняли в одну из лабораторий на полставки.

Учеба в институте нравилась Бетсиин. Она жадно, что обычно присуще сельским ребятам, «грызла гранит науки», как она однажды не без юмора напомнит маме Марии известное изречение.

Теперь у Бетсиин все шло размеренно, без особых встрясок. Учеба, работа после занятий, два раза в неделю репетиции по вечерам... И лишь иногда этот устоявшийся жизненный распорядок приятно нарушали некоторые события: вместе с мамой Марией и Сарой отмечали праздники, дни рождения каждого, ходили в кинотеатр, в театр... Особую радость доставляли ей и редкие письма от родителей. Удовольствие получала она и тогда, когда сосредоточенно писала родителям ответы. Теперь она была особенно довольна тем, что своими успехами доставляет своим «старикам», как их называла мама Мария, радость! А они, в свою очередь, сообщали ей все новости и о своей жизни, и о событиях родного села. И конечно при этом всякий раз мысленно возвращали ее в райский уголок.

«Умер дедушка Гаврил, — с горечью и сожалением подумала Бетсиин. — Хороший, мудрый был старик. Надо же, от воспаления легких скончался», — досадовала она.

И от подруги Тирисо иногда получала она письма. У той все сводилось к тому, что вот уже третий-четвертый парень сватается к ней. Скучноватыми казались ей письма подруги. «Никаких больше интересов у нее нет», — с некоторой горечью думала Бетсиин.

Но как бы то ни было, Бетсиин все равно тепло и задушевно относилась и к ней, и к остальным своим землякам. «Все же я выросла там, среди них. Вместе учились. Дружили. Делились своими затаенными мечтами. Провели рядом свои юношеские годы!» — не без душевного трепета рассуждала она, повертев в руке письмо Тирисо. Она понимала, что как-никак часть ее жизни прошла в родном селе. Неважно было, что и обычаи были суровыми, и нравы крутыми. Это была не вина людей, а их беда. Так было принято издревле. Они расхлебывали то, что другие заварили до них. Так передавалось из поколения в поколение. Но она сознавала, что и немало хорошего, полезного было в этом укладе жизни.

Так постепенно менялись нравственные ценности у юной Бетсиин. Она не знала, повезло ли ей или нет, что сразу из сельского бытия окунулась в жизнь огромного города. Нет-нет, в ней еще проявлялись черточки характера сельской девушки. И она это понимала. Не могла же она в течение одного года сразу измениться, стать полностью городской барышней, поменять в одночасье свои привычки, понятия, поведение. «Да и нужно ли все это менять? — задавалась Бетсиин вопросом. — Честно говоря, — рассуждала она мысленно, — и не все городское мне и нравится. Здесь тоже много неприятного. Не хватает той чистоты и искренности сельских людей. Здесь много падких, алчных женщин. Здесь много фальши и грязного. Так что отказываться от всего родного, сельского не стоит. У моего народа, хоть он и забитый, и запуганный, и диковатый, все же много и своих хороших ценностей!»

Теперь Бетсиин получала и стипендию, и зарплату. Часть денег она отдавала маме Марии, часть тратила на себя. Теперь она могла и в кино сходить с девушками, и кое-что купить себе из одежды. И вроде на все хватало. В лаборатории ей выдали белый халат и белый колпачок. Раз в неделю она их тщательно отстирывала и аккуратно выглаживала. В них Бетсиин выглядела куколкой, бесподобной красавицей. Представить только: укороченный до колен халат в талии стянут, из-под колпачка распущены черные, как смоль, волосы, прекрасные ноги в туфельках на высоких каблуках... Когда Бетсиин входила в лабораторию в таком наряде, сотрудники подолгу не могли оторвать от нее восторженных взглядов. «Это все заслуги мамы Марии, — обратив внимание на интерес к ней со стороны коллег, размышляла она. — Это она вынудила меня обращать внимание на свою внешность. Хватит, говорит, так неряшливо относиться к своей особе. Ты, говорит, знать не знаешь, какая в тебе сидит красота: и внешняя, и внутренняя! Пора, говорит, прилично одеваться!»

Она вместе с мамой Марией подбирали в магазинах, пусть дешевенькие, но зато ладно сидящие на ней кофточку или юбку...

— Вот краситься и мазаться тебе не следует, — рассматривая ее у трюмо, поучала мама Мария. — Вот, может быть, слегка губы обвести помадой. И то бледненько-бледненько...

Поначалу Бетсиин совсем не обращала внимания на то, что мужчины провожают ее на улицах жадными взглядами. Когда однажды мама Мария, шедшая рядом с ней, вдруг воскликнула: «Ты посмотри,

как пожирают тебя взглядами эти мужчины!», Бетсиин повернулась назад и, увидав раскрывших от восхищения рты и молодых, и взрослых мужчин, весело захохотала.

— Но смотри у меня... Пусть все это не вскружит тебе голову, — «грозно» и «серьезно» предупредила с улыбкой мама Мария. — Смотри у меня!

— Ох, ох. Какая у меня сердитая и строгая мама! — продолжая хохотать, обняв за плечи Марию Федоровну, отшучивалась Бетсиин.

Но при этом мысленно подумала: «Нет, мама Мария, теперь я никогда в жизни подобных ошибок не допущу! Моя вина заключалась в том, что я в речку голой влезла», — вспомнила она с печалью. Она продолжала обвинять себя, ругала всяческими словами и возмущалась: «Как же меня угораздило раздеться догола? — никак не могла она понять этот факт до сих пор. — Если бы я была в платье, черта с два посмел бы этот негодяй приблизиться ко мне. Выходит, я сама спровоцировала его, я сама соблазнила и свела его с ума? И тут мне оправдания нет! — строго судила она себя. — Вот почему в основном на меня приклеили ярлык грешницы, — продолжала она себя бичевать. — И доля правды в этом была, — рассуждала она. — Но я же не специально. Я-то думала, что вокруг никого нет. Я же не виновата, что этот подонок незаметно следовал за мной...»

Когда она еще тогда в подробностях обо всем этом рассказала маме Марии, та с бледной улыбкой в добрых глазах сказала:

— Не терзай себя, доченька. Нет худа без добра. Если бы с тобой не случилось такого, ты бы и в Харьков не попала, и у меня не оказалась бы, и в мединститут не поступила бы, и много хороших людей не встретила бы... Так что, нет худа без добра.

— Что ж, может, действительно судьба так распорядилась, — согласилась она с мамой Марией.

Когда сельские парни увивались за ней, это ее не особенно трогало, потому что никто из них ей не нравился. У нее, начитанной, романтической девушки был свой идеал. Она откуда-то (сама не знала, откуда) ждала своего принца, своего суженого. На что она рассчитывала, живя в селе, она даже и сейчас не может объяснить. Знает, что мечтала — и все тут. Она думала об этом вовсе не потому, что была озабочена поиском сказочного принца. Это были лишь мечты, рассуждения, навеянные ей литературой, любовны-

ми романами. Но она понимала, что однажды такой возлюбленный все равно должен будет появиться. Все это так. Но за кого тут, в Харькове, она может выйти замуж, если ни одного горского еврея здесь нет. Ведь по обычаям своего народа она должна, обязана выйти замуж только за своих. Иначе родители совсем сойдут с ума. «Меня могут упрекнуть в национализме, — думала она. — Нет, неправда, мы, горские евреи, уважаем все народы и терпимо относимся к вере любого народа. Если мы выходим замуж только за своих, — это вовсе не означает, что мы не уважаем украинцев, русских... Глупость. Просто у моего народа так принято. Не будут же нас за это строго судить?!»

Вот на какие горестные мысли натолкнули Бетсиин предупреждения мамы Марии во время той прогулки по городу.

Как-то после лекции Бетсиин направилась в клуб, чтобы узнать, когда состоится выступление хора на вечере. Из аудитории за ней выскочила однокурсница и побежала за ней.

— Бетси, Бетси, — кричала девушка, догоняя ее в коридоре. — Ты сумочку забыла.

Бетси остановилась.

— Ты сумочку забыла, — запыхавшись, выдавила из себя девушка.

— Ой, спасибо, милая, — с улыбкой поблагодарила Бетсиин.

Она направилась было дальше, как вдруг перед ней вырос молодой мужчина.

— Вас зовут Бетси? — спросил он, приятно удивленный.

— Да-а, — ответила она, не меньше удивленная его вопросом. — А как вы узнали мое имя?

— По-моему его все уже знают, — улыбнулся незнакомец. — Ваша подружка ваше имя так выкрикивала на весь коридор, что о-ё-ёй!

— А, да. Действительно, — с улыбкой согласилась Бетсиин.

— Так вы Бетси? — повторил вопрос молодой человек. — Вы что, еврейка?

— Да. Горская еврейка, — уточнила Бетсиин.

— Даже так? Здо-ро-во... А вы меня не знаете? — продолжая улыбаться, спросил он.

— Пока нет, — покраснела Бетсиин.

— Я доцент Дунаевский, — представился он.

Представился и подумал: «Как же я мог такое диво до сих пор не заметить? Старею».

— Давайте исправим одно недоразумение, — предложил доцент. — Давайте познакомимся. Меня зовут Аркадием Ильичем. А фамилия, как я уже сказал, Дунаевский, — еще раз представился он.

— Я Бетсиин Ханукаева из Дагестана.

— А-а, из Дагестана? Поэтому вас и называют горскими евреями?

— Совершенно верно, — кокетливо и немного деловито подтвердила улыбающаяся Бетсиин.

— И все горские евреечки такие очаровательные? — восхищался Дунаевский. — Вот здорово!

— Не смущайте, пожалуйста, меня, — робко попросила она. А про себя подумала: «Как же он похож на наших горских евреев! Такие же темные волосы, добрые, умные карие глаза». На минуту ей показалось, что встреть она его на улицах Дербента, у нее не возникло бы ни тени сомнения в том, что он горский еврей!

И они стали встречаться. На вид Аркадию было лет 27–30. Но при общении с ним ему можно было бы дать только 25 лет. Он был жизнерадостен, общителен, умен, любил пошутить. Во время беседы он превращался в озорного мальчишку. Это чуть позже поймет Бетсиин, что Аркадий становился взрослым, лишь когда заводил разговор о науке, о работе. Тут он сразу творчески преображался, становился серьезным, сосредоточенным, увлеченным, и, как говорится, садился на своего конька. Но стоило ему перевести разговор на бытовые темы, как вновь ему можно было бы дать только 25 лет. Особенно юным выглядел он, когда рассказывал анекдоты. Тут его лицо всегда сияло улыбкой. Он был высок, строен, черноволос, обаятелен. На вопрос, почему же он до сих пор не женился, Аркадий артистично заявил: «Школа, институт, аспирантура, кандидатская диссертация, а теперь — работа над докторской. Когда же было жениться? Да потом, а это самое главное — я ждал тебя! Ждал, когда мне встретится подобная красавица!»

Такие разговоры произойдут между ними чуть позже, когда их встречи станут частыми. «Как она молниеносно ворвалась в мое сердце! — не веря самому себе, воскликнул однажды Аркадий. — Эта девушка сразу пленила меня!» — подумает он, находясь под сильным впечатлением.

Будучи от природы любознательным человеком, Аркадий при каждой встрече с Бетсиин просил ее рассказать как можно подробней о жизни горских евреев. Ему было интересно все, что касалось жизни Бетсиин.

...Как-то у Бетсиин с мамой Марией зашел такой разговор.

— Бетси, ты все говоришь и говоришь о своем доценте. Но когда ты его приведешь к нам в гости? — полушутя, полусерьезно спросила Мария Федоровна.

— Я думала об этом... — нерешительно начала Бетсиин. — Во-первых, у нас приглашение молодого человека домой — это равносильно сватовству... Во-вторых, я ждала, когда вы сами об этом скажете. Ведь надо будет стол накрыть...

— И накроем. И винца купим, — успокоила Мария Федоровна девушку.

— И еще, — зарделась Бетсиин, — как я объясню ему о том, что со мной произошло?

— Вот тут я сама разберусь с ним, — строго и решительно заявила Мария Федоровна. — Ты до начала обеда на несколько минут отлучись в магазин, ну, там под предлогом, что что-то забыла купить... А я с ним по душам и поговорю... Простит, поймет — его счастье, нет — он это счастье потеряет... — сердито заключила Мария Федоровна.

— Что, на воскресенье и наметим приглашение? — робко и с большим волнением спросила Бетсиин.

— Да, — ответила мама Мария.

Они очень нравились друг другу. Им было интересно общаться. Они друг в друге души не чаяли. А когда Аркадий узнал, что Бетси еще и чудесно поет, то сразу написал маме восторженное письмо. «Представляешь, мама, она еще и поет! Недавно слушал ее в институтском Доме культуры. Правда, на сцене она еще ведет себя скованно — сказывается сельское воспитание. Но голос! Ты ее полюбишь, мама! И папе она очень понравится. А красавица какая!»

Как-то накануне он сказал Бетсиин: «Ты знаешь, какие я письма стал писать своим старикам за последние полгода?! По ним можно было бы роман написать. Как-нибудь я дам тебе их прочитать», — весело и озорно прощебетал Аркадий, довольный своей идеей.

Все, что делал и говорил Аркадий, и нравилось, и забавляло Бетсиин. И все больше притягивало ее к нему. Он был просто само обаяние! Она так быстро привыкла к нему, что порой диву давалась, как могла она за короткое время так прикипеть к нему. Она еще не была твердо уверена в том, что он ее крепко любит. Но что она твердо знала — это желание видеть его каждый день!

Все это так, но одно обстоятельство беспокоило и тревожило Бетсиин — как воспримет он то, что она уже не девственница. Вот почему однажды при очередной встрече с Аркадием, она с грустью и печалью, в глубокой задумчивости вдруг задала вопрос:

— Где ж ты был раньше? Почему не появился раньше?

— А что, я опоздал что ли? Я поздно встретил тебя? — не понимая глубины ее печали, в некотором недоумении и замешательстве серьезно спросил Аркадий.

Не могла она объяснить ему, почему так горько прозвучали ее слова: боялась открыть «тайну» своего позора.

Однажды Аркадий серьезно, почти сердито проворчал.

— Ты знаешь что? — грустно, упавшим голосом и с тоской в глазах, обратился он к Бетсиин. — Я теряю творческое вдохновение, ничто особенно меня не радует, ни одна интересная идея не приходит в голову... — чуть не плача, говорил он.

— Почему? Что случилось? — в тон ему серьезно и с тревогой в голосе спросила Бетсиин, улавливая в его поведении какой-то неуловимый скрытый смысл.

— И ты не знаешь, почему? — удивлялся он, чуть оживившийся, заглянув в красивые, взгрустнувшие глаза Бетсиин. — А очень просто: потому что тебя нет рядом!

— Как же? Мы ведь почти каждый день встречаемся! — наивно отвечала она.

— Ты не поняла, — стал пояснять Аркадий. — Сижу я за письменным столом, думаю над темой, а когда устаю, хочу тебя обнять, а тебя нет рядом... Протягиваю руки, хочу тебя притянуть к себе, поцеловать, чтобы зарядиться энергией, а тебя — нет рядом. Я больше не в силах выдержать такое. Ты как хочешь, — уже более решительно продолжал он. — А я, к примеру, больше так не могу. Мне необходимо видеть тебя и днем, и ночью! Ты должна быть источником моего вдохновения!

— И что ты предлагаешь? — хитро спросила Бетсиин с робкой улыбкой в глазах.

— Я что, непонятно объяснил? — вновь сделав серьезный вид, «строго» спросил Аркадий. — Жениться нам надо! Вот и мама пишет: «Тебе уже 30. Пора бы и за ум взяться!» Представляешь? За какой ум надо взяться, если у меня его нет!

И оба одновременно расхохотались. Особенно развеселило Бетсиин последнее утверждение Аркадия, что у него нет ума.

— Если бы у меня был ум, то я должен был бы уже давно предложить тебе выйти за меня замуж! — продолжал он «бичевать» себя полуигриво, полусерьезно. — Кстати, а ты вообще-то говоря, за меня замуж собираешься? А то я все о себе да о себе.

— Если бы я не хотела за тебя замуж, я ни одного дня с тобой не виделась бы, — вдруг разрыдавшись, прошептала она. — Я бы не разрешила тебе обнять себя, целовать...

— Почему ты плачешь? Что с тобой? Я тебя обидел? — растерянно спрашивал Аркадий.

Не могла, боялась Бетсиин рассказать ему обо всем, что мертвым грузом давило на нее. Вот она выслушала Аркадия и так тяжело стало на душе. И она продолжала глухо стонать. Аркадий посмотрел на нее и, видя, как она обливается горькими слезами, сам чуть не заплакал.

«Или она от избытка радости плачет, — думал Аркадий. — Или что-то у нее когда-то стряслось...»

— Бетси, что с тобой, моя радость? Ты что-то неприятное вспомнила?

«Наверное, все-таки что-то случилось у нее, — размышлял Аркадий. — Иначе бы она так далеко не уехала от родных мест...» — рассудил он.

— Расскажи — легче будет. И смелее. Запомни: все, что неприятного у тебя случилось раньше — оно осталось в прошлом, за бортом!

Конечно, Бетсиин была не в силах рассказать ему обо всем. Поэтому вместо ответа она, слегка успокоившись, тихо сказала:

— Мама Мария и я приглашаем тебя к себе в гости. В воскресенье.

— Приду! — обрадовался он и нежно обнял девушку, вытирая своим платком слезы на ее красивом лице.

В воскресенье он пришел.

— Где тут мои родные живут? — сразу с порога бросил он, передавая торт и бутылку шампанского Марии Федоровне.

Перед Аркадием предстала милая женщина с добрыми глазами и с улыбкой на лице. И ему сразу стало здесь уютно и тепло.

— Ты, Аркаша, помоги маме Марии накрыть на стол, а я сбегаю в магазин за хлебом. Забыли купить, — засуетилась Бетсиин, когда гость расположился на диване.

Аркадий обратил внимание на дрожавшие руки Бетсиин. Заметил он это, когда она никак не могла попасть ногой в туфельку.

«Волнуется, — сделал он вывод. — Любимый человек пришел к ней домой! Событие!»

Мария Федоровна, меж тем, накрывая на стол, незаметно стала рассказывать Аркадию о жизни Бетси в родном селе... Она поведала ему обо всем в подробностях.

Аркадий слушал молча. Он был серьезен и сосредоточен. Вот сейчас только понял он, почему Бетсиин заехала так далеко и оказалась в Харькове. «Хотела убежать от позора как можно подальше, — сделал он вывод. — Вот чем можно объяснить, почему она, нет-нет, глухо стонет. Вот почему она не была уверена в моих чувствах к себе. И радость у девочки была не в радость. Бедняжка ты моя. Вот почему она порой вела себя так скованно».

— Вот так она стала для своих сельчан грешницей, — говорила, чуть не плача, Мария Федоровна. — Дикие нравы, батенька, дикие, — тяжело вздыхая, продолжала она. — Для них было неважно, изнасиловали девушку или нет, виновна она или нет. В любом случае они навешивают на таких девушек ярлык грешницы. И самое страшное — это то, что уже никто не может на такой жениться. Если даже крепко влюбится в нее. Позор! Вот так вот, милый Аркадий Ильич, — официально обратилась она к гостю. — У нее самой не хватило смелости объяснить вам все это. Поэтому эту обязанность я взяла на себя.

Аркадий сидел на диване и продолжал молчать. Он смотрел на хозяйку дома и думал: «Бетси нежно называет ее мамой Марией! Как же Бетси повезло с ней!»

Вернулась Бетсиин. Сели за стол. Выпили, закусили. Заговорили об институте, об учебе Бетсиин. Аркадий шутил, как ни в чем не бывало. Мама Мария показывала гостю фотографии своих родных. Завели патефон. Аркадий пригласил Бетсиин на танец. Она говорила, что не может танцевать, а он учил ее. Одним словом, вели себя так, будто и не было никакого разговора о жизни Бетсиин.

— Скажу тебе, — когда ушел Аркадий, начала мама Мария, — парень что надо! Умный, добрый, красивый. Сдержанно выслушал меня...

— Но как он отнесется ко всей моей истории? — взгрустнув, произнесла Бетсиин.

— Как отнесется, так и отнесется, — успокаивала хозяйка свою юную квартирантку. — Не переживай. Мужик он современный, не то что ваши дикие сельчане. Подождем.

Как была Мария Федоровна рада, когда утром следующего дня Аркадий постучался к ним домой. Открыла она. Бетсиин была в ванной. В руках у него был небольшой букетик из алых роз.

— Ой, Аркадий Ильич пришел к нам! — нарочито громко взвизгнула растроганная мама Мария, чтобы Бетсиин могла услышать ее. — Слышишь, Бетси, Аркаша пришел к нам, — еще громче выкрикнула Мария Федоровна и, видя, что гость мило улыбается, и поняв, что он принял доброе решение, поэтому и назвала его ласково Аркашей. — Да ты проходи, проходи, — взяв у него цветы, оживленно встретила она гостя.

Аркадий продолжал стоять на пороге, дожидаясь появления Бетсиин.

— Я тороплюсь на занятия. У меня с утра лекции, — промямлил он, сияя улыбкой.

Когда наконец он увидел Бетсиин, на лице которой блуждала бледная, грустная улыбка, воскликнул:

— А-а, вот и моя Бетси!

Он обнял подошедшую Бетсиин, крепко поцеловал в губы и торжественно объявил.

— Когда мы поедем в ЗАГС?

— Как прикажешь, — мило улыбнувшись, тихо и полушутливо ответила Бетсиин, еще не совсем веря в правдивость такого предложения.

— Вчера я говорил со своими стариками по телефону, — возбужденно пояснил он. — Добро получено, — весело заключил Аркадий. — Мама Мария и Владимир Давыдович будут свидетелями, — расписал он каждому роли.

...Год у Бетсиин завершился удачно: ей исполнилось 18 лет, она перешла на второй курс, вышла замуж за любимого человека, и она скоро станет матерью. А сейчас они с Аркадием готовились к поездке к его родителям. И вновь Бетсиин охватило волнение: как она понравится там, как они встретят ее. «Перехвалил меня, назвал писаной красавицей, — рассуждала она не без тревоги перед отъездом, складывая в чемодан свои вещи. — Обыкновенная девушка. Да к тому же смуглая, а еще беременная... Неужели такие у них считаются красавицами? Если так, то каждая горская еврейка — красавица. Вот приеду, и они возьмут да разочаруются. Будет он знать!» — ворчала она.

Жили они пока у мамы Марии. Квартиру ему обещали через полгода. Вот он и старается как можно быстрее защитить докторскую. «Это тоже ускорит решение жилищной проблемы», — объяснял он Бетсиин. «Все это так, — размышляла она, — но как быть с учебой, когда появится ребенок. Придется, — и она тяжело вздохнула, — как минимум на год взять академический отпуск. — этот момент удручал ее. Второй курс она, конечно, успеет закончить. — Как быстро пролетело время?! — продолжала она рассуждать. — Осенью 57-го приехала, в августе 58-го поступила в институт, летом 59-го познакомилась с Аркадием, осенью женились».

Ох, как глубоко ошибалась Бетсиин, думая, что родители Аркадия разочаруются в ней! Но «старики», как их ласково называл Аркадий, которые уже видели ее на фотографиях, отправленных им сыном, как только молодые приехали, сразу бросились обнимать и целовать свою невестку, приговаривая: «Радость ты наша! Красавица ты наша! Здравствуй, доченька! Мы так рады видеть тебя! Слава богу, наконец свершилось: женился-таки наш Аркаша!» Весь месяц они обхаживали ее, откармливали, созывали в гости своих родственников, чтобы те вместе с ними разделили их радость! «Неплохо было бы теперь и к моим поехать! — подумала она и пустила слезу. — Лучше будет сделать это после рождения ребенка», — решила она, тяжко вздохнув.

Успокаивало Бетсиин то, что она твердо знала, что институт она закончит и что эпидемиологом она станет. Теперь она в этом ни капельки не сомневалась.

Когда Аркадию в роддоме сообщили, что у него родился сын, он сразу решил назвать его папиным именем — Илюшей.

Вскоре и квартиру выделили Аркадию. Когда Бетсиин с радостью сообщила об этом маме Марии, та сразу залилась горькими слезами. Бетсиин понимала ее состояние. Она знала, что мама Мария, конечно же, с одной стороны, безмерно рада за нее, за ее благополучие, но, с другой стороны, ее ждало горькое одиночество. Поэтому Бетсиин решила ее быстренько успокоить.

— Ну что вы, моя родная. Да кто же оставит вас одну?! Не будете вы одна! Целыми днями будете у нас, а вечерами — к себе домой. Идет? — говорила Бетсиин, улыбаясь и обняв маму Марию за плечи.

— Идет, — сквозь слезы, засияв улыбкой, озорно ответила довольная Мария Федоровна.

— Ну и хорошо! Будет у моего Илюши добрая няня! — продолжала весело Бетсиин. — И обеды будете готовить нам... Да дышать вам некогда будет, так что не заскучаете, поверьте мне, — издевалась она над своей мамой Марией. — Ну, не пугает вас такая перспектива!?

— И вовсе нет, — вытирая слезы платком, соглашалась Мария Федоровна, улыбаясь.

— И я смогу продолжить учебу, а то жалко пропускать целый год, — грустно произнесла Бетсиин, уже не столько маме Марии, сколько самой себе.

— Аркаша, ты знаешь, что я решила? — обратилась она к нему, когда он пришел домой. — Чего терять столько времени? Ты принеси мне все учебники за третий курс, и я буду заниматься дома. Позанимаюсь — и пойду сдавать экзамены вместе со своим курсом. Верно говорю? Мама Мария обещала целыми днями бывать у нас. Она и за Илюшей посмотрит, и обеды приготовит. А я спокойно засяду за учебники...

— Умница ты моя! — поцеловав жену в губы, поддержал ее Аркадий.

— От моего дома до вашего дома ровно 35 минут на троллейбусе, — войдя в дом, прямо с порога радостно заявила мама Мария.

«Никто не поверит мне, если расскажу, что я случайно нашла такую чудесную женщину! — подумала Бетсиин, улыбаясь вошедшей маме Марии. — Пожалела же меня Анна Федоровна, добрая проводница! И надо ж такому случиться, что к ней навстречу пришла сестра. Уму непостижимо. Порой самой не верится. Расскажи другим, ведь никто не поверит. Скажут, что подобное происходит только в добрых сказках...»

Поцеловав маму Марию, она вошла в детскую комнату и радостно обратилась к малышу:

— Илюша, а кто к нам пришел?

Илюша сидел в своей кроватке и бренчал игрушками. Увидев бабушку Машу, он живо протянул к ней ручки.

— Ты мой красавчик! Ты моя прелесть! — тоже протянув руки к малышу, приветствовала его мама Мария. — Соскучился по мне? — А потом добавила. — Весь в мать! Такие же глаза, такие же длинные ресницы, такие же черты лица! Что ж тут от Дунаевского? — шутила она, взяв ребенка на руки. — Вот так. Пусть твоя маманя занимается своими делами, а мы с тобой — своими. И, пожалуйста, не мешайте нам...

Бетсиин, обрадованная приходом родного человека и тем, что за Илюшей есть кому присматривать, села за письменный стол и, прež-

де чем раскрыть учебник, вновь, как всегда, углубилась в свои мысли. Вновь память вернула ее в родное село Шюкюр. «Антисанитария — бич наших сельчан, — размышляла она. — Как так можно было жить веками? Туалеты во дворе. Они месяцами не очищаются. Вонь, насекомые... Бр-р... Вода не хлорированная... Бань нет. Люди кипятят воду и купаются в тазах... Даже страшно подумать. Ведь и я прошла через все это! А детская смертность? А заразные болезни —малярия, дизентерия?.. Первое — это профилактика — совокупность мероприятий, предупреждающих заболевания и предохранающих от заражения. Второе — это качество молочных продуктов, питьевой воды...»

Бетсиин потерла ладонями виски, щеки, стараясь снять с себя напряжение. Потом поймала себя на мысли, что от воспоминаний о родном селе она незаметно перешла к предмету «Эпидемиология». «Чего я удивляюсь, если передо мной лежит этот учебник?» — рассудила она, открыв книгу.

Кое-какие зачеты, экзамены за третий курс она успела сдать еще в зимнюю сессию. А летом, не имея, по сути дела, ни одного «хвоста», она вместе со своими однокурсниками уже толкалась под дверями кабинетов, где шли экзамены. Тут она вновь превратилась в обычную студентку: и шутила, и шпаргалки передавала, и на консультации ходила, и ела вместе с девочками в институтской столовой... И никто не мог предположить, что эта 20-летняя девушка, бывшая сельская школьница, уже мать и растит сына и что она замужем за профессором этого же института. Она оставалась такой же простой девушкой, доступной для других, жизнерадостной и веселой. И никто уже не узнает, что и как пришлось пережить этой красивой, стройной, черноволосой горянке. Обо всем этом могла горевать лишь она одна. И теперь Бетсиин с дрожью в теле вспоминала и событие на злополучном пляже Шюкюрчая, и пьяные оргии падших женщин в общежитии консервного завода, и как вдруг пришлось уехать в далекий, незнакомый город Харьков... А затем, немного успокоившись, не без улыбки думала о том, как судьба свела ее с мамой Марией...

Она успешно справилась и со вторым семестром и вместе со своими однокурсниками перешла на четвертый курс. Правда, теперь она числилась в студентках не как Ханукаева. Она уже была Дунаевской. Так же по-прежнему был приветлив с ней заведующий

кафедрой Борис Львович Школьник. Как-то он остановил Бетси в коридоре, поздравил с рождением сына и совершенно неожиданно для нее сказал:

— Бетси, а ты молодец! Упорной и трудолюбивой оказалась ты. Ни разу твой Аркадий никого из преподавателей не просил сделать тебе снисхождение. А это значит, что ты девушка серьезная и умная и ответственно относишься к учебе. Это ценно. Ты перешла на четвертый... Значит, еще три года... Пора уже, — и тут Борис Львович хитровато улыбнулся, — сейчас настраиваться на дальнейшую учебу. Да, да. Тему для диссертации я тебе по знакомству подкину. Обещаю, что буду твоим научным руководителем. Согласна?

— Ой, Борис Львович, благодетель вы мой! Как же не быть согласной! — смущенно ответила обескураженная, но и радостная Бетсиин. — Но еще о-ё-ёй!

— Ничего, время быстро пройдет! — успокоил ее уважаемый профессор. — Вон, не успели оглянуться, а ты и студентка, и мама...

В тот день только попрощалась с Борисом Львовичем, как через несколько минут ей повстречался Владимир Давыдович Глейхман.

— А-а, на ловца и зверь бежит, — сразу бросился шутить руководитель хора. А потом, посерьезнев, добавил. — Как сын? Нетрудно? Мама Мария помогает? Как понимаю, с хором у тебя уже все, — и он, скрестив руки, произнес. — Хана хору. Что ж поделаешь, такова жизнь. А голос у тебя изумительный!.. Если бы ты не училась на врача, можно было бы стать настоящей певицей. Ну да ладно. Привет Аркаше.

— Все. Одолела. Наконец! — с тяжелым вздохом выдавила из себя Бетсиин, когда она вошла в дом и опустилась на стул. — Даже не верится.

— А кто моя прелесть? Сознавайся! — обнимая и целуя жену, стал шутить Аркадий. — Мама Мария, где вы там? Надо обмыть успешное окончание сессии. Есть у нас чего-либо или сбегать в магазин?

— Есть, есть. С прошлого раза целая бутылка «Кагора» осталась, — выпорхнув из детской, весело выкрикнула мама Мария.

— Моя жена уже четверокурсница! — громко и озорно воскликнул Аркадий. — Представляете, мама Мария! Ужас, как быстро время-то прошло. А у меня для тебя подарок, — и он обнял Бетси. — Догадайся с первого раза, — заигрывал он с любимой женщиной. И, заметив, что она в замешательстве, выкрикнул. — Мы едем к твоим

родителям! Да, да, все трое. Вернее, вчетвером! Так что готовьтесь, мама Мария. Укладывайте чемоданы, девочки! — заносчиво и весело приказывал он.

— Вот спасибо, родной! — обрадовалась Бетсиин. — На сколько дней?

— У меня отпуск на два месяца. После защиты докторской мне добавили еще несколько дней, — сразу посерьезнев, сообщил он. — Давайте сделаем так. Неделю пробудем у твоих. Чтобы особенно не утомлять стариков, одной недели хватит. На море сходим. Как у вас там в июне с морем? Думаю, самая пора. Сфотографируемся. Я возьму с собой фотоаппарат. Если удастся, то на денечек можно будет съездить и в твое родное село. Утром поедем, к вечеру вернемся. Идет? А оттуда... друзья мои, в Ялту! На Черное море!

— Идет, — улыбалась счастливая Бетсиин, благодарная мужу за заботу и внимание.

— Берем с собой все фотоснимки, сделанные у моих родных, у мамы Марии и здесь, в новой квартире. Они с удовольствием просмотрят их. Ой, как там мой сыночек? Такие тут новости, а он отсутствует. Бетси, принеси моего малыша. — Когда Бетси появилась с мальчиком, Аркадий, разошедшийся, громко сообщал сыну. — Илья Аркадьевич, едем к твоему дедушке и к твоей бабушке. Ты доволен? — И он, подняв Илюшу вверх, закружился с ним по комнате.

— Осторожно, выронишь ребенка, — забеспокоилась мама Мария.

— Не слышу возгласа от мамы Марии, — продолжал Аркадий в том же духе.

— Едем, конечно, едем, — приняв Илюшу к себе на руки, согласилась довольная мама Мария.

Ночью в постели, обнимая Бетсиин и привлекая ее к себе, он шепнул ей на ухо.

— Ты не волнуйся. Я приберег для твоих 200 рублей. Иначе им будет тяжело сразу со столькими гостями. Ты сама и вручишь маме. Хорошо?

— Спасибо, родной! Ты у меня заботливый и внимательный, — Она поцеловала мужа в губы и вошла в его объятия.

Утром Аркадий поехал в институт — надо было завершить кое-какие дела на кафедре. Илюша спал. Мама Мария еще не приехала. Бетсиин прибрала на кухонном столике, налила себе чашку кофе, села

и незаметно задумалась. «Удивительный странный менталитет у моего народа, — подумала она мысленно, помешивая ложечкой сахар в чашке. — Ведь как они порой рассуждают? Если горская еврейка вышла замуж за ашкенази, значит на ней никто из своих не хотел жениться. Вот ведь какая у них философия!? Или рассуждают так: своих дочерей за ашкенази отдавайте, но не женитесь на их дочерях. Это-то ладно. А тут, заговорив обо мне, они вспомнят и о ярлыке грешницы. Как пить дать, рассудят так: «А-а, а что мы говорили? Кто бы из наших на ней женился с таким ярлыком?» Какой все-таки диковатый у нас народ!» — грустно заключила Бетсиин.

Кофе давно уже остыл, а она все еще машинально помешивала кофе ложечкой. Вспомнила родителей: «И отцу, и матери не так много лет. Отцу только 50, а матери — 47. В принципе молодые еще, а как плохо себя чувствуют и выглядят неважно. Конечно, и нервное напряжение из-за случившегося со мной сказалось, и ранение отца дает о себе знать, и мой побег сюда потряс их. Да что там говорить!»

Она поднесла чашку к губам и, почувствовав, что кофе уже давно холодный, очнулась от своих мыслей, вздохнула и снова поставила кофейник на плиту. Затем, напившись, она стала понемногу складывать свои и детские вещи. «Да, тесновато будет у родителей, — подумала она. ——Но ничего. Женщины будут в одной комнате спать, мужчины в другой. В тесноте — не в обиде. Да потом, честно говоря, в такую жаркую погоду можно прекрасно и на веранде поспать. Зато сколько радости доставим родителям. Они ее заслужили!»

Оставшись удовлетворенной последним обстоятельством, Бетсиин подошла к кроватке и нежно поцеловала сына. «Действительно, парень здорово на меня похож!» — отметила она, довольная этим сходством.

Телеграмму родителям Бетсиин не отправила: Аркадий решил сделать им сюрприз — заявиться неожиданно.

В Дербенте на вокзале Аркадий, оставив своих с вещами на перроне, побежал на привокзальную площадь, договорился с таксистом, и они, загрузившись, поехали. У дома роителей Аркадий попросил таксиста, который оказался горским евреем, громко и долго просигналить. И тот с душой охотно выполнил его просьбу.

— Это тебе дополнительно за сигнал, — хохоча, протянул Аркадий водителю лишний рубль.

Таксист взял деньги и в знак благодарности еще раз просигналил и, дав Аркадию честь, укатил.

В это время из ворот вышел, протирая глаза, сонный Миир. Не веря глазам своим, он еще стал сильнее протирать глаза, чтобы лучше рассмотреть стоявших у ворот людей.

— Папа, — закричала Бетсиин и со слезами на глазах нервно бросилась в объятия растроганного отца.

Не выдержал и Миир: он глухо застонал, роняя скупые, жгучие мужские слезы.

— Что ж ты, доченька, за три года так ни разу не приезжала? — говорил он сквозь слезы.

Она ничего не отвечала, а еще крепче прижималась к груди родного человека. Про себя же подумала: «Хотела, чтобы моя душевная рана зарубцевалась, ждала, когда удачно выйду замуж и рожу детей! Хотела всем нашим недоброжелателям показать, какая я теперь счастливая. Мой муж профессор, я на четвертом курсе института, у меня растет сын! Так вот, папа, дорогой ты мой человек!»

— Моя золотая доченька! — продолжал нежно целовать свое дитя Миир.

— Миир, кто там? — не сразу сообразив, кто обнимается с мужем, вскрикнула, выскочившая из ворот Дедейхуне. А увидев Бетсиин, она с воплем и громким рыданием бросилась к дочери.

— Ты моя радость! Ты наше счастье! — кричала ее истерзанная душа.

Со слезами на глазах наблюдала Мария Федоровна за такой драматичной сценой. Она вытирала слезы. От волнения она дрожала. Уж кто-кто, а она-то знала о причине такого всплеска эмоций. «Что только ни пережили эти люди!» — думала Мария Федоровна с печалью.

— Есть над нами бог! — истерично выкрикивала Дедейхуне. — Бог все видит! — будто кому-то доказывала она. — Бог милостив! — подняв руки кверху, закатив глаза, обращалась она к небу.

И мама Мария, и Аркадий, подробно знающие о судьбе этих людей, понимали значение выкриков матери Бетсиин.

Бетсиин, чувствуя, что встреча у ворот слишком затягивается и что соседи уже выглядывают из окон, вытирая слезы, представила гостей.

— А это моя мама Мария, — подвела она Марию Федоровну, обняв ее за плечи, к своим родителям.

Тепло и сердечно приветствовали Миир и Дедейхуне спасительницу своей дочери. И когда очередь дошла до Аркадия, то он, не дав им первым излить свои чувства, сам крепко обнял сначала мать, затем отца и торжественно произнес:

— Низкий вам поклон за такую прекрасную дочь! Вы вырастили чудо природы! И я, и мои родители в восторге от Бетси! Первого сына я назвал именем своего отца, — тут он улыбнулся, а потом продолжил, — второму сыну дадим ваше имя, — уверил он отца и при этом посмотрел в сторону жены, чтобы понять, не возражает ли она родить второго сына.

Аркадий своей в меру серьезной и в меру шутливой речью внес некоторое веселое оживление в процесс встречи.

— Давайте, дорогие мои, пройдемте в дом, — пригласил гостей Миир движением руки.

Так трогательно и немного драматично проходила эта встреча у Бетсиин с родителями.

Бетсиин рассказала родителям о планах на неделю пребывания. Мать с некоторой тревогой попросила ее:

— Может, не надо, доченька, ехать в Шюкюр?

— Ничего, мама, — спокойно ответила Бетсиин. — Мы поедем туда утром, ни к кому не зайдем, ни с кем общаться не будем... Осмотрим бегло само село, пойдем к Шюкюрчаю, заглянем в лес, подъедем к морю, побываем у нашего домика, у школы — и назад. И мама Мария, и Аркадий хотят познакомиться с местами, где я родилась и выросла... Везде сфотографируемся на память...

— Ну если только так, — согласился отец, — то можно.

— А к вечеру мы уже будем дома. Надеюсь, мама к нашему приезду приготовит нам дулму. А то я обещала своим накормить их дулмой. А ты, папа, водку не покупай — мы пьем только сухое вино. Желательно красное. А еще лучше, если достанете пару бутылок «Кагора». А это Аркадий передает вам на расходы, — и она протянула матери 200 рублей.

— Что ты, доченька. Они вам пригодятся, — отвела руку дочери Дедейхуне, смутившись.

— Ничего, мама. И нам хватит. Все-таки мой муж профессор, — сказала она с улыбкой. — И слава богу, зарабатывает неплохо, — успокоила она мать.

Сначала они в течение нескольких дней загорали на городском пляже. Аркадий был в восторге от Каспия, от древних крепостных стен, от других достопримечательностей Дербента. А мама Мария была вообще на седьмом небе от всего увиденного. А в один из дней они заказали такси и утром выехали в Шюкюр. И уже в пути Аркадий и Мария Федоровна, наблюдая за побледневшей Бетсиин, сначала решили, что, наверное, ее укачало. Но, заметив, что Бетсиин потеряла сознание, забеспокоились. Они попросили водителя остановиться на обочине дороги. Вывели Бетсиин на воздух, дали ей попить воды. Вопросов ей не задавали, потому что догадались, что это от сильного волнения из-за предстоящей встречи с родным селом.

— Бетси, может, повернем назад? — предложил Аркадий, взволновавшись за жену.

— Ничего, ничего. Это пройдет, — выдавила Бетсиин. — Все пройдет. Поехали, — решительно заявила она.

Как бы то ни было, они въехали в село. Проехали по площади. Она была пустая. «Вот тут на лавочке под огромным тутовником всегда восседали три старца», — подумала Бетсиин. А теперь лавочка пустовала.

— Справа сельсовет, клуб, — взяв на себя роль гида, стала рассказывать Бетсиин, уже приободрившись.

Аркадий фотографировал все, что показывала Бетсиин. Сделав общий обзор села и десятки фотоснимков, постояв у домика, где родилась и жила с родителями Бетсиин, они затем проехали к берегу моря. Аркадий влез в море, поплавал, вышел, оделся, и они поехали дальше — к реке. И так уж вышло, что, забывшись, ожившая Бетсиин повела их к пляжу, к тому месту, где с ней и произошла известная трагедия. И мама Мария, и Аркадий по выражению лица Бетсиин догадались, что это именно то место, где произошло с ней несчастье. Несколько минут все молчали. А потом Аркадий, решив, что грустная пауза затягивается, громко выкрикнул:

— А в лесу нас ягоды ждут! Я даже отсюда их вижу, — пошутил он и направился в сторону леса.

— Шутки шутками, а ягод в июне здесь бывает очень много, — включилась в разговор взгрустнувшая было Бетсиин.

И они вошли в лес.

— А вот и фундук! — восторгался Аркадий.

— Ой, дикие груши! — изумлялась мама Мария. А попробовав их, воскликнула: — Какая вкуснятина!

— А вот и грецкий орех вижу, — сообщил как разведчик Аркадий, идущий впереди женщин.

Плетеная корзина постепенно наполнялась.

— Перегрузили меня, — весело жаловался Аркадий.

Развеселившись, наевшись всяких ягод, они решили подъехать к школе, где училась Бетсиин.

Уже у школы Аркадий, решив, что Бетси уже готова растрогаться, сразу стал балагурить:

— Здесь училась, — и он простер руки в сторону школы, — ученая, доктор медицинских наук Ханукаева-Дунаевская Бетсиин Миировна! — и захохотал, довольный своей шутке.

Даже мама Мария, уже очарованная этим райским уголком, не удержалась и от души засмеялась.

Бетсиин слегка улыбнулась забавной выходке мужа и, когда подошла к окнам своего класса, заглянула внутрь и задумалась. Были каникулы и в школе никого не было. Но как бы она хотела встретить хоть кого-нибудь из учителей и поговорить...

Конечно же, разъезжая по селу, останавливаясь то там, то здесь, Бетсиин обращала внимание, что кое-кто из молодых и пожилых сельчан подолгу рассматривали заезжих гостей. Быть может, некоторые из них узнали ее, но не были в этом уверены. Уж слишком непривычно для них была одета их бывшая землячка: и прическа не такая, и одежда городская, и спутники ее были явно не из этих мест. Как Бетсиин хотела подойти к тем редким прохожим сельчанам и заговорить с ними на родном языке, спросить, как дела, как дети. И как она хотела сказать им: «Да, это я, Бетсиин Ханукаева, которую некоторые сельчане окрестили грешницей!» Если Бетсиин считала, что ее встреча с родным селом состоялась, то повидаться, поговорить с земляками ей не удалось. «Но кое-кто все же узнал меня. Это хорошо! Теперь по селу пойдет слух, что заезжала Бетсиин, что она была с мужем и ребенком. Это тоже хорошо! Благо, что и Аркадий сильно похож на горских евреев!»

И все же Бетсиин была не совсем удовлетворена итогом поездки в Шюкюр. По дороге сюда она мечтала встретить своих учителей, рассказать им, что учится на эпидемиолога. Как она хотела подвести маму Марию и Аркадия к огромному белому тутовнику на площади, потрясти его ветки, набрать сочных сладких ягод и радостно произнести: «Ну как, вкусно? То-то!» Но из-за неопределенности своего положения она

лишена была таких возможностей. Она не смогла осуществить все свои желания. И это немного омрачало ее настроение и огорчало ее.

* * *

Ровно через 20 лет, в конце июня 1980-го года, когда она с Аркадием и двумя взрослыми сыновьями, Ильей и Мииром, в последний раз заедут в Шюкюр, на стене школы они действительно увидят мемориальную доску, которая будет гласить, что эту школу окончила выпускница 1957-го года Ханукаева-Дунаевская Бетсиин Миировна, ставшая кандидатом медицинских наук, доцентом.

— Ой, немного ошибся я тогда, предсказывая, что ты вернешься сюда доктором медицинских наук. А приехала всего-навсего кандидатом, — обняв жену, весело захохотал Аркадий.

В том 1980-м году сыновьям Бетсиин будет уже по 19 и 17 лет. Оба пойдут по стопам родителей и поступят в медицинский институт. Аркадию к тому времени исполнится 52, а Бетсиин ровно 40 лет. В Дербенте им уже не у кого будет остановиться, если не считать родственников. Не будет уже в живых рано умерших отца Миира и матери Дедейхуне. Не будет уже в живых и мамы Марии, и ее сестры, сердобольной проводницы Анны Федоровны, и многих других персонажей повести.

В том 80-м году, когда Бетсиин с Аркадием и детьми (а это последняя поездка была совершена ради них, чтобы познакомить их с родным селом любимой мамы) заедут в Шюкюр, новый секретарь сельсовета устроит им, дорогим гостям, удивительную встречу с сельчанами. Из уважения к почетным и известным ученым в Шюкюр съедутся представители органов власти и здравоохранения из Дербента, Махачкалы, Касумкента и Магарамкента.

В переполненном новом сельском клубе первым возьмет слово новый директор школы.

— Всякое было в нашем родном селе, — начал он. — И радости, и печали хватало. Но как бы то ни было, наше село прославилось тем, что именно отсюда вышли многие известные люди — писатели, поэты, виноградари, а теперь и ученый-врач! Все они в разное время приезжали в родной Шюкюр. Их магнитом притягивало сюда. Всем понятно, как ностальгия по родным местам не дает покоя людям в течение всей их жизни...

Директор школы говорил с чувством, страстно. А Бетсиин, сидевшая в президиуме рядом с Аркадием, думала свои думы: «Сколько народу собралось здесь! Многих она уже не знала. Да и горских евреев тут было уже не так много. Уехали земляки из села. Кто куда. Да и ее мало кто узнавал. Может быть, кто-нибудь из них смутно еще помнил о ее трагедии, но не более того».

Откуда-то издалека доходили до нее слова директора.

— Поэтому наши уважаемые односельчане иногда возвращаются к нам, чтобы вспомнить прошлое, подышать родным воздухом. Сегодня вы все видели мемориальную доску, прикрепленную к стене школы. Наши старые учителя рассказывали, как Бетсиин Ханукаева еще со школьной скамьи мечтала стать санитарным врачом, эпидемиологом. И она им стала! Больше того, она теперь и кандидат медицинских наук, доцент. А ее муж Дунаевский Аркадий Ильич является доктором медицинских наук, профессором, заведующим кафедрой общей терапии в Харьковском мединституте. Мы гордимся своими замечательными земляками. Мы будем рады всегда видеть вас в родном Шюкюре — этом райском уголке. Теперь позвольте слово предоставить нашей дорогой гостье Ханукаевой-Дунаевской Бетсиин Миировне.

Она подошла к микрофону и взволнованным голосом начала свою речь.

— Дорогие мои земляки, уважаемые гости! Да, я горжусь тем, что родилась в этом чудотворном уголке! Еще будучи ученицей 9 класса, я помню, как всегда переживала, если в селе от инфекционных болезней умирали дети, взрослые. Я уже тогда задавалась вопросами: нельзя ли успешно бороться с антисанитарией в селе и как можно предупредить всякие инфекционные заболевания. Вот тогда я и надумала стать санитарным врачом. С годами ко мне приходили и другие мысли, связанные с улучшением быта наших сельчан. А что, подумалаа я, если вы задумаете построить в нашем лесу санаторий! Чистейший воздух, рядом река и до моря рукой подать. Вокруг ягоды, фрукты. Санаторию будут необходимы подсобные работники. Наши безработные земляки будут только рады. Тогда надо будет думать и о строительстве в селе минизавода по выпуску молочных продуктов, в котором будет нуждаться санаторий. И опять же будут нужны рабочие руки. А коль скоро появится такой завод, то надо будет больше уделять внимания увеличению поголовья крупного рогатого скота. Значит необходимо

будет развивать животноводство. И опять образуются дополнительные рабочие места.

А теперь представьте себе другую картину. По стране распространили рекламную продукцию с видами и села, и леса, и санатория, и реки, и моря, и асфальтированных дорог, и тротуаров. Появляются желающие порыбачить или просто отдохнуть у нас. Это не касается санатория — там свои клиенты. Так вот, допустим, понаехали к вам люди, а где им жить? Значит надо подумать и о строительстве небольшой гостиницы, в которой, конечно же, необходимо будет создать нормальные условия. Вновь нужны будут рабочие руки. Коль скоро заработают санаторий, гостиничка, то необходимо будет организовать заезд и отъезд отдыхающих из Дербента. Значит постоянно должны будут курсировать автобусы. Не беспокойтесь, пустыми они не останутся, потому что ими будут пользоваться и сельчане. Если так, то надо асфальтировать все наши улочки, саму площадь, дорогу через реку до санатория, до берега моря, до трассы.

Санаторий будет функционировать круглый год. А значит его надо газифицировать, обеспечить водопроводом. То же самое коснется и молочного завода, и гостиницы, а заодно домов всех сельчан... Улучшить условия жизни сельчан — первейшая задача. Вновь появятся дополнительные рабочие места: слесари, сантехники, газовики, водопроводчики и так далее. Итак, один только санаторий поможет вам решить много проблем. Насколько я знаю — основное население села сидит без работы. Эта проблема сразу будет ликвидирована.

А ведь наш райский, живописный, рукотворный уголок заслуживает того, чтобы его оценили по заслугам. И наш край превратится во всесоюзную здравницу! О ней будут знать во всей стране. Сюда будут приезжать с большой охотой. Повторяю: смешанный лес, полный угод и фруктов, чудный воздух, море, река. И главное — это замечательные люди Шюкюра! Они не будут слоняться по селу без дела и ездить на рынки Дербента для продажи ягод и фруктов. Что за жалкие заработки? Это один позор!

Надо решать и другую проблему: оживить внеклассную, внеурочную воспитательную работу в школе. Открыть кружки: спортивные, творческие. Надо наконец подумать об удовлетворении интеллектуальных потребностей своих детей. Неплохо было бы в селе открыть свой Дом пионеров и школьников. Сразу оживится кружковая работа. Поверьте мне, улучшится и дисциплина учащихся, и их успевае-

мость. Постарайтесь, пожалуйста! Тогда и сельчане не покинут свой отчий край.

Вот какую огромную пользу вы получите, стоит только проявить инициативу.

* * *

...Дунаевские заняли отдельное купе в поезде Баку-Москва. Илья и Миир сразу полезли на вторые полки. Аркадий лежал и просматривал журнал. А Бетсиин, опершись руками о подбородок, сидела за столиком, смотрела в окно и с грустью вспоминала о поездке в родное село. «Прощай, мой райский уголок! — мысленно прощалась она с отчим краем, — К тебе я больше не ездок. Да, уже и некогда будет — жизнь завертится». Вспомнит она заодно и об умерших родителях, о маме Марии. И конечно же, память вновь вернет ее к собственной судьбе.

Аркадий отложил в сторону журнал, посмотрел на взгрустнувшую жену. «Опять грустит, печалится», — подумал он, тяжко вздохнув.

Он встал, присел рядом с Бетсиин, обнял ее за плечи и тихо спросил.

— Опять грустишь? Что ж ты опять?

— Вспомнила отца, маму, маму Марию и подумала над тем, что уезжает все-таки народ, — с глубокой тоской в голосе прошептала Бетсиин, стараясь, чтобы дети не слышали.

— Да. Но почему? — также шепотом спросил Аркадий, тяжело вздохнув.

— Еще лет десять — и в селе почти не останется горских евреев, — сокрушалась Бетсиин. — Куда они уезжают? В Израиль, в Дербент... Одним словом, они просто убегают отсюда. Работы нет, выживают за счет даров природы, за счет рыбы... Живут в окружении мусульманских народов... Чувствуют к себе невнимание, неуважение и определенное пренебрежение со стороны партийного руководства республики... Э-эх, много и других проблем, дорогой Аркаша.

— Завтра утром — Ростов, — решил изменить тему разговора Аркадий. — А там до Харькова рукой подать. — А потом, чтобы услышали дети, весело пропел. — Скоро, ребятки, всем на занятия! Так что жизнь продолжается.

— Мама, кушать охота, — подал голос сверху младший Миир.

Бетсиин очнулась от своих мыслей и ласково произнесла.

— Бедные мои мальчики, проголодались. Спускайтесь, мама накормит своих маленьких птенчиков.

И все четверо весело засмеялись.

— Вот и наши дети спустились, — игриво пошутил Аркадий. — Кстати, эти дети от «смешного» брака, — засмеялся он. Папа еврей, мама — татка.

— Я тебе дам издеваться, — и Бетсиин показала мужу кулачок. — Я тоже еврейка! Только горская.

— Ладно, ладно. Ты тоже. Сдаюсь, — защищаясь от «угроз» жены, выставил для защиты Аркадий руки.

— Так-то, улыбнулась Бетсиин. — Будешь знать, как обижать жену. — Ты же видишь, как мои дорогие мальчики проголодались. Надо их накормить, — шутила Бетсиин, нарезая колбасы и уже успевшая отойти от печальных воспоминаний.

— А мужа кормить будешь? — продолжал шутить Аркадий.

— Ладно, так уж быть, и мужа накормлю. Профессор как-никак.

И все вновь дружно засмеялись.

Поезд вез их в Харьков, а райский уголок остался далеко позади.

Прощай, детство!

Рассказ

БОЛЕЗНЬ

В нашем южном городке на Кавказе нас, детей разных национальностей, записывали в школу с восьми лет. Как я узнал позже, это объяснялось тем, что мы, прежде чем пойти в школу, должны были сначала научиться сносно говорить на русском языке. Для многих моих сверстников, может быть, действительно это и было важно, но что касается меня, то я уже не только хорошо говорил, но и неплохо читал на русском языке.

В том далеком 1944 году, когда шел четвертый год войны, мама и повела меня в школу. Учился я с упоением. Учительница любила меня за усердие, за хорошее чтение и правописание. С отличными отметками я перешел во второй класс.

А на первых же моих каникулах со мной произошел трагический случай, последствия которого на многие годы омрачили мое детство.

Мы, соседские мальчишки, часто играли на проезжей мощеной части улицы в лапту. Одна команда, подбросив вверх теннисный мяч, била по ней битой и отправляла его в сторону другой команды, члены которой должны были поймать этот мяч и затем метнуть его рукой в членов первой команды. Если мяч попадал в одного из соперников, тот выходил из игры.

В тот злополучный день я, уставший, весь мокрый от пота, тяжело дыша, получив удар мячом, выбыл из игры и стал в сторонке. Незаметно, чтобы опереться на стену дома, я стал под окном соседей по двору. У них в квартире было два выхода: одна дверь вела с веранды во двор, другая — с крыльца на улицу. В тот день соседи выпустили свое-

го пса, и он лежал у самого крыльца. Мы, дети, называли его волкодавом, потому что он был огромного размера и с большой и страшной мордой. Я всегда боялся его и старался незаметно проскочить мимо него. А в тот день я, сильно утомленный, потерял бдительность и стал слишком близко к крыльцу, не обратив внимания на валявшегося тут волкодава, которому, видимо, и я взаимно не нравился.

Я был настолько изнеможден от игры, так рассеян, что когда этот волкодав неожиданно зарычал сзади меня, то я так резко вздрогнул, что у меня почему-то сразу отяжелели ноги. Я от испуга даже не смог сдвинуться с места, отбежать в сторону. И лишь когда на рык собаки вышла служанка соседей Зухра и, увидев, что я в страхе прижался к стене, она затолкала пса на веранду. Я приложил огромное усилие, чтобы медленно зашагать ко двору. Я еле волок ноги, которые сразу стали свинцовыми. Я весь трясся от страха, не мог издать ни звука: будто онемел. Я вошел к себе в дом и сразу распластался на полу.

Когда мама пришла, я все еще продолжал лежать и весь горел. Мать кинулась ко мне, быстро потрогала мой лоб и в ужасе вскрикнула:

— Да ты весь горишь! У тебя большая температура. Что случилось с тобой? Не просквозило ли тебя? Вечно до третьего пота играешь...

Быстро помыв мне голову и ноги, она одела меня и повела в детскую поликлинику. Врач, ничего не определив, предположила, что, видимо, меня, потного, продуло где-то на сквозняке. И на всякий случай попросила с утра сдать на анализы мочу, кал, кровь.

Анализы, кроме присутствия в кишечнике глистов, ничего не показали.

Между тем мне с каждым днем становилось все хуже и хуже. Я потерял аппетит и ничего не ел, перестал участвовать в играх, потому что плохо двигался — ноги были окаменевшими. Соседские мальчишки посматривали на меня, наблюдавшего за их игрой, как на очумелого, и недоумевали: они не могли понять моего странного поведения, состояния. Я же ко всему был безучастным.

Кончились каникулы. А когда наступил учебный год, и я должен был пойти во второй класс, мать повела меня в школу и сообщила учительнице, что я ни с того, ни с сего заболел и что ни один врач не может определить, чем я заболел, и что она в ужасе и не знает, что предпринять... Когда учительница заговорила со мной и спросила, на что я жалуюсь, она обратила внимание на мой отрешенный взгляд, вздохнула и произнесла:

— Кажется мне, что мальчик чего-то испугался. Уж слишком скованно он себя ведет. Он был таким активным, сообразительным мальчиком... Нет, с ним что-то стряслось на нервной почве, а потому и ноги плохо слушаются его. Кажется мне, что у него произошло нервное потрясение. Но чего он мог так испугаться? С моим братом было то же самое. Пока Авшор не вспомнит, чего он испугался, он не выздоровеет.

Так моей болезни был поставлен диагноз — испуг. И с того дня мать затаскала меня по гадалкам и врачам. И те в один голос заявляли, что я должен вспомнить, когда и как я испугался. Необходимо было, как говорили все они, найти первопричину. И что, мол, лишь тогда только восстановятся мои нервы, которые сейчас находились в заторможенном состоянии.

Куда только мама и ее сестры ни водили меня! Гадалки бросали в небольшие костерки куски металла, которые, расплавившись, делились на какие-то скрюченные кусочки. И они по ним определяли, что меня ждет, от чего я мог заболеть. В общем каждая провидица судила по-своему, каждая, как говорила потом мать, несла всякую чушь. «Только зря деньги трачу на них. И никакого толка», — досадовала она.

Однажды отвезли меня на машине даже на какое-то кладбище мусульман, где подвели меня к могиле какого-то святого. Женщины-мусульманки, которым мама предварительно хорошо заплатила за «медицинские» услуги, заставили меня писаться на эту могилу. Помню, когда меня попросили мочиться, то я сказал, что у меня нет пока желания. Пришлось всем им подождать с полчаса, пока у меня появятся позывы.

...Проходило время, а улучшения не намечалось. Я никак не мог вспомнить, от чего я испугался. На меня нашло невероятное отупение. И мое состояние продолжало ухудшаться. Я ничего не ел, исхудал, ничем не интересовался. Я просто таял на глазах. Мама насильно заставляла меня съесть хоть что-нибудь. Я уже с полгода не принимал участия в играх моих сверстников. Да я почти не общался с ними. Они играли, а я стоял в сторонке и наблюдал за их действиями. А они с некоторым сожалением поглядывали в мою сторону, боясь подойти ко мне, будто я был какой-то прокаженный. Иногда до меня доходили обрывки их фраз, произнесенные в мой адрес. Меня, конечно, они огорчали.

— Говорят, его в дурдом скоро отдадут, — злорадствовал один.

— У него чахотка что ли? — спрашивал другой.

— Видите, он ничего не понимает, — усмехался третий.

— Жалко. Хороший мальчик был. И в лапту неплохо играл, — сочувствовал четвертый.

Я, конечно же, тяжело воспринимал все услышанное и, ничего не сказав, с плачем убегал домой.

И все же я сильно переживал, что не могу поиграть с ребятами. Но ноги мои были такими отяжелевшими, что у меня просто не было сил бегать. Обидно было и то, что я вынужден был долгое время пропускать занятия в школе. Я старался читать книжки, но у меня ничего не выходило: я не понимал прочитанного. А я очень любил читать. Особенно сказки. Я был в отчаянии и не знал, чем занять себя. Чтобы я не особенно страдал от безделья и от одиночества, мать стала водить меня с собой по знакомым, родным, полагая, что я таким образом хоть немного развлекусь. Но вскоре, поняв, что мне тяжело совершать длительные прогулки, она оставила меня в покое.

Когда в конце осени заладили дожди, я вовсе перестал выходить на улицу. Раза два навещала меня моя добрая учительница. Она сожалела, что я никак не могу вспомнить причину своего испуга.

— Пока ты, Авшорчик, маленький, не вспомнишь, как и от чего ты испугался, будешь продолжать болеть. Ты уж постарайся, пожалуйста. Как только вспомнишь, так сразу и в школу пойдешь. Ты же хочешь учиться?

— Да, — безжизненным голосом отвечал я.

— Как только он поправится, неплохо было бы сначала позаниматься ему на дому с учителем. Он должен будет восстановить учебный пробел, — советовала учительница.

— Да, конечно. Лишь бы он поправился, — с печалью в голосе отвечала мама.

Однажды я обратился к маме с просьбой.

— Мам, мне иногда бывает холодно. Постели на пол большой ковер, чтобы с подвала не дуло.

Она приложила ладонь к полу и сказала:

— Да, сыночек, ты прав. В этом году из подвала сильно тянет. И наверное сыростью...

Она достала большой красочный ковер и развернула его на всю ширину комнаты. Потом мама из сарая во дворе принесла ведро ка-

менного угля и затопила печку-времянку. Перед сном она добавила туда еще угля, чтобы она до утра не потухла.

Ковер не только защищал комнату от продувания снизу, но и украшал ее. Да потом он позволял мне кувыркаться — это мне очень нравилось. И то, что печка накалялась докрасна, тоже доставляло мне удовольствие. И ковер, и печка — все это временно подняло у меня настроение, создало у меня на душе комфорт и уют.

В ту ночь я, как никогда, заснул крепким сном. Но где-то ближе к рассвету мать стала расталкивать меня, выкрикивая:

— Авшор, родной мой мальчик, ты чего кричишь во сне? Чего ты испугался? Скажи, мой мальчик, кто тебя напугал? Ты весь в поту. Тебе плохо?

— Она бросается на меня! Она хочет укусить меня! — кричал я с закрытыми глазами.

— Кто? Скажи, Авшор! — умоляла мама.

— Собака! Волкодав! Соседская собака! — выкрикнул я и проснулся.

С меня обильно струился пот. Мать вытирала мне голову, шею, лицо полотенцем и приговаривала:

— Слава богу! Вот ты и вспомнил! А теперь расскажи все, как это произошло.

И я поведал ей об этом злополучном случае. Через полгода память вернулась ко мне. Я вспомнил в подробностях, как в тот день соседский волкодав зарычал на меня сзади. Я рассказал обо всем этом маме и мне стало так легко, так свободно. Я вдруг резко почувствовал себя так раскованно, что даже смог позволить себе возмутиться поведением проклятого волкодава. То есть, я просто-таки ожил.

— Вот заразная псина, — с улыбкой, но зло ругал я пса. — Залаяла так неожиданно, что я тогда и вздрогнул. Вот я ему устрою — отравлю и будет знать, — ворчал я, худой и бледный.

В то же утро мать нагрела ведро воды, достала большой таз и выкупала меня. Одев на меня свежее белье и накормив меня (а ведь и аппетит слегка появился!), она торжественно объявила:

— Все. Слава богу, теперь дело пойдет на поправку! — радовалась мама.

В тот же день она повела меня в школу. Обрадовала учительницу известием о моем выходе из нервного плена.

— Наконец-то у Авшора вновь загорелись глазки! — мило улыбаясь, говорила моя добрая учительница.

— Причина психической травмы — неожиданное рычание соседского пса. Авшор вздрогнул от неожиданности — и этого оказалось достаточно... — щебетала радостная мама.

— Я же говорила, что он от испуга заболел, — ласково говорила учительница. — Нашей семье это было уже знакомо. Ну и слава богу. Я так рада за вас! Теперь, пока он еще слабенький, пусть позанимается немного дома. Я направлю к вам учителя-инвалида... А потом, когда он немного придет в себя и окрепнет, приведете его в школу. А ты, Авшорчик, уж постарайся, пожалуйста, хорошо заниматься с этим дяденькой. Хорошо? Дома у тебя книжки, сказки есть? Нет? Ну, давай я тебе дам две книжки, а ты потом вернешь их мне. Договорились?

Через несколько дней к нам заявился высокий, прихрамывающий на одну ногу дяденька. Он опирался на палку.

— Нам нужна какая-нибудь доска, — попросил он маму, когда договорились об оплате его занятий со мной.

— А наша дверь подойдет? — спросила мама. — А то, где я найду такую доску.

Наша дверь была сделана из крепкого дерева. Она была очень толстой и тяжелой и почему-то покрашенной в салатный цвет.

— Если сможете снять ее с петель, то лучше нее ничего и не надо, — согласился учитель.

Так дверь нашей квартиры стала для меня школьной доской. Мы с мамой снимали ее и приставляли к стене комнаты. И я решал на ней мелом примеры, писал слова. А потом мы с мамой каждый раз, напрягаясь из последних сил, старались вставить ее вновь в петли. Ох, и тяжелая же была эта дверь! Конечно, мы с мамой порядочно помучились с ней.

И все же, как сейчас помню, как трудно доставалась мне учеба после болезни. Видимо, до полного излечения требовалось некоторое время. А пока же я быстро утомлялся и плохо усваивал объяснения учителя. Порой он оставался недовольным мной.

— Болезнь наложила отпечаток на парня, — говорил он маме, когда она спрашивала, как удается мне учеба. — Конечно, вы поторопились с его занятиями. Ему надо было дать время отойти от стресса. Но он все же старается. Чувствуется, что он мальчик толковый, но ему пока просто трудновато соображать.

Шел 1946-й год. Мне уже исполнилось десять лет. Осенью я должен был пойти в третий класс. Мой домашний учитель представил мои

отметки по домашним занятиям моей учительнице, и та перевела меня в следующий класс.

В тяжелых для меня играх я пока не принимал участия: ноги еще не особенно слушались. Поэтому в свободное время я много и жадно читал. Я вообще любил чтение. Но случалось, что во время чтения я откладывал книгу в сторону, когда что-либо из прочитанного недопонимал. Тогда я обращался за помощью к взрослым девушкам-соседкам. Они объясняли мне тот или иной эпизод или значение того или иного слова, и лишь тогда я продолжал чтение. Эта привычка сохранилась у меня на всю жизнь: пока что-то не пойму, дальше не читаю.

Однажды, когда у нас во дворе появился однорукий знакомый почтальон, я заметил, как мама напряглась и стала следить за ним, желая понять, к чьей квартире он направляется.

— К тебе иду, к тебе. Успокойся, — весело крикнул издали дядя Эмииль. — Ты лучше магарыч приготовь, — смеясь и шутя, выкрикивал он бодро.

От папы давно не было вестей с фронта. Мать частенько, как только загрустит, говаривала: «Что-то наш папа давно ничего о себе не дает знать. Люди уже давно возвращаются с войны, а он до сих пор ничего не сообщает».

— Какое же известие ты принес мне, Эмииль? — с тревогой в голосе спросила мать.

— Успокойся. Известие доброе. Ты лучше о магарыче подумай. И пусть Авшорчик станцует для меня. — Потом вспомнив о том, что я долго болел, дядя Эмииль обратился ко мне. — Как ноги, Авшорчик? Нормально? Твой отец приезжает! Сможешь немного станцевать?

Я понимал, что дядюшка Эмииль шутил. Он был шутником и балагуром. Об этом знали все на нашей улице. Он просил меня станцевать не ради забавы, а чтобы проверить, как работают мои ноги. Он был в курсе моей беды.

Я сделал несколько движений руками и ногами, изображая неопределенный танец. Он погладил меня по голове и сказал, что я молодец.

— Эмииль, да читай же поскорее. Я ж неграмотная, ты же знаешь... — чуть не плача от нетерпения, просила мама. — А то сердце мое сейчас разорвется.

— Не волнуйся, — успокаивал дядя Эмииль, доставая из своей толстой сумки телеграмму.

Мать вынесла для почтальона стул. Он присел, достал платок, вытер им пот со лба, с шеи и произнес:

— Возвращается твой Авнил, дорогая Бетцово. Читаю: «Встречайте двадцатого декабря... поездом... вагон... в девять часов утра... Ваш Авнил».

Мать вынесла из своих запасов стакан крепленого вина, кусочек вяленой рыбы и хлеба.

— За выздоровление твоего Авшора, за возвращение твоего Авнила! — пожелал он и выпил. — Ну, я пошел, а то еще столько писем надо раздать. И извещения есть, Бетцово. Плохо, сестра моя. Очень плохо! И как мне их вручать, даже не знаю. Вот так каждый раз...

— Папа возвращается! — радостно произнесла мама, когда почтальон ушел. — Понимаешь, сынок? Папа с войны возвращается!

Признаться, я отца своего не помнил. В том, 1941-м году, когда он ушел на фронт, мне было всего пять лет. Как я ни силился, никак не мог восстановить в своей памяти образ папы. Я помнил только те дни, когда мама получала от него те редкие письма-треугольники. Тогда мама брала меня с собой, и мы отправлялись в синагогу. Там она просила раби прочитать письмо от папы, потому что, как она объясняла, оно было написано на языке торы. Сколько я ни спрашивал, почему папа на русском языке не написал, мама так толком и не могла ответить. Единственное, что я уловил, — это то, что письма с фронта кем-то просматриваются. Правда, и это мне ни о чем не говорило.

Как только раби возвращал маме письмо, она клала ему в карман в знак благодарности деньги.

— Не надо, сестра моя, — приличия ради говаривал раби. — Ну, спасибо. Я всегда к твоим услугам.

— Почему папа пишет письма на этом языке? — приставал я к маме.

— На этом языке он может написать все, что хочет, сынок. Чтобы другие не поняли, что он хотел сказать...

Честно говоря, такие неопределенные ответы матери не удовлетворяли меня. «О чем папа мог написать? — рассуждал я про себя. — Какие у папы могут быть секреты, которые он скрывал от государства?» А объяснения мамы ответов на эти мои вопросы не давали. Лишь спустя некоторое время уже после возвращения папы, уразумел я истинную причину того факта.

ПИЛОТКА

Двадцатого декабря, несмотря на то, что на дворе стояла зима, в нашем южном городке стояло относительно теплое утро. Мы с мамой стояли на перроне нашего небольшого вокзальчика, где, как мне показалось, народу было тьма.

— Все они встречают своих пап? — с удивлением спросил я у мамы.

— Да, сыночек, — не особенно задумавшись над моим вопросом и стараясь сосредоточиться на своих мыслях, коротко бросила мама, находясь в сильном волнении.

Крепко сжав мою руку, чтобы я никуда не делся в этой сутолоке, мама напряженно смотрела в ту сторону, откуда должен был появиться поезд.

— А папа старый? — приставал я, не особенно понимая ее напряженного состояния. — А ты его узнаешь? А то ты говорила, что не видела его целых пять лет.

— Конечно узнаю, сынок. А ты разве не узнаешь папу?

Я молчал. Мне было неловко, потому что я действительно не помнил отца.

Наконец, когда поезд появился, на перроне началось такое столпотворение, что мать, схватив меня еще крепче за руку, сказала:

— Мы здесь подождем. Девятый вагон должен оказаться где-то здесь напротив нас, — произнесла она с огромным волнением.

Поезд остановился со скрежетом и лязгом. Вдруг мать резко вскрикнула:

— Вот наш папа! Видишь? На ступеньках вагона стоит.

Я весь дрожал от нервного напряжения. Общее суматошное настроение на перроне, взволнованные лица, крайне эмоциональное состояние мамы — все это передалось и мне.

И вот навстречу нам быстро зашагал солдат в военной форме, в зеленой пилотке с красной звездочкой, с вещмешком за спиной. Он подошел к нам, резко схватил меня, поднял на руки, поцеловал, приговаривая:

— Мой родной Авшорчик! Мой дорогой мальчик! Вот и приехал твой папа!

Все это произошло так молниеносно, что я стал вырываться из его объятий и хотел, чтобы он меня опустил на перрон. При этом я горько плакал.

— Ты что, мой родной мальчик? — тревожно заговорила мама. — Это же твой папа! Вот дурачок.

Я смотрел то на отца, то на маму и не знал, как дальше себя вести.

— Вот что сделала проклятая война! — сказала с дрожью в голосе мама. — Дети отцов позабыли, а отцы своих детей не узнают...

От нахлынувших чувств отец пустил слезу и мне стало его жалко. Когда мы вышли с вокзала, папа опустил меня на землю и спросил у мамы:

— Что ж он такой худой? Не кормила что ли парня?

Папа надел на мою голову свою пилотку со звездочкой, взял меня за руку, и мы зашагали дальше. О чем говорили по дороге папа и мама, честно говоря, меня теперь мало интересовало. Я то снимал с головы пилотку и рассматривал ее, то гладил рукой звездочку, то вновь надевал пилотку на голову.

— Папа, ты мне навсегда подарил пилотку? — робко, назвав его папой, обратился я к отцу, чувствуя себя неловко за недавнее поведение.

— Да, сынок. Это тебе мой подарок, — ласково ответил папа.

«Вот будут завидовать соседские мальчишки!» — думал я с некоторым радостным волнением.

Но, подумав об этом, я вспомнил, что у некоторых моих сверстников на войне погибли отцы и братья. «Да, не всем будет приятно, если я похвалюсь пилоткой, — с горечью подумал я. — Еще подумают, что я дразню их».

И у меня испортилось настроение от таких невеселых мыслей. Мы, девяти-десятилетние ребята, имели некоторое представление о войне по просмотренным фильмам в городском кинотеатре. Помню, как однажды, выйдя на улицу из кинотеатра, один из наших мальчиков горячо и страстно выкрикнул:

— Тот командир — это был мой отец!

Мы от неожиданности резко остановились. Все в большом недоумении посмотрели на того мальчика и не знали, то ли верить ему, то ли пожалеть его. Хотя мы все знали, что его отец погиб в первый же год войны.

— Тот командир — русский дядька, — издевательски возразил кто-то из наших.

— Все равно мой папа командир! — кричал мальчик и, не выдержав нервного напряжения, заплакал.

— Ладно, ладно, твой папа тоже был командир, — успокоил я его.

...Мы с вернувшимся отцом продолжали свой путь домой. Я обратил внимание, как по дороге все знакомые приветствовали папу.

— С приездом, Авнил! — пожимал папе руку какой-то дядька.

— Спасибо, Хизгил. Как ты себя чувствуешь?

— Да так, ничего. Что ж ты, Авнил, не уберег младшего брата Гуршума? — дрогнувшим голосом спросил этот дядя Хизгил, тем самым выражая папе сочувствие и сожаление. — Э-эх, погиб мой замечательный дружок. Нет больше моего закадычного кореша.

— Если бы, дорогой Хизгил, это было бы в наших силах... — ответил папа, тяжело вздохнув.

Наши соседи по улице по-разному отнеслись к возвращению папы с фронта. Одни искренне радовались и по-доброму приветствовали его и маму. Другие, у кого кто-либо погиб на войне, сдержанно и тихо здоровались с нами, даже не поздравив папу с победой, будто он был виноват в гибели их родных. Одни завидовали маме, что муж вернулся целым и невредимым, другие же бурно и искренне выражали свое чувство радости.

А как смотрели на меня соседские мальчишки! Я шел как победитель. Во-первых, я шагал рядом с отцом-воином, во-вторых, на моей голове красовалась пилотка с красной звездочкой. Правда, пилотка эта ниспадала мне прямо на глаза (она была велика для меня), и я все время поднимал ее кверху. Но все же она оказала огромный эффект. Ребята смотрели на меня, вернее на пилотку, во все глаза. Они готовы были подойти ко мне и попросить примерить пилотку, поносить ее, погладить красную звездочку... Но сдерживались сделать это, так как рядом со мной шел солдат, который был моим отцом.

— Потом выйдешь на улицу? — не выдержал один из мальчиков.

— Выйду, — гордо ответил я.

— Пилотку вынесешь? — спросил другой.

Вместо ответа я кивал им головой в знак согласия.

Когда мы вошли в дом, отец сразу весело попросил маму искупать его.

— Надо соскоблить с себя многолетнюю грязь, — шутил он, смеясь.

Мать подогрела на буржуйке ведро воды, разбавила ее холодной водой, и отец, раздевшись догола, залез в большой таз и подставил тело под струи воды. Когда мама терла отцу спину мочалкой, он весело издавал визги от удовольствия. Он шутил, смеялся.

— Чего это мои родственники не пришли? Ты что, им не сообщила что ли? — спрашивал папа, выплевывая изо рта пенистую воду.

— Все они знают. Договорились, что они соберутся у нас завтра, — успокоила его мама. Затем она улыбнулась и добавила: — На целую ораву надо успеть приготовить всего. Надо будет дополнительно держать несколько бутылок водки... Ты же знаешь, зайдут поздравить тебя с возвращением соседи, дальние родственники... Всем надо налить по стаканчику. Я тут продала один ковер и некоторые золотые изделия. Авшор тяжело болел, и я потратила на его лечение массу денег.

— Что с ним было? — вытираясь полотенцем, спросил отец с некоторой тревогой в голосе.

— Испугался собаки соседей Бабаевых, этих антисемитов. Будь они прокляты, сволочи такие... Ладно, подробно расскажу позже, а пока давай обедать. Ты же с дороги, наверное, сильно голоден...

Мать накрывала на стол и рассказывала то об одном, то о другом. А отец ел и молча слушал.

— Ты писал, что попал в плен и что потом тебе удалось совершить побег. Так что случилось тогда с тобой? Как тебе удалось убежать от этих фашистов? Почему тебя вызывали в НКВД?

Хотя я и не понимал, что такое НКВД, все же с огромным интересом прислушивался к разговору родителей.

РАССКАЗ ОТЦА

И папа поведал маме следующую историю из своей фронтовой жизни.

— Я писал тебе о своей контузии, — начал папа. — Меня оглушило взрывной волной. В таком вот состоянии меня и схватили фашисты и повели вместе с другими в плен. Сначала я ничего не соображал: кто и куда меня ведет. Потом я посмотрел вокруг себя — рядом со мной шли наши воины. Немного придя в себя, я оглянулся и понял, что всех нас взяли в плен. А для меня попасть в плен — это равносильно смерти. Ты же знаешь, что немцы в первую очередь расстреливали евреев и коммунистов... Так вот, оглянулся я вокруг и вдруг чуть впереди себя в колонне вижу нашего земляка, азербайджанца Ахмеда Нариманова. Я писал тебе о нем. Чудесный человек. Он с уважением относится к нашим горским евреям. Он был командиром нашего санитарного батальона, майором медицинской службы, коммунистом.

Когда немцы на несколько минут остановили нашу колонну, я пробрался вперед и оказался рядом с Ахмедом.

— Ахмед, дорогой, салам. Ты тоже попал?

— О-о, Авнил, салам, салам, дорогой земляк, — постарался с улыбкой ответить военврач.

— Что будем делать, товарищ майор?

— Самое главное, — не глядя на меня, заговорил он, — это, чтобы нас никто не выдал. Меня как коммуниста, тебя как еврея.

— Постараюсь переговорить с нашими. Хотя среди них есть и негодяи.

— В том-то и беда, дорогой Авнил. В том-то и беда, земляк, — с печалью в голосе тихо произнес военврач. А затем, немного помолчав, спросил: — А ты как попался, Авнил?

— Контузило взрывной волной. До сих пор уши заложило. Что будем делать? Надо сразу настроиться на побег. Оставаться здесь нам с тобой очень опасно: все равно найдется какой-нибудь негодяй, который с удовольствием заложит нас.

— Согласен, Авнил. Но давай сначала освоимся на месте. Может, нам и повезет. В любом случае мы должны с тобой стать друг другу опорой. Договорились?

— Майора Нариманова, — продолжал отец, — немцы через несколько дней назначили врачом в госпитале. Что он там объяснял фашистам, почему ему поверили, я не знаю. Через неделю он помог мне устроиться сапожником — помогла мне моя довоенная профессия. Должен сказать, что за тот небольшой отрезок времени, что мы побывали в плену, он спас многих наших пленных товарищей от тяжелых работ. Он просто «признавал» у них инфекционные заболевания, и их оставляли в покое. Но всем помочь было невозможно. Вот почему среди наших оказались омерзительные личности, которые сообщили-таки немцам о партийности Нариманова и о моей национальной принадлежности... Но, Бетцово, каким умным человеком оказался доктор. Он ловко и хитро обвел вокруг пальца фашистского офицера. Ахмед объяснил ему, что к нему часто подходят некоторые пленные и просят его под разным предлогом избавить их от тяжелых работ. И что он, мол, не имеет такого права. И что вот такие обиженные пленные и наклеветали на него и на сапожника, его земляка. Какой же Гуршумов еврей? Он настоящий азербайджанец. Хотите, рассказывал Ахмед, я поговорю с ним на родном языке. Он объяснил фашисту, что его земляку просто завидуют.

И немецкий офицер согласился с доводами Ахмеда.

Но мы с Ахмедом чувствовали, что над нами все равно сгустятся тучи. Однажды Ахмед пришел ко мне и попросил надраить ему кремом сапоги. Потом, не глядя на меня, сказал:

— Авнил, готовься. Один из местных приспешников в пьяном бреду выдал мне информацию, что кто-то из наших военнопленных фундаментально заложить нас хочет. Пока мне доверяют, надо убежать. Я хочу попросить майора выделить мне машину для поездки в город за лекарственными препаратами. Может удастся. В помощники себе я возьму тебя. Жди моего сигнала.

Через пару дней Ахмеду удалось уговорить немецкого офицера, и тот дал разрешение на нашу поездку. Выделили нам машину с водителем-немцем. Ну, а остальное — все понятно. По дороге мы пристукнули фрица, а сами своим ходом двинулись в сторону наших частей. То бежали, то прятались в лесу... Двое суток голодали. И лишь, когда нас остановил окрик «Стой! Кто идет?», мы успокоились. И только мы попали к своим, как такое для нас началось...

— Почему и как мы попали в плен? — задавал нам вопросы капитан. — Чем докажете, что вы наши? Если нет документов, тогда назовите номера своего полка, батальона. Где вас взяли в плен, сколько человек вместе с вами попали в плен, как вам удалось совершить побег, кто вам в этом помог?..

Ахмед отвечал спокойно и умно. А капитан, видимо, из контрразведки, все продолжал задавать вопросы.

— Чем вас заставляли заниматься в плену? Почему вы, майор Нариманов, будучи военврачом и коммунистом, служили врагу? Как вас не расстреляли? Почему, рядовой Гуршумов, если вы действительно еврей, в первую очередь вас не убили немцы? Как вам удалось скрыть свою национальность?

Нас допрашивали по одному. Потом сопоставляли наши ответы, делали выводы. Отправили запрос. И мы больше месяца жили в страхе. Не поверив нам, наши же могли расстрелять нас. Мы с Ахмедом об этом знали. Таких случаев было много.

Я объяснял этому капитану, что нас взяли в плен после контузии, что военврач Нариманов, даже служа немцам, всячески помогал нашим пленным, что некоторых спас от верной смерти, что именно благодаря Нариманову мне удалось остаться в живых.

Нас выручило то, что наши войска, принимавшие участие в Яссо-Кишиневском сражении, продвигаясь вперед, заняли тот го-

родок, где в плену находились наши воины. Освободив их, капитан сразу допросил некоторых из них и, когда наши ответы совпали с их данными, несколько смягчил свое отношение к нам. Нам восстановили документы. Ахмеда назначили заместителем командира санбата, а меня зачислили санитаром. Вроде для нас все обошлось. Но как только война закончилась, его вновь начали таскать по кабинетам НКВД. А вслед за ним и меня. В качестве свидетеля. Пугали, угрожали. А я твердил одно и то же: Нариманов истинный патриот, его взяли в плен только потому, что был контужен. И наконец его оставили в покое. Вот почему мы вернулись не сразу после победы, а только в декабре.

В моей военной книжке записано, что я получил одну контузию и одно ранение. На самом же деле меня ранило трижды. Один раз в ногу. Тогда я потерял много крови. Потом осколок угодил в ягодицу. Почти до кости врезался. А один осколок, если ты заметила, когда я купался, сидит до сих пор под правой лопаткой. Он, правда, меня не беспокоит.

Из ягодицы осколок вытащили. Но это довольно интересная история. Ахмед предупредил меня, чтобы я разрешил делать себе операцию без применения наркоза. «Авнил, этот наркоз очень и очень вредит сердцу», — объяснял он.

Во время операции мои руки и ноги привязали к чему-то, положили меня на живот и начали резать ягодицу. Как я кричал от боли! Я матюкался, ругал всех на свете... А когда осколок вытащили, хирург с восторгом воскликнул: «Ну и силен ты, рядовой! Вот тебе на память твой осколок».

А с ногой случилось так. Я вместе с одним санитаром пополз по снегу на поле боя. Мы должны были выносить раненых. Ползем, как и принято, метров на 10—15 друг от друга. Стрельбы не было. Мы обычно выносили своих товарищей во время затишья. Так вот, ползем и прислушиваемся к стонам раненых воинов. Мой напарник уже волок одного из них. Я же переворачивал одного солдата, чтобы определить, жив ли он или мертв. И вдруг слышу еле слышный стон. Ты не поверишь: я узнаю в нем нашего земляка, портного Шемагью. Ты его знаешь. Смотрю — а у него из живота все кишки вывалились. А он еще живой. Заталкиваю все его «хозяйство» назад, перевязываю ему живот, ложусь лицом в снег и «аккуратно» стараюсь закинуть его спиной на мою спину. Не буду долго рассказывать, как я, смертельно уставший, дотащил его в сан-

часть полка. В итоге ему сделали промывание, обработали живот и зашили. И представь себе, выжил. Говорят, он уже вернулся домой. Вот такая история получилась.

Через несколько дней мы вновь поползли на поле боя. И опять держимся друг от друга на расстоянии 10–15 метров. Знаешь, почему мы ползем с таким интервалом друг от друга? Чтобы фашистские снаряды не накрыли нас обоих. В тот день во время временной передышки мы только подползли к месту ожесточенного боя, как вдруг на нас со свистом полетел снаряд. Фашистские артиллеристы заметили нас и решили позабавиться, поиздеваться над нами: хотели одним точным ударом поднять нас обоих в воздух. Вслед за одним снарядом над нами со свистом грохнулся и другой. И он упал между нами. Мы лежим, зарывшись с головой в снег. Когда установилась тишина, я вытаскиваю голову из снега и хочу узнать, жив ли мой товарищ. А тот и говорит мне: «Авнил, почему у твоей ноги так много крови?» Засунул руку в сапог — а там полно крови. Сгоряча я сначала и не почувствовал ранения. «Ползи назад!» — кричит мой товарищ. Дополз я до своих — и сразу меня на хирургический стол. Вытащили осколок из икры ноги. Крови потерял многовато: пришлось недели две проваляться в госпитале.

Забавных случаев со мной происходило очень много. Но о них я потом как-нибудь расскажу. А пока хочу отоспаться по-настоящему в мягкой постели.

Как только отец заснул, я надел пилотку и выбежал на улицу. А там, как назло, ни души. Мне стало так тоскливо и обидно, потому что хотел похвастаться, а тут никого. «Наверное, ребята долго ждали меня и, не дождавшись, все понуро разошлись по домам — время-то обеденное», — размышлял я грустно. Я только присел на соседское крыльцо, как вдруг открылась дверь и появилась служанка соседей Зухра. Она, увидев меня, обрадовалась и сообщила мне радостную весть.

— Волкодава отвезли на дачу. Насовсем. Так что ты можешь теперь сидеть на нашем крыльце сколько хочешь, — говорила она, гладя меня по голове.

Было Зухре лет 20. Рябоватая, хромая, ее привезли к себе наши соседи из района. Родственники отдали ее в услужение. Так Зухра появилась у нас во дворе. Дядя Байрам, ее хозяин, служил капитаном в органах НКВД. Он был угрюмым и злым человеком. Краснощекий, со

зверским взглядом в страшных глазах, он вызывал у людей ужас и страх. Все соседи его ненавидели. И сторонились его.

Помню, как однажды вечером за год до окончания войны, он вошел к нам в комнату с пистолетом в руках. Он был сильно пьян. Я никогда прежде не видел его сильно выпившим и таким разъяренным. От испуга я прижался к матери и ждал, чем закончится его появление.

— Где твой Авнил? Где вы его прячете? Говори, а то пристрелю твоего щенка! — кричал он, направляя пистолет на меня.

— Как где? На войне. Где же ему еще быть? — вся дрожа, отвечала мама.

— Нет его на войне. Говорят, дезертировал он. Я предупреждаю, если его найдут, то пристрелят.

И он ушел. Это после возвращения отца мы с мамой поняли, почему его искали органы НКВД.

Когда мать рассказала отцу об его угрозе, он объяснил нам, что когда после боя не находят своих воинов, то считают, что они или перешли на сторону фашистов, или оказались в плену, или пропали без вести, то есть остались лежать неучтенными на поле боя, раздавленные танками и разорванные на куски снарядами.

— Видимо, оттуда на всякий случай пришел запрос сюда. И они, эти уроды, в первую очередь состряпали версию о дезертирстве, потому что такие случаи были известны. Но как мог этот негодяй с пистолетом в руке, в пьяном виде пугать женщину с ребенком? Вот подонок! Как же он ненавидит евреев.

Так вот, хромая Зухра в тот день подсела ко мне на крыльцо и завела со мной, как со взрослым, беседу.

— Сегодня я дома одна. Могу немного отдохнуть. Помнишь, Авшор, какие страшные бородавки были у меня на руках?

— Помню, — ответил я и посмотрел на ее руки, огрубевшие от тяжелой работы по домашнему хозяйству.

Она выставила руки вперед и восторженно произнесла:

— Ни одной бородавки!

— Веревкой выдернула? — в некотором недоумении спросил я.

— Нет. Вчера, когда я каким-то порошком стирала белье, они вдруг сами и посыпались, — и она продолжала весело и радостно хохотать.

— Так ты покажи свои руки моей маме. Вот она удивится, — посоветовал я.

— Идем.

— Мама, посмотри на руки Зухры, — интригующе попросил я.

Зухра выставила руки вперед, продолжая смеяться.

— А где бородавки? — недоумевала мама.

— Вчера... все как один посыпались. Я была поражена...

На смех, радостные визги Зухры собрались все соседки. Они с интересом осматривали руки Зухры и в некотором оцепенении произносили:

— Вот чудеса-то, — восхищалась одна из них. — Надо ж — без хирургического вмешательства!

В нашем дворе помимо нас и семьи этого страшного капитана НКВД жили еще и несколько русских семей. Так что мне просто повезло, потому что я общался с ними и с их взрослыми дочерьми только на русском языке.

Зухру все соседи жалели, сочувствовали ей, потому что знали, как в той семье ее беспощадно эксплуатируют. И издеваются над ней. Особенно дети. А она была очень доброй и трудолюбивой девушкой.

— Ну, раз все соседки собрались вместе, что редко случается, то давайте отметим возвращение моего Авнила, — объявила мама торжественно.

Мы вынесли с мамой маленький столик, соленые помидоры, нарезанную воблу, бутылку водки, хлеба и маленькие граненые стаканчики. И женщины выпили за папу. Выпили и завелись: у всех развязались языки, хотя в другое время они очень редко общались между собой.

— Вот что делает водка, — сказала мне мама, забирая столик и оставшуюся закуску. — Выпили — и заговорили по-дружески. Но если бы они еще по стаканчику опрокинули, то здесь, сыночек, такое бы началось... Все они друг друга недолюбливают. А пока, слава богу, все обошлось. А ты чего не пошел на улицу? Никого нет что ли?

Я вновь вышел на улицу. За то время, что я провел у себя во дворе, на улице уже собралось очень много ребят. И как только я появился в пилотке у своих ворот, меня сразу окружили мои сверстники.

— Авшор, дай поносить, — попросил один мальчик.

— Авшор, хочешь я за красную звездочку дам тебе 100 обверточек «Мишка на Севере»? — предложил другой мальчик.

Конечно, предложение было заманчивое: иметь сто фантиков — это было здорово! Но я, еще не насладившись ни пилоткой, ни звездочкой, не мог так быстро лишиться радостных мгновений.

ДЯДЯ АХМЕД

Вскоре со мной приключилась еще одна беда. Слегка окрепнув после той психической травмы, я вновь стал участвовать во всех детских играх. Летом во время каникул, когда в нашем городке стояла неимоверная жара, я, наигравшись в лапту, весь мокрый от пота и запыхавшийся, сильно захотел попить воды. Матери дома не было, а у соседей я постеснялся просить напиться. Вспомнив, что у маминого брата в коридоре стоит большой глиняный чан и что в нем вода остается всегда прохладной, я туда и отправился. Дома была тетя. Я попросил у нее тяжелую национальную кружку и, жадно выпив целую кружку холодной воды, пошел бродить по улице.

А вечером у меня начался жар. Во время сна я стал бредить. Мать перепугалась и утром рано опять отвела меня к врачу.

— У него слабые нервы после того потрясения, поэтому организм ослаб и не сопротивляется. А он выдул ковш холодной воды, когда был весь мокрый от пота. Вот вам и результат. Приходите через неделю, а пока сдайте анализы. И запомните, что там, где тонко, там и рвется, — выговаривала врач маме.

Через неделю врач, изучив результаты анализов, заявила:

— У него начался туберкулез лимфатических желез. Очень гадкая болезнь. Советую отвезти его в республиканскую детскую клиническую больницу. Вот вам направление. Здесь его мы не сможем вылечить.

Произошло это летом 1947 года, через два года после окончания войны. Чтобы устроить меня в эту больницу, нужно было получить разрешение главврача клиники. Мы — отец, мать и я — заняли очередь к нему. Отец и мать сидели понурые, а я думал над тем, что не смогу выдержать больничных условий и страдал от мысли, что со мной рядом не будет ни матери, ни отца. Нервы мои были настолько ослабевшими, что я чувствовал себя среди посторонних довольно неудобно. Меня это сильно удручало.

Вдруг, когда по коридору в нашу сторону зашагал один мужчина в белом халате, отец резко и радостно вскрикнул:

— Ахмед Вагидович! Дорогой мой военврач! — и отец бросился к нему и горячо обнял его.

Они поцеловались. Посмотрели друг на друга. И вновь без слов обнялись. Всплакнули. Смахнули слезу. Они не верили своей встрече.

А потом Ахмед Вагидович, который был сильно растроган, взял папу за плечи и повел к себе в кабинет. Он и оказался главврачом. Когда они проходили мимо нас, папа сказал:

— Ахмед, дорогой. Это моя жена, а это мой сынишка. Помнишь, я о нем тебе рассказывал?

— Конечно, конечно, — улыбаясь нам, отвечал с волнением Ахмед Вагидович.

«Вот с кем папа попал в плен! Вот с кем он убежал из плена! Вот здорово!» — восторгался я от сознания того, что вижу настоящего героя.

Встретились два фронтовых друга, двое советских воинов, которые не только служили в одном батальоне и не только были из одного городка, но и вместе оказались в плену. Встретились два человека, которых долгое время не оставляли в покое сотрудники органов внутренних дел.

— Спасибо тебе, мой дорогой Авнил! — и он уже в кабинете продолжал благодарить отца и обнимать его. — Твои твердые показания и помогли все-таки решить исход того вопроса.

— Меня опять недавно вызывали в республиканский отдел, — сказал отец.

— Значит, прежде чем министерство здравоохранения направило меня сюда, они решили еще раз на всякий случай перепроверить твои показания. Они надеялись, что ты, Авнил, вдруг проговоришься и изменишь свои показания. Ты понял, друг мой? Вот такие дела, — грустно заключил Ахмед Вагидович. А потом, улыбнувшись, весело сказал: — Ладно, давай рассказывай, что привело тебя и твоих в нашу клинику.

Мама протянула главврачу направление. Ахмед Вагидович прочитал, покачал головой и печально произнес:

— Да, неприятная вещь. Чем еще наш Авшорчик болел прежде? — спросил он, продолжая улыбаться, чтобы настроить меня на веселый лад.

Мама подала доктору справку о перенесенной мной психической травме.

— Вот поэтому-то он и заболел этой гадкой болезнью, — покачал главврач головой. — Если бы у мальчика нервы были в порядке, он в худшем случае от той холодной воды просто остудил бы горло, ну, заработал бы ангину... Значит так. Оставляем Авшора у меня на

неделю. Делаем анализы, а потом посмотрим. Чтобы он не расстраивался, не надо его часто навещать. Хороший уход за ним я обеспечу. Все будет в норме.

— Ахмед Вагидович, дорогой мой человек, ты на меня не сердись и возьми это, — и отец протянул ему деньги.

До сих пор помню, как военврач при этих словах и виде денег весь побелел и заикающимся от волнения голосом как-то нервно произнес:

— Грош цена нашему фронтовому братству, если ты это сделаешь. Это я должен тебе, Авнил. Я! Ты спас меня от тюремного заточения. Э-эх ты. Деньги мне предлагаешь, — и он, не выдержав, вновь резко обнял отца и заплакал.

Всплакнул и папа. Папина голова лежала на плече у дяди Ахмеда, а голова дяди Ахмеда — на папином плече. За компанию с ними пустила слезу и мама, которая при этой сцене сильно растрогалась. Вытер кулачком слезинку и я.

— Рядовой Гуршумов, сегодня в гости ко мне! — приказным тоном произнес главврач. — Задание ясно?

— Извини, Ахмед, но мы квартиру оставили без присмотра. Надо возвращаться назад. Авшора оставляем на твое попечение.

— Что, опять в городе воруют? Вот сволочи. Работать не хотят. Как там мои братья? Ты же знаешь, что после смерти матери отец женился во второй раз. Там теперь у меня четыре брата. Увидишь — передавай привет. Итак, через неделю жду вас.

Меня повели в палату, а папа с мамой уехали. Со мной рядом лежали трое юношей. Они меня не обижали: знали, что главврач — мой дядя! Ох, как нас всех замучили со всякими там анализами. Раза два заглядывал ко мне и дядя Ахмед. Улыбался, шутил, приговаривая: «О-о, Авшорчик, мы с твоим папой такое, дружочек, пережили! О-о-о! — с улыбкой на лице говорил он. — Выжили мы, мой дорогой. Выжили! — и он глубоко и тяжело вздохнул. — А о тебе Авнил мне много говорил. Будем лечиться? Ничего, выздоровеем. Все еще поправимо».

А я между тем сильно скучал. «Не успел как следует получить удовольствие от пилотки с красной звездочкой, — думал я с тоской. — Может, поменять звездочку на 100 фантиков? — размышлял я. — Что же я здесь так долго буду делать? Я же не вытерплю. Мне хочется поиграть...»

Все-таки не выдержав, через три дня приехала мама проведать меня.

— Я хочу домой, — захныкал я. — Мне здесь скучно. Забери меня.

— Надо потерпеть, мой мальчик, — упрашивала меня мама.

— Нет, я пойду за тобой. Я хочу домой, — плакал я.

Видя, как я настойчиво прошу ее, мать зашла к дяде Ахмеду, поговорила с ним, а затем пригласила меня войти в кабинет.

— Авшорчик, тебе скучно у нас? — мило улыбнувшись, спросил он.

— Да, дядя Ахмед. Мне тяжело сидеть целыми днями в палате и в коридоре. Я не привык так. Разрешите уехать домой... — плаксиво протянул я.

— Ну ладно, ладно, не плачь. Бетцово, давай сделаем так. Я сейчас напишу тебе, что и как ему давать, а ты аккуратно выполняй все мои указания. Во-первых, ни в коем случае не давать ему ничего холодного. Вот тебе рецепт приготовления шоколада в домашних условиях. Во-вторых, в течение года давай ему рыбий жир — это здорово помогает. Горло и шею держать в тепле. Если только железы набухнут — сразу ко мне. Договорились?

— Спасибо, Ахмед. Сталет жизни тебе! Удачи во всем. Забери жену — и давайте к нам в гости. Милости просим. Будет о чем вспомнить.

— Спасибо, сестра моя.

Когда через месяц мама решила показать меня Ахмеду Вагидовичу, то в больнице нам сказали, что доктор Нариманов переехал в Баку. И с тех пор мы уже о нем ничего не слыхали.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Вскоре я выздоровел. Правда, железы, нет-нет, и в дальнейшем давали о себе знать, но в основном с болезнью мы справились. Теперь я вновь выходил на улицу в своей исторической пилотке, чем продолжал завораживать своих сверстников. Почти каждый из них уже надевал ее на голову. Теперь она на наших головах не проваливалась, потому что мама хорошо пришила края пилотки.

А однажды я, уставший, утомленный после игры в лапту, как всегда, весь мокрый от пота, присел на соседское крыльцо, снял с потной головы пилотку и положил ее рядом с собой. Вдруг я резко захо-

тел в туалет, и я побежал во двор. А пилотку забыл на крыльце. Вспомнив о ней, я выбежал на улицу — пилотки на крыльце уже не было. Кинулся к ребятам, продолжавшим играть в лапту и, чуть не плача, спросил:

— Ребята, скажите, кто взял мою пилотку?

— Нет, не видели, — отвечали все они.

Лишь спустя несколько дней один из моих приятелей сказал мне по секрету, кто своровал мою пилотку.

— Пусть подавится, — зло произнес я.

Вернуть пилотку я уже не мог: тот, кто украл, был старше меня и был гнусным типом.

В тот день, когда я потерял пилотку, сильно огорченный и расстроенный, я с засохшими слезами на лице подошел к большому крыльцу противоположного двора, где взрослые парни играли в шахматы. Я в них не разбирался. Я присел на нижнюю ступеньку крыльца и в задумчивости стал наблюдать за их игрой. Незаметно для себя я молча просидел там два часа. Я так увлекся их игрой, что никого не замечал: передо мной разыгрывалась битва — сражались фигуры, движимые руками шахматистов. Я так загорелся страстью к этой удивительной игре, что побежал домой и сразу с порога бросил маме:

— Мама, купи мне шахматы. Я хочу научиться играть в шахматы...

— А где твоя пилотка? — поинтересовалась она.

— Украли, — с печалью в голосе буркнул я. — Купи, пожалуйста, мне шахматы.

— А сколько они стоят? — как-то сразу согласилась мама.

— А я сейчас узнаю. Вот только сбегаю и спрошу, — обрадованно воскликнул я и побежал к тому крыльцу, где парни продолжали играть в шахматы.

— Скажите, пожалуйста, сколько стоят шахматы? — робко обратился я к ним.

— Ну, смотря какие, — протянул один из них, не отрываясь от игры. — Если только фигуры в коробочке, то дешево — всего около двух рублей.

— Мам, — вбежал я домой, — около двух рублей. Слышишь?

— Слышу, слышу, не глухая, — проворчала она. И все же достала деньги и, вручив мне трехрублевку, сказала: — Сдачи вернешь. Ты понял? Смотри, чтобы тебя не обманули.

Я выбежал на улицу, попросил одного из своих приятелей сбегать со мной в магазин «Канцтовары».

С каким трепетным восторгом я в одной руке нес коробку с фигурами, а в другой — картонную доску.

Теперь передо мной возникла вторая задача: где найти мальчишек, хоть сколь-нибудь умеющих играть в шахматы. Мне очень необходимо было с кем-нибудь «сражаться». Через день я нашел мальчика с верхней части улицы и пригласил его к себе во двор...

С тех пор мы с ним так увлеклись этой замечательной и хитрой игрой, что о других забавах вовсе позабыли.

А по вечерам я с огромным сожалением вспоминал о потерянной пилотке. И тогда у меня на душе становилось так горько, так тягостно, что порой у меня сами собой текли слезы. Я никак не мог примириться с потерей моей пилотки. И больше всего страдал я оттого, что украл ее самый гадкий мерзавец. Раза два пилотка появлялась в моих снах. Я даже протягивал руку, чтобы поднять ее с соседского крыльца, на котором я ее оставил в тот день. А когда просыпался, то не бывало никакого крыльца и никакой пилотки. Видя, как я сильно страдаю от потери пилотки, отец предложил мне съездить с ним на вещевой рынок и купить там такую же пилотку.

— Нет, — сказал я тогда отцу. — Нет, папа. Это будет уже не та пилотка. Она будет с чужой головы. Мне нужна моя пилотка, которую ты носил на войне. А так...

— Но ты уже большой мальчик, можешь и без пилотки обойтись, — весело заключил он, гладя меня по голове. Главное, что ты уже ходил в этой пилотке! Это очень важно! Ведь она воевала вместе со мной!

И я был согласен с ним.

ОТМЩЕНИЕ

Как-то, когда мы играли в лапту в нижней части улицы, произошло такое событие, которое запомнилось мне на всю жизнь. Среди нас, сверстников, всегда вертелись несколько мальчиков, которые были старше нас на два-три года. Они вели себя с нами безобразно: обижали, отнимали фантики, крали у нас альчики, порой, когда им не угодишь, били нас. Самым противным и мерзким был один из них — Ирмиё. Его боялись еще и потому, что

у него было два старших брата. Если его на улице кто-либо обижал, эти братья сразу выбегали ему на подмогу. Так что с ним никто связываться не желал. А он продолжал издеваться над нами.

Я же его физически не переносил. Во-первых, он и меня, естественно, бил и обижал. А во-вторых (я уже знал об этом), это именно он украл мою пилотку. Так что я был зол на него вдвойне. А еще он вел себя во время игр самым подлым образом: он не подчинялся никаким правилам. И хуже того — заставлял всех ребят подчиняться своей воле. Так вот, как-то он оскорбил меня, и я, не задумываясь, молниеносно нанес ему удар кулаком прямо в нос. Я вложил в этот удар всю свою злость, ненависть к этому омерзительному гаденышу. И у него из носа сразу хлынула кровь. Он в растерянности и от неожиданности не бросился на меня с кулаками, а так завопил от вида крови, что я, испугавшись, что сейчас выскочат его старшие братья, стремглав пустился к своему двору.

Запыхавшись, я добежал до крыльца страшного капитана, обернулся и, убедившись, что никто за мной не гонится, вслух произнес: «Так тебе, сволочь! Это тебе за обиды, нанесенные мне в разное время! Это тебе за мою пилотку!»

В течение недели я не спускался в нижнюю часть улицы, чтобы не показываться на глаза тому негодяю и его братьям. Еще с месяц после этого события мальчишки вслух восхищались моим «героическим» подвигом — настолько все они ненавидели того типа!

И только после того случая я стал реже вспоминать о своей потерянной пилотке.

Я продолжал наблюдать за игрой взрослых ребят в шахматы. Я никак не мог понять, почему они в начале игры делают те или иные постоянные ходы. Когда я начинал приставать к ним с вопросами, они грубо отгоняли меня. «Нет, — подумал я, — надо будет сходить в Дом пионеров и школьников и попросить открыть шахматный кружок». Но я понимал, что «поход» одного мальчика туда ничего не даст. Тогда я уговорил нескольких юных любителей этой игры, и мы вместе отправились к директору Дома пионеров. Он выслушал нас и сказал:

— Как у вас глазки-то горят! Неужели так сильно полюбили шахматы? Ну что ж, надо будет вам помочь.

Через несколько дней мы уже дважды в неделю посещали шахматный кружок, которым руководил перворазрядник.

А еще через год, когда наша родня отметила мое тринадцатилетие, родители, не выдержав приставаний страшного капитана-антисемита, обменяли квартиру. И мы переехали на другую улицу.

Так завершилось мое детство. Шел 1949-й год.

2003 г.

Пани Ставская

Рассказ

В нашем общем дворе слева и справа стояли одноэтажные каменные строения, которые соединялись между собой бельэтажем, воздвигнутым над входом со двора. Бывший хозяин двора (еще до Советской власти) к каменным домам с двух сторон по краям пристроил одноэтажные саманные флигели, которые были покрыты толью. Говорят, хозяин использовал их под конюшни. Теперь же в них тоже жили люди. Под квартирами из камня были сооружены подвалы, и люди, жившие над ними, распределили участки в них между собой и сколотили себе сараи, где хранили всякий хлам, а также банки с солениями и вареньями. Одни закрывали их на замки, другие просто на крючки — в зависимости от того, у кого что там хранилось.

К бельэтажу вели деревянные ступеньки. В пяти метрах от них, прямо в центре двора рос огромный тутовник, дающий тень почти всему двору. О-о, какие страсти порой разгорались под его великолепными кронами! Иногда, когда под деревом десять-пятнадцать человек играли в карты, нарды, лото, тут происходили такие драмы! У кого-то не выдержат нервы, у кого-то взыграет кровь — и полетят в разные стороны и карты, и нарды, и кубики от лото... В общем жильцы нашего двора устраивали свой досуг, как могли.

Здесь же под тутовником стояла колонка для выкачивания питьевой воды. А она из крана шла чистая и холодная, причем и летом, и зимой. Единственный двухместный деревянный туалет стоял в правом углу двора. Боже, что творилось, когда туда хотели попасть одновременно сразу несколько человек! Тогда в уборную устраивалась не-

видимая очередь. Это был и смех, и грех. Каждый из «очередников», чтобы его не опередили другие, дежурил у своей квартиры и был готов в любой момент броситься на штурм отхожего места.

Рядом с туалетом «красовался» и издавал разнообразные запахи деревянный мусорный ящик, почему-то окрашенный в красный цвет.

А для сушки белья каждая хозяйка должна была протянуть веревку почти через весь двор. О-о, что происходило, когда веревки протягивали сразу две или три соседки! Тогда каждая из них с криком и оскорблениями отвоевывала себе право вешать белье первой. Побеждала, как правило, самая горластая!

Скандалы в нашем дворе устраивались по любому поводу. Шел 1952-й год. Война закончилась совсем недавно, и люди были взвинчены и раздражены. Они жили своими бесконечными заботами и хлопотами, которых у каждого было в избытке. Некоторые из них потеряли на войне близких людей, другие с трудом находили себе работу, третьи жили в страшной тесноте. Все это ожесточало их. Поэтому при малейшей вспышке гнева они готовы были кинуться друг на друга с кулаками, тем самым изливая свою горечь и злость. И как только такое происходило, остальные соседи высыпали на шум и ругань и спокойно наблюдали за дерущимися. И лишь, когда кто-либо из сердобольных соседок выкрикивала «да разнимите вы их что ли, иначе они убьют друг друга!», то только тогда кто-нибудь из смелых соседей, решившись, становился между остервеневшими соседями.

Конечно, рассказывать о жизни такого двора — тема интересная и отдельная, но я хочу поведать вам лишь о некоторых драматических событиях, которые имели место в нашем общем дворе. На мой взгляд, они настолько заслуживают внимания, что на них можно остановиться подробно.

Так как бельэтаж возвышался над всем двором, то взоры любопытных соседей чаще устремлялись именно туда. И не только по этой причине. Внимание людей этот второй этаж привлекал в основном другой фактор: всех интриговала жизнь самой хозяйки бельэтажа. Звали ее Эвелина Петровна. Она редко выходила во двор. И то разве в туалет, за водой или в магазин. Ни с кем из соседей особых разговоров не заводила. Перекинется словечком-другим — и все. Отстиранное белье она сушила у себя на веранде. Чаще же Эвелина Петровна просиживала в своей квартире за швейной машиной, выполняя частные заказы. Муж ее, Ашот Саркисов, будучи главным бухгалтером на ка-

ком-то предприятии, вместе со своим директором по-крупному проворовался и теперь отбывал срок в местах заключения.

Была эта Эвелина Петровна неописуемой красоты женщина. Обаятельная, обворожительная, статная, синеглазая, она была чуть ниже среднего роста. Ее белокурые волосы, аккуратно подстриженные, украшали чудесным образом ее красивую голову. Ее узкая талия, широкие бедра и изумительные икры ног не могли оставить равнодушным ни молодых, ни взрослых мужчин. Когда она поднималась по ступенькам своей лестницы, соседки не без зависти провожали ее долгим взглядом, и кто-нибудь из них, не выдержав, вслух произносил: «Хороша же, стерва! Ничего тут не скажешь!»

Было этой красавице всего 36 лет. Ее сыну Стаху, омерзительному типу, которого ребята между собой прозвали Страхом, было 17. А дочери Изабелле — 14. Если Стах был худым, синеглазым, то его сестра была кареглазой, как отец. Во всем же остальном Изабелла была копией матери: такого же роста, такая же стройная, белокурая. Больше того, Изабелла была гордой, как мать. И немного спесивой. Даже походка у нее была такой же раскачивающей, как у Эвелины Петровны.

Говорили, что Эвелина Петровна имела польские корни и что, как сама утверждала, является урожденной Ставской. Но с двумя соседками-польками, сестрами Майдецкими, пани Ставская не зналась. Она их не уважала и относилась к ним брезгливо, считая их низкопробными польками. Да, пани Ставская, как теперь соседи звали ее между собой, была слишком высокомерная женщина. Когда кто-либо из соседок задавал ей колкие вопросы, чтобы задеть ее самолюбие, она могла и зубки показать. Так что она вела себя соответственно и цену себе знала.

Никто из соседей не знал, когда и где Ашот Саркисов встретил свою красавицу пани Ставскую. Говорят, что она пришла в этот двор, когда у нее было уже двое детей, и что ее муж уже сидел в тюрьме. А еще говорили, что она до появления в нашем дворе работала секретарем директора на каком-то заводе и что, мол, тот самый ее хозяин и добился для нее эту квартиру на втором этаже. Когда она из-за маленьких детей вынуждена была уйти с завода, ее бывший начальник и стал навещать ее дома.

Мы, шестнадцатилетние-семнадцатилетние дворовые мальчишки, уже жаждущие испробовать женские прелести, смотрели на Эвелину Петровну пожирающими взглядами и провожали ее глазами,

полными страсти и огня. Особенно загорались мы, когда она поднималась по ступенькам, раскачивая своими роскошными бедрами. Каждый из нас в душе мечтал обласкать ее богатое тело, поцеловать ее чувственные губы, провести рукой по ее белорусым волосам! Это было для нас каким-то наваждением. Она же, хитрая, синеглазая лиса, замечая наши обжигающие взгляды, естественно, догадываясь о наших желаниях, мило улыбалась тем из нас, кто, видимо, ей нравился. Она магнитом притягивала нас к себе. Ее томный, устало-нежный взгляд будоражил наше воображение, наши чувства и мысли. Мне порой казалось, что если однажды я незаметно проскочу к ней наверх, когда детей не будет дома, и брошусь ей на грудь, то она с удовольствием отдастся мне. А по ночам я подолгу не мог заснуть: то представлял себе ее обнаженной, то как целую ее в грудь, губы... Это было сумасшествием. Нам не мешало желать ее даже то, что к ней раз или два в неделю приходил любовник, тот самый директор, у которого она когда-то служила секретарем. Грузный, высокий, горбоносый, с насупленными бровями, он, когда поднимался к Эвелине Петровне по ступенькам, то так тяжело ступал, что, казалось, ступеньки сейчас под его тяжестью не выдержат, прогнутся, хрустнут, и он тогда провалится вниз. Может быть, мы просто в душе желали этого. Однако, ступеньки гнулись, скрипели, но не ломались. А его ничто не смущало: ни то, что его соплеменники могут передать его жене об его посещениях красавицы Эвелины Петровны, ни то, что жильцы нашего двора провожают его недоуменными взглядами. Когда он поднимался наверх, то делал это по-хозяйски уверенно, будто шел к себе в дом. Как только он входил в квартиру, оттуда тут же выскакивали и Стах, и Изабелла. Если в это время во дворе никого из ребят не оказывалось, то брат и сестра располагались на верхних ступеньках лестницы с книжками в руках. А когда через какое-то время мамин воздыхатель уходил, прошагав мимо них, как мимо пустого места, они вновь устремлялись домой. Наблюдая со стороны за такой забавной сценой, на душе, признаться, становилось гадко. В такие минуты я просто ненавидел пани Ставскую и ее любовника. Тогда от моей страсти к этой красавице не оставалось ничего. Может быть, во мне говорила ревность. А может быть, и обида за ее детей, за мужа? «Как можно, — сердито ворчал я про себя, — так открыто, фактически на глазах у всего двора и своих взрослых детей, валяться в постели с любовником?»

Мне было непонятно поведение этой красавицы. «Вот вернется муж, — рассуждал я мысленно, — и что она объяснит ему? Скажет, что не могла столько времени держать на замке свои прелести и что, мол, надо ж было зарабатывать деньги, чтобы накормить и приодеть детей?»

Конечно, как говорили соседки, этот любовник, которого пани Ставская называла не иначе как другом, платил ей за любовные утехи большие деньги, что позволяло ей жить не только безбедно, но и роскошно. Так что она знала цену своей красоте, своему телу!

Сын Эвелины Петровны Стах среди нас, дворовых мальчишек, не пользовался уважением. Его одинаково не любили ни взрослые, ни сверстники. Это был гадкий, омерзительный, задиристый и высокомерный юноша. Он мог нагадить каждому, поссорить между собой ребят, обмануть, схитрить. Лично меня этот Страх называл «правильным» или «маменькиным сынком». А там, где можно было, оскорблял, унижал. И бывало, лез на меня с кулаками. Одним словом, мы терпеть не могли друг друга.

Вздыхая втайне по Эвелине Петровне, мы не придавали особого значения ее дочери Изабелле. То ли потому, что ей было только четырнадцать лет, то ли потому, что она была маленького роста, то ли потому, что вела она себя чересчур гордо, чопорно и редко кого одаривала взглядом. Видимо, и она, как и мать, знала себе цену. Но эта юная красавица все же однажды страшно продешевится.

К нам во двор часто захаживал соседский юноша, который был старше нас на год-два. Поэтому мы ему дали кличку «старшина». Звали его Германом. Был он хамовитым, нагловатым и циничным парнем. Мы все знали, что он давно положил глаз на Изабеллу. Бывало, в отсутствие Стаха он смачно высказывал свои желания в отношении Изабеллы: «Вот бы заделать ее! Хороша, сучка!» Мы както не придавали особого значения его похабным высказываниям. И вспомнили о его намерениях лишь тогда, когда он все же дождался своего часа. Это была и удивительная, и омерзительная история. А случилась она вот так.

Однажды вечером, не зная, куда себя деть, мы, пятеро мальчишек, сидели на нижних ступеньках Эвелины Петровны и «травили» анекдоты. Когда к нам стала спускаться Изабелла, раскачивая своими уже оформившимися бедрами, вдруг Герман резко предложил:

— А не сыграть ли нам в прятки? — не отрывая глаз от юной красавицы, предложил он с загадочной улыбкой.

Признаться, мне такая идея Германа показалась и подозрительной, и странной. Ребята мы вроде были уже взрослые и не помнили, когда в последний раз участвовали в такой детской забаве. Но тут почему-то загорелись почти все: на что не пойдешь от безделья.

— А давайте, — горячо поддержал Германа Страх.

— Изабелла, а ты будешь играть с нами? — спросил Герман, продолжая хитро улыбаться.

— А чего не поиграть, — довольная тем, что ее считают взрослой, мило улыбнувшись, согласилась юная красавица. — Все равно мне не с кем общаться.

Да, это было так. К удивлению, у нас во дворе не было ни одной девочки ее возраста. И Изабелла фактически страдала от скуки и не знала, куда себя деть в свободное время.

— Я пас, — сразу заявил я. — Мне еще уроки делать. — И отправился домой.

Вскоре, увлекшись домашними заданиями, я совершенно позабыл о той затее Германа. И не вспомнил бы о ней, если бы один из участников вчерашней игры не напомнил бы мне о ней.

Назавтра, как только я после занятий в школе вошел во двор, ко мне подбежал сосед Ленька Косоруков и, весь дрожа от волнения, чуть не заикаясь, отвел меня в сторону и шепотом спросил:

— Натан, ты слышал, что вчера произошло? — с непонятной для меня тревогой в голосе, боясь как бы его кто не подслушал, заговорил Ленька. — Так ты не знаешь?

— Нет. А что я должен знать? — ничего не соображая, в большом недоумении спросил я, пожав плечами.

Долговязый, добродушный, веснушчатый, Ленька учился в ремесленном училище. Среди сверстников он большим уважением не пользовался. Некоторые ребята его считали просто дурачком. Их возмущало в нем еще и то, что во время драки он пасовал даже перед теми, кто был младше него, хотя был он здоровым и физически сильным юношей.

И вот теперь этот самый Ленька дрожащим от страха голосом старался рассказать мне о том, как вчера проходила их игра в прятки.

— Водящим оказался Алешка Кислов, — начал Ленька. — Мы не стали прятаться по углам во дворе, а забежали вслед за Германом с

Изабеллой в подвал и растворились там: кто спрятался в сарае, кто за сараями. Двери в них, ты же знаешь, в основном закрываются только на крючки. Слышу, Герман шепотом говорит Изабелле: «Иди ко мне ближе». Он взял ее за плечи и потащил в сарай. Наверное, этот волнующий шепот, сама темень, стоявшая в сарае, тяжелое чувственное дыхание Германа, жаждущего Изабеллу, — все это настроило, взволновало девочку, что она послушно последовала за ним.

Ленька рассказывал, а я, между тем, думал над тем, как хитро и коварно Герман превратил забаву в прятки в сексуальную игру. И под предлогом того, что надо хорошенько спрятаться, чтобы Алешка, мол, не нашел их, Герман не только увлек Изабеллу за собой в сарай, но и крепко, чувственно обнял.

— Герман, — продолжал тем временем Ленька, — стал прижимать Изабеллу к себе, тяжело дышать ей в лицо, вызывая в девочке трепетное волнение, возбуждающее состояние. Представляешь? Вот сволочь! Он стал говорить ей сладостные слова, хвалить ее фигуру, спрашивать, хотела бы она знать, как взрослые занимаются половым сношением, и, наверное, услышав «хочу», стал ее жарко, страстно целовать в губы, шею, груди, приговаривая, «ты сними платье». Я все слышал, потому что стоял тут же за дверцей этого сарая. Я уже не прятался от Алешки. До того ли было, когда рядом разворачивались такие события! Я продолжал стоять на своем месте как вкопанный. Я, возбудившись, прислушивался к тому, что творил «старшина» с Изабеллой. Я уже понимал, что дело одними поцелуями не обойдется, и, зная характер Германа, ждал развязки. Я был уверен, что он сейчас трахнет Изабеллу. И весь напрягся. Вдруг слышу, как Герман тяжело запыхтел — это он поднял ее и посадил на стол, стянул с нее трусики и стал гладить ее, возбуждая и себя, и ее. Потом он заохал, заахал, произнося «как хорошо». Затем я услышал, как он, тяжело дыша, целует ее и успокаивает: «Видишь, всего секунду тебе было больно. А ты боялась... А когда ты подрастешь, может быть, я женюсь на тебе. Ты мне нравишься. Ты только никому не смей рассказывать об этом случае. Ладно?» — «Да». — «А пока мы иногда будем этим заниматься. Договорились?» — «Да».

Но здесь для «старшины» произошло неожиданное. Я, не выдержав, тоже захотел заняться с Изабеллой сексом. Кровь ударила мне в голову. Тогда я набрался смелости, резко открыл дверцу сарая и вошел. А так как у меня был с собой фонарик, я осветил их. Изабелла сидела на столике совершенно голая, и ноги у нее были раздвинуты. Я

с огромным волнением, заикаясь, произнес: «Я тоже хочу! Герман, застигнутый врасплох, испугался, что я могу выдать его, и шепотом попросил Изабеллу: «Черт с ним. Разреши ему, а то заложит нас». — «Хорошо», — согласилась Изабелла.

А как только я вошел в нее, она так вскрикнула от боли, что Герман даже ладонью зажал ей рот. Ведь дело было нешуточное: испортил несовершеннолетнюю девочку путем обмана.

Она сидела на столике, откинувшись назад и облокотившись руками об стол. «Ой, как хорошо у тебя получается!» — вдруг заговорила она, как мне показалось, находясь в истоме.

Я продолжал заниматься с ней половым актом, как вдруг мы услышали голос Алешки, нашего водящего, который выкрикивал: «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать». Видимо, Алешка сначала искал нас во дворе, а потом только сообразил, что мы все в подвале. Не успел я выйти из Изабеллы, как дверь сарая открылась, и Алешка, слегка привыкнув к темноте, заметил нас и радостно взвизгнул: «Так вот где вы, голубчики!» Он сначала не понял, чем мы здесь занимаемся. А когда увидел, что я надеваю штаны, сообразил что к чему и подошел к столу, где Изабелла уже не сидела, а просто лежала с раздвинутыми ногами. Она уже ничего не слышала, ничего не видела... Поэтому, как только Алешка увидел Изабеллу голой, сразу обратился к Герману: «А мне можно?» И куда Герману было деваться? И он дал согласие: «Давай. Только побыстрее». Алешка, получив разрешение, сразу прилип к телу Изабеллы.

А пока Алешка пыхтел, Герман пригрозил мне: «Смотри, долговязый, никому ни слова, иначе прибью!» А потом крикнул Алешке: «Ты давай кончай, а то Стах может заскочить». Не успел он это произнести, как в дверях возник Стах. «Услышал ваши голоса и решил присоединиться к вам», — весело сказал он, пока ничего не зная, почему в сарайчике нас набралось столько человек.

Мы молчали. Это удивило Стаха. Освоившись в темноте и услышав за моей спиной тяжелое дыхание, он догадался, что здесь творится. Он растолкал нас с Германом, сделал шаг к столику и, увидев, как Алешка трахает его сестру Изабеллу, хотел было выскочить из сарая, чтобы собрать народ, но Герман успел схватить его за руку и пригрозить ему: «Ты что, сука, хочешь заложить нас? Твоя сестра сама была не против. Если хочешь попробовать, то давай снимай штаны. Ты же никогда не пробовал девочек».

В это время Алешка освободился и отошел от стола. «Посвети Стаху, — приказал мне «старшина». — Пусть посмотрит на прелести своей сестры». Я направил лучик фонаря на голое тело Изабеллы. Стах с минуту смотрел, пораженный всем увиденным и услышанным, а затем, не поверив, что на столе все же Изабелла, подошел вплотную к столу и попросил осветить ее лицо. Обратив внимание, что сестра лежит с закрытыми глазами, он не удержался и провел рукой у нее между ног. И, когда Изабелла от такого прикосновения зашевелилась и напряглась, Стах вдруг, резко возбудившись, скинул с себя штаны и нетерпеливо вошел в сестру.

Ой, Натан, если бы ты видел, как он по-звериному жадно занимался сексом! Мы были поражены. Он издавал от удовольствия дикие звуки. И даже, когда он закончил, он не вылазил из нее. Для него Изабелла сейчас казалась не сестрой, а просто той женщиной, до прелестей которой он впервые в жизни дорвался.

Ленька все продолжал с подробностями рассказывать о том случае, а я мысленно рассуждал, что у Стаха животное начало взяло верх над моральным. И мне показалось, что окажись его красавица-мать в нынешнем положении, он бы и с нею без угрызения совести занялся бы сексом. Это было страшно!

— А Герман был доволен, — продолжал Ленька Косоруков. — Ведь Стах стал соучастником происшествия. Это спасало положение. Он еще, хихикая, с удовольствием тихо произнес: «Она, бедняжка, даже не знает, кто ее сейчас трахал».

Стах, насладившись «сладким пирогом» от сестры, надел штаны и попросил Германа: «Вы хоть не разболтайтесь обо всем этом».

— Натан, а я все равно боюсь, — заключил Ленька, весь дрожа. — Вдруг эти гады свалят весь свой грех на одного меня!? Что тогда? Что ты предлагаешь мне? Как мне быть?

Я посоветовал ему предложить Изабелле еще заняться с ним любовью. Почему-то я уже не сомневался в том, что юная красавица согласится.

Через несколько дней долговязый Ленька вновь встретил меня во дворе и уже более смелее сообщил:

— Натан, а сучка хороша! Ты знаешь, а я ей понравился, — смаковал он.

Признаться, я был поражен таким исходом их встреч. Дело в том, что мы все знали, как Изабелла терпеть не могла этого веснушчато-

го, неуклюжего и в два раза выше себя Косорукова. Прежде она брезгливо к нему относилась. А тут... «Но, видимо, — думал я, — он как мужчина понравился этой, раньше времени понявшей, кто и почему представляет наибольший интерес для занятий сексом. Да-а...»

— Так она, знаешь, что сказала мне? — продолжал Ленька. — Она попросила меня почаще заниматься с ней сексом. Вот так. А если забеременеет? Вот тогда все свалит на меня, — забеспокоился он.

— И что? — наивно спросил я.

— Да ну ее. Я лучше от греха подальше, — махнул он рукой.

Итак, «старшина» Герман сделал свое «черное дело» и умыл руки, выйдя сухим из воды. С тех пор мы его почти не видели у себя во дворе. А между тем пятно на юной красавице так и осталось не смытым. «Продешевилась гордая Изабелла», — заключил я мысленно.

Может быть, об этом «подвальном» факте я не вспомнил бы так подробно, если бы он какой-то своей гранью не коснулся и меня.

Лишь, когда после того скандального случая прошло два года и Изабелле исполнилось шестнадцать лет, тогда только решилась она рассказать матери о том, что с ней стряслось в подвале.

— Так, так, — почти не возмутившись и слегка задумавшись, произнесла пани Ставская. — Тебе только 16 и замуж не отдашь. Поэтому вот что. Не смей больше ни с кем из них иметь дело. Не усугубляй положение. Слушай меня внимательно. Ты у меня красавица и на тебя уже засматриваются мужчины. Ты без внимания не останешься. Как ты знаешь, умер мой друг. Возвращается твой отец Ашот. Естественно, он к нам не придет, не вернется. Ты понимаешь, почему. В этом дворе нам больше делать нечего. Я не сомневаюсь, что о том «подвальном случае» знает уже весь двор: твои «дружки», наверняка, уже разболтались... Поэтому я предприму усилия и обменяю квартиру на столицу республики. Стах хочет жениться и перейти к жене. Так что мы с тобой одни и переедем. Теперь скажи мне, кто в нашем городе тебе очень нравится.

— Натан, — не задумываясь, сразу ответила Изабелла.

— Это наш сосед что ли? Замечательный парень! Правда, он еврей, но умный и красивый парень. Сможешь его соблазнить? Если что, можешь ему отдаться. Но вот вопрос: знает ли он о твоем позоре. Если да, то что? Если он полюбит тебя, то тот факт помехой не станет. Любовь и не то прощает... Уж это-то я знаю. Словом, я ищу вариант обмена, а ты пока занимаешься Натаном. Действуй, доченька!

Обо всем этом в подробностях я узнал от самой Изабеллы спустя 15 лет, когда жизнь на короткое время вновь сведет меня с двумя белокурыми красавицами. Но это произойдет позже. А пока Изабелла изощрялась строить мне глазки. То, что она и раньше была неравнодушна ко мне, я тоже знал. Но никогда этому не придавал значения.

Однажды, встретив меня во дворе, Изабелла попросила меня проверить ее домашнее сочинение.

— Давай выноси, — полушутливо согласился я и улыбнулся, тем самым давая ей знать, что ее замысел мне понятен.

— Нет. Лучше пойдем к нам, — с плутовской улыбкой предложила она, не понимая, что играет в открытую.

Признаться, я был поражен таким приглашением. Во-первых, я понимал, что она хочет соблазнить меня, во-вторых, мне казалось, что она ищет себе партнера для занятий сексом. «Неужели, — думал я, — она после «подвального» факта так уже осмелела?» В-третьих, я догадывался, что она теперь хочет затянуть меня в свои сети. Это-то и было опасно. Но с другой стороны, мне было крайне интересно побывать у них на втором этаже. Насколько я помнил, ни Изабелла, ни Стах, ни Эвелина Петровна никого и никогда к себе домой не приглашали. Если случалось, что кто-то из любопытных соседок хотели под разным там предлогом попасть к пани Ставской, тогда она выслушивала таких нахальных у самого порога наверху и тут же прощалась. Так что, когда Изабелла пригласила меня подняться к ним, я был удивлен, хотя и понимал, что к чему.

И все же мне пришлось выполнить просьбу Изабеллы. Я еще только поднимался по ступенькам, а уже несколько любопытных соседок с замиранием сердца наблюдало за моим «походом» на второй этаж. Никто из них не понимал, чего меня потянуло наверх. И это их мучило. Они терялись в догадках: к кому я иду — к Эвелине Петровне или к Изабелле?

Я же думал, что дома будет одна Изабелла. Когда же я вошел в квартиру, вдруг услышал:

— О-о, милый Натан заглянул в наше гнездышко. Добро пожаловать, — и Эвелина Петровна так нежно и ласково приветствовала меня, будто не видела много лет и была со мной в самых добрых отношениях. «Неужели, — мысленно рассуждал я не без душевного содрогания, — она внутренне уловила, что я грезил по ней!»

Она встала из-за швейной машинки и, играя бедрами, хитро улыбаясь своими маленькими синими глазками, подплыла ко мне. Она обняла меня и так крепко при этом притянула к себе, что я, грешным делом, подумал, что Изабелла завела меня домой по просьбе матери. «Неужели Изабелла уйдет и оставит меня с матерью?! — терялся я в догадках. Признаться, я очень хотел этого. Я желаемое выдавал за действительное. Я же не знал об их планах, а потому и заблуждался...

— Изабелла, я схожу в магазин кое-чего купить, а ты занимайся с Натаном. И смотри, пока я не приду, ты его не отпускай. Надо будет его угостить чем-нибудь вкусненьким, — многозначительно и многообещающе произнесла Эвелина Петровна своим нежным, обволакивающим, проникающим голосом.

И мы остались с Изабеллой одни. Расположились за обеденным столом на веранде. Так как я прежде никогда у них не бывал, то поневоле стал смотреть по сторонам. Мне было интересно узнать, как они в этом «гнездышке» живут.

— Ты, наверное, хочешь посмотреть, как мы тут живем? — будто угадав мои мысли, пролепетала Изабелла. — Милости просим. Давай совершим небольшую экскурсию. Вот в этой комнате мы спим с мамой. За этой швейной машинкой она и работает. А здесь, в первой комнате, спит Стах. Вот его письменный стол.

— Это очень темная комната, — заметил я.

— Да, к сожалению, из-за веранды сюда мало поступает света. Поэтому стол и поставили ближе к окну, выходящему на веранду. Он все равно пользуется настольной лампой.

— Зимой не холодно?

— Да, бывает. Ведь внизу проход к воротам. Оттуда и задувает из-за сквозняков. Поэтому, как видишь, мы полы застлали коврами. И ничего — спасает.

Осматривая квартиру пани Ставской, я краем глаза стал впервые изучать фигуру юной красавицы, на которой был летний, плотно облегающий халатик. Изабелла хорошела, конечно, с каждым днем. Она была уже настоящей барышней: холененькая, всегда с иголочки одетая, но такая же высокомерная и знающая себе цену, как матушка. Единственным ее недостатком, пожалуй, являлся ее низенький рост. Она даже до роста матери не дотянула, отчего казалась куклой, удачно изготовленной мастером. Ее белокурые во-

лосы, карие глаза, ровненький, маленький носик, высокий лоб, толстенькая нижняя губка с родинкой под ней — все это украшало ее красивую головку, делало Изабеллу обворожительной и притягательной. Соски ее грудей четко и выпукло выделялись из-под халатика. Ее узкая талия, широкие бедра вызывающе манили. До того все в ней соблазняло человека, что невольно хотелось все это пощупать руками и поласкать.

Так что эта юная кукла так соблазняла меня, что я готов был забыться в ее объятиях. Но между тем, я упорно размышлял над тем, почему пани Ставская оставила нас одних, хотя такой маневр был мне в какой-то степени и ясен: видимо, у Изабеллы сегодня была одна цель — соблазнить меня. Я вспомнил слова долговязого Леньки, который в страхе произнес: «А-а, потом все свалит на меня одного...»

Понимая все это, я теперь старался сдержать свой пыл. Я сел за стол и деловито бросил:

— Давай-ка посмотрим, что ты там насочиняла.

Она нехотя и медленно протянула мне свой черновик, и я стал изучать ее «труд».

Сам стиль, содержание письменной работы — как все это может помочь психологу распознать внутреннюю душевную сущность человека, его характер, его взгляды и устремления, его желания! Покачивая головой в знак крайнего удивления, я однако же исправил в сочинении все, что можно было, и решил объяснить ей ее ошибки. Но тут я обратил внимание на ее отсутствующий взгляд. Она находилась в другом, своем мире и вовсе не слушала меня. «В общем так, — пришел я мысленно к выводу, — ей нужен был я, а не мои объяснения и исправления...» Изабелла продолжала мило улыбаться и таинственно заглядывать мне в глаза. Я же еле сдерживал свою страсть. Я готов был сейчас же схватить ее, потащить на диван и... заняться с ней любовью.

Заметив в моих глазах этот огонь желаний, она несколько раз по разному поводу вставала с места, демонстрируя передо мной свои прелести. Я был в том состоянии, когда голова, как после выпитого вина, бывает в тумане.

Несмотря на свой сексуальный порыв, я все же всячески стремился утихомирить его. «Вот отдастся мне эта юная красавица, — рассуждал я про себя, — а потом наговорит на меня, будто я был

первым в ее жизни мужчиной. И тогда иди и доказывай, что ты не верблюд. Она наверное и не догадывается, что я в подробностях знаю, как она отдалась сразу нескольким мальчишкам. И тем более — родному брату... Нет, милашка, не выйдет. Дураков нет. Какой бы ты соблазнительной ни была, но я не сдамся. Другое дело, если бы не было того «подвального» случая...» Эти рассуждения и охладили мой пыл.

— Да, я вспомнил, — прервал я свои и ее мысли. — Ко мне должен прийти мой друг, — объявил я, посмотрев на часы. — Так что ты извини. Я побежал.

Как я был рад, что у меня хватило сил не только сдержать свои желания, но и хитро придумать предлог, чтобы убежать.

Прошло месяца два, и я успел позабыть о своем посещении «гнездышка» пани Ставской. Но тут вдруг в один из последних дней лета произошло еще одно событие, когда Изабелла сделает еще одну попытку заманить меня в свои сети.

В тот вечер, когда в воздухе чувствовалась духота, двери у всех соседей были открыты настежь: кто возился у своих керогазов, кто просто сидел в тени. Как всегда, под тутовником мужчины играли в нарды, «резались» в дурака. В общем все искали спасения от духоты. Я тоже сидел у открытой двери в коридоре и читал книгу. Я знать не знал, что в этот воскресный вечер у «Страха» была свадьба и что она проходила в доме невесты. Вдруг во двор вошла веселая, смеющаяся Изабелла и громко, почти развязно заявила:

— О-ой, я сегодня выпила так много шампанского у Стаха на свадьбе, ха-ха-ха... — балагурила она.

Судя по приближающемуся голосу, я понял, что юная красавица направляется в нашу сторону. Все соседи с повышенным интересом наблюдали за действиями пьяной Изабеллы.

— Тетя Ахсо, а я к вам, — озорно обратилась она к моей матери. — А Натан дома?

— Дома, дома, — ответила мать, улыбаясь.

Я прежде никогда не видел Изабеллу выпившей и такой развязной. Я был удивлен, что эта гордая, по-своему высокомерная девушка так запросто и открыто кидается мне на шею. Но я и догадывался, что это была вторая атака Изабеллы по моему захвату в плен. В другой раз, быть может, я с удовольствием согрешил бы с этой аппетитной блондиночкой...

— Мне можно зайти? — щебетала Изабелла, немного покачиваясь от выпитого вина.

— Можно, — в тон ей так же весело ответила мама. — Чего же нельзя...

— Ой, тетя Ахсо, я сегодня столько выпила... Я пьяная. Так где же Натан? — лепетала она, входя в дом. — О-о, вот и Натан!

Я вошел в комнату (не хотел, чтобы нас слышали соседи, навострившие уши), и она последовала за мной, воркуя о чем-то.

— Тетя Ахсо, могу ли я с Натаном остаться наедине? — бормотала она. — Я хочу с Натаном пообщаться. Знаете, почему — не столько для матери, сколько для меня объясняла она. — Потому что я его больше всех люблю! — с наигранной веселостью щебетала она...

Я пригласил ее присесть на диван и сам примостился рядом с ней.

— Натан, я действительно пьяная. Ты представляешь? — закрыв глаза, тяжело вздохнула она. — Натан, целуй меня. Я хочу, чтобы ты целовал меня, слышишь? Могу я так хотеть? — просила она, откинувшись на спинку дивана.

Я был ошарашен таким поведением девушки. Я не знал, как себя вести. «Она еще захочет, чтобы я занялся с ней любовью прямо здесь...» — с тревогой подумал я.

И все же я решил удовлетворить ее желания.

— Нет, ты в губы целуй меня, а не в щеки, — куражилась она. — Ты не бойся, я не заставлю тебя жениться на мне. Я просто желаю тебя — и все! Ну, пожалуйста, целуй меня...

Она просила, умоляла, настаивала. Я же тем временем думал над тем, как все же она была хороша собой! Если бы она только знала, как я хотел ее! У меня уже не было сил сдержаться, и я стал целовать ее нежно. А затем, увлекшись, начал осыпать ее горячими, жгучими поцелуями. А она под моим натиском свалилась на диван и, еле шевеля губами, шебетала:

— Делай со мной, что хочешь. Сегодня я твоя. Почему ты ко мне относишься с недоверием? Как это несправедливо. Я ж тебя, дурачка, люблю. А выпила так много только для храбрости. И мама Эвелина тебя любит. О-о, как она тебя любит! Не поверишь, она сегодня сказала, что будь она чуть помоложе и чуть решительнее, завела бы с тобой любовную связь... А мама у меня хороша! Правда? Одним словом, она сумасбродная, темпераментная полька. О-о, красивые

польки — опасные женщины: они могут всю кровь высосать из своих любовников и не пожалеть об этом, — бормотала Изабелла с закрытыми глазами.

Продолжая лежать, она обхватила меня за шею, притянула к себе и целовала, целовала...

— Обласкай меня, мое тело, — просила она, находясь в каком-то бредовом состоянии.

И я выполнял все ее просьбы. А про себя сквозь туман, опутавший голову, рассуждал: «А ты коварна, моя милая блондиночка. Позволь я себе заняться с тобой любовью, так ты сразу и захомутаешь меня! И это после подвального случая, после того, как родной брат согрешил с тобой!»

Конечно же не воспользоваться такой возможностью — заняться с ней сексом — для меня, никогда прежде не бывавшего в женских объятиях, было грешно, но меня сдерживало от такого соблазна и более весомое, на мой взгляд, аргументирование: «Как можно было без любви совершать половой акт?» Я понимал это так: если позволю себе такое, то я должен буду, просто обязан буду на ней жениться.

Как бы мудро и решительно я ни рассуждал, все же я начинал терять самообладание. И настолько, что я готов был забыть, что рядом находится мать, что готов слиться с Изабеллой в одно целое. Да, кровь ударила мне в голову. Да, я опьянел и весь горел от нетерпения... Но подсознательно я понимал, что этого делать нельзя! Я просто-таки приказывал себе. Я боролся с собой, со своими эмоциями, страстью. Но когда я чувствовал, что уже теряю контроль над собой, тогда сквозь сексуальный туман я слабо, будто теряю сознание, думал: «Чего это мать никак не войдет? Неужели она хочет, чтобы я женился на этой коварной юной красавице? Если нет, то почему она не помешает Изабелле завоевать меня?»

— Ну, как вы здесь? — наконец услышал я голос матери. — Идите кушать.

— Э-эх, тетя Ахсо. Не любит меня ваш Натан. Нет, не любит... А жаль... — приподнявшись с дивана, защебетала Изабелла, разочарованная во мне. — А я-то, дура, думала, что Натан любит меня без памяти. Почему мне так казалось?

Она встала, бесцеремонно опустила платье и с гордо поднятой головой направилась к выходу, уже не глядя на меня, будто меня уже для нее не существовало. Я же как сидел на диване, так и про-

должал сидеть там. Я был и потрясен, и сконфужен от всего произошедшего.

— Тетя Ахсо, это ничего, что я люблю вашего Натана? — с глубокой тоской в голосе спрашивала Изабелла. — Да? А он меня обидел. Да, да, обидел. Он отверг меня, мою любовь... Конечно, если бы я не выпила, он никогда не узнал бы о моей к нему любви. Он не только не ответил мне взаимностью, но еще хуже — не захотел меня как женщину. Да-а, крепко он меня обидел. А жаль.

И она, слегка пошатываясь и что-то бормоча про себя, двинулась к себе на второй этаж.

А затем в жизни семьи пани Ставской произошли следующие события. Сначала вернулся из тюрьмы ее муж Ашот. Зная, что красавица-жена ему все время изменяла, он развелся с ней и женился на другой женщине. Сын Стах, женившись на девушке и узнав, что она забеременела от другого, с горя увлекся наркотиками. Но самым тяжелым ударом для Эвелины Петровны была скоропостижная смерть ее друга-любовника. Говорят, от сердечного приступа. Если раньше Эвелина Петровна могла ходить с высоко поднятой головой, то теперь она выглядела мрачнее тучи. Она чувствовала на себе раздраженные, злорадствующие взгляды соседей и уже не могла их терпеть. И 37-летней красавице пани Ставской наконец удалось обменять квартиру. А вот, когда она уехала с дочерью в столицу республики, почему-то никто во дворе не помнит.

Вскоре жизнь так завертела меня, что я надолго позабыл об этой семье. Лишь спустя пятнадцать лет, когда судьба и меня с семьей забросила в столицу, я случайно столкнулся на улице с блондинкой Изабеллой. Она была такой же маленькой, обаятельной, но уже слегка раздобревшей куклой. На ее белокожем лице четко выделялись два нездоровых румянца.

— Натан?! — вскричала Изабелла от неожиданности.

— Изабелла?! — воскликнул и я, крайне удивившись ее возникновению передо мной.

Мы инстинктивно кинулись друг другу навстречу, обнялись и поцеловались.

— Быстренько запиши наш адрес, а то я опаздываю на работу, — поторопила она меня. — Вечером мы ждем тебя. Мама будет рада видеть тебя. — И уже уходя, добавила. — Тебя, наверное, удивил мой нездоровый румянец на щеках. Печень и почки больны у меня...

Я записал их координаты, и мы разбежались.

Вечером, купив торт, я отправился к ним домой. Признаться, мне очень хотелось узнать, как за эти годы сложилась жизнь у двух блондинок — матери и дочери и как теперь выглядит красавица пани Ставская: как-никак, а прошло целых пятнадцать лет!

Открыла Изабелла. Она так обрадовалась моему приходу, что с возгласом «Вот и Натанчик пришел!» бросилась мне на шею. Она стала меня бесцеремонно и жадно целовать, визжа и выкрикивая:

— Слышишь, мама? Натан пришел! Твой любимчик заявился!

— Слышу, слышу, не глухая, — весело проворчала Эвелина Петровна своим подкупающим, ласковым голосом из другой комнаты.

Мне не терпелось посмотреть на женщину моих юношеских грез. Изабелла взяла меня за руку, завела в комнату, где за швейной машиной сидела пани Ставская. Она подняла кверху очки, посмотрела на меня смеющимися синенькими глазками, затем быстро встала и вошла в мои объятия. Обнимая и целуя ее, я мысленно упрекал эту обаятельную женщину: «Где же вы были в те годы, когда я так страстно жаждал это ваше тело!? Почему же однажды там, в нашем дворе, вы не затащили меня к себе в постель?»

Я выговаривал ее и одновременно крепко прижимал к себе. Она и сейчас в свои 52 года была хороша! Ее тело и сейчас возбуждало и вызывало во мне трепет и желание овладеть им. Я целовал ее в губы, шею, щеки, в белокурые волосы... Конечно, она знала, или в крайнем случае догадывалась, что я всегда хотел ее. И она благодарно обнимала меня, притягивая мою голову к себе, чтобы самой целовать меня. Картина была довольно странной. Со стороны могло показаться, что встретились двое влюбленных, которые много лет были в разлуке. Но Изабеллу, наблюдавшую за нами, вовсе не смущал такой взрыв чувств, потому что она знала, как я и ее мать всегда желали друг друга. Поэтому, думая, что мы не удержимся и сейчас же займемся любовью, вышла в свою комнату, оставив нас одних. Как Эвелина Петровна ерзала в моих объятиях! Наше приветствие переходило всякие границы. Мои руки блуждали по ее бедрам, талии... Такова была сила ее обаяния, прелесть ее тела!

— Как я хотел видеть вас, редкую женщину-красавицу! — говорил я как в бреду.

— Ой, Натанчик, миленький, я уже старею, — кокетливо ворчала она в ответ, улыбаясь своими синими глазками. — Кому теперь я нужна, — хитро сетовала она, стремясь крепче прижаться ко мне.

— Эх, Эвелина Петровна, Эвелина Петровна, — с тяжелым вздохом многозначительно произносил я, продолжая держать ее изумительное тело в своих объятиях.

— Говорила я, что мама будет очень рада?! — не выдержав и войдя в мамину комнату, заговорила Изабелла.

— Ты будешь приходить к нам? — шепотом томным голосом спрашивала меня пани Ставская.

Она была в полупьяном состоянии и чувственно дышала мне в лицо, уже готовая отдаться.

— Да, — так же шепотом отвечал я.

А сам про себя продолжал с некоторым раздражением ворчать: «Где ж вы были, красавица, когда я часто по ночам бредил по вас?! Почему тогда не отдались мне?»

Когда же Эвелина Петровна, насладившись моими ласками, отпустила меня, я ушел к Изабелле.

— Ты замуж вышла? — придя слегка в себя, спросил я младшую блондинку.

— Нет, — с тоской в глазах ответила Изабелла. — Я закончила техникум, работаю на заводе. Там познакомилась с парнем-армянином. Суреном его зовут. Мы с ним живем гражданским браком. Он должен сейчас прийти. Увидев тебя, приревнует.

— А что со Стахом?

— Он стал наркоманом. У него умерла жена от рака. После этого он и переехал сюда. Женился во второй раз и живет у жены. Пока она его терпит. Он-то и доконал мать. Работал на заводе в конструкторском бюро. Все шло вроде бы нормально. А потом выгнали: кому нужен наркоман? Он же колется. Как только у него не хватает денег, он высасывает их у матери. А она с таким трудом их зарабатывает...

Она на минуту замолчала. Затем, выразительно заглянув мне в глаза, спросила:

— Натан, все эти годы меня мучает один вопрос: почему ты, когда я со свадьбы Стаха пришла к тебе пьяной и предложила тебе себя, ты не захотел взять меня. А ведь за мной увивались так много парней!

Задав этот вопрос, Изабелла продолжала смотреть мне в глаза своим проникающим взглядом, будто собиралась в них прочитать ответ.

С минуту я молчал. Признаться, я оказался в затруднительном положении и просто не знал, что и как ответить ей, хотя объяснение, как говорится, лежало на поверхности.

— Ты хочешь, чтобы я тебе сказал правду? — с неловкой улыбкой и интригующе спросил я у нее. — Может, не надо?

— Нет, хочу правды! — твердо настояла она.

— Что ж, тогда слушай, — тяжко вздохнув, начал я решительно. — Да, ты мне нравилась. Но в те годы я, если честно, мечтал только об Эвелине Петровне. Я по ночам в постели мысленно раздевал твою мать, целовал ее, ласкал ее тело и занимался с ней любовью. Я страдал. Я жаждал ее! Я жил этим. А ты нравилась мне совсем по-другому. С тобой я не мог себе позволить того, о чем я думал делать с твоей матерью. Во-вторых, ты была несовершеннолетняя. В-третьих, я уже знал, причем в подробностях, о твоем подвальном позоре. В-четвертых, меня особенно покоробил тот факт, что с тобой занимался половым сношением твой родной брат Стах... Это было омерзительно!

— Как? — ужаснулась Изабелла. И не тому, что я знал о ее позоре, а тому, что с ней занимался сексом родной брат.

— Вот подлец! Вот мерзавец! Он всегда был негодяем! — сразу горько зарыдала Изабелла. — Был бы хорошим, наркоманом не стал бы, подонок! Туда ему и дорога, — продолжая глухо рыдать, с огромной печалью голосила она. — Это Герман, сволочь такая, обманул меня, соблазнил. А этот... подонок... Как он мог с сестрой? Да еще на глазах у этих мерзавцев...

— Ты чего там захныкала? — с беспокойством спросила Эвелина Петровна из своей комнаты. — Случилось что?

— Ничего, мама, ничего. Просто вспомнили кое-что из нашей жизни в том дворе...

Мне стало жаль эту маленькую, тридцатилетнюю, больную, но все еще прелестную куклу.

— Значит, ты знал о том случае? Вот твари! А ведь обещали, что никому не разболтают, — продолжала она обливаться горькими слезами. — Кто знает, как все могло бы в моей жизни обернуться, не будь того случая... Или хотя бы не разболтай они об этом...

— И ты хотела, чтобы я после этого лег с тобой в постель?! У тебя наверняка была задумка влюбить меня в себя, отдаться, чтобы я потом женился на тебе. Была? Скажи правду, — решительно потребовал я от нее ответа.

— Да, была, — так же твердо сквозь слезы призналась она.

В дверь постучали. Изабелла быстро вытерла слезы и пошла открывать.

— Пришел Сурен, мой друг, — нарочито громко сообщила она. — А это наш сосед Натан. Я тебе рассказывала о нем, — кисло объяснила Изабелла, представляя меня.

— А-а, это тот самый Натан? — недружелюбно и довольно агрессивно спросил Сурен, кивнув головой в мою сторону и не подав мне руки.

— Да, — с какой-то тревогой ответила Изабелла.

Признаться, меня эти реплики поразили и насторожили. Я сначала подумал, что она, наверное, наговорила ему, что это тот самый Натан, который ей когда-то нравился. Затем, поняв, что это пахнет чем-то более серьезным, я рассудил про себя: «Нет, здесь что-то не то и не так...»

— Ну и дела, — между тем буркнул Сурен.

Я уже ничего не понимал. «Неужели, — подумал я, — она сочинила для этого типа легенду о потери своей девственности от меня? Неужели она все свалила на меня, безвинного? Неужели она устроила эту встречу для того, чтобы доказать своему хахалю, что вот, мол, какой красавец-парень испортил ее? И таким образом взяла грех на душу?!»

Я был поражен. Иначе, думал я, почему этот парень должен смотреть на меня ненавидящими глазами. Что я ему сделал такого? «Ну и коварная же ты, блондиночка! И твой брат был таким же дерьмом, как ты. Словом, куклочка, одного вы все поля ягодки», — теперь зло рассуждал я.

И все же я был доволен своим «походом» к ним. Я много узнал, о многом догадался...

— Ну, я пойду, — резко встал я. — Пойду попрощаюсь с Эвелиной Петровной, — сказал я и зашел к пани Ставской.

— Не повезло мне, Натанчик, в этой жизни, — с глубокой тоской в голосе произнесла Эвелина Петровна. — И детям не повезло, и мне... Все мы в одночасье оказались несчастными... Наверное, так было угодно богу.

«Нет, милая красавица, — рассуждал я по дороге домой, — нет. За удовольствие в жизни надо платить. Вы это лучше других знаете. Каждый человек является хозяином своей судьбы. Так что во всем виноваты вы одни! Гуляла при муже, гуляла вовсю после его заключения... И гуляла-то в открытую... По сути дела, на глазах у своих взрослых детей! Они ведь все видели, все понимали. А вам в порыве

страсти не до них было... Вам нужно было удовлетворить свой сексуальный порыв и решить финансовые проблемы. Вы продавали свое тело за денежки... И то, что произошло с вашей дочерью в подвале, имело логическое объяснение, обоснование: девочке захотелось понять, чем же таким интимным занимается мама, когда приходит этот дяденька. И почему мама сразу выгоняет ее и брата на улицу, когда заявляется ее «друг». Да, пани Ставская, это вы изуродовали и свою жизнь, и жизнь своих детей. Одним словом, что воспитали, то и получили. Как аукнется, так и откликнется. Так что ничто не проходит бесследно. У вас, пани Ставская, получилось довольно просто: тело есть, ума не надо. А то, что так было угодно богу — это вы лукавите, дорогая красавица».

Вот какие мысли появились у меня после того, как Эвелина Петровна поплакалась мне, сказав, что жизнь у нее не удалась...

Рассуждая так, я подумал над тем, что стоит человеку познать душевную сущность кого-то, как к нему меняется отношение, теряется, испаряется прежняя симпатия и на душе становится как-то неуютно, а если честно, то просто гадко. Вот почему я твердо решил, что никогда у них не появлюсь.

Что же касается Стаха, этого омерзительного типа, то мне несколько раз пришлось случайно столкнуться с ним на улицах города. Однажды он при встрече со мной нагло и бесцеремонно попросил у меня денег взаймы. И просил-то так, будто я ему был обязан. Он думал, что я не знаю, что он наркоман. И когда я ответил ему, что у меня с собой нет денег, он зло посмотрел на меня своими уже помутневшими синими глазами, готовый броситься на меня с кулаками.

— Так сходи домой и принеси! — процедил она сквозь зубы.

Он требовал, будто был моим начальником, сверля меня очумелыми глазами. Как я ненавидел его! Как я стал ненавидеть всех их! Как в одночасье разбились вдребезги мои юношеские грезы... «Неужели, — думал я, — для того, чтобы узнать людей, должно пройти так много лет?»

— Знаешь, старина, — ответил я тогда этому «Страху», — я опаздываю на работу, так что ты извини. — Отвернулся и пошел.

В другой раз он встретился мне через год. От его агрессивности не осталось и следа. Теперь он выглядел уже скрюченным, больным и ходил уже как-то кособоко. На сей раз он денег не просил. Он лишь еле вымолвил:

— В поликлинику иду, — глухо произнес он. — Ты наших не видал?

В том же году, когда я случайно встретил на своей улице Изабеллу, она поведала мне много интересного.

— Стах умер. От передозировки. Туда ему и дорога, — холодно и без сожаления бросила она. — А мать, эту стерву, я ненавижу. Проституткой была, проституткой и осталась... Она всю жизнь только себя и любила... Я от нее ушла. Мой начальник добился для меня одной комнаты...

— Ты ему, наверное, отдаешься? — вырвалось у меня как-то невозмутимо и спокойно.

— Да, — так же невозмутимо призналась она.

— А как твой Сурен? — поинтересовался я.

— Я с ним давно рассталась. Ты не поверишь, я застала его в постели с моей мамочкой, этой ненасытной сучкой! Соседи рассказывают, что он до сих пор ходит к ней. Понравилась, значит. Она всегда нравилась мужчинам. Пусть доживает свой век как может... Каждому — свое!

Мы распрощались. Маленькая блондиночка, не торопясь, зашагала прочь. Я же продолжал стоять на месте, обескураженный и пораженный всем услышанным. Я стоял и тупо смотрел ей вслед. А она, сделав несколько шагов, вдруг резко остановилась, повернулась ко мне и произнесла:

— Ты, Натан, на меня зла не держи. Так что извини, если что не так... — и она вытерла выступившие слезы. — Как все могло пойти по счастливому руслу... Как могло...

Сделав два-три шага в мою сторону, она тихо добавила:

— Мать все ждала, что ты придешь к ней. Как она мечтала... о тебе! Нет, она не обо мне думала, о моей судьбе, а о своей похоти... Она была так уверена, что ты появишься... А ты так и не появился. Вот тогда она со зла и затащила к себе в постель этого Сурена. Вот так вот... Если ты заявишься к ней, она и тебя захомутает...

И маленькая блондиночка двинулась дальше. А мне вдруг показалось, что я с этой семьей никогда и не был знаком. У меня почему-то на душе образовалась глубокая пустота...

Москва, сентябрь 2002 г.

И ответил аксакал

Притча

В тот воскресный день во дворе дома белобородого Авшолума и его супруги Миресах суетились все шестеро их детей, родственники, близкие. Приятными хлопотами были заняты, как говорится, и стар, и млад. Все они готовились вечером отметить юбилей Авшолума и его жены. Одни говорили, что им исполнилось по 90, другие — по 100 лет. Как бы то ни было, все оживленно собирались отпраздновать юбилей стариков.

Попросили у соседей несколько обеденных столов, приставили их друг к другу под огромным тутовником, приспособили вдоль столов длинные доски вместо стульев... Выставили четверти с сухим вином, тарелки с закусками и с горячей дулмой, от которой во всем дворе стоял дурманящий запах. Все расселись, встал самый старший сын Авшолума и Миресах Оврум и торжественно произнес:

— Нас, дорогие родители, у вас шестеро? Три сына и три дочери. Мне 70, а самой младшей вашей дочери недавно исполнилось только 50 лет. У вас десять внуков и пятеро правнуков. Все они здесь. Тут также присутствуют все наши близкие и дальние родственники, наши близкие друзья и соседи. Мы сегодня чествуем ваш юбилей — и день рождения, и 80 лет вашей совместной жизни. Здоровья вам, долгих, долгих лет жизни! Выпьем за это!

Через полчаса уже после очередных речей и выпитого вина во дворе стоял сплошной гул. Большинство гостей уже успело позабыть, по какому случаю они тут собрались. И вдруг, когда однажды

установилась относительная тишина, с противоположного от юбиляров края стола раздался зычный голос какого-то парня.

— Дедушка Авшолум, так сколько же вам лет, если старшему Овруму 70?

За длинным столом все сразу замолкли: не принято было старцам задавать подобные вопросы — неэтично было. Но всем было интересно узнать, что же ответит аксакал. Старый Авшолум сделал вид, что не расслышал "дерзкого" вопроса и молчал, поглаживая правой рукой седую бороду.

Еще минут через 20, все тот подвыпивший зычный голос повторил свой вопрос.

— Дедушка Авшолум, так сколько же все-таки вам лет?

За столом опять все примолкли.

Пауза немного затянулась — все с любопытством смотрели в сторону белобородого и его жены.

И вдруг аксакал Авшолум заговорил.

— Ты хочешь знать, сколько нам лет? — начал старый Авшолум с некоторой ухмылкой на губах. — Хорошо, я скажу. Нашему старшему 70. Все эти годы мы с Миресах растили его, воспитывали, когда он болел, болели вместе с ним, переживали за него, когда он уезжал в командировки, с нетерпением ждали его возвращения. Не знали ни сна, ни покоя. Так все 70 лет.

Второму сыну Боруху 67. За эти годы мы со своей старухой столько сил и здоровья отдали ему, пока он дошел до этого возраста. Чего только не было с нами: и сердечные приступы, и бессонные ночи...

Третьему сыну Шельми 65. Одному богу известно, какие дни и ночи мы пережили, пока он твердо не стал на ноги.

Четвертому нашему ребенку, дочери Адессо 60. За нее мы переживали в два раза больше, чем за каждого сына. Дочь есть дочь. Беспокоились, удачно ли выйдет замуж. Не обидят ли родители мужа. Худоре шюкюр (слава богу), все обошлось. Но все ее 60 лет мы думали о ней, волновались, когда она родила первенца, затем второго, третьего...

Частичку наших сердец мы отдали второй дочери Тирисо. Все остатки сил и энергии мы отдавали уже ей, потому что на тот период она была последним нашим ребенком. Ей уже 57.

И наконец нашей самой дорогой, третьей дочери Мозол недавно исполнилось 55 лет. Не буду повторяться, но скажу, что оставшееся тепло наших сердец мы полностью вложили в эту девочку. И назвали

ее Мозол, как вы понимаете, — счастье, чтобы счастливой была. Она у нас самый младший ребенок в семье.

Затем старец Авшолум хитро посмотрел в сторону того, кто задал ему этот каверзный вопрос, и после небольшой паузы, продолжая правой рукой поглаживать свою бороду, спросил:

— Ну как? Подсчитал? А если еще посчитать все те годы, когда мы всю свою душу отдали внукам и правнукам?

— Дедушка Авшолум, но ты не сказал, сколько же все-таки вам с бабушкой Миресах лет, — продолжал неугомонный юноша.

— Так ты сложи все годы наших детей и узнаешь, сколько нам лет! Разве это сложно? Наша жизнь вся была отдана детям, посвящалась им!

— Выпьем за наших дедушку Авшолума и бабушку Миресах. 120 лет жизни вам, дорогие наши, — предложил один из сыновей.

Вопрос к деду

Притча

К дедушке Натану часто приходили в гости его старые друзья. И они заводили разговоры о прошлом, настоящем. Я, как всегда, располагался у дедушкиных ног, положив голову ему на колено. Сидели-то все, как правило, на полу, скрестив ноги. И текли воспоминания. Потом, незаметно, чтобы не мешать ходу их мыслей, бабушка потихоньку стелила перед ними скатерть. И появлялась всякая закуска, выпивка. Пили они в основном дербентское сухое вино. Чокались и при этом, естественно, произносили тосты. Чаще эти короткие речи с пожеланиями здоровья, долгих лет жизни, счастья затем перемежались с предложениями выпить в честь кого-нибудь или чего-нибудь.

Мне было очень интересно слушать их. О чем только они каждый раз ни говорили! Чаще всего память возвращала их к далеким событиям в родном селе Шюкюр. Они все трое были оттуда. Как искрились их глаза, когда мысленно оказывались там! Мне казалось, что они готовы отправиться в родные места, подышать родным воздухом, поглядеть на речку, войти в чудесный, богатый ягодами, лес, пройти пешком километра 2–3 вдоль берега речки до самого Каспия!

Потом, утомившись, они делали паузу, и затем кто-нибудь из них поднимал бокал с вином и произносил тост.

— Счастья вашим детям, — говорил один. — Чтобы вы внуков на руки взяли!

— Ну что, друзья, — выступал через некоторое время другой, — благополучия вашим семьям. Лехаим шолом.

И через 2–3 часа, слегка усталые и от страстных воспоминаний, и от выпитого вина, дедушкины друзья с веселыми шутками, прибаутками отправлялись по домам.

— Деда, — обратился я однажды к дедушке после очередной их встречи. — Деда, вот вы каждый раз, поднимая бокалы, желаете друг другу долгих лет жизни, счастья детям... А что, деда, все ваши пожелания исполняются?

Помню, дед тогда, ошарашенный моим неожиданным вопросом, долго молчал, поглаживая усы и хитро с улыбкой заглядывая мне в глаза. Он, видимо, был, во-первых, удивлен тем, что я, семилетний мальчуган, задал ему такой «взрослый» вопрос, и, во-вторых, он поначалу и не знал, как мне ответить. Я застиг его как бы врасплох. Потом он обнял меня, притянул к себе, чмокнул в лоб и произнес:

— Э-эх, сыночек, дорогой ты мой внучек, разве дело в том, что исполняются наши пожелания или нет. Нет, внучек. А дело в том, что мы, когда произносим тосты, тем самым проявляем друг к другу дружеские чувства. Мы как бы выражаем глубокое уважение друг к другу, свою заботу. Ты понял, внучек?

Теперь я надолго замолчал, потому что мне нужно было переварить услышанное.

— Ты понял, внучек? — заметив мое замешательство, переспросил дед.

— Да, кажется, понял, — ответил я, сделав серьезный вид.

Дед продолжал хитро улыбаться, довольный, видимо, и своим ответом, и тем, что семилетний мальчик задал ему каверзный, но мудрый вопрос.

Содержание

Романтик 5
Горький запах полыни 300
Грешница из райского уголка 371
Прощай, детство! 454
Пани Ставская 480
И ответил аксакал 503
Вопрос к деду 506

Литературно-художественное издание

Беркутов Дмитрий

РОМАНТИК

Публицистический роман, повести, рассказы

Произведения печатаются в авторской редакции

Ведущий редактор *А. Л. Штерн*
Художественный редактор, оформление *В. А. Артемов*
Компьютерная верстка *Ю. В. Вильшанская*

Подписано в печать 10.07.06. Формат 60?90/16.
Гарнитура «NewtonC». Печать цифровая. Печ. л. 32.
Усл.-печ. л. 32. Тираж 120 экз. Заказ № Т-291

Отпечатано в типографии «КДУ»
Тел./факс: (495) 939-40-36
E-mail: press@kdu.ru

ISBN 5-98227-278-7

